

84(4 Recs)

A. 45

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

УФАС)
84(74мер)

83979

Д 45

Диссертация

переплетная за-
ч. 2

100-00

-83979-

24324

0000145850

П73

П73

П73

THE POSTHUMOUS PAPERS
of
THE PICKWICK CLUB
by
CHARLES DICKENS

1837

и(англ)

48

Д 45

ЧАРЛЬЗ ДИКЕНС

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Перевод

А. В. Кривцовой и Евгения Ланна

при участии и с комментарием

Г. Г. Шпета

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

И. Т. Смирин

ТОМ ВТОРОЙ

27724

2011
БИБЛИОТЕКА
Инв. №
83979

АКАДЕМИА
1933

17-62

А. А. МУХОМЕТОВ
Писатель Р. А. Мухометов

А. А. МУХОМЕТОВ

1917

1917

ГЛАВА XXXI,

*которая целиком посвящена юриспруденции и различным
семким знашкам, ее изучившим*

В разных углах и закоулках Темпля разбросаны некие темные и грязные комнаты, где во время судебных вакаций можно видеть в течение целого утра, а во время сессий также и до середины вечера, — почти непрерывный поток адвокатских клерков, входящих и выходящих со связками бумаг, торчащими подмышкой и из карманов. Есть несколько рангов адвокатских клерков. Есть клерк учащийся, который платит за ученье и сам — в перспективе атернии, который имеет открытый счет у портного, получает приглашения на вечеринки: знаком с одним семейством на Гауер-стрит * и другим на Тэвисток-скве-

ре; который уезжает из города на все время больших вакаций поглядывать с отцом, у которого всегда наготове лошади, и каковой клерк является, короче говоря, аристократом среди клерков. Есть клерк на жалованьи — живущий или приходящий. как случится, — который тратит большую часть своих тридцати шиллингов в неделю на развлечение собственной особы. ходит за полдены в театр Эдельфи* по крайней мере три раза в неделю, величественно развлекается после этого в Сидоровых* погребках и является грязной карикатурой на моду, выдохшуюся полгода назад. Есть клерк-писец средних лет, с большой семьей, всегда оборванный и часто пьяный. И есть конторские мальчики, впервые надевшие скюртуки, которые питают важное презрение к школьникам, угощаются в складчину, расходясь вечером по домам, сушеной колбасой и портером*, и считают, что это-то и есть „жизнь“*. Есть другие разновидности рода, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но как бы многочисленны они ни были, их всех можно увидеть в определенные служебные часы, когда они торопливо входят в только что упомянутые места или выходят из них.

В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдаются судебные приказы*, свидетельствуются судебные решения, подвешиваются декларации и приводятся в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретенные для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения служителей закона. В большинстве случаев это низкие, затхлые комнаты, где бесчисленные свитки пергамента, которые прели под спудом в течение прошлого века, распространяют приятный аромат, смешивающийся в дневное время с запахом сухого тления, а в ночное — с различными испарениями, какие исходят от сырых плащей, мокрых зонтов и самых отвратительных сальных свечей.

Вечером, около половины восьмого, дней через десять или неделю через две после возвращения м-ра Пиквика и его друзей в Лондон, в одну из этих контор торопливо вошел человек в коричневом скюртуке с медными пуговицами. Его длинные во-

лосы были старательно примазаны у края потертой шляпы, а запачканные темносерые брюки так туго натянуты на блюхеровские * ботинки, что колени его грозили каждую секунду вырваться наружу. Он извлек из карманов своего сюртука длинную и узкую полосу пергамента, на которой дежурный чиновник поставил неразборчивый черный штемпель. Потом он вытащил четыре листка бумаги того же размера, составлявшие печатные копии пергамента с пробелами для фамилий, и, заполнив пробелы, спрятал все пять документов в карман и торопливо вышел.

Человек в коричневом сюртуке с кабалистическими документами в кармане был не кто иной, как наш старый знакомый — м-р Джексон из конторы Додсона и Фога, Фрименс-Корт, Корихил.

Однако вместо того, чтобы вернуться в контору, откуда он пришел, он направил свои стопы к Сан-Корту * и, войдя прямо в гостиницу „Джордж и ястреб“, пожелал узнать, дома ли некий м-р Пиквик.

— Позовите слугу м-ра Пиквика, Том, — сказала буфетчица „Джорджа и ястреба“.

— Не трудитесь, — сказал м-р Джексон, — я пришел по делу. Если вы мне покажете комнату м-ра Пиквика, я и один дойду.

— Ваша фамилия, сэр? — спросил лакей.

— Джексон, — ответил клерк.

Лакей поднялся наверх, чтобы доложить о м-ре Джексоне, но м-р Джексон избавил его от труда, последовав за ним по пятам и войдя в комнату раньше, чем тот успел издать членораздельный звук.

В этот день м-р Пиквик пригласил своих трех друзей к обеду. Все сидели у камина и пили вино, когда м-р Джексон появился, как было описано выше.

— Здравствуйте, сэр, — сказал м-р Джексон, кивая м-ру Пиквику.

Сей джентльмен поклонился и казался слегка изумленным, ибо физиономии м-ра Джексона он не помнил.

— Я от Додсона и Фога, — сказал м-р Джексон в виде пояснения.

М-р Пиквик встрепенулся при этом имени.

— Обратитесь к моему атерни, сэр, — м-ру Перкеру в Грейз-Инне, — сказал он. — Проводите этого джентльмена, — обратился он к лакею.

— Прошу прощения, м-р Пиквик, — сказал Джексон, спокойно кладя шляпу на пол и достав из кармана кусок пергамента, — но в таких случаях вручение через клерка или агента... вы понимаете, м-р Пиквик?.. Простая предосторожность, сэр, в соблюдении юридических форм. — Тут м-р Джексон бросил взгляд на пергамент и, положив руки на стол и озираясь с приятной и вкрадчивой улыбкой, сказал: — Послушайте, не будем спорить из-за такого пустяка. Джентльмены, кто из вас Снодграс?

При этом вопросе м-р Снодграс вздрогнул так заметно и откровенно, что другого ответа не потребовалось.

— А, я так и думал, — сказал Джексон еще любезнее. — Мне придется слегка обеспокоить вас, сэр.

— Меня?! — воскликнул м-р Снодграс.

— Это только subpoena * по делу Бардль против Пиквика со стороны истицы, — ответил Джексон, выбирая один из листов бумаги и доставая из жилетного кармана шиллинг. — Дело будет слушаться в самом начале сессии, четырнадцатого февраля, по нашему предположению. Мы признали это дело подлежащим специальному * жюри, и в списке значится только десять. Это — вам, м-р Снодграс. — С этими словами Джексон показал пергамент м-ру Снодграсу и сунул ему в руку бумажку и шиллинг.

М-р Тапмен следил за этой процедурой в безмолвном удивлении, как вдруг Джексон повернулся к нему и сказал:

— Если я не ошибаюсь, ваша фамилия Тапмен?

М-р Тапмен взглянул на м-ра Пиквика, но, не усмотрев в широко раскрытых глазах сего джентльмена совета отречься от своего имени, ответил:

— Да, моя фамилия Тапмен, сэр.

— И, полагаю, вот этот другой джентльмен — м-р Уинкль? — сказал Джексон.

М-р Уинкль пробормотал утвердительный ответ, и оба джентльмена немедленно получили от проворного м-ра Джексона по листу бумаги и по шпильке.

— Боюсь, — сказал Джексон, — что вы меня сочтете довольно надоедливym, но мне нужен, с вашего позволения, еще кое-кто. У меня здесь значится имя Сэмюэла Уэлера, м-р Пиквик.

— Пошлите сюда моего слугу, — сказал м-р Пиквик лакею. Лакей удалился, чрезвычайно удивленный, а м-р Пиквик предложил Джексону присесть.

Наступило тягостное молчание, которое в конце концов было нарушено ни в чем не повинным ответчиком.

— Полагаю, сэр, — сказал м-р Пиквик с негодованием, возраставшим по мере того, как он говорил, — полагаю, сэр, что намерения ваших патронов заключаются в том, чтобы попытаться меня обвинить на основании показаний моих же собственных друзей?

М-р Джексон несколько раз похлопал указательным пальцем по левой стороне своего носа, давая понять, что 'здесь он находится не для того, чтобы открывать тайны тюремного двора, и шуточно ответил:

— Не знаю. Не могу сказать.

— Для чего же, сэр, — продолжал м-р Пиквик, — если не для этой цели, были вручены им эти субнены?

— Прекрасная уловка, м-р Пиквик, — отозвался Джексон, медленно покачивая головой, — но она ни к чему не приведет. Попробуйте, беды в этом нет, но из меня немного удастся вытянуть. ✓

Тут м-р Джексон снова улыбнулся присутствующим и, приставив большой палец левой руки к кончику носа, правой рукой привел в движение воображаемую кофейную мельницу, показав таким образом изящную пантомиму (в те времена очень популярную, но теперь, к сожалению, устаревшую), которой он хотел показать, что ему задана трудная работа.

— Нет, м-р Пиквик, — сказал в заключение Джексон, — пусть у Перкера поломают головы над тем, для чего мы вручили эти субнены. Если не угадают, пусть подождут суда и тогда узнают.

М-р Пиквик бросил на непроницаемого гостя взгляд, выражавший крайнее омерзение, и, должно быть, обрушил бы потрясающие анафемы на голову м-ров Додсона и Фога, если бы в этот момент его не остановило появление Сэма.

✓ — Сэмюэл Уэлер? — вопросительным тоном сказал м-р Джексон.

— Правдивейшие слова, какие вы произнесли за много лет, — ответил Сэм с величайшим спокойствием.

— Вот вам subpoena, м-р Уэлер, — сказал Джексон.

— Что это значит на человеческом языке? — осведомился Сэм.

— Вот оригинал, — продолжал Джексон, уклоняясь от требуемого объяснения.

— Где? — спросил Сэм.

— Вот этот, — ответил Джексон, потрясая пергаментом.

— О, так это оригинал? — сказал Сэм. — Ну, я очень рад, что видел оригинал, потому что это очень приятное зрелище, которое веселит душу человека.

— А вот шиллинг, — продолжал Джексон. — Это от Додсона и Фога.

— Как это мило со стороны Додсона и Фога, которые так мало меня знают и преподносят подарок, — сказал Сэм. — Иначе не могу рассматривать, как большую любезность, сэр. Очень похвально, что они умеют вознаграждать добродетель, где бы ее ни повстречали. И вдобавок от этого можно растрогаться.

С этими словами м-р Уэлер слегка потер рукавом куртки веко правого глаза, следуя весьма похвальной манере актеров, когда те изображают семейные патетические сцены.

М-р Джексон был как будто сбит с толку поведением Сэма, но так как сублены он вручил и больше ничего не имел сказать, то сделал вид, будто надевает единственную перчатку, которую обычно носил в руке ради соблюдения приличий, и вернулся в контору доложить о движении дела.

М-р Пиквик мало спал в ту ночь. Ему все время вспоминалось весьма неприятное дело м-с Бардль. На следующее утро он позавтракал очень рано и, пожелав, чтобы Сэм его сопровождал, отправился к Грейз-Нин-скверу*.

— Сэм, — оглядываясь, сказал м-р Пиквик, когда они дошли до конца Чипсайда *.

— Сэр? — отозвался Сэм, подходя к своему хозяину.

— Куда итти?

— По Ньюет-стрит *.

М-р Пиквик продолжал путь не сразу, но в течение нескольких секунд смотрел рассеянно в лицо Сэму и испустил глубокий вздох.

— Что случилось, сэр? — осведомился Сэм.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, — полагают, что это дело будет разбираться четырнадцатого числа будущего месяца.

— Замечательно это-вот совпадение, сэр, — отозвался Сэм.

— Чем оно замечательно, Сэм? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Валентинов * день, сэр, — отвечал Сэм, — регулярно удачный день, день разбора дела о нарушении брачного обещания.

Улыбка м-ра Уэлера не вызвала проблеска веселья на физиономии его хозяина. М-р Пиквик круто повернул и продолжал путь молча.

Они прошли несколько десятков шагов. М-р Пиквик трусил впереди, погруженный в глубокие размышления, а сзади, изображая на своей физиономии самое завидное и непринужденное пренебрежение ко всем и ко всему, следовал Сэм, как вдруг этот последний, всегда стремясь поделиться со своим хозяином теми исключительными познаниями, какими обладал, ускорил шаг, пока не очутился за спиной м-ра Пиквика, и, указывая на дом, мимо которого они проходили, сказал:

— Очень недурная колбасная, сэр.

— Да, кажется, — отозвался м-р Пиквик.

— Знаменитая фабрика сосисок, — добавил Сэм.

— Вот как? — сказал м-р Пиквик.

— Вот как! — с некоторым негодованием повторил Сэм. — Ну еще бы не так! Да благословит бог ваши невинные брови, сэр: ведь здесь, четыре года назад, произошло таинственное исчезновение почтенного торговца.

— Неужели вы хотите сказать, что с ним расправились по способу Берка? * — воскликнул м-р Пиквик, поспешно оглядываясь.

— Нет, не хочу, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Я предпочел бы это. Дело было гораздо хуже. Он был хозяином этой-вот лавки, сэр, и изобрел патентованную паровую машину для непрерывного изготовления сосисок, которая булжничала — и тот проглотила бы, положи вы его близко, и перемолола бы в сосиски, как нежного младенца. Очень гордился он этой машиной, и натурально так оно и должно быть, и бывало простаивал он в погребе, глядя на нее, когда она пущена в ход, пока не впадал в меланхолию от радости. Очень счастливым человеком был бы он, сэр, имея эту-вот машину да еще двух милых малюток в придачу, не будь у него жены, самой злойшей ведьмы. Она всегда ходила за ним по пятам и жужжала ему в уши, пока наконец он не выбился из сил. „Я вам вот что скажу, моя милая, — говорит он: — если вы будете упорствовать в этом-вот развлечении, будь я проклят, если не уеду в Америку, и конец делу“. — „Вы лентий, — говорит она, — поздравляю американцев с такой находкой“. После этого она злоупотребляет еще с полчаса, а потом бежит в маленькую комнату позади лавки, принимается визжать, говорит, что он ее в гроб вгонит, и устраивает припадок, который продолжается добрых три часа. — такой припадок, когда все время визжат и брыкаются. Ну, а на следующее утро муж пропал. Ничего из кассы он не взял и даже пальто не надел — стало быть, ясно, что он не в Америку поехал. Не вернулся на следующий день, не вернулся через неделю. Хозяйка напечатала объявление — если, говорит, вернется, она все простит (и очень это было великодушно, потому что он ничего плохого не сделал). Обыскали все каналы, и с тех пор в течение двух месяцев, как только окажется где мертвое тело, регулярно тащат его примехонько в колбасную лавку. Но ни одно не подошло. Тогда распустили слух, что он сбежал, и она стала вести дело. Как-то в субботний вечер входит в лавку маленький худенький старый джентльмен в большом волнении и говорит: „Вы хозяйка этой лавки?“ — „Да, — говорит, — я“. — „Так вот, — говорит, — сударыня, я пришел сказать, что

ни я, ни моя семья не желаем подавиться ни с того, ни с сего. И это, — говорит, — еще не все, сударыня: разрешите мне сказать, что поскольку вы для производства сосисок не пользуетесь мясом первого сорта, то, думаю, вы согласитесь, что оно должно обходиться вам почти так же дешево, как и пуговицы". — „Как пуговицы, сэр?" — говорит она. „Пуговицы, сударыня, — говорит маленький старый джентльмен, развертывая клочок бумаги и показывая два-три десятка кусочков пуговиц. — Славная приправа к сосискам — брючные пуговицы, сударыня". — „Это пуговицы моего мужа!" — говорит вдова, собираясь лишиться чувств. — „Как!" — взвизгивает маленький старый джентльмен, сильно побледнев. „Теперь я все понимаю, — говорит вдова, — В припадке временного умопомешательства он сгоряча превратил себя в сосиски". Так оно было, сэр, — добавил м-р Уэлер, глядя пристально в лицо уstraшенному м-ру Пиквику, — или же его втянуло в машину; но как бы там ни было, а маленький старый джентльмен, который всю жизнь питал удивительное пристрастие к сосискам, выбежал из лавки, как сумасшедший, и с той поры никто о нем не слышал.

Конец рассказа о трогательном инциденте в семейной жизни застал хозяина и слугу у двери м-ра Перкера. Лаутен, приоткрыв дверь, беседовал с жалким на вид человеком в порывевшем костюме, в продранных башмаках и перчатках. Нужда и страдания — чуть ли не отчаяние — оставили следы на его худой и изможденной физиономии. Он стыдился своей бедности, ибо отступил в темный угол площадки, когда подошел м-р Пиквик.

— Очень печально, — со вздохом сказал незнакомец.

— Очень, — отозвался Лаутен, нацарапав свою фамилию пером на дверном косяке и стирая ее другим концом пера. — Может быть, передать ему что-нибудь?

— Как вы думаете, когда он вернется? — осведомился незнакомец.

— Понятия не имею, — ответил Лаутен, подмигивая м-ру Пиквику, когда незнакомец опустил глаза.

— Вы не думаете, что имело бы смысл его подождать? — спросил незнакомец, задумчиво заглядывая в контору.

— О нет, конечно, нет, — отозвался клерк, слегка передвинувшись к середине двери. — Он, разумеется, не вернется на этой неделе, и неизвестно, вернется ли на будущей, ибо если Перкер уехал из города, он никогда не торопится вернуться.

— Уехал из города! — воскликнул м-р Пиквик. — Боже мой, какая неудача!

— Не уходите, м-р Пиквик, — сказал Лаутен. — У меня есть письмо для вас.

Незнакомец, повидимому, пребывал в нерешительности. Он снова опустил глаза, а клерк хитро подмигнул м-ру Пиквику, словно давая понять, что происходит нечто весьма забавное, хотя в чем тут дело, м-р Пиквик не мог угадать ни за какие блага.

— Войдите, м-р Пиквик, — сказал Лаутен. — Ну-с, м-р Уоти, вы дадите мне поручение или зайдете еще раз?

— Попросите его — может быть, он будет так любезен и сообщит, что предпринято по моему делу, — сказал тот. — Ради бога, не забудьте, м-р Лаутен.

— Нет, нет, я не забуду, — отозвался клерк. — Пожалуйте, м-р Пиквик. До свидания, м-р Уоти. Славный день для прогулки, не правда ли?

Он предложил Сэму Уэлсеру войти вслед за своим господином и, видя, что незнакомец все еще мешкает, захлопнул дверь у него прямо перед носом.

— Такого назойливого банкрота не было с сотворения мира, в этом я уверен! — воскликнул Лаутен, с видом оскорбленного человека швыряя свое перо. — Не прошло и четырех лет, как его дело поступило в Канцелярский * суд, но будь я проклят, если он не приходит надоедать нам два раза в неделю! Пожалуйте сюда, м-р Пиквик, — Перкер здесь; я знаю, что он вас примет. — Чертовски холодно, — добавил он раздражительно, — стоять у двери, теряя время на таких жалких бродяг.

Энергически помешав очень маленькой кочергой угли в очень большом камине, клерк отправился в кабинет своего начальника и доложил о м-ре Пиквике.

— А, уважаемый сэр! — сказал маленький м-р Перкер, суетливо вставая с кресла. — Ну-с, уважаемый сэр, какие новости касательно вашего дела? Еще что-нибудь о наших приятелях из Фрименс-Корта? Они не дремали, мне это известно. Это очень ловкие ребята, очень ловкие!

В заключение маленький человек взял выразительную понюшку табаку, воздавая должное ловкости м-ров Додсона и Фога.

— Они — величайшие негодяи, — сказал м-р Пиквик.

— Да, — сказал маленький человек, — это, знаете ли, зависит от точки зрения, и мы не будем спорить о словах, ибо, разумеется, нельзя ожидать, чтобы вы судили об этих вещах с профессиональной точки зрения. Ну-с, нами сделано все, что нужно. Я пригласил сарджента * Снабина.

— Хороший ли он человек? — осведомился м-р Пиквик.

— Хороший ли он человек! — воскликнул м-р Перкер. — Да благословит вас бог, уважаемый сэр: сарджент Снабин — украшение своей профессии. Практика у него втрое больше, чем у кого бы то ни было в суде, — занят в каждом процессе. Пусть это останется между нами, мы говорим — мы, профессионалы, что сарджент Снабин вертит судом как хочет.

Сделав такое сообщение, маленький человек взял вторую понюшку табаку и таинственно кивнул м-ру Пиквику.

— Они вручили моим трем друзьям субпенны, — сказал м-р Пиквик.

— А! Ну конечно! — ответил м-р Перкер. — Важные свидетели: видели вас в щекотливом положении.

— Но она упала в обморок по собственному желанию, — сказал м-р Пиквик. — Она сама бросилась мне в объятия.

— Очень возможно, уважаемый сэр, — отозвался Перкер, — очень возможно и очень естественно. Иначе и быть не может, уважаемый сэр. Но как это доказать?

— Они вручили субпенну также моему слуге, — сказал м-р Пиквик, меняя тему, ибо вопрос м-ра Перкера слегка ошеломил его.

— Саму? — спросил Перкер.

М-р Пиквик отвечал утвердительно.

— Конечно, уважаемый сэр, конечно. Я знал, что они так поступят. Я бы мог сказать это вам месяц тому назад. Видите ли, уважаемый сэр, если вы берете ведение дела в собственные руки, после того как доверили его своему адвокату, вы должны отвечать и за последствия.

Тут м-р Перкер выпрямился с сознанием собственного достоинства и смахнул с жабо несколько крошек табаку.

— А зачем им понадобились его показания? — спросил м-р Пиквик после двух-трех минут молчания.

✓ — Затем, что вы послали его к истиде с предложением некоторого компромисса, я полагаю, — отозвался Перкер. — Впрочем, большого значения это не имеет; не думаю, чтобы какой-нибудь адвокат многого добился от него.

— Я тоже так думаю, — сказал м-р Пиквик, улыбаясь, несмотря на свою досаду, при мысли о Сэме в роли свидетеля. — Какую же линию действия мы изберем? ✓

— Нам остается только одна линия, уважаемый сэр, — ответил Перкер: — подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, довериться красноречию Снабина, пустить пыль в глаза судье, надеяться на присяжных.

— А что, если решение будет не в мою пользу? — осведомился м-р Пиквик.

М-р Перкер улыбнулся, взял понюшку табаку, помешал угли в камине, пожал плечами и выразительно промолчал.

— Вы хотите сказать, что в таком случае я должен платить возмещение * убытков? — спросил м-р Пиквик, следивший с некоторой строгостью за этим мимическим ответом.

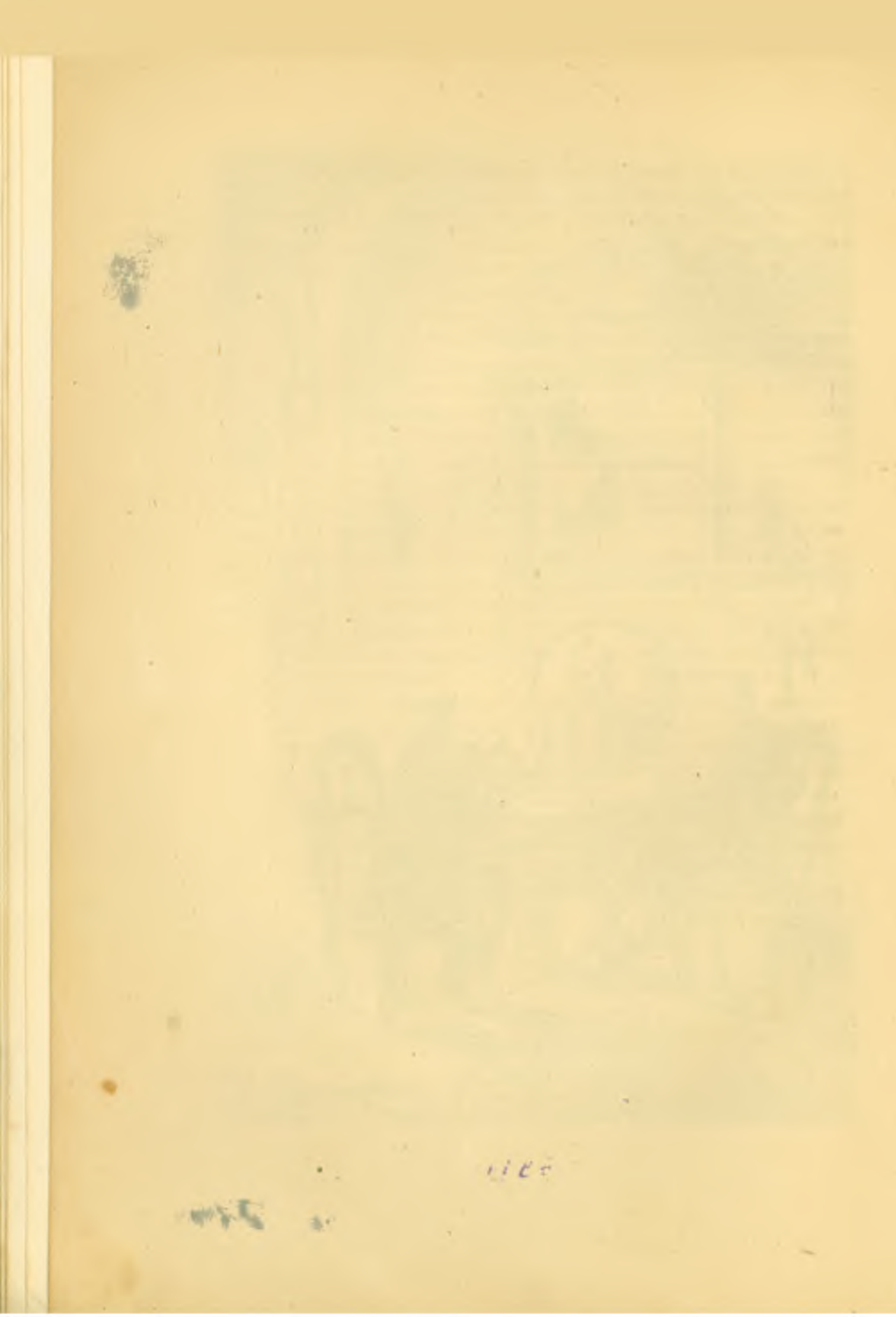
Перкер еще раз помешал угли, что было совершенно излишне, и ответил:

— Боюсь, что так.

✓ — В таком случае я заявляю вам о своем непоколебимом решении не платить ничего, — весьма выразительно произнес м-р Пиквик. — Ничего, Перкер! Ни один фунт, ни один пенни из моих денег не перейдет в карманы Додсона и Фогга. Это мое непреложное и обдуманное мною решение.

М-р Пиквик с силою ударил по столу, подтверждая непреложность своего намерения.

— Прекрасно, уважаемый сэр, прекрасно, — сказал Перкер. — Конечно, вам лучше знать.

— Разумеется, — поспешно ответил м-р Пиквик. — Где живет сарджент Снабин?

— Линкепс-Инн *, Олд-сквер, — ответил Перкер.

— Я бы хотел его повидать, — сказал м-р Пиквик.

— Повидать сарджента Снабина, уважаемый сэр! — с крайним изумлением воскликнул Перкер. — Нет, нет, уважаемый сэр, невозможно! Повидать сарджента Снабина! Да помилует вас бог, уважаемый сэр, слыханное ли это дело, если предварительно не внесена плата за консультацию и не назначен час консультации. Это невозможно, уважаемый сэр, это невозможно!

Однако м-р Пиквик решил, что это не только возможно, но и нужно сделать, и в результате через десять минут после того, как он выслушал заверение, что это невозможно, он был введен своим солиситором в контору самого великого сарджента Снабина.

2724
Это была довольно просторная комната без ковра, с большим письменным столом, придвинутым к самому камину. Сукно, покрывавшее стол, давно отказалось от всяких претензий на свой первоначальный зеленый цвет и постепенно посерело от пыли и времени, за исключением тех мест, где все следы его натурального цвета были уничтожены чернильными пятнами. На столе лежали многочисленные пачки бумаг, перевязанные красной тесьмой, а за столом сидел пожилой клерк, чей прилизанный вид и массивная золотая цепочка от часов служили внушительным показателем большой и прибыльной практики м-ра сарджента Снабина.

— Сарджент у себя в кабинете, м-р Мэлерд? — осведомился Перкер, с величайшей учтивостью предлагая свою табакерку.

— Да, он у себя, — последовал ответ, — но очень занят. Посмотрите-ка сюда: еще не дано ни одного заключения по всем этим делам, а гонорар за каждое уплачен.

При этом клерк улыбнулся и втянул понюшку табаку с увлечением, которое, казалось, вызвано было как любовью к табаку, так и пристрастием к гонорарам.

— Вот это называется практикой, — сказал Перкер.

— Да, — отозвался клерк беристера *, доставая собственную табакерку и предлагая ее с величайшей любезностью. — А лучше всего то, что никто на свете, кроме меня, не разбирает почерка сарджента, и, следовательно, все должны ждать заключения, которое он уже дал, до тех пор, пока я не перепишу. Ха-ха-ха!

— И от этого выигрывает... Мы знаем, кто выигрывает, кроме сарджента... И таким способом вытягивает из клиентов еще кое-что, а? — добавил Перкер. — Ха-ха-ха!

Тут клерк сарджента засмеялся снова — не громким раскатистым смехом, а тихим внутренним смешком, который неприятно было слышать м-ру Пиквику. Когда у человека бывает внутреннее кровоизлияние, это опасно для него самого, но когда он смеется внутренним смешком, это не предвещает добра другим.

— Вы не составили для меня счетика гонораров, которые я вам должен? — спросил Перкер.

— Нет, не составил, — ответил клерк.

— Я бы вас попросил составить, — сказал Перкер. — Дайте мне его, и я вам пришлю чек. Но вы, должно быть, слишком заняты получением наличных денег, чтобы думать о должниках. Ха-ха-ха!

Эта шутка, казалось, польстила клерку, и он еще раз засмеялся тихим смешком.

— Но, м-р Мэлерд, уважаемый друг, — сказал Перкер, вдруг обретая всю свою серьезность и увлекая великого клерка великого сарджента в угол за отворот сюртука, — вы должны уговорить сарджента принять меня и этого моего клиента.

— Что вы, что вы! — воскликнул клерк. — Вот это недурно! Увидеть сарджента! Нет, это слишком нелепо! — Впрочем, несмотря на нелепость предложения, клерк позволил увлечь себя потихоньку в сторону от м-ра Пиквика и после краткой беседы шопотом вышел неслышными шагами в темный коридорчик и скрылся в святилище юридического светила, откуда он вскоре вернулся на цыпочках и уведомил м-ра Перкера и м-ра Пиквика, что ему удалось уговорить сарджента, вопреки

всем установленным правилам и обычаям, принять их немедленно.

М-р сарджент Снабин был человек со впалыми щеками и желтоватым цветом лица, лет сорока пяти, или, как говорится в романах, — ему могло быть и пятьдесят. У него были те тусклые осовевшие глаза, какие часто можно увидеть на лицах людей, предававшихся в течение многих лет утомительным и тягостным кабинетным занятиям, и какие могли и без добавления лорнета, висевшего на широкой черной ленте, которая обвивала шею, предупредить посетителя о том, что он очень близорук. Волосы у него были тонкие и редкие, что отчасти объяснялось постоянным отсутствием времени для ухода за ними, а отчасти ношением в течение двадцати пяти лет адвокатского парика, который в настоящее время висел перед ним на подставке. Следы пудры на воротнике фрака, плохо выстиранная и еще хуже повязанная вокруг шеи косынка свидетельствовали о том, что у него не было времени, вернувшись из суда, произвести какие-нибудь изменения в своем туалете. Впрочем, неприятный вид остальных принадлежностей его костюма навел на мысль, что внешность его не улучшилась бы в значительной степени, если бы у него и было время для этого. Юридические книги, кипы бумаг и распечатанные письма валялись на столе в полном беспорядке; мебель в комнате была старая и расшатанная; дверцы книжного шкафа подгнивали на своих петлях; при каждом шаге пыль взлетала маленькими облачками над ковром; шторы пожелтели от времени и грязи; вид всех предметов в комнате доказывал с несомненной ясностью, что м-р сарджент Снабин был слишком занят своими профессиональными делами, чтобы обращать внимание на личные удобства или заботиться о них.

Сарджент писал, когда вошли его клиенты. Он рассеянно поклонился, когда м-р Пиквик был представлен ему своим поверенным, а затем, предложив им сесть, заботливо опустил ручку в чернильницу, покачал левой ногой и приготовился слушать.

— М-р Пиквик — ответчик по делу Бардль и Пиквик, сарджент Снабин, — сказал Перкер.

— Я выступаю по этому делу? — спросил сарджент.

— Да, сэр, — ответил Перкер.

Сарджент кивнул и ждал продолжения.

— М-р Пиквик горячо желал повидаться с вами, сарджент Снабин, — продолжал Перкер, — чтобы заявить раньше, чем вы займетесь этим процессом, что он отрицает наличие каких бы то ни было данных или основания для возбуждения иска против него; и если бы он не мог явиться в суд с чистой совестью и с добросовестнейшей уверенностью в том, что он прав, отвергая требования истицы, он бы вовсе туда не явился. Мне кажется, я правильно излагаю ваши взгляды, не так ли, уважаемый сэр? — добавил маленький человек, обращаясь к м-ру Пиквику.

— Вполне, — отвечал сей джентльмен.

М-р сарджент Снабин раскрыл лорнет, поднес его к глазам и, поглядев в течение нескольких секунд с любопытством на м-ра Пиквика, повернулся к м-ру Перкеру и сказал, слегка улыбаясь при этом:

— Сильные шансы у м-ра Пиквика?

Атерни пожал плечами.

— Предполагаете вы вызвать свидетелей?

— Нет.

Улыбка на лице сарджента обрисовалась ясней. Он с удвоенной силой качнул ногою и, откинувшись на спинку кресла, с сомнением кашлянул.

Эти признаки дурного предчувствия сарджента, как ни были они мимолетны, не ускользнули от м-ра Пиквика. Он крепче утвердил на носу очки, сквозь которые внимательно наблюдал те проявления чувств беристера *, которые тот позволил себе обнаружить, и сказал с большой энергией и решительно предребегая предостерегающим подмигиванием и пахмуренными бровями м-ра Перкера:

— Мое желание нанести вам визит с такою целью, как моя, сэр, несомненно, покажется весьма необычайным джентльмену, перед глазами которого проходит столько дел подобного рода.

Сарджент старался серьезно глядеть на огонь в камине, но улыбка снова появилась на его устах.

✓ — Джентльмены вашей профессии, сэр, — продолжал м-р Пиквик, — видят наихудшую сторону человеческой природы. Все споры, все недоброжелательство, вся злоба обнаруживаются перед вами. Вы знаете по опыту, изучив присяжных (я отнюдь не осуждаю ни вас, ни их), сколь многое зависит от „аффекта“, и вы склонны приписывать другим желание воспользоваться в целях обмана и эгоизма теми самыми средствами, характер и целесообразность коих так хорошо вам известны, ибо вы сами постоянно ими пользуетесь с совершенно честными и почтенными намерениями и с похвальным желанием сделать все возможное для своего клиента. Право же, я думаю, именно этому обстоятельству следует приписать вульгарное, но весьма распространенное мнение, что люди вашей профессии подозрительны, недоверчивы и чересчур осторожны. Хотя я и сознаю, сэр, сколь невыгодно делать вам такую декларацию при данных обстоятельствах, я явился сюда, ибо хочу, чтобы вы отчетливо поняли, что, как сказал мой друг м-р Перкер, я не повинен в той лжи, в какой меня обвиняют, и хотя я прекрасно сознаю неоценимое значение вашей помощи, сэр, я должен добавить, что если вы мне не верите, я готов скорее лишиться себя поддержки ваших талантов, чем воспользоваться ею.

Задолго до окончания этой речи, которая — мы вынуждены это отметить — отличалась весьма прозаическим характером для м-ра Пиквика, сарджент снова впал в рассеянность. Впрочем, спустя несколько минут, вновь взявшись за перо, он как будто вспомнил о присутствии своих клиентов. Оторвавшись от бумаг, он сказал довольно раздражительно:

— Кто со мной в этом деле?

— М-р Фанки, сарджент Снабин, — ответил атерни.

— Фанки, Фанки, — повторил сарджент. — Никогда не слышал этой фамилии. Должно быть, очень молодой человек.

— Да, он очень молодой, — отозвался атерни. — Он допущен совсем недавно. Позвольте вспомнить... он не состоит при суде и восьми лет.

— А, я так и думал, — сказал сарджент тем сострадательным тоном, каким простые смертные говорят о беспомощном младенце. — М-р Мэлсворт, пошлите за м-ром... м-ром...

— Фанки, Хольборн-корт *, Грейз-Инн, — вмешался Перкер (кстати, Хольборн-корт — теперь Саут-сквер). — Скажите, что я буду рад, если он зайдет сюда на минутку.

М-р Мэлрод отправился исполнять поручение, а сарджент Снабин снова впал в рассеянность, продолжавшуюся до появления м-ра Фанки.

Этот младенец-беристер был вполне зрелым человеком. Он отличался большой нервозностью и мучительно запинался в разговоре. Повидимому, это не был природный дефект, а скорее результат застенчивости, возникшей от сознания того, что его „затирают“ вследствие отсутствия у него средств или влияния, или связей, или наглости. Он был преисполнен благоговения к сардженту и изысканно любезен с атерни.

— Я не имел удовольствия видеть вас раньше, м-р Фанки, — сказал сарджент Снабин с высокомерной снисходительностью.

М-р Фанки поклонился. Он имел удовольствие видеть сарджента и завидовать ему всею завистью бедняка на протяжении восьми лет и трех месяцев.

— Вы выступаете со мной в этом деле, насколько я понимаю? — сказал сарджент.

Будь м-р Фанки человеком богатым, он немедленно послал бы за своим клерком, чтобы тот ему напомнил; будь он человеком ловким, он приложил бы указательный палец ко лбу и постарался вспомнить, имеется ли среди множества взятых им на себя обязательств также и это дело; но не будучи ни богатым, ни ловким (в этом смысле, во всяком случае), он покраснел и поклонился.

— Вы познакомились с документами, м-р Фанки? — осведомился сарджент.

Опять-таки м-ру Фанки следовало притвориться, будто он забыл обо всем, что касается этого дела, но так как он читал те бумаги, какие доставлялись ему по мере развития процесса, и только об этом думал во сне и наяву в течение двух месяцев, когда был назначен помощником м-ра сарджента Снабина, то он покраснел еще гуще и поклонился снова.

— Вот это м-р Пиквик, — сказал сарджент, помахивая пером в ту сторону, где стоял сей джентльмен.

М-р Фанки поклонился м-ру Пиквику с почтением, которое всегда внушает первый клиент, и снова обратил лицо к своему руководителю.

— Быть может, вы проводите м-ра Пиквика, — сказал сарджент, — и... и... и... выслушаете все, что пожелает м-р Пиквик сообщить. Мы, конечно, устроим совещание. — Намекнув таким образом на то, что у него отняли достаточно времени, м-р сарджент Снабин, который постепенно делался все более и более рассеянным, приложил на секунду лорнет к глазам, слегка всем поклонился и снова погрузился в лежавшее перед ним дело, которое выросло из нескончаемого судебного процесса, порожденного поступком некоего субъекта, скончавшегося лет сто тому назад и в свое время загородившего тропинку, ведущую из какого-то места, откуда никто никогда не выходил, к какому-то месту, куда никто никогда не входил.

М-р Фанки не соглашался пройти ни в одну дверь раньше м-ра Пиквика и его солиситора, так что потребовалось не мало времени, прежде чем они попали в Сквер. Добравшись до него, они стали шагать взад и вперед и устроили длительное совещание, результатом коего были выводы, что весьма трудно сказать, каково будет решение; что никто не может предугадать исход дела; что было большой удачей предупредить противную сторону и заручиться участием сарджента Снабина, — и другие заключения, утешительные и выражающие сомнения, обычные при таком положении дел.

Затем м-р Уэлер был выведен своим хозяином из состояния сладкого сна, в который он погрузился на целый час, и, распрощавшись с Лаутеном, они вернулись в Сити.

ГЛАВА XXXII

описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную м-ром Бобом Сойером в его квартире в Баро

Покой витает над Лент-стрит *, в Баро, окутывая пежной меланхолией душу. На этой улице всегда сдается в наем много домов. Это уединенная улица, и ее скука успокоительна. Дом на Лент-стрит не почитался бы первоклассной резиденцией в точном смысле этого слова, но тем не менее это завидное местечко. Если человеку захотелось извлечь себя из мира, уйти за пределы искушения, поставить себя вне всякого соблазна выглянуть из окна, — он должен во что бы то ни стало отправиться на Лент-стрит.

Это счастливое убежище заселяют несколько прачек, кучка поденных переплетчиков, два-три тюремных агента при Суде * по делам о несостоятельности, мелкие квартирохозяева, служащие в доках, горсточка портних с приправою портных, работающих сдельно. Большинство обитателей либо направляет свою энергию на сдачу меблированных комнат, либо посвящает свои силы здоровому и доброму занятию — катанью белья. Характерные черты мертвой природы на этой улице: зеленые ставни, билетики о сдаче комнат, медные

дощечки на дверях и ручки колокольчиков; главные образчики одушевленной природы: мальчишка из портерной, юноша, торгующий пышками, и мужчина, продающий печеный картофель. Население здесь кочевое, обычно исчезающее накануне взноса квартирной платы за квартал, и притом всегда в почные часы. Доходы его величества редко пополняются в этой счастливой юдоли; арендная плата ненадежна, и водопровод часто бывает закрыт.

В тот вечер, на который был приглашен м-р Пиквик, м-р Боб Сойер украшал своей особой один угол у камина в комнате второго этажа, выходящей окнами на улицу, а м-р Бен Элен — другой. Приготовление к приему гостей, видимо, закончилось. Зонты в коридоре были свалены в угол за дверью задней комнаты, шляпа и платок служанки убраны с перил лестницы, не больше двух пар патен * оставалось на цыновке у парадной двери, и кухонная свеча с очень длинным нагаром весело горела на выступе лестничного окна. М-р Боб Сойер самолично купил спиртные напитки в винном погребе на Хай-стрит * и вернулся домой, шествуя впереди того, кто их нес, дабы их не доставили по ошибке в другое место. Пунш был приготовлен в красной кастрюле и стоял в спальне; столик, покрытый зеленой байкой, был взят на время из гостиной и приготовлен для игры в карты; стаканы, имевшиеся в квартире и заимствованные ради такого случая в трактире, выстроились на подносе, поставленном на площадке за дверью.

Несмотря на весьма удовлетворительный характер всех этих приготовлений, темное облако омрачало физиономию м-ра Боба Сойера, сидевшего у камина. Черты лица м-ра Бена Элена, пристально смотревшего на угли, выражали симпатическое участие, и в его голове звучали меланхолические ноты, когда он после долгого молчания произнес:

— Да, это действительно неудача, что ей взбрело в голову скинуть как раз в такой день. Могла бы подождать по крайней мере до завтра.

— Это ее зловредная натура, это ее зловредная натура, — с жаром отозвался м-р Боб Сойер. — Она говорит, что если

у меня есть деньги на вечеришку, значит, они должны у меня быть и на уплату по ее проклятому „счетику“.

— А много там набежало? — осведомился м-р Бен Элен.

Кстати сказать, счет — самый необыкновенный локомотив, какой был изобретен человеческим гением. Он, не переставая, бежит в течение самой долгой человеческой жизни, никогда не останавливаясь по собственному почину.

— Месяца четыре всего-навсего, — ответил м-р Боб Сойер.

Бен Элен безнадежно закашлялся и устремил испытующий взгляд на две штанги камина.

— Будет чертовски неприятно, если ей взбредет в голову разойтись, когда все соберутся, не правда ли? — сказал наконец м-р Бен Элен.

— Ужасно, — отозвался Боб Сойер, — ужасно!

Послышался тихий стук в дверь. М-р Боб Сойер выразительно посмотрел на друга и попросил стучавшего войти; вслед за тем грязная, перипливо одетая девушка в черных бумажных чулках, которую можно было принять за нелюбимую дочь престарелого мусорщика, находящегося в бедственном положении, просунула голову в дверь и сказала:

— С вашего позволения, м-р Сойер, м-с Редль хочет говорить с вами.

Не успел Боб Сойер дать какой-нибудь ответ, как девушка вдруг исчезла, словно кто-то сильно дернул ее сзади. Едва совершилось это таинственное исчезновение, как раздался снова стук в дверь — резкий, отчетливый стук, казалось, говоривший: „Я здесь, и я войду“.

М-р Боб Сойер бросил на своего друга взгляд, выражавший смертельный страх, и крикнул:

— Войдите!

В разрешении не было никакой необходимости, ибо раньше, чем м-р Боб Сойер произнес это слово, в комнату ворвалась маленькая свирепая женщина, дрожащая от негодования и бледная от бешенства.

— Ну-с, м-р Сойер, — сказала маленькая свирепая женщина, стараясь казаться очень спокойной, — если вы будете так добры и уплатите мне по этому счетику, я буду вам бла-

годарна, потому что я должна платить сегодня за квартиру, и хозяин ждет сейчас внизу. — Маленькая женщина потеряла руки и пристально посмотрела поверх головы Боба Сойера на стену за его спиной.

— Мне очень жаль, что я причиняю вам беспокойство, м-с Редль, — почтительно начал Боб Сойер, — но...

— О, тут нет никакого беспокойства, — отозвалась маленькая женщина, произительно захихикав. — Особой нужды в этих деньгах у меня не было до сегодняшнего дня. Во всяком случае, пока мне не нужно было платить их домохозяину, все равно, у кого они были — у вас или у меня. Вы обещали мне, м-р Сойер, заплатить сегодня, и все джентльмены, которые здесь жили, всегда держали свое слово, как и полагается, конечно, всякому, кто называет себя джентльменом.

М-с Редль качнула головой, закусил губы, крепче потеряла руки и воззрилась на стену еще пристальнее. Было совершенно ясно, как выразился впоследствии м-р Боб Сойер, в стиле восточной аллегории, что она „разводила пары“.

— Я очень сожалею, м-с Редль, — начал Боб Сойер с крайним смирением, — но факт тот, что сегодня в Сити я обманулся в своих надеждах! — Замечательное место это Сити. Поразительное количество людей всегда обманывается там в своих надеждах.

— Пусть так, м-р Сойер, — сказала м-с Редль, прочно укрепляясь на пурпурной цветной капусте кидерминстерского * ковра, — а мне какое до этого дело, сэр?

— Я... я... не сомневаюсь, м-с Редль, — сказал Боб Сойер, увиливая от последнего вопроса, — что в начале будущей недели нам удастся уладить все наши счета и в дальнейшем завести другой порядок.

Этого-то и добивалась м-с Редль. Она ворвалась в апартаменты злополучного Боба Сойера с таким страстным желанием устроить сцену, что, по всей вероятности, была бы разочарована в случае уплаты денег. Она была прекрасно подготовлена к такого рода маленькому развлечению, ибо только что обменялась в кухне несколькими предварительными любезностями с м-ром Редлем.

— Вы полагаете, м-р Сойер, — сказала м-с Редль, повышая голос в назидание соседям, — вы полагаете, что я буду попрежнему держать в своей квартире человека, который и не помышляет платить за комнату, не платит даже за свежее масло и колотый сахар к завтраку и даже за молоко, которое подвозят к дверям? Вы полагаете, что работающей и трудолюбивой женщине, которая живет на этой улице вот уже двадцать лет (десять лет в доме напротив и девять лет и девять месяцев в этом самом доме), только и дела, что работать до изнеможения на шайку ленивых бездельников, которые вечно курят, и пьют, и шляются, вместо того, чтобы приняться за какую-нибудь работу и оплатить счета? Вы полагаете...

— Голубушка, — начал м-р Бенджамин Элен умиротворяющим тоном.

— Будьте добры оставьте свои замечания при себе, сэр, прошу вас, — сказала м-с Редль, вдруг обрывая стремительный поток слов и обращаясь с внушительной важностью и медлительностью к посреднику. — Я не уверена, сэр, что вы имеете право вмешиваться в разговор. Мне кажется, я сдаю эти комнаты не вам, сэр.

— Нет, конечно, не мне, — сказал м-р Бенджамин Элен.

— Очень хорошо, сэр, — ответствовала м-с Редль с высокомерной вежливостью. — Тогда, быть может, сэр, вы ограничитесь тем, что будете ломать руки и ноги бедным людям в больницах, и придержите свой язык, сэр, а иначе здесь найдется кто-нибудь, кто заставит вас это сделать, сэр!

— Но вы такая невразумительная женщина, — увещевал м-р Бенджамин Элен.

— Прошу прощения, молодой человек, — сказала м-с Редль, от злости покрываясь холодным потом, — но не будете ли вы столь добры назвать меня так еще раз?

— Я употребил это выражение совсем не в обидном смысле, сударыня, — отозвался м-р Бенджамин Элен, начиная тревожиться уже за себя.

— Прошу прощения, молодой человек, — повторила м-с Редль еще громче и еще повелительнее, — но кого вы называли женщиной? Вы обратились с этим замечанием ко мне, сэр?

— Господи помилуй! — воскликнул м-р Бенджамин Элен.

— Это выражение относилось ко мне, спрашиваю я вас, сэр? — с бешенством прервала м-с Редль, распахивая дверь настежь.

— Ну, да, конечно, — ответил м-р Бенджамин Элен.

— Да, конечно, — подхватила м-с Редль, постепенно пятясь к двери и повышая голос до крайнего предела специально для м-ра Редля, находившегося в кухне, — да, конечно! И все знают, что меня можно оскорблять безнаказанно в моем собственном доме, а мой муж дрыхнет внизу, а на меня обращает внимания не больше, чем на уличную собаку. Как ему не стыдно самого себя (тут м-с Редль всхлипнула), — он допускает, чтобы его жену обижала шайка молодых, которые режут и кромят тела живых людей и позорят мой дом (снова всхлипывание), и оставляет ее беззащитной перед всякими оскорблениями. Низкий, трусливый, жалкий негодяй, который боится подняться наверх и расправиться с грубиянами!.. Боится... боится подняться!

М-с Редль приостановилась, чтобы послушать, разбудили этот повторный вызов ее лучшую половину. Убедившись, что он не возымел успеха, она начала с бесконечными всхлипываниями спускаться по лестнице, как вдруг у входной двери раздался громкий двойной стук; в ответ на него м-с Редль впала в истерику, сопровождавшуюся горестными стонами, которая не прерывалась до тех пор, пока стук не повторился шесть раз; тогда, в припадке душевной муки, она швырнула вниз все зонты и скрылась в задней комнате, с оглушительным треском захлопнув за собой дверь.

— Здесь живет м-р Соьер? — спросил м-р Пиквик, когда дверь была открыта.

— Да, — сказала служанка, — во втором этаже. Дверь прямо перед вами, когда вы подниметесь по лестнице. — Дав это указание, девушка, которая была воспитана среди аборигенов Саутерка*, скрылась, унося свечу вниз, в кухню, совершенно уверенная в том, что она удовлетворила всем требованиям, какие можно было ей предъявить при данных обстоятельствах.

М-р Снодграс, который вошел последним, запер парадную дверь после многих неудачных попыток заложить засов, и друзья, спотыкаясь, поднялись наверх, где были встречены м-ром Бобом Сойером, который не спускался вниз, опасаясь быть перехваченным м-с Редль.

— Как поживаете? — сказал расстроенный студент. — Рад вас видеть. Осторожнее — здесь стаканы.

Это предостережение предназначалось для м-ра Пиквика, который положил свою шляпу на поднос.

— Ах, боже мой, — сказал м-р Пиквик, — простите!

— Не стоит об этом говорить, — отозвался Боб Сойер. — Я здесь живу тесновато, но с этим вы должны примириться, раз пришли в гости к молодому холостяку. Входите. С этим джентльменом вы, кажется, уже встречались?

М-р Пиквик пожал руку м-ру Бенджамину Элену, и друзья последовали его примеру. Едва они успели усесться, как снова раздался двойной стук в дверь.

— Надеюсь, это Джек Хопкинс! — воскликнул м-р Боб Сойер. — Тс... Да, это он. Входите, Джек, входите.

На лестнице послышались тяжелые шаги, и появился Джек Хопкинс. На нем был черный бархатный жилет с ослепительными пуговицами и синяя полосатая рубашка с пристегнутым воротничком.

— Что так поздно, Джек? — спросил Бенджамин Элен.

— Задержался в госпитале у Барта *, — ответил Хопкинс.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет, особенного ничего. Довольно интересный пациент в палате несчастных случаев.

— А в чем дело, сэр? — любопытствовал м-р Пиквик.

— Да так, человек вывалился из окна четвертого этажа, но очень удачно... очень удачно.

— Вы хотите сказать, что больной находится на пути к выздоровлению? — осведомился м-р Пиквик.

— Нет, — беспечно отозвался Хопкинс. — Нет, я скорее сказал бы обратное. Впрочем, на завтра назначена замечательная операция... великолепное зрелище, если оперировать будет Слешер.

— Вы считаете м-ра Слешера хорошим хирургом? — поинтересовался м-р Пиквик.

— Лучшим в мире, — ответил Хопкинс. — На прошлой неделе он ампутировал ногу у мальчика... мальчик съел пять яблок и инбирный пряник... ровно через две минуты, когда все было кончено, мальчик сказал, что не желает больше тут лежать, чтобы над ним потешались, и пожалуется матери, если они не приступят к делу.

— Да неужели?! — воскликнул пораженный м-р Пиквик.

— Ну, это пустяки, — сказал Джек Хопкинс. — Не так ли, Боб?

— Разумеется, пустяки, — ответил м-р Боб Соьер.

— Кстати, Боб, — сказал Хопкинс, бросив едва заметный взгляд на внимательную физиономию м-ра Пиквика, — вчера вечером у нас был любопытный случай. Привели ребенка, который проглотил ожерелье.

— Что он проглотил, сэр? — перебил м-р Пиквик.

— Ожерелье, — ответил Джек Хопкинс. — Не все сразу, знаете ли, это было бы уже слишком; даже вы не могли бы это проглотить, не говоря о ребенке... а, м-р Пиквик? Ха-ха-ха!

М-р Хопкинс, казалось, был весьма доволен своей собственной шуткой и продолжал:

— Нет, вот как было дело. Родители ребенка — бедные люди, живут в переулочке. Старшая сестра купила ожерелье; обыкновенное ожерелье из больших черных деревянных бус. Ребенок, питая пристрастие к игрушкам, утащил ожерелье, спрятал его, играл с ним, перерезал шнурок и проглотил бусину. Ему это показалось ужасно забавным. На следующий день он проглотил еще одну бусину.

— Помилуй бог! — воскликнул м-р Пиквик. — Какая ужасная история. Прошу прощения, сэр. Продолжайте.

— На следующий день ребенок проглотил две бусины; еще через день утостился тремя, и так далее, и наконец через неделю покончил с ожерельем — всего было двадцать пять бусин. Сестра, которая была работающей девушкой и редко покупала какие-нибудь украшения, глаза себе выплакала, потеряв ожерелье; искала его повсюду, но я могу и не гово-

рить, что она его не нашла. Спустя несколько дней семья сидела за обедом — жареная баранья лопатка и картофель; ребенок, который не был голоден, играл тут же в комнате, как вдруг раздался чертовский шум, словно град. „Не делайте этого, мой мальчик“, — сказал отец. — „Я ничего не делаю“, — ответил ребенок. — „Ну, хорошо, только больше этого не делайте“, — сказал отец. Последовало молчание, а затем снова начался шум, еще громче. „Если вы, мой мальчик, не обращаете внимания на то, что я вам говорю, — сказал отец, — вы очутитесь в постели раньше, чем свинья успеет пискнуть“. Он хорошенько встряхнул ребенка, чтобы научить его послушанию, и тут раздалось такое тарахтенье, какого никто еще не слышивал. „Ах, чорт подери, да ведь это у него внутри! — воскликнул отец. — У него крупозный кашель, только не в надлежащем месте!“ — „У меня нет никакого крупозного кашля, отец, — сказал ребенок, начиная плакать. — Это ожерелье, я его проглотил“. Отец схватил ребенка на руки и побежал с ним в больницу. Бусины в желудке у мальчика тарахтели всю дорогу от тряски, и люди смотрели на небо и заглядывали в погреба, чтобы узнать, откуда доносится этот необыкновенный звук. Теперь ребенок в больнице, — сообщил Джек Хопкинс, — и такой поднимает шум, когда двигается, что пришлось завернуть его в куртку сторожа, чтобы он не будил больных!

— Это самый поразительный случай, о котором мне когда-либо пришлось слышать, — заявил м-р Пиквик, выразительно ударив кулаком по столу.

— О, это пустяки, — сказал Джек Хопкинс. — Не так ли, Боб?

— Конечно, пустяки, — ответил м-р Боб Сойер.

— Очень странные вещи случаются в нашей профессии, уверяю вас, сэр, — сказал Хопкинс.

— Я готов этому верить, — ответил м-р Пиквик.

Новый стук в дверь возвестил прибытие большоголового молодого человека в черном парике, который привел с собой цынготного юношу, украшенного высоким жестким галстуком. Следующим гостем был джентльмен в рубашке, разукрашенной

розовыми якорями, и немедленно вслед за ним явился бледный юноша с часовой цепочкой из накладного золота. По прибытии жеманного субъекта в безукоризненном белье и пронаевых ботинках общество было в полном составе. Столик, покрытый зеленой байкой, был выдвинут, первая порция пуниша была подана в белом кувшине, и последующие три часа были посвящены игре в vingt-et-un по шесть пенсов за дюжину фишек, прерванной только один раз легким спором между цынготным юношей и джентльменом с розовыми якорями, когда цынготный юноша изъявил пламенное желание дернуть за нос джентльмена с эмблемами надежды, в ответ на что этот последний выразил решительное свое нежелание принимать какие бы то ни было „угощения“ безвозмездно как от вспыльчивого молодого джентльмена с цынготной физиономией, так и от любого индивида, украшенного головой.

Когда были открыты последние „натуральные“ * и подсчитаны ко всеобщему удовольствию все выигрышные и проигранные фишки и шестипенсовики, м-р Боб Соейр позвонил, чтобы подавали ужин, и пока шли приготовления к нему, гости сбились по углам комнаты.

Подать ужин было не так легко, как это можно было бы себе представить. Прежде всего нужно было разбудить служанку, которая заснула, уронив голову на кухонный стол; это заняло некоторое время, а когда она явилась на звонок, еще четверть часа ушло на бесплодные попытки раздуть в ней слабую и тусклую искру разума. Человек, которому послан был заказ на устрицы, не получил приказаний их открыть. Открыть устрицу обыкновенным ножом или вилкой о двух зубцах — дело не легкое, и потребление устриц оказалось ограниченным. Точно так же ограничено было и потребление мяса; в таких же условиях очутилась и ветчина (взятая вместе с мясом в немецком колбасном магазине за углом). Зато портеру в оловянном сосуде было много, и в большом ходу был сыр, тем более, что он оказался острым. В целом, ужин вышел не хуже, чем бывают обычно такие ужины.

После ужина на стол был водружен второй кувшин пуниша вместе с пачкой сигар и двумя бутылками спиртного. Затем

наступил мучительный перерыв; этот мучительный перерыв был вызван весьма обычным обстоятельством в такого рода обстановке, но тем не менее он был очень стеснителен.

Дело в том, что служанка мыла стаканы. В доме их было четыре; мы отнюдь не считаем это унижительным для м-с Редль, но не существовало еще такого пансиона, где бы хватало стаканов. Хозяйские стаканы были маленькие из тонкого стекла бокалы, а позаимствованные в трактире — большие, раздутые и распухшие сосуды на толстых подагрических ножках. Этот факт сам по себе мог открыть обществу истинное положение дел; но молодая служанка предупредила возможность возникновения по этому поводу ложных представлений в уме кого-нибудь из джентльменов, насильно выхватив у каждого стакан задолго до того, как было выпито пиво, и заявив во всеуслышание, несмотря на подмигивания и предостережения м-ра Боба Сойера, что их следует отнести вниз и немедленно вымыть.

Только очень дурной ветер никому не приносит добра. Жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках, который безуспешно пытался острить во время игры, увидел, что ему представляется удобный случай, и воспользовался им. В тот момент, когда исчезли стаканы, он начал длинный рассказ о великом политическом деятеле, чье имя он позабыл, давшем исключительно удачный ответ другому выдающемуся и знаменитому индивиду, чью личность он никогда не мог установить. Он распространялся довольно долго и с большой добросовестностью о различных побочных обстоятельствах, имеющих некоторое отношение к данному анекдоту, но ни за какие блага в мире не мог припомнить именно в этот момент, в чем состоял анекдот, хотя он и имел обыкновение рассказывать его с весьма большим успехом в течение последних десяти лет.

— Ах, боже мой, — сказал жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках, — какой поразительный случай!

— Жаль, что вы забыли. — заметил м-р Боб Сойер, нетерпеливо поглядывая на дверь, ибо ему послышался звон стаканов. — очень жаль.

— Мне тоже жаль. — отвечал жеманный джентльмен. — потому что я знаю, как бы это всех позабавило. Ну, ничего, надеюсь, мне удастся припомнить этак через полчаса.

Жеманный джентльмен пришел к такому заключению в момент появления стаканов, когда м-р Боб Сойер, который все время напряженно прислушивался, заявил, что ему очень хотелось бы услышать конец рассказа, ибо, если судить по тому, что было сказано, это наилучший анекдот, какой он когда-либо слышал.

Вид стаканов вернул Бобу Сойеру то душевное равновесие, которое он утратил после свидания со своей квартирной хозяйкой. Его лицо просияло, и он готов был окончательно развесялиться.

— А теперь, Бетси... — весьма учтиво сказал м-р Боб Сойер, распределяя в то же время шумную маленькую группу стаканов, которые девушка поместила в центре стола, — а теперь, Бетси, горячей воды, будьте добры, поскорее.

— Никакой горячей воды вы не получите, — ответила Бетси.

— Никакой горячей воды? — воскликнул м-р Боб Сойер.

— Да, — сказала девушка, покачив головой, что свидетельствовало об отказе более решительном, чем может выразить самый красноречивый язык. — М-с Редль велела не давать вам никакой воды.

Изумление, написанное на лицах гостей, вдохнуло новое мужество в хозяина.

— Сейчас же принесите горячей воды, сейчас же! — приказал м-р Боб Сойер с суровостью отчаяния.

— Не могу, — ответила девушка, — м-с Редль выгребла угли из печки, перед тем как лечь спать, и заперла котелок.

— О, неважно, неважно! Пожалуйста не волнуйтесь из-за такого пустяка. — сказал м-р Пиквик, наблюдая борьбу противоречивых чувств, отражавшихся на физиономии Боба Сойера. — Мы прекрасно обойдемся холодной водой.

— О, превосходно! — подхватил м-р Бенджамин Элен.

— Моя квартирная хозяйка подвержена легким припадкам умственного расстройства, — заметил Боб Сойер с бледной улыб-

кой. — Боюсь, что придется предупредить ее об отказе от помещения.

— Ну, нет! К чему же! — посоветовал Бен Элен.

— Боюсь, что придется! — сказал Боб с героической решимостью. — Я ей заплачу то, что должен, и завтра же утром предупрежу.

Бедный малый! Как пламенно желал он это сделать!

Мучительные усилия м-ра Боба Сойера оправиться от этого последнего удара подействовали угнетающе на гостей, большая часть которых с целью поднятия духа проявила чрезмерное пристрастие к холодному грогу, первое заметное действие чего сказалось в возобновлении вражды между цынготным юношей и джентльменом в рубашке. Сначала воюющие стороны выражали взаимное презрение хмурыми взглядами и сопением, пока наконец цынготный юноша не счел нужным перейти к более исчерпывающим объяснениям, после чего имело место следующее вразумительное объяснение:

— Сойер! — громким голосом сказал цынготный юноша.

— В чем дело, Ноди? — отозвался м-р Боб Сойер.

— Мне бы очень не хотелось, Сойер, — сказал м-р Ноди, — говорить неприятные вещи за столом у кого-либо из друзей, и в особенности за вашим столом, Сойер, очень бы не хотелось, но я должен воспользоваться случаем и сообщить м-ру Гантеру, что он не джентльмен.

— А мне бы очень не хотелось, Сойер, устраивать беспорядок на улице, где вы живете, — сказал м-р Гантер, — но боюсь, я буду вынужден потревожить соседей и вышвырнуть за окно субъекта, который только что говорил.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — осведомился м-р Ноди.

— То, что я сказал, сэр, — ответил м-р Гантер.

— Хотел бы я посмотреть, как бы вы это сделали, сэр, — заметил м-р Ноди.

— Вы почувствуете, как я это сделаю, через полминуты, сэр, — отозвался м-р Гантер.

— Я требую, чтобы вы дали мне вашу карточку, сэр, — сказал м-р Ноди.

— Я этого не сделаю, сэр, — возразил м-р Гантер.

— Почему, сэр? — осведомился м-р Ноди.

— Потому что вы поставите ее на камине и будете вводить в заблуждение своих гостей, которые подумают, что у вас был с визитом джентльмен, сэр, — ответил м-р Гантер.

— Сэр, один из моих друзей навестит вас завтра утром, — сказал м-р Ноди.

— Сэр, я весьма признателен вам за предупреждение, и мною будет отдано специальное распоряжение прислуге спрятать под замок ложки.

В этот момент остальные гости вмешались и стали доказывать обеим сторонам неприличие их поведения; после чего м-р Ноди попросил запомнить, что его отец был такой же почтенный человек, как и отец м-ра Гантера; м-р Гантер ответил, что его отец был точь-в-точь такой же почтенный человек, как отец м-ра Ноди, и что в любой день недели сын его отца был не хуже м-ра Ноди. Так как это заявление, казалось, предвещало возобновление спора, последовало новое вмешательство остальных гостей; со всех сторон послышались возгласы и крики, во время которых м-р Ноди постепенно уступил наплыwu чувств и признался, что он всегда питал горячую привязанность к м-ру Гантеру. На это м-р Гантер ответил, что в общем для него м-р Ноди дороже родного брата; услышав такое признание, м-р Ноди великодушно поднялся со стула и протянул руку м-ру Гантеру. М-р Гантер пожал ее с трогательной горячностью, и присутствующие единодушно заявили, что весь спор был проведен обеими сторонами в благороднейшем стиле.

— А теперь, — сказал Джек Хопкинс, — не худо было бы спеть что-нибудь, Боб, для поднятия духа.

И Хопкинс, побуждаемый бурными рукоплесканиями, немедленно и громко затянул „Бог да благословит короля“ на новый мотив, сложенный из двух других: „Бискайского залива“ и „Лягушки“.

Хор играл существенную роль в пении, а так как каждый джентльмен пел на тот мотив, который лучше знал, эффект получался поистине потрясающий.

В конце припева к первому куплету м-р Пиквик поднял руку, как бы прислушиваясь, и сказал, как только было восстановлено молчание:

— Тише! Прошу прощения. Мне почудилось, будто кто-то кричит с верхней площадки лестницы.

Глубокая тишина наступила немедленно. Было замечено, что м-р Боб Сойер сильно побледнел.

— Кажется, опять кричат, — сказал м-р Пиквик. — Будьте добры открыть дверь.

Как только дверь была открыта, все сомнения по этому вопросу рассеялись.

— М-р Сойер! М-р Сойер! — визжал голос с площадки третьего этажа.

— Это моя квартирная хозяйка, — сказал Боб Сойер, озираясь в великом смятении. — Слушаю, м-с Редль!

— Что это значит, м-р Сойер? — продолжал голос весьма пронзительно и скоропалительно. — Мало вам того, что вы денег за квартиру не платите и вдобавок долгов не возвращаете, а ваши приятели, которые осмеливаются называть себя мужчинами, меня ругают и оскорбляют, вам надо еще весь дом перевернуть вверх дном и в два часа ночи поднять такой шум, что вот-вот придет пожарная команда? Гоните этих негодяев!

— Как вам не стыдно! — изрек голос м-ра Редля, доносившийся, казалось, из-под одеяла.

— Вам стыдно! — подхватила м-с Редль. — Почему вы не спуститесь вниз и не сбросите их с лестницы всех до единого? Вы бы это сделали, будь вы мужчиной.

— Я бы это сделал, будь я десятком мужчин, моя милая, — миролюбиво отозвался м-р Редль. — но на их стороне численный перевес, моя милая.

— Тыфу, трус! — отвечала м-с Редль с величайшим презрением. — Намерены вы выгнать этих негодяев, м-р Сойер, или нет?

— Они уходят, м-с Редль, они уходят, — сказал несчастный Боб. — Пожалуй, лучше разойтись, — сообщил м-р Боб Сойер своим друзьям. — Мне кажется, мы слишком шумели.

— Это очень печально, — сказал жеманный джентльмен. — Как раз нам стало так весело!

У жеманного джентльмена только что мелькнул проблеск воспоминания об анекдоте, который он забыл.

— С этим трудно примириться. — озираясь, сказал жеманный джентльмен. — Трудно примириться, не правда ли?

— Не следует мириться, — отозвался Джек Хопкинс. — Своем следующем куплете, Боб. Ну-ка!

— Нет, нет, Джек, не нужно, — перебил Боб Сойер, — это чудесная песня, но лучше нам не петь второго куплета. Очень необузданные люди — жильцы этого дома.

— Может быть, мне подняться наверх и поколотить хозяина? — осведомился Хопкинс. — Или, может быть, начать трезвонить в колокольчик, или выйти и завывать на лестнице? Вы можете располагать мною, Боб.

— Я глубоко признателен вам, Хопкинс, за вашу дружбу и доброту, — сказал злополучный м-р Боб Сойер, — но мне кажется, во избежание дальнейших споров, мы должны разойтись немедленно.

— Ну, что, м-р Сойер, — раздался пронзительный голос м-с Редль, — уходят эти грубияны?

— Они ищут свои шляпы, м-с Редль, — ответил Боб. — Сейчас уйдут.

— Уйдут? — повторила м-с Редль, выставляя из-за перил свой ночной чепец как раз в тот момент, когда м-р Пиквик в сопровождении м-ра Тапмена вышел из комнаты. — Уйдут! А зачем им было приходить?

— Уважаемая сударыня, — начал м-р Пиквик, поднимая голову.

— Проваливайтесь, старый бездельник! — ответила м-с Редль, поспешно сдергивая ночной чепец. — Вы ему в дедушки годитесь, несчастный! Вы хуже их всех!

М-р Пиквик убедился, что доказывать свою невинность бессмысленно, и посему поспешно спустился с лестницы и выбежал на улицу, где к нему присоединились м-р Тапмен, м-р Уинкль и м-р Снодграс. М-р Бен Элен, на которого угнетающе подействовали грог и тревога, проводил их до Лондонского* моста и во время прогулки поведал м-ру Уинклю, как наиболее подходящему поверенному, тайну, что он решил

перерезать горло всякому джентльмену, за исключением м-ра Боба Сойера, который осмелится посягать на любовь его сестры Арабелы. Выказав с подобающей твердостью свое решение исполнить сей мучительный долг брата, он расплакался, надвинул плечу на глаза и, сделав попытку вернуться домой, стал стучать в дверь конторы рынка Баро, изредка задремывая на ступеньках, и стучал до рассвета в твердой уверенности, что он живет здесь, но позабыл свой ключ.

Когда все гости ушли согласно довольно настойчивой просьбе м-с Редль, злополучный м-р Боб Сойер остался один, дабы поразмыслить о возможных событиях завтрашнего дня и увеселениях этого вечера.

ГЛАВА XXXIII

М-р Уэлер старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюэла уплачивает частицу долга преподобному джентльмену с красным носом

Утро тринадцатого февраля, которое — читатели сего правдивого повествования знают это не хуже, чем мы, — было казуном дня, назначенного для слушания дела м-с Бардль, оказалось беспокойным для м-ра Сэмюэла Уэлера, непрерывно путешествовавшего от „Джорджа и Ястреба“ к дому м-ра Перкера и обратно с девяти часов утра и до двух часов дня включительно. Нельзя сказать, что это могло содействовать движению дела, ибо консультация уже имела место, и линия действия, которую следовало избрать, была окончательно определена; но м-р Пиквик, находясь в состоянии крайнего возбуждения, непрестанно посылал записочки своему атерни, содержащие один только вопрос: „Дорогой Перкер, все ли идет хорошо?“ — на что м-р Перкер неизменно отвечал: „Дорогой Пиквик, все идет хорошо, насколько это возможно“. В действительности же, как мы уже намекали, итти

было решительно нечему ни хорошо, ни худо, вплоть до судебного заседания, назначенного на следующее утро.

Но людям, которые добровольно обращаются к правосудию или насильственно и впервые привлекаются к нему, можно простить некоторое временное раздражение и беспокойство, и Сэм с подобающим снисхождением к слабостям человеческой природы исполнял все приказания своего хозяина, и все это с невозмутимым добродушием и ненарушимым спокойствием, которые являлись одним из поразительнейших и приятнейших его качеств.

Сэм утешился весьма недурным обедом и ждал у буфетной стойки стакана горячей смеси, в которой м-р Пиквик посоветовал ему утопить усталость, вызванную утренними прогулками, когда молодой человек ростом около трех футов, в мохнатой шапке и бумазейных штанах, каковой костюм свидетельствовал о похвальном стремлении его владельца занять в будущем высокий пост конюха, вошел в коридор „Джорджа и Ястреба“ и оглядел сначала лестницу, затем коридор, а затем заглянул в буфетную, словно отыскивая кого-то для передачи поручения; вслед за сим буфетчица, считая вероятным, что упомянутое поручение могло коснуться чайных или столовых ложек гостиницы, обратилась к мальчику:

— Эй, молодой человек, вам что здесь нужно?

— Есть здесь кто-нибудь по имени Сэм? — осведомился юноша громким голосом дискантового тембра.

— А как фамилия? — спросил Сэм Уэлер, оглянувшись.

— Откуда мне знать? — живо откликнулся молодой джентльмен под мохнатой шапкой.

— Вы парень смысленный, — сказал м-р Уэлер, — но будь я на вашем месте, я бы эту самую смысленность не слишком показывал. — вдруг кто-нибудь ее утащит. Что это значит, почему вы являетесь в отель и спрашиваете Сэма с такой вежливостью, как будто вы дикий индеец?

— Потому что мне приказал старый джентльмен, — ответил мальчик.

— Какой старый джентльмен? — с глубоким презрением осведомился Сэм.

— Тот, что едит с инсуниской каретой и останавливается у нас. — отозвался мальчик. — Вчера утром он мне сказал, чтобы я пошел сегодня к „Джорджу и Ястребу“ и спросил Сэма.

— Это мой отец, моя милая, — пояснил м-р Уэлер, обращаясь к молодой леди за буфетной стойкой. — Будь я проклят, если он не знает моей фамилии! Ну-с, молодой барсук, что дальше?

— А дальше то, — сказал мальчик, — что вы должны прийти к нему в шесть часов в нашу гостиницу, потому что он хочет вас видеть — „Синий * Боров“, Леднхольский * рынок. Сказать ему, что вы придете?

— Рискните сделать это-вот сообщение, сэр, — ответил Сэм. И получив такие полномочия, юный джентльмен удалился, разбудив при этом все эхо во дворе „Джорджа“, несколько раз с удивительной чистотой и точностью изображая свист погонщика скота голосом, отличавшимся своеобразной полнотой и звучностью.

М-р Уэлер, получив отпуск у м-ра Пиквика, который, находясь в возбужденном и тревожном состоянии, был отнюдь не прочь остаться один, отправился в путь задолго до назначенного часа и, имея в своем распоряжении много времени, добрал до Меншон-хауза *, где остановился и стал созерцать с философическим спокойствием многочисленных омнибусных * кондукторов и кучеров, которые скопляются около знаменитого и людного места к великому ужасу и смятению старых леди, населяющих эти края. Прослонявшись здесь около получаса, м-р Уэлер повернул и направил свои стопы к Леднхольскому рынку, пробираясь боковыми улицами и переулками. Так как он слонялся, чтобы убить время, и разглядывал чуть ли не каждый предмет, попадавший ему на глаза, то ничего нет удивительного в том, что он остановился перед маленькой витриной торговца канцелярскими принадлежностями и картинками; но без дальнейших объяснений покажется странным, что едва взгляд его упал на некие картинки, выставленные на продажу, как он вдруг встрепенулся, хлопнул себя очень сильно по правой ноге и энергически воскликнул:

— Не будь здесь этого, я бы так ни о чем и не вспомнил, а потом было бы слишком поздно!

Картинка, с которой не спускал глаз Сэм Уэлер, произнося эти слова, была весьма красочным изображением двух человеческих сердец, скрепленных вместе стрелой и поджаривавшихся на ярком огне, в то время как пара людоедов мужского и женского пола, в современных костюмах — джентльмен в синей куртке и белых брюках, а леди в темнокрасной шубе, с зонтом того же цвета — приближались с голодным видом к жаркому по извилистой песчаной дорожке. Явно нескромный молодой джентльмен, одеянием которого служила только пара крыльев, изображался в качестве надзирающего за стряпней; шпиль церкви на Ленгхем-плейс *, Лондон, виднелся вдаль, а все вместе было „валентинкой“ *, каковых, как гласило объявление в витрине, имелся большой выбор в лавке и каковые торговец обещал продавать своим соотечественникам по пониженной цене — полтора шиллинга за штуку.

— Я бы забыл об этом! Конечно, я бы забыл об этом! — сказал Сэм; и с этими словами он немедленно вошел в лавку канцелярских принадлежностей и потребовал, чтобы ему дали лист лучшей писчей бумаги с золотым обрезаем и твердо очищенное перо, с ручательством, что оно не будет брызгать. Быстро получив эти предметы, он пошел прямо к Ледническому рынку энергичным ровным шагом, резко отличавшимся от его недавних медлительных шагов. Оглянувшись, он увидел вывеску, на которой талантливый живописец изобразил нечто отдаленно напоминающее небесно-голубого слона с горбатым носом вместо хобота. Правильно заключив, что это и есть „Синий Боров“, он вошел и осведомился о своем родителе.

— Он здесь будет не раньше, чем через три четверти часа, — сказала молодая леди, которая ведала домашним хозяйством „Синего Борова“.

— Отлично, моя дорогая, — ответил Сэм. — Будьте добры, мисс, дайте мне на девять пенсов тепловатого грогу и чернильницу.

Когда теплый грог и чернильница были доставлены в маленькую гостиную и молодая леди старательно выровняла

угли, чтобы они не пылали, и унесла кочергу, дабы нельзя было их размешивать без ведома „Синего Борова“ и не получив предварительно его разрешения, Сэм Уэлер уселся за перегородку у печки и вынул лист писчей бумаги с золотым обрезом и твердо очиненное перо. Затем, осмотрев внимательно перо, чтобы не было на нем волоска, и вытерев стол, дабы не оказалось хлебных крошек под бумагой, Сэм засучил оба плеча куртки, раздвинул локти и приготовился писать.

Для леди и джентльменов, которые не имеют привычки посвящать себя искусству каллиграфии, написать письмо — не легкая задача; в таких случаях всегда признается необходимым для пишущего склонить голову к левому плечу так, чтобы глаза находились по возможности на одном уровне с бумагой, и, поглядывая сбоку на буквы, какие он сооружает, одновременно выводить языком соответствующие воображаемые письмена. Хотя такие движения бесспорно благоприятствуют в высокой степени оригинальному творчеству, однако они в некоторой мере замедляют процесс писания; и Сэм, сам того не ведая, добрых полтора часа выписывал слова мелким почерком, стирал мизинцем неудавшиеся буквы и вписывал новые, которые нужно было обводить по нескольку раз, чтобы разглядеть их сквозь старые кляксы, как вдруг его внимание было отвлечено распахнувшейся дверью и появлением родителя.

— Здорово, Сэм! — сказал отец.

— Здорово, мой лазоревый, — отозвался сын, кладя перо. — Каков последний бюллетень о мачехе?

— М-с Веллер провела очень хорошую ночь, но на редкость несговорчива и неприятна сегодня утром. Клятвенно удостоверял Т. Веллер, эскуайр, старший. Вот последний выпущенный бюллетень, Сэм, — ответил м-р Уэлер, разматывая шарф.

— И никакого улучшения? — осведомился Сэм.

— Все симптомы угрожающие, — отозвался м-р Уэлер, покачивая головой. — Ну, а вы что тут поделяетесь? Туговато дается наука, Сэм?

— Я уже кончил, — сказал Сэм с легким замешательством. — Я писал.

— Это я вижу, — отозвался м-р Уэллер. — Надеюсь, не молодой женщине, Сэми?

— Что толку отрицать! — сказал Сэм. — Это валентинка.

— Что? — воскликнул м-р Уэллер, явно уstraшенный этим словом.

— Валентинка, — повторил Сэм.

— Семивел, Семивел, — сказал м-р Уэллер укоризненным тоном, — я не думал, что вы можете это сделать. После того, как у вас перед глазами был пример вашего отца, отдавшегося дурным наклонностям, после всего, что я вам говорил на эту самую тему, после того, как вы повидали вашу собственную мачеху и побывали в ее обществе! А я-то полагал, что это такой моральный урок, которого человек не забудет до своего смертного часа! Не думал, что вы можете это сделать, Сэми, не думал, что вы можете это сделать!

Такие размышления оказались не под силу доброму старику. Он поднес ко рту стакан Сэма и выпил залпом.

— Что, легче стало? — спросил Сэм.

— Ничего, Сэми, — отозвался м-р Уэллер, — это будет очень мучительным испытанием для меня в мои годы, но я довольно-таки жилист, это единственное утешение, как заметил очень старый инддок, когда фермер сказал, что боится, как бы не пришлось его зарезать для лондонского рынка.

— Какое испытание? — полюбопытствовал Сэм.

— Видеть вас женатым, Сэми, видеть вас одуроченной жертвой, воображающей по наивности, будто все очень хорошо, — объяснил м-р Уэллер. — Это жестокое испытание для отцовских чувств, Сэми, вот оно что.

— Вздор, — сказал Сэм. — Я не намерен жениться... Не расстраивайтесь. Вы, кажется, судья в таких делах. Потребуйте свою трубку, и я вам прочту письмо. Вот!

Мы не можем сказать определенно, предвкушение ли трубки или утешительное соображение, что фатальная склонность к женитьбе была семейной чертой, успокоило чувства м-ра Уэллера и утишило его скорбь. Мы скорее склонны предположить, что этот результат был достигнут благодаря обоим источникам утешения, ибо о втором он твердил тихим голосом,

звоня тем временем в колокольчик, чтобы потребовать первый. Затем он освободился от верхней одежды и, закулив трубку и расположившись спиной к камину, дабы пользоваться всем его теплом и в то же время прислоняться к каминной полке, повернулся к Сэму и с физиономией, значительно смягчившейся от благотворного действия табаку, предложил ему „катать“.

Сэм окунул перо в чернила, приготовляясь вносить поправки, и начал с весьма театральным видом:

— „Милое...“

— Стоп! — сказал м-р Уэлер, звоня в колокольчик. — Двойной стакан неизменного, моя дорогая.

— Очень хорошо, сэр, — отвечала девушка, которая с удивительным проворством появилась, исчезла, вернулась и снова скрылась.

— Здесь как будто знают ваши привычки, — заметил Сэм.

— Да, — отозвался отец. — Я здесь бывал в свое время. Продолжайте, Сэм.

— „Милое создание...“ — повторил Сэм.

— Уж не стихи ли это? — перебил отец.

— Нет, — ответил Сэм.

— Очень рад это слышать. — сказал м-р Уэлер. — Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит за святочным * ящиком, или Уореновской * ваксы да Ролендовского * масла, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик. Сначала, Сэм.

М-р Уэлер взял трубку с видом критическим и глубокомысленным, а Сэм начал снова и прочитал следующее:

— „Милое создание, я чувствую себя обмоченным...“

— Это неприлично, — сказал м-р Уэлер, вынимая изо рта трубку.

— Нет, это не „обмоченный“, — заметил Сэм, поднося письмо к свечке, — это „озабоченный“, но тут клякса. „Я чувствую себя озабоченным“.

— Очень хорошо, — сказал м-р Уэлер. — Валийте дальше.

— „Я чувствую себя озабоченным и совершенно одур...“ Забыл, какое тут стоит слово, — сказал Сэм, почесывая голову пером и тщетно пытаюсь припомнить.

— Так почему же вы не посмотрите, что там написано? — полюбопытствовал м-р Уэлер.

— Да я и смотрю, — ответил Сэм, — но тут еще клякса. Вот „о“, а вот „д“ и „р“.

— Должно быть, „одураченным“, — предположил м-р Уэлер.

— Нет, это не то, — сказал Сэм, — „одурманенным“ — вот оно что.

— Это не так хорошо, как слово „одураченный“, — серьезно заметил м-р Уэлер.

— Вы думаете? — осведомился Сэм.

— Куда уж там! — откликнулся отец.

— А вам не кажется, что в нем смысла больше? — спросил Сэм.

— Ну, пожалуй, оно понежнее будет, — подумав, сказал м-р Уэлер. — Валийте дальше, Сэм.

— „Чувствую себя озабоченным и совершенно одурманенным, обращаясь к вам, потому что вы славная девушка, и конец делу“.

— Это очень красивая мысль, — сказал м-р Уэлер старший, вынимая трубку изо рта, чтобы сделать это замечание.

— Да, мне тоже кажется, что оно неплохо вышло, — заметил Сэм, весьма польщенный.

— Что мне больше всего нравится в таком-вот слоге, — продолжал м-р Уэлер старший, — так это то, что тут нет никаких непристойных прозвищ, — никаких Венер или чего-нибудь в этом роде. Что толку называть молодую женщину Венерой или ангелом, Сэм?

— Да, правда, что толку? — согласился Сэм.

— Вы можете с таким же успехом называть ее гриффеном или единорогом, или уж сразу королевским гербом, потому что, как всем известно, это коллекция бесполовых животных, — добавил м-р Уэлер.

— С таким же успехом, — подтвердил Сэм.

— Катите дальше, Сэм, — сказал м-р Уэлер.

Сэм исполнил просьбу и стал читать, а его отец продолжал курить с видом глубокомысленным и благодушным, что было весьма назидательно.

— „Пока я вас не увидел, я думал, что все женщины одинаковы“.

— Так оно и есть, — заметил в скобках м-р Уэлер старший.

— „Но теперь, — продолжал Сэм, — теперь я понял, каким я был регулярно безмозглым ослом, потому что никто не походит на вас, хотя вы подходите мне больше всех...“ Мне хотелось выразиться тут посильнее, — сказал Сэм, поднимая голову.

М-р Уэлер кивнул одобрительно, и Сэм продолжал:

— „И вот я пользуюсь привилегией этого дня, Мери, моя милая, — как сказал джентльмен по уши в долгах, выходя из дома в воскресенье, — чтобы сказать вам, что в первый и единственный раз, когда я вас видел, ваш портрет отпечатался в моем сердце куда скорее и красивее, чем делает портрет профильная машина (о которой вы, может быть, слышали, Мери, моя милая), хотя она его заканчивает и вставляет в рамку под стеклом с готовым крючком, чтобы повесить, и все это в две с четвертью минуты“.

— Боюсь, что тут пахнет стихами, Сэми, — подозрительно сказал м-р Уэлер.

— Нет, не пахнет, — ответил Сэм и продолжал читать очень быстро, чтобы ускользнуть от обсуждения этого пункта: — „Возьмите меня, Мери, моя милая, своим Валентином и подумайте о том, что я сказал. Моя милая Мери, а теперь я кончаю“. Это все, — сказал Сэм.

— Что-то очень уж неожиданно затормозил, а, Сэми? — осведомился м-р Уэлер.

— Ничуть не бывало, — возразил Сэм. — Тут ей и захочется, чтобы еще что-нибудь было, а это и есть великое искусство писать письма.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — согласился м-р Уэлер, — и хотел бы я, чтобы ваша мачеха следовала при разговоре такому славному правилу. А разве вы не подпишетесь?

— Вот тут-то и загвоздка, — сказал Сэм. — Не знаю, как подписаться.

— Подпишитесь — Вэллер, — посоветовал старейший представитель этой фамилии.

— Не годится, — возразил Сэм. — Никогда не подписывают валентинку своей настоящей фамилией.

— Ну, тогда подпишите „Пиквик“, — сказал м-р Уэлер. — Это очень хорошее имя и легко пишется.

— Вот это дело, — согласился Сэм. — Я бы мог закончить стишком, как вы думаете?

— Мне это не нравится, Сэм, — возразил м-р Уэлер. — Я не знавал ни одного respectable кучера, который бы писал стихи. Вот только один написал трогательные стишки накануне того дня, когда его должны были повесить за грабеж на большой дороге; ну, да он был из Кемберуела *, так что это не в счет.

Но Сэм не хотел отказаться от поэтической идеи, пришедшей ему в голову, и подписал письмо:

„Полюбил вас в миг

Ваш Пиквик“.

И сложив его весьма замысловато, он нацарапал наискось адрес в углу: „Мери, горничной у м-ра Накинса, мэра, Ипсуич, Сафок“, и сунул его в карман, запечатанное облаткой и приготовленное для сдачи на почтамт. Когда покончено было с этим важным вопросом, м-р Уэлер старший приступил к тому делу, ради которого вызвал сына.

— Первым делом о вашем хозяине, Сэми, — сказал м-р Уэлер. — Завтра его будут судить.

— Будут судить, — отозвался Сэм.

— Ну, так вот, — продолжал м-р Уэлер, — я полагаю, что ему понадобится вызвать свидетелей, чтобы те потолковали о его репутации или, может быть, доказали алиби *. Я это дело обмозговал, так что он может не беспокоиться, Сэми. Есть у меня приятели, которые сделают для него и то и другое, но мой совет такой: не заботиться о репутации и придерживаться алиби. Нет ничего лучше алиби, Сэми, ничего.

У м-ра Уэлера был весьма глубокомысленный вид, когда он высказывал такое юридическое соображение; и погрузив нос в свой стакан, он подмигнул поверх него изумленному сыну.

— Да вы о чем толкуете? — спросил Сэм. — Уж не думаете ли вы, что его будут судить в Олд-Бейли*?

— Наших соображений это не касается, Сэми, — возразил м-р Уэлер. — Где бы его ни судили, мой мальчик, алиби — как раз такая штука, которая поможет ему выпутаться. С алиби мы выручили Тома Уайльдспарка, которого судили за смертоубийство, когда длинные парики все до единого сказали, что его ничто не спасет. И мое мнение, Сэми, что если ваш хозяин не докажет алиби, придется ему, как говорят итальянцы, регулярно влонаться, и конец делу.

Так как м-р Уэлер старший придерживался твердого и непоколебимого убеждения, что Олд-Бейли является высшей судебной инстанцией в стране и что его правила и процедура регулируют и контролируют делопроизводство всех других судов, то он решительно пренебрег уверениями и доводами сына, пытавшегося объяснить, что алиби неприемлемо, и энергически заявил, что м-ра Пиквика „сделают жертвой“. Убедившись, сколь бессмысленно продолжать разговор на эту тему, Сэм заговорил о другом и спросил, что это за второе дело, о котором его почтенный родитель хотел потолковать с ним.

— Это уже пункт семейной политики, — сообщил м-р Уэлер. — Этот вот Стиггинс...

— Красноносый? — осведомился Сэм.

✓ — Он самый, — отвечал м-р Уэлер. — Так вот этот красноносый парень, Сэми, навещает вашу мачеху с такой любезностью и постоянством, каких я еще не видывал. Он такой друг дома, Сэми, что когда он от нас уходит, у него на душе не спокойно, если не прихватит чего-нибудь на память о нас.

— А будь я на вашем месте, я бы что-нибудь такое ему дал, чтоб оно наскипидарило и навощило ему память на десять лет, — перебил Сэм.

— Подождите минутку, — заметил м-р Уэлер. — Я хотел сказать, что теперь он всегда приносит плоскую флягу, в которую вмещается пинты полторы, и наполняет ее ананасным ромом, перед тем как уйти.

— И, должно быть, выпивает ее перед тем, как вернуться? — предположил Сэм.

— Дочиста! — ответил м-р Уэлер. — Никогда не оставляет в ней ничего, кроме пробки и запаха, уж можете на него положиться, Сэми. Так вот эти самые ребята, мой мальчик, устраивают сегодня вечером месячное собрание Брик-лейнского * отделения Объединенной великой эбенизерской * ассоциации трезвости. Ваша мачеха хотела пойти, Сэми, да схватила ревматизм и не пойдет, а я, Сэми... я забрал два билета, которые были присланы ей.

М-р Уэлер сообщил секрет с большим удовольствием и при этом подмигивал столь неумолимо, что Сем предположил, не начинается ли у него в веке правого глаза *tic douloureux*.

— Ну? — сказал молодой джентльмен.

— Ну, — продолжал его 'родитель, озираясь с большой осторожностью, — вы и я — мы отправляемся и попадем туда пунктуально к сроку, а заместитель пастыря не попадет, Сэми, заместитель пастыря не попадет.

Тут с м-ром Уэлером начался припадок сдавленного смеха, который постепенно перешел в приступ удушья, едва ли не опасный для пожилого джентльмена.

— За свою жизнь никогда не видал такого старого чудака! — воскликнул Сэм, растирая спину старого джентльмена с такой силой, что тот мог воспламениться от трения. — Чего так хотите, корпуленция?

— Тише, Сэми, — сказал м-р Уэлер, озираясь с сугубой осторожностью и говоря шопотом. — Двое моих приятелей, что работают по Оксфордской дороге и готовы на всякую штуку, взяли заместителя на буксир, Сэми, а когда он придет в Эбенизерское общество (а он наверняка придет, потому что они доведут его до двери и впихнут, если понадобится), он будет так наполнен ромом, как никогда не бывал у „Маркиза Гренби“ в Доркинге, а это дело не шуточное. — И м-р Уэлер снова неудержимо захохотал, в результате чего снова едва не задохся.

Ничего не могло быть больше по вкусу Сэму Уэлеру, чем предполагаемое разоблачение подлинных склонностей и качеств красноногого, а так как приближалось время, назначенное для митинга, то отец и сын немедленно отправились в

Брик-Лейн. По дороге Сэм не забыл занести свое письмо в почтовую контору.

Ежемесячные собрания Брик-лейнского отделения Объединенной великой эбенизерской ассоциации трезвости устраивались в большой комнате, приятно и просторно расположившейся в конце надежной и удобной лестницы. Председателем был „ровной дорогой идущий“ м-р Энтони Хам, обращенный пожарный, а ныне школьный учитель и при случае иногда страпствующий проповедник, а секретарем — м-р Джонес Мадж, мелочной торговец, сосуд энтузиазма и бескорыстия, подававший чай членам. Явившись заблаговременно, леди сидели на скамьях и пили чай вплоть до того момента, когда считали целесообразным прекратить это занятие. На видном месте, на зеленом сукне делового стола помещался большой деревянный ящик для денег; секретарь стоял за столом и благодарил милостливой улыбкой за каждое добавление к богатой медной жиле, таившейся внутри.

На этот раз леди пили чай в устрашающем количестве, к великому ужасу м-ра Уэлера старшего, который, ни малейшего внимания не обращая на предостерегающие толчки Сэма, озирался по сторонам с самым откровенным изумлением.

— Сэми, — прошептал м-р Уэлер, — если кое-кого из этих людей не придется лечить завтра от водянки, я не отец вам, помяните мое слово. Эта вот старая леди рядом со мной хочет утопиться в чае.

— Неужели вы не можете помолчать? — тихо отозвался Сэм.

— Сэм, — шептал через секунду м-р Уэлер глубоко взволнованным голосом, — запомните мои слова, мой мальчик: если этот-вот секретарь не остановится через пять минут, он лопнет от тостов и воды.

— Ну что ж, пусть лопнет, если ему это нравится, — ответил Сэм. — Это не ваше дело.

— Если это протянется еще дольше, Сэми, — сказал м-р Уэлер все так же тихо, — я сочту своим долгом, долгом человеческого существа, встать и обратиться к председателю. Вот та молодая женщина, через две скамьи, вынула девять с половиной чайных чашек; она пухнет на моих глазах.

Можно не сомневаться в том, что м-р Уэлер не замедлил бы осуществить свое благое намерение, если бы оглушительный шум, вызванный стуком чашек и блюдец, не возвестил весьма кстати об окончании чаепития. Посуду унесли, стол, покрытый зеленым сукном, выдвинули на середину комнаты, и деловая часть заседания была открыта темпераментным человечком с лысой головой и в темносерых штанишках, который внезапно взбежал по лестнице, неминуемо рискуя сломать свои ножки, облеченные в темносерые штанишки, и сказал:

— Леди и джентльмены, я предлагаю выбрать председателем нашего славного брата, м-ра Хама.

При этом предложении леди начали размахивать изысканной коллекцией носовых платков, и стремительный человечек буквально потащил м-ра Хама к креслу, взяв его за плечи и толкнув к остову из красного дерева, некогда являвшемуся вышеупомянутым предметом обстановки. Размахиванье носовыми платками возобновилось, и м-р Хам, прилизанный человек с бледным, постоянно потным лицом, смиренно поклонился к великому восторгу особ женского пола и церемонно занял свое место. Затем человечек в темносерых штанишках потребовал тишины, а м-р Хам поднялся и сказал, что с разрешения братьев и сестер Брик-лейнского отделения, ныне здесь присутствующих, секретарь доложит отчет комитета Брик-лейнского отделения. Предложение было встречено новой демонстрацией носовых платков.

После того как секретарь весьма внушительно чихнул, а кашель, который неизменно овладевает собранием, когда предстоит что-нибудь интересное, в надлежащее время завершился, был прочитан следующий документ:

*„ОТЧЕТ КОМИТЕТА БРИК-ЛЕЙНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ
ВЕЛИКОЙ ЭБЕНИЗЕРСКОЙ АССОЦИАЦИИ ТРЕЗВОСТИ*

„В течение истекшего месяца ваш Комитет продолжал свои благородные труды и с невыразимым удовольствием имеет сообщить о следующих новых случаях обращения на путь трезвости:

„Х. Уокер, портной, жена и двое детей. Признается, что, находясь в лучшем материальном положении, имел привычку пить эль и пиво; говорит, что не уверен в том, не случилось ли ему на протяжении двадцати лет отведывать аккуратно два раза в неделю „песьего носа“, какое питье, по наведенным нашим Комитетом справкам, состоит из теплого портера, сахарного спирта, джина и мускатного ореха. (Стоп и восклицание пожилой особы женского пола: „Это верно!“) В настоящее время без работы и без денег; думает, что в этом виноват портер (рукоплекания) или частичная потеря трудоспособности — повреждение правой руки; не уверен, какая из этих причин действительная, но считает весьма возможным, что если бы он всю жизнь пил только воду, его товарищ по работе не воткнул бы ему в руку заржавленной иглы, что и послужило непосредственной причиной несчастного случая. (Восторженные возгласы.) В настоящее время у него для питья нет ничего кроме холодной воды, и он никогда не испытывает жажды. (Оглушительные аплодисменты.)

„Бетси Мартин, вдова, один ребенок, один глаз. Занимается поделной работой и стиркой; об одном только глазе — от рождения, но знает, что ее мать пила бутылочный стаут* и не удивилась бы, если это послужило причиной ее одноглазия. (Восторженные возгласы.) Не исключает возможности, что если бы сама всегда воздерживалась от спиртных напитков, у нее могло бы быть в настоящее время два глаза. (Громкие рукоплекания.) Прежде получала за работу восемнадцать пенсов в день, пинту портера и стакан водки, но с той поры, как стала членом Брик-лейнского отделения, требует вместо этого три шиллинга и шесть пенсов. (Сообщение об этом весьма интересном факте было принято с бурным энтузиазмом.)

„Генри Белер в течение многих лет был тостмейстером* на общественных обедах и в течение этого времени пил в большом количестве заграничные вина; нередко уносил с собой одну-две бутылки; не совсем уверен в этом, но не сомневается, что выпивал содержимое бутылок, когда уносил их. Состояние у него всегда меланхолическое, у него постоянный жар и вследствие этого — непрерывная жажда; думает,

что в этом виновато вино, которое он имел обыкновение пить. (Рукоплескания.) В настоящее время без места и никогда в рот не берет ни капли заграничных вин. (Оглушительные аплодисменты.)

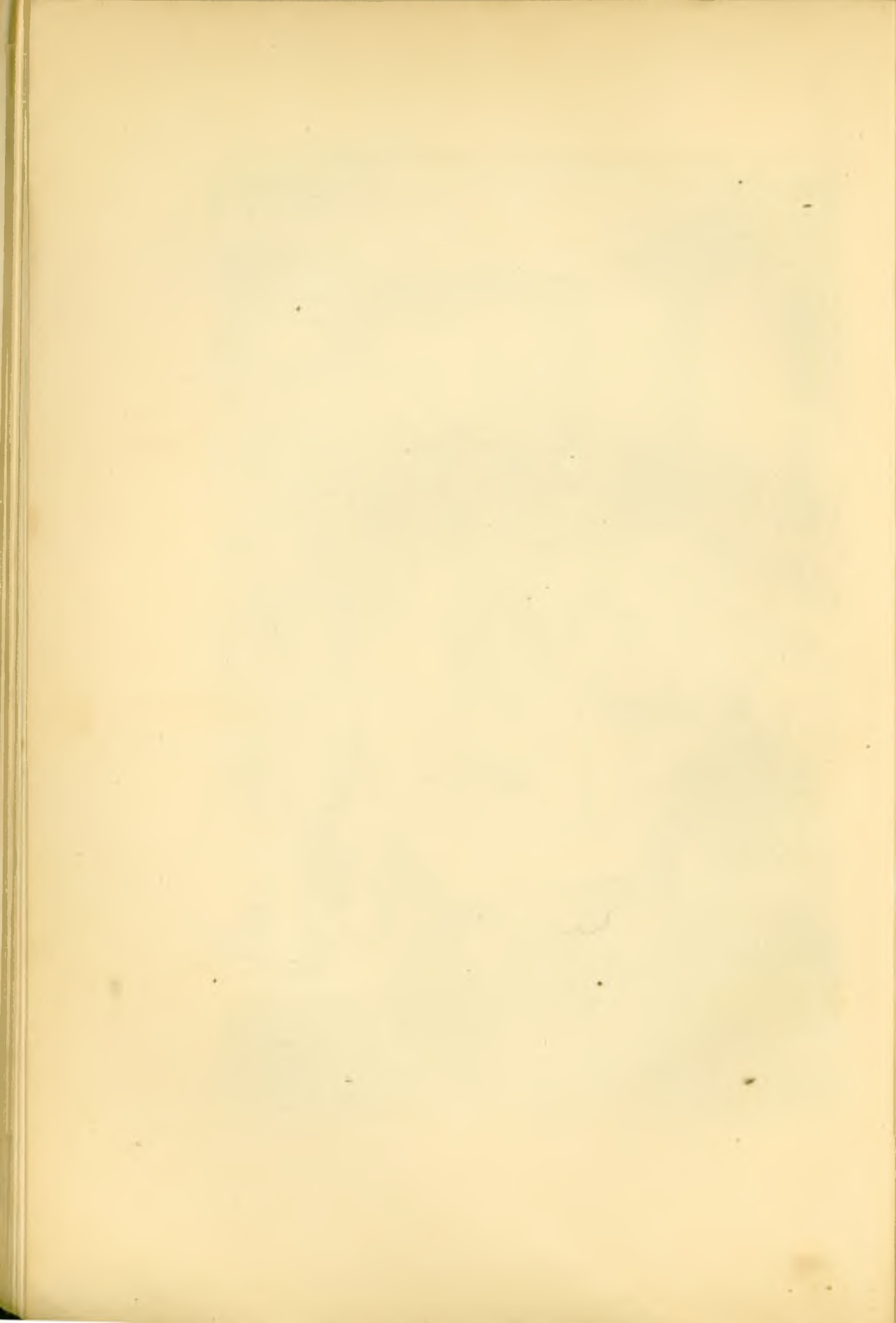
„Томас Бертон — поставщик конины для кошек лорда-мэра, шерифов и многих членов городского совета. (Имя этого джентльмена было выслушано с захватывающим интересом.) У него деревянная нога; находит, что деревянная нога обходится дорого вследствие необходимости ходить по камням; всегда приобретал подержанные деревянные ноги и аккуратно каждый вечер выпивал стакан горячего джина с водой — иногда два. (Глубокие вздохи.) Нашел, что подержанные деревянные ноги расщепляются и гниют очень быстро; твердо убежден, что на них вредно отражается влияние джина с водой. (Длительные рукоплескания.) Теперь покупает новые деревянные ноги и не пьет ничего, кроме воды и жидкого чаю. Новые ноги служат вдвое больше, и он объясняет это исключительно своим воздержным образом жизни“. (Торжествующие возгласы.)

Затем Энтони Хам внес предложение — развлечься собранию пением. С целью доставить членам рациональное и моральное наслаждение брат Мордлин приспособил прекрасные слова: „Кто не слышал о юном веселом гребде?“ к мотиву Согого псалма, каковые он и предлагал собранию пропеть вместе с ним. (Громкие аплодисменты.) Он мог воспользоваться случаем и высказать твердое свое убеждение, что покойный м-р Дибдин*, признав прежние свои ошибки, написал эту балладу с целью показать преимущества воздержания. Это — гимн трезвости. (Буря рукоплесканий.) Опрятная одежда молодого человека, его умение грести, завидное состояние духа, которое позволяло ему, выражаясь прекрасными словами поэта,

И не думать, а только грести,—

все это, вместе взятое, доказывало, что он пил одну воду. (Рукоплескания.) О, какое добродетельное, веселое расположение духа! (Восторженные возгласы.) А какова была награда молодому человеку? Пусть все присутствующие здесь молодые люди заметят следующее:

И сбегались все девушки к лодке его

(Громкие возгласы, подхваченные леди.) Какой блестящий пример! Сестры-девушки, сбегаящиеся к молодому гребцу и побуждающие его плыть по течению долга трезвости. Но — одни ли лишь девушки скромных семейств утешали, успокаивали и поддерживали его? Нет!

Он был первым гребцом горожанок красавиц.

(Оглушительные рукоплескания.) Слабый пол, все до единого мужчины... — он просит прощения, — до единой женщины... — сплотился вокруг молодого гребца и отвернулся с отвращением от пьющего спиртные напитки. (Рукоплескания.) Братья Брик-лейнского отделения — гребцы. (Рукоплескания и смех.) Эта комната — их лодка, аудитория — прекрасные девушки, и он (м-р Энтони Хам), хотя не достоин этой чести, — „первый гребец“. (Взрыв аплодисментов.)

— Кого он разумеет под слабым полом, Сэм? — шопотом осведомился м-р Уэлер.

— Женщин, — сказал Сэм тоже шопотом.

— Тут он не ошибается, — заметил м-р Уэлер. — Должно быть, они и в самом деле слабый пол, очень даже слабый пол, если дают себя одурачивать таким молодцам, как этот.

Дальнейшие замечания возмущенного старого джентльмена были прерваны пением, причем м-р Энтони Хам прочитывал предварительно по два стиха для сведения тех своих слушателей, которые были незнакомы с легендой. Во время пения человек в темносерых штанишках исчез; он вернулся, как только пение было закончено, и с весьма многозначительным видом шепнул что-то м-ру Энтони Хаму.

— Друзья мои, — сказал м-р Хам, умоляюще поднимая руку, дабы призвать к молчанию тех полных старых леди, которые отстали на один-два стиха, — друзья мои, делегат от Доркингского отделения нашего общества, брат Стигинс, ждет внизу.

Снова заволоновались носовые платки и еще с большим оживлением, ибо м-р Стигинс был исключительно популярен среди женского населения Брик-лейна.

— Я думаю, он может войти, — сказал м-р Хам, озираясь с довольной улыбкой. — Брат Теджер, введите его, он передаст нам свои приветствия.

Человечек в темносерых штанишках, который откликнулся на имя брата Теджера, стремительно сбежал с лестницы, и тотчас же вслед за этим в зале услышали, как он поднимается с преподобным м-ром Стигинсом.

— Он идет, Сэм, — прошептал м-р Уэлер, багровый от сдерживаемого смеха.

— Не говорите мне ни слова, — отозвался Сэм, — потому что я этого не выдержу. Он уже у самой двери. Я слышу, как он бьется головой об доски и штукатурку.

Сэм Уэлер еще говорил, когда маленькая дверь распахнулась, и появился брат Теджер в сопровождении преподобного м-ра Стигинса, который едва успел войти, как начались оглушительные рукоплескания, топотание и размахивание носовыми платками. На все эти проявления восторга брат Стигинс не ответил ничем, кроме напряженной улыбки и дикого взгляда, устремленного на кончик свечи, стоявшей на столе, при этом всем своим телом он раскачивался из стороны в сторону, весьма неровно и неуверенно.

— Вы нездоровы, брат Стигинс? — прошептал м-р Энтони Хам.

— Я в полном порядке, сэр, — ответил м-р Стигинс голосом свирепым и чрезвычайно хриплым. — Я в полном порядке, сэр.

— О, очень приятно, — отозвался м-р Энтони Хам, отступая на несколько шагов.

— Надеюсь, никто здесь не посмеет сказать, что я не в порядке, сэр? — сказал м-р Стигинс.

— О, конечно, никто, — согласился м-р Хам.

— И не советую говорить, сэр! И не советую! — воскликнул м-р Стигинс.

Тем временем в собрании наступила полная тишина, все ждали с некоторой тревогой возобновления прерванных занятий.

— Не желаете ли вы обратиться с речью к собранию, брат? — с любезной улыбкой осведомился м-р Хам.

— Нет, сэр, — возразил м-р Стигинс. — Нет, сэр, не желаю, сэр.

Присутствующие широко раскрытыми глазами посмотрели друг на друга, и шопот изумления пробежал по комнате.

— По моему мнению, сэр, — сказал м-р Стигинс, расстегивая куртку и говоря очень громко, — по моему мнению, сэр, все здесь пьяны, сэр. Брат Теджер, сэр! — сказал м-р Стигинс, вдруг свирепея и круто поворачиваясь к человеку в темносерых штанишках, — вы пьяны, сэр!

С этими словами м-р Стигинс, побуждаемый похвальным желанием повысить трезвость собрания и исключить из него всех недостойных членов, ударил брата Теджера по носу столь метко, что темносерые штанишки исчезли с молниеносной быстротой. Брат Теджер был пущен вниз головой с лестницы.

Вслед за этим женщины разразились громкими и жалобными воплями и, бросившись небольшими группами к своим возлюбленным братьям, обхватили их руками, дабы защитить от опасности. Образец привязанности, едва не оказавшейся фатальной для Хама, который, будучи весьма популярен, был почти удушен толпой ханжей женского пола, висевших у него на шее и осыпавших его ласками. Большая часть свечей погасла, и в зале водарились шум и смятение.

— Ну, Сэм, — сказал м-р Уэлер, неторопливо снимая пальто, — ступайте и приведите стражника *.

— А вы что будете тем временем делать? — осведомился Сэм.

— Не беспокойтесь обо мне, Сэм, — ответил старый джентльмен. — Я сведу маленькие счета с этим вот Стигенсом.

Не успев Сэм вмешаться, как его героический родитель пробился в дальний угол комнаты и с ловкостью боксера атаковал преподобного м-ра Стигинса.

— Уходите! — сказал Сэм.

— Выходите! — крикнул м-р Уэлер и, не повторяя приглашения, хлопнул м-ра Стигинса предварительно по голове и начал весело приплясывать вокруг него, как пробковый бакан на волнах, что было поистине чудом для джентльмена его возраста.

Убедившись, что все возражения не достигают цели, Сэм нахлобучил шапку, перекинул через руку отцовское пальто и, схватив старика за талию, насильно стащил его с лестницы и вывел на улицу, не отпуская его и не позволяя ему останавливаться, пока они не дошли до угла. Добравшись туда, они услышали возгласы населения, наблюдавшего, как преподобного м-ра Стигинса препровождают на ночь в надежное помещение, и до них донесся шум, вызванный рассыпавшимися во все стороны членами Брик-лейнского отделения Объединенной великой эбенизерской ассоциации трезвости.

ГЛАВА XXXIV

целиком посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе: Бардль против Пиквика

— Хотел бы я знать, что ел сегодня за завтраком старшина присяжных, кто бы он ни был, — сказал м-р Снодграс с целью поддержать разговор в чреватое последствиями утро четырнадцатого февраля.

— Да, — ответил Перкер, — надеюсь, он хорошо позавтракал.

— Почему это вас интересует? — осведомился м-р Пиквик.

— Чрезвычайно важно. Очень важно, уважаемый сэр, — отвечал Перкер. — Добрый, удовлетворенный, плотно позавтракавший присяжный — факт капитальный, которым нехудо заручиться. Недовольные или голодные присяжные, уважаемый сэр, всегда решают в пользу истца.

— Помилуй бог, — сказал м-р Пиквик с растерянным видом, — почему же это так?

— Право не знаю, — хладнокровно отозвался маленький человек. — Полагаю, для сбережения времени. Как только приближается час обеда, когда присяжные удалились для совещания, старшина присяжных вынимает часы и говорит: „Ах, боже мой, джентльмены, объявляю, что уже без десяти пять! Я обе-

даю в пять, джентльмены“. — „Я тоже“, — говорят остальные, за исключением двоих, которым полагалось обедать в три, и поэтому они еще больше торопятся домой. Старшина улыбается и прячет часы. „Ну-с, джентльмены, так как же мы решим — истец или ответчик, джентльмены? Я склонен думать, насколько я могу судить, джентльмены, — повторяю, я склонен думать — пусть это не влияет на ваше мнение, — я склонен думать, что прав истец“, — на что двое или трое несомненно скажут, что они тоже так думают — и, конечно, они так и думают, — а затем они уже действуют единодушно и легко. Однако десять минут десятого! — воскликнул маленький джентльмен, взглянув на часы. — Пора отправляться, уважаемый сэр, — когда слушается дело о нарушении брачного обещания, зал суда обычно переполнен. Вы бы вызвали карету, уважаемый сэр, а не то мы опоздаем.

М-р Пиквик немедленно позвонил в колокольчик, и когда карета была подана, четверо пиквикистов и м-р Перкер разместились в ней и поехали к Гилдхолу*.

Сэм Уэлер, м-р Лаутен и синий мешок последовали за ними в кебе.

— Лаутен, — сказал Перкер, когда они вошли в вестибюль суда, — усадите друзей м-ра Пиквика в студенческую лужу; сам м-р Пиквик пусть сядет рядом со мной. Сюда, уважаемый сэр, сюда.

Взяв м-ра Пиквика за рукав, маленький человек повел его к нижней скамье, находящейся перед пюпитрами королевского * адвоката и сооруженной для удобства атерни, которые имеют возможность шептаться с этой скамьи на ухо выступающему; сардженту те сведения, какие могут оказаться необходимыми по ходу дела. Занимающие это место невидимы большинству зрителей, ибо помещаются на значительно более низком уровне, чем беристеры и публика, чьи скамьи находятся на возвышении. Атерни, таким образом, сидят спиной и к тем и к другим и обращены лицом к судье.

— Должно быть, это места для свидетелей? — осведомился м-р Пиквик, указывая на нечто вроде кафедры с медными перилами по левую руку от него.

— Это места для свидетелей, уважаемый сэр, — отвечал Перкер, извлекая кипу бумаг из синего мешка, только что положенного Лаутеном у его ног.

— А там, — продолжал м-р Пиквик, указывая на две скамьи за перилами справа от него, — там сидят присяжные, не правда ли?

— Вот именно, уважаемый сэр, — отозвался Перкер, постукивая по крышке своей табакерки.

М-р Пиквик встал в крайнем волнении и окинул взглядом зал суда. На галлерее уже собралось немало зрителей, а на беристерских скамьях — солидное количество джентльменов в париках, представлявших в целом приятную и разнообразную коллекцию носов и бакенбард, каковыми справедливо прославилось адвокатское сословие Англии. Те из джентльменов, у которых были при себе меморандумы *, держали их по возможности на виду и время от времени почесывали ими нос, чтобы с особенной силой запечатлеть факт во внимании зрителей. Другие джентльмены, которые не могли демонстрировать свои меморандумы, носили подмышкою солидные фолианты с красными ярлыками на корешке и в переплете цвета подгоревшей хлебной корки, для коего существует технический термин „адвокатский переплет“. Те, у кого не было ни меморандумов, ни книг, засовывали руки в карманы и принимали по возможности глубокомысленный вид; наконец четвертые разгуливали с большим беспокойством и энергией, возбуждая этим восхищение и изумление непосвященных зрителей. Все, к великому удивлению м-ра Пиквика, разделившись на маленькие группы, болтали и обсуждали новости дня самым бесчувственным образом, словно и не предвиделось никакого разбирательства дела.

Поклон м-ра Фанки, который вошел и занял свое место за скамьей, предназначенной для королевского адвоката, привлек внимание м-ра Пиквика, и едва он успел ответить на поклон, как появился м-р сарджент Снабин в сопровождении м-ра Мэлерда, который наполовину заслонил сарджента, положив перед ним на стол большой красный мешок, и, пожав руку Перкеру, удалился. Затем вошли еще два-три сарджента, и среди них — один толстяк с красным лицом, который дру-

жески кивнул м-ру сардженту Снабину и сообщил, что сегодня прекрасное утро.

— Кто этот человек с красным лицом, который сказал, что сегодня прекрасное утро, и поклонился нашему адвокату? — шопотом спросил м-р Пиквик.

— М-р сарджент Базфаз, — ответил Перкер. — Выступает против нас; он представляет интересы истицы. Джентльмен за ним м-р Скимпин, его юниор *.

М-р Пиквик, преисполненный отвращения к хладнокровной подлости этого человека, хотел было осведомиться, как смеет м-р сарджент Базфаз, являясь представителем противной стороны, говорить м-ру сардженту Снабину, который был адвокатом м-ра Пиквика, что сегодня прекрасное утро, когда его прервало движение вставших беристеров и возглас судебных приставов: „Тишина!“ Оглянувшись, он обнаружил, что это было вызвано появлением судьи. ^

Мистер судья Стейрли (который заменял главного судью, отсутствующего по болезни) был чрезвычайно маленького роста и такой толстый, что, казалось, весь состоял из лица и жилета. Он вкатился на двух маленьких кривых ножках и, важно кивнув адвокатам, которые важно кивнули ему, поместил свои маленькие ноги под стол, а свою треугольную шляпу — на стол; и когда м-р судья Стейрли покончил с этим, от всей его особы видны были только два маленьких подозрительных глаза, одна широкая розовая физиономия и примерно половина большого и очень комического на вид парика.

Как только судья занял свое место, судебный пристав в зале повелительно крикнул: „Тишина!“ — после чего другой пристав на галерее возгласил гневно: „Тишина!“ — а вслед за этим еще три-четыре курьера подхватили негодующими голосами: „Тишина!“ Когда это было выполнено, джентльмен в черном, сидевший ниже судьи, начал выкрикивать фамилии присяжных, и после долгих выкриков обнаружилось, что налицо только десять специальных присяжных. Тогда м-р сарджент Базфаз попросил о включении tales * в специальные жюри обыкновенных присяжных, и немедленно же уловил для этого зеленщика и аптекаря.

— Откликайтесь на свои фамилии, джентльмены, вы будете приведены к присяге, — сказал джентльмен в черном. — Ричард Апуич.

— Здесь, — сказал зеленщик.

— Томес Гроффин.

— Здесь, — сказал аптекарь.

— Возьмите книгу, джентльмены. Вы должны судить по правде и совести...

— Прошу прощения у суда, — сказал аптекарь, высокий, худой и желтолицый человек, — но я надеюсь, что суд освободит меня.

— На каком основании, сэр? — спросил судья Стейрли.

— У меня нет помощника, милорд, — ответил аптекарь.

— Ничем не могу вам помочь, сэр, — возразил м-р судья Стейрли. — Вы должны были нанять помощника.

— Мне это не по средствам, милорд, — объявил аптекарь.

— Значит, вы должны были сделать так, чтобы это было вам по средствам, сэр, — сказал судья, багровея — ибо м-р судья Стейрли был раздражительного нрава и не терпел противоречий.

— Знаю, что должен, если бы мои дела шли, как хотелось бы, но они идут плохо, милорд, — отвечал аптекарь.

— Приведите джентльмена к присяге! — повелительным тоном сказал судья.

Пристав успел произнести только: „Вы должны судить по правде и совести“, как его снова перебил аптекарь.

— Я все-таки должен принести присягу, милорд? — спросил аптекарь.

— Разумеется, сэр, — ответил желчный маленький судья.

— Очень хорошо, милорд, — с покорным видом отозвался аптекарь. — Значит, будет совершено убийство раньше, чем закончится это судебное заседание, вот и все! Приводите меня к присяге, если вам угодно, сэр.

И аптекарь был приведен к присяге раньше, чем судья нашелся, что сказать.

— Я хотел только сообщить, милорд, — проговорил аптекарь, с большим хладнокровием усаживаясь на свое место, —

что в аптеке я не оставил никого, кроме рассыльного. Он очень славный мальчик, милорд, но незнаком с лекарствами, и насколько мне известно, он твердо убежден в том, что английской солью называется щавелевая кислота, а александрийским листом — настойка из опия. Вот и все, милорд. — С этими словами высокий аптекарь принял удобную позу и, сооротив любезную мину, казалось, приготовился к худшему.

М-р Пиквик смотрел на аптекаря с чувством глубочайшего ужаса, когда в зале суда было замечено легкое волнение, и немедленно вслед за этим была введена м-с Бардль, опиравшаяся на м-с Клапинс, и в состоянии полного изнеможения водворена на другом конце той же скамьи, где сидел м-р Пиквик. Затем м-ром Додсоном был передан огромный зонтик, а м-ром Фогом — пара патен *, причем каждый из них заготовил для этого случая сочувственную и меланхолическую физиономию. Затем появилась м-с Сендерс, ведшая мастера Бардля. При виде своего дитяти м-с Бардль встрепелась; опомнившись вдруг, она поцеловала его с безумным видом, затем, снова впад в состояние истерического слабоумия, добрая леди пожелала узнать, где она находится. В ответ на это м-с Клапинс и м-с Сендерс отвернулись и залились слезами, в то время как м-ры Додсон и Фог умоляли истцу успокоиться. Сарджент Базфаз усердно тер глаза большим белым носовым платком и бросал умоляющий взгляд на присяжных, а судья был заметно растроган. Многие зрители старались кашлем подавить свое волнение.

— Прекрасная мысль, в самом деле! — шепнул Перкер м-ру Пиквику. — Замечательные ребята — эти Додсон и Фог. Превосходный расчет на эффект, уважаемый сэр, превосходный!

Пока Перкер говорил, м-с Бардль начала медленно приходить в себя, а м-с Клапинс, заботливо осмотрев пуговицы мастера Бардля и петли, им соответствующие, поставила его перед матерью, — выгодная позиция, где он не мог не пробудить сострадания и симпатии как судьи, так и присяжных. Это было сделано после серьезного сопротивления и горьких слез со стороны юного джентльмена, у которого мелькало тайное опасение, что, выдвигая его пред очи судьи, соблюдали

только предварительную формальность, после чего ему тотчас же прикажут удалиться для немедленной экзекуции или для отправки за океан на все дни его жизни по меньшей мере.

— Бардль и Пиквик! — выкрикнул джентльмен в черном, называя дело, стоявшее первым в списке.

— Я — со стороны истицы, милорд, — сказал м-р сарджент Базфаз.

— Кто с вами, собрат Базфаз? — спросил судья.

М-р Скимпин поклонился, давая понять, что это именно он.

— Я — со стороны ответчика, милорд, — сказал м-р сарджент Снабин.

— А с вами кто, собрат Снабин? — осведомился судья.

— М-р Фанки, милорд, — ответил сарджент Снабин.

— Сарджент Базфаз и м-р Скимпин — со стороны истицы, — сказал судья, записывая фамилии в записную книжку и повторяя вслух. — Со стороны ответчика — сарджент Снабин и м-р Бонка.

— Прошу прощения, милорд, — Фанки.

— Очень хорошо, — сказал судья: — я не имел удовольствия слышать фамилию джентльмена раньше.

М-р Фанки поклонился и улыбнулся, и судья тоже поклонился и улыбнулся; затем м-р Фанки, покраснев до самых щек, постарался принять такой вид, словно он не подозревает, что все на него смотрят, — задача, с которой никогда еще не мог справиться ни один смертный и, по всей вероятности, никогда и не справится.

— Продолжайте, — сказал судья.

Курьеры снова призвали к молчанию, и м-р Скимпин „открыл дело“; но когда дело открылось, то оказалось, что в нем почти ничего нет, ибо м-р Скимпин оставил при себе все обстоятельства, какие были ему известны, и сел по истечении трех минут, оставив присяжных в той же стадии осведомленности, в какой они пребывали раньше.

Затем поднялся сарджент Базфаз со всем величием и достоинством, каких требовала сущность дела, шепнув что-то Додсону, и, кратко переговорив с Фогом, натянул мантию на плечи, поправил парик и обратился к присяжным.

Сарджент Базфаз начал с заявления, что никогда на протяжении всей своей профессиональной карьеры, никогда, с той минуты, как он посвятил себя юридической науке и практике, не приступал он к делу с чувством такого глубокого волнения или с таким тяжелым сознанием ответственности, на него возложенной, — ответственности, сказал бы он, которую он никогда не мог бы принять на себя, если бы его не вдохновляло и не поддерживало убеждение столь сильное, что оно равно подлинной уверенности в том, что дело правды и справедливости, или, иными словами, дело его жестоко оскорбленной и угнетенной клиентки, должно воздействовать на двенадцать высоконравственных и проникательных людей, которых он видит сейчас перед собой на этой скамье!

Адвокаты обычно начинают в этом стиле, ибо он создает у присяжных наилучшие отношения с самими собой и заставляет их думать о том, какие они, должно быть, умные люди. Явные результаты сказались немедленно: многие присяжные с большим рвением начали делать пространные записи.

— Вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены, — продолжал сарджент Базфаз, прекрасно понимая, что из намеков ученого друга джентльмены присяжные не узнали решительно ничего, — вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены, что перед нами — дело о нарушении брачного обещания, возмещение* убытков по каковому делу исчисляется в сумме 1500 фунтов. Но вы не узнали от моего высокоученого друга, поскольку в задачи моего высокоученого друга не входило говорить об этом, каковы факты и обстоятельства дела. Об этих фактах и обстоятельствах, джентльмены, вы услышите со всеми подробностями от меня, и они будут подтверждены беспорочными свидетельницами, которых я представляю вам на этой свидетельской трибуне.

Тут м-р сарджент Базфаз, сделав устрашающее ударение на слове „трибуна“, громко хлопнул рукой по столу и взглянул на Додсона и Фога, которые кивнули, выражая свое восхищение сарджентом и негодующее презрение к ответчику.

— Истица, джентльмены, — продолжал сарджент Базфаз мягким и меланхолическим голосом, — истица — вдова. Да, джентль-

мены, вдова! Покойный м-р Бардль, пользовавшийся в течение многих лет уважением и доверием своего монарха, чьи королевские доходы он охранял, ушел почти незаметно из этого мира, дабы обрести в ином месте то отдохновение и покой, каких никогда не может предоставить таможня.

При этом патетическом описании кончины м-ра Бардля, которому кружкой вместимостью в кварту прошибли голову в каком-то погребке, голос высокоученого сарджента дрогнул, и он продолжал с волнением:

— Незадолго до смерти он запечатлел свой образ и подобие в младенце сыне. С этим младенцем, единственным залогом любви покойного таможенного чиновника, м-с Бардль укрылась от мира и зажила в уединении и покое Госуелстрит, и здесь в окне своей гостиной она вывесила билетик с надписью: „Меблированные комнаты для холостого джентльмена. Справиться в доме“. — Тут сарджент Базфаз приостановился, а некоторые джентльмены присяжные сделали заметку о документе.

— Имеется ли на нем дата, сэр? — осведомился один присяжный.

— Даты на нем нет, джентльмены, — ответил сарджент Базфаз, — но я уполномочен сообщить, что он был вывешен в окне гостиной истицы ровно три года тому назад. Я обращаю внимание присяжных на формулировку этого документа: „Меблированные комнаты для холостого джентльмена“. Представления м-с Бардль о другом поле, джентльмены, вытекали из долгого созерцания неодолимых качеств ее покойного супруга. У нее не было страха, у нее не было сомнений, у нее не было подозрений — одно чистое доверие и надежда. „М-р Бардль, — говорила вдова, — м-р Бардль был человек чести, м-р Бардль был человек своего слова, м-р Бардль не был обманщиком; м-р Бардль сам был когда-то холостым джентльменом; у холостого джентльмена я ищу защиты, помощи, успокоения и утешения; в холостом джентльмене я постоянно буду видеть нечто, напоминающее мне о том, кем был м-р Бардль, когда только что завоевал мою юную и неискующую любовь; мои комнаты будут сданы поэтому холостому джентльмену“.

Увлекаемая этим прекрасным и трогательным побуждением (одним из лучших побуждений нашей несовершенной природы, джентльмены), одинокая и безутешная вдова осушила слезы, меблировала второй этаж, привлекла невинного мальчика к своей материнской груди и вывесила билетик в окне гостиной. Долго ли оставался он там? Нет! Змей был на страже, фитиль приготовлен, мина закладывалась, сапер и минер делали свое дело. Не провисел билетик в окне гостиной и трех дней — трех дней, джентльмены! — как существо, передвигающееся на двух ногах и внешне похожее на человека, а не на чудовище, постучалось в дверь дома м-с Бардль. Он навел справки в доме, он снял помещение, и на следующий же день он вступил во владение им. Этот человек был Пиквик — Пиквик, ответчик.

Сарджент Базфаз, который говорил с такой стремительностью, что лицо у него стало совсем малиновым, остановился, чтобы перевести дыхание. Молчание разбудило м-ра судью Стейрли, который немедленно записал что-то пером без чернил и принял необычайно сосредоточенный вид, дабы внушить присяжным уверенность, будто он всегда размышляет особенно глубокомысленно, когда у него закрыты глаза. Сарджент Базфаз продолжал:

— Об этом человеке, Пиквике, я буду говорить мало: этот сюжет мало привлекателен, а я, джентльмены, не такой человек, и вы, джентльмены, не такие люди, чтобы наслаждаться созерцанием возмутительного бессердечия и систематического злодейства.

При этих словах м-р Пиквик, который корчился молча в течение некоторого времени, сильно вздрогнул, словно в его голове мелькнула туманная мысль броситься на сарджента Базфаза в высоком присутствии судьи и закона. Предостерегающий жест Перкера остановил его, и он стал слушать продолжение речи высокоученого джентльмена с негодующим видом, который составлял резкий контраст с восторженными лицами м-с Клапинс и м-с Сендерс.

— Я говорю: „систематическое злодейство“, джентльмены, — продолжал сарджент Базфаз, пронизывая взглядом м-ра Пиквика и обращаясь к нему, — а когда я говорю: „систематиче-

ское злодейство", разрешите мне сказать ответчику Пиквику. Буде он присутствует в суде, — а, как мне сообщили, он здесь присутствует, — что он поступил бы приличнее, пристойнее, умнее и тактичнее, если бы не явился сюда. Разрешите мне сказать ему, джентльмены, что любые жесты, выражающие несогласие или неодобрение, какие он может себе позволить здесь, в суде, не возымеют у вас успеха; что вы знаете, как нужно их понимать и расценивать; и разрешите мне сказать ему далее, как подтвердит вам, джентльмены, милорд, что адвоката, исполняющего свой долг по отношению к своему клиенту, нельзя ни запугивать, ни прерывать, и что всякая попытка сделать то или другое, первое или последнее обратится против виновного, будь он истец или ответчик, назовайся он Пиквиком, или Ноксом, или Стоксом, или Стайльсом, или Брауном, или Томсеном.

Это маленькое уклонение от основной темы возымело, конечно, желанное действие, ибо взоры всех устремились на м-ра Пиквика. Сарджент Базфаз, слегка оправившись от того состояния морального подъема, до которого он сам себя довел, продолжал:

— Я вам докажу, джентльмены, что в продолжение двух лет Пиквик проживал постоянно, непрерывно и безвыездно в доме м-с Бардль. Я вам докажу, что м-с Бардль на протяжении всего этого времени прислуживала ему, заботилась о его удобствах, стирала для него, отдавала его белье прачке, штопала белье, проветривала и приготавливала для носки, когда оно возвращалось из стирки, и, короче, пользовалась полным доверием жильца. Я докажу вам, что много раз он давал попенни, а иногда даже шесть пенсов ее маленькому мальчику, и я докажу вам, опираясь на свидетеля, чье показание не удастся моему высокоученому другу ни обесценить, ни опровергнуть, что один раз он погладил мальчика по головке и, осведомившись, выиграл ли он за последнее время что-нибудь в „отборные“ или „обыкновенные“ шарики * (и то и другое означает, насколько мне известно, особый сорт камешков, высоко ценимых нашими подростками), употребил следующее замечательное выражение: „Хотели бы

вы иметь другого отца?" Я докажу вам, джентльмены, что около года тому назад Пиквик вдруг начал отлучаться из дому на длительные сроки, как бы с намерением постепенно порвать с моей клиенткой; но я докажу вам также, что его решение в то время не было достаточно твердым, или что лучшие его чувства (если у него имеются лучшие чувства) тогда еще брали верх, или что очарование и совершенства моей клиентки преодолевали его трусливые намерения, ибо я докажу вам, что однажды, вернувшись из провинции, он недвусмысленно и формально предложил ей заключить брачный союз, хотя позаботился предварительно о том, чтобы не было ни одного свидетеля их торжественного договора; и я имею возможность доказать вам, опираясь на свидетельские показания трех его собственных друзей, дающих свои показания весьма неохотно, джентльмены, весьма неохотно, что в то утро он был застигнут ими, когда держал истицу в объятиях и успокаивал ее взволнованные чувства ласками и нежными словами.

Эта часть речи высокоученого сарджента произвела явное впечатление на аудиторию. Вынув два очень маленьких клочка бумаги, он продолжал:

— А теперь, джентльмены, еще одно только слово. Два письма фигурируют в этом деле, два письма, которые, как установлено, написаны рукой ответчика и которые стоят многих томов. Эти письма разоблачают также нравственный характер этого человека. Это не откровенные, пылкие, красноречивые послания, которые дышат нежной привязанностью, это скрытые, лукавые, двусмысленные сообщения, но, к счастью, они гораздо более убедительны, чем если бы они содержали самые пламенные фразы и самые поэтические образы, — письма, на которые следует смотреть осторожно и подозрительно, письма, которые, повидимому, писались в то время Пиквиком с целью сбить с толку и ввести в заблуждение постороннего человека, в чьи руки они могли попасть. Разрешите мне прочесть первое: „У Геререуейя“, двенадцать часов. Дорогая м-с Б. — Отбивные котлеты и томатный соус. Ваш Пиквик“. Джентльмены, что

Всего 1 сч. р.
Пиквик.

это значит? Отбивные котлеты и томатный соус! Ваш Пиквик! Отбивные котлеты! Боже милостивый! И томатный соус! Джентльмены, неужели счастье чувствительной и доверчивой женщины должно быть разбито мелкими уловками? Во втором письме нет никакой даты, что уже само по себе подозрительно. „Дорогая м-с Б., я буду дома только завтра. Ползем“. А затем следует весьма замечательное выражение: „О грелке не беспокойтесь“. О грелке! Но, джентльмены, кто же беспокоится о грелке? Было ли душевное спокойствие мужчины или женщины когда-нибудь нарушено или смущено грелкой, которая сама по себе является безобидным, полезным и, я могу добавить, джентльмены, удобным предметом домашнего обихода? Почему нужно было столь горячо умолять м-с Бардль не волноваться по поводу грелки, если не служит это слово (а оно, несомненно, служит) лишь покровом для некоего скрытого огня — простой заменой какого-нибудь ласкательного слова или обещания, согласно установленной системе переписки, хитро задуманной Пиквиком, замышлявшим отступление, — системе, которую я не в состоянии объяснить? А что значит этот намек „ползем“? Карета ползет? Насколько я понимаю, это относится к самому Пиквику, который бесспорно преступно запаздывал во всем этом деле, но чья скорость теперь неожиданно возрастет и чьи колеса, джентльмены, как он убедится себе во вред, будут весьма скоро смазаны вами!

М-р сарджент Базфаз сделал в этом месте паузу, чтобы посмотреть, улыбнутся ли присяжные на его шутку; но так как никто ее не понял, кроме зеленщика, чья восприимчивость в данном случае была, вероятно, вызвана тем, что в это самое утро он над собственной тележкой проделал упомянутую операцию смазывания колес, то высокоученый сарджент счел уместным, заканчивая свою речь, снова впасть в унылые тона.

— Но довольно об этом, джентльмены, — сказал м-р сарджент Базфаз. — Трудно улыбаться, когда ноет сердце, не подобает шутить, когда затронуты наши глубочайшие симпатии. Надежды на будущее моей клиентки разбиты; и от-

нюдь не будет преувеличением сказать, что она осталась ни с чем. Билетик снят, — но жилья нет. Подходящие жильцы — холостые джентльмены — проходят мимо, но никто не приглашает их навести справки в доме или вне дома. Уныние и тишина в нем, даже голос ребенка замолк; его младенческие игры заброшены, когда мать плачет; он забыл о своих „отборных“ и „обыкновенных“ шариках; он забывает давно знакомый возглас: „Пускай!“ и не играет в чижи и чет или печет. Но Пиквик, джентльмены... Пиквик, безжалостный разрушитель этого мирного оазиса в пустыне Госуел-стрит... Пиквик, который засорил источник и загрязнил чистую мураву... Пиквик, представший сегодня перед вами с его бессердечным томатным соусом и гредками... Пиквик все еще поднимает голову с бесстыдной наглостью и взирает без единого вздоха на произведенное им разрушение. Возмещение убытков, джентльмены, — солидное возмещение убытков — вот единственное наказание, какое вы можете на него возложить, единственная компенсация, какую вы можете предоставить моей клиентке. И с просьбой о возмещении убытков она обращается теперь к просвещенному, высоко нравственному, справедливому, добросовестному, беспристрастному, сочувствующему, вдумчивому жюри, составленному из ее цивилизованных соотечественников.

Закончив этой блестящей тирадой, м-р сарджент Базфаз сел, а м-р Стейрли проснулся.

— Вызовите Элизабет Клапинс, — сказал сарджент Базфаз, вставая через минуту с новой энергией.

Ближайший курьер вызвал Элизабет Тапинс, другой, стоявший немного дальше, потребовал Элизабет Джапкинс, а третий выбежал, задыхаясь на Кинг-стрит * и взывал к Элизабет Мафине, пока не охрип.

Между тем м-с Клапинс соединенными усилиями м-с Бардль, м-с Сендерс, м-ра Додсона и м-ра Фога была доставлена на места для свидетелей; и когда она благополучно утвердилась на верхней ступени, м-с Бардль расположилась на нижней, с носовым платком и патенами в одной руке и стеклянной бутылкой, содержащей не менее четверти пинты нюхатель-

пой соли, — в другой, готовая ко всяким случайностям. М-с Сендерс, чьи глаза были пристально устремлены на лицо судьи, поместилась рядом, с большим зонтом, держа большой палец правой руки на пружине, с таким серьезным видом, словно приготовилась раскрыть зонт по первому знаку.

— М-с Клапинс, — сказал сарджент Базфаз, — пожалуйста, успокойтесь, сударыня.

Разумеется, как только м-с Клапинс предложили успокоиться, она зарыдала с удвоенным рвением и проявила различные тревожные симптомы приближающегося обморока, или, как выразилась она впоследствии, непосильного наплыва чувств.

— Вы припоминаете, сударыня, — сказал сарджент Базфаз после нескольких несущественных вопросов, — вы припоминаете, что в одно памятное июльское утро прошлого года вы находились у м-с Бардль в задней комнате второго этажа, когда она убирала помещение Пиквика.

— Да, милорд и присяжные, помню, — ответила м-с Клапинс.

— Кажется, гостиная м-ра Пиквика находилась во втором этаже, окнами на улицу?

— Да, сэр, — отвечала м-с Клапинс.

— Что вы делали в задней комнате, сударыня? — осведомился маленький судья.

— Милорд и присяжные, — сказала м-с Клапинс с выразительным волнением, — я не буду вас обманывать.

— И хорошо сделаете, сударыня, — сказал маленький судья.

— Я была там, — продолжала м-с Клапинс, — без ведома м-с Бардль; я вышла из дому с корзиночкой, джентльмены, чтобы купить три фунта красного продолговатого картофеля, который стоит два с половиной пенса за три фунта, когда увидела, что парадная дверь м-с Бардль не на запирке.

— На чем? — воскликнул маленький судья.

— Не заперта, милорд, — объяснил сарджент Снабин.

— Она сказала — на запирке, — возразил с проникательным видом маленький судья.

— Это одно и то же, милорд, — сказал сарджент Снабин.

Маленький судья посмотрел на него недоверчиво и сказал, что это запишет. М-с Клапинс продолжала:

— Я вошла, джентльмены, только для того, чтобы порадоваться, и поднялась невзначай по лестнице в заднюю комнату. Джентльмены, в передней комнате слышались голоса, и...

— И, кажется, вы стали подслушивать, м-с Клапинс? — спросил сарджент Базфаз.

— Прошу прощения, сэр, — с величественным видом возразила м-с Клапинс, — я бы не позволила себе такого поступка. Голоса были очень громкие, сэр, и они сами проникали мне в уши.

— Отлично, м-с Клапинс, вы не подслушивали, но вы, тем не менее, слышали голоса. Не был ли один из этих голос Пиквика?

— Да, сэр.

И м-с Клапинс, точно установив, что м-р Пиквик обращался к м-с Бардль, воспроизвела мало-по-малу и с помощью многочисленных вопросов разговор, о котором наши читатели уже осведомлены.

На лицах присяжных появилось выражение подозрительности; а м-р сарджент Базфаз улыбнулся и сел. Их лица стали поистине угрожающими, когда сарджент Снабин сообщил, что он не будет допрашивать свидетельницу, ибо м-р Пиквик считает своим долгом по отношению к ней заявить, что ее показания в основном правильны.

М-с Клапинс, раз пробив лед, нашла, что ей представляется удобный случай войти в краткое рассуждение о собственных домашних делах; поэтому она немедленно начала сообщать суду, что в момент настоящего заседания она — мать восьмерых детей, и что она питает тайную надежду подарить м-ра Клапинса девятым через каких-нибудь шесть месяцев, считая от этого дня. На этом интересном месте маленький судья с большим раздражением прервал ее, вследствие чего достойная леди и м-с Сандерс были вежливо выведены из суда под эскортом м-ра Джексона, без дальнейших разговоров.

— Нетениел Уинкль! — провозгласил м-р Скимпин.

— Здесь! — отозвался слабый голос.

М-р Уинкль занял место для свидетелей и, принеся должным образом присягу, поклонился судье с большим почтением.

— Смотрите не на меня, сэр, — резко сказал судья в ответ на поклон, — смотрите на присяжных.

М-р Уинкль исполнил приказание и стал смотреть на то место, где, по его предположениям, с наибольшей вероятностью должны были находиться присяжные, ибо видеть что-нибудь в его состоянии душевного смятения было невозможно.

М-р Уинкль был затем допрошен м-ром Скимпином, который, будучи молодым человеком лет сорока двух или трех, подающим надежды, старался, конечно, по мере сил смутить свидетеля, явно расположенного в пользу противной стороны.

— Итак, сэр, — сказал м-р Скимпин, — не будете ли вы столь любезны сообщить его лордству и присяжным свою фамилию?

И м-р Скимпин склонил голову набок, дабы выслушать с большим вниманием ответ, и взглянул в то же время на присяжных, как бы предупреждая, что он не будет удивлен, если прирожденная склонность м-ра Уинкля к лжесвидетельству побудит его назвать фамилию, ему не принадлежащую.

— Уинкль, — ответил свидетель.

— Как ваше имя, сэр? — сердито спросил маленький судья.

— Нетениел, сэр.

— Дениел... второе имя есть?

— Нетениел, сэр... то есть, милорд.

— Нетениел, Дениел или Дениел Нетениел?

— Нет, милорд, только Нетениел, Дениел совсем нет.

— В таком случае зачем же вы мне сказали Дениел? — осведомился судья.

— Я не говорил, милорд, — отвечал м-р Уинкль.

— Вы сказали, сэр, — возразил судья, сурово нахмурившись. — Как бы я мог записать Дениел, если вы мне не говорили этого, сэр?

Этот довод был, конечно, неоспорим.

— У м-ра Уинкля довольно короткая память, милорд, — вмешался м-р Скимпин, снова взглянув на присяжных. — На-

деюсь, мы найдем средства освежить ее, раньше чем покончим с ним.

— Советую вам быть осторожнее, сэр, — сказал маленький судья, бросив злобный взгляд на свидетеля.

Бедный м-р Уинкль поклонился и старался держать себя свободней, что, в его смятенном состоянии, придавало ему сходство с застигнутым врасплох воришкой.

— Итак, м-р Уинкль, — сказал м-р Скимпин, — пожалуйста, слушайте меня внимательно, сэр, и разрешите мне посоветовать вам, в ваших же интересах, хранить в памяти предостережение его лордства. Если я не ошибаюсь, вы близкий друг Пиквика, ответчика, не так ли?

— Я знаю м-ра Пиквика, насколько я сейчас могу припомнить, почти...

— Пожалуйста, м-р Уинкль, не уклоняйтесь от ответа. Вы близкий друг ответчика или нет?

— Я только хотел сказать, что...

— Ответите вы или не ответите на мой вопрос, сэр?

— Если вы не ответите на вопрос, вы будете арестованы, сэр, — вмешался маленький судья, отрываясь от своей записной книжки.

— Итак, сэр, — сказал м-р Скимпин, — будьте любезны: да или нет?

— Да, — ответил м-р Уинкль.

— Итак, вы его друг. А почему же вы не могли сказать это сразу, сэр? Быть может, вы знакомы также с истицей? Не так ли, м-р Уинкль?

— Я с нею не знаком, я ее видел.

— О, вы с нею не знакомы, но вы ее видели? А теперь будьте добры сообщить джентльменам присяжным, что вы хотите сказать этим, м-р Уинкль.

— Хочу сказать, что я с нею близко не знаком, но видел ее, когда бывал у м-ра Пиквика на Госуел-стриг.

— Сколько раз вы ее видели, сэр?

— Сколько раз?

— Да, м-р Уинкль, сколько раз? Я могу повторить этот вопрос двенадцать раз, если вы пожелаете, сэр. — И высоко-

ученый джентльмен, решительно и сурово сдвинув брови, подбоченился и многозначительно улыбнулся присяжным.

По этому вопросу возникли поучительные пререкания, обычные в подобных случаях. Прежде всего м-р Уинкль заявил, что он решительно не может вспомнить, сколько раз он видел м-с Бардль. Тогда его спросили, видел ли он ее раз двадцать, на что он ответил: „Конечно... больше двадцати раз“. Тогда его спросили, видел ли он ее сто раз, — может ли он под присягой утверждать, что видел ее не больше пятидесяти раз, — признает ли он, что видел ее по крайней мере семьдесят пять раз — и так далее; в конце концов пришли к удовлетворительному заключению, что ему следует быть осторожнее и думать, о чем он говорит. Когда свидетель был доведен таким образом до желаемого состояния нервного расстройствa, допрос продолжался:

— Скажите, пожалуйста, м-р Уинкль, помните ли вы, что посетили ответчика Пиквика у него на квартире, в доме истицы на Госуел-стрит, в определенное утро в июле прошлого года?

— Да, помню.

— Сопровождали вас в тот день приятель по фамилии Тапмен и другой, по фамилии Снодграс?

— Да, сопровождали.

— Они здесь?

— Да, здесь, — ответил м-р Уинкль, пристально глядя в ту сторону, где сидели его друзья.

— Пожалуйста, слушайте меня, м-р Уинкль, и не занимайтесь вашими друзьями, — сказал м-р Скимпин, бросив еще один выразительный взгляд на присяжных. — Они должны дать свои показания без всякой предварительной консультации с вами, если таковая еще не имела места (снова взгляд в сторону присяжных). Итак, сэр, скажите джентльменам присяжным, что вы увидели в то утро, войдя в комнату ответчика. Ну, говорите же, сэр. Рано или поздно, но мы заставим вас говорить.

— Ответчик, м-р Пиквик, держал истицу в своих объятиях, обхватив ее руками за талию, — ответил м-р Уинкль.

с понятной нерешительностью, — а истица, повидимому, была в обмороке.

— Вы слышали, говорил что-нибудь ответчик?

— Я слышал, как он назвал м-с Бардль голубушкой, и слышал, как он просил ее успокоиться, указывая на положение, в которое они попадут, если кто-нибудь войдет, или что-то в этом роде.

— Теперь, м-р Уинкль, мне остается задать вам только один вопрос, и я прошу вас помнить о предостережении, сделанном его лордством. Можете ли вы под присягой показать, что Пиквик, ответчик, не сказал тогда: „Моя дорогая м-с Бардль, голубушка, привыкайте к мысли об этом положении, ибо оно вас ждет“, или в этом роде?

— Я... я, конечно, понял его не так, — сказал м-р Уинкль, потрясенный этим остроумным истолкованием тех немногих слов, какие он слышал. — Я был на лестнице и не мог ясно расслышать; у меня создалось такое впечатление...

— Джентльмены присяжные не нуждаются, м-р Уинкль, в создавшихся у вас впечатлениях, от которых, боюсь, мало будет пользы честным прямым людям, — перебил м-р Скимпин. — Вы были на лестнице и слышали неясно; но вы не можете присягнуть, что Пиквик не воспользовался теми выражениями, которые я цитировал? Так ли я понимаю?

— Да, не могу, — ответил м-р Уинкль; и м-р Скимпин с торжествующим видом сел на место.

Дело м-ра Пиквика развивалось до сих пор так неудачно, что следовало избегать новых поводов для подозрения, и так как его нужно было показать в более выгодном свете, м-р Фанки встал, желая добиться чего-нибудь существенного от м-ра Уинкля при перекрестном допросе. Добился ли он чего-нибудь существенного, обнаружится немедленно.

— Повидимому, м-р Уинкль, — сказал Фанки, — м-р Пиквик — уже не молодой человек?

— Да, — ответил м-р Уинкль, — он мог бы быть моим отцом.

— Вы сказали моему высокоученому другу, что знаете м-ра Пиквика много лет. Были у вас какие-нибудь основания предполагать или думать, что он собирается жениться?

— О, нет, конечно, нет! — ответил м-р Уинкль с таким жаром, что м-ру Фанки следовало бы с возможной поспешностью удалить его с места для свидетелей. Адвокаты утверждают, что есть два вида особенно неприятных свидетелей: сопротивляющийся свидетель и слишком рьяный свидетель: м-ру Уинклю было суждено выступить в обеих ролях.

— Я пойду еще дальше, м-р Уинкль, — продолжал м-р Фанки с весьма любезным и самодовольным видом. — Замечали вы в манерах м-ра Пиквика и в его поведении по отношению к другому полу нечто, побуждающее вас думать, что он помышлял о женитьбе по крайней мере в последние годы?

— О, нет, конечно, нет! — ответил м-р Уинкль.

— Всегда ли его поведение по отношению к женщинам было поведением человека, который, достигнув довольно пожилого возраста, удовлетворенный своими занятиями и развлечениями, относится к ним, как мог бы отец относиться к своим дочерям?

— В этом не приходится сомневаться, — ответил м-р Уинкль от всей души, — то есть... да... о, да... конечно!

— Вы никогда не замечали в его отношениях к м-с Бардль или какой-либо другой женщине ничего хоть сколько-нибудь подозрительного? — спросил м-р Фанки, приготовляясь сесть на свое место, так как сарджент Снабин делал ему знаки.

— Н-н-пет, — ответил м-р Уинкль, — за исключением одного незначительного случая, который, я нисколько не сомневаюсь, можно легко объяснить.

Если бы злополучный м-р Фанки сел, когда сарджент Снабин ему подмигнул, или если бы сарджент Базфаз прекратил этот неправильный перекрестный допрос в самом начале (от чего он, разумеется, воздержался, заметив волнение м-ра Уинкля и прекрасно зная, что оно, по всем вероятностям, послужит ему, Базфазу, на пользу), это неуместное признание не было бы сделано. Как только эти слова сорвались с языка м-ра Уинкля, м-р Фанки сел, а сарджент Снабин с несколько излишней поспешностью предложил м-ру Уинклю покинуть место для свидетелей, что м-р Уинкль приготовился сделать с большой охотой. Сарджент Базфаз остановил его.

— Пойдите, м-р Уинкль, пойдите! — сказал сарджент Базфаз, — не угодно ли вашему лордству спросить его, что это за единственный пример подозрительного поведения по отношению к женщинам со стороны джентльмена, который по своим годам мог бы быть ему отцом!

— Вы слышите, что говорит высокоученый защитник, сэр? — заметил судья, обращаясь к жалкому и измученному м-ру Уинклю. — Изложите обстоятельство, о котором вы упомянули.

— Милорд, — сказал м-р Уинкль, дрожа от волнения, — я... я предпочел бы воздержаться.

— Возможно, — отозвался маленький судья, — но вы должны говорить.

Среди глубокого молчания всего суда м-р Уинкль, заикаясь, рассказал о незначительном случае, внушавшем подозрение и заключавшемся в том, что м-р Пиквик очутился в полночь в спальне одной леди, каковой случай, как полагал м-р Уинкль, закончился разрывом упомянутой леди с ее женихом и привел, как ему было известно, к тому, что всю компанию насильно повели к Джорджу Напкинсу, эскуайру, мэру и мировому судье города Ипсуича.

— Вы можете удалиться, сэр, — сказал сарджент Снабин.

М-р Уинкль удалился и с горячечной поспешностью устремился к „Джорджу и Ястребу“, где спустя несколько часов лакей нашел его глухо и жалобно стонущим, с головой, зарытой под диванные подушки.

Треси Тапмен и Огастес Снодграс были вызваны поочередно на место для свидетелей; оба подтвердили показания своего несчастного друга, и каждый был доведен до грани отчаяния перекрестным допросом.

Затем была вызвана Сюсена Сендерс и допрошена сарджентом Базфазом и сарджентом Снабином. Она всегда говорила, что Пиквик женится на м-с Бардль. Знала, что после июльского обморока помолвка м-с Бардль с Пиквиком служила очередной темой разговоров среди соседей; она сама слышала об этом от м-с Мадбери, которая держит каток для белья, и от м-с Банкин, которая крахмалит белье, но не видит в зале суда ни м-с Мадбери, ни м-с Банкин.

Слышала, как Пиквик спрашивал маленького мальчика, хочет ли он иметь другого отца. Не знает, водила ли м-с Бардль знакомство с булочником, но знает, что булочник тогда был холост, а теперь женат. Не могла бы показать под присягой, что м-с Бардль не была очень расположена к булочнику, но склонна думать, что булочник был не очень расположен к м-с Бардль, иначе он не женился бы на ком-то другом. Думает, что м-с Бардль упала в обморок утром в июле, потому что Пиквик просил ее назначить день. Знает, что она (свидетельница) сама упала в обморок, как мертвая, когда м-р Сендерс просил ее назначить день, и считает, что каждая женщина, которая называет себя леди, сделала бы при подобных обстоятельствах то же самое. Слышала, как Пиквик задал мальчику вопрос о шариках, но может показать под присягой, что не знает разницы между шариком отборным и обыкновенным.

На вопрос судьи ответила: в период своего знакомства с м-ром Сендерсом получала любовные письма, подобно другим леди. В письмах м-р Сендерс часто называл ее „утюж-кой“, но никогда не называл ни „отбивной котлетой“, ни „томатным соусом“. Он был большим любителем уток. Может быть, если бы он так же любил отбивные котлеты и томатный соус, он воспользовался бы этими словами как ласкательными.

Затем встал сарджент Базфаз с таким внушительным видом, какого он еще не демонстрировал, если это только возможно, и провозгласил:

— Вызовите Сэмюела Уэлера.

Вызывать Сэмюела Уэлера было совершенно незачем, ибо Сэмюел Уэлер проворно поднялся на возвышение, как только было произнесено его имя, и, положив шляпу на пол, а локти на перила, обозрел суд с высоты птичьего полета и одним взглядом окинул судей с удивительно беззаботным и веселым видом.

— Как ваше имя, сэр? — осведомился судья.

— Сэм Уэлер, милорд, — ответил этот джентльмен.

— Вы пишете свою фамилию через „в“ или через „у“? — спросил судья.

— Это зависит от вкуса и каприза пишущего, милорд, — отвечал Сэм. — Мне не представлялось случая подписываться чаще одного-двух раз в жизни, но я ее пишу через „в“.

В этот момент с галлерей послышался громкий голос:

— И правильно, Сэмивел, совершенно правильно. Пишите „в“, милорд, пишите „в“.

— Кто это осмелился обращаться к суду? — воскликнул маленький судья, поднимая голову. — Курьер!

— Слушаю, милорд.

— Немедленно привести сюда этого человека.

— Слушаю, милорд.

Но так как курьер не нашел этого человека, то он и не привел его, и когда улеглась суматоха, все вставшие посмотреть на виновного уселись снова. Маленький судья повернулся к свидетелю, как только его негодование рассеялось в достаточной мере, чтобы не мешать ему говорить, и сказал:

— Вы знаете, кто это, сэр?

— Подозреваю, что это мой отец, милорд, — ответил Сэм.

— Вы его видите здесь сейчас? — спросил судья.

— Нет, не вижу, милорд, — отозвался Сэм, глядя вверх, на застекленный потолок зала.

— Если бы вы могли указать его, я бы арестовал его немедленно, — сообщил судья.

Сэм поклонился в знак признательности и повернулся с невозмутимо благодушной физиономией к сардженту Базфазу.

— Итак, м-р Уэлер? — сказал сарджент Базфаз.

— Итак, сэр? — отозвался Сэм.

— Кажется, вы состоите на службе у м-ра Пиквика, ответчика по этому делу? Говорите смелее, м-р Уэлер.

— Я собираюсь говорить смело, сэр, — отозвался Сэм. — Я состою на службе у этого-вот джентльмена, и служба очень хорошая.

— Работы мало, а получаете много, кажется? — шутливо заметил сарджент Базфаз.

— О, получаю вполне достаточно, сэр, как сказал солдат, когда его приговорили к тремстам пятидесяти ударам плетью, — отвечал Сэм.

— Вам незначет сообщать нам, сэр, что сказал солдат или кто-то другой, — перебил судья, — это не есть свидетельское показание.

— Очень хорошо, милорд, — ответил Сэм.

— Не припоминаете ли вы чего-нибудь исключительного в то утро, когда вы только что поступили на службу к ответчику, м-р Уэлер? — спросил сарджент Базфаз.

— Да, я припоминаю, сэр, — ответил Сэм.

— Будьте добры сообщить присяжным, что произошло.

— В то утро я получил регулярно новый костюм, джентльмены присяжные, — сказал Сэм, — и это было совсем исключительное и необычайное обстоятельство для меня в то время.

В ответ на это раздался общий хохот, и маленький судья сердито посмотрел и сказал:

— Советую вам быть осторожнее, сэр.

— Вот это же самое сказал мне тогда и м-р Пиквик, милорд, — отвечал Сэм. — И я был очень осторожен с этим-вот костюмом; право же, очень осторожен, милорд.

Судья сурово смотрел на Сэма в течение добрых двух минут, но физиономия Сэма оставалась столь невозмутимо спокойной и безмятежной, что судья не сказал ни слова и жестом предложил сардженту Базфазу продолжать.

— Вы хотите сказать, м-р Уэлер, — произнес сарджент Базфаз, внушительно складывая на груди руки и поворачиваясь вполоборота к присяжным, словно давая немое заверение, что еще допечет свидетеля, — вы хотите сказать, м-р Уэлер, что вы не видели этого обморока истицы в объятиях ответчика, — обморока, о котором, как вы слышали, говорили свидетели?

— Конечно, не видел, — ответил Сэм. — Я был в коридоре, пока меня не позвали наверх, а тогда старой леди там уже не было.

— Но позвольте, м-р Уэлер, — сказал сарджент Базфаз, опуская большое перо в стоявшую перед ним чернильницу в расчете запугать Сэма тем, что записывает его ответ. — Вы были в коридоре и тем не менее не видели решительно ничего, что происходило. Есть у вас глаза, м-р Уэлер?

30
— Да, у меня есть глаза,— ответил Сэм,— и в этом-то все дело. Будь у меня вместо них пара патентованных газозовых* микроскопов экстренной силы, увеличивающих в два миллиона раз, может быть, я и увидел бы сквозь лестницу и сосновую дверь; но когда у меня есть только глаза, то, понимаете ли, зрение мое ограничено.

Услышав такой ответ, который был дан без малейшей видимости раздражения и с величайшим простодушием и хладнокровием, зрители захихикали, маленький судья улыбнулся,— вид у сарджента Базфаза был нарочито глупый. После краткой консультации с Додсоном и Фогом высокоученый сарджент снова обратился к Сэму и сказал, усиленно стараясь скрыть свое раздражение:

— Теперь, м-р Уэлер, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос по другому пункту.

— К вашим услугам, сэр,— отозвался Сэм с беспредельным добродушием.

— Припоминаете ли вы, что как-то вечером, в ноябре прошлого года, вы зашли к м-с Бардль?

— О, да, прекрасно помню.

— А, вы это помните, м-р Уэлер!— сказал сарджент Базфаз, воспрянув духом.— Я так и думал, что в конце концов мы до чего-нибудь договоримся.

— Я тоже так думал, сэр,— ответил Сэм, и зрители снова захихикали.

— Так вот, я полагаю, вы зашли побеседовать об этом процессе, не так ли, м-р Уэлер?— сказал сарджент Базфаз, многозначительно взглядывая на присяжных.

— Я зашел, чтобы уплатить за квартиру, но мы и в самом деле побеседовали о процессе,— ответил Сэм.

— О, так вы побеседовали о процессе!— подхватил сарджент Базфаз, с удовольствием предвкушая важное разоблачение.— Ну, так что же вы говорили о процессе, не будете ли вы так добры сообщить нам, м-р Уэлер?

— С величайшим удовольствием, сэр,— отозвался Сэм.— После нескольких незначительных замечаний, сделанных двумя добродетельными женщинами, которых допрашивали здесь се-

годня, леди выразили большой восторг по случаю достойного поведения м-ров Додсона и Фога — вон тех двух джентльменов, что сидят сейчас возле вас.

Эти слова, разумеется, привлекли всеобщее внимание к Додсону и Фогу, которые приняли по возможности добродетельный вид.

— Атерни истицы, — пояснил сарджент Базфаз. — Прекрасно! Они высказались с большой похвалой о достойном поведении м-ров Додсона и Фога, атерни истицы, не так ли? 30

— Да, — подтвердил Сэм, — они говорили о том, как это великодушно с их стороны принять это дело на свой риск и не требовать уплаты судебных издержек, если им ничего не удастся вытянуть из м-ра Пиквика. 1

При этом весьма неожиданном ответе зрители снова захихикали, а Додсон и Фог, сильно покраснев, наклонились к сардженту Базфазу и торопливо стали шептать ему что-то на ухо.

— Вы совершенно правы, — громко сказал сарджент Базфаз с притворным спокойствием. — Совершенно бесполезно, милорд, пытаться пробить непроницаемую тупость этого свидетеля. Не буду утруждать суд дальнейшими вопросами. Можете удалиться, сэр. 30

— Не желает ли еще какой-нибудь джентльмен спросить меня о чем-нибудь? — осведомился Сэм, беря свою шляпу и озираясь с большим спокойствием.

— Мне не нужно, м-р Уэлер, благодарю вас, — смеясь, сказал сарджент Снабин.

— Вы можете удалиться, сэр, — сказал сарджент Базфаз, нетерпеливо махнув рукой.

Сэм удалился, нанеся делу м-ров Додсона и Фога такой ущерб, какой только мог нанести, не нарушая приличий и почти ничего не сообщив о м-ре Пиквике, что и было целью, которую он преследовал. 30

— Я не буду отрицать, милорд, — сказал сарджент Снабин, — если это избавит нас от допроса других свидетелей, — не буду отрицать того, что м-р Пиквик удалился от дел и имеет значительное и независимое состояние.

— Очень хорошо! — сказал сарджент Базфаз, предъявляя обе записки м-ра Пиквика. — Больше мне нечего добавить, милорд.

Засим сарджент Снабин обратился к присяжным с речью в защиту ответчика и произнес очень длинную, очень выразительную речь, в которой осыпал величайшими похвалами поведение и характер м-ра Пиквика; но так как наши читатели могут составить более правильное представление о заслугах и качествах этого джентльмена, чем сарджент Снабин, то мы считаем излишним входить сколько-нибудь подробно в замечания высокоученого джентльмена. — Он пытался доказать, что предъявленные суду письма относились только к обеду м-ра Пиквика или к приготовлению для приема в занимаемой им квартире по случаю его возвращения из какой-то загородной экскурсии. Достаточно добавить в общих словах, что он сделал все возможное для м-ра Пиквика, а больше того, что можно сделать, не сделаешь, как гласит старая истина.

Судья Стейрли сказал напутственное слово по давно установленной и самой испытанной форме. Он прочел присяжным из своих заметок, сколько успел расшифровать за такой короткий срок, и попутно дал беглые комментарии к свидетельским показаниям. Если м-с Бардль права, то совершенно ясно, что м-р Пиквик неправ, и если присяжные считают показания ^{госпожи} м-с Кларкин достойными доверия, то они им поверят, а если не считают, — они им, конечно, не поверят. Если они убеждены, что нарушение брачного обещания произошло, они решат дело в пользу истицы, с возмещением убытков, какое сочтут подобающим, а если, с другой стороны, они найдут, что никакого брачного обещания не было дано, то решат дело в пользу ответчика, без всякого возмещения убытков.

Засим присяжные удалились в комнату для совещания, чтобы обсудить дело, а судья удалился в отведенную для него комнату, чтобы подкрепиться бараньей котлетой и стаканом хереса.

Прошло тревожных четверть часа; присяжные вернулись, и был вызван судья. М-р Пиквик надел очки и с встревоженным лицом и быстро бьющимся сердцем смотрел на старшину присяжных.

— Джентльмены, — сказал субъект в черном, — ваш вердикт вынесен единогласно?

— Да, — ответил старшина.

— Дело решено в пользу истицы, джентльмены, или в пользу ответчика?

— В пользу истицы.

— В какой сумме выражаются убытки, джентльмены?

— Семьсот пятьдесят фунтов.

М-р Пиквик снял очки, старательно протер стекла, уложил очки в футляр и спрятал в карман; затем, натянув с большой аккуратностью перчатки и не спуская при этом глаз со старшины, он машинально вышел из суда вслед за м-ром Перкером и его синим мешком.

Они задержались в боковой комнате, пока Перкер выплачивал полагающиеся судебные гонорары; здесь к м-ру Пиквику присоединились его друзья. И здесь же он встретил м-ров Додсона и Фог, потиравших руки со всяческими признаками явного удовлетворения.

— Ну, что же, джентльмены? — сказал м-р Пиквик.

— Ну, что же, сэр? — сказал Додсон за себя и за партнера.

— Вы воображаете, что получите свои издержки, не так ли, джентльмены? — сказал м-р Пиквик.

Фог сказал, что они считают это довольно вероятным. Додсон улыбнулся и сказал, что они постараются.

— Вы можете стараться, стараться и еще раз стараться, м-ры Додсон и Фог, — с жаром воскликнул м-р Пиквик, — но ни единого фартинга издержек и вознаграждения за убытки вы от меня не получите, хотя бы мне пришлось провести конец жизни в долговой тюрьме!

— Ха-ха! — рассмеялся Додсон. — Вы еще передумаете, прежде чем начнется следующая сессия, м-р Пиквик.

— Хи-хи-хи! Скоро мы это увидим, м-р Пиквик! — осклабился Фог.

Онемев от негодования, м-р Пиквик позволил увести себя своему солиситору и друзьям и усадить в карету, которую нанял всегда бдительный Сэм Уэллер.

Сэм закинул подножку и собирался вскочить на козлы, когда почувствовал, что кто-то легко дотронулся до его плеча, и, оглянувшись, увидел перед собою отца. Физиономия старого джентльмена выражала уныние, когда он серьезно покачал головой и сказал укоризненным тоном:

— Я знал, что выйдет из этого-вот способа вести дела. О, Сэми, Сэми, почему не было алиби!

ГЛАВА XXXV

в которой м-р Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бат, и поступает соответственно

— Разумеется уважаемый сэр, — сказал маленький Перкер, явившись к м-ру Пиквику на следующее утро после суда, — разумеется, вы не предполагаете в самом деле и серьезно — оставим раздражение в стороне — не платить судебных издержек и вознаграждения за убытки?

— Ни полпенни, — твердо сказал м-р Пиквик, — ни полпенни.

— Ура! Да здравствует принцип, как сказал ростовщик, когда не хотел переписать вексель, — заметил м-р Уэлер, который убирал со стола после завтрака.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, — будьте так добры, ступайте вниз.

— Слушаю, сэр, — ответил м-р Уэлер, и, повинуясь деликатному намеку м-ра Пиквика, удалился.

— Нет, Перкер, — сказал м-р Пиквик с большой серьезностью, — мои друзья, здесь присутствующие, пытались отговорить меня от этого решения, но безуспешно. Я буду жить по-старому, пока противная сторона не получит полномочия

привести в исполнение * постановление суда; если они окажутся настолько подлы, что воспользуются этим и арестуют меня, я подчинюсь с полным спокойствием и бодростью. Когда они могут добиться этого? ✕

— Они могут получить исполнительное решение, уважаемый сэр, на сумму вознаграждения за убытки и судебных издержек в следующую сессию, — ответил Перкер, — ровно через два месяца, уважаемый сэр.

«— Очень хорошо, — сказал м-р Пиквик. — До тех пор, дорогой мой, не заговаривайте со мной об этом деле. А теперь, — продолжал м-р Пиквик, оглядывая своих друзей с добродушной улыбкой и поблескивая глазами, и этого блеска не могли ни затуманить, ни скрыть никакие очки, — единственный вопрос сводится к тому, куда нам направиться прежде всего? »

М-р Тапмен и м-р Сподграс были слишком потрясены героизмом своего друга, чтобы дать какой-нибудь ответ; м-р Уинкль еще не настолько справился с воспоминанием о своих показаниях на суде, чтобы сделать какое бы то ни было замечание по какому бы то ни было поводу, — и м-р Пиквик тшкетно ждал ответа.

— Хорошо, — сказал сей джентльмен, — если вы предоставляете мне выбрать место, я предлагаю Бат*. Мне кажется, никто из нас там никогда не бывал.

Никто там не бывал; и так как эта идея была горячо поддержана Перкером, который считал весьма вероятным, что перемена обстановки и развлечение побудят м-ра Пиквика изменить свое решение к лучшему и свое мнение о долговой тюрьме к худшему, то предложение было приято единогласно, и Сэм немедленно был отправлен в „Погреб * Белого Коня“ заказать пять мест в карете, отправлявшейся в половине восьмого следующего утра.

Оставалось два внутренних места и три наружных; поэтому Сэм Уэлер взял билеты на все места и, обменявшись с клерком билетной кассы несколькими комплиментами по поводу оловянной полукроны, которую ему предложили в счет сдачи, вернулся в „Джордж и Ястреб“, где был не на шутку занят до ночи, стараясь поплотнее уложить одежду и белье

и изощряя свои способности в области механики на изобретении различных хитроумных способов приладить крышки к ящикам, не имеющим ни замков, ни петель.

Следующее утро было весьма неблагоприятно для путешествия — туманное, сырое и дождливое. Лошади, запряженные в пассажирские кареты, проехав по городу, дымились так, что наружные пассажиры были невидимы. Газетчики промокли, и от них пахло плесенью; вода стекала со шляп торговцев апельсинами, когда они просовывали головы в окна кареты и освежали внутренних пассажиров поливкой. Евреи, торговавшие перочинными ножами с пятьюдесятью лезвиями, в отчаянии закрыли их. Продавцы карманных записных книжек спрятали их в карманы. Цепочки от часов и вилки для поджаривания тостов продавались по пониженной цене, а на пеналы и губки спроса вовсе не было.

Предоставив Сэму Уэлеру спасать багаж от семи-восьми носильщиков, которые неистово на него набросились, как только карета остановилась, и убедившись, что они приехали минут на двадцать раньше, чем следовало, м-р Пиквик и его друзья нашли приют в зале для пассажиров — последнем пристанище человеческой скорби.

Зал для пассажиров в „Погребе Белого Коня“, конечно, не комфортабелен — иначе он не был бы залом для пассажиров. Комната эта расположена направо от входа, и в нее как будто ввалился честолюбивый кухонный очаг в сопровождении мятежной кочерги, щипцов и совка. Она разбита на отделения для одиночного заключения пассажиров и снабжена часами, зеркалом и живым сервантом, каковой предмет обстановки содержится в маленькой конуре для мытья стаканов, в углу комнаты.

Одно из отделений было занято на сей раз человеком лет сорока пяти, с сердитыми глазами, блестящей лысиной, обрамленной довольно густыми черными волосами, и с большими черными бакенбардами. Его коричневый сюртук был застегнут до подбородка, а большая дорожная шапка из тюленьей кожи, пальто и плащ лежали на скамье подле него. Когда вошел м-р Пиквик, он оторвался от своего завтрака с свирепым и ре-

пительным видом, преисполненным достоинства; осмотрев критически этого джентльмена и его спутников, к своему полному удовлетворению, он начал сквозь зубы напевать какой-то мотив, как бы желая выразить подозрение, что его хотят задеть, но из этого ничего не выйдет.

— Лакей! — воскликнул джентльмен с бакенбардами.

— Сэр? — отозвался человек с грязным лицом и таким же полотенцем, вылезая из вышеупомянутой конуры.

— Еще тостов *.

— Слушаю, сэр.

— С маслом, не забудьте, — свирепо сказал джентльмен.

— Сию минуту, сэр, — ответил лакей.

Джентльмен с бакенбардами продолжал напевать под нос и, в ожидании прибытия тостов, подошел к очагу и, заложив подмышки фалды сюртука, посмотрел на свои башмаки и задумался.

— Интересно, где останавливается в Бате эта карета, — сказал м-р Пиквик, мягко обращаясь к м-ру Уинклю.

— Гм... э... что такое? — проговорил незнакомец.

— Я обратился к своему другу, сэр, — ответил м-р Пиквик, всегда готовый вступить в разговор. — Я хотел бы знать, в какой гостинице в Бате останавливается карета? Быть может, вы мне сообщите?

— Вы едете в Бат? — спросил незнакомец.

— Да, сэр, — отозвался м-р Пиквик.

— И эти джентльмены?

— И они также, — сказал м-р Пиквик.

— Не внутри, надеюсь? Будь я проклят, если вы собираетесь ехать внутри! — воскликнул незнакомец.

— Не все, — сказал м-р Пиквик.

— Да, не все, — выразительно произнес незнакомец. — Я занял два места. Если они попробуют всунуть шестерых в этот адский ящик, который вмещает только четверых, я найму дорожную карету и подам в суд. Я заплатил за проезд. Это не пройдет. Я сказал клерку, когда брал места, что это не пройдет. Я знаю, что это у них делается... Я знаю, что они проделывают это ежедневно, но со мной они этого никогда не

проделают. Тем, кто меня знает, это хорошо известно, чорт побери!

Свирепый джентльмен неистово позвонил в колокольчик и объявил лакею, чтобы тот подал тосты в пять секунд, иначе ему плохо придется.

— Мой дорогой сэр, — сказал м-р Пиквик, — разрешите мне заметить, что такое волнение совершенно излишне. Я взял только два места внутри кареты.

— Рад это слышать, — отозвался свирепый человек. — беру назад свои слова. Прошу извинения. Вот моя карточка. Разрешите познакомиться.

— С большим удовольствием, сэр, — ответил м-р Пиквик. — Нам предстоит быть попутчиками, и, надеюсь, мы будем довольны обществом друг друга.

— Надеюсь, — сказал свирепый джентльмен. — Уверен, что будем. Мне нравятся ваши лица, они приятны. Джентльмены, ваши руки и фамилии. Познакомимся.

Разумеется, за этой любезной речью последовал обмен дружескими приветствиями; и свирепый джентльмен тотчас же начал сообщать друзьям теми же короткими, резкими, отрывистыми фразами, что его фамилия Даулер, что он едет в Бат для развлечения, что он прежде служил в армии, что теперь он занялся коммерцией, как джентльмен, что он живет на получаемые от этого доходы и что лицо, для которого было заказано второе место, — не более и не менее, как м-с Даулер, его законная жена.

— Она прекрасная женщина, — сказал м-р Даулер. — Я горжусь ею. У меня есть для этого основания.

— Надеюсь, я буду иметь удовольствие судить об этом, — с улыбкой заметил м-р Пиквик.

— Будете, — отозвался Даулер. — Она познакомится с вами... она оценит вас. Я ухаживал за ней при своеобразных обстоятельствах. Я добился ее, дав опрометчивую клятву. Я ее увидел; я ее полюбил; я сделал предложение, она мне отказала. — „Вы любите другого?“ — „Пощадите мою стыдливость“. — „Я его знаю?“ — „Знаете“. — „Очень хорошо; если он не уедет отсюда, я сдеру с него кожу“.

— Помилуй бог! — невольно воскликнул м-р Пиквик.

— Вы содрали кожу с этого джентльмена, сэр? — осведомился м-р Уинкль, сильно побледнев.

— Я написал ему записку. Я сказал, что это мучительная вещь. И это так.

— Несомненно, — вставил м-р Уинкль.

— Я сказал, что я дал слово джентльмена содрать с него кожу. Моя репутация была поставлена на карту. У меня не было иного выхода. Как офицер службы его величества, я был обязан содрать с него кожу. Я жалел о необходимости, но я должен был это сделать. Он внял убеждениям, он понял, что законы службы выше всего. Он бежал. Я женился на ней. Вот и карета. Это ее голова.

Говоря это, м-р Даулер указал на только что подъехавшую карету, из открытого окна которой выглядывала довольно хорошенькая особа в яркосиней шляпе, отыскивавшая глазами кого-то в толпе на тротуаре, — по всем вероятностям, самого опрометчивого человека.

М-р Даулер расплатился и выбежал со своей дорожной шапкой, пальто и плащом; м-р Пиквик и его друзья последовали за ним, чтобы занять места.

М-р Тапмен и м-р Снодграс уселись на задних наружных местах кареты; м-р Уинкль расположился внутри, и м-р Пиквик готовился последовать за ним, как Сэм Уэлер подошел к своему хозяину и, шепча ему на ухо с видом глубоко таинственным, попросил разрешения поговорить с ним.

— Ну, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — что случилось?

— Чудные дела делаются, сэр, — ответил Сэм.

— А что такое? — осведомился м-р Пиквик.

— Это-вот, сэр, — отозвался Сэм. — Я очень боюсь, сэр, что владелец этой-вот кареты хочет сыграть с нами дерзкую шутку.

— В чем дело, Сэм? — сказал м-р Пиквик. — Наши фамилии не занесены в список пассажиров?

— Фамилии не только занесены в список пассажиров, сэр, — отозвался Сэм, — но одну из них они вдобавок еще написали на двери кареты.

С этими словами Сэм указал на ту часть каретной дверцы, на которой обычно значится фамилия владельца; а там, и в самом деле, золотыми буквами внушительных размеров была начертана магическая фамилия „Пиквик“.

— Ах, боже мой,—воскликнул м-р Пиквик, совершенно потрясенный таким совпадением.—Какая изумительная вещь!

— Да, но это не все,—сказал Сэм, снова привлекая внимание своего хозяина к дверце кареты:—им мало было написать „Пиквик“, они еще поставили перед ним „Мозес“*, а это уж я называю прибавлять к обиде оскорбление, как сказал попугай, когда его не только увезли из родной страны, но заставили еще потом говорить по-английски.

— Конечно, это довольно странно, Сэм,—сказал м-р Пиквик,—но если мы будем стоять тут и разговаривать, мы останемся без мест.

— Как! Да разве ничего не нужно сделать по этому случаю, сэр?—воскликнул Сэм, совершенно ошеломленный тем хладнокровием, с каким м-р Пиквик собирался лезть в карету.

— Сделать?—повторил м-р Пиквик.—А что же можно сделать?

— Разве никого не нужно вздуть за такую вольность, сэр?—спросил м-р Уэлер, который надеялся, что ему будет поручено, по меньшей мере, вызвать тут же кучера и кондуктора на кулачный бой.

— Конечно, нет!—с живостью ответил м-р Пиквик.—Ни под каким видом! Немедленно полезайте на свое место.

— Я очень боюсь,—бормотал про себя Сэм, удаляясь,—что с хозяином случилось что-то неладное, иначе он никогда бы не снес этого так спокойно. Надеюсь, этот-вот процесс не пришиб его, но похоже, что дело дрянь, совсем дрянь!—М-р Уэлер задумчиво покачал головой; и следует отметить для иллюстрации того, насколько к сердцу он принял это обстоятельство, что он не произнес больше ни слова, пока карета не остановилась у Кенсингтонской* заставы. Для Сэма такой промежуток времени, проведенный в безмолвии, был столь длителен, что этот факт можно рассматривать как не имеющий прецедентов.

Ничего заслуживающего особого упоминания не случилось за время путешествия. М-р Даулер рассказывал различные анекдоты, иллюстрирующие его собственную удаль и неустрашимость, обращаясь к м-с Даулер за подтверждением его слов; м-с Даулер неизменно сообщала, в виде приложения, какой-нибудь замечательный факт или обстоятельство, которые были забыты м-ром Даулером или пропущены им из скромности; эти добавления, в каждом отдельном случае, должны были доказать, что м-р Даулер был еще более изумительным молодцом, чем он сам себя изображал. М-р Пиквик и м-р Уинкль слушали с большим восторгом, а в промежутках беседовали с м-с Даулер, которая была весьма приятной и очаровательной особой. Итак, благодаря рассказам м-ра Даулера и чарам м-с Даулер, и добродушию м-ра Пиквика, и умению слушать м-ра Уинкля пассажиры в карете коротали время самым дружественным образом.

Наружные пассажиры вели себя так, как всегда ведут себя наружные пассажиры. Они были очень беззаботны и болтливы после каждой остановки, и очень хмуры и сонливы на полпути, и снова очень веселы и оживлены перед остановкой. Один молодой джентльмен в резиновом плаще курил все время сигары; другой молодой джентльмен, облеченный в пародию на пальто, закуривал их в огромном количестве и, чувствуя себя явно не по себе после второй затяжки, выбрасывал их, когда ему казалось, что никто на него не смотрит. Третий молодой человек, который интересовался скотоводством, сидел на козлах, а сзади — пожилой джентльмен, хорошо знакомый с сельским хозяйством. Постоянно сменялись христианские имена в рабочих блузах и белых куртках, которые получали от кондуктора предложение „подвезти“ их и знали каждую лошадь и каждого конюха на этой дороге и в стороне от нее. Обед по полкроны со рта был бы дешев, если бы умеренное количество ртов могло поглотить его во время краткой остановки. В семь часов пополудни м-р Пиквик со своими друзьями и м-р Даулер со своей женой разошлись по своим комнатам в гостинице „Белого * Оленя“ против Большой галлерей * минеральных вод Бата, где лакеев можно принять по костюму за

учеников Уестминстерской школы, если бы они не нарушали иллюзию тем, что держат себя гораздо лучше. X

ср. 60м.

На следующее утро завтрак был только что убран со стола, как лакей подал визитную карточку м-ра Даулера, который просил разрешения представить своего друга. Немедленно вслед за визитной карточкой явился сам м-р Даулер со своим другом.

Друг был очаровательным молодым человеком, не старше пятидесяти лет, одетым в очень яркий синий фрак с ослепительными пуговицами, черные брюки и пару тончайших и безукоризненно вычищенных башмаков. Золотой лорнет висел на короткой черной ленте; золотая табакерка была легко зажата в левой руке; бесчисленные золотые кольца блестели на пальцах, и булавка с большим бриллиантом в золотой оправе сверкала у него в жабо. На нем были золотые часы и золотая цепочка с массивными золотыми печатями; при нем была гибкая трость черного * дерева с тяжелым золотым набалдашником. Белье у него было самое белоснежное, тонкое и туго накрахмаленное; парик у него был самый глянцевиый, самый черный и самый кудрявый. Его нюхательный табак назывался „Смесью принца“; его духи — „Bouquet du roi“. Его лицо было сложено в постоянную улыбку, а его зубы были в таком безупречном порядке, что на небольшом расстоянии трудно было различить настоящие от вставных.

— М-р Пиквик, — сказал м-р Даулер, — это мой друг Энджело Сайрес Бэнтем, эскуайр, церемониймейстер Бэнтем; м-р Пиквик, познакомьтесь.

— Добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Вот это поистине приобретение. Еще раз добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Давно, очень давно, м-р Пиквик, вы не бывали на здешних водах. Кажется, будто целый век прошел, м-р Пиквик. За-амечательно. — С этими словами Энджело Сайрес Бэнтем, эскуайр, церемониймейстер, взяв м-ра Пиквика за руку и, задержав в своей руке, приподнял плечи и не переставая кланялся, словно для него было мучительным испытанием выпустить ее.

— Несомненно, очень много времени прошло с тех пор, как я не бывал на водах, — отозвался м-р Пиквик, — ибо, насколько мне известно, я никогда здесь не бывал.

— Не бывали в Ба-ате, м-р Пиквик? — воскликнул великий мастер, в изумлении выпуская руку. — Не бывали в Ба-ате? Хи-хи! М-р Пиквик, вы — шутник. Недурно, недурно! Хорошо! Хи-хи-хи! За-амечательно!

— К стыду своему, я должен сказать, что я не шучу, — возразил м-р Пиквик. — Я действительно никогда не бывал здесь раньше.

— О, понимаю! — воскликнул великий мастер с чрезвычайно довольным видом. — Да, да... хорошо, хорошо... все лучше и лучше. Вы тот джентльмен, о котором мы так наслышаны. Да, мы вас знаем, м-р Пиквик, мы вас знаем!

„Судебные отчеты в этих проклятых газетах, — подумал м-р Пиквик. — Они все обо мне знают!“

— Вы — джентльмен, проживающий в Клепем-грин *, — продолжал Бэнтем, — у которого отнялись руки и ноги оттого, что он по неосторожности простудился после портвейна, — джентльмен, которого нельзя было перевозить вследствие острых болей и который приказал наполнить бутылки водой в сто три градуса из королевского источника и доставить целую фуру к нему в спальню в Лондоне, где он и выкупался, чихнул и в тот же день выздоровел. Весьма за-амечательно!

М-р Пиквик поблагодарил за комплимент, заключившийся в таком предположении, но тем не менее у него хватило смирения отклонить его; и, воспользовавшись минутным молчанием церемониймейстера, он попросил разрешения представить своих друзей, м-ра Тапмена, м-ра Уинкля и м-ра Снодграса, — знакомство с коими преисполнило церемониймейстера радостью и гордостью.

— Бэнтем, — сказал м-р Даулер, — м-р Пиквик и его друзья — приезжие. Они должны вписать свои фамилии. Где книга?

— Регистрационная книга знатных посетителей Ба-ата будет в Галлерее сегодня в два часа, — ответил церемониймейстер. — Быть может, вы приведете наших друзей в это роскошное помещение и предоставите мне возможность получить их автографы?

— Хорошо, — отозвался Даулер. — Мы засиделись. Пора идти. Я вернусь через час. Идемте.

— Сегодня вечером будет бал, — сказал церемониймейстер, снова завладев рукой м-ра Пиквика, когда поднялся прощаться. — Балы в Ба-ате — минуты, похищенные из рая; им придает очарование музыка, красота, элегантность, мода, этикет и... и прежде всего отсутствие торговцев, которые совершенно несовместимы с раем и которые устраивают свои собственные собрания в Гилдхале * каждые две недели, — собрания, по меньшей мере, замечательные. До свидания, до свидания! — и уверяя все время, пока спускался с лестницы, что он в высшей степени доволен, и в высшей степени восхищен, и в высшей степени потрясен, и в высшей степени польщен, Энджело Сайрес Бэнтем, эскуайр, церемониймейстер, уселся в очень элегантный экипаж, который дожидался его у двери, и укатил.

В назначенный час м-р Пиквик и его друзья, эскортируемые Даулером, отправились в Залы * ассамблей и записали свои имена в книге, — любезность, которая привела Энджело Бэнтема в еще большее восхищение. Так как всем нужно было запастись билетами на вечернее собрание, и так как они готовы еще не были, м-р Пиквик решил, несмотря на все протесты Энджело Бэнтема, послать за ними Сэма в четыре часа дня на квартиру церемониймейстера на Куин-сквере *. Совершив небольшую прогулку по городу и придя к единогласному заключению, что Парк-стрит очень напоминает те перпендикулярные улицы, которые случается видеть во сне, но по которым ни за какие блага в мире не удастся пройти, они вернулись к „Белому Оленю“ и послали Сэма с поручением, которое передал ему хозяин.

Сэм Уэлер надел шляпу весьма небрежно и элегантно и, засунув руки в карманы жилета, отправился не спеша к Куин-скверу, насвистывая при этом самые популярные мотивы, аранжированные совершенно по-новому для такого благородного инструмента, как шарманка или губная гармоника. Дойдя до того дома на Куин-сквере, куда его послали, он перестал свистеть и беззаботно постучал в дверь; на стук немедленно вышел лакей с напудренной головой, в превосходной ливрее и симметрического телосложения.

— Здесь живет м-р Бэнтем, старина? — осведомился Сэм Уэлер, ни мало не смущенный тем ослепительным великолепием, какое явилось перед ним в лице напудренного лакея, облеченного в превосходную ливрею.

— Что нужно, молодой человек? — последовал высокомерный вопрос напудренного лакея.

— Если это здесь, то ступайте к нему с этой-вот карточкой и скажите, что м-р Уэлер ждет, понимаете? — сказал Сэм. С этими словами он хладнокровно вошел в вестибюль и уселся.

Напудренный лакей очень громко хлопнул дверью и очень величественно нахмурился; но ни хлопанье, ни хмурый вид не произвели впечатления на Сэма, который разглядывал, со всеми признаками критического одобрения, стойку красного дерева для зонтов.

Повидимому, отношение хозяина к визитной карточке, расположило напудренного лакея в пользу Сэма, ибо, когда он передал ее и вернулся, он улыбался дружелюбно и сказал, что ответ сейчас будет готов.

— Очень хорошо, — отозвался Сэм. — Скажите старому джентльмену, чтобы он не вгонял меня в пот. Дело не к спеху, инстифутувый товарищ. Я пообедал.

— Вы обедаете рано, сэр, — сказал напудренный лакей.

— Я нахожу, что лучше справляюсь с ужином, если обедаю рано, — ответил Сэм.

— Давно ли вы в Бате, сэр? — осведомился напудренный лакей. — Я не имел удовольствия слышать о вас раньше.

— Я пока еще не произвел здесь поразительной сенсации, — пояснил Сэм, — потому что я и другие модные джентльмены приехали только вчера вечером.

— Славное местечко, сэр, — сказал напудренный лакей.

— Похоже на то, — заметил Сэм.

— Хорошее общество, сэр, — продолжал напудренный лакей. — Лучшая прислуга, сэр.

— Я бы тоже так сказал, — отозвался Сэм. — Приветливые, простые ребята, слова из них не вытянешь.

— О, совершенно верно, вот имею, сэр, — подтвердил напудренный лакей, рассматривая замечание Сэма как величай-

ший комплимент. — Вот именно. Вы это употребляете, сэр? — осведомился рослый лакей, извлекая маленькую табакерку с лисьей головой на крышке.

— Да, но чихаю, — ответил Сэм.

— Признаюсь, это не легко, сэр, — согласился рослый лакей. — К этому нужно привыкать постепенно, сэр. Лучше всего практиковаться на кофе. Я долго, сэр, носил с собой кофе. Он очень напоминает рапé*, сэр.

Резкий звонок поставил напудренного лакея перед постыдной необходимостью спрятать лисью голову в карман и поспешить со смиренной физиономией в „рабочий кабинет“ м-ра Бэнтема. Кстати, знал ли кто человека, который ничего не читает и не пишет, но у которого не было бы маленькой задней комнаты, именуемой „рабочим кабинетом“?

— Вот ответ, сэр, — сказал напудренный лакей. — Боюсь, что он покажется вам обременительным по величине.

— Не стоит об этом говорить, — отозвался Сэм, беря письмо в маленьком конверте. — Есть надежда, что мое истощенное тело как-нибудь выдержит.

— Надеюсь, мы еще встретимся, сэр, — сказал напудренный лакей, потирая руки и провожая Сэма до порога.

— Вы очень любезны, сэр, — отозвался Сэм, — но не трудитесь, не утомляйтесь чрезмерно; вы очень любезны. Подумайте, что вы значите для общества, и не допускайте, чтобы вам повредила чрезмерная работа. Ради ваших близких берегите свое спокойствие; вы только подумайте, какая бы это была потеря!

С такими патетическими словами Сэм Уэллер удалился.

— Это очень странный молодой человек, — сказал напудренный лакей, глядя вслед м-ру Уэллеру, с физиономией, явно выражавшей, что он не может его раскусить.

Сэм ничего не сказал. Он подмигнул, тряхнул головой, снова подмигнул, и с тем выражением лица, которое, казалось, свидетельствовало, что он весьма позабавился, весело удалился.

Вечером, ровно в восемь часов без двадцати минут, Эндрю Сайрес Бэнтем, эскуайр, церемониймейстер, вышел из своего экипажа у двери Зал ассамблей, все в том же парике,

с теми же зубами, с тем же лорнетом, с теми же часами и печатками, с теми же перстнями, с той же булавкой, с тою же тростью.

Единственным заметным изменением в его внешности было то, что он надел более яркий синий фрак на белой шелковой подкладке, черные туго натянутые брюки, черные шелковые чулки и бальные туфли, белый жилет, и был, если это только возможно, чуть-чуть сильнее надушен.

В таком наряде церемониймейстер, строго исполняя важные обязанности своей наиважнейшей должности, занял место в зале, чтобы принимать гостей.

В Бате был съезд, гости и шестипенсовики за чай вливались потоком. В бальном зале, в длинном игорном зале, в восьмиугольном игорном зале, на лестницах и в коридорах гул многочисленных голосов и шарканье многочисленных ног буквально оглушали. Платья шелестели, перья развевались, огни сияли, драгоценные камни сверкали. Слышалась музыка — не кадрильного оркестра, ибо кадриль еще не началась, — а музыка тихих легких шагов, в которую врывался чистый веселый смех — мягкий и нежный женский смех, очень приятный для слуха в Бате так же, как и в других местах. Блестящие глаза, разгоревшиеся от предвкушаемого удовольствия, сияли, и куда бы вы ни взглянули, какая-нибудь очаровательная фигура грациозно скользила в толпе и не успевала скрыться, как ее уже заменяла другая, такая же изысканная и обольстительная.

В чайном зале и вокруг карточных столов толпилось основательное количество странных старых леди и дряхлых старых джентльменов, обсуждавших все мелкие сплетни и скандалы истекшего дня с таким вкусом и смаком, которые в достаточной степени свидетельствовали о степени удовольствия, извлекаемого ими из этого занятия. К этим группам примыкали три-четыре охотящиеся за женихами мамыши, делаая вид, будто всецело поглощены разговором, но не забывая время от времени поглядывать искоса и с тревогой на своих дочерей, которые, помня материнский наказ делать наилучшее употребление из своей молодости, уже начали предварительный флирт, теряя

шарфы, путая перчатки, опрокидывая чашки и так далее, — все это как будто мелочи, но в опытных руках они приводят к поразительно успешному результату.

У дверей и в дальних углах расположились группы глупых молодых людей, демонстрируя разнообразные разновидности фатовства и тупости, забавляя всех разумных людей, находившихся поблизости, своей нелепостью и самодовольством и пребывая в блаженном убеждении, что они — предмет всеобщего восхищения. Мудрое и милосердное распределение даров провидением, против которого не будет возражать ни один добрый человек.

И наконец на задних скамьях, где они уже заняли места на весь вечер, сидели различные незамужние леди, перешагнувшие критический возраст, которые не тандовали, ибо не было партнеров для них, и не играли в карты из боязни прослыть безнадежными старыми девами, а потому занимали выгодную позицию, получая возможность злословить обо всех и самим оставаться в тени. Словом, они злословили обо всех, ибо все были здесь. Это была картина веселья, блеска и пышности, нарядно одетых людей, красивых зеркал, натертых полов, жирандолей и восковых свечей; и всюду, скользя с места на место с молчаливой мягкостью, кланяясь подобострастно одной группе, кивая фамильярно другой и улыбаясь самодовольно всем, двигалась элегантно одетая фигура Энджело Сайреса Бэнтема, эскуайра, церемониймейстера.

— Зайдите в чайный зал, приготовьте шестипенсовики. Они наливают горячей воды и называют это чаем. Отведайте, — говорит м-р Даулер громким голосом, ведя м-ра Пиквика, который шел во главе своей маленькой группы под-руку с м-с Даулер.

М-р Пиквик повернул в чайный зал, и, завидев его, м-р Бэнтем винтом пронизал толпу и восторженно приветствовал его.

— Дорогой мой сэр, я весьма почтен, Ба-ат ошастливлен. М-с Даулер, вы — украшение зала. Поздравляю вас — такие перья! За-амечательно!

— Кто-нибудь есть здесь? — подозрительно осведомился Даулер.

— Кто-нибудь?! Сливки Ба-ата!! М-р Пиквик, видите вы эту леди в газовом тюрбане?

— Полную поживую леди? — простодушно спросил м-р Пиквик.

— Тсс, дорогой мой сэр, в Ба-ате нет ни полных, ни пожилых. Это вдовствующая леди Снафенаф.

— Вот как! — сказал м-р Пиквик.

— Она самая, уверяю вас, — подтвердил церемониймейстер. — Тише! Подойдите ближе, м-р Пиквик. Видите, сюда идет великолепно одетый молодой человек?

— Вот этот, с длинными волосами и удивительно маленьким лбом? — осведомился м-р Пиквик.

— Он самый. Самый богатый молодой человек в Ба-ате в настоящее время. Молодой лорд Мютенхед.

— Что вы говорите? — откликнулся м-р Пиквик.

— Да. Через секунду вы услышите его голос, м-р Пиквик. Он заговорит со мной. Другой джентльмен, в красном жилете и с темными усами — почтенный м-р Краштон, его штифтный друг. Как поживаете, милорд?

— Очень жарко, Бэнтем, — сказал его лордство.

— Действительно, очень жарко, милорд, — ответил церемониймейстер.

— Чертовски! — подтвердил почтенный м-р Краштон.

— Видели ли вы колясочку его лордства, Бэнтем? — осведомился почтенный м-р Краштон после недолгого молчания, когда молодой лорд Мютенхед пытался смутить своим взором м-ра Пиквика, а м-р Краштон размышлял о том, на какую тему предпочтительно мог бы поговорить его лордство.

— Ах, боже мой! — воскликнул церемониймейстер. — Колясочка! Какая превосходная идея! За-амечательно!

— Милосердное небо! — сказал его лордство. — Я думал, что все видели новую колясочку. Это простейшая, краснейшая, элегантнейшая вещь, которая когда-либо двигалась на колесах. Выгашена в красный цвет, лошадь молочно-пегая.

— Настоящий ящик для писем, и все на месте, — сказал почтенный м-р Краштон.

— И маленькое сиденье впереди, с железной пегекладиной, для кучега, — добавил его лордство. — На днях я ездил в Биг-столь, в яркокрасном фраке, а двое слуг ехали сзади на гас-

стоянии четверти мили; и будь я проклят, если нагод не вы-
бегал из котеджей, останавливал меня и сигашивал, не поч-
тальон ли я. Чудесно, чудесно!

Рассказав этот анекдот, его лордство рассмеялся от души,
что, конечно, сделали и слушатели. Затем, продев свою руку
под руку подобострастному м-ру Крашгону, лорд Мютенхед
удалился.

— Очаровательный молодой человек — его лордство, — ска-
зал церемониймейстер.

— Да, как будто, — сухо отозвался м-р Пиквик.

Когда начались танцы, и со всеми необходимыми официаль-
ными представлениями было покончено, и все приготовления
сделаны, Энджело Бэнтем вернулся к м-ру Пиквику и повел
его в игорный зал.

В тот самый момент, когда они вошли, вдовствующая леди
Снафенаф и еще две леди, на вид очень древние и преданные
висту, бродили вокруг ломберного стола. Как только они уви-
дели м-ра Пиквика под конвоем Энджело Бэнтема, они пере-
глянулись, решив, что это как раз то лицо, которого недоста-
вало для роббера.

— Дорогой мой Бэнтем, — вкрадчиво сказала леди Снафе-
наф, — найдите нам какого-нибудь приятного человека соста-
вить партию, будьте так любезны.

В этот момент м-р Пиквик смотрел в другую сторону, и ее
лордство кивнуло, указывая на него и выразительно сдвигая
брови.

— Мой друг, м-р Пиквик, миледи, будет весьма счастлив,
я уверен, замечательно счастлив, — сказал церемониймейстер,
поняв намек.

— М-р Пиквик, леди Снафенаф, м-с полковница Уэгсби,
мисс Боло.

М-р Пиквик поклонился каждой из этих леди и, убедив-
шись, что ускользнуть нельзя, взял колоду карт и снял. М-р Пик-
вик и мисс Боло против леди Снафенаф и м-с полковницы
Уэгсби.

В начале второй сдачи, лишь только был открыт козырь,
две молоденьких леди вбежали в комнату и стали по обе сто-

роны м-с полковницы Уэгсби, терпеливо выжидая, пока партия не была окончена.

— Ну, Джейн, — сказала м-с полковница Уэгсби, обращаясь к одной из девушек, — в чем дело?

— Я пришла спросить, мама, можно ли мне танцевать с м-ром Кроули, — прошептала младшая и более миловидная.

— Боже мой, Джейн, как вы могли об этом подумать? — с негодованием отозвалась мама. — Разве вы не слышали много раз, что у его отца всего восемьсот фунтов ежегодного дохода, который прекращается с его смертью? Мне стыдно за вас. Ни под каким видом!

— Мама, — прошептала другая, которая была гораздо старше своей сестры, очень вялая и чопорная. — Мне был представлен лорд Мютенхед. Я сказала, что, кажется, я еще не ангажирована.

— Вы умница, моя милая, — ответила м-с полковница Уэгсби, прикасаясь веером к щеке дочери, — и на вас всегда можно положиться. Он чрезвычайно богат, моя дорогая. Да благословит вас бог! — С этими словами м-с полковница Уэгсби ласково поцеловала старшую дочь и, бросив в виде предостережения хмурый взгляд на младшую, принялась разбирать карты.

Бедный м-р Пиквик! Он никогда не играл с тремя искусными игроками женского пола. Они были так ужасно сообразительны, что совсем запугали его. Если он ходил не с той карты, мисс Боло пронзала его взглядом, словно целым арсеналом кинжалов; если он медлил, обдумывая, с какой карты пойти, леди Снафенаф откидывалась на спинку стула и улыбалась с нетерпением и жалостью м-с полковнице Уэгсби; в ответ на это м-с полковница Уэгсби пожимала плечами и кашляла, как будто хотела намекнуть, что не уверена, пойдет ли он вообще. Затем, в конце каждой игры мисс Боло осведомлялась с печальной физиономией и укоризненным вздохом, почему м-р Пиквик не повторял бубен или треф, или пропустил, или не прорезал червей, или не проводил онера, или не снес туза, или не ходил под короля, или еще что-нибудь; и в ответ на все эти серьезные обвинения м-р Пиквик решительно ничего не мог сказать в свое оправдание, забыв за это время все правила

игры. Вдобавок публика подходила и смотрела, что действовало м-ру Пиквику на нервы. Наконец, очень отвлекали разговоры, которые велись близ стола между Энджело Бэнтемом и двумя мисс Метинтер, незамужними и капризными девами, которые очень ухаживали за церемониймейстером в надежде заполучить случайного партнера. Все это вместе взятое, а также шум и непрерывная ходьба привели к тому, что м-р Пиквик играл довольно плохо; вдобавок ему не везло; и когда в десять минут двенадцатого игра была закончена, мисс Боло поднялась из-за стола заметно взволнованная и отправилась прямо домой в слезах и в портпезе.

Соединившись со своими друзьями, которые все до единого заявили, что вряд ли они проводили вечер с большим удовольствием, м-р Пиквик направился вместе с ними к „Белому Оленю“ и, успокоив свои чувства каким-то горячим напитком, лег в постель и заснул почти мгновенно.

ГЛАВА XXXVI

содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдеде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее м-ра Уинкля

Так как м-р Пиквик предполагал остаться в Бате по крайней мере на два месяца, он счел за лучшее нанять на это время частную квартиру для себя и друзей, и так как им представился случай за умеренную цену снять на Ройел-Кресент * верхний этаж дома, который был просторнее, чем им требовалось, м-р и м-с Даулер предложили занять у них спальню и гостиную.

Это предложение м-ра и м-с Даулер было тотчас же принято, и через три дня они все разместились в новом жилище, после чего м-р Пиквик начал пить воды с величайшим усердием. М-р Пиквик пил их систематически. Он выпивал четверть пинты перед завтраком, и затем поднимался на холм, еще четверть пинты после завтрака, и спускался с холма; после каждой новой четверти пинты м-р Пиквик объявлял в самых торжественных и энергических выражениях, что чувствует себя значительно лучше, чему его друзья очень радовались, хотя до сей поры не подозревали, что у него не все обстояло благополучно.

Большая Галлерей — поместительный зал, декорированный коринфскими колоннами, эстрадой для оркестра, Томпсоновскими * часами, статуей Иэша * и золотою надписью, на которую должны бы обращать внимание все пьющие воду, ибо она вызывает к их милосердию. Здесь находился большой бювет с мраморной вазой, из которой служитель черпает воду, и множество желтоватых стаканов, из которых гости пьют ее. В высшей степени поучительно и приятно наблюдать ту настойчивость и серьезность, с какими они ее поглощают. Поблизости находятся ванны, в которых купается часть гостей; и оркестр играет после этого, чтобы поздравить их с окончанием купанья. Есть еще одна Галлерей, куда привозят больных леди и джентльменов на стульях и в креслах в таком изумительном количестве, что любой предприимчивый индивид, который входит сюда с нормальным числом пальцев на ногах, неминуемо рискует выйти без них; есть и третья Галлерей, где собираются тихие люди, ибо там менее шумно, чем в остальных. Здесь без конца прогуливаются на костылях и без них, с палками и без палок, и всюду — говор, оживление, веселье.

Каждое утро лица, регулярно пившие воду, в том числе м-р Пиквик, встречались в Галлерее, выпивали свою четверть пинты и совершали моцион. Во время послепопуденной прогулки лорд Мютенхед и почтенный м-р Краштон, вдовствующая леди Снафепф, м-с полковница Уэгсби, и все великие особы, и все пьющие по утрам воду встречались в большом обществе. После этого они отправлялись на прогулку пешком или верхом, или передвигались в батских * креслах, и встречались снова. После этого джентльмены шли в читальные залы и встречались отдельными группами. После этого они шли домой. Если бывал вечерний спектакль, они могли встретиться в театре; если бывало вечернее собрание, они встречались в залах, а если не бывало ни того, ни другого, они встречались на следующий день. Очень приятная рутина, не лишенная, быть может, легкого привкуса однообразия.

М-р Пиквик сидел в одиночестве после дня, проведенного таким образом, и делал заметки в дневнике, когда его друзья уже улеглись спать, как вдруг он услышал тихий стук в дверь.

— Прошу прощенья, сэр, — сказала м-с Кредок, квартирная хозяйка, заглядывая в комнату. — Вам больше ничего не понадобится, сэр?

— Больше ничего, сударыня, — ответил м-р Пиквик.

— Моя девушка легла спать, сэр, — сказала м-с Кредок, — а м-р Даулер был так любезен, что обещал посидеть до прихода м-с Даулер, так как она вернется домой не слишком поздно, вот я и подумала, что если вам больше ничего не нужно, м-р Пиквик, я могу идти спать.

— Безусловно, сударыня, — ответил м-р Пиквик.

— Желаю вам спокойной ночи, сэр, — сказала м-с Кредок.

— Спокойной ночи, сударыня, — отозвался м-р Пиквик.

М-с Кредок закрыла дверь, и м-р Пиквик продолжал писать.

Через полчаса записи были закончены. М-р Пиквик старательно приложил к последней странице промокательную бумагу, закрыл тетрадь, вытер перо о фалды фрака с изнанки и открыл ящик письменного стола, чтобы аккуратно спрятать чернильницу. Там, в ящике, лежало несколько листов писчей бумаги, мелко исписанных и сложенных таким образом, что заглавие, которое было написано разборчивым, круглым почерком, было ясно ему видно. Убедившись по заглавию, что это не частный документ, а что-то, повидимому, относящееся к Бату, и притом очень краткое, м-р Пиквик развернул его, оправил ночник, чтобы он получше горел во время чтения, и, придвинув стул ближе к огню, стал читать нижеследующее:

ПРАВДИВАЯ ЛЕГЕНДА О ПРИНЦЕ БЛЕЙДЕДЕ

„Не более двухсот лет назад на одной из общественных купален нашего города красовалась надпись в честь его могущественного основателя, прославленного принца Блейдеда. Эта надпись ныне стерта.

„За много столетий до той эпохи из века в век передавалась старая легенда о знаменитом принце, который, будучи поражен проказой по возвращении своем из Афин, где собрал богатую жатву знаний, покинул двор своего царственного отца и, погруженный в печаль, общался с землепашцами и свиньями. В стаде (так повествует легенда) была свинья с глубокомыс-

To the Remembrance

ленной и важной физиономией, к которой принц питал приятельские чувства, — ибо он тоже был мудр, — свинья серьезного и сдержанного поведения, животное, стоявшее выше своих собратьев, чье хрюканье было ужасно и чьи укусы болезненны. Молодой принц глубоко вздыхал, взирая на физиономию величественной свиньи; он думал о своем царственном отце, и его глаза заволакивались слезами.

„Эта премудрая свинья любила купаться в жирной и жидкой грязи. Не в летнюю пору, как простые свиньи купаются теперь, чтобы освежиться, и купались даже в те далекие века (свидетельство того, что свет цивилизации уже начал загораться, хотя и слабо), но в холодные, пронизывающие зимние дни. Ее щетина всегда была такой гладкой, а кожа такой светлой, что принц решил испытать очистительное действие воды, к которой прибегала его приятельница. Он сделал эту пробу. Под черной грязью были горячие источники Бата. Он выкупался и исцелился. Поспешив ко двору своего отца, он засвидетельствовал ему свое глубочайшее почтение и, скоро вернувшись сюда, основал этот город с его знаменитыми целебными купаньями.

„Он разыскивал свинью со всем пылом прежней дружбы, но — увы! — воды были причиной ее смерти. Она приняла по неосторожности слишком горячую ванну, и прирожденного филозофа не стало. Ей следовал Плиний *, который также на жертвой своей жажды знаний.

„Такова легенда. Выслушайте правдивую историю.

„Очень много веков тому назад благоденствовал в великой пышности знаменитый и прославленный Лад Хюдибрес, король Британии. Это был могущественный монарх. Земля тряслась, когда он ходил — такой он был толстый. Его народ грелся в лучах его физиономии — такая она была красная и блестящая. Он был поистине королем в каждом своем дюйме. А у него было очень много дюймов, ибо хотя он не отличался очень высоким ростом, зато был замечательных размеров в объеме, и дюймы, которых ему не хватало в вышину, он восполнял в ширину. Если какой-либо выродившийся монарх новейших времен может выдержать какое бы то ни было

сравнение с ним, то, на мой взгляд, только высокочтимый король Коль мог бы быть этим славным властелином.

„У этого доброго короля была королева, которая восемнадцать лет назад родила сына, который был назван Блейдедом. Он был отправлен в приготовительную школу во владениях своего отца, а когда ему исполнилось десять лет, послан под охраной верного слуги в высшую школу в Афины; а так как там за время каникул не взималось никакой добавочной платы и не требовалось предупреждать заранее об уходе ученика, то он пробыл там восемь долгих лет, а по истечении этого срока король, его отец, послал туда лорда камергера уплатить по счету и привезти его домой; исполнив это поручение, лорд камергер был встречен торжественными криками и тотчас же награжден пенсией.

„Когда король Лад увидел принца, своего сына, и нашел, что он стал очень красивым молодым человеком, он сразу сообразил, как превосходно было бы женить его без промедления, дабы его дети могли стать орудием продолжения славного рода короля вплоть до последнего дня существования мира. С этой целью он отправил специальное посольство, составленное из знатных дворян, не имевших никакого определенного дела и нуждавшихся в прибыльном занятии, к соседнему королю и потребовал его прекрасную дочь в жены для своего сына, заявляя в то же время, что он желает быть в наидружественнейших отношениях со своим братом и другом, но что, если они не придут к соглашению касательно этого брака, он вынужден будет подчиниться неприятной необходимости вторгнуться в его королевство и выколоть ему глаза. На это другой король (который был слабейшим из двух) ответил, что он весьма признателен своему другу и брату за всю его доброту и великодушие и что дочь его готова выйти замуж, как только принц Блейдед пожелает приехать и взять ее.

„Едва этот ответ дошел до Британии, как весь народ преисполнился радости. Со всех сторон слышались только звуки празднеств и пирушек, а также звон монет, уплачиваемых народом сборщику королевской казны на покрытие расходов, связанных со счастливой церемонией. И вот по этому-то слу-

чаю король Лад, восседавший на троне в зале совета, встал под наплывом чувств и приказал лорду верховному судье распорядиться, чтобы подали лучшие вина и привели придворных менестрелей: акт снисхождения, который, по неведению легендарных историков, был приписан королю Колю в тех знаменитых строках, где о его величестве сказано, что он:

Потребовал трубку, потребовал кружку,
Потребовал трех скрипачей,

что является явной несправедливостью по отношению к памяти короля Лада и бесчестным преувеличением добродетелей короля Коля.

„Но в разгар всех этих празднеств и веселья был здесь один человек, который не пил, когда разливались искрящиеся вина, и не плясал, когда играли менестрели. Это был не кто иной, как сам принц Блейдед, ради счастья которого весь народ в этот самый момент надрывал глотки и завязки кошельков. Дело в том, что принц, забыв о неоспоримом праве министра иностранных дел влюбиться за него, уже влюбился сам за себя, вопреки всем прецедентам в политике и дипломатии, и тайно обручился с прекрасной дочерью благородного афинянина.

„Здесь мы имеем поразительный пример одного из многих преимуществ цивилизации и утонченности. Живи принц в последнее время, он мог бы немедленно жениться на той, кого выбрал его отец, а затем всерьез взяться за работу, дабы избавиться от бремени, которое его тяготило. Он мог бы попытаться разбить ей сердце систематическими оскорблениями и пренебрежением; или, если бы дух ее пола и гордое сознание многих перенесенных обид дали ей силу выдержать это дурное обращение, он мог бы попробовать лишить ее жизни и таким образом избавиться от нее окончательно. Но ни один из этих способов освобождения не пришел в голову принцу Блейдеду; поэтому он добился частной аудиенции и открылся своему отцу.

„Такова старая прерогатива королей — управлять всем, кроме своих страстей. Король Лад пришел в страшную ярость, подбросил свою корону к потолку и снова ее поймал, — ибо в те

времена короли хранили свои короны на голове, а не в Тауре*, — топнул о землю, хлопнул себя по лбу, изумился, что его собственная плоть и кровь восстала против него, и наконец, призвав стражу, приговорил принца к немедленному заключению в высокой башне: метод обхождения, к которому обычно прибегали короли старых времен по отношению к своим сыновьям, если матримониальные устремления последних случайно не совпадали с отцовскими.

„Когда принц Блейдед провел в заключении в высокой башне больше полугода, не имея перед телесными своими глазами ничего кроме каменной стены, а перед духовными — кроме длительного заточения, он, естественно, начал обдумывать план бегства, каковой после многих месяцев, посвященных приготовлениям, он осуществил, предусмотрительно оставив свой обеденный нож в сердце тюремщика, дабы бедняга (который имел семью) не был заподозрен в пособничестве и не был соответствующим образом наказан взбешенным королем.

„Монарх был вне себя, лишившись сына. Он не знал, на ком сорвать свою скорбь и гнев, пока не вспомнил по счастью о лорде камергере, который привез его сына, и не лишил камергера одновременно и пенсии и головы.

„В это время молодой принц, искусно замаскированный, скитался пешком по владениям отца, находя утешение и поддержку в своих страданиях при мысли об афинской девушке, которая была невинной причиной его мучительных испытаний. Однажды он остановился на отдых в деревне и, увидев веселые пляски, устроенные на лугу, и веселые лица, мелькавшие всюду, осмелился спросить у одного из пирующих, стоявшего подле него, о причине такого веселья.

„— Разве не знаете вы, о странник, — последовал ответ, — о последнем воззвании нашего милостивейшего короля?

„— О воззвании? Нет. Какое воззвание? — спросил принц, ибо он путешествовал по глухим и пустынным дорогам и ничего не знал о том, что происходило на больших дорогах.

„— Да как же, — отозвался крестьянин, — чужеземная леди, на которой хотел жениться наш принц, вышла замуж за знаменитого иностранца, своего соотечественника, и король

объявляет об этом, а также о большом народном празднестве, ибо теперь, конечно, принц Блейдед вернется и женится на леди, избранной для него отцом, которая, говорят, так же прекрасна, как полуденное солнце. Будьте здоровы, сэр! Боже, спаси короля!

„Принц не стал слушать дальше. Он бежал оттуда и углубился в чащу соседнего леса. Вперед и вперед шел он ночь и день, под палящим солнцем и холодной, бледной луной, в сухой жаркий полдень и сырую холодную ночью, в серых лучах рассвета и в красном зареве заката. Так мало думал он о времени и цели, что, держа путь на Афины, он забрел в Бат.

„В те времена там, где находится Бат, не было города. Не было никаких признаков человеческого жилья, ничего, что заслуживало бы название города. Но это был все тот же благодородный край, те же бесконечные холмы и долины, тот же прекрасный канал, видневшийся вдали, те же высокие горы, которые, подобно житейским невзгодам, созерцаемые на расстоянии и отчасти затемненные яркой утренней дымкой, теряют свою суровость и резкость и кажутся тихими и приятными. Растроганный мягкой красотой этого пейзажа, принц опустился на зеленый дерн и омыл слезами свои распухшие ноги.

„— О! — воскликнул несчастный Блейдед, сжимая руки и горестно возводя очи к небу, — о, если бы мои скитания могли окончиться здесь! О, если бы эти тихие слезы, которыми я ныне оплакиваю обманутую надежду и оскорбленную любовь, могли вечно струиться в покое!

„Его желание было услышано. Это было во времена языческих богов, которые иной раз ловили людей на слове, с быстротой, в некоторых случаях чрезвычайно неуместной. Земля разверзлась под ногами принца, он провалился в пропасть, и мгновенно земля сомкнулась над его головой навеки, но его горячие слезы пробивались сквозь нее и с тех пор продолжали струиться вечно.

„Замечено, что и по сей день многие пожилые леди и джентльмены, которым посчастливилось найти спутников, и почти столько же молодых леди и джентльменов, стремящихся

спутников найти,—посещают ежегодно Бат, чтобы пить воды, дарующие им силу и утешение. Это делает честь добродетельным слезам принца и подтверждает правдивость этой легенды“.

М-р Пиквик зевнул несколько раз, когда дочитывал эту маленькую рукопись; заботливо свернул ее и снова спрятал в ящик с письменными принадлежностями, а затем, с лицом, выражающим крайнюю усталость, зажег свечу и пошел наверх в спальню.

Он остановился, по заведенному обычаю, у двери м-ра Даулера и постучался пожелать ему покойной ночи.

— А!—сказал Даулер.—Ложитесь спать? Хотел бы и я лечь. Скверная ночь. Ветрено, не правда ли?

— Очень ветрено,—согласился м-р Пиквик.—Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

М-р Пиквик ушел в свою спальню, а м-р Даулер снова занял место у камина, исполняя опрометчиво данное обещание бодрствовать, пока не вернется жена.

Мало на свете вещей более неприятных, чем ожидание кого-нибудь, в особенности если этот кто-нибудь где-то развлекается. Вы невольно думаете о том, как быстро летит для него время, которое столь томительно тянется для вас; и чем больше вы об этом думаете, тем слабее становится у вас надежда на его быстрое возвращение. Часы тикают так громко, когда вы бодрствуете в одиночестве, и вам кажется, будто вы окутываетесь паутиной. Сначала что-то щекочет вам правое колено, потом такое же ощущение начинается в левом. Не успели вы изменить позу, как то же самое происходит с руками. Когда вы вывернули руки и ноги самым фантастическим образом, вы неожиданно ощущаете рецидив зуда в носу, который вы трете, словно хотите его оторвать,—что, несомненно, вы бы и сделали, если бы только могли. Глаза тоже причиняют одни неприятности, а фитиль одной свечи вырастает в полтора дюйма, пока вы снимаете нагар с другой. Эти и другие мелкие раздражающие неудобства превращают долгое бодрствование,

когда все остальные улеглись спать, в развлечение отнюдь не веселое.

Именно таково было мнение м-ра Даулера, когда он сидел у камина и справедливо негодовал на бесчеловечных участников вечеринки, которые заставляли его бодрствовать. Его расположение духа не улучшилось при мысли, что ему взбрело в голову в пачале вечера вообразить, будто у него головная боль, и в результате остаться дома. Наконец, после того как он несколько раз задремывал, надая вперед на каминную решетку и откидываясь назад как раз во-время, чтобы не выжечь клейма на лице, м-р Даулер решил, что он приляжет на кровать в задней комнате и будет думать — не спать, конечно.

— Я сплю крепко, — сказал м-р Даулер, бросаясь на кровать. — Надо думать, здесь я услышу стук. Да. Несомненно. Я слышу стражника*. Вот он идет. Сейчас слышно глуше. Он заворачивает за угол. А! — Когда м-р Даулер дошел до этого пункта, он тоже завернул за угол, на котором долго топтался, и крепко заснул.

В тот момент, когда часы пробили три, на Кресент* показался портшез* с м-с Даулер внутри, подгоняемый ветром и несомый одним коротким и толстым носильщиком и одним длинным и худым, которым большого труда стоило удержать в перпендикулярном положении свои тела, не говоря уже о портшезе. Но здесь, на высоком месте, и притом расположенном в виде полумесяца, где ветер носился по кругу, словно собирался вырвать булыжники из мостовой, бешенство его было беспредельно. Они были очень рады поставить портшез и дать два здоровых, громких удара в парадную дверь.

Некоторое время они подождали, но никто не выходил.

— Должно быть, слуги в объятиях Морфа, — сказал низкорослый носильщик, грея руки у факела ночного проводника*, сопровождавшего их.

— Хотел бы я, чтобы он их ушибнул и разбудил, — заметил долговязый.

— Постучите, пожалуйста, еще раз! — крикнула м-с Даулер из портшеза. — Постучите, пожалуйста, несколько раз.

Низкорослый готов был поскорее развязаться со всем этим делом, а поэтому он поднялся на ступеньку и нанес пять или шесть оглушительных ударов, состоявших из восьми-десяти стуков каждый; тем временем долговязый стоял на мостовой и смотрел, не покажется ли свет в окнах.

Никто не показывался; во всем доме было тихо и темно попрежнему.

— Боже мой! — сказала м-с Даулер. — Не постучите ли вы еще раз, будьте так добры!

— А колокольчика здесь нет, сударыня? — спросил низкорослый носильщик.

— Есть, — вмешался факельщик. — Я все время его дергаю.

— Это только ручка, — возразила м-с Даулер. — Проволока оборвана.

— Жаль, что не головы у слуг! — проворчал долговязый.

— Я должна попросить вас постучать снова, будьте так добры! — сказала м-с Даулер с величайшей вежливостью.

Низкорослый постучал еще несколько раз, не добившись никаких результатов. Затем долговязый, потеряв терпение, сменил его и начал без устали колотить двойными ударами, словно сошедший с ума почтальон.

В это время м-ру Уинклю снилось, будто он находится в клубе, и так как члены ведут себя очень шумно, то председатель должен все время стучать молоточком, чтобы поддерживать порядок; затем у него мелькнула туманная мысль об аукционе, на котором никто не предлагает цен, и аукционер сам все скупает; и наконец он начал допускать возможность, что кто-то стучит в парадную дверь. Впрочем, дабы убедиться в этом, он спокойно пролежал в постели минут десять и прислушивался; когда он насчитал тридцать два или тридцать три удара, он остался вполне удовлетворен чуткостью своего сна и поздравил себя с такой бдительностью.

Тук, тук-тук, тук-тук, тук-ту-ту, ту-ту тук! — продолжал стучать молоток.

М-р Уинкль вскочил с постели, сильно недоумевая, чтобы это могло быть, и, поспешно надев чулки и туфли, за-

вернулся в халат, зажег свечу от ночника, горевшего в камине, и побежал вниз.

— Иакопец-то кто-то идет, сударыня, — сообщил низкорослый носильщик.

— Хотел бы я идти за ним с шилом, — проворчал долговязый.

— Кто там? — крикнул м-р Уинкль, снимая дверную цепочку.

— Нечего задавать вопросы, чутунная башка! — с великим презрением отозвался долговязый, вполне уверенный в том, что говорит с лакеем. — Откройте дверь.

— Ну-ка, живее, соня! — поощрительно добавил второй.

М-р Уинкль, спросонья, машинально исполнил приказание, приоткрыл дверь и выглянул. Первое, что он увидел, был красный огонь факела. Испуганный внезапной мыслью, что в доме пожар, он широко распахнул дверь и, держа свечу над головой, напряженно всматривался, не совсем уверенный в том, видит он портшез или пожарную машину. В этот момент налетел неистовый порыв ветра; свечу задую; м-р Уинкль почувствовал, что его с непреодолимой силой вытолкнуло на ступеньки подъезда, и дверь захлопнулась с оглушительным треском.

— Ну-с, молодой человек, наделали мы дел! — сказал низкорослый носильщик.

М-р Уинкль, увидав лицо леди в окне портшеза, поспешно повернулся, изо всех сил стал стучать молотком, в отчаянии вызывая к носильщику, чтобы тот унес портшез.

— Унесите его, унесите его! — кричал м-р Уинкль. — Вот кто-то выходит из соседнего дома! Посадите меня в портшез! Спрячьте меня... Сделайте со мной что-нибудь!

Все время он дрожал от холода, и каждый раз, когда поднимал руку к молотку, ветер развеивал халат самым непристойным образом.

— Теперь кто-то переходит площадь. И с ними леди! Прикройте меня чем-нибудь! Заслоните меня! — вопил м-р Уинкль. Но носильщики слишком изнемогли от смеха, чтобы оказать ему хоть какую-нибудь помощь, а леди с каждой секундой приближались.

М-р Уинкль в последнем отчаянии еще раз застучал: леди были всего за несколько домов. Он отшвырнул потухшую свечу, которую все время держал над головой, и бросился прямо в портшез, в котором находилась м-с Даулер.

Наконец м-с Кредок услышала стук и голоса и, задержавшись только для того, чтобы прикрыть голову чем-нибудь получше ночного чепца, выбежала в гостиную, выходящую окнами на улицу, удостовериться, что вернулись свои. Подняв оконную раму в тот момент, когда м-р Уинкль рванулся к портшезу, и едва успев разглядеть, что происходит внизу, она подняла дикий и отчаянный визг и умоляла м-ра Даулера встать немедленно, ибо его жена убегает с другим джентльменом.

Услышав это, м-р Даулер соскочил с кровати, как резиновый мяч, и, выскочив в гостиную, очутился у одного окна в тот момент, когда м-р Пиквик открыл другое; и первый объект, на который упали взоры обоих, был м-р Уинкль, ныряющий в портшез.

— Стражник, — неистово завопил Даулер, — остановите его, не пускайте его... держите крепко... под замок его, пока я не спущусь, я ему горло перережу... Дайте мне нож... от уха до уха... М-с Кредок, я вам говорю!.. — и, вырвавшись из рук квартирной хозяйки и м-ра Пиквика, возмущенный супруг схватил десертный нож и выбежал на улицу.

Но м-р Уинкль не ждал его. Едва услышав странную угрозу доблестного Даулера, он выскочил из портшеза с такой же быстротой, с какой вскочил в него, и, швырнув туфли на мостовую, пустился в бегство и помчался по изгибу Кресента, бешено преследуемый Даулером и стражником. Он не дал себя догнать; наружная дверь была открыта, когда он вторично обегал дугу Кресента; он влетел, захлопнув ее перед носом Даулера, поднялся в свою спальню, запер дверь, загородив ее умывальником, комодом и столом, и уложил кое-какие необходимые вещи, приготовившись бежать с первым лучом света.

Даулер подошел к запертой двери и клятвенно повторил в замочную скважину свое непреклонное решение перерезать

на следующий день горло м-ру Уинклю. И когда умолк гул многих голосов в гостиной, среди которых ясно слышался голос м-ра Пиквика, пытавшегося водворить мир, жильцы разошлись по своим спальням, и в доме снова водворилась тишина. Не исключена возможность, что кто-нибудь задаст вопрос, где же были все это время м-р Уэлтер? Мы сообщим, где он был, в следующей главе.

ГЛАВА XXXVII

правдиво объясняет отсутствие м-ра Уэлера, описывая soirée, на которое он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как м-р Пиквик досерил ему интимное поручение, деликатное и важное

— М-р Уэлер, — сказала м-с Кредок утром этого чреватого событиями дня, — вам письмо.

— Это очень странно, — отозвался Сэм, — боюсь, не случилось ли чего-нибудь, потому что я что-то не припоминаю, чтобы какой-нибудь джентльмен из моих знакомых был в состоянии написать письмо.

— Быть может, случилось что-нибудь необыкновенное, — заметила м-с Кредок.

— Должно быть, и в самом деле что-нибудь очень необыкновенное, раз оно заставило одного из моих друзей написать письмо, — ответил Сэм, раздумчиво покачивая головой. — Но иначе, как натуральная конвульсия, как заметил молодой джентльмен, когда с ним случился припадок. Оно не может быть от папаши, — продолжал Сэм, рассматривая адрес. — Он, я знаю, всегда пишет печатными буквами, потому что научился писать по большим объявлениям в конторе пассажирских карет. Это

очень странная штука. Откуда бы могло появиться это-вот письмо?

Рассуждая таким образом, Сэм проделал то, что делают очень многие, когда не знают автора записки, — посмотрел на печать, посмотрел прямо, а потом на обратную сторону, а потом сбоку, а потом на адрес и, вспомнив о последнем ресурсе, подумал, что, пожалуй, нужно заглянуть внутрь и таким образом извлечь какое-нибудь указание.

— Написано на бумаге с золотым обрезом, — сказал Сэм, развертывая письмо, — и запечатано бронзовым сургучом, к которому приложен кончик ключа. Ну, посмотрим! — И с сосредоточенной физиономией м-р Уэлер медленно прочел следующее:

„Избранное общество служителей Бата свидетельствует свое почтение м-ру Уэлеру и просит его почтить своим обществом сегодня вечером дружеское сваре, состоящее из вареной бараньей ноги с обычным гарниром. Сваре будет на столе в половине десятого пунктуально“.

Это было вложено в другую записку, гласившую:

„М-р Джон Смаукер, джентльмен, который имел удовольствие встретиться с м-ром Уэлером в доме их общего знакомого, м-ра Бэнтема, несколько дней тому назад, имеет честь препроводить при сем приглашение м-ру Уэлеру. Если м-р Уэлер навестит м-ра Джона Смаукера в девять часов, м-р Джон Смаукер будет иметь удовольствие представить м-ра Уэлера.“

(Подписано) Джон Смаукер“.

Конверт был адресован: (пробел) * „Уэлеру, эскуайру, у м-ра Пиквика“; а в скобках в левом углу были слова „черный ход“, в качестве инструкции.

— Да, — произнес Сэм, — это довольно-таки важно сказано, еще не слышал, чтобы вареную баранью ногу называли „сваре“. Интересно, как они называют жареную.

Однако, не теряя времени на обсуждение этого пункта, Сэм немедленно предстал перед лицом м-ра Пиквика и попросил разрешения отлучиться на этот вечер, каковое разрешение было

тотчас же дано. С этим разрешением и ключом от парадной двери Сэм Уэлер отправился в путь немпого рапьше назначенного часа и пошел неспеша к Куип-скверу, где немедленно по прибытии имел удовольствие узреть на небольшом расстоянии м-ра Джона Смаукера, прислонившего свою напудренную голову к фонарному столбу и курившего сигару из янтарного мундштука.

— Как поживаете, м-р Уэлер? — спросил м-р Джон Смаукер, грациозно приподнимая шляпу одной рукой и слегка помахивая другой со снисходительным видом. — Как поживаете, сэр?

— Ничего себе, рационально подправляюсь, — отвечал Сэм. — Ну, а вы как себя чувствуете, дорогой приятель?

— Так себе, — сказал м-р Джон Смаукер.

— А, вы работали слишком много! — заметил Сэм. — Я боялся этого, так, знаете ли, не годится, вы не должны уступать этому-вот своему непреклонному духу.

— Тут дело не столько в этом, м-р Уэлер, — отозвался м-р Джон Смаукер, — сколько в плохом вине; кажется, излишне кутнул.

— О, вот оно что! — сказал Сэм. — Это очень тяжелая болезнь.

— И однако соблазн, знаете ли, м-р Уэлер, — заметил м-р Джон Смаукер.

— Что и говорить! — отозвался Сэм.

— Брошен в самый вихрь общества, знаете ли, м-р Уэлер, — сказал со вздохом м-р Джон Смаукер.

— В самом деле, это ужасно! — согласился Сэм.

— Но так всегда бывает, — сказал м-р Джон Смаукер: — если ваша судьба толкает вас к публичной жизни и публичному положению, вы должны ждать встречи с соблазнами, которых не знают другие люди, м-р Уэлер.

— Точь-в-точь то же самое говорил мой дядя, когда он пошел по публичной линии, открыв шптейное заведение, — заметил Сэм, — и очень прав был старый джентльмен, потому он дожил до смерти меньше чем в три месяца.

М-р Джон Смаукер казался глубоко возмущенным этой параллелью, проведенной между ним и упомянутым покойным

джентльменом; но так как лицо Сэма выражало невозмутимейшее спокойствие, то он изменил свое намерение и снова стал приветливым.

— Пожалуй, нам не мешает отправиться в путь, — сказал м-р Смаукер, взглянув на медный аппарат, который пребывал на дне глубокого кармана для часов и был извлечен на поверхность посредством черного шнурка с медным ключом на конце.

— Пожалуй, не мешает, — ответил Сэм, — иначе они перварят сваре и испортят ее.

— Вы пили воды, м-р Уэлер? — осведомился его спутник, когда они шли по направлению к Хай-стрит.

— Один раз, — отвечал Сэм.

— Как вы их нашли, сэр?

— Я нашел, что они наредкость неприятные, — отозвался Сэм.

— А, — сказал м-р Джон Смаукер, — может быть, вам не понравился кальдониевый привкус?

— В этом-вот я мало понимаю, — отвечал Сэм. — Я нашел, что они очень сильно пахнут горячим утюгом.

— Это и есть кальдониевый привкус, м-р Уэлер, — презрительно сказал м-р Джон Смаукер.

— Ну, если так, то это очень невразумительное слово, вот и все, — сказал Сэм. — Может быть, и так, но я сам не очень силен в химической науке, стало быть, не могу судить.

И тут, к великому ужасу м-ра Джона Смаукера, Сэм Уэлер начал свистать.

— Прошу прощения, м-р Уэлер, — сказал м-р Джон Смаукер, доведенный до отчаяния весьма неблагородным звуком, — не возьмете ли мою руку?

— Благодарю, вы очень любезны, но я не хочу лишать вас ее, — ответил Сэм. — У меня собственно есть привычка класть руки в карманы, если вам это безразлично. — При этом Сэм привел сказанное в исполнение и засвистал еще громче.

— Вот сюда, — сказал его новый приятель, который, по-видимому, почувствовал большое облегчение, когда они свернули в боковую улицу. — Скоро придем.

— Вот как? — отозвался Сэм, несколько не взволнованный сообщением, что он находится неподалеку от избранных служителей Бата.

— Да, — сказал м-р Джон Смаукер. ✓ Не робейте, м-р Уэлер.

— О, нет! — сказал Сэм.

— Вы увидите очень красивые форменные одеяния, м-р Уэлер, — продолжал м-р Джон Смаукер, — и, может быть, некоторые джентльмены покажутся вам сначала несколько, знаете ли, высокомерными, но они скоро смягчатся. ✓

— Это любезно с их стороны, — отвечал Сэм.

— И знаете ли, — продолжал м-р Джон Смаукер с покровительственным видом, — знаете ли, так как вы здесь чужой человек, пожалуй, они сначала будут немного суровы с вами.

— Но они не будут слишком жестоки, не правда ли? — осведомился Сэм. ✓

— О, нет! — ответил м-р Джон Смаукер, вытаскивая лисью голову и беря джентльменскую понюшку. — Есть среди нас веселые ребята, и они любят, знаете ли, пошутить. Но вы не должны обижаться на них, вы не должны обижаться на них.

— Я постараюсь, и как-нибудь перенесу такие регулярно сокрушительные таланты, — отозвался Сэм.

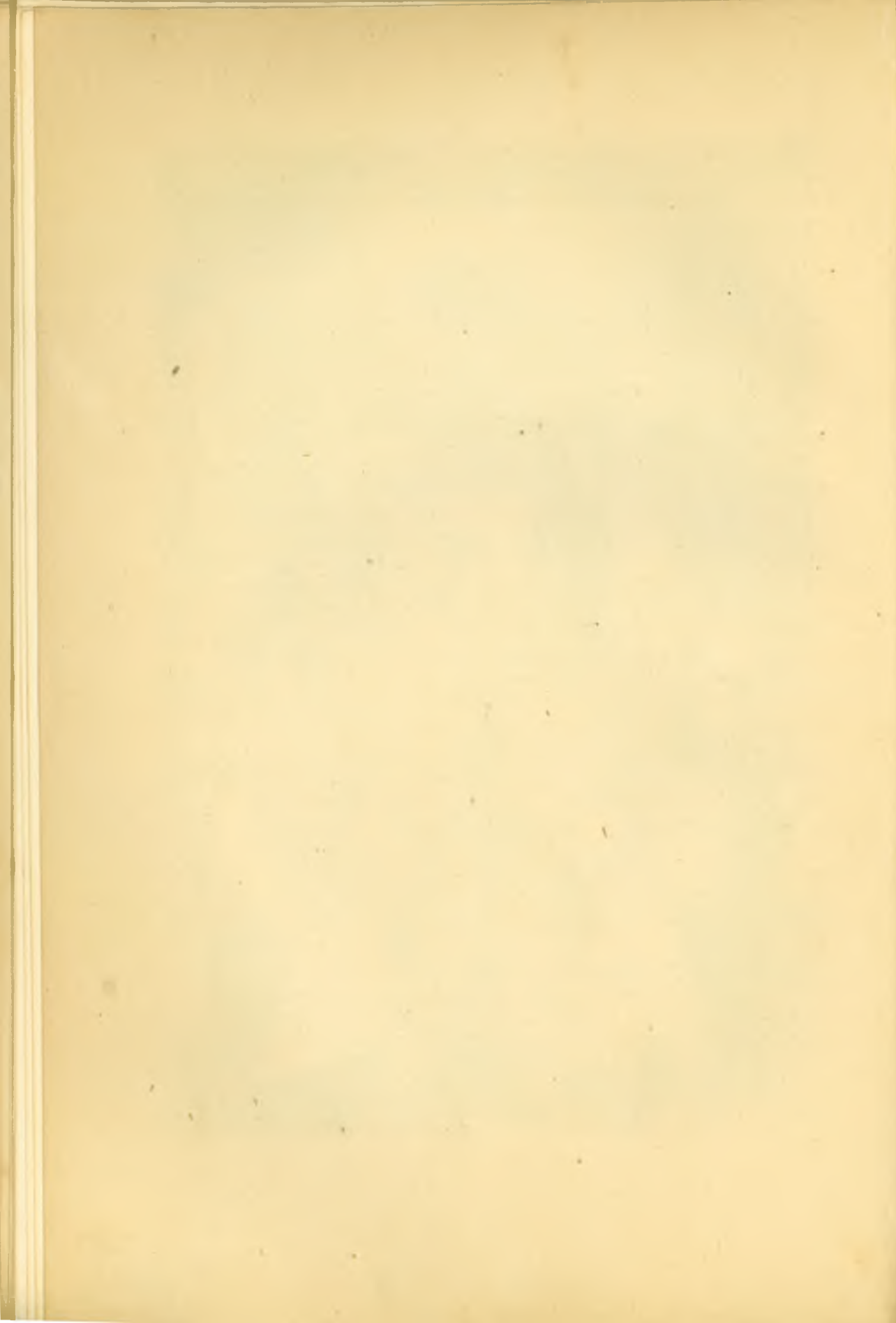
— Вот и отлично, — сказал м-р Джон Смаукер, пряча лисью голову и задирая собственную, — я вас поддержу.

В это время они подошли к маленькой зеленой лавке, куда вступил сначала м-р Джон Смаукер, а затем Сэм, который, очутившись за его спиной, начал строить ряд самых веселых и неудержимых гримас и проявлять другие симптомы, свидетельствовавшие о том, что он находится в завидном расположении духа.

Перешагнув порог зеленой лавки и оставив свои шляпы на лестнице в маленьком заднем коридоре, они вступили в небольшую комнату. Здесь взорам м-ра Уэлера открылась великолепная картина.

Посредине комнаты были сдвинуты два стола, накрытые тремя-четырьмя скатертями разных возрастов и дат стирки, разостланными так, чтобы они сошли за одну, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. На них лежали

ножи и вилки на семь-восемь человек. У некоторых ножей ручки были зеленые, у других — красные, у третьих — желтые, а так как все вилки были черные, то комбинация красок производила потрясающее впечатление. Тарелки для соответствующего количества гостей согревались за каминной решеткой, а перед нею согревались сами гости, из коих главным и самым важным был, повидимому, довольно полный джентльмен в ярко малиновом фраке с длинными фалдами, в ослепительно красных штанишках и в треуголке, который стоял спиной к камину и, казалось, только что вошел, ибо не только не снял шляпы, но держал в руке длинную палицу, какую джентльмены его профессии обычно поднимают наклонно над крышами экипажей.

— Смаукер, дружище, вашу лапу! — сказал джентльмен в треуголке.

М-р Смаукер вложил последний сустав мизинца правой руки в руку джентльмена в треуголке и выразил свое удовольствие по поводу того, что у него такой прекрасный вид.

— Да, говорят, что вид у меня цветущий, — сказал человек в треуголке, — и это удивительно. Последние две недели я хожу за нашей старухой по два часа в день, а если постоянного созерцания застёжки на спине ее проклятого старого платья цвета лаванды мало для того, чтобы на всю жизнь впасть в уныние, пусть мне не платят жалованья три месяца.

В ответ на это избранное общество расхохоталось от всей души, а один джентльмен в желтом жилете с кучерской обшивкой шепнул соседу в зеленоватых штанах, что Такль сегодня в духе.

— Кстати, — сказал м-р Такль, — Смаукер, друг мой, вы... — конец фразы был сообщен м-ру Джону Смаукеру на ухо шопотом.

— Ах, боже мой, я совсем забыл, — сказал м-р Джон Смаукер. — Джентльмены, мой друг, м-р Уэлер.

— Простите, что заслонял от вас огонь, Уэлер, — сказал м-р Такль с фамильярным кивком. — Надеюсь, вам не холодно, Уэлер?

26 — Ничуть, — отвечал Сэм, — нужно быть очень зябким, чтобы почувствовать холод, когда стоишь перед таким адским пламенем. Вы бы сберегли угли, если бы вас посадили за каминную решетку в приемной какого-нибудь общественного учреждения.

Так как этот выпад, повидимому, таил в себе намек на малиновую ливрею м-ра Такля, то сей джентльмен на несколько секунд принял величественный вид, но, отодвинувшись от камина, принужденно улыбнулся и заметил, что это было сказано неплохо.

— Очень признателен за ваше доброе мнение, сэр, — отзывался Сэм. — Будем подвигаться не спеша. Дойдем постепенно и до лучшего.

10 На этом месте разговор был прерван прибытием джентльмена в оранжевом плисе, в сопровождении другого избранного, в пурпурном костюме и чрезвычайно длинных чулках. Когда вновь прибывшие выслушали приветствия остальных, м-р Такль внес предложение потребовать немедленно ужин, что и было принято единогласно.

Тогда зеленщик и его жена поставили на столе вареную баранью ногу, соус из каперсов, брюкву и картофель. М-р Такль занял председательское место, а против него за другим концом расположился джентльмен в оранжевом плисе. Зеленщик надел пару замшевых перчаток и поместился за стулом м-ра Такля.

— Херис! — сказал м-р Такль повелительным тоном.

— Сэр? — сказал зеленщик.

— Вы надели перчатки?

— Да, сэр.

— В таком случае снимите крышку.

— Слушаю, сэр.

Зеленщик со смиренным видом исполнил приказание и поблочно вручил м-ру Таклю нож для разрезывания мяса: при этом он случайно зевнул.

— Что это значит, сэр? — спросил м-р Такль сурово.

— Прошу прощения, сэр, — ответил смутившийся зеленщик, — я нечаянно, сэр. Вчера я поздно лег спать, сэр.

2 Я вам скажу, каково мое мнение о вас, Херис, — произнес м-р Такль, принимая внушительный вид, — вы — грубая скотина.

— Надеюсь, джентльмены, — сказал Херис, — что вы не будете строги ко мне, джентльмены. Я очень признателен вам, джентльмены, за ваше покровительство, а также за ваши рекомендации, джентльмены, если где-нибудь требуется лишний человек прислуживать за столом. Надеюсь, джентльмены, вы довольны мною?

— Нет, не довольны, сэр, — сказал м-р Такль, — отнюдь не довольны, сэр.

— Мы считаем вас нерадивым бездельником, — сказал джентльмен в оранжевом плисе.

— И гнусным плутом, — добавил джентльмен в коротких зеленых штанах.

— И несправимым лентяем, — присовокупил джентльмен в пурпуре.

Бедный зеленщик кланялся самым униженным образом, пока на него сыпались эти эпитеты в духе самой низкой тирании; а когда каждый сказал что-нибудь, долженствовавшее свидетельствовать о собственном его превосходстве, м-р Такль начал резать баранью ногу и угощать гостей.

Едва было приступлено к этому важному делу, как дверь резко распахнулась и появился еще один джентльмен, в голубом костюме с оловянными пуговицами.

— Против правил, — заявил м-р Такль. — Слишком поздно. Слишком поздно.

— Право же, я ничего не мог поделать, — сказал джентльмен в голубом, — я взываю к собранию. Долг галантности, свидание в театре.

— О, конечно, если так! — сказал джентльмен в оранжевом плисе.

— Право же, клянусь честью, — продолжал человек в голубом. — Я обещал зайти за нашей младшей дочерью в половине одиннадцатого, а она такая наредкость милая девушка, что у меня, право же, духу нехватило ее огорчать. Не хочу обижать присутствующую компанию, сэр, но женский пол, сэр, женский пол, сэр, неотразим!

— Я начинаю подозревать, что тут что-то есть, — сказал Такль, когда вновь прибывший занял место рядом с Сэмом. —

Я заметил раз или два, что она сильно опирается на ваше плечо, когда садится в экипаж и выходит из него.

— О, право же, право же, Такль, вы не должны так говорить, — сказал человек в голубом. — Это нехорошо. Быть может, я сказал одному-двум приятелям, что она очень божественное создание и ответила отказом на одно-два предложения без всякой видимой причины, но... нет, нет, нет, Такль... да еще при посторонних... это не годится, вы не должны. Деликатность, мой милый друг, деликатность! — И человек в голубом, подтянув выше галстук и поправив обшлага куртки, кивнул и нахмурился, словно тут что-то крылось, о чем бы он мог поговорить, если бы хотел; но чувство чести обязывало его молчать.

Человек в голубом, белокурый, развязный лакей, с тугоподвижной шеей, с чванным видом и дерзкой физиономией, сразу привлек особое внимание м-ра Уэлера, а когда он начал рассуждать таким образом, Сэм почувствовал себя еще более расположенным поддерживать с ним знакомство; поэтому он вступил в разговор немедленно, с характеристической для него независимостью.

— За ваше здоровье, сэр! — сказал Сэм. — Ваш разговор мне очень нравится. Я его нахожу очень приятным.

Человек в голубом улыбнулся, как будто выслушивать комплименты было для него делом привычным, но в то же время он одобрительно посмотрел на Сэма и выразил надежду, что они познакомятся ближе, ибо, без всякой лести, у Сэма, повидимому, были задатки очень славного парня... как раз ему по душе.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Сэм. — Ну и счастливчик же вы!

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился джентльмен в голубом.

— Эта-вот молодая леди, — отозвался Сэм. — Уж она-то понимает толк. Ого, я вижу! — М-р Уэлер закрыл один глаз и помотал головой с видом, который в высшей степени удовлетворил тщеславие джентльмена в голубом.

— Боюсь, что вы хитрый малый, м-р Уэлер, — сказал этот субъект.

— Ничуть не бывало, — возразил Сэм. — Все это-вот предоставляю вам. Это касается гораздо больше вас, чем меня, как сказал джентльмен, находясь за оградой в саду, человеку, на которого по улице несся бешеный бык.

— Ну-ну, м-р Уэлер, — сказал джентльмен в голубом, — я полагаю, что она заметила мою наружность и манеры, м-р Уэлер.

— По-моему, никак нельзя не заметить, — отозвался Сэм.

— У вас есть какая-нибудь интрижка в таком же роде, сэр? — осведомился ошарашенный джентльмен в голубом, доставая зубочистку из жилетного кармана.

— Не совсем, — ответил Сэм. — Там, где я служу, никаких дочерей нет, иначе я бы уж, конечно, поухаживал за одной из них. Ну, а так, думаю, нет смысла иметь дело с женщиной ниже маркизы. Я еще мог бы поладить с молодой женщиной очень богатой, но не титулованной, если бы она была от меня без ума. Не иначе.

— Ну, конечно, м-р Уэлер, — сказал джентльмен в голубом, — иначе и хлопотать незачем, знаете ли. Мы знаем, м-р Уэлер, — мы, светские люди, — что красивое форменное платье должно подействовать на женщину рано или поздно. В сущности, говоря между нами, только ради этого и стоит поступать на службу.

— Вот именно, — сказал Сэм. — Разумеется.

Когда этот конфиденциальный диалог закончился, были поданы стаканы, и, прежде чем ближайший трактир закрылся, каждый из джентльменов заказал себе любимый напиток. Джентльмен в голубом и человек в оранжевом, которые были первыми щеголями компании, заказали холодный сладкий грог, а любимым напитком остальных был, повидимому, подслащенный джин с водой. Сэм назвал зеленщика „отъявленным негодяем“ и заказал большую чашу пунша; и то, и другое, казалось, весьма повысило его во мнении избранного общества.

— Джентльмены, — сказал человек в голубом с видом правского денди, — я предлагаю тост за леди!

— Слушайте, слушайте! — крикнул Сэм. — За здоровье молодых хозяек!

Тут раздался громкий крик: „К порядку!“ — и м-р Джон Смаукер, как джентльмен, который ввел м-ра Уэлера в общество, попросил его принять к сведению, что слово, только что им произнесенное, непарламентарно.

— Какое это-вот слово, сэр? — осведомился Сэм.

— Хозяйки, сэр, — ответил м-р Джон Смаукер, грозно намурившись. — Здесь мы не признаем таких различий.

— Очень хорошо, — сказал Сэм. — Тогда я изменю свое замечание и назову их милыми созданиями, если адово пламя мне разрешит.

В уме джентльмена в коротких зеленых штанах, повидимому, возникло некоторое сомнение по поводу того, допустимо ли называть председателя адовым пламенем, но так как общество, казалось, было более расположено отстаивать свои права, чем его, то этот вопрос не обсуждался. Человек в треуголке засопел и пристально посмотрел на Сэма, но, повидимому, решил промолчать, опасаясь, как бы ему же не стало хуже.

После краткого молчания джентльмен в вышитой ливрее, доходившей ему до пят, и в таком же жилете, согревавшем верхнюю половину его пог, размешал с большой энергией свой грог и вдруг, сделав напряженное усилие, встал и заявил, что он желает обратиться с несколькими словами к собранию, после чего треуголка выразила уверенность, что общество будет счастливо услышать любые слова, с какими длинная ливрея пожелает обратиться.

— Я чувствую большую деликатность, джентльмены, выдвигаясь вперед, — сказал человек в длинной ливрее, — потому что на мое несчастье я кучер и только допущен как почетный член этих приятных сваре, но я чувствую себя вынужденным — загнанным в угол, если можно так сказать, — объявить о при- скорбном обстоятельстве, которое дошло до моего сведения, которое случилось, так сказать, на моих глазах. Джентльмены, наш друг м-р Уиферс (все посмотрели на субъекта в оранжевом), наш друг м-р Уиферс подал в отставку.

Всеобщее изумление овладело слушателями. Каждый джентльмен заглянул в лицо соседу, а затем перевел взгляд на вставшего кучера.

— Не чудо, что вы удивлены, джентльмены, — сказал кучер. — Я не берусь излагать причины этой невознагражденной потери для службы, но прошу, чтоб м-р Уиферс изложил их сам для назидания и подражания своим восхищенным друзьям.

Так как это предложение было шумно одобрено, то м-р Уиферс дал объяснение. Он сказал, что, конечно, у него могло быть желание сохранить за собой то место, от которого он отказался. Форменное платье было чрезвычайно пышное и дорогое, женская половина дома очень приятная, и служба — он вынужден это сказать — не слишком тяжелая; основная обязанность, какую на него возлагали, заключалась в том, чтобы он как можно больше смотрел из окна вестибюля, в компании с другим джентльменом, который также подал в отставку. Он желал бы избавить общество от тех мучительных и отвратительных деталей, о коих он собирается упомянуть, но раз от него потребовали объяснения, ему ничего иного не остается, как заявить смело и открыто, что хотели заставить есть холодное мясо.

Немыслимо представить себе то негодование, какое было вызвано этим признанием в сердцах слушателей. Громкие возгласы: „Позор!“, сливаясь с ревом и свистками, не прекращались в течение четверти часа.

М-р Уиферс выразил опасение, что эту обиду можно до известной степени объяснить его собственной снисходительностью и покладистым нравом. Он отчетливо припоминает, что однажды согласился есть соленое масло, и, мало того, по случаю внезапной болезни в семье, он настолько забылся, что отнес ведро углей на третий этаж. Он надеется, что не уронил себя во мнении друзей этим откровенным признанием своих ошибок; и он выражает надежду, что стремительность, с какою он ответил на это последнее бесчеловечное оскорбление, нанесенное его чувствам, восстановит его в их мнении, если он себя уронил.

На речь м-ра Уиферса ответили восторженными возгласами, и за здоровье интересного мученика выпили с величайшим энтузиазмом. С своей стороны мученик выразил благодарность и предложил выпить за здоровье их гостя, м-ра Уэлера, джентльмена, с которым он не имел удовольствия быть близко

знакомым, но который был другом м-ра Джона Смаукера, что является достаточной рекомендацией для любого джентльменского общества, какого бы то ни было и где бы то ни было. По этому случаю он был бы склонен выпить за здоровье м-ра Уэлера по всем правилам, если бы его друзья пили вино; но так как они пили для разнообразия грог и так как, пожалуй, неудобно было бы осушать стакан при каждом тосте, то он предлагал считать, что все правила соблюдены.

В конце этого спича все выпили по глотку за здоровье Сэма; а Сэм, черпая из чаши и осушив два стакана пунша за свое собственное здоровье, выразил благодарность в изящном спиче.

— Очень признателен вам, друзья, — сказал Сэм, поглощая пунш с самым независимым видом, — за этот-вот комплимент, который, исходя из такого общества, очень ошеломляет. Я слышал много обо всех вас, вместе взятых, но, признаюсь, я никогда не думал, чтобы вы были такими наредкость славными людьми, каких я увидел. Я надеюсь только, что вы будете о себе заботиться и никак не уроните своего достоинства, на которое очень приятно смотреть, когда выйдешь на прогулку, и для меня было всегда большой радостью его видеть еще в те времена, когда я был мальчиком ростом вдвое ниже палицы с медным набалдашником моего весьма respectable друга, адова пламени. Что касается жертвы угнетения в костюме цвета серы, о нем я одно могу сказать: надеюсь, он найдет как раз такое хорошее место, какого заслуживает, и впредь ему редко придется беспокоиться из-за холодной сваре.

Тут Сэм сел с приятной улыбкой, и когда шумные одобрения по адресу его речи были закончены, гости начали расходиться.

— Как, неужели вы всерьез хотите уйти, старина? — спросил Сэм Уэлер своего друга м-ра Джона Смаукера.

— Да, я должен уйти, — сказал м-р Смаукер. — Я обещал Бэнтему.

— Очень хорошо, — заметил Сэм, — это другое дело. А то как бы он не попросил расчета, если вы его обманете. Но вы не уходите, адово пламя?

— Ухожу, — ответил человек в треуголке.

— Как, и оставляете чашу с пуншем на три четверти недопитой! — воскликнул Сэм. — Вздор! Садитесь!

М-р Такль был не в состоянии отказаться от такого приглашения. Отложил в сторону треуголку и палицу, которую только что взял, и заявил, что выпьет стаканчик за доброе товарищество.

Так как джентльмену в голубом было по пути с м-ром Таклем, то его тоже уговорили остаться.

Когда пунш был наполовину выпит, Сэм потребовал устриц из зеленой лавки; эффект пунша и поведения Сэма оказался столь возбуждающим, что м-р Такль в треуголке и с палицей исполнил матросский танец среди устричных раковин на столе, а джентльмен в голубом сопровождал на хитроумном музыкальном инструменте, сделанном из гребенки и папилотки. Наконец, когда пунш пришел к концу и ночь приблизилась к нему же, они отправились провожать друг друга по домам. М-р Такль, едва выйдя на свежий воздух, почувствовал внезапное желание улечься на мостовой. Сэм, найдя, что было бы безжалостно противодействовать ему, предоставил ему осуществить это желание. Так как шляпа могла пострадать, если бы оставалась при нем, Сэм заботливо нахлобучил ее на голову джентльмену в голубом и, вложив ему в руку большую палицу, прислонил его к его же собственной парадной двери, позвонил в колокольчик и спокойно отправился домой.

На следующее утро, встав значительно раньше, чем имел обыкновение вставать, м-р Пиквик спустился по лестнице совсем одетый и позвонил.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, когда Уэлер явился на зов, — закройте дверь.

М-р Уэлер исполнил это.

— Прошлой ночью, Сэм, здесь произошел неприятный инцидент, — сказал м-р Пиквик, — который дал м-ру Уинклю основания опасаться нанесения оскорблений со стороны м-ра Даулера.

— Да, я слышал об этом внизу, от старой леди, сэр, — ответил Сэм.

— И я, к сожалению, должен добавить, Сэм, — продолжал м-р Пиквик с весьма озадаченной физиономией, — что, опасаясь этого насилия, м-р Уинкль уехал.

— Уехал! — воскликнул Сэм.

— Покинул дом рано утром, не переговорив предварительно со мной, — ответил м-р Пиквик. — И уехал — не знаю куда.

— Он должен был остаться и решить дело дракой, сэр, — презрительно отозвался Сэм. — Не так уж трудно было бы справиться с этим-вот Даулером, сэр.

— Да, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — и у меня самого есть основания сомневаться в его великой храбрости и решимости. Но как бы то ни было, а м-р Уинкль уехал. Его нужно найти, Сэм. Найти и доставить сюда, ко мне.

— А если он не захочет вернуться, сэр? — спросил Сэм.

✓ — Нужно его заставить, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— А кто это сделает, сэр? — осведомился Сэм с улыбкой.

— Вы, — ответил м-р Пиквик.

✓ — Очень хорошо, сэр.

С такими словами м-р Уэлер вышел из комнаты, и немедленно вслед за этим слышно было, как захлопнулась парадная дверь.

Через два часа он вернулся с таким хладнокровием, словно его посылали с самым обыкновенным поручением, и принес весть, что субъект, во всех отношениях отвечающий описанию м-ра Уинкля, уехал сегодня утром в Бристоль * из отеля „Ройел“ * с каретой прямого назначения.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, пожимая ему руку, — вы — превосходный человек, незаменимый человек. Вы должны ехать за ним, Сэм.

— Слушаю, сэр, — отвечал м-р Уэлер.

— Как только вы его отыщете, немедленно напишите мне, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Если он попытается от вас удрать, приколотите его или запрягите. Я вам даю широкие полномочия, Сэм.

— Будьте покойны, сэр, — отозвался Сэм.

— Вы ему скажете, — продолжал м-р Пиквик, — что я весьма изволнован, весьма недоволен и, конечно, возмущен чрезвы-

чайше странной линией поведения, которую он счел уместным избрать.

— Скажу, сэр, — отвечал Сэм.

— Вы ему скажете, — продолжал м-р Пиквик, — что если он не вернется сюда, в этот самый дом, вместе с вами, он вернется со мной, ибо я приеду и увезу его.

— Об этом-вот я передам ему, сэр, — ответил Сэм.

— Как вы думаете, удастся вам найти его, Сэм? — спросил м-р Пиквик с озабоченным видом, заглядывая ему в лицо.

— О, я его найду, где бы он ни был, — ответил Сэм с большою уверенностью.

— Отлично, — сказал м-р Пиквик. — В таком случае, чем скорее вы отправитесь, тем лучше.

Вместе с этими инструкциями м-р Пиквик вручил своему верному слуге некоторую сумму денег и приказал ему немедленно отправляться в Бристоль, в погоню за беглецом.

Сэм уложил в дорожный мешок кое-какие необходимые вещи и собрался в путь. Дойдя до конца коридора, он остановился и, потихоньку вернувшись, просунул голову в дверь гостиной.

— Что, Сэм? — спросил м-р Пиквик.

— Хорошо ли я понял ваши инструкции, сэр? — осведомился Сэм.

— Надеюсь, — сказал м-р Пиквик.

— Насчет того, чтобы приколотить, это надо понимать регулярно, сэр? — спросил Сэм.

— Вполне, — отвечал м-р Пиквик. — Безусловно. Поступайте, как найдете нужным. Вы действуете по моему распоряжению.

Сэм кивнул в знак понимания, запер дверь и с легким сердцем отправился в путь.

ГЛАВА XXXVIII

*о том, как м-р Уинкль, сойдя со сковороды, вошел
тихо и мирно в огонь*

✓
Уинкль

Незадачливый джентльмен, который был злополучным виновником необычного шума и суматохи, всполошивших население на Ройел-Кресент при обстоятельствах, описанных выше, проведя ночь в великом смятении и тревоге, покинул кров, под которым еще почивали его друзья, сам не зная, куда направиться. Превосходные и деликатные чувства, которые побуждали м-ра Уинкля сделать такой шаг, не могут быть достаточно высоко оценены или достаточно превознесены. „Если, — рассуждал м-р Уинкль сам с собой, — если этот Даулер вздумает (а я не сомневаюсь в этом) привести в исполнение свои угрозы и панесет мне личное оскорбление, на мне будет лежать обязанность вызвать его на дуэль. У него есть жена; эта жена привязана к нему, и жизнь ее находится в зависимости от него. О небо! Если я убью его, ослепленный гневом, каково будет после этого у меня на душе!“ Эти мучительные мысли подействовали столь сильно на гуманного молодого человека, что колени его колотились друг о дружку, а на физиономии отразилось ужасное внутреннее волнение. Побуждаемый такими соображениями, он схватил свой дорожный мешок

и, спустившись на цыпочках с лестницы, как можно тише запер за собою ненавистную парадную дверь и удалился. Направив свои шаги к отелю „Ройел“, он застал карету в момент ее отправки в Бристоль и, думая, что Бристоль отвечает его делам не хуже всякого другого места, куда бы он мог поехать, он влез на козлы и прибыл к месту своего назначения с той быстротой, какую можно было ждать от пары лошадей, совершавших путешествие туда и обратно два раза в день, если не чаще.

Он остановился в гостинице „Кустарник“ * и, решив отложить всякие сношения в письменной форме с м-ром Пиквиком до того момента, когда можно будет предположить, что гнев м-ра Даулера до известной степени испарился, вышел обозреть город, который показался ему чуть грязнее, чем все другие, когда-либо им виденные города. Освидетельствовав док и суда и обозрев собор, он осведомился, как пройти в Клифтон *, и, получив ответ, пошел в указанном направлении. Но подобно тому, как тротуары Бристоля не являются самыми широкими или самыми чистыми на земном шаре, так его улицы, пожалуй, не самые прямые или наименее запутанные; м-р Уинкль, сбитый с толку их многочисленными изгибами и поворотами, стал озираться, отыскивая какую-нибудь приличную лавочку, куда бы он мог снова обратиться за советом и указанием.

Его взгляд упал на заново выкрашенное помещение, недавно превращенное в нечто среднее между магазином и жилым домом; красный фонарь, выступавший над полукруглым окном парадной двери, достаточно ясно оповещал о том, что здесь находится резиденция практикующего врача, даже если бы слова „Приемный покой“ не были начертаны золотыми буквами на панельной обшивке над окном комнаты, которая в прежнее время служила парадной комнатой. Считая, что это — подходящее место для наведения справок, м-р Уинкль вошел в маленькую лавочку, которая была уставлена ящиками с золочеными ярлычками и пузырьками, и, не обнаружив там никого, постучал полукроною о прилавок, дабы привлечь внимание того, кто, быть может, находился в задней комнате, каковую он признал сокровенным и особым святилищем, ибо

те же слова „Приемный покой“ повторялись на двери, начертанные на этот раз, во избежание однообразия, белыми буквами.

При первом же стуке монеты шум, вызванный, казалось, фехтованием каминными щипцами и до этой минуты весьма отчетливый, вдруг прекратился; при втором стуке молодой джентльмен, на вид трудолюбивый, в зеленых очках и с очень большой книгой в руках, тихо проскользнул в лавку и, зайдя за прилавок, осведомился, что угодно посетителю.

— Простите, что беспокоил вас, сэр, — сказал м-р Уинкль, — но не будете ли вы так любезны указать...

— Ха-ха-ха! — заревел трудолюбивый молодой джентльмен, подбрасывая огромную книгу и с величайшей ловкостью подхватывая ее в тот самый момент, когда она грозила превратиться в атомы все пузырьки на прилавке. — Вот так сюрприз!

Это был, несомненно, сюрприз, ибо м-р Уинкль столь изумился необычайному поведению медицинского джентльмена, что невольно отступил к двери, видимо, весьма смущенный таким странным приемом.

— Как, вы меня не узнаете? — сказал медицинский джентльмен.

М-р Уинкль пробормотал в ответ, что не имел чести.

— Ну, если так, — сказал медицинский джентльмен, — то у меня еще есть надежда, если мне повезет, я могу обслужить половину бристольских старух. К чорту этого заплесневелого старого негодяя, к чорту!

С таким заклятием, обращенным к огромной книге, медицинский джентльмен с замечательной ловкостью отшвырнул ее ногой в дальний конец лавки и, сняв зеленые очки, обнаружил подлинную ухмыляющуюся физиономию Роберта Сойера, эскуайра, бывшего студента Гайевского госпиталя в Баро, имевшего местожительство на Лент-стрит.

— Вы не станете отрицать, что зашли навестить меня? — спросил м-р Боб Сойер, с дружеской горячностью пожимая руку м-ру Уинклю.

— Честное слово, нет, — заявил м-р Уинкль, отвечая на рукопожатие.

— Странно, что вы не видели фамилии, — сказал Боб Сойер, привлекая внимание своего друга к наружной двери, на которой тою же белой краской были начертаны слова: „Сойер, приемщик Покморфа“.

— Я ее не заметил, — признался м-р Уинкль.

— Господи, если бы я знал, что это вы, я бы бросился навстречу и заключил вас в свои объятия, — сказал Боб Сойер, — но клянусь честью, я думал, что вы — Королевские налоги.

— Да неужели? — сказал м-р Уинкль.

— Уверю вас, — подтвердил Боб Сойер, — и я только что собирался сказать, что меня нет дома, но если вам угодно передать какое-нибудь поручение мне, я обязательно доставлю самому себе!.. Дело в том, что он меня не знает; и Освещение и Мостовые тоже не знают. Подозреваю, Церковный налог догадывается, кто я такой, и знаю, что Водопроводу это известно, — я ему вырвал зуб, как только приехал сюда. Но входите же, входите!

Болтая таким образом, м-р Боб Сойер втокнул м-ра Уинкля в заднюю комнату, где, забавляясь просверливанием раскаленной докрасна кочергой маленьких круглых углублений в каминном карнизе, сидел не кто иной, как м-р Бенджамин Элен.

— А! — воскликнул м-р Уинкль. — Вот сюрприз, которого я не ожидал. Какое у вас здесь славное помещение!

— Недурно, недурно, — отозвался Боб Сойер. — Я „выдержал“ вскоре после того замечательного вечера, и мои друзья собрали, сколько нужно было, на открытие этого дела. Я надел черную пару и очки и явился сюда в этом высокородящем виде.

— И у вас, несомненно, очень прибыльное дело? — проницательно заметил м-р Уинкль.

— Очень, — отвечал Боб Сойер. — Такое прибыльное, что через несколько лет вы можете положить все доходы в винный стакап и прикрыть их листом крыжовника.

— Вы шутите, — сказал м-р Уинкль. — Одни лекарства...

— Подделка, дорогой друг, — отозвался Боб Сойер, — в одной половине ящиков ничего нет, а другая не открывается.

— Вздор! — воскликнул м-р Уинкль.

— Факт! Честное слово! — возразил Боб Сойер, выйдя в лавку и в подтверждение своих слов энергически дергая за маленькие позолоченные шишечки поддельных ящиков. — Вряд ли есть что-нибудь настоящее в этой лавке, кроме пиявок, да и те подержанные.

— Никогда бы я этого не подумал! — воскликнул м-р Уинкль, весьма изумленный.

— Надеюсь, — отозвался Боб Сойер, — иначе какая была бы польза от видимости, а? Но не хотите ли подкрепиться? Последуйте нашему примеру. Правильно. Бен, дружище, засуньте руку в буфет и достаньте патентованное пищеварительное.

М-р Бенджамин Элен улыбнулся в знак готовности и извлек из буфета, находившегося по соседству, бутылку, до половины наполненную бренди.

— Вода нам не нужна, конечно? — спросил Боб Сойер.

— Простите, — отозвался м-р Уинкль. — Час, собственно говоря, ранний. Я бы предпочел разбавить, если вы не возражаете.

— Пимало, если ваша совесть может примириться с этим, — ответил Боб Сойер, со смаком осушая одним глотком стаканчик бренди. — Бен, миску!

М-р Бенджамин Элен извлек из того же потайного местечка маленькую медную миску, относительно которой Боб Сойер заметил, что особенно гордится ею, ибо у нее весьма деловой вид. Когда вода в профессиональной миске своевременно закипела благодаря нескольким лопаткам угля, который м-р Боб Сойер достал из аптечного шкафа с табличкой „Содовая вода“, м-р Уинкль осквернил свой бренди. Разговор принял оживленный характер, как вдруг был прерван прибытием в лавку мальчика в скромной серой ливрее и в шляпе, обшитой золотым галуном, с маленькой закрытой корзинкой в руке, которого м-р Боб Сойер немедленно приветствовал: „Том, бездельник, пожалуйста сюда!“

Мальчик явился на зов.

— Вы останавливались перед каждой тумбой в Бристоле, молодой лодырь? — сказал м-р Боб Сойер.

— Нет, сэр, я не останавливался, — ответил мальчик.

— И не советую! — заявил м-р Боб Сойер с угрожающим видом. — Как вы полагаете, кто прибежит к помощи врача, чей мальчишка только и делает, что играет в камешки на тротуаре или летает через подвязку* на мостовой? Или вы не пытаете никакого уважения к своей профессии, бездельник? Вы доставили все лекарства?

— Да, сэр.

— Порошки для ребенка в большой дом, куда въехали новые жильцы, а пилюли для приема четыре раза в день сварливому старому джентльмену с подагрической ногой?

— Да, сэр.

— В таком случае закройте дверь и присматривайте за аптекой.

— Послушайте, — сказал м-р Уинкль, когда мальчик удался, — дела совсем не так плохи, как вы меня уверяли. Кое-какие лекарства вы все-таки рассылаете.

М-р Боб Сойер выглянул в аптеку, дабы убедиться, что поблизости нет посторонних людей, и, поклонившись к м-ру Уинклю, сообщил тихим голосом:

— Он доставляет их не в тот дом.

У м-ра Уинкля был недоумевающий вид, а Боб Сойер и его друг расхохотались.

— Как же вы не понимаете? — сказал Боб. — Он подходит к какому-нибудь дому, звонит у парадной двери, сует без всяких объяснений сверток с лекарствами в руку слуге и уходит. Слуга несет его в столовую, хозяин разворачивает пакет и читает наклейку: „Микстуру принимать перед сном; пилюли — как и раньше; полоскание — употребление известно; порошок. От Сойера, преемника Покморфа. Аккуратно приготовлено по предписаниям врачей“, и т. д. Он показывает жене, она читает наклейку; сверток передают слугам, они читают наклейку. На следующий день является мальчик: „Очень жаль, ошибся, столько дела, столько пакетов для доставки, привет от м-ра Сойера, преемника Покморфа“. Фамилия упоминается, а в этом-то все дело, друг мой, в медицинской практике. Это лучше любой рекламы, старина! У нас есть

одна бутылка в четыре унции, которая побывала в доброй половине домов Бристоля, и мы с ней еще не покончили.

— Ах, вот оно что! — воскликнул м-р Уинкль. — Какой превосходный план!

— О, мы с Беном придумали десяток таких планов, — отвечал Боб Сойер с большим воодушевлением. — Фонарщик получает восемнадцать пенсов в неделю за то, что звонит нам в ночной звонок в течение десяти минут каждый раз, как проходит мимо; а мой мальчишка врывается в церковь как раз перед пением псалмов, когда у людей только и дела, что глазеть по сторонам, и вызывает меня, изображая на своей физиономии ужас и скорбь. „Ах, боже мой, — говорят вокруг, — кто-то заболел внезапно! Послали за Сойером, преемником Покморфа. Какая большая практика у этого молодого человека!“

После этого разоблачения некоторых тайн медицины м-р Боб Сойер и его друг Бен Элен откинулись каждый на спинку мягкого стула и неудержимо расхохотались. Когда они насладились шуткой в полное свое удовольствие, разговор перешел на темы, которыми м-р Уинкль интересовался более непосредственно.

Кажется, мы уже упомянули, что м-р Бенджамин Элен делался сентиментальным после бренди. Это обстоятельство не является исключительным, что мы сами можем подтвердить, ибо нам приходилось изредка иметь дело с пациентами, проявлявшими те же симптомы. В этот период своего существования м-р Бенджамин Элен отличался, пожалуй, более сильным предрасположением к магдалинизму*, чем когда бы то ни было, причина каковой болезни состояла вкратце в следующем: он уже около трех недель гостил у м-ра Боба Сойера; м-р Боб Сойер не мог похвалиться воздержанностью, так же, как не мог м-р Бенджамин Элен похвалиться очень крепкой головой; результат был тот, что в течение вышеуказанного промежутка времени м-р Бенджамин Элен все время переходил от опьянения частичного к опьянению полному.

— Мой дорогой друг, — сказал м-р Бен Элен, воспользовавшись временным отсутствием м-ра Боба Сойера, удалившегося

за прилавок для того, чтобы отпустить несколько подержанных пивовок, о коих было упомянуто выше, — мой дорогой друг, я очень несчастен.

М-р Уинкль выразил свое искреннее сожаление по поводу сказанного и спросил, не может ли он как-нибудь облегчить скорбь страдающего студента.

— Никак, старина, никак, — сказал Бен. — Вы помните Арабелу, Уинкль? Мою сестру Арабелу — девчонку, Уинкль, с черными глазками, — когда мы были в гостях у Уордла? Не знаю, заметили ли вы ее; славная девочка, Уинкль. Быть может, черты моего лица помогут вам вспомнить ее физиономию?

М-р Уинкль не нуждался ни в каких средствах, чтобы вызвать в памяти очаровательную Арабелу, и, пожалуй, к счастью, ибо черты ее брата Бенджамина бесспорно не могли в достаточной мере освежить в его памяти ее образ. Он отвечал со всем возможным самообладанием, что превосходно помнит молодую леди, о которой идет речь, и от души надеется, что она в добром здравьи.

— Наш друг Боб — чудесный парень, Уинкль, — был единственный ответ м-ра Бена Элена.

— Конечно, — сказал м-р Уинкль, не очень обрадованный этим близким сопоставлением двух имен.

— Я предназначил их друг для друга, они созданы друг для друга, посланы в мир друг для друга, рождены друг для друга, Уинкль! — сказал м-р Бен Элен, энергически ставя свой стакан. — Тут особое предназначение: разницы между ними всего пять лет, и оба празднуют день рождения в августе.

М-ру Уинклю так хотелось услышать продолжение, что он не очень удивился такому необычайному совпадению, сколь ни было оно чудесно. Тогда м-р Бен Элен, пролив несколько слезинок, стал говорить о том, что, невзирая на все его уважение и почтение и благоговение к другу, Арабела беспричинно и неблагодарно проявила самую определенную антипатию к его особе.

— И я думаю, — сказал в заключение м-р Бен Элен, — я думаю, что тут есть какая-то более ранняя привязанность.

— Есть у вас какие-нибудь предположения, кто может быть объектом любви? — спросил м-р Уинкль с великим трепетом.

М-р Бен Элен схватил кочергу, воинственно взмахнул ею над головой, нанес сокрушающий удар по воображаемому черепу и наконец заявил очень выразительным тоном, что он хотел бы только угадать, кто это, — вот и все.

— Я бы ему показал, что я о нем думаю, — сказал м-р Бен Элен. И кочерга снова описала круг с большим неистовством.

Все это действовало, конечно, весьма успокоительно на чувства м-ра Уинкля, который безмолвствовал в течение нескольких минут, но в конце концов собрался с духом, чтобы осведомиться, находится ли мисс Элен в Кенте.

— Нет! — ответил м-р Бен Элен, отталкивая кочергу и делая хитрую мину. — Я считаю, что дом Уордла не вполне подходящее место для упрямой девушки, поэтому, раз я являюсь ее естественным защитником и опекуном, ибо наши родители умерли, я привез ее в эти края, чтобы она провела несколько месяцев у старой тетки в славном, скучном, глухом месте. Думаю, это ее излечит, старина. А если не излечит, я ее повезу ненадолго за границу и посмотрю, как это подействует.

— А тетка живет в Бристоле? — запинаясь, спросил м-р Уинкль.

— Нет, не в Бристоле, — ответил м-р Бен Элен, указав большим пальцем через левое плечо, — в той стороне, вон там. Но тише, вот Боб! Ни слова, мой дорогой друг, ни слова!

Как ни был краток этот разговор, он пробудил в м-ре Уинкле величайшее волнение и тревогу. Предполагаемая более ранняя привязанность щемила ему сердце. Не он ли объект ее? Не на-за него ли прекрасная Арабела взирала с презрением на веселого Боба Сойера, — или у него был счастливый соперник? Он решил увидеть ее во что бы то ни стало, но тут возникло непреодолимое препятствие, ибо он никак не мог угадать, означают ли пояснительные слова м-ра Бена Элена „в той стороне“ и „вон там“ расстояние в три, в тридцать или в триста миль.

Но в настоящее время ему не представилось случая поразмыслить о своей любви, ибо возвращение Боба Сойера непосредственно предшествовало появлению мясного паштета из булочной, для уничтожения коего сей джентльмен настоятельно предложил м-ру Уинклю остаться. Скатерть была разостлана поденщицей, которая занимала место экономки м-ра Боба Сойера; а когда третий нож и вилку позаимствовали у матери мальчика в серой ливрее (ибо домашнее хозяйство м-ра Сойера было поставлено на скромную ногу), они уселись за обед, к которому было подано пиво, как заметил м-р Сойер, в „натуральной“ для него оловянной посуде.

После обеда м-р Боб Сойер потребовал самую большую ступку из имевшихся в лавке и начал готовить в ней ароматический ромовый пунш, уверенно и с ловкостью аптекаря размешивая и растирая пестиком соответствующие материалы. М-р Сойер, будучи холостяком, владел одним единственным стаканом, который был предоставлен м-ру Уинклю, как гостю; м-р Бен Элен приспособил себе воронку, заткнув пробкой узкий конец ее; а Боб Сойер воспользовался одним из тех хрустальных сосудов с широким отверстием и различными каббалистическими знаками, в которых аптекари обыкновенно отмеряют жидкие лекарства при изготовлении своих микстур. Когда с предварительными приготовлениями было покончено, пунш был отведан и объявлен превосходным; и условившись, что Боб Сойер и Бен Элен имеют право наполнять свои сосуды дважды на каждый стакан м-ра Уинкля, они честно принялись за дело с большим удовольствием и в добром согласии.

Пением не развлекались, ибо м-р Боб Сойер сказал, что это выглядело бы непрофессионально; но в награду за такое лишение говорили и хохотали так громко, что, по всей вероятности, было слышно на другом конце улицы. Эти разговоры существенно помогли скоротать время и развить ум подручного Боба Сойера, каковой подручный вместо того, чтобы посвящать вечер обычному занятию — писанию собственного имени на прилавке, а затем стиранию его, — прильнув к стеклянной двери, в одно и то же время мог и слышать и видеть.

Веселие м-ра Боба Сойера стремительно переходило в буйство, м-р Бен Элен быстро впадал в сентиментальность, и от пунша почти ничего не оставалось, когда мальчик, вбежав в комнату, объявил, что сию минуту пришла молодая женщина сказать, что Сойера, преемника Покморфа, зовут немедленно на одну из ближайших улиц. Это положило конец празднеству. М-р Боб Сойер, уразумев сообщение после двадцатикратных повторений, обвязал голову мокрым полотенцем, чтобы протрезвиться, и, несколько успев в этом, надел зеленые очки и отправился в путь. Не поддаваясь ни на какие уговоры подождать его возвращения и убедившись в полной невозможности завязать с м-ром Беном Эленом хоть сколько-нибудь разумный разговор на тему особенно близкую его сердцу или на какую бы то ни было другую, м-р Уинкль попрощался и вернулся в „Кустарник“.

Душевное смятение и непрерывные размышления, пробужденные Арабелой, воспрепятствовали пуншу, который пришлось на его долю, произвести на него то впечатление, какое он произвел бы при иных обстоятельствах. Посему, выпив стакан содовой воды и бренди в буфете, м-р Уинкль прошел в общую столовую скорее угнетенный, чем возбужденный событиями этого дня.

✓
Уинкль
Перед камином, спиной к м-ру Уинклю, сидел довольно высокий джентльмен в пальто; кроме него в комнате никого не было. Вечер был довольно холодный для этого времени года, и джентльмен отодвинул свой стул в сторону, чтобы дать возможность вновь прибывшему созерцать камин. Что же должен был почувствовать м-р Уинкль, когда при этом обнаружился лицо и фигура мстительного и кровожадного Даулера!

Первым побуждением м-ра Уинкля было ухватиться за ручку ближайшего колокольчика, но таковая, к несчастью, находилась за головой м-ра Даулера. Он шагнул было к ней, раньше чем одумался. Это движение заставило м-ра Даулера очень поспешно отодвинуться.

— М-р Уинкль, сэр! Успокойтесь. Не наносите мне удара. Я этого не стерплю. Удар! Никогда! — сказал м-р Даулер мягче, чем м-р Уинкль ожидал от столь свирепого джентльмена.

— Удар, сэр? — заикаясь, выговорил м-р Уинкль.

— Удар, сэр, — отозвался Даулер. — Не волнуйтесь. Сядьте. Выслушайте меня.

— Сэр, — сказал м-р Уинкль, дрожа всем телом, — раньше, чем я соглашусь сесть рядом с вами или против вас, мне нужна гарантия в виде некоторого объяснения. Прочной ночью вы бросили угрозу, направленную против меня, сэр, страшную угрозу, сэр. — Тут м-р Уинкль сильно побледнел и остановился.

— Да, — сказал Даулер с лицом почти таким же бледным, как у м-ра Уинкля. — Обстоятельства внушали подозрение. Были даны объяснения. Я уважаю ваше мужество. Ваши чувства благородны. Сознание невинности. Вот моя рука. Пожмите ее.

— Право же, сэр, — начал м-р Уинкль, колеблясь подать ему руку из опасения подвергнуться неожиданному нападению, — право же, сэр, я...

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебил Даулер. — Вы чувствуете себя обиженным. Вполне естественно. Так было бы и со мной. Я был неправ. Прошу прощения. Будемте друзьями. Простите меня.

С этими словами Даулер почти насильно завладел рукой м-ра Уинкля и, пожав ее с величайшим жаром, заявил, что считает его человеком чрезвычайно смелым и держится о нем более высокого мнения, чем когда-либо.

— Теперь, — сказал Даулер, — садитесь. Расскажите все. Как вы нашли меня? Когда вы за мной погнались? Будьте откровенны. Скажите мне.

— Это произошло совершенно случайно, — ответил м-р Уинкль, весьма озадаченный странным и неожиданным характером вопросов. — Совершенно.

— Рад этому, — сказал Даулер. — Я проснулся. Забыл об угрозе. Я смеялся над происшествием. Я был расположен к вам дружелюбно. Я так и сказал.

— Кому? — осведомился м-р Уинкль.

— М-с Даулер. „Вы дали клятву“, — сказала она. „Дал“, — сказал я. „Это была опрометчивая клятва“, — сказала она. „Да“, — сказал я. — Я принесу извинения. Где он?“

— Кто? — спросил м-р Уинкль.

— Вы! — отвечал Даулер. — Спустился вниз. Вас, не было. Шинквик был мрачен. Он покачал головой. Выразил надежду, что до населения не дойдет. Я понял все. Вы считали себя обиженным. Вы вышли... быть может, за другом; может быть, за пистолетами. „Благородное мужество, — сказал я. — Я восхищаюсь им“.

М-р Уинкль откашлялся и, начиная соображать, откуда ветер дует, приосанился.

— Я оставил вам записку, — продолжал Даулер. — Написал, что сожалею. И это верно. По срочному делу меня вызвали сюда. Вы были не удовлетворены. Вы последовали за мной. Вы потребовали устного объяснения. Вы правы. Теперь все выяснено. С моими делами покончено. Завтра я возвращаюсь. Едемте вместе.

По мере того как Даулер давал свои объяснения, м-р Уинкль принимал все более внушительную осанку. Таинственность, окутывавшая начало их разговора, рассеялась; м-р Даулер питал такое же сильное отвращение к дуэли, как и он сам; короче: этот задорный и страшный субъект был одним из отъявленных трусов и, истолковав отсутствие м-ра Уинкля в духе, соответствующем его собственным опасениям, поступил так же, как он, и благоразумно уехал, пока не уляжется смятение чувств.

Когда подлинное положение дел открылось м-ру Уинклю, он принял очень грозный вид и сказал, что вполне удовлетворен; но в то же время сказал это тоном, не оставлявшим у м-ра Даулера никаких сомнений в том, что, не будь он удовлетворен, неизбежно должно было бы произойти нечто в высшей степени ужасное и разрушительное. У м-ра Даулера, повидимому, создалось подобающее впечатление от великодушия и снисходительности м-ра Уинкля; и обе воюющие стороны расстались на ночь после многократных заверений в вечной дружбе.

Около половины первого, когда м-р Уинкль уже минут двадцать вкушал всю сладость первого сна, его неожиданно разбудил громкий стук в дверь, какой стук, будучи повторен с сугубой настойчивостью, заставил его сесть в постели и осведомиться, кто там и что случилось.

— Простите, сэр, тут какой-то молодой человек говорит, что должен видеть вас немедленно, — отозвался голос служанки.

— Молодой человек? — воскликнул м-р Уинкль.

— Никакой ошибки в этом-вот, сэр, — отвечал другой голос в замочную скважину, — и если этот интересный юноша не будет впущен без промедления, весьма возможно, что его ноги войдут раньше, чем его физиономия.

Высказав такое предположение, молодой человек слетка ударил ногой по одной из нижних филенок двери, словно для того, чтобы придать больше силы и веса своему замечанию.

— Это вы, Сэм? — осведомился м-р Уинкль, вскакивая с постели.

— Совершенно невозможно установить личность джентльмена и получить нравственное удовлетворение, не взглянув на него, сэр, — поучительно ответил голос.

М-р Уинкль, не сомневаясь дальше в том, кто был этот молодой человек; отпер дверь. Едва он это сделал, как м-р Сэмюел Уэлер вошел с большой поспешностью, заботливо запер снова дверь с внутренней стороны, преспокойно положил ключ в жилетный карман и, окинув взглядом м-ра Уинкля с головы до ног, сказал:

— Вы очень забавный молодой джентльмен, вот вы кто такой, сэр!

— Что означает это поведение, Сэм! — с негодованием спросил м-р Уинкль. — Убирайтесь отсюда, сэр, сию же минуту! Что это означает, сэр?

— Что это означает? — спросил Сэм. — Послушайте, сэр, пожалуйста, это слишком жирно, как сказала молодая леди, когда упрекала пирожника, продавшего ей свиной паштет, в котором ничего не было внутри, кроме сахара. Что это означает? Это недурно, совсем недурно!

— Отоприте дверь и немедленно удалитесь из этой комнаты, сэр! — сказал м-р Уинкль.

— Я удалюсь из этой-вот комнаты, сэр, как раз в тот самый момент, когда и вы из нее удалитесь, — возразил Сэм, говоря убедительным тоном и степенно усаживаясь. — Если

мне придется унести вас на спине, — ну, тогда, конечно, я удалюсь на самую крохотную секунду раньше вас; но разрешите выразить надежду, что вы не доведете меня до крайности. Говоря это, я только повторяю то, что сказал благородный джентльмен упрямой съедобной улитке, которая не вылезала из раковины, невзирая на булавку, и он боялся, что придется раздавить ее дверью.

В заключение этой речи, которая отличалась необычной для него длиной, м-р Уэлер положил руку на колени и посмотрел прямо в лицо м-ру Уинклю, выражая всей своей физиономией твердое намерение не допускать никаких шуток.

— Вы любезный молодой человек, сэр, печего сказать, — продолжал м-р Уэлер тоном морального осуждения, — если впутываете нашего драгоценного хозяина во всякие причуды, когда он твердо решил перенести все для принципа. Вы куда хуже Додсона, сэр, а что касается Фога, то я его считаю сущим ангелом по сравнению с вами!

М-р Уэлер, сопровождая эту последнюю фразу выразительным шлепком по обоим коленам, скрестил руки с видом глубокого отвращения и откинулся на спинку стула, как бы дожидаясь защитительной речи преступника.

— Мой добрый Сэм, — сказал Уинкль, протягивая руку; зубы его стучали все время, пока он говорил, ибо он стоял, на протяжении всей лекции м-ра Уэлера в своем ночном одеянии, — мой добрый Сэм, я уважаю вашу привязанность к моему превосходному другу, и право же я очень сожалею, что доставил ему еще новый повод для беспокойства. Полно, Сэм, полно!

— Да, — сказал Сэм довольно хмуро, но в то же время почтительно пожимая протянутую руку, — да вы и должны сожалеть, и я очень рад, что убедился в этом, и если только это от меня зависит, я никому не позволю его дурачить, и конец делу.

— Конечно, Сэм, — согласился м-р Уинкль. — Так! Теперь ложитесь спать, Сэм, а утром мы об этом еще потолкуем.

— Мне очень жаль, — сказал Сэм, — но я не могу лечь спать.

— Не можете лечь спать? — повторил м-р Уинкль.

— Нет, — сказал Сэм, покачивая головой. — Это невозможно.

— Неужели вы хотите сказать, что немедленно отправляетесь обратно, Сэм? — осведомился м-р Уинкль, крайне изумленный.

— Нет, если только вы не пожелаете, — ответил Сэм, — но я не могу покинуть этой-вот комнаты. Хозяин дал строгий приказ.

— Вздор, Сэм, — сказал м-р Уинкль, — мне нужно остаться здесь два-три дня. И мало того, Сэм — вы должны остаться здесь, чтобы помочь мне добиться свидания с молодой леди, мисс Элен, Сэм, — вы ее помните, — которую я должен и хочу увидеть раньше, чем покину Бристоль.

Но в ответ на каждый из этих пунктов Сэм качал головой с большою твердостью и энергически отвечал:

— Невозможно.

Однако после многих доводов и уговоров со стороны м-ра Уинкля и полного разоблачения того, что произошло при встрече с Даулером, Сэм начал колебаться и наконец порешил на компромиссе, главные и основные условия коего были следующие:

Что Сэм удалится и предоставит комнату в полное распоряжение м-ра Уинкля, если ему будет разрешено запереть дверь снаружи и унести ключ, обязавшись в случае пожара или другой непредвиденной опасности немедленно отпереть; что рано утром будет написано письмо м-ру Пиквику и отправлено с Даулером с просьбою о его согласии на пребывание Сэма и м-ра Уинкля в Бристолье для достижения целей, уже изложенных, и об ответе с ближайшей каретой; в случае благоприятного ответа вышеуказанные лица остаются, а в случае неблагоприятного возвращаются в Бат немедленно по получении оного, и наконец, — что м-р Уинкль категорически обязуется в течение этого времени не делать попыток к тайному бегству ни через окно, ни через камин, ни каким-либо иным путем. Когда договор был заключен, Сэм запер дверь и удался.

Он уже почти добрался до нижней площадки лестницы, как вдруг остановился и вытащил из кармана ключ.

— Я совсем забыл о том, что нужно было его приколотить, — сказал Сэм, поворачивая было назад. — Хозяин ясно сказал, что нужно это сделать. Удивительно глупо это-вот с моей стороны! Не беда, — добавил он, просяив, — это легко будет сделать и завтра.

Утешившись, повидимому, таким соображением, м-р Уэлер снова опустил ключ в карман, спустился с последних ступенек, не испытывая новых угрызений совести, и вскоре погрузился, вместе с другими обитателями дома, в глубокий сон.

ГЛАВА XXXIX

М-р Сэмюел Уэлер, удостоившись романтического поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом, — обнаружится дальше

В течение следующего дня Сэм упорно не упускал м-ра Уинкля из виду, твердо решив не сводить с него глаз ни на секунду, пока не получит определенных инструкций из первоисточника. Хотя м-ру Уинклю неприятен был строгий надзор и великая бдительность Сэма, он предпочитал мириться с этим, чем идти на явное сопротивление и подвергнуть себя опасности быть увезенным силою; м-р Уэлер не раз внушительно намекал, что именно эту линию поведения побуждало его избрать суровое чувство долга. Нет причин сомневаться в том, что Сэм очень быстро успокоил бы свою совесть, доставив м-ра Уинкля в Бат, связанного по рукам и по ногам, если бы немедленный ответ м-ра Пиквика на записку, которую Даулер взялся передать, не предупредил подобного акта. Говоря коротко, в восемь часов вечера м-р Пиквик самолично вошел в общую столовую „Кустарника“ и с улыбкой сказал Сэму, к великому его облегчению, что он поступил совершенно правильно, и больше нет необходимости стоять на страже.

— Я решил приехать сам, — сказал м-р Пиквик, обращаясь к м-ру Уинкль, когда Сэм освободил его от пальто и дорожного шарфа, — чтобы убедиться, раньше чем я дам свое согласие на участие Сэма в этом деле, что ваше отношение к этой молодой леди вполне честно и серьезно.

— От всего сердца и от всей души серьезно! — воскликнул м-р Уинкль с большой энергией.

— Помните, Уинкль, — сказал м-р Пиквик с сияющими глазами, — мы ее встретили в доме нашего превосходного и гостеприимного друга. Было бы плохой благодарностью, если бы вы стали добиваться привязанности этой молодой леди из одного легкомыслия и без серьезных намерений. Я этого не допущу, сэр. Я этого не допущу.

— Конечно, у меня и в помышлениях этого нет! — с жаром воскликнул м-р Уинкль. — Я об этом много думал, и чувствую, что все мое счастье в ней.

— Это то, что мы называем — завязать все в один узелок, сэр, — вмешался м-р Уэлер с приятной улыбкой.

М-р Уинкль отнесся несколько сурово к этому замечанию, а м-р Пиквик сердито приказал своему слуге не шутить с одним из лучших чувств нашей натуры; на что Сэм ответил, что он не стал бы шутить, если бы он разбирался в этом; но столько было этих лучших чувств, что он не может угадать, какое из них действительно лучшее.

Затем м-р Уинкль рассказал о разговоре, который был у него с м-ром Беном Эленом относительно Арабелы; сообщил, что его целью было добиться свиданья с молодой леди и формально признаться ей в своей страсти; и заявил о своей уверенности, основанной на некоторых туманных намеках и бормотании вышеупомянутого Бена, что — где бы ни была она заточена в настоящее время — место это находится где-то поблизости, в сторону Холмов *. Таков был весь запас сведений или догадок по этому вопросу.

Было решено, что с этой весьма ненадежной нитью для руководства м-р Уэлер отправится на следующее утро на разведку; было условлено также, что м-р Пиквик и м-р Уинкль, будучи менее уверены в своих силах, совершат прогулку по

городу и случайно заглянут в течение дня к м-ру Бобу Сойеру в надежде увидеть или услышать что-либо о местопребывании молодой леди.

Итак, на следующее утро Сэм Уэлер вышел на поиски, отнюдь не утраченный весьма обескураживающей перспективой; он побрел вверх по одной улице, вниз по другой (мы готовы были бы сказать: в гору и под гору, но в сторону Клифтона мы все время идем в гору), не встретив никого и ничего, что могло пролить хотя бы слабый свет на предмет его поисков. Сэм много раз вступал в разговоры с грумами, прогуливавшими лошадей на улицах, и с няньками, прогуливавшими детей в переулках; но Сэм не мог извлечь ни из первых, ни из последних ничего, что имело бы хотя малейшее отношение к объекту искусно проводимого дознания. В очень многих домах было очень много молодых леди, большую часть коих пропитательные слуги мужского и женского пола подозревали в глубокой привязанности к кому-то или в полной готовности привязаться, если представится случай. Но поскольку ни одна из этих молодых леди не была мисс Арабеллой Элен, Сэм по получении информации оставался не более осведомленным, чем был до нее.

Сэм пересек Холмы, борясь с сильным ветром и задаваясь вопросом, неужели в этих краях всегда приходится держать шляпу обеими руками, и добрел до тенистого местечка, где было разбросано несколько маленьких вил, казавшихся тихими и уединенными.

Перед дверью конюшни в конце длинного переулка-тупика грум в рабочем костюме бездельничал, повидимому, убеждая себя в том, что он что-то делает с помощью лопаты и тачки. Мы можем отметить здесь, что нам вряд ли случалось когда-нибудь видеть грума около его конюшни, который в минуту досуга не пребывал бы, в большей или меньшей степени, жертвой этого странного заблуждения.

Сэм подумал, что он может с таким же успехом поговорить с этим грумом, как и со всяким другим, в особенности потому, что он очень устал от ходьбы, а как раз против тачки находился прекрасный большой камень; поэтому он свернул в пе-

реулок и, усевшись на камень, начал разговор с присущей ему легкостью и развязностью.

— Доброе утро, старина, — сказал Сэм.

— Вы хотите сказать — день, — отозвался грум, бросив угрюмый взгляд на Сэма.

— Вы совершенно правы, старина, — согласился Сэм, — я именно хочу сказать — день. Как поживаете?

— Ну, я себя чувствую не лучше оттого, что вас вижу, — отвечал сердитый грум.

— Это очень странно, — сказал Сэм, — а вид у вас такой беззаботный, и кажется вы таким добрым, что сердце радуется, на вас глядя.

Угрюмый грум стал еще угрюмее, но не настолько, чтобы произвести хотя бы какое-нибудь впечатление на Сэма, который немедленно осведомился с весьма озабоченным видом, не Уокер ли фамилия его хозяина.

— Нет, не так, — ответил грум.

— Не Браун ли? — спросил Сэм.

— Нет, не так.

— И не Уильсон?

— Нет, тоже не так, — сказал грум.

— Ну, — продолжал Сэм, — значит я ошибся, и он не имеет чести быть со мною знакомым, как я думал. Не задерживайтесь здесь из любезности ко мне, — добавил Сэм, когда грум вкатил тачку и приготовился закрыть ворота. — Удобства выше церемоний, старина, я не буду в обиде.

— Я бы вам голову проломил за полкрош, — сказал угрюмый грум, захлопывая одну половишку ворот.

— Не могу этого допустить на таких условиях, — возразил Сэм. — Вам это стоило бы всего вашего жалования до конца жизни, да и то было бы дешево. Передайте там, в доме, привет от меня. Скажите, чтобы меня не ждали к обеду и не оставляли для меня, потому что остынет раньше, чем я приду.

В ответ на это грум, распаляясь гневом, выразил желание нанести кому-то побои, но скрылся, не приведя его в исполнение, сердито захлопнув за собой дверь и ни малейшего

внимания не обратив на нежную просьбу Сэма оставить ему прядь своих волос.

Сэм продолжал сидеть на большом камне, размышляя о том, что предпринять, и обдумывая план, сводившийся к тому, чтобы стучать во все двери в пределах пяти миль от Бристоля, считая в среднем по сто пятьдесят или двести дверей в день, и попытаться таким путем отыскать мисс Арабеду, как вдруг случай совершенно неожиданно поставил его лицом к лицу с тем, чего бы он не нашел, если бы просидел здесь целый год.

В переулок, где он сидел, выходило три-четыре калитки, принадлежавшие такому же количеству домов, каковые — хотя и обособленные друг от друга — разделялись только своими садами. Так как сады были большие, длинные и тенистые, дома не только находились на некотором расстоянии от переулочка, но и большая часть их оставалась почти невидимой. Сэм сидел, устремив взгляд на мусорную кучу перед калиткой, следующей за той, куда вошел грум, и глубокомысленно размышлял о трудностях своего предприятия, когда калитка открылась, и в переулок вышла служанка, чтобы выколотить несколько ковров.

Сэм был столь поглощен своими собственными мыслями, что, пожалуй, не обратил бы особого внимания на молодую женщину, а только поднял бы голову и заметил, что у нее очень изящная и красивая фигура, если бы в нем не вспыхнуло очень ярко чувство галантности, когда он увидел, что ей некому помочь, и что ковры, повидимому, очень тяжелы и ей не под силу. М-р Уэлер был джентльменом чрезвычайно галантным на свой лад, и едва он успел обратить внимание на упомянутое обстоятельство, как поспешно поднялся с большого камня и направился к ней.

— Моя милая, — сказал Сэм, подходя с очень почтительным видом, — вы испортите все пропорции такой хорошенькой фигуры, если сами будете выколачивать эти-вот ковры. Позвольте вам помочь.

Молодая леди, стыдливо притворявшаяся, будто не замечала находившегося вблизи джентльмена, оглянулась, когда Сэм заговорил — несомненно (она утверждала это впоследствии), с целью отклонить предложение совершенно незнакомого чело-

века, — как вдруг вместо ответа отпрянула и слегка взвизгнула. Сэм был ошеломлен, пожалуй, не меньше, ибо в чертах лица хорошо сложенной служанки узнал подлинные черты своей Валентины, миловидной горничной м-ра Пакинса.

— Как. Мери, дорогая моя! — сказал Сэм.

— О, господи, м-р Уэлер, — воскликнула Мери, — как вы пугаете людей!

Сэм не дал никакого словесного ответа на эту жалобу, и точно мы не можем сказать, какой именно ответ он дал. Мы знаем только, что после короткого молчания Мери сказала: „Ах, перестаньте, м-р Уэлер!“ и что шляпа слетела с него на несколько секунд раньше. На основании этих двух признаков мы склонны были бы предположить, что стороны обменялись одним или несколькими поцелуями.

— Да как же вы сюда попали? — спросила Мери, когда разговор, таким образом прерванный, возобновился.

— Конечно, я пришел посмотреть на вас, моя милочка, — отвечал м-р Уэлер, на этот раз позволяя страсти одержать верх над правдивостью.

— А как вы узнали, что я здесь? — осведомилась Мери. — Кто мог вам сказать, что я поступила на другое место в Иппуиче, а потом они переехали сюда? Кто мог вам это сказать, м-р Уэлер?

— Совершенно верно, — отозвался Сэм с лукавой миной, — в этом вся штука. В этом вся штука. Кто бы мог мне сказать?

— Не м-р Мазль, не правда ли? — спросила Мери.

— О, нет! — ответил Сэм, серьезно покачав головой. — Не он.

— Должно быть, кухарка? — сказала Мери.

— Должно быть, она, — сказал Сэм.

— Никогда я еще такого не слыхала! — воскликнула Мери.

— И я не слыхал, — сказал Сэм. — Но Мери, моя дорогая, — тут голос Сэма стал чрезвычайно нежен, — Мери, моя дорогая, у меня есть еще одно дело, очень спешное. Один из друзей моего хозяина... м-р Уинкль, вы его помните?

— Тот, что в зеленой куртке? — спросила Мери. — О, да, я его помню.

— Так вот, — продолжал Сэм, — он в ужасном состоянии любви... регулярно запутался и все вверх дном пошло.

— Ах, боже мой! — встала Мери.

— Да, — сказал Сэм, — но это пустяки, если только нам удастся найти молодую особу. — И Сэм, со многими отступлениями на тему о красоте Мери и невыразимых муках, какие он испытывал с тех пор, как в последний раз ее видел, дал правдивый отчет о бедственном положении м-ра Уинкля.

— Ну, — сказала Мери, — никогда бы не подумала!

— Конечно, — сказал Сэм, — и никто бы не подумал и впредь не подумает; а я странствую, как вечный * жид, — может, вы слышали, Мери, моя дорогая, такой спортивный тип: непременно хотел обставить время и никогда не спал, — и отыскиваю эту-вот мисс Арабелу Элен.

— Мисс... как? — с великим изумлением спросила Мери.

— Мисс Арабелу Элен, — повторил Сэм.

— Боже милостивый! — воскликнула Мери, указывая на калитку сада, которую запер за собой угрюмый грум. — Вот он, этот дом! Она тут живет вот уже шесть недель. Их старшая горничная, которая состоит также при леди, однажды утром все мне рассказала через решетку прачечной, когда в доме все еще спали.

— Как, в соседнем доме? — спросил Сэм.

— Да, в соседнем, — ответила Мери.

М-р Уэлтер был так глубоко потрясен этим сообщением, что считал совершенно необходимым искать поддержки у своей прелестной собеседницы, и между ними произошел обмен маленькими любезностями, раньше чем он оправился в достаточной мере для того, чтобы продолжать разговор.

— Ну, — сказал наконец Сэм, — если это возможно, то на свете нет ничего невозможного, как сказал лорд-мэр, когда главный министр предложил выпить после обеда за здоровье хозяйки. В соседнем доме! Да ведь у меня есть к ней поручение, которое я целый день стараюсь передать.

— Ах, — сказала Мери, — сейчас вы не можете его передать, потому что она гуляет в саду только по вечерам, да и то очень недолго, а из дому никогда не выходит без старой леди.

Сэм несколько секунд размышлял и наконец придумал следующий план действий: он вернется в сумерки — как раз к тому времени, когда Арабела неизменно совершает свою прогулку; Мери выпустит его в сад своего дома, а он постарается вскарабкаться на забор под нависшими ветвями большой груши, которая в достаточной мере скроет его; затем передаст поручение и, если возможно, устроит свидание для м-ра Уинкля на следующий вечер, в такое же время. Быстро набросав перед Мери план своих действий, он помог ей в давно откладываемой работе — в выколачивании ковров.

Далеко не такое невинное занятие, каким оно кажется, — это выколачивание маленьких ковриков; быть может, самое выколачивание и не грозит большой бедой, но складывание очень коварный процесс. Пока длится выколачивание, и оба участника находятся на расстоянии, равном длине ковра, это — самая невинная забава, какую только можно придумать; но когда начинается складывание, и расстояние между ними уменьшается постепенно с половины его прежней длины до одной четверти, а затем до одной восьмой, а затем до одной шестнадцатой, а затем до одной тридцать второй, если ковер достаточно длинен, — забава становится опасной. Точно мы не знаем, сколько ковриков было сложено в данном случае, но смеем сказать, что, сколько бы их ни было, ровно столько раз Сэм поцеловал хорошенькую служанку.

М-р Уэлер скромно закусил в ближайшей таверне, пока не надвинулись сумерки, а затем вернулся в переулок. Как только Мерипустила его в сад, и он получил от этой леди различные предостережения, касающиеся целости его рук, ног и шеи, Сэм влез на грушу и стал ждать, когда появится Арабела.

Ждать пришлось так долго, что он начал сомневаться, наступит ли вообще это тревожно ожидаемое событие. Как вдруг послышались легкие шаги по песку, и немедленно вслед за этим он увидел Арабелу, задумчиво идущую по саду. Едва она приблизилась к дереву, Сэм, дабы деликатно уведомить о своем присутствии, начал издавать различные дьявольские звуки, которые, пожалуй, были бы естественны для пожилой

особы, страдающей с младенческих лет воспалением горла, крупом и коклюшем одновременно.

Молодая леди поспешно устремила взор к тому месту, откуда исходили ужасные звуки; а так как первая ее тревога отнюдь не улеглась, когда она увидела на дереве мужчину, — весьма возможно, что она бы убежала и подняла на ноги весь дом, если бы страх, по счастью, не лишил ее способности двигаться и не заставил опуститься на садовую скамью, которая весьма кстати находилась поблизости.

— Она падает в обморок, — рассуждал сам с собой Сэм в большом замешательстве. — И почему только эти самые молодые создания устраивают обмороки как раз в тот момент, когда не следовало бы этого делать! Послушайте, барышня, мисс костоправка, миссис Уинкль, не надо!

Оживило ли Арабелу магическое имя м-ра Уинкля, или прохладный свежий воздух, или смутное воспоминание о голосе м-ра Уэлера, значения не имеет. Она подняла голову и томно спросила:

— Кто это и что вам нужно?

— Типе, — сказал Сэм, перемахнув на забор и съежившись, чтобы занимать как можно меньше места, — это только я, мисс, только я.

— Так это слуга м-ра Пиквика? — с живостью воскликнула Арабела.

— Он самый, мисс, — ответил Сэм. — А м-р Уинкль регулярно извелся от отчаяния, мисс.

— Ах! — воскликнула Арабела, подходя к забору.

— Действительно, ах, — подтвердил Сэм. — Прошлой ночью мы думали, что нам придется надеть на него смирительную рубашку; он бесновался целый день, и говорит, что если не увидит вас до завтрашней ночи, с ним приключится что-нибудь очень неприятное, если он не утопится.

— Ах, не может быть, м-р Уэлер! — воскликнула Арабела, всплеснув руками.

— Он это говорит, мисс, — возразил Сэм. — Он человек своего слова, и по моему мнению, он это сделает, мисс. Он все узнал о вас от костоправа в очках.

— От брата! — воскликнула Арабела, смутно распознавая его в изображении Сэма.

— Я хорошенько не знаю, который из двух ваш брат, мисс, — отвечал Сэм. — Тот, что погрязнее?

— Да, да, м-р Уэлер, — сказала Арабела. — Продолжайте. Пожалуйста, поторопитесь.

— Так вот, мисс, — сказал Сэм, — он обо всем узнал от него. И, по мнению хозяина, если вы с ним не повидаетесь очень скоро, — костюправ, о котором мы говорили, всадит ему такую экстренную порцию свинца в голову, что повредит развитию этого органа, даже если его положат потом в спирт.

— Ах, что мне делать, как предотвратить эту ужасную ссору! — воскликнула Арабела.

— Подозревают более раннюю привязанность — вот что всему причиной, — отвечал Сэм. — Вы бы лучше повидались с ним, мисс.

— Но как? Где? — вскричала Арабела. — Я не смею одна уходить из дому. Мой брат такой недобрый, такой сумасбродный! Я знаю, каким странным может показаться мой разговор с вами, м-р Уэлер, но я очень, очень несчастна... — и бедная Арабела заплакала так громко, что у Сэма проснулись рыцарские чувства.

— Может показаться очень странным, что вы со мной разговариваете об этих-вот делах, мисс, — сказал Сэм с большим жаром, — но я одно могу сказать: я не только готов, но с удовольствием сделаю что угодно, только бы все уладилось. И если для этого нужно вышвырнуть из окна любого из костюправов, я готов. — С этими словами Сэм Уэлер, подвергая себя неминуемой опасности слететь с забора, засучил рукава, чтобы продемонстрировать свою готовность немедленно приступить к делу.

Как ни лестно было такое проявление доброго чувства, Арабела решительно не захотела (неведомо почему, как подумал Сэм) воспользоваться им. Сначала она настойчиво отказывалась подарить м-ру Уинклю свидание, которого Сэм так патетически добивался; но в конце концов, боясь, как бы их беседу не прервало нежелательное появление третьего лица,

она быстро дала ему понять, несколько раз выразив свою благодарность, что такая возможность не исключена, и она, быть может, придет в сад завтра вечером, часом позже. Сэм прекрасно это понял, и Арабела, подарив его одною из обворожительнейших своих улыбок, грациозно удалилась, оставив м-ра Уэлера весьма восхищенным ее чарами, как телесными, так и духовными.

Спустившись благополучно с забора и не забыв посвятить несколько минут своим частным делам по тому же департаменту, м-р Уэлер, не теряя времени, вернулся в гостиницу „Кустарник“, где его длительное отсутствие вызывало различные предположения и некоторую тревогу.

— Мы должны быть осторожны, — сказал м-р Пиквик, внимательно выслушав рассказ Сэма, — не ради нас самих, но ради молодой леди. Мы должны быть очень осторожны.

— Мы! — повторил м-р Уинкль с подчеркнутым ударением.

Негодующий взгляд м-ра Пиквика, вызванный тоном этого замечания, мгновенно уступил место характеристическому для него благодушному выражению, когда он ответил:

— Мы, сэр! Я буду вас сопровождать.

— Вы? — воскликнул м-р Уинкль.

— Я, — кратко ответил м-р Пиквик. — Согласившись на это свидание с вами, молодая леди сделала естественный, быть может, но все-таки очень неосторожный шаг. Если я буду присутствовать при встрече — ваш общий друг, который настолько стар, что может быть отцом обоих, — голос клеветы никогда не посмеет коснуться ее имени!

Глаза м-ра Пиквика сияли чистой радостью, вызванной его собственной предусмотрительностью, когда он произносил эти слова. М-р Уинкль был растроган таким деликатным уважением к молоденькой protégée своего друга, и пожал ему руку с чувством почтения, граничившего с благоговением.

— Вы должны идти, — сказал м-р Уинкль.

— Я пойду, — сказал м-р Пиквик. — Сэм, приготовьте мне пальто и шарф и распорядитесь, чтобы завтра вечером экипаж был подан заблаговременно; мы должны быть там во-время.

М-р Уэлер притронулся к шляпе в залог повиновения и удалился, чтобы сделать все необходимые приготовления к экспедиции.

Карета явилась пунктуально в назначенный час, и Уэлер, поместив должным образом м-ра Пиквика и м-ра Уинкля, занял место рядом с кучером. Они вышли из экипажа, как было условлено, за четверть мили до места свидания и, распорядившись, чтобы карета ждала их возвращения, решили пройти оставшееся расстояние пешком.

Во время этой стадии их предприятия м-р Пиквик с улыбкой и различными другими знаками величайшего самоудовлетворения извлек из кармана пальто потайной фонарь, который он приобрел специально для этого случая и великие достоинства которого он начал объяснять м-ру Уинклю, когда они шли по дороге, к большому изумлению немногих встречных прохожих.

— Я бы себя лучше чувствовал, если бы у меня было что-нибудь в этом роде в моей последней ночной экспедиции в саду, не так ли, Сэм? — сказал м-р Пиквик, добродушно поворачиваясь к своему слуге, который шел сзади.

— Очень славные штуки, если уметь ими пользоваться, сэр, — отвечал м-р Уэлер. — Но если вы не хотите, чтобы вас видели, мне кажется, что от них больше пользы, когда свеча потушена, чем когда она горит.

М-р Пиквик, повидимому, был озадачен замечаниями Сэма, ибо он снова спрятал фонарь в карман, и они продолжали путь молча.

— Сюда, сэр, — сказал Сэм. — Позвольте, я пойду вперед. Вот этот переулок, сэр.

Они вошли в переулок, где было довольно темно. М-р Пиквик раза два вынимал фонарь, который бросал перед собою яркий столб света около фута в диаметре. На него очень приятно было смотреть, но, казалось, он отличался способностью делать окружающие предметы темнее, чем они были раньше.

Наконец они добрались до большого камня. Тут Сэм предложил хозяину и м-ру Уинклю посидеть, пока он пойдет на разведку и убедится, что Мери их ждет.

Пробыв в отсутствии минут пять или десять, Сэм вернулся и доложил, что калитка открыта и все спокойно. Следуя за ним крадущимися шагами, м-р Пиквик и м-р Уинкль вскоре очутились в саду. Здесь каждый из них произнес по несколько раз: „Тсс!..“, но никто из них, казалось, не имел сколько-нибудь ясного представления о том, что делать дальше.

— Мисс Элен в саду, Мери? — осведомился м-р Уинкль, приходя в волнение.

— Не знаю, сэр, — отвечала хорошенькая служанка, — Лучше всего, сэр, если м-р Уэлер поможет вам влезть на дерево, м-р Пиквик будет так любезен и посмотрит, не идет ли кто-нибудь по переулку, я же буду сторожить в другом конце сада. Господи помилуй, что это такое!

— Этот-вот окающий фонарь всех погубит! — раздражительно воскликнул Сэм. — Смотрите, что вы делаете, сэр: вы направяете сноп света прямо в окно их дома.

— Ах, боже мой! — сказал м-р Пиквик, поспешно поворачиваясь. — Это я печаянно.

— Теперь он в соседнем доме, сэр, — заявил Сэм.

— Помилуй бог! — воскликнул м-р Пиквик, поворачиваясь снова.

— Теперь он в конюшней, и подумают, что там пожар, — сказал Сэм. — Закройте его, сэр, что вам стоит закрыть?

— Самый необычайный фонарь, с каким мне когда-либо приходилось встречаться! — воскликнул м-р Пиквик, крайне озадаченный тем эффектом, какой он столь неумышленно производил. — Никогда не видывал такого сильного рефлектора.

— Для нас он окажется слишком сильным, если вы будете светить таким манером, сэр, — отвечал Сэм, когда м-р Пиквик после многих неудачных попыток ухитрился задвинуть заслонку. — Вот шаги молодой леди. Ну, м-р Уинкль, полезайте, сэр.

— Пойдите, пойдите! — вмешался м-р Пиквик. — Сначала я должен переговорить с нею. Помогите мне влезть, Сэм.

— Осторожнее, сэр, — сказал Сэм, упираясь головой в забор и превращая свою спину в площадку. — Станьте на эту-вот цветочную кадку, сэр. Ну, теперь полезайте!

— Боюсь, как бы не ушибить вас, Сэм, — заметил м-р Пиквик.

— Не беспокойтесь обо мне, сэр, — отвечал Сэм. — Протяните ему руку, м-р Уинкль. Смелее, сэр, смелее. Вот и готово!

Пока Сэм говорил, м-р Пиквик, делая усилия почти сверхъестественные для джентльмена его возраста и веса, умудрился стать на спину Сэма; Сэм осторожно выпрямился, а м-р Пиквик уцепился за край забора в то время, как м-р Уинкль крепко поддерживал его за ноги, — и таким путем они добились того, что очки м-ра Пиквика очутились как раз над уровнем забора.

— Моя дорогая, — сказал м-р Пиквик, взглянув через забор и увидев по другую сторону Арабелу, — не путайтесь, моя дорогая, это только я.

— О, пожалуйста, уходите, м-р Пиквик! — воскликнула Арабела. — Скажите им, чтобы они все ушли. Я так ужасно боюсь. Милый, милый м-р Пиквик, не оставайтесь здесь. Вы упадете и расшибетесь, я знаю, что расшибетесь.

— Прошу вас, не тревожьтесь, моя дорогая, — успокоительно сказал м-р Пиквик. — Нет ни малейшей причины бояться, уверяю вас. Стойте твердо, Сэм, — добавил м-р Пиквик, глянув вниз.

— Слушаю, сэр, — отвечал м-р Уэлер. — Не задерживайтесь дольше, чем нужно, сэр. Вы довольно-таки тяжеловаты.

— Еще одну секунду, Сэм, — отозвался м-р Пиквик. — Я хотел только сообщить вам, моя дорогая, что я бы не разрешил моему молодому другу видеть вас тайком, если бы положение, в каком вы находитесь, позволило ему поступить иначе; и если этот шаг покажется вам неподобающим и вызовет у вас тревогу, милая моя, вы можете быть спокойны, зная, что я здесь. Вот и все, моя дорогая!

— Уверяю вас, м-р Пиквик, я очень благодарна вам за вашу доброту и заботливость, — отвечала Арабела, вытирая слезы носовым платком. Вероятно, она сказала бы значительно больше, если бы голова м-ра Пиквика не исчезла с большой поспешностью вследствие неверного шага, сделанного им на

плече Сэма, каковой шаг неожиданно поверг его на землю. Однако он через секунду уже стоял на ногах и, попросив м-ра Уинкля торопиться и поскорее закончить свидание, побежал караулить в переулке со всей отвагой и пылом юноши. М-р Уинкль, воодушевленный близостью свидания, в одно мгновение очутился на заборе, задержавшись только для того, чтобы попросить Сэма позаботиться о своем хозяине.

— Я о нем позабочусь, сэр, — отозвался Сэм. — Предоставьте его мне.

— Где он? Что он делает, Сэм? — осведомился м-р Уинкль.

— Да благословит бог его старые гетры! — отвечал Сэм, поглядывая в сторону калитки. — Он караулит в переулке с этим-вот потайным фонарем, словно живой Гай Фокс *. В жизни не видал такого славного создания. Будь я проклят, если не думаю, что его сердце родилось по крайней мере на двадцать пять лет позже, чем его тело!

М-р Уинкль не стал слушать панегирик своему другу. Он спрыгнул с забора, бросился к ногам Арабелы и клялся в искренности своих чувств с красноречием, достойным самого м-ра Пиквика.

Пока происходили эти события на открытом воздухе, некий пожилой джентльмен, обремененный ученостью, сидел в своей библиотеке за два-три дома оттуда и писал философический трактат, то-и-делю услаждая себя и свои труды стаканом клерета * из почтенной на вид бутылки, которая стояла подле него. В муках творчества пожилой джентльмен смотрел то на ковер, то на потолок, то на стену; а когда ни ковер, ни потолок, ни стена не вдохновляли в должной мере, он выглядывал из окна.

Во время одной из таких творческих пауз ученый джентльмен рассеянно смотрел в густой мрак за окном, как вдруг с удивлением заметил очень яркий луч, скользящий в воздухе, невысоко над землей, и почти мгновенно исчезнувший. Несколько минут спустя феномен повторился не один и не два, а несколько раз; наконец ученый джентльмен положил перо и начал размышлять о том, каким естественным причинам могли быть приписаны эти явления.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Прафль и ушел.

Но ученый джентльмен не мог примириться с мыслью, что гениальный трактат, который он задумал, погибнет для мира, а это неизбежно случится, если соображение гениального м-ра Прафля не будет задушено в зародыше. Он надел шляпу и поспешно спустился в сад, решив исследовать вопрос самым основательным образом.

Незадолго до того как ученый джентльмен вышел в сад, м-р Пиквик со всею быстротой, на какую был способен, пробежал по переулку, чтобы поднять ложную тревогу, будто кто-то сюда идет, и время от времени отодвигал заслонку потайного фонаря, дабы не попасть в канаву. Едва поднята была тревога, как м-р Уинкль перелез назад через забор, а Арабела побежала домой; калитка была заперта, и три искателя приключений стремительно шли по переулку, как вдруг их испугал ученый джентльмен, отпиривший свою калитку.

— Держитесь, — прошептал Сэм, который, конечно, шагал впереди. — Откройте фонарь ровно на одну секунду, сэр.

М-р Пиквик исполнил просьбу, и Сэм, заметив на расстоянии полуярда от собственной головы осторожно высывающуюся голову мужчины, нанес ей легкий удар кулаком, вслед за чем голова гулко ударилась об калитку. Совершив этот подвиг с большой стремительностью и легкостью, м-р Уэллер взвалил себе на спину м-ра Пиквика и побежал вслед за м-ром Уинклем по переулку с быстротой совершенно изумительной, если приять во внимание тяжесть его ноши.

— Отдыхались ли вы, сэр? — осведомился Сэм, когда они добрались до конца переулка.

— Вполне. Теперь вполне, — отвечал м-р Пиквик.

— Тогда идемте, сэр, — сказал Сэм, спуская своего хозяина на землю. — Идите между нами, сэр. Осталось пробежать меньше полумили. Вообразите, что вам надо выиграть кубок, сэр. Вперед!

После такого поощрения м-р Пиквик заставил поработать свои ноги. Можно с уверенностью сказать, что ни одна пара черных гетр не скользила грациознее, чем гетры м-ра Пиквика в тот достопамятный день.

Карета ждала, лошади отдохнули, дорога была хорошая, и кучер — в ударе. Вся компания благополучно прибыла в гостиницу „Кустарник“, раньше чем м-р Пиквик успел отдышаться.

— Входите сейчас же, сэр, — сказал Сэм высаживая своего хозяина из кареты. — Ни секунды не стойте на улице после таких-вот упражнений. Прошу прощения, сэр, — продолжал Сэм, прикасаясь к шляпе, когда м-р Уинкль вышел из экипажа, — надеюсь, никакой прежней привязанности не было, сэр?

М-р Уинкль пожал руку своему скромному другу и прошептал ему на ухо:

— Все в порядке, Сэм, в полном порядке. — После чего м-р Уэлтер трижды хлопнул себя по носу в знак понимания, улыбнулся, подмигнул и стал убирать подножку экипажа с физиономией, выражающей живейшее удовлетворение.

Что касается ученого джентльмена, то он в мастерски составленном трактате установил, что этот чудесный свет был вызван действием электричества, и он ясно доказал это, обстоятельно изложив, как ослепительная вспышка заплескала перед его глазами, когда он высунул голову из калитки, и как он испытал шок, который оглушил его на четверть часа; это доказательство чрезвычайно восхитило все научные общества и привело к тому, что отныне он стал светилом науки.

ГЛАВА XL

*знакомит м-ра Пиквика с новой и небезынтересной
сценой в великой драме жизни*

Остаток времени, которое м-р Пиквик отвел пребыванию в Бате, прошел без каких-либо значительных происшествий. Началась летняя сессия суда. К концу первой недели м-р Пиквик и его друзья вернулись в Лондон; м-р Пиквик, разумеется, в сопровождении Сэма, отправился прямо на свою старую квартиру в „Джордже и Ястребе“.

На третье утро после приезда, как раз в тот момент, когда все часы в городе порознь выбивали девять ударов, а все вместе — около девятисот девяноста девяти, и Сэм прогуливался в переулочке „Джорджа“, подъехал какого-то странного рода свежевыкрашенный экипаж, из коего выскочил с большим проворством, бросив вожжи сидевшему рядом с ним толстому человеку, какого-то странного рода джентльмену, который, казалось, был создан для экипажа, как экипаж — для него.

Этот экипаж не был в точном смысле гигом *, не был и стенохом *. Он не подходил под общепринятое понятие догкарта *, или фермерской двуколки, или двуколки для прогулок, или гильотированного кабриолета, и тем не менее у него было некоторое сходство с каждым из этих сооружений. Он был

окрашен в яркожелтый цвет, с черными оглоблями и колесами; кучер сидел в ортодоксальном спортивном стиле — на подушках, нагроможденных на два фута выше перил. Лошадь была гнедая, довольно красивая, но в ней чувствовалось нечто вульгарное, что гармонировало как с экипажем, так и с ее хозяином.

Сам хозяин казался человеком лет сорока, с черными волосами и тщательно расчесанными бакенбардами. Он был одет чрезвычайно щеголевато, носил множество драгоценных вещей — каждая в три раза крупнее, чем принято носить у джентльменов, — и в довершение всего толстое пальто. В один карман этого пальто он засунул левую руку, как только вышел из экипажа, а из другого вытащил правой рукой очень яркий и ослепительный шелковый носовой платок, которым смахнул две-три пылинки с башмаков, а затем, скомкав его в руке, важно прошел по переулку.

От внимания Сэма не ускользнуло, что оборванный человек в коричневом пальто, лишенном многих пуговиц, который до сей поры слонялся по другой стороне улицы, перешел улицу, когда эта особа вышла из экипажа, и остановился поблизости. Почти угадывая цель визита этого джентльмена, Сэм опередил его на пути к „Джорджу и Ястребу“ и, круто повернувшись, загородил ему проход в дверях.

— Ну-ка, любезный! — повелительным тоном сказал человек в толстом пальто, пытаясь оттолкнуть Сэма.

— Ну, сэр, в чем дело? — отозвался Сэм, возвращая толчок со сложными процентами.

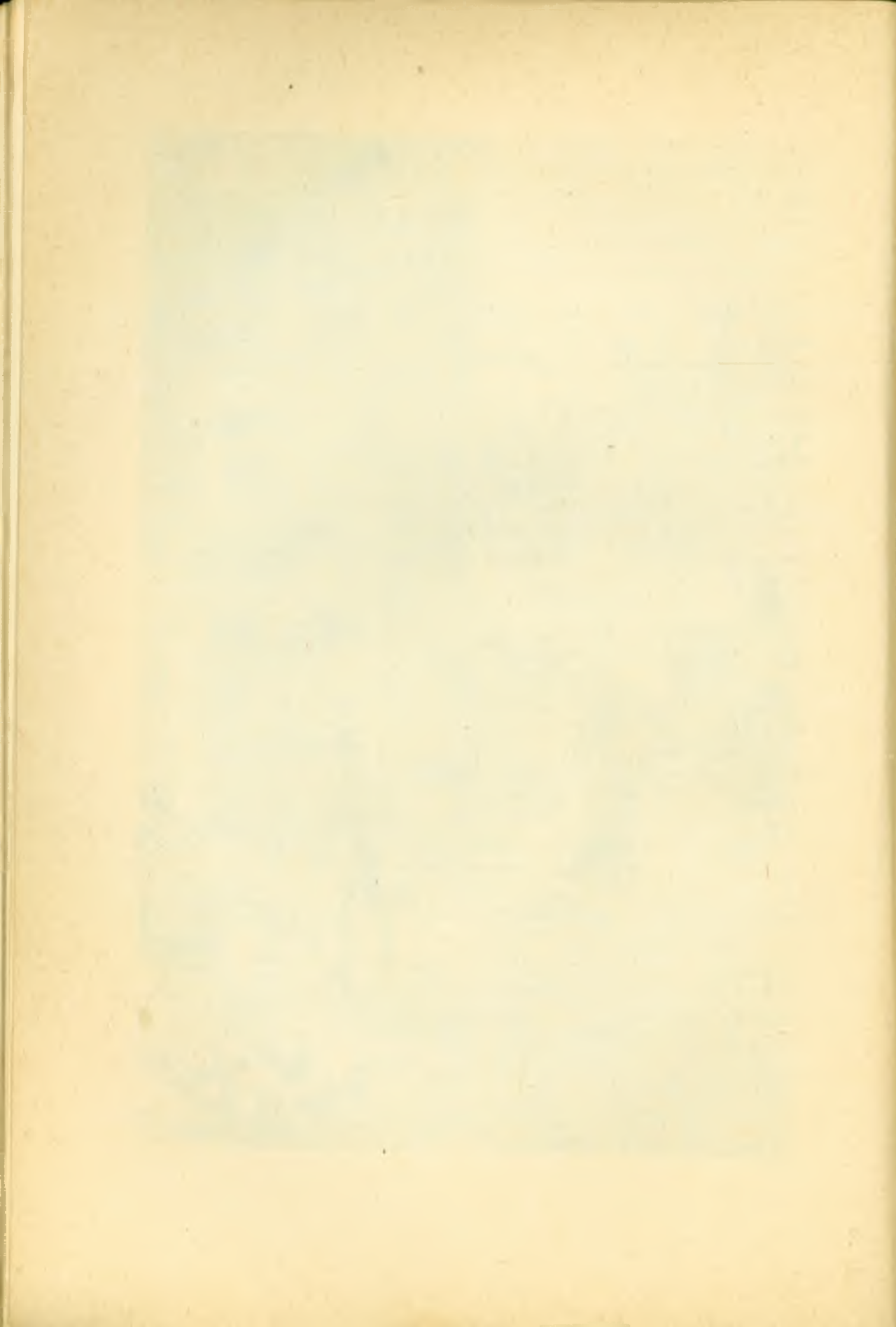
— Бросьте эти шутки, любезный: со мною не пройдет, — сказал владелец толстого пальто, повышая голос и бледнея. — Сюда, Смауч!

— Ну, что такое? — проворчал человек в коричневом пальто, который крадучись пересек переулок во время этого короткого диалога.

— Да вот этот молодой человек обнаглед, — отвечал прищипав, снова толкая Сэма.

— Без глупостей. — буркнул Смауч, толкнув его еще раз и посильнее.

Этот последний толчок произвел эффект, на который рассчитывал опытный м-р Смауч, ибо пока Сэм, горя желанием ответить на любезность, притиснул этого джентльмена к косяку двери, принципал прошмыгнул мимо и направился в буфет. Сэм последовал за ним, предварительно обменявшись некоторыми эпитетами с м-ром Смаучем.

— Доброе утро, моя милая, — сказал принципал, обращаясь к молодой леди за стойкой с развязностью Ботени-бея * и аристократическими замашками Нового Южного Уэльса. — Где комната м-ра Пиквика, моя милая?

— Проводите его наверх, — сказала буфетчица лакею в ответ на этот вопрос, не подарив взглядом щеголя.

Лакей пошел наверх, как было ему приказано, а за ним следовал человек в толстом пальто и сзади — Сэм, который, поднимаясь по лестнице, делал разнообразные жесты, выражавшие крайнее презрение и возмущение, к неописуемому удовольствию служанок и прочих зрителей. М-р Смауч, терзаемый отчаянным кашлем, остался внизу и хрипел в коридоре.

М-р Пиквик крепко спал, когда ранний гость, а за ним Сэм вошли в комнату. Шум, какой они при этом подняли, разбудил его.

— Воды для бритья, Сэм! — сказал м-р Пиквик из-за занавесок.

— Брейтесь сейчас же, м-р Пиквик, — сказал гость, отдергивая занавеску у изголовья кровати. — Мне поручено привести в исполнение * постановление суда по иску Бардль. Вот распоряжение. Суд общих тяжб. Вот моя визитная карточка. Полагаю, вы отправитесь ко мне?

Дружески хлопнув м-ра Пиквика по плечу, представитель шерифа * (ибо это был он) бросил свою визитную карточку на одеяло и достал из жилетного кармана золотую зубочистку.

— Моя фамилия Немби, — сказал представитель шерифа, когда м-р Пиквик вытащил очки из-под подушки и надел их, чтобы прочесть карточку. — Немби, Бель-эли, Кольмец-стрит *.

Тут Сэм Уэлер, который все время не спускал глаз с блестящей шляпы м-ра Немби, вмешался.

— Вы — квейкер ' ? — спросил Сэм.

— Вы узнаете, кто я, раньше, чем я расстанусь с вами, — отвечал возмущенный чиновник. — В один из ближайших дней я вас научу хорошим манерам, любезный.

— Благодарю вас, — сказал Сэм. — А я вас научу. Снимите шляпу.

С этими словами м-р Уэлер ловко отшвырнул шляпу м-ра Немби в другой конец комнаты с такою силою, что тот чуть было не проглотил свою золотую зубочистку.

— Заметьте это, м-р Пиквик, — сказал возмущенный чиновник, едва переводя дыхание. — Я подвергся нападению * вашего слуги в вашей комнате при исполнении служебных обязанностей. Мне наносится личное оскорбление. Я призываю вас в свидетели!

— Ничего не свидетельствуйте, сэр, — перебил Сэм. — Хорошо закройте глаза, сэр. Я бы его вышвырнул в окно, если бы ему было куда лететь, но под окном крыша.

— Сэм, — сердитым голосом сказал м-р Пиквик, когда его слуга всячески демонстрировал свои враждебные намерения, — если вы скажете еще слово или причините этому человеку хотя бы малейшее беспокойство, я сейчас же откажу вам от места.

— Но... сэр... — возразил Сэм.

— Молчите! — перебил м-р Пиквик. — Поднимите шляпу.

Но Сэм категорически и наотрез отказался это сделать, и после того как он получил строгий выговор от своего хозяина, чиновник, очень спешивший, согласился поднять ее сам, изливая при этом на Сэма поток самых разнообразных угроз, каковые сей джентльмен принял с полным спокойствием, заметив, что если м-ру Немби будет угодно снова надеть шляпу, он ее отправит в конец будущей недели. М-р Немби, считая, быть может, что подобная операция чревата для него неудобствами, предпочел не давать повода для соблазна и поспешил призвать наверх Смауча. Уведомив его, что формальности ареста выполнены и что он должен ждать, пока арестованный закончит свой туалет, Немби важно вышел из комнаты и уехал. Смауч, угрюмо предложив м-ру Пиквику

„поторавливаться, ибо дело не терпит“, придвинул стул к двери и ждал здесь, пока м-р Пиквик не оделся. Затем Сам был послан за каретой, в которой все три мужа отправились на Кольмен-стрит. Расстояние было небольшое, — к счастью, ибо м-р Смауч, будучи отнюдь не блестящим собеседником, был к тому же решительно неприятным компаньоном в таком тесном помещении вследствие физического недуга, о котором мы упоминали выше.

Карета, свернув на очень узкую и темную улицу, остановилась перед домом с железными решетками во всех окнах; дверь этого дома была украшена именем и званием: „Немби, чиновник при лондонских шерифах“; внутренние ворота открыл джентльмен, которого можно было принять за пребывающего в ничтожестве близнеца-брата м-ра Смауча и который был вооружен огромным ключом от ворот, и м-ра Пиквика ввели в „общую столовую“.

Эта комната выходила окнами на улицу; характеристическими ее чертами был свежий песок и затхлый табачный дым. М-р Пиквик поклонился трем индивидам, которые находились в комнате, куда он вошел, и, послав Сэма за Перкером, удалился в темный угол и оттуда стал рассматривать с некоторым любопытством новых сотоварищей.

Один из них, почти мальчик лет девятнадцати-двадцати, хотя еще не было десяти часов,пил джинс с водой и курил сигару — развлечения, коим, судя по его воспаленной физиономии, он предавался довольно упорно за последние года два своей жизни. Против него, занимаясь размещиванием углей в камине носком правого башмака, находился грубый, вульгарный молодой человек лет тридцати, с испитым лицом и резким голосом, повидимому, обладавший тем знанием жизни и той чарующей развязностью, которые приобретаются в трактирах и дрянных биллиардных. Третий из находившихся в комнате был человек средних лет, в очень старом сером костюме, бледный и изможденный, который неустанно шагал взад и вперед по комнате, то-и-делю останавливаясь, чтобы тревожно выглянуть в окно, словно он кого-то ждал, а затем снова начиная бродить.

— Вы могли бы воспользоваться сегодня моей бритвой, м-р Эйрсли, — сказал человек, который размещивал угли, украдкой подмигивая своему приятелю, мальчику.

— Нет, благодарю вас, она мне не понадобится; через час или два я рассчитываю выйти отсюда, — торопливо ответил тот. Потом еще раз подошел к окну, снова возвратился ни с чем, глубоко вздохнул и вышел из комнаты; двое других громко расхохотались.

— Никогда не видел такой потехи, — сказал джентльмен, предлагавший бритву и чья фамилия, как оказалось, была Прайс. — Никогда! — М-р Прайс подкрепил эти слова бранью и затем снова захохотал, и мальчик (который считал своего приятеля одним из чудеснейших людей), конечно, вторил ему.

— Вы с трудом поверите, — продолжал Прайс, обращаясь к м-ру Пиквику, — что вчера исполнилась неделя, как этот человек сидит здесь, и он ни разу не брился; уверен, что его выпустят через полчаса, так что это можно отложить до возвращения домой.

— Бедняга! — воскликнул м-р Пиквик. — И у него действительно есть шансы выпутаться из затруднения?

— Какие к чорту шансы! — отозвался Прайс. — У него нет и намека на них. Я бы вот этого не дал за его шансы разгуливать по улицам через десять лет. — С этими словами м-р Прайс презрительно щелкнул пальцами и позвонил.

— Дайте мне лист бумаги, Круки, — приказал м-р Прайс слуге, который по костюму и внешности напоминал нечто среднее между обанкротившимся скотоводом и разорившимся потопщиком, — и стакан грогу, слышите, Круки? Я хочу написать отцу, и мне нужно возбуждающее, иначе не удастся напасть на старика с достаточной энергией. — Вряд ли следует упоминать о том, что, услышав эту остроумную речь, юноша расхохотался чуть ли не до судорог.

— Правильно! — согласился м-р Прайс. — Никогда не падайте духом. Все на свете вздор, не так ли?

— Великолечно! — воскликнул молодой джентльмен.

— У вас есть бодрость, что и говорить, — сказал Прайс. — Вы видели жизнь.

— Еще бы не видел! — отозвался мальчик. Он видел ее сквозь грязные стекла трактирной двери.

М-р Пиквик, чувствуя немалое отвращение к этому диалогу, а также к тону и манерам тех, которые его вели, собирався спросить, не может ли он получить отдельную комнату, как к ним вошло три человека вполне приличного вида, заметив коих, мальчик бросил свою сигару в камин и, шепнув м-ру Прайсу, что они пришли „улаживать его дело“, уселся вместе с ними за стол в другом конце комнаты.

Оказалось однако, что уладить дело далеко не так легко, как предполагал молодой джентльмен, ибо последовал очень длинный разговор, и м-р Пиквик невольно услышал некоторые гневные фразы, касающиеся распушенной жизни и не раз дарованного прощения. Затем последовало очень ясное упоминание, сделанное старшим из джентльменов, о некоей Уайткрос-стрит*, после чего молодой джентльмен, невзирая на свой апломб и свою бодрость и свое знание жизни в придачу, опустил голову на стол и горестно разрыдался.

Весьма довольный тем, что юноша столь внезапно забыл о своей доблести и столь основательно сбавил тон, м-р Пиквик позвонил и был переведен, по его просьбе, в отдельную комнату, снабженную ковром, столом, стульями, буфетом, диваном и украшенную зеркалом и старыми гравюрами. Сидя в ожидании завтрака, он имел удовольствие слушать над своей головой игру м-с Немби на рояле. Вместе с завтраком явился и м-р Перкер.

— Ага, уважаемый сэр, — сказал маленький человек, — пригвождены наконец, э? Ну-ну, я об этом не жалею, потому что теперь вы поймете нелепость такого поведения. Я подсчитал все расходы — судебные издержки и возмещение убытков, словом, все, на что простирается выданное к исполнению *sa. sa**, — и лучше мы уладим дело сейчас же, не теряя времени. Полагаю, Немби уже вернулся домой. Что скажете, уважаемый сэр? Я выдам чек или вы сами это сделаете?

Говоря это, маленький человек потирал руки с притворной беззаботностью, но, посмотрев на физиономию м-ра Пиквика, не мог не бросить унылого взгляда в сторону Сэма Уэлера.

— Перкер, — сказал м-р Пиквик, — прошу вас больше со мной об этом не говорить. Я не вижу оснований оставаться здесь, и сегодня же вечером отправлюсь в тюрьму.

— Но нельзя же вам ехать на Уайткрос-стрит, уважаемый сэр! — воскликнул Перкер. — Это немыслимо! Там шестьдесят кроватей в камере, и дверь на засове шестнадцать часов в сутки.

— Я бы предпочел какое-нибудь другое место заключения, если это возможно, — сказал м-р Пиквик. — Если же нельзя, то я должен с этим примириться.

— Вы можете отправиться во Флит*, уважаемый сэр, раз уж вы решили сидеть в тюрьме, — предложил Перкер.

— Хорошо, — сказал м-р Пиквик. — Я туда и отправлюсь, как только позавтракаю.

— Пойдите, уважаемый сэр. Совершенно незачем так спешить, чтобы попасть туда, откуда большинство людей так стремится вырваться, — сказал добродушный маленький атерни. Нам еще нужно получить habeas corpus*, До четырех часов дня ни одного судьи не застанешь в палате. Вам придется подождать.

— Прекрасно, — сказал м-р Пиквик с непоколебимым терпением. — В таком случае, в два часа мы еще съедем здесь отбивные котлеты. Позаботьтесь об этом, Сэм, и распорядитесь, чтобы они были поданы во-время.

М-р Пиквик, несмотря на все увещания и доводы Перкера, остался непоколебим. Котлеты появились и исчезли своевременно; затем его усадили в наемную карету и повезли в Чансери-лейн*, но лишь после того, как он около получаса ждал м-ра Немби, которого никак нельзя было потревожить раньше, ибо он пригласил к обеду избранное общество.

В Сарджентс-Инне* дежурили двое судей — Суда* королевской скамьи и Суда обидных тяжб, — и дела у них было по горло, если судить по количеству адвокатских клерков, шнырявших взад и вперед с кипами бумаг. Когда они подъехали к низкой арке, которая служит входом в Сарджентс-Инн, Перкера задержали на несколько минут переговоры с извозчиком о плате и сдаче, а м-р Пиквик, отойдя в сторону от

потока людей входивших и выходивших, стал не без любопытства наблюдать.

Особое его внимание привлекли три-четыре человека потрепанно-элегантного вида, которые кланялись многим проходившим атерни и, казалось, явились сюда по какому-то делу, характер коего м-р Пиквик не мог угадать. Странная была внешность у этих людей. Один — тощий и слегка прихрамывавший, в порыжевшем черном костюме с белым галстуком; другой — плотный, громоздкий, в таком же костюме, с большим красновато-черным платком вокруг шеи; третий — маленький, сморщенный, пьяный на вид, с прыщеватым лицом. Они бродили, заложив руки за спину, и время от времени с взволнованным видом шептали что-то на ухо кому-нибудь из джентльменов с бумагами, пробежавших мимо. М-р Пиквик припомнил, что очень часто видел их слоняющимися под аркой, когда ему случалось здесь проходить, и воспылал желанием узнать, в чем же собственно состоит профессия этих грязных проходимцев.

Он собирался задать этот вопрос Немби, который стоял неоступно за его спиной, посасывая большое золотое кольцо на мизинце, когда подбежал Перкер и, заметив, что не к чему терять время, вошел в здание Инна. Когда м-р Пиквик двинулся вслед за ним, к нему подошел хромой субъект и, вежливо прикоснувшись к шляпе, протянул написанную от руки визитную карточку, которую м-р Пиквик, не желая его обидеть отказом, учтиво принял и спрятал в жилетный карман.

— Сюда, — сказал Перкер у входа в одну из контор, оглядываясь, следуют ли за ним его спутники. — Входите, уважаемый сэр. Алю, вам что нужно?

Этот вопрос был обращен к хромому, который незаметно для м-ра Пиквика присоединился к компании. В ответ на это хромой снова с величайшей учтивостью притронулся к шляпе и указал на м-ра Пиквика.

— Нет, — с улыбкой сказал Перкер, — вы нам не нужны, мой друг, вы нам не нужны.

— Прошу прощения, сэр, — возразил хромой, — джентльмен взял мою карточку. Надеюсь, вы воспользуетесь моими услу-

гами, сэр. Джендльмен мне кивнул. Пусть решает сам джендльмен. Вы мне кивнули, сэр?

— Вздор! Вы никому не кивали, Пиквик? Ошибка, ошибка, — сказал Перкер.

— Джендльмен вручил мне свою визитную карточку, — отвечал м-р Пиквик, извлекая ее из жилетного кармана. — Я ее взял, потому что таково было, повидимому, желание джендльмена — в сущности, мне любопытно было взглянуть на нее на досуге. Я...

Маленький атерни громко расхохотался и, возвращая карточку хромоту, уведомил его, что произошла ошибка, и когда гот с негодованием удалился, шепнул м-ру Пиквику, что это всего-навсего поручитель.

— Кто? — повторил м-р Пиквик.

— Поручитель *, — повторил Перкер.

— Поручитель?

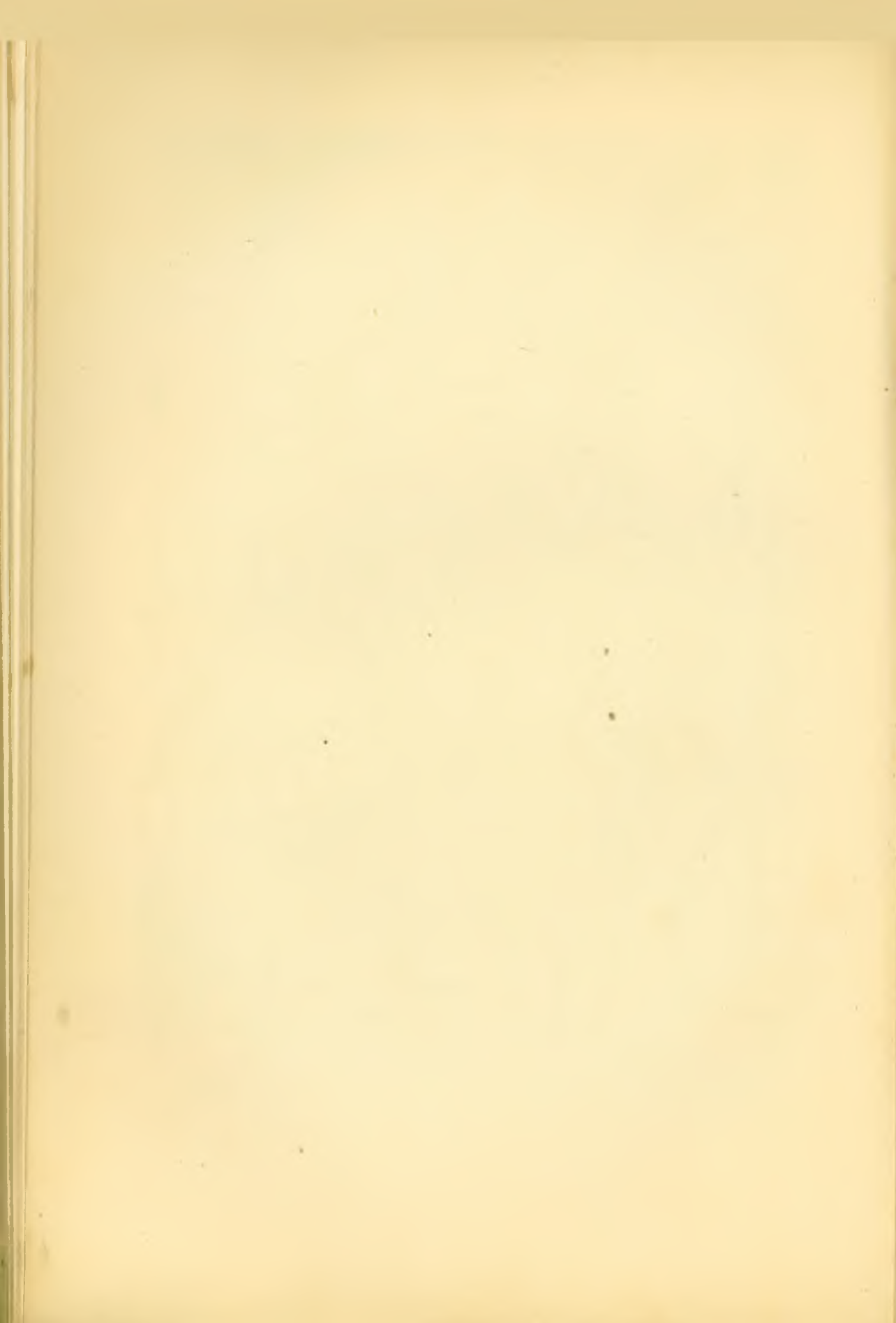
— Да, уважаемый сэр, их здесь с полдюжины. Поручатся за вас, какова бы ни была сумма, и возьмут только полкроны. Любопытный промысел, не правда ли? — сказал Перкер, угощаясь понюшкой табаку.

4 — Что? Так ли я вас понимаю? Эти люди зарабатывают себе на жизнь тем, что ждут здесь и лжесвидетельствуют перед судьями страны, беря полкроны за преступление! — воскликнул м-р Пиквик, потрясенный таким разоблачением.

2 — Ну, я в сущности ничего не знаю о лжесвидетельстве, уважаемый сэр, — отвечал маленький джендльмен. — Резкое слово, уважаемый сэр, — и только. — Атерни пожал плечами, улыбнулся, взял вторую понюшку табаку и вошел в канцелярию, где находился клерк судьи.

Это была исключительно грязная комната с очень низким потолком и старой панелью на стенах и так плохо освещенная, что хотя дело происходило средь бела дня, на конторках горели большие сальные свечи. В одном конце находилась дверь, ведущая в кабинет судьи, у которой собралась толпа атерни и старших клерков; их вызывали по очереди, в порядке записи. Каждый раз, когда эта дверь открывалась, выпускаемая входившую группу, следующая группа неистово бросалась

вперед, чтобы войти; а так как в добавление к многочисленным диалогам, происходившим между джентльменами, которые желали видеть судью, возникали всевозможные ссоры между теми, кто его уже видел, то шум был такой, какой только можно поднять в столь тесном помещении.

Однако разговоры этих джентльменов были не единственными звуками, поражавшими слух. За деревянными ширмами в другом конце комнаты стоял на ящике клерк в очках, сжимавший афидавит *, большие пачки которых другой клерк время от времени относил на подпись судье. Нужно было привести к присяге большое количество адвокатских клерков, а так как, по моральным основаниям, приводить всех сразу нельзя, то усилия этих джентльменов добраться до клерка в очках напоминали усилия толпы ворваться в театр, когда его всемилоштивейшее величество удостоивает последний своим посещением. Третий чиповник время от времени упражнял свои легкие, выкрикивая фамилии принявших присягу, чтобы вернуть им афидавит, уже подписанный судьей, что служило поводом для новых драк; все это происходило одновременно и вызывало суматоху, которая могла доставить удовольствие самому энергическому и беспокойному человеку. Была здесь еще одна категория лиц: они ждали вызова своих отсутствующих патронов по тем делам, по которым присутствие атерни противной стороны было не обязательно; их запятие состояло в том, что они выкрикивали время от времени фамилию атерни противной стороны, дабы удостовериться, не здесь ли он — вопреки ожиданиям.

Например: прислонясь к стене, за стулом, который занял м-р Пиквик, стоял конторский мальчик лет четырнадцати, говоривший тенором, а рядом с ним — гражданский клерк, говоривший басом.

Вбежал клерк со связкой бумаг и осмотрелся вокруг.

— Снигль и Блинк! — крикнул тенор.

— Поркин и Сноб! — зарычал бас.

— Стампи и Дикон! — провозгласил вновь прибывший.

Никто не ответил. Следующего вошедшего клерка окликнули все трое, а он в свою очередь назвал другую фирму;

затем еще кто-то заревел очень громко, называя новую фирму, и так далее.

В это время человек в очках работал неустанно, приводя к присяге клерков; формула присяги неизменно произносилась без знаков препинания и обычно в таком виде:

— Возьмите книгу в правую руку это ваша фамилия и подпись вы клянетесь что содержание этого вашего афидавит истинно да поможет вам бог с вас шиллинг разменяйте нет сдачи...

— Ну, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — надеюсь, habeas corpus для меня уже получен?

— Да, — отозвался Сэм, — и хотел бы я, чтобы они вынесли сюда этот корпус. Очень невежливо заставлять нас ждать. Я бы за это время приготовил и упаковал полдюжины таких корпусов.

Каким громоздким и неудобным сооружением Сэм Уэлер представлял себе приказ habeas corpus, не выяснено, ибо в этот момент подошел Перкер и увел м-ра Пиквика.

После обычных формальностей физическая личность * Сэмюэла Пиквика была сдана под охрану полицейского стража для того, чтобы тот доставил его блюстителю * Флитской тюрьмы, в которой м-р Пиквик останется до тех пор, пока возмещение убытков и судебные издержки по делу Бардль против Пиквика не будут полностью оплачены.

— А это случится очень нескоро, — смеясь сказал м-р Пиквик. — Сэм, наймите карету. Перкер, дорогой друг, прощайте.

— Я поеду с вами и посмотрю, чтобы все было в порядке, — сказал Перкер.

— Нет, — возразил м-р Пиквик, — я бы предпочел ехать только с Сэмом. Когда я там устроюсь, я сейчас же вам напишу и буду вас ждать. А до тех пор — до свидания!

С этими словами м-р Пиквик в сопровождении полицмена уселся в карету, которую уже подали. Сэм поместился на козлах, и карета укатила.

— Необыкновенный человек! — воскликнул Перкер, останавливаясь, чтобы надеть перчатки.

— Какой банкрот вышел бы из него! — заметил м-р Лаутен, стоявший поблизости. — Как бы он досадил уполномоченным *. Он бы их втюпик поставил, если бы они заговорили об аресте, сэр.

Атерни, повидимому, не понравилось профессиональное мнение его клерка о характере м-ра Пиквика, ибо он удалился, не удостоив его ответом.

Наемная карета тряслась по Флит-стрит, по примеру всех наемных карет. Лошади „шли лучше“, по словам извозчика, когда что-нибудь двигалось впереди (должно быть, они развивали исключительную скорость, когда перед ними не было ничего), и на этом основании карета тащилась за фургоном; когда фургон трогался с места, она следовала его примеру. М-р Пиквик сидел против полисмена; полисмен, поместив шляпу меж колен, сидел, насвистывая какой-то мотив и глядя в окно кареты.

Время творит чудеса. С помощью этого всемогущего старого джентльмена даже наемная карета преодолевает расстояние в полмили. Наконец они остановились, и м-р Пиквик вышел у ворот Флитской тюрьмы.

Полисмен, оглянувшись через плечо, дабы убедиться, что арестованный следует за ним по пятам, ввел м-ра Пиквика в тюрьму; повернув налево, они через открытую дверь прошли в караульную, откуда тяжелые ворота, находившиеся прямо против тех, через которые они прошли, и охраняемые дорожным тюремщиком с ключом в руке, вели во внутреннее помещение тюрьмы.

Тут они замешкались, пока полисмен сдавал свои бумаги, и м-р Пиквик узнал, что здесь он и останется, пройдя предварительно через процедуру, известную посвященным под названием „позировать для портрета“.

— Позировать для портрета! — воскликнул м-р Пиквик.

— С вас снимут портрет, сэр, — отвечал дорожный тюремщик. — Мы здесь мастера по портретам. Снимаем в один момент и всегда точно. Входите, сэр и располагайтесь здесь как дома.

М-р Пиквик последовал приглашению и сел, а м-р Уэллс, поместившись за спинкой кресла, шепнул, что позировать —

значит подвергнуться осмотру различных тюремщиков, дабы те могли отличать арестантов от посетителей.

— Хорошо, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — только бы поскорее явились эти художники. Здесь слишком людное место.

— Я думаю, они не замешкаются, сэр, — отвечал Сэм. — Взгляните, здесь голландские * часы, сэр.

— Вижу, — отозвался м-р Пиквик.

— И клетка для птиц, сэр, — продолжал Сэм. — Сложно: колеса на колесах, тюрьма в тюрьме. Не правда ли, сэр?

Когда м-р Уэлтер сделал это философическое замечание, м-р Пиквик обнаружил, что сеанс начался. Дородный тюремщик, которого сменили, уселся и время от времени поглядывал на него небрежно, а долговязый худой субъект, сменивший первого, заложил руки под фалды куртки и, поместившись напротив, разглядывал его очень внимательно. Третий, — довольно угрюмый джентльмен, которого, повидимому, оторвали от чаепития, ибо он доедал корку хлеба с маслом, когда вошел в комнату, — расположился рядом с м-ром Пиквиком и, подбоченившись, созерцал его пристально. Еще двое присоединились к группе и с напряженными и глубокомысленными физиономиями изучали черты его лица. М-р Пиквик сильно морщился во время этой процедуры и, казалось, чувствовал себя неловко в своем кресле, но пока она длилась, он не сделал ни одного замечания никому, даже Сэму, который облокотился на спинку кресла, размышляя отчасти о положении своего хозяина, а отчасти о том огромном удовольствии, с каким он яростно напал бы на всех тюремщиков, здесь собравшихся, если бы это было дозволено законом и порядками.

Наконец портрет был закончен, и м-ра Пиквика уведомили, что теперь он может отправиться в тюрьму.

— Где я буду спать эту ночь? — попытался м-р Пиквик.

— Насчет этой ночи я ничего не могу сказать, — ответил дородный тюремщик. — Завтра вам устроит сожительство, и тогда вам будет уютно и удобно. Первая ночь обыкновенно бывает неважной, а завтра вы будете устроены как следует.

После переговоров выяснилось, что один из тюремщиков „сдает“ кровать, которую м-р Пиквик может воспользоваться на эту ночь. Он охотно согласился „снять“ ее.

— Пойдемте со мною, я вам сейчас же ее покажу, — сказал тюремщик. — Она не велика, но спится на ней необыкновенно хорошо. Сюда, сэр!

Они вошли во внутренние ворота и спустились по короткой лестнице. Ключ повернулся за ними, и м-р Пиквик впервые в жизни очутился в стенах долговой тюрьмы.

ГЛАВА ХII

Что произошло с м-ром Пиквиком, когда он попал во Флит, каких заключенных он там увидел и как он провел ночь

М-р Том Рокер, джентльмен, который ввел м-ра Пиквика в тюрьму, круто повернул направо, когда спустился с короткой лестницы, и, пройдя железные ворота, открытые настежь, поднялся по другой короткой лестнице и вошел в длинную узкую галерею *, грязную и низкую, с каменным полом и двумя окнами в дальних концах, пропускавшими тусклый свет.

— Вот, — сказал джентльмен, засовывая руки в карманы и небрежно оглядываясь на м-ра Пиквика. — Вот это лестница в холл.

— О! — отозвался м-р Пиквик, посмотрев вниз на темную грязную лестницу, которая, казаясь, вела в сырые и мрачные каменные склепы под землею. — А здесь, вероятно, находятся маленькие погреба, где заключенные хранят свой скудный запас угля? Неприятные закоулки, когда приходится туда спускаться, но надо думать, очень удобные.

— Да, еще бы не удобные, — отвечал джентльмен, — когда видишь, сколько народу там живет, и довольно уютно. Это и есть Ярмарка *.

— Мой друг, — проговорил м-р Пиквик, — неужели вы хотите сказать, что в этих отвратительных подземельях живут люди?

— Хочу ли я? — отвечал м-р Рокер удивленно и негодуя. — А почему бы мне не хотеть?

— Живут! Живут там, внизу! — воскликнул м-р Пиквик.

— Да, живут там, внизу! А также умирают там, внизу, очень часто, — отвечал м-р Рокер. — Что же тут такого? Кто может против этого возражать? Живут там, внизу? Да, и это прекрасное место для жилья, не правда ли?

Так как Рокер, говоря это, повернулся довольно свирепо к м-ру Пиквику и вдобавок довольно возбужденно пробормотал несколько неприятных замечаний касательно собственных глаз, рук, ног и циркулирующей крови, сей последний джентльмен счел уместным не продолжать этой беседы. Затем м-р Рокер начал подниматься по другой лестнице, такой же грязной, как и та, что вела в помещение, бывшее сию минуту предметом разговора. М-р Пиквик и Сэм неотступно следовали за ним.

— Вот, — сказал м-р Рокер, останавливаясь, чтобы отдышаться, когда они добрались до следующей галлерей * таких же размеров, как и нижняя, — на этом этаже находится общая столовая, дальше будет третий этаж, а за ним — последний. А вы переночуете сегодня в комнате блюстителя, вот здесь, идемте.

Изложив все это одним духом, м-р Рокер стал подниматься еще на один этаж, м-р Пиквик и Сэм Уэлтер следовали за ним по пятам. На эти лестницы проникал свет из нескольких окон, находившихся невысоко над полом и выходявших во двор, усыпанный гравием и обнесенный высокой кирпичной стеной с железными рогатками наверху. Это был, как выяснилось из слов м-ра Рокера, двор для игры в мяч. И далее выяснилось из показаний того же джентльмена, что был еще один двор, поменьше, в той части тюремных владений, которая примыкала к Ферингдон-стрит, прозванный и именуемый „Живописным двором“, ибо его стены некогда были покрыты изображениями различных судов, идущих на всех парусах, и другими художественными изображениями, испол-

ненными в былые времена каким-то заключенным рисовальщиком в часы досуга.

Сообщив эти важные сведения скорее с целью от них освободиться, чем с намерением просветить м-ра Пиквика, проводник добрался наконец до следующей галлерей, свернул в маленький коридор в дальнем конце, открыл дверь и обнаружил помещение, на вид отнюдь не привлекательное, где стояло восемь или девять железных кроватей.

— Вот, — сказал м-р Рокер, придерживая дверь и с торжеством взирал на м-ра Пиквика, — вот комната!

Однако лицо м-ра Пиквика выражало столь незначительную долю удовольствия при виде этого помещения, что м-р Рокер стал искать сочувствия на физиономии Сэмюэла Уэлера, который до сей поры хранил величественное молчание.

— Вот комната, молодой человек, — заметил м-р Рокер.

— Вижу, — отвечал Сэм, безмятежно кивнув головой.

— Вы не предполагали найти такую комнату в Ферингдонском * отеле, а? — осведомился м-р Рокер с самодовольной улыбкой.

В ответ м-р Уэлер ловко и непринужденно закрыл один глаз; это можно было толковать в зависимости от фантазии наблюдателя: или он так думает, или он так не думает, или он вообще об этом не задумывался. Показав этот фокус и снова открыв глаз, м-р Уэлер пожелал узнать, к какой именно кровати относится столь лестное мнение м-ра Рокера, будто на ней необыкновенно хорошо спится.

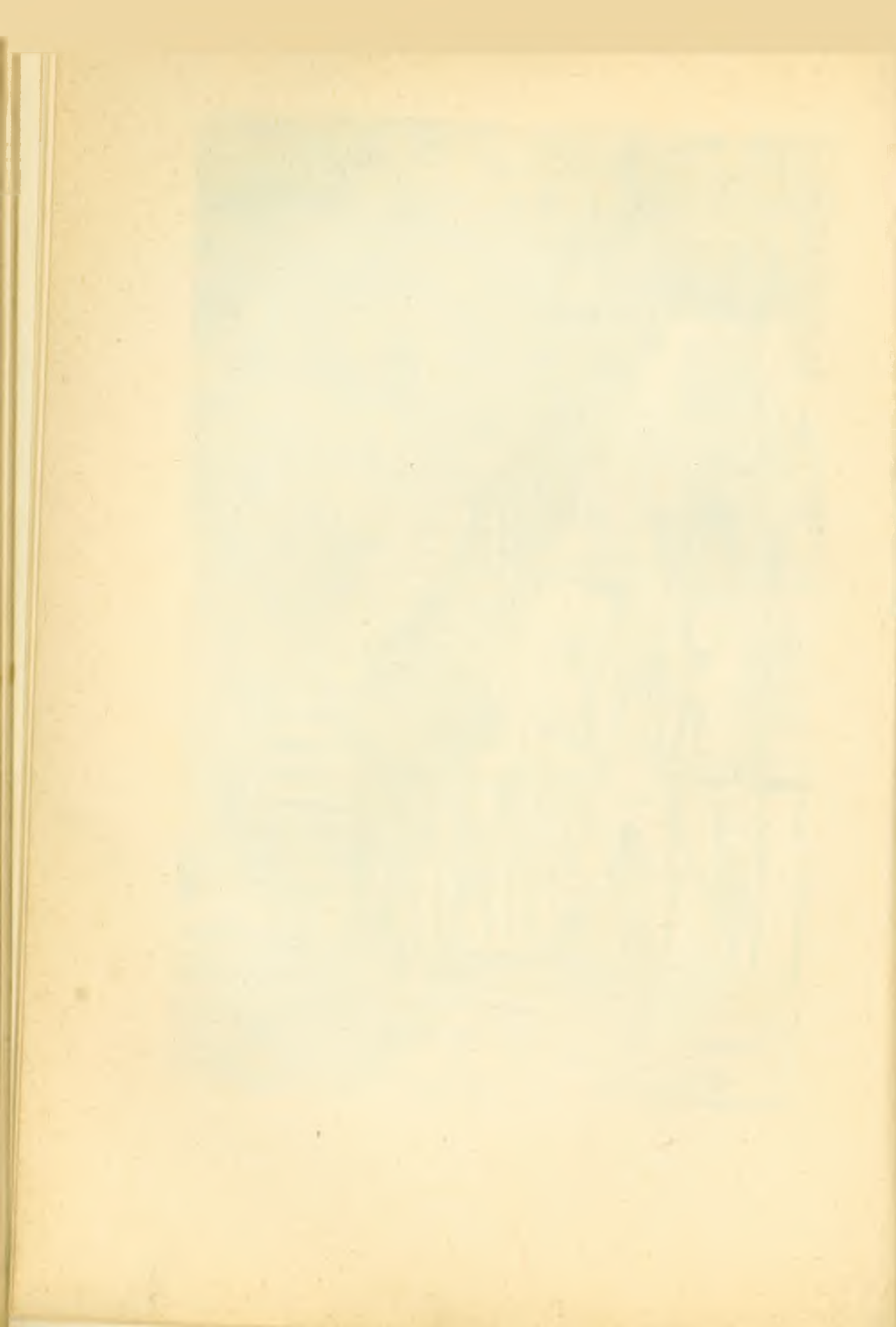
— Вот она, — ответил м-р Рокер, указывая на сильно зажатую кровать в углу. — Она любого заставит заснуть, хочет он того или нет, — вот какая это кровать.

— Пожалуй, — заметил Сэм, с крайним отвращением созерцая вышеупомянутый предмет обстановки, — я бы сказал, что опиум ничего не стоит по сравнению с нею.

— Ничего, — подтвердил м-р Рокер.

— И надо думать, — продолжал Сэм, искоса взглянув на своего хозяина, словно в надежде удостовериться, что все происходящее поколебало его решимость, — и надо думать, другие джентльмены, которые спят здесь, — настоящие джентльмены?

— Самые настоящие, — отвечал м-р Рокер. — Один из них выпивает двенадцать пинт эля ежедневно и не перестает курить даже за едой.

— Должно быть, это первоклассный джентльмен, — сказал Сэм.

— А₁ *, — отозвался м-р Рокер.

Отнюдь не уstraшенный даже такими сведениями, м-р Пиквик, улыбаясь, объявил о своем решении испытать в течение этой ночи действие наркотической кровати, и м-р Рокер, уведомив его, что он может лечь спать, когда ему вздумается, без дальнейших предупреждений и формальностей, удалился, оставив его с Сэмом в галлерее.

Темнею; то есть здесь, где никогда не бывает светло, зажглось несколько газовых рожков, как бы в знак приветствия вечеру, спускавшемуся на дворе. Так как было довольно жарко, кое-кто из обитателей многочисленных каморок, расположенных по обеим сторонам галлерей, приоткрыл свою дверь. Проходя мимо, м-р Пиквик заглядывал в них с большим интересом и любопытством. В одной из комнат четверо или пятеро рослых неуклюжих молодцов, которых едва можно было разглядеть сквозь облако табачного дыма, вели шумный и разгульный разговор за недопитыми кружками пива или играли во „все четыре“ * колодой засаленных карт. В смежной комнате был виден какой-то одинокий жилец, склонившийся при свете жалкой сальной свечи над пачкой грязных, изорванных бумаг, пожелтевших от пыли и полусгнивших от времени, писавший в сотый раз какую-то бесконечную жалобу какому-то великому человеку, чьи глаза никогда ее не увидят или чье сердце она никогда не тронет. В третьей комнате можно было видеть мужа с женой и целой толпой детей, устраивавших на полу или на стульях убогую постель, чтобы уложить самых маленьких. И в четвертой, и в пятой, и в шестой, и в седьмой — все те же шум, и пиво, и табачный дым, и карты.

В самих галлерейх, и в особенности по лестницам, слонялось множество людей, которые пришли сюда — одни потому, что их комнаты были пусты и неуютны, другие — потому, что их комнаты были битком набиты и жарки; большин-

ство — потому, что не находило тишины и покоя и не знало, чем себя занять. Здесь были представители разнообразных общественных классов — от рабочего в бумазейной куртке до разорившегося кутилы в халате с подобающе продранными локтями; но у всех было нечто общее — вялое тюремное беспечное чванство, наглый, заносчивый вид, который немислимо описать словами, но который мгновенно уловит всякий, пусть только зайдет в ближайшую долговую тюрьму и присмотрится к первой же попавшейся группе ее обитателей с тем же интересом, с каким смотрел м-р Пиквик.

— Меня удивляет, Сэм, — сказал м-р Пиквик, перегнувшись через перила на площадке лестницы, — меня удивляет, Сэм, что заключение в тюрьму за долги в сущности не является наказанием.

— Вы так думаете, сэр? — спросил м-р Уэлер.

— Вы видите, как эти молодцы пьют, и курят, и кричат, — отвечал м-р Пиквик. — Быть не может, чтобы пребывание здесь их огорчало.

— А, вот в том-то и дело, сэр, — подхватил Сэм, — их это не огорчает, для них это регулярный праздник — портер и кегли. Но кое-кто страдает от такого дела: те, кто и пивом не могут накачиваться и в кегли не играют, и кто заплатил бы, если бы мог, — такие впадают в отчаяние, когда их сажают в тюрьму. Я вам скажу, в чем тут дело, сэр: на того, кто привык бездельничать по трактирам, это наказание совсем не действует, а на того, кто работает, когда может, оно действует слишком сильно. „Получается неровно, — как говорил мой отец, когда ему приготавлили гог не половина на половину, — получается неровно, вот в чем беда“.

— Мне кажется, вы правы, Сэм, — подумав, сказал м-р Пиквик, — совершенно правы.

— Пожалуй, можно встретить иной раз и честных людей, которым это по вкусу, — раздумчиво продолжал м-р Уэлер, — но я что-то не слышал о них, если не считать одного маленького грязнолицего человека в коричневой куртке, да и у того это было делом привычки.

— А кто он был? — осведомился м-р Пиквик.

— А, вот этого-то никто не знал, — отвечал Сэм.

— Но что он сделал?

— Да то же, что в свое время делали многие люди, гораздо более известные, сэр, — сказал Сэм. — Он попробовал перепрыгнуть через самого себя.

— Иными словами, — сказал м-р Пиквик, — он, должно быть, жил выше средств и наделал долгов.

— Именно так, сэр, — отозвался Сэм, — и в результате попал сюда. Долгов было немного — фунтов девять, — да виа-теро больше на покрытие судебных издержек; но как бы там ни было, а здесь он застрял на семнадцать лет. Если и появились у него на лице морщины, они были замазаны грязью, потому что и грязное лицо и коричневая куртка остались к концу этого срока такими же, какими были вначале. Он был смиренным, безобидным маленьким созданием, всегда за кого-нибудь хлопотал или играл в мяч и никогда не выигрывал; в конце концов тюремщики его полюбили, и каждый вечер он приходил к ним в комнату, болтал с ними, рассказывал разные небылицы и все это-вот такое. Как-то вечером сидел он там по обыкновению с одним своим очень старым другом, который был дежурным, и вдруг говорит: „Биль, я не видел рынка по ту сторону стены, — говорит (а в ту пору здесь был Флитский * рынок), — Биль, я не видел рынка по ту сторону стены вот уже семнадцать лет“. — „Знаю, что не видел“, — говорит тюремщик, покуривая свою трубку. — „Я бы хотел взглянуть на него одну минутку, Биль“, — говорит он. — „Очень возможно“, — говорит тюремщик, сильно затягиваясь трубкой и притворяясь, будто он не понимает, куда клонит маленький человек. — „Биль, — говорит маленький человек с еще большим волнением, — мне в голову пришла фантазия. Позвольте мне увидеть улицы еще разок перед смертью, и если меня не хватит апоплексический удар, я вернусь через пять минут по часам“. — „А что со мной будет, если вас хватит апоплексический удар?“ — спросил тюремщик. — „Ну, — говорит маленькое создание, — кто бы ни принес меня домой, потому что моя карточка у меня в кармане, — говорит, — № 20, этаж столо-

вой“, — и правда, так оно и было, потому что когда ему хотелось познакомиться с каким-нибудь новичком, он бывало вынимал маленькую памятную карточку, а на ней были написаны эти слова, и больше ничего, и потому-то его всегда звали „Помер двадцатый“. Тюремщик смотрит на него в упор и наконец торжественно заявляет: „Двадцатый, — говорит, — я вам верю; вы не подведете старого друга“. — „Нет, старина, надеюсь, у меня тут есть кое-что получше“, — говорит маленький человек, и с этими словами он изо всех сил хлопнул себя по курточке, и потом из обоих глаз у него вытекло по слезинке, а это было очень удивительно — все думали, что вода никогда не орошала ему лица. Он пожал руку тюремщику и ушел...

— И так и не вернулся, — вставил м-р Пиквик.

— На этот раз ошиблись, сэр, — возразил м-р Уэлер. — Он возвращается на две минуты раньше назначенного времени и вне себя от злости; рассказывает, как его чуть было не раздавила карета, что он к этому не привык, и будь он проклят, если не напишет лорд-мэру. Наконец его утихомирили, и с той поры он в течение пяти лет даже не выглядывал за ворота.

— По прошествии этого времени он, вероятно, умер, — сказал м-р Пиквик.

— Нет, не умер, сэр, — отвечал Сэм. — Ему пришла фантазия пойти отведать пива в новом трактире через улицу, и там был такой уютный кабинетик, что ему взбрело в голову ходить туда каждый вечер; так он и делал долгое время и всегда возвращался регулярно за четверть часа до закрытия ворот; стало быть, все шло очень хорошо и удобно. Наконец он так разошелся, что начал забывать о времени или вовсе о нем не думал и возвращался все позже и позже; и вот как-то вечером его старый друг как раз запирает ворота — даже ключ уже повернул, когда он является. „Подождите, Биль“, — говорит он. — „Как, вы еще не вернулись домой, Двадцатый? — говорит тюремщик. — Я думал — вы давным-давно дома“. — „Нет еще“, — улыбаясь, говорит маленький человек. „Ну, так вот что я вам скажу, мой друг, — говорит тюремщик, очень медленно и неохотно открывая ворота, — по

моему мнению, вы не так давно попали в дурную компанию, и мне очень грустно это видеть. Я не хочу вас обижать, но если вы не можете довольствоваться порядочным обществом и приходите домой в регулярные часы, я вас вовсе не впущу сюда, и это так же верно, как то, что вы сейчас здесь стоите!" — Маленький человек так весь и затрясся и с тех пор никогда не выходил за тюремные стены.

Когда Сэм закончил свой рассказ, м-р Пиквик начал медленно спускаться с лестницы. Задумчиво пройдясь несколько раз по Живописному двору, где почти никого не было, так как уже стемнело, он уведомил м-ра Уэлера, что, по его мнению, тому давно пора удалиться на ночь, и попросил его найти пристанище в одном из соседних трактиров и вернуться рано утром, чтобы условиться, как перевезти вещи своего хозяина из „Джорджа и Ястреба“. Этому приказанию м-р Сэмюел Уэлер приготовился подчиниться с той любезностью, на какую был способен, но тем не менее очень явно обнаружил и свою неохоту. Он даже неудачно пытался заговаривать несколько раз о том, как удобно было бы провести эту ночь, растянувшись здесь, на песке, но убедившись, что м-р Пиквик упрямо глух к таким намекам, в конце концов удалился.

Нельзя скрыть того факта, что м-ру Пиквику было очень грустно и тревожно — не от недостатка в людях, ибо тюрьма была переполнена, а бутылка вина немедленно, без дальнейших формальных церемоний знакомства, снискала бы самое дружеское расположение немногих избранных. Но он был одинок в этой грубой, вульгарной толпе и чувствовал уныние и тоску, естественно вытекающие из размышлений о том, что он посажен в клетку и лишен надежды на освобождение. Однако мысль о том, чтобы освободиться путем потворствования мошенничеству Додсона и Фога ни на секунду не приходила ему в голову.

В таком расположении духа он вернулся в галерею столовой и стал медленно прогуливаться. Помещение было нестерпимо грязное, а запах табачного дыма буквально душливый. Беспреданно захлопывались с шумом и стуком двери, когда

люди входили и выходили, и гул их голосов и шагов неумолчно звучал в коридорах. Молодая женщина с ребенком на руках, которая, казалось, едва могла передвигать ноги от истощения и нищеты, бродила по коридору, беседуя со своим мужем, которому больше нигде было ее принять. Когда они проходили мимо м-ра Пиквика, он слышал, как женщина плакала, а один раз она отдалась такому приступу отчаяния, что должна была прислониться к стене, чтобы не упасть, так что мужчина взял на руки ребенка, стараясь ее успокоить.

М-р Пиквик был так расстроен, что не мог этого вынести и пошел наверх спать.

Хотя комната блюстителя была весьма некомфортабельная (но обстановке и удобствам она занимала место на несколько сот ступеней ниже самой обыкновенной больничной палаты в провинциальной тюрьме), но в данный момент она отличалась тем преимуществом, что в ней не было никого, кроме самого м-ра Пиквика. Поэтому он присел на своей маленькой железной кровати и задумался над тем, сколько денег блюститель извлекает за год из этой грязной комнаты. Убедившись посредством математических вычислений, что это помещение приносит примерно такой же годовой доход, как маленькая улица в предместьях Лондона, он начал размышлять о том, какой соблазн мог привести грязноватую муху, которая ползала по его панталонам, в эту душную тюрьму, когда она могла выбрать любое приятное помещение. Эти медитации привели его к неизбежному выводу, что насекомое помешалось. Разрешился этот вопрос, он заметил, что его клонит ко сну, после чего он вытащил ночной колпак из кармана, куда предусмотрительно сунул его утром, неспеша разделся, лег в постель и заснул.

— Браво! Пяткой кверху... режь и скользи... отбивайте, Зефир! Будь я проклят, если балет не ваша стихия! Валийте дальше! Ура! — Эти неистовые восклицания, сопровождаемые оглушительным смехом, пробудили м-ра Пиквика от того крепкого сна, который, длясь в сущности около получаса, спящему кажется растянувшимся на три недели или месяц.

Едва умолк голос, как все в комнате задрожало с такой силой, что оконные стекла задребезжали в своих ра-

мах, и кровати затряслись. М-р Пиквик привскочил, сел и в течение нескольких минут смотрел в немом изумлении на разыгрывавшуюся перед ним сцену.

Посреди комнаты человек в зеленой куртке с широкими фалдами, в полосатых коротких штанах и серых бумажных чулках выделял популярнейшие па матросского танца с вульгарной и шутовской пародией на грацию и легкость, что в соединении с весьма подходящим стилем его костюма производило невыразимо нелепое впечатление. Другой, по-видимому, очень пьяный, которого, должно быть, уложили в постель его товарищи, сидел, прикрытый одеялом, распевая с большим чувством и выразительностью те куплеты какой-то комической песни, какие мог припомнить; третий, присев на одну из кроватей, аплодировал обоим с видом глубокого знатока и поощрял их тем пылким проявлением чувств, которое уже разбудило м-ра Пиквика.

Этот человек был превосходным образчиком породы людей, которую можно увидеть во всем ее блеске только в таких местах. Пожалуй, иной раз встретишь их не во всем блеске по соседству с копышнями и трактирами, но полного расцвета они достигают только в этих теплицах, которые как будто заботливо созданы законодательной властью с единственной целью их выращивать.

Это был высокий человек с оливковым цветом лица, длинными темными волосами и очень густыми бакенбардами, сходившимися под подбородком; галстука на нем не было, так как он весь день играл в мяч, и открытый ворот рубахи позволял видеть бакенбарды во всем их великолепии. На голове у него торчала простая восемнадцатипенсовая французская шапочка с болтающейся яркой кисточкой, которая удачно гармонировала с простой бумажейной курткой. Его ноги, длинные и толстые, были украшены штанами цвета перца с солью, скроенными так, чтобы подчеркнуть полную симметрию названных конечностей тела. Однако, будучи довольно небрежно подтянуты и вдобавок кое-как застегнуты, они опускались не слишком изящными складками на пару башмаков, в достаточной мере стоптанных, чтобы обнаружить пару очень грязных

белых носков. Было во всем облике этого человека что-то непристойно и грубо франтовское и какая-то хвастливая наглость, стопившая золотого слитка.

Этот субъект первый заметил, что м-р Пиквик на них смотрит. Он подмигнул Зефиру и с насмешливой серьезностью попросил его не будить джентльмена.

— Как! Да благословит бог честное сердце и душу джентльмена! — воскликнул Зефир, оглядываясь и притворяясь крайне изумленным. — А ведь джентльмен не спит. Гм, Шекспир!.. Как поживаете, сэр? Как поживают Мери и Сара, сэр? Как поживает милая старая леди у себя дома, сэр? Не будете ли вы столь любезны уложить мои поклонны в первый же маленький пакет, какой вы пошлете туда, сэр, и сказать, что я бы их раньше прислал, да только боялся, как бы они не разбились в повозке, сэр.

— Не надоедайте джентльмену банальными любезностями, когда вы видите, что ему не терпится выпить, — игриво сказал джентльмен с бакенбардами. — Почему вы не спросите джентльмена, что он будет пить?

— Ах, боже мой, я совсем забыл! — отозвался тот. — Что вы будете пить, сэр? Желаете ли вы портвейну, сэр, или хересу, сэр? Я порекомендовал бы эль, сэр. Или, может быть, вы хотите отведать портеру, сэр? Осчастливьте меня разрешением повесить ваш ночной колшак, сэр.

С этими словами говоривший сорвал сей предмет туалета с головы м-ра Пиквика и мгновенно напялил его на голову пьяного, который, твердо убедившись в том, что услаждает многочисленную аудиторию, продолжал распевать комические куплеты в самых меланхолических тонах.

Насильно сорвать ночной колшак со лба человека и водрузить его на голову неизвестному джентльмену неопытной внешности — такой остроумный поступок, как бы он ни был оригинален сам по себе, относится бесспорно к разряду тех, которые именуются издевательством. Оценив его именно так, м-р Пиквик, отнюдь не предупреждая о своем намерении, энергически выпрыгнул из постели и нанес Зефиру такой ловкий удар в грудь, что в значительной мере лишил его той легко-

сти дыхания, которая связывается иногда с именем Зефира, и, снова завладев своим ночным кошаком, смело принял оборонительную позицию.

— Ну, — сказал м-р Пиквик, задыхаясь как от волнения, так и от потери некоторого запаса энергии, — выходите, оба... оба! — После такого смелого приглашения достойный джентльмен придав своим кулакам вращательное движение, дабы устрашить противников научными приемами.

Доблесть ли м-ра Пиквика, весьма неожиданная, или сложный маневр, проделанный им, когда он вскочил с постели и набросился на человека, отплясывавшего матросский танец, произвели впечатление на его противников, — но впечатление было произведено, ибо вместо того, чтобы немедленно покуситься на человекоубийство, — а м-р Пиквик твердо верил, что они это сделают, — они приостановились, мгновение смотрели друг на друга и наконец от души расхохотались.

— Ну, вы молодчина, и теперь вы мне еще больше нравитесь, — объявил Зефир. — Прыгайте скорее в постель, пока не схватили ревматизм. Надеюсь, не сердитесь? — добавил он, протягивая руку величиною в желтую гроздь пальцев, которая раскачивается иной раз над дверью перчаточника.

— Конечно, нет, — отвечал м-р Пиквик с большой поспешностью, ибо теперь, когда возбуждение улеглось, он почувствовал, что у него зябнут ноги.

— Удостоите и меня чести, — сказал джентльмен с бакенбардами, говоря с вульгарным акцентом и подавая правую руку.

— С большим удовольствием, сэр, — сказал м-р Пиквик и после очень продолжительного и торжественного рукопожатия снова забрался в постель.

— Меня зовут Сменгль, сэр, — сказал человек с бакенбардами.

— О! — сказал м-р Пиквик.

— Меня — Майвинс, — сказал человек в чулках.

— Очень рад это слышать, сэр, — сказал м-р Пиквик.

— Кхе, — кашлянул м-р Сменгль.

— Вы что-то сказали, сэр? — осведомился м-р Пиквик.

— Нет, я ничего не говорил, сэр, — отвечал м-р Сменгль.
— Мне показалось, что вы сказали, сэр, — пояснил м-р Пиквик.

Все это было очень изысканно и вежливо, и в довершение удовольствия м-р Сменгль многократно заверил м-ра Пиквика в том, что питает величайшее уважение к чувствам джентльмена, каковое заявление, несомненно, делает ему честь, ибо отнюдь нельзя было предположить, чтобы он понимал эти чувства.

— Проходили через суд, сэр? — полюбопытствовал мистер Сменгль.

— Как? — переспросил м-р Пиквик.

— Через суд... на Португел-стрит... * Суд для освобождения от... Ну, да вы знаете.

— О, нет, — отвечал м-р Пиквик. — Нет!

— Надсетесь скоро выйти? — предположил Майвинс.

— Боюсь, что нет, — ответил м-р Пиквик. — Я отказался уплатить возмещение убытков и в результате очутился здесь.

— А меня погубила бумага, — сказал м-р Сменгль.

— Вероятно, торговали исчезумажными товарами, сэр? — наивно осведомился м-р Пиквик.

— Торговал исчезумажными товарами? Нет, чорт бы меня подрал! Так низко я никогда не опускался. Никакой торговли. Под „бумагой“ я подразумеваю расписки.

— О, вы употребляете это словно в таком смысле? Понимаю, — сказал м-р Пиквик.

— Чорт возьми! Джентльмен должен быть готов к превратностям судьбы, — продолжал Сменгль. — В чем же дело? Вот я сижу во Флитской тюрьме. Так. Прекрасно. Ну, так что же? От этого мне не хуже, не правда ли?

— Еще бы! — отвечал м-р Майвинс.

И он был совершенно прав, ибо м-ру Сменглю отнюдь не стало хуже, — ему стало даже лучше, ибо для того, чтобы попасть в тюрьму, он без затрат приобрел некоторые драгоценности, давным-давно заложенные ростовщику.

— Да, но послушайте, — сказал м-р Сменгль, — во рту пересохло. Давайте прополощем горло каплей горячего хереса.

Новичок ставит, Майвинис доставляет, я помогу его распить! Это во всяком случае справедливое и достойное джентльмена разделение труда, будь я проклят!

Не желая затевать новую ссору, м-р Пиквик охотно согласился на это предложение и вручил деньги м-ру Майвинису, который немедленно отправился в столовую исполнять поручение.

— Послушайте, — шепнул Сменгль, как только его друг вышел из комнаты, — сколько вы ему дали?

— Полсоверена, — сказал м-р Пиквик.

— Он чертовски приятный джентльмен, — сообщил м-р Сменгль, — дьявольски приятный. Другого такого я не знаю. но... — Тут м-р Сменгль запнулся и сомнительно покачал головой.

— Вы не допускаете возможности, что он присвоит эти деньги? — осведомился м-р Пиквик.

— О, нет! Заметьте — я этого не говорю, я подчеркиваю, что он чертовски приятный джентльмен, — сказал м-р Сменгль. — Но, пожалуй, если бы кто-нибудь сбегал вниз посмотреть, не сунул ли он случайно носа в кувшин или как-нибудь по ошибке не потерял денег, когда будет возвращаться сюда, это было бы не плохо. Эй, вы, сэр, сбегайте-ка вниз да посмотрите за джентльменом, слышите?

Эта просьба была адресована робкому нервному человечку, чья внешность свидетельствовала о большой бедности, и который все время сидел съжившись на кровати, повидимому, ошеломленный новизной своего положения.

— Вы знаете, где столовая, — сказал Сменгль. — Сбегайте туда и скажите джентльмену, что вы пришли помочь емунести кувшин. Или нет... постойте... вот что я вам скажу... я вам скажу, как мы его надуем, — сообщил Сменгль с лукавой миной.

— Как? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Передайте ему, чтобы он истратил сдачу на сигары. Блестящая мысль! Бегите и скажите ему, слышите? Не пропадут, — обратился Сменгль к м-ру Пиквику. — Я их выкурю.

Этот маневр был столь остроумен и вдобавок проведен с таким невозмутимым спокойствием и хладнокровием, что м-р

Пиквик не имел ни малейшего желания ему препятствовать, даже если бы это было в его власти. Вскоре м-р Майвинс вернулся с хересом, каковой м-р Сменгль налил в две маленькие надтреснутые кружки, предварительно заметив, — имея в виду самого себя, — что джентльмен не должен привередничать при таких обстоятельствах и что он лично не считает для себя унижительным пить прямо из кувшина. В доказательство своей искренности он немедленно выпил половину залпом за здоровье всей компании.

Когда таким путем была достигнута полная гармония, м-р Сменгль начал занимать своих слушателей рассказом о различных романических похождениях, которым он время от времени предавался, включая в свой рассказ интересные анекдоты о чистокровной лошади и великолепной еврейке — обе отличались исключительной красотой и обеих домогались аристократы и джентри соединенного королевства.

Задолго до окончания этих изысканных извлечений из биографии джентльмена м-р Майвинс улегся в постель и начал храпеть, предоставив робкому незнакомцу и м-ру Пиквику извлекать пользу из жизненного опыта м-ра Сменгля.

Но и эти два упомянутых джентльмена получили меньше пользы от трогательных повествований, чем могли бы получить. М-р Пиквик некоторое время пребывал в дремотном состоянии, когда ему смутно почудилось, будто пьяный возобновил свои комические куплеты, а м-р Сменгль с помощью кувшина воды деликатно намекнул ему о нежелании присутствующих слушать музыку. Затем м-р Пиквик опять погрузился в сон, неясно сознавая, что м-р Сменгль все еще рассказывает историю, суть коей, повидимому, сводилась к детальному разъяснению вопроса о том, как он одновременно подделал расписку и поддел джентльмена.

ГЛАВА XLII

доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой истины, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление м-ра Пиквика м-ру Сэмюэлу

На следующее утро, когда м-р Пиквик открыл глаза, первое, на чем они остановились, был Сэмюэл Уэлтер, который сидел на маленьком черном чемодане и, пребывая, повидимому, в глубокой рассеянности, пристально смотрел на величавую фигуру бойкого м-ра Сменгля, тогда как сам м-р Сменбль полуодетый сидел на своей кровати, занимаясь совершенно безнадежной попыткой заставить м-ра Уэлтера опустить глаза. Мы сказали — совершенно безнадежной, ибо Сэм, одним взглядом окинув одновременно шапочку, башмаки, голову, лицо, ноги и бакенбарды м-ра Сменгля, продолжал смотреть на него в упор, явно выражая живейшее удовольствие, но проявляя к чувствам м-ра Сменгля не больше внимания, чем проявил бы он, созерцая деревянную статую или набитое соломой чучело Гая Фокса*.

— Ну, что? Узнаете меня теперь? — нахмурившись спросил м-р Сменбль.

— Под присягой показал бы, — весело ответил Сэм.

— Не говорите дерзостей джентльмену, сэр, — сказал м-р Сменгль.

— Ни под каким видом, — отвечал Сэм. — Если вы мне сообщите, когда он проснется, я буду держать себя самым экстра-наилучшим образом.

Это замечание, включавшее туманный намек на то, что м-р Сменгль не был джентльменом, разожгло его гнев.

— Майвинс! — с раздражением сказал м-р Сменгль.

— К вашим услугам, — откликнулся этот джентльмен со своего ложа.

— Кто этот парень, чорт бы его подрал?

— Ей-богу, — сказал м-р Майвинс, лениво выглядывая из-под одеяла, — я вас должен спросить об этом. По какому-нибудь делу он здесь?

— Нет, — отвечал м-р Сменгль.

— Так спустите его с лестницы и скажите, чтобы не смел подниматься, пока я не приду и не попотчую его, — заявил м-р Майвинс. Быстро дав такой совет, этот превосходный джентльмен погрузился в сон.

Судя по этим недвусмысленным симптомам, разговор грозил перейти „на личности“, и м-р Пиквик счел своевременным вмешаться.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Сэр, — откликнулся сей джентльмен.

— Ничего нового не случилось со вчерашнего дня?

— Особенного ничего, сэр, — отвечал Сэм, взглянув на бакепбарды м-ра Сменгля. — Избыток в тюрьме спертго воздуха помог пропзростанию сорной травы возмутительного и дикого сорта, но за исключением этого все обстоит благополучно.

— Я встану, — сказал мистер Пиквик. — Дайте мне чистое белье.

Какие бы враждебные замыслы ни лелеял м-р Сменгль, он быстро от них отвлекся при распаковке чемодана, содержимое коего, казалось, побудило его немедленно составить наилучшее мнение не только о м-ре Пиквике, но и о Сэме, каковой — об этом м-р Сменгль поспешил заявить достаточно громко, чтобы этот эксцентрический субъект мог слышать, — был са-

мым чистокровным оригиналом и, стало быть, как раз ему по душе. Что же касается м-ра Пиквика, то любовь, которой м-р Сменгль воспылал к нему, не знала границ.

— Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, мой дорогой сэр? — осведомился Сменгль.

— Ничего, насколько мне известно. Очень вам признателен, — отвечал м-р Пиквик.

— Нет ли у вас белья, которое нужно отдать в стирку? Я знаю прекрасную прачку, которая два раза в неделю приходит за моим бельем, и... — ей-богу, какая чертовская удача!.. — как раз сегодня она должна зайти. Не уложить ли мне кое-что из этих вещей вместе с моим бельем? К чему упоминать о беспокойстве? Чорт побери! Если один джентльмен, попавший в беду, не побеспокоится немного, чтобы помочь другому джентльмену, находящемуся в таком же положении, многого ли стоит человеческая природа?

Так говорил м-р Сменгль, бочком пробираясь как можно ближе к чемодану и бросая взгляды, выражающие самую пламенную и бескорыстную дружбу.

— Может быть, вам, любезнейший, нужно выколотить платье? — продолжал Сменгль.

— Не нужно, приятель, — отозвался Сэм, беря ответ на себя. — Если бы кого-нибудь можно было отколотить, не беспокоя слуг, это, пожалуй, было бы приятнее обеим сторонам, как сказал учитель, когда молодой джентльмен возражал против того, чтобы его высек дворецкий.

— И не найдется ничего, что можно было бы отослать в моей корзине в стирку? — спросил Сменгль, с обескураженным видом перевода взгляд с Сэма на м-ра Пиквика.

— Решительно ничего, сэр, — отрезал Сэм. — Боюсь, что ваша корзина и без того набита доверху вашим собственным бельем.

Эта решлика сопровождалась таким выразительным взглядом, устремленным на ту часть туалета м-ра Сменгля, которая обычно свидетельствует об искусстве прачек стирать джентльменское белье. что Сменглю оставалось только повернуться на каблучках и хотя бы на время отказаться от всяких притязаний на кошелек и гардероб м-ра Пиквика. Потому он

мрачно удалился на двор для игры в мяч, где позавтракал легко и с пользой для здоровья парюю сигар, купленных накануне вечером.

М-р Майвинс, который не курил и чей счет за мелкие продукты также спустился до конца доски и „перебрался“ на другую сторону, остался в постели и, по его собственным словам, „решил закусить во сне“.

Позавтракав в маленьком чулане рядом со столовой, который носил громкое название „кабинета“ и временный обитатель коего пользовался, принимая во внимание ничтожную доплату, великим преимуществом подслушивать все разговоры в упомянутой столовой, м-р Пиквик послал м-ра Уэлера с необходимыми поручениями и отправился в комнату дежурного посоветоваться с м-ром Рокером по вопросу о своем будущем помещении.

— Помещение? — сказал этот джентльмен, заглянув в большую книгу. — Сколько угодно, м-р Пиквик. Ваш сожительский билетик будет в двадцать седьмом на третьем.

— О! — отозвался м-р Пиквик. — Как вы сказали, какой мой билетик?

— Ваш сожительский билетик, — отвечал м-р Рокер. — Сообразили?

— Не совсем, — улыбаясь ответил м-р Пиквик.

— Да ведь это ясно, как Сольсберийская равнина, — сказал м-р Рокер. — Вы получите сожительский билет в двадцать седьмой номер на третьем этаже, и живущие в этой комнате будут вашими сожителями.

— А сколько их? — нерешительно осведомился м-р Пиквик.

— Трое, — сообщил м-р Рокер.

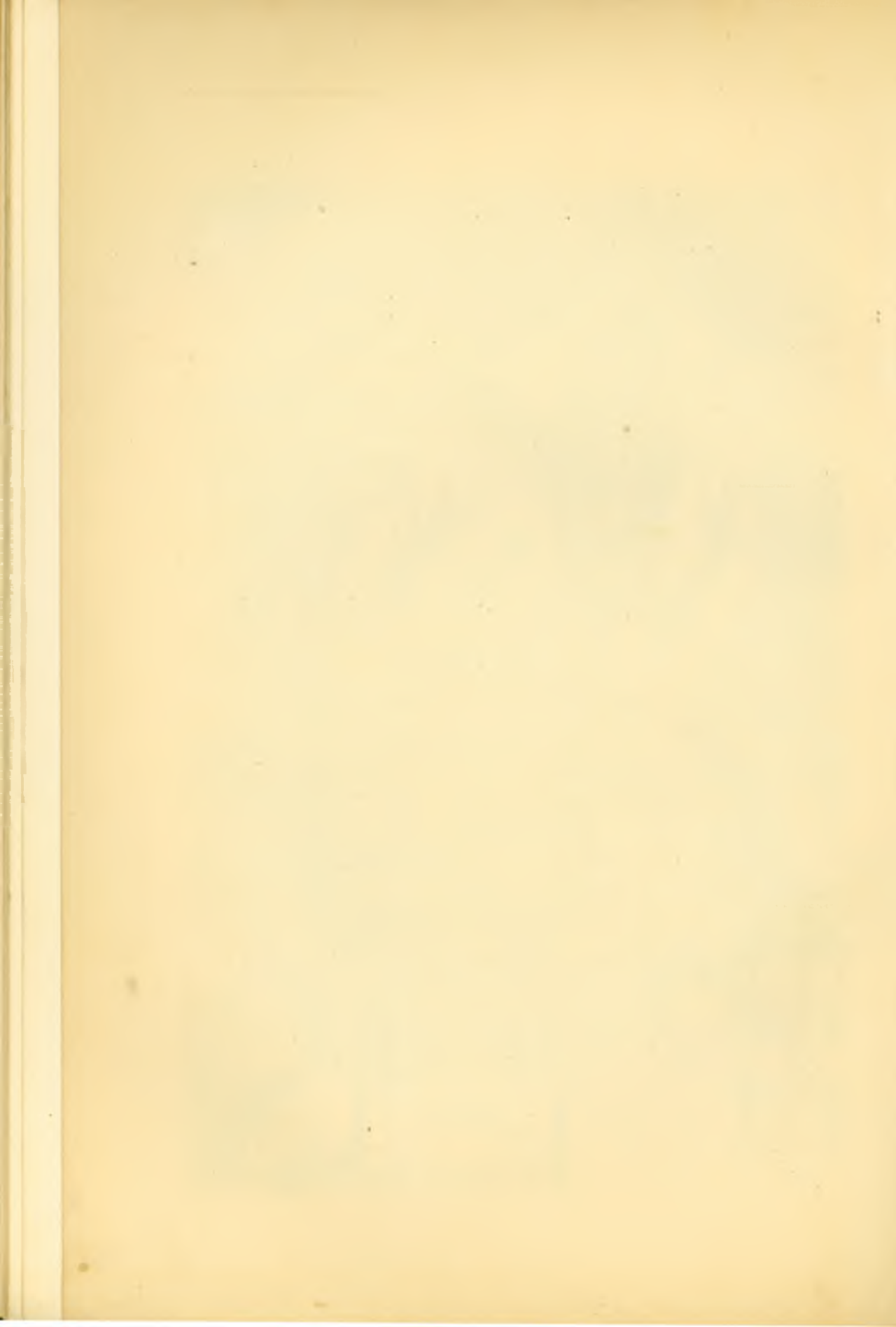
М-р Пиквик кашлянул.

— Один из них священник, — продолжал м-р Рокер, записывая что-то на клочке бумаги, — другой мясник.

— Как? — переспросил м-р Пиквик.

— Мясник, — повторил м-р Рокер, постукивая кончиком пера по конторке, чтобы излечить его от нежелания писать. — Каким он был когда-то молодчиной! Вы помните Тома Мартина, Неди? — добавил Рокер, обращаясь к другому стражу, который

соскабливал грязь со своих башмаков складным ножом о двадцати пяти лезвиях.

— Еще бы я не помнил! — отозвался тот, к кому был обращен вопрос, делая ударение на личном местоимении.

— Да благословит нас бог! — сказал м-р Рокер, медленно покачивая головой и рассеянно глядя прямо перед собой в зарешеченное окно; казалось, будто он любовно припоминал какую-то мирную сцену из ранней молодости. — Кажется мне, не дальше, чем вчера, он огрел грузчика возле пристани, в „Лисе * под холмом“. Я как сейчас его вижу: идет по Стренду между двух сторожей, малость протрезвился от синяков, над правым глазом укушенный пластырь, а этот миленький бульдог, который потом искусал мальчика, бежит за ним по пятам. Занятная штука — время, не так ли, Неди?

Джентльмен, к которому были обращены эти замечания, принадлежал, казалось, к разряду молчаливых и задумчивых, и только повторил вопрос. М-р Рокер, оборвав поэтически-меланхолическую нить размышлений, коим он предавался, вернулся к повседневной жизни и снова взял перо.

— Вам известно, кто этот третий джентльмен? — полюбопытствовал м-р Пиквик, не слишком очарованный описанием своих будущих сожителей.

— Кто такой этот Симпсон, Неди? — спросил м-р Рокер, обращаясь к своему приятелю.

— Какой Симпсон? — сказал Неди.

— Да тот, что в двадцать седьмом номере на третьем, с которым будет жить этот джентльмен.

— Ах, тот, — отозвался Неди. — Он собственно никто. Был лошадиным барышником, теперь шулер.

— Я так и думал! — подхватил м-р Рокер, закрывая книгу и вручая м-ру Пиквику клочок бумаги. — Вот билет, сэр.

Весьма озадаченный таким быстрым разрешением вопроса о своей особе, м-р Пиквик вернулся в тюрьму, размышляя о том, что ему делать. Убедившись, однако, что разумнее было бы не предпринимать дальнейших шагов до встречи и беседы с тремя джентльменами — его предполагаемыми сожителями, — он отправился прямо на третий этаж.

Проблуждав некоторое время в галлерее и пытаясь разобрать при тусклом свете цифры номеров на дверях, он наконец обратился за помощью к слуге, которого застал за его утренним занятием — собиранием оловянной посуды.

— Где номер двадцать седьмой, любезный? — спросил м-р Пиквик.

— Пройдя пять дверей, — ответил слуга. — Там на двери нарисован мелом человек на виселице, с трубкой во рту.

Руководствуясь этим указанием, м-р Пиквик медленно пошел по галлерее, пока не встретился с вышеупомянутым „портретом джентльмена“, по чьей физиономии он постучал согнутым указательным пальцем — сначала осторожно, а потом громко. Повторив эту операцию несколько раз безуспешно, он решился открыть дверь и заглянуть.

В комнате был всего один человек, да и тот высунулся из окна ровно настолько, чтобы не потерять равновесия, и старался с большой настойчивостью плюнуть на шляпу своего друга, стоявшего внизу во дворе. Так как слова, кашель, чиханье, стук и все прочие обычные способы привлечь внимание не подействовали на этого субъекта, не замечавшего гостя, м-р Пиквик после некоторого колебания подошел к окну и тихонько дернул высунувшегося за фалду.

Субъект с большим проворством отпрянул от окна в комнату и, озирая м-ра Пиквика с головы до пят, грубо спросил, какого... Ирода... ему здесь нужно.

— Мне кажется, — сказал м-р Пиквик, взглянув на свой билет, — мне кажется, это номер двадцать седьмой в третьем?

— Ну так что же? — отозвался джентльмен.

— Я пришел сюда, потому что получил этот клочок бумаги, — сообщил м-р Пиквик.

— Покажите, — сказал джентльмен.

М-р Пиквик повиновался.

— Кажется, Рокер мог бы включить вас в другое сожителство, — сказал м-р Симпсон (ибо это был шулер) после паузы, выразившей большое неудовольствие.

М-р Пиквик думал то же самое, но при данных обстоятельствах счел целесообразным промолчать.

М-р Симпсон размышлял несколько секунд, а затем, высушившись из окна, пронзительно свистнул и несколько раз выкрикнул какое-то слово. Что это было за слово, м-р Пиквик не мог разобрать, но он предположил, что это, должно быть, прозвище, отличавшее м-ра Мартина, ибо несколько джентльменов вприпрыжку на дворе немедленно начали кричать: „Мясник!“, имитируя возглас, которым представители этого полезного общественного класса ежедневно возвещают кухаркам о своем прибытии.

Последующие события подтвердили догадку м-ра Пиквика, ибо через несколько секунд джентльмен, слишком полный для своих лет, в профессиональной синей тиковой куртке и сапогах с отворотами и круглыми носками, ввалился, запыхавшись в комнату в сопровождении другого джентльмена, в очень поношенном черном костюме и в тюленьей шапке. У этого последнего джентльмена, сюртук которого был застегнут до самого подбородка булавками и пуговицами попеременно, было грубое красное лицо и общий вид спившегося священнослужителя, каковым он и был в действительности.

Когда оба джентльмена по очереди взглянули на билет м-ра Пиквика, один высказал мнение, что это „плутня“, а другой — убеждение, что это „подвох“. Выразив свою точку зрения в столь вразумительных терминах, они посмотрели на м-ра Пиквика и друг на друга в неловком молчании.

— Это неприятная история, и как раз, когда мы устроили себе такие уютные постели, — сказал капеллан, поглядывая на три грязных матраца, завернутых на день в одеяло и сложенных в углу комнаты в виде своеобразной подставки для старого надбитого газа, кувшина и мыльницы из простого желтого фаянса с синими цветами. — Очень неприятная!

М-р Мартин высказал такое же мнение в более энергичных выражениях; м-р Симпсон, выпустив в воздух ряд дополнительных прилагательных без какого бы то ни было существенного, засучил рукава и начал мыть овощи к обеду.

Во время этих переговоров м-р Пиквик обзревал комнату, омерзительно грязную и нестерпимо затхлую. В ней не было ни малейших признаков ковра, занавесок или штор. Не было даже стенного шкафа. Правда, здесь было немного

вещей, которые можно было бы убрать в шкаф, но как бы ничтожны по количеству и незначительны по размерам ни были все эти остатки хлеба и корки сыра, мокрые полотенца, объедки мяса, рваное платье, изувеченная посуда, раздувательные мехи без сошла, сломанные вилки для поджаривания тостов, — они производят довольно неприятное впечатление, когда разбросаны по полу маленькой комнаты, которая служит общей гостиной и спальней трем бездельникам.

— Я думаю, это можно как-нибудь уладить, — сказал мясник после довольно продолжительного молчания. — Сколько вы возьмете отступного?

— Простите, — отозвался м-р Пиквик. — Что вы сказали? Я не совсем понимаю.

— За сколько можно от вас откупиться? — повторил мясник. — По правилам сожительства — два шиллинга шесть пенсов. Хотите три боба?

— ...и бендер*, — добавил джентльмен духовного звания.

— Ладно, не возражаю, это выйдет еще по два пенса на брата, — сказал м-р Мартин. — Ну, что вы теперь скажете? Мы откупаемся от вас за три шиллинга шесть пенсов в неделю. Согласны?

— И ставим галлон пива, — вмешался м-р Симпсон. — Вот как!

— И разоньем его немедленно, — подхватил капеллан. — Ну?

— Право же, я столь несведущ в здешних правилах, — отвечал м-р Пиквик, — что все еще не понимаю вас. Разве я могу поселиться где-нибудь в другом месте? Я думал, что не могу.

Услышав такой вопрос, м-р Мартин с крайним изумлением посмотрел на обоих своих друзей, а затем каждый из этих джентльменов указал большим пальцем правой руки через левое плечо. Этот жест, неточно передаваемый весьма слабым термином „понимай наоборот“, производит очень приятное впечатление, если его делают леди или джентльмены, которые привыкли действовать дружно: он выражает легкий и игривый сарказм.

— Можете ли вы! — повторил м-р Мартин с сострадательной улыбкой.

— Ну, если бы я так мало знал жизнь, я бы съел свою шляпу и проглотил пряжку, — заметила духовная особа.

— Я тоже, — торжественно добавил спортивный джентльмен.

После такого вступления три приятеля в один голос сообщили м-ру Пиквику, что во Флите деньги играют точно такую же роль, как и за его стенами; что они немедленно доставят ему чуть ли не все, чего бы он ни пожелал; и что если они у него имеются и он готов их истратить, — достаточно ему выразить желание, и он может получить отдельную комнату, меблированную и в полном порядке, через полчаса.

После этого заинтересованные стороны расстались к обоюдному удовольствию; м-р Пиквик снова направил свои стопы в дежурную комнату, а три приятеля отбыли в столовую истратить пять шиллингов, которые духовная особа с поразительным благоразумием и предусмотрительностью позаимствовала для этой цели у м-ра Пиквика.

— Я это знал, — усмехнувшись, заявил м-р Рокер, когда м-р Пиквик изложил цель своего вторичного прихода. — Не говорил я вам этого, Неди?

Философический владелец универсального перочинного ножа промычал утвердительный ответ.

— Я знал, что вам понадобится отдельная комната, — сказал м-р Рокер. — Но позвольте, вам нужна и мебель. Вы можете взять у меня напрокат. Это уж так заведено.

— С большим удовольствием, — отвечал м-р Пиквик.

— В столовом этаже есть чудесная комната, которая принадлежит канцлерскому арестанту, — сказал м-р Рокер. — Она будет стоить вам фунт в неделю. Думаю, вы против этого не возражаете?

— Ни мало, — отвечал м-р Пиквик.

— Пойдемте-ка со мной, — сказал Рокер, с большим проворством берясь за шляпу. — Дело будет сделано в пять минут. Ах, боже мой, почему же вы сразу не сказали, что хотите устроиться со всеми удобствами?

Дело быстро было улажено, как и предсказывал тюремщик. Арестант Канцлерского суда пробыл здесь достаточно долгий

срок, чтобы лишиться друзей, состояния, семьи и счастья и иметь право на отдельную комнату. Но так как он частенько нуждался в куске хлеба, то с восторгом выслушал предложение м-ра Пиквика нанять помещение и с готовностью уступил ему полные и нерушимые права на него за двадцать шиллингов в неделю, из каковой суммы обязался платить за выселение всех и каждого, кто еще мог бы попасть сожителем в эту комнату.

Когда заключался договор, м-р Пиквик с горестным любопытством рассматривал заключенного. Это был высокий, худой, мертвенно бледный человек в старом пальто и туфлях, со впалыми щеками и лихорадочным взглядом. Губы у него были бескровные, а пальцы тонкие и острые. Да поможет ему бог! Железные кляки тюрьмы и нищеты медленно подтачивали его на протяжении двадцати лет.

— Где же вы будете жить теперь, сэр? — спросил м-р Пиквик, кладя на расшатанный стол деньги за первую неделю.

Тот взял деньги дрожащей рукой и ответил, что он еще не знает, ибо он должен пойти и посмотреть, куда можно перенести кровать.

— Боюсь, сэр, — сказал м-р Пиквик, ласково и сочувственно положив руку ему на плечо, — боюсь, что вам придется жить в каком-нибудь шумном, густо населенном помещении. Прошу вас, считайте эту комнату своей собственной, когда вам нужен будет покой или кто-нибудь из ваших друзей придет вас навестить.

— Друзья! — хриплым голосом воскликнул арестант. — Если бы я находился на дне глубочайшего колодца, лежал в завинченном и запаянном гробу, гнил в темной и грязной канаве, которая типется под фундаментом этой тюрьмы, я бы не мог быть более заброшенным и забытым, чем здесь. Я — мертвец! Умер для общества, не увидев того сострадания, какое даруется тем, чьи души предстали перед страшным судьей. Друзья придут навестить меня! Боже мой! Я пришел сюда в расцвете сил и состарился в этой тюрьме, и нет ни одного человека, который бы поднял руку над моим ложем, когда я умру, и сказал: „Слава богу, он успокоился“.

Возбуждение, которое залило непривычным румянцем лицо человека, улеглось, когда он умолк; с тоской сжимая иссохшие руки и волоща ноги, он вышел из комнаты.

— Как его прорвало, — с улыбкой сказал м-р Рокер. — Ах, они — как слоны. Иной раз заденет их за живое, и они приходят в бешенство.

Сделав это глубоко сочувственное замечание, м-р Рокер принялся за работу с такой энергией, что скоро в комнате появились ковер, шесть стульев, стол, софа, служившая кроватью, чайник и разные необходимые вещи, взятые напрокат за весьма умеренную плату — двадцать семь шиллингов шесть пенсов в неделю.

— Ну, что еще можем мы для вас сделать? — осведомился м-р Рокер, с большим удовлетворением озираясь и весело побрякивая зажатыми в руке монетами — платой за первую неделю.

— А вот что, — отвечал м-р Пиквик, который о чем-то сосредоточенно размышлял. — Нет ли здесь человека, которого можно было бы посылать с поручениями?

— Т. е. посылать в город? Вы говорите о тех, кто на свободе? — спросил Рокер.

— Да. Я имею в виду тех, кто мог бы выходить из тюрьмы. Не арестантов.

— Да, найдутся такие, — отвечал Рокер. — Есть один злополучный шут, у него друг сидит на „бедной стороне“, он с радостью на это согласится. Последние два месяца он исполняет разные поручения. Послать его к вам?

— Будьте так добры, — попросил м-р Пиквик. — Пойдите, не надо. Вы говорите — „бедная сторона“? Я бы очень хотел заглянуть туда. Я сам к нему пойду.

„Бедная сторона“ в долговой тюрьме, как показывает название, — место заключения самых жалких и несчастных должников. Заключение, поступающий в отделение для бедняков, не платит ни за отдельную комнату, ни за сожительство. Его взносы при вступлении в тюрьму и при выходе из нее — самые ничтожные, и он получает право на свою долю скудной тюремной пищи; для обеспечения ею заключенных некоторые благотворители оставляли по завещанию незначительные пожертвования. Еще памятно время, когда в стену Флитской тюрь-

А мы была вделана железная клетка, в которой помещался голодного вида человек и, побрякивая время от времени кружкою с деньгами, заушивно восклицал: „Не забывайте нищих должников, не забывайте нищих должников!“ Сбор из этой кружки, — если таковой был, — делился между нищими заключенными, и заключенные „бедной стороны“ исполняли по очереди эту унизительную обязанность.

Хотя этот обычай отменен и клетка убрана, но несчастные люди попрежнему влачат жалкое, нищенское существование. Мы больше не позволяем им взывать у ворот тюрьмы к милосердию и состраданию прохожих, но, дабы заслужить уважение и восхищение грядущих веков, оставляем в нашем своде законов тот справедливый и благотворный закон, согласно которому закоренелого преступника кормят и одевают, а немущему должнику предоставляют умирать от голода и холода. Это — не выдумка. Не проходит недели, чтобы в любой из наших долговых тюрем не погиб кто-нибудь из этих людей, умирающих медленной голодной смертью, если им не придут на помощь их товарищи по тюрьме.

Поднимаясь по узкой лестнице, на нижней площадке которой он расстался с Рокером, м-р Пиквик размышлял об этих предметах и постепенно довел себя до точки кипения; он так сильно был взволнован своими размышлениями на эту тему, что ворвался в указанную ему комнату, почти забыв о месте, где находится, и о цели своего визита.

Общий вид комнаты тотчас же заставил его опомниться, но едва его взгляд упал на фигуру человека, мрачно сидевшего перед запыленным камином, как он уронил шляпу на пол и в изумлении остановился, неподвижный и безмолвный.

Да, в лохмотьях и без куртки, в простой и изодранной желтой коленкоровой рубашке сидел м-р Альфред Джингль; волосы спускались ему на лоб, лицо изменилось от страданий и исказилось от голода; голову он подпирал рукой, его взгляд был устремлен на камин, и весь его вид говорил о нищете и унынии.

Подле него, устало прислонившись к стене, стоял коренастый помещик, похлопывая старым охотничьим хлыстом по

сапогу с отворотом, украшавшему его правую ногу; левая (он одевался в несколько приемов) была засунута в старую туфлю. Лошади, собаки и вино — вот что привело его сюда. На одиноком сапоге торчала заржавленная шпора, которою он изредка рассекал воздух, ловко щелкая при этом хлыстом по сапогу и бормоча слова, какими наездник понукает свою лошадь. В этот момент он воображал, будто участвует в скачках с препятствиями. Бедняга! На самой быстрой лошади из своей прекрасной конюшни он никогда не скакал с такой стремительностью, с какой промчался по дороге, обрывающейся во Флите.

У противоположной стены на маленьком деревянном ящике сидел какой-то старик. Взгляд его был прикован к полу, а на лице застыло выражение глубокого и безнадежного отчаяния. Маленькая девочка — его внучка — суежилась около него, стараясь с помощью сотни детских уловок привлечь его внимание, но старик не видел и не слышал ее. Голос, когда-то звучавший для него, как музыка, и глаза, заменявшие ему свет, не пробуждали его сознания. Руки и ноги у него тряслись от болезни, и паралич сковал его душу.

В комнате находились еще двое или трое собравшихся в кружок и громко разговаривавших. Была здесь также женщина, худая и изможденная, — жена заключенного. Она очень заботливо поливала жалкое, засохшее, увядшее растение, которое — это было сразу видно — никогда не даст зеленых побегов: пожалуй, слишком правдивый символ тех обязанностей, какие женщина выполняла здесь.

Таковы были люди, представившиеся взорам м-ра Пиквика, когда он с изумлением осматривал комнату. Шаги человека, поспешно вошедшего в комнату, заставили его очнуться. Повернувшись к двери, он встретился глазами с вновь прибывшим; и в нем, несмотря на его лохмотья, грязь и нищету, он узнал знакомые черты м-ра Джоба Тротера.

✓ — М-р Пиквик! — громко воскликнул Джоб.

— Как? — сказал Джингль, вскочив со стула. — М-р!.. Совершенно верно — — диковинное место — — странная история — — поделом мне — — весьма. — М-р Джингль засунул руки

в прорехи, где когда-то были карманы его брюк, и, свесив голову на грудь, снова опустился на стул.

М-р Пиквик был растроган: эти двое казались такими несчастными. Зоркий взгляд, невольно брошенный Джинглем на кусочек сырой баранины, который принес Джоб, красноречивее пояснил их бедственное положение, чем могли бы это сделать двухчасовые разговоры. М-р Пиквик кротко посмотрел на Джингля и сказал:

— Мне бы хотелось поговорить с вами наедине. Не выйдете ли вы на минутку?

— Разумеется, — отвечал Джингль, поспешно вставая. — Далеко не могу пойти — здесь не переутомишься от ходьбы — вокруг парка колючая изгородь — местоположение красивое — романтическое, но не обширное — открыто для публики — семья всегда в городе — экономка отчаянно заботливая — весьма.

— Вы забыли надеть куртку, — сказал м-р Пиквик, когда они вышли на площадку лестницы и закрыли за собою дверь.

— Как? — отозвался Джингль. — В закладе — у дорогого родственника — дяди Тома — ничего не поделаешь — должен, знаете ли, питаться — потребность организма — и так далее.

— Что вы хотите этим сказать?

— Пропала, мой дорогой сэр, — последняя куртка — ничего не мог поделать. Питался парой башмаков — целых две недели. Шелковый зонт — ручка из слоновой кости — неделя — факг — честное слово — спросите — Джоба — он свидетель.

— Питались в течение трех недель парой башмаков и шелковым зонтом с ручкой из слоновой кости! — воскликнул м-р Пиквик, который только слышал о том, что бывают такие случаи при кораблекрушениях, или читал о них в „Miscellanea“ Ковстебля.

— Верно, — кивнув, сказал Джингль. — Все заложено — квитанция здесь — ничтожная сумма — сущие пустяки — все мерзавцы.

— О! — сказал м-р Пиквик, успокоенный таким объяснением. — Я вас понимаю. Вы заложили свой гардероб.

— Все — свое и Джоба — до последней рубашки — неважно — экономия на стирке — скоро ничего не останется — лечь в постель — голодать — умереть — следствие для бедных — арестант — обычная вещь — замять дело — джентльмены присяжные — тюремные поставщики — все — улажено — естественная смерть — заключение коронера — похороны за счет работного дома — поделом ему — все кончено — опускайте занавес.

Джингль подвел этот странный итог своих видов на будущее со свойственной ему стремительностью и всевозможными гримасами, имитирующими улыбку. М-р Пиквик сразу понял, что его беспечность была напускной, и, ласково посмотрев ему в лицо, заметил у него на глазах слезы.

— Добрый человек, — сказал Джингль, пожимая ему руку и отворачиваясь. — Неблагодарный пес — ребячество плакать — ничего не могу поделать — скверная лихорадка — слаб — болен — голоден. Все заслужил — но страдал много —

весьма.

Не в силах дальше притворяться и, быть может, ослабев от этой понытки, удрученный бродячий актер сел на ступеньку лестницы и, закрыв лицо руками, разрыдался, как ребенок.

— Перестаньте! Перестаньте! — сказал м-р Пиквик, заметно растроганный. — Мы подумаем, что можно сделать, когда я узнаю, в чем дело. Джоб! Где он?

— Здесь, сэр, — отвечал Джоб, появляясь на лестнице.

Описывая выше его наружность, мы, между прочим, упомянули, что даже в лучшие времена у него были глубоко западавшие глаза. В его теперешнем состоянии нужды и страдания у него был вид, как будто эти части его лица выбыли вовсе.

— Здесь, сэр! — крикнул Джоб.

— Пожалуйте сюда, сэр, — сказал м-р Пиквик, стараясь принять суровый вид, в то время как четыре крупных слезы скатились на его жилет. — Получите, сэр.

Получить что? В обычном значении такого оборота речи это означало бы нанесение удара. Но всем правилам следовало

ждать здоровой, звонкой пощечины, ибо м-р Пиквик был одурчен, обманут и оскорблен этим жалким отщепенцем, который находился теперь всецело в его власти. Нужно ли сказать правду? Это было нечто, извлеченное из жилетного кармана м-ра Пиквика и звякнувшее, когда оно перешло в руку Джобу, и это давание почему-то зажгло свет в глазах и наполнило радостью сердце нашего превосходного старого друга, когда он поспешно удалялся. ✓

Вернувшись в свою комнату, м-р Пиквик застал там Сэма, обозревавшего все сделанное для удобства его хозяина с мрачным удовлетворением, которое очень забавно было наблюдать. Решительно возражая против того, чтобы хозяин оставался здесь, м-р Уэлтер, казалось, считал высоким моральным долгом не обнаруживать слишком большого удовольствия по поводу того, что делалось, говорилось, предлагалось или предполагалось.

— Итак, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Итак, сэр, — отвечал м-р Уэлтер.

— Довольно комфортабельно теперь, Сэм?

— Довольно хорошо, сэр, — отзывался Сэм, презрительно осматриваясь вокруг.

— Видели вы м-ра Тапмена и остальных наших друзей?

— Да, я их видел, сэр, и они придут завтра. Они очень удивились, узнав, что сегодня им нельзя прийти, — ответил Сэм.

— Вы принесли вещи, которые мне нужны?

М-р Уэлтер вместо ответа указал на различные свертки, которые уложил как можно аккуратнее в углу комнаты.

— Прекрасно, Сэм, — сказал м-р Пиквик после минутного колебания. — Выслушайте то, что я хочу вам сказать, Сэм.

— Слушаю, сэр, — отвечал м-р Уэлтер. — Выкладывайте, сэр.

— С самого начала я чувствовал, Сэм, — очень торжественно заговорил м-р Пиквик, — что здесь не подходящее место для молодого человека.

— Да и для старого, сэр, — заметил м-р Уэлтер.

— Вы совершенно правы, Сэм, — согласился м-р Пиквик. — Но старики могут попасть сюда вследствие своей собственной неосторожности и доверчивости, а молодых может при-

вести сюда эгоизм тех, кому они служат. Для молодых людей во всех отношениях лучше не оставаться здесь. Вы меня понимаете, Сэм?

— Нет, сэр, не понимаю, — упрямо ответил м-р Уэлер.

— Постарайтесь понять, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Хорошо, сэр, — помолчав, начал Сэм, — кажется, я вижу, куда вы клоните; а если я вижу, куда вы клоните, то, по моему мнению, вы слишком перекручиваете, как сказал кучер почтовой кареты, когда его настигла метель.

— Вижу, что вы меня поняли, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Помимо моего нежелания, чтобы вы слонялись без дела в таком месте в течение, может быть, нескольких лет, я считаю чудовищной нелепостью со стороны должника, сидящего во Флите, держать при себе слугу, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — На время вы должны расстаться со мной.

— На время, сэр, вот как? — саркастически заметил м-р Уэлер.

— Да, на время, пока я останусь здесь, — отвечал м-р Пиквик. — Жалованье вы будете получать попрежнему. Любой из моих трех друзей с радостью возьмет вас к себе, хотя бы только из уважения ко мне. А если я когда-нибудь выйду отсюда, Сэм, — добавил м-р Пиквик с притворной веселостью, — если это случится, даю вам слово, что вы немедленно вернетесь ко мне.

— Ну, а теперь я вам кое-что скажу, сэр, — произнес м-р Уэлер невозмутимым и торжественным тоном. — Это-вот дело такого сорта, что оно не пройдет совсем, а стало быть, нечего и говорить о нем.

— Я говорю серьезно, я принял решение, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Вы приняли, сэр? — твердо переспросил м-р Уэлер. — Очень хорошо, сэр. Я тоже принял.

С этими словами м-р Уэлер очень старательно надел шляпу и быстро вышел из комнаты.

— Сэм! — крикнул вслед м-р Пиквик. — Сэм! Вернитесь!

Но в длинной галлерее уже не отдавалось эхо его шагов. Сэм Уэлер ушел.

ГЛАВА XLIII

*повествующая о том, как м-р Сэмюел Уэлер попал
в затруднительное положение*

В высокой комнате, плохо освещенной и еще хуже проветриваемой, расположенной на Портюгел-стрит *, Липкенс-Инп-Фильдс, заседают почти круглый год один, два, три или — в зависимости от обстоятельств — четыре джентльмена в париках, за маленькими конторками, сооруженными наподобие тех, какими пользуются во всех английских судах, но только не покрытыми французской полировкой. Справа от них находятся скамьи беристеров, слева — оттороженное место для несостоятельных должников, а прямо перед ними, по наклонной плоскости — чрезвычайно грязные физиономии. Названные джентльмены — уполномоченные Суда * по делам о несостоятельности, а место, где они заседают, и есть Суд по делам о несостоятельности.

Замечательна судьба этого суда, который в настоящее время с незапамятных времен считается и признан с общего согласия всех обездоленных элегантных оборванцев Лондона их приютом и ежедневным пристанищем. Он всегда переполнен. Пивные и спиртные испарения постоянно поднимаются к потолку и, сгущаясь от жары, стекают струями по стенам;

старого платья увидишь здесь за один раз больше, чем выставляется на продажу на всем Хаундс-диче * в течение года, и больше немых лиц и седеющих бород, чем могут привести в порядок все насосы и дыряльники между Тайберном и Уайтченгем от восхода до заката солнца.

Не следует предполагать, что здесь у кого-нибудь из этих людей есть хотя бы тень какого-то дела или отдаленнейшее отношение к месту, которое он столь неутомимо посещает. Будь это так, нечему было бы удивляться, и исключительность этого обстоятельства сразу померкла бы. Одни из них спят почти все время, пока длится заседание, другие приносят маленький портативный обед, завернутый в носовой платок или торчащий из потертого кармана, и жуют и слушают с одинаковым удовольствием, но никогда не бывало среди них ни одного, кто был бы лично заинтересован в каком-либо деле, которое когда-либо здесь разбираюсь. Однако, чем бы они ни занимались, здесь они сидят с первой минуты и до последней. В дождливую погоду они приходят промокшие часком, и в такие дни испарения в зале суда напоминают испарения сырого погреба.

Случайный посетитель может предположить, что это место служит храмом, посвященным Духу Нищеты. Здесь нет ни одного служителя и ни одного курьера, который бы носил одежду, сшитую по мерке; ни одного более или менее свежего или здорового на вид человека во всем учреждении, если не считать маленького седовласого полицейского с лицом, как яблоко, — да и тот, подобно злополучной вишне, законсервированной в спирту, кажется высушенным благодаря искусственному процессу, который не имеет никакого отношения к его природе. Даже парики беристеров плохо напудрены, и букли недостаточно курчавы.

Но наиболее любопытный предмет для наблюдений — атерни, которые сидят за большим, ничем не покрытым столом ниже места для уполномоченных. Профессиональное хозяйство самого богатого из этих джентльменов ограничивается синим мешком и мальчиком — обычно юношей иудейского вероисповедания.

У них нет постоянных контор, свои юридические сделки они совершают или в трактирном зале или в тюремных дворах, куда отправляются толпой и отбивают друг у друга клиентов на манер омнибусных * кондукторов. Вид у них засаленный и заплесневелый, а если можно заподозреть их в каких-нибудь пороках, то, пожалуй, пьянство и мошенничество занимают самое видное место. Обычно они проживают по периферии „тюремных * линий“, не дальше мили от обелиска в Сент-Джорджис-Филдс *. Их внешность непривлекательна, их манеры своеобразны.

М-р Соломон Пэль, один из представителей этой ученой корпорации, был толстый, дряблый, бледный человек в сюртуке, который казался то зеленым, то коричневым, с бархатным воротником той же меняющейся окраски. Лоб у него был узкий, лицо широкое, голова большая, а нос сворочен на сторону, словно Природа, возмущенная наклонностями, подмеченными ею в момент его рождения, дала ему сердитый щелчок, от которого нос так и не оправился. Однако, наделенный короткой шеей и астмой, м-р Пэль пользовался для дыхания преимущественно этим органом, который, быть может, возмещал приносимой им пользой то, чего не хватало ему как украшению.

— Я уверен, что помогу ему выпутаться, — сказал м-р Пэль.

— В самом деле? — отозвался человек, которому было дано такое заверение.

— Совершенно уверен, — отвечал м-р Пэль, — но заметьте, если бы он обратился к какому-нибудь ненастоящему юристу, я бы не поручился за последствия.

— Что вы! Ну-у! — разинув рот, сказал собеседник.

— Да, не поручился бы, — сказал м-р Пэль, сжал губы, нахмурился и таинственно покачал головой.

Место, где шла эта беседа, был трактир, как раз против Суда по делам о несостоятельности, а человек, с которым ее вели, — не кто иной, как старший Уэлер, явившийся сюда, дабы утешить и поддержать друга, чье прошение о признании его несостоятельным должно было сегодня слушаться и с чьим атерии он в данный момент совещался.

— А где Джордж? — осведомился старый джентльмен.

М-р Пэль мотнул головой в сторону задней комнаты, где м-р Уэлер, немедленно отправившийся туда, был тотчас же встречен самыми горячими и лестными приветствиями полудюжины своих профессиональных собратьев, выражавших удовольствие по поводу его прибытия. Несостоятельный джентльмен, заразившийся спекулятивной, но неосторожной страстью поставлять лошадей на большие перегоны, доведшей его до беды, имел цветущий вид и успокаивал чувства криветками и портером.

Обмен приветствиями между м-ром Уэлером и его друзьями строго отвечал масонским правилам ремесла, предписывавшим выворачивать кисть правой руки и в то же время подергивать мизинцем. Мы знали некогда двух знаменитых кучеров (бедняги, их уже нет в живых!), которые были близнецами и питали друг к другу искреннюю и преданную любовь. Ежедневно на протяжении двадцати четырех лет они встречались на Доверской дороге, обмениваясь одним только этим приветствием; и вот, когда один из них умер, другой начал чахнуть и вскоре последовал за первым.

— Ну, Джордж, — сказал м-р Уэлер старший, снимая пальто и усаживаясь с присущей ему важностью, — как дела? Все в порядке на крыше и полно внутри?

— Все в порядке, старина, — отвечал джентльмен, попавший в затруднительное положение.

— Передана ли кому-нибудь серая кобыла? — заботливо осведомился м-р Уэлер.

Джордж кивнул утвердительно.

— Ну вот и прекрасно, — сказал м-р Уэлер. — О карете тоже позаботились?

— Препровождена в надежное место, — отвечал Джордж, свертывая головы полудюжине криветок и проглатывая их без дальнейших церемоний.

— Очень хорошо! — сказал м-р Уэлер. — Надо всегда смотреть за тормозом, когда едешь под гору. Дорожный список выправлен по всем правилам?

— Опиш, сэр, — отвечал Пэль, угадывая мысль м-ра Уэлера, — опиш такова, что лучше и не сделаешь пером и чернилами.

М-р Уэлер кивнул, выражая свое одобрение по поводу принятых мер, а затем, повернувшись к м-ру Пэлю, спросил, указывая на своего друга Джорджа:

— И скоро вы снимете с него хомут?

— Он стоит третьим в списке, — отвечал м-р Пэль. — и я бы сказал, что до него очередь дойдет через полчаса. Я распорядился, чтобы мой клерк пришел и предупредил нас во-время.

М-р Уэлер с большим восхищением осмотрел атерни с головы до ног и выразительно сказал:

— А что вы будете пить, сэр?

— Право же, — отозвался м-р Пэль, — вы очень... Клянусь честью, я не имею обыкновения... Сейчас так рано, что в сущности я почти... Пожалуй, принесите мне на три пенсара, моя милая.

Прислуживающая девица, которая угадала требование раньше, чем оно было высказано, поставила перед Пэлем стакан, рому и удалилась.

— Джентльмены, — сказал м-р Пэль, окидывая взглядом присутствующих, — за успех вашего друга! Я не люблю хвастаться, джентльмены, у меня нет этой привычки, но я не могу не сказать, что если бы вашему другу не посчастливилось попасть в руки, которые... но я не скажу того, что собирался сказать. За ваше здоровье!

Мгновенно осушив стакан, м-р Пэль причмокнул и самодовольно обвел глазами собравшихся кучеров, которые, очевидно, относились к нему, как к некоему божеству.

— Позвольте-ка, — сказал юридический авторитет, — о чем я говорил, джентльмены?

— Кажется, вы заметили, что не стали бы возражать против второго стакана, сэр, — сказал м-р Уэлер с шутливой серьезностью.

— Ха-ха! — засмеялся м-р Пэль. — Недурно, недурно. Ведь вы тоже профессиональный человек! В такой ранний час это было бы, пожалуй, слишком... Право, не знаю, моя милая... ну, да уж повторите, будьте так добры. Хм!

Этот последний звук был важным и внушительным покашливанием, каковое м-р Пэль считал должным себе позволить,

заметив неподобающую склонность к смеху у некоторых своих слушателей.

— Покойный лорд-канцлер, джентльмены, очень меня любил, — сообщил м-р Пэль.

— И это делает ему честь, — вставил м-р Уэлер.

— Слушайте, слушайте! — подхватил клиент м-ра Пэля. — А почему бы ему вас не любить?

— В самом деле, почему? — повторил очень красноречивый человек, который до сей поры не проронил ни слова и, казалось, вряд ли мог еще что-нибудь сказать. — Почему бы нет?

Шопот, выражающий одобрение, пробежал по собранию.

— Помню, джентльмены, — начал м-р Пэль, — обедал я однажды вместе с ним — нас было только двое, но все так шикарно, как будто ждали двадцать человек к обеду: государственная печать на столике справа от него, и человек в парике с кошельком и в латах охраняет жезл, сабля наголо и шелковые чулки... Так всегда делается, джентльмены, и днем и ночью... как вдруг он мне говорит: „Пэль, — говорит, — без ложной скромности, Пэль. Вы — человек талантливый. Вы любого можете протащить через Суд по делам о несостоятельности, Пэль, и наша страна должна гордиться вами“. — Таковы были его подлинные слова. — „Милорд, — сказал я, — вы мне льстите“. — „Пэль, — сказал он, — будь я проклят, если вам льщу“.

— Он так и сказал? — осведомился м-р Уэлер.

— Сказал, — отвечал Пэль.

— Ну, если так, — заявил м-р Уэлер, — то парламент должен был бы приструнить его за это, и будь он бедняком, они бы приструнили.

— Но, дорогой мой друг, — возразил м-р Пэль, — это было сказано конфиденциально.

— Как? — переспросил м-р Уэлер.

— Конфиденциально.

— Ну, тогда... — подумав, сказал м-р Уэлер, — если он выругал самого себя конфиденциально, то, конечно, это совсем другое дело.

— Конечно, — подтвердил м-р Цэль. — Разница, как вы замечаете, бросается в глаза.

— Меняет все дело, — согласился м-р Уэлер. — Продолжайте, сэр.

— Нет, я не буду продолжать, сэр, — сказал м-р Цэль тихо и серьезно. — Вы мне напомнили, сэр, что это был частный разговор — частный и конфиденциальный, джентльмены. Джентльмены, я юрист... Быть может, как юрист я пользуюсь большим уважением; быть может, не пользуюсь. Очень многим это известно. Я же не скажу ничего. Здесь, в этой комнате, уже были сделаны замечания, порочащие репутацию моего благородного друга. Вы должны простить меня, джентльмены, — я был неосторожен. Я чувствую, что никакого права не имею упоминать об этом случае без его согласия. Благодарю вас, сэр. — Произнося такую речь, м-р Цэль засунул руки в карманы, нахмурился, мрачно озираясь, и с решимостью звякнул тремя пенсами.

Едва было выражено это добродетельное решение, как в комнату неистово ворвались мальчик с синим мешком — два неразлучных товарища — и доложили (собственно говоря, доложил мальчик, ибо синий мешок не принимал никакого участия в докладе), что дело сейчас будет разбираться. Как только было выслушано это сообщение, вся компания перебежала улицу и начала прокладывать себе дорогу в суд: подготовительная церемония, которая, по расчетам, должна была занять в обычных условиях от двадцати пяти до тридцати минут.

М-р Уэлер, человек массивный, бросился сразу в толпу, в отчаянной надежде пробиться в каком-нибудь подходящем месте. Успех не вполне оправдал его ожидания, ибо шляпа, которую он забыл снять, была нахлобучена ему на глаза каким-то субъектом, на чью ногу он наступил довольно тяжело. Повидимому, этот индивид немедленно раскаялся в своей горячности, ибо, пробормотав какие-то невнятные слова, выражающие изумление, он увлек старика в вестибюль и после энергической борьбы высвободил ему из-под шляпы голову и лицо.

— Сэмивел! — воскликнул м-р Уэлер, когда получил возможность лицезреть своего спасителя.

Сэм кивнул головой.

— Вы — почтительный и любящий сынок, что и говорить, — заметил м-р Уэлер. — Нахлобучиваете шапку старику-отцу!

— Как я мог знать, что это вы? — возразил сын. — Или вы думаете, что я должен был угадать, кто вы такой, по тяжести вашей ноги?

— Пожалуй, это верно, Сэм, — отвечал м-р Уэлер, тотчас же смягчившись. — Но что вы тут делаете? Ваш хозяин ничего тут не добьется, Сэм. Они не вынесут такого вердикта, ни за что не вынесут, Сэм.

И м-р Уэлер с торжественной миной законоведа покачал головой.

— Ну и приятный старик! — воскликнул Сэм. — Вечно толкует о вердиктах и алиби и всякой всячине. Кто вам говорил о вердикте?

М-р Уэлер ни слова не ответил, но еще раз покачал головой с весьма ученым видом.

— Бросьте вы трясти этой-вот башкой, если не хотите, чтобы пружины лопнули, — нетерпеливо сказал Сэм, — и ведите себя благоразумно. Вчера вечером я таскался к „Маркизу Гренби“, разыскивая вас.

— А маркизу Гренби выдали, Сэм? — со вздохом осведомился м-р Уэлер.

— Да, видел, — отвечал Сэм.

— Как выглядит милое создание?

— Подозрительно, — сказал Сэм. — Мне кажется, она по-маленьку себя разрушает, злоупотребляя этим-вот ананасным ромом и другими сильно действующими лекарствами такого же порядка.

— Вы это всерьез говорите, Сэм? — глубокомысленно осведомился старший.

— О, да, всерьез, — отвечал младший.

М-р Уэлер схватил сына за руку, пожал ее и выпустил. При этом физиономия его выражала не уныние или опасение, а

скорее сладкую и тихую надежду. Луч примиренности и даже довольства осветил его лицо, когда он медленно проговорил:

— Я не совсем уверен, Сэми, я не говорю, что окончательно убедился — ну, как придется разочароваться? — но мне кажется, мой мальчик, мне кажется, что у пастыря печень не в порядке.

— Разве у него скверный вид? — полюбопытствовал Сэм.

— Он наредкость бледен, — отвечал отец, — вот только нос стал краснее. Appetit у него неважный, а сосет поразительно.

Казалось, воспоминание о роме вторглось в голову м-ра Уэлера, когда он произнес эти слова, ибо он стал мрачен и задумчив, но очень быстро оправился, о чем свидетельствовала целая азбука подмигиваний, коими он имел обыкновение улаживать себя, когда бывал особенно доволен.

— Ну, а теперь поговорим о моем деле, — начал Сэм. — Наострите уши и ни слова не говорите до тех пор, пока я не кончу.

После такого краткого предисловия Сэм передал, по возможности сжато, последний значительный разговор с м-ром Пиквиком.

— Остался там один, бедняга! — воскликнул старший м-р Уэлер. — И никто за него не заступится, Сэмивел! Этак не годится.

— Конечно, не годится, — согласился Сэм. — Я это знал раньше, чем пришел сюда.

— Да ведь они его живьем съедят, Сэми! — возопил м-р Уэлер.

Сэм кивнул, разделяя эту точку зрения.

— Он вошел туда совсем сырой, Сэми, — сказал м-р Уэлер, выражаясь метафорически, — а выйдет оттуда таким поджаренным, что самые близкие друзья его не узнают. Жареный голубь — ничто по сравнению с этим, Сэми.

Сэм Уэлер еще раз кивнул.

— Этого не должно быть, Сэмивел, — торжественно сказал м-р Уэлер.

— Этого не будет, — сказал Сэм.

— Разумеется, — подтвердил м-р Уэлер.

— Ну, ладно, — сказал Сэм, — напроорочествовали вы очень хорошо, совсем как красноносый Никсон* в шестипенсовых книжках с его портретом.

— А кто он был, Сэми? — полюбопытствовал м-р Уэлер.

— Не все ли вам равно? — отрезал Сэм. — Хватит с вас того, что он не был кучером.

— Я знал одного конюха с такой фамилией, — задумчиво сказал м-р Уэлер.

— Не тот, — возразил Сэм. — Мой джентльмен был пророк.

— Какой пророк? — осведомился м-р Уэлер, строго взглянув на сына.

— Человек, который предсказывает, что случится, — объяснил Сэм.

— Хотел бы я познакомиться с ним, Сэми, — сказал м-р Уэлер. — Может быть, он бросил бы луч света на эту-вот болезнь, о которой мы только что говорили. Ну, как бы там ни было, а если он умер и никому не передал своей лавочки, стало быть, и говорить не о чем. Продолжайте, Сэми, — со вздохом добавил м-р Уэлер.

— Так вот, — сказал Сэм, — вы тут пророчествовали, что случится с хозяином, если он там останется. Не придумаете ли вы какого-нибудь способа о нем позаботиться?

— Нет, не придумая, Сэми, — с глубокомысленным видом ответил м-р Уэлер.

— Так-таки ни единого способа? — осведомился Сэм.

— Ни единого, — отвечал м-р Уэлер, — вот разве... — И луч прозрения осветил его физиономию, когда он понизил голос до шепота и приложил губы к уху сына. — Вот разве вынести его в складной кровати потихоньку от тюремщиков, Сэми, или нарядить старухой под зеленой вуалью.

Сэм Уэлер принял оба предложения с неожиданным презрением и снова задал свой вопрос.

— Нет, — сказал старый джентльмен, — если он не хочет, чтобы вы там остались, я никакого выхода не вижу. Нет проезда, Сэми, нет проезда.

— Ну, так я вам скажу, как проехать, — объявил Сэм. — Я вас попрошу ссудить мне двадцать пять фунтов.

— А какой от этого будет прок? — полюбопытствовал м-р Уэлер.

— Что будет, то будет, — отозвался Сэм. — Может быть, вы их потребуете обратно через пять минут, может быть, я скажу, что не хочу отдавать, и выругаюсь. Не придет ли вам в голову арестовать родного сына из-за этих денег и отправить его во Флит? Что вы скажете, бессердечный бродяга?

После ответа Сэма отец и сын обменялись полным кодексом телеграфических кивков и жестов, а затем старший м-р Уэлер сел на каменную ступеньку и принялся хохотать так, что побагровел.

— Что за старая образина! — воскликнул Сэм, возмущенный такой потерей времени. — Ну, ради чего вы сидите здесь и превращаете свою физиономию в дверной молоток, когда столько дела? Где у вас деньги?

— Под козлами, Сэми, под козлами, — отвечал м-р Уэлер, расправляя черты лица. — Подержите мою шляпу, Сэми.

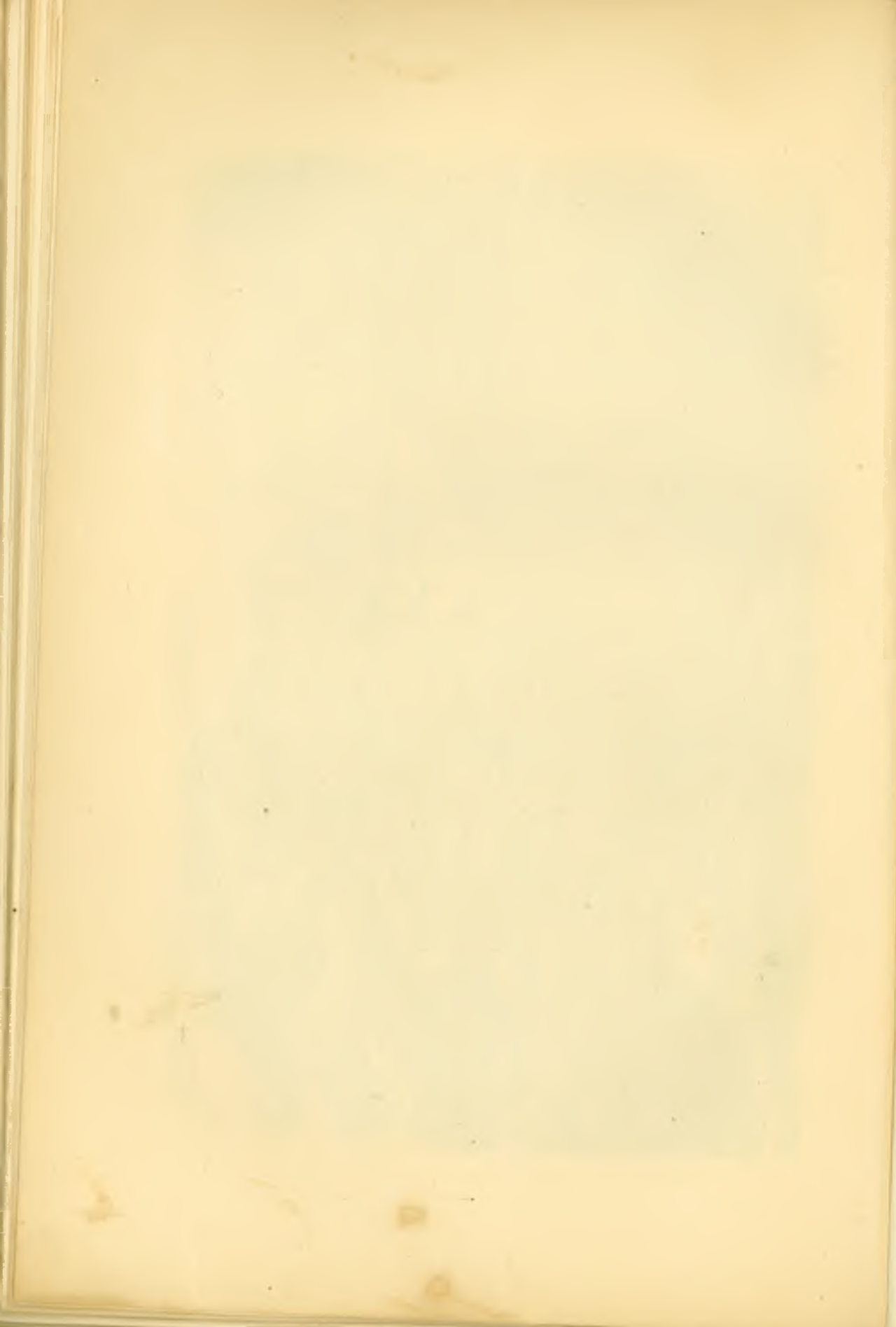
Освободившись от этого бремени, м-р Уэлер резко повернул туловище на одну сторону и, ловко изогнувшись, ухитрился запустить правую руку в чрезвычайно поместительный карман, откуда после долгих усилий и пыхтения извлек бумажник *in octavo*, скрепленный широкой кожаной тесьмой. Из этого хранилища он вытащил пару ремешков для кнута, три-четыре пряжки, мешочек с образчиками овса и наконец небольшую пачку очень грязных банковых билетов, из которой отсчитал требуемую сумму и вручил ее Сэму.

— А теперь, Сэми, — сказал старый джентльмен, когда ремешки, пряжки и образчики снова были спрятаны и бумажник опущен в недра того же кармана, — а теперь, Сэми, я тут знаю одного джентльмена, который сделает для нас это дело в одну секунду, — блюститель закона, Сэми, а мозги у него, как у лягушек, разбросаны по всему телу до самых кончиков пальцев; друг лорда-канцлера, Сэмивел, так что стоит ему только сказать, чего он хочет, и тот посадит вас под замок на всю жизнь.

— Ну, нет, — сказал Сэм, — этого ничего не нужно.

— Чего не нужно? — осведомился м-р Уэлер.

— Никаких таких неконституционных средств, — отрезал Сэм. — После перпетум мобиле хабис корпус — самая расчуденная выдумка. Я частенько читал об этом-вот в газетах.

— Да какое же она имеет отношение к делу? — спросил м-р Уэлер.

— А такое, — сказал Сэм, — что я буду покровительствовать этому изобретению и соответственно поступать. Ничего не шептать лорду-канцлеру, мне это не нравится! А вдруг это повредит делу, когда нужно будет выйти из тюрьмы!

Уступив по этому пункту желаниям своего сына, м-р Уэлер тотчас же отыскал высокоученого Соломона Пэля и сообщил ему о своем намерении немедленно получить приказ о взыскании двадцати пяти фунтов и судебных издержек с тем, чтобы приказ был приведен в исполнение по отношению к физической личности * некоего Сэмюэла Уэлера. Связанные с этим расходы выплачиваются Соломону Пэлю авансом.

Атерни был в прекраснейшем расположении духа, ибо попавший в беду поставщик лошадей был освобожден от ответственности по приговору суда. Он весьма одобрил привязанность Сэма к своему хозяину и заявил, что она очень напоминает ему его собственное чувство преданности к его другу канцлеру, и немедленно повел старшего м-ра Уэлера в Темпл подписать афидавит о долге, что мальчик с помощью синего мешка оформил тут же на месте.

Тем временем Сэм, будучи официально представлен обещанному джентльмену и его друзьям как отпрыск м-ра Уэлера из „Прекрасной Дикарки“, был встречен с подчеркнутым уважением и приглашен участвовать в пирушке в честь события, каковое приглашение он не замедлил принять.

Увеселения джентльменов этой профессии обычно носят торжественный и мирный характер, но в данном случае празднество было из ряда вон выходящее, и они соответственно этому дали себе волю. После довольно бурных тостов в честь Главного уполномоченного и м-ра Соломона Пэля, который проявил в тот день такие несравненные способности, джентльмен с пятнистым лицом, в синем шарфе, предложил кому-

нибудь спеть. Сам собою напрашивался вывод, что пятнистый джентльмен, жаждавший пенья, должен сам спеть, но пятнистый джентльмен упрямо и слегка обиженно уклонился; после этого, как бывает нередко в подобных случаях, началась довольно сердитая перебранка:

— Джентльмены, — сказал поставщик лошадей, — чтобы не нарушать гармонии этого чудесного празднества, быть может, м-р Сэмюел Уэлер согласится усладить общество?

— Право же, джентльмены, — отвечал Сэм, — у меня нет привычки петь без инструмента, но — все за спокойную жизнь, как сказал человек, заняв место зрителя на маяке.

После такой прелюдии м-р Сэмюел Уэлер сразу запел следующее бурное и прекрасное героическое сказание, каковое мы позволяем себе привести, предполагая, что оно не всем известно. Мы попросили бы обратить особое внимание на междометия в конце вторых и четвертых строк, которые не только дают возможность певцу перевести дух в этом месте, но и чрезвычайно благоприятствуют размеру.

РОМАНС

I

Наш Терпин* вскачь по Хаунсло-хит*
Погнал кобылу Бесс — эх!
Вдруг видит он — епископ мчит
Ему наперерез — эх!
Он догоняет лошадей,
В карету он глядит.
„Ведь это Терпин ей-же-ей!“ —
Епископ говорит.

Хор

„Ведь это Терпин ей-же-ей!“ —
Епископ говорит.

II

А Терпин: „Свой лихой привет
Ты с соусом глотай — ай!“
И прямо в глотку pistolет,
И отправляет в рай — ай!

А кучер был не очень рад,
Погнал, что было сил.
Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

Х о р (саркастически)

Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

— Я утверждаю, что эта песня задевает профессию, — перебил пятнистый джентльмен. — Я спрашиваю, как звали кучера?

— Никто не знает, — отвечал Сэм. — У него не было визитной карточки в кармане.

— Я возражаю против политики, — продолжал пятнистый джентльмен. — Я заявляю, что в нашем обществе эта-вот песня — политическая и, что почти то же самое, — лживая! Я говорю, что тот кучер не удрал, он умер храбро — храбро, как герой, и я не потерплю никаких возражений.

Так как пятнистый джентльмен говорил с большой энергией и решимостью и так как мнения по этому вопросу, казалось, разделились, то грозили возникнуть новые препирательства, но тут весьма кстати появились м-р Уэлер и м-р Пэль.

— Все в порядке, Сэми, — сказал м-р Уэлер.

— Полисмен придет сюда в четыре часа, — добавил м-р Пэль. — Полагаю, вы за это время не убежите, а? Ха-ха!

— Может быть, мой жестокий папаша смягчится к тому времени, — улыбаясь во весь рот, сказал Сэм.

— Э, нет! — возразил м-р Уэлер старший.

— Пожалуйста, — настаивал Сэм.

— Ни за что на свете, — заявил неумолимый кредитор.

— Я дам расписки на эту сумму, по шести пенсов в месяц, — сказал Сэм.

— Я их не возьму, — ответил м-р Уэлер.

— Ха-ха-ха! Прекрасно, прекрасно! — одобрил м-р Соломон Пэль, выписывая свой счетед. — Очень забавный случай! Бенджамин, перепишите это. — И м-р Пэль продолжал улыбаться, показывая итог м-ру Уэлеру.

— Благодарю вас, — сказал джентльмен юрист, принимая засаленные банковые билеты, извлеченные м-ром Уэлером

из бумажника. — Три фунта десять шиллингов и один фунт десять шиллингов — итого пять фунтов. Очень вам признателен, м-р Уэлер. Ваш сын — достойнейший молодой человек, весьма достойный, сэр. Это очень приятная черта в характере молодого человека, весьма приятная, — добавил м-р Пэль, озираясь с любезной улыбкой и пряча деньги.

— Вот так потеха! — усмехнувшись, сказал старший м-р Уэлер. — Регулярно блудящий сын!

— Блудный, блудный сын, сэр, — мягко подсказал м-р Пэль.

— Не беспокойтесь, сэр, — с достоинством возразил м-р Уэлер. — Я знаю, который час, сэр. Когда не буду знать, спрошу вас, сэр.

К приходу полисмена Сэм завоевал такую популярность, что присутствующие джентльмены решили проводить его всей компанией в тюрьму. Они тронулись в путь в таком порядке: истец и ответчик шли рука об руку; полисмен впереди, а восемь дюжих кучеров замыкали шествие. У кафе Сарджентс-Инна * все остановились, чтобы освежиться, и когда было покончено с юридическими формальностями, процессия двинулась снова.

Развлечения восьми джентльменов, продолжавших идти по четыре человека в ряд, вызвали на Флит-стрит легкое смятение; пришлось покинуть пятиного джентльмена, вступившего в драку с носильщиком. Было условлено, что его друзья зайдут за ним на обратном пути. Кроме этих маленьких инцидентов, ничего не случилось в пути. Дойдя до ворот Флита, компания по знаку истца трижды прокричала оглушительно „ура“ в честь ответчика и, обменявшись рукопожатиями, рассталась с ним.

Когда Сэм был официально доставлен в дежурную комнату, — к крайнему изумлению Рокера и явному недоумению самого флегматического Неди, — и тотчас же передан в тюрьму, он направился прямо к комнате своего хозяина и постучался к нему в дверь.

— Войдите, — отозвался м-р Пиквик.

Сэм вошел, снял шляпу и улыбнулся.

— А, Сэм, мой милый! — воскликнул м-р Пиквик, явно обрадовавшись при виде своего скромного друга. — Вчера я отнюдь не хотел оскорбить ваши чувства, мой преданный друг. Положите шляпу, Сэм, и я вам подробно растолкую, что я имел в виду.

— Нельзя ли немного позже, сэр? — спросил Сэм.

— Конечно, — сказал м-р Пиквик, — но почему не сейчас?

— Лучше бы потом, сэр, — отвечал Сэм.

— Почему? — осведомился м-р Пиквик.

— Потому что... — запинаясь начал Сэм.

— Потому что... — повторил м-р Пиквик, встревоженный поведением своего слуги.

— Потому что, — продолжал Сэм, — есть у меня одно дело, с которым я бы хотел покончить.

— Какое дело? — полюбопытствовал м-р Пиквик, удивленный смущенным видом Сэма.

— Так, ничего особенного, сэр, — отвечал Сэм.

— Ну, если ничего особенного, то сначала вы можете поговорить со мной, — улыбаясь, сказал м-р Пиквик.

— Пожалуй, следовало бы мне позаботиться об этом сейчас же, — отозвался Сэм, все еще колеблясь.

М-р Пиквик был удивлен, но ничего не сказал.

— Дело в том... — начал Сэм и запнулся.

— Ну, — воскликнул м-р Пиквик, — говорите, Сэм!

— Дело в том, — сказал Сэм, заставив себя говорить, — что, пожалуй, следовало бы мне прежде всего позаботиться о своей постели.

— О постели? — с изумлением воскликнул м-р Пиквик.

— Да, о моей постели, сэр, — отвечал Сэм. — Я арестант. Сегодня после полудня меня арестовали за долги.

— Вы арестованы за долги? — вскричал м-р Пиквик, падая в кресло.

— Да, за долги, сэр, — подтвердил Сэм. — А человек, который меня засадил, ни за что меня отсюда не выпустит, пока вы сами не выйдете.

— Помилуй бог мое сердце и душу! — воскликнул м-р Пиквик. — Что вы хотите этим сказать?

— То, что я говорю, сэр, — ответил Сэм. — Я буду сидеть хоть сорок лет, и очень этому рад, и будь это Ньюгет, было бы то же самое. Ну, чорт возьми, секрет раскрыт, и конец делу!

С этими словами, которые он повторил очень энергически и выразительно, Сэм Уэллер, находясь в необычайно возбужденном состоянии, швырнул шляпу на пол, а затем, скрестив руки, посмотрел решительно и твердо в лицо своему хозяину.

ГЛАВА XLIV

*повествует о разных мелких событиях, происшедших
зо Флите, и о таинственном поведении м-ра Уинкля, и
рассказывает о том, как бедный арестант Канцлерского
суда был наконец освобожден*

М-р Пиквик был слишком глубоко растроган горячей привязанностью Сэма, чтобы проявлять какие-нибудь признаки гнева или неудовольствия по поводу той стремительности, с какой Сэм добровольно вошел в долговую тюрьму на неопределенный срок. Единственным пунктом, по которому он упорно требовал объяснения, была фамилия кредитора, но ее м-р Уэлер не менее упорно скрывал.

— От нее никакого толку не будет, сэр, — снова и снова повторял Сэм. — Это существо злобное, недоброжелательное, неуступчивое, коварное и мстительное, с жестоким сердцем, которого ничем не смягчить, как заметил добродетельный священник об одном старом джентльмене, страдавшем водянкой, когда тот сказал, что, поразмыслив, он предпочитает оставить деньги своей жене, а не на сооружение церкви.

— Но подумайте, Сэм, — убеждал м-р Пиквик, — сумма так невелика, что ее легко можно уплатить; а теперь, когда я решил оставить вас у себя, не забывайте, что вы гораздо

больше принесете пользы, имея возможность выходить из тюрьмы.

— Очень вам признателен, сэр, — серьезно ответил м-р Уэлер, — но мне бы не хотелось.

• — Чего не хотелось бы, Сэм?

— Не хотелось бы унижаться и просить милости у этого-вот бессовестного врага.

— Но вы никакой милости не просите, отдавая ему его деньги, Сэм, — доказывал м-р Пиквик.

— Прощу прощенья, сэр, — возразил Сэм, — но это была бы очень большая милость — заплатить ему деньги, а он ее не заслуживает. Вот в чем тут дело, сэр.

Тут, заметив, что м-р Пиквик с некоторым раздражением потирает нос, м-р Уэлер счел благоразумным переменить тему разговора.

— Я принимаю свое решение из принципа, сэр, — заметил Сэм, — так же, как вы принимаете свое, и это мне напоминает человека, который покончил с собой из принципа. О нем вы, конечно, слыхали, сэр. — М-р Уэлер, дойдя до этого места, умолк и искоса бросил лукавый взгляд на своего хозяина.

— Никакого „конечно“ тут быть не может, Сэм, — сказал м-р Пиквик, начиная улыбаться, несмотря на тревогу, вызванную упрямством Сэма. — Молва о вышеупомянутом джентльмене не дошла до моих ушей.

— Неужели, сэр? — воскликнул м-р Уэлер. — Вы меня удивляете, сэр. Он был государственным чиновником.

— Вот как? — отозвался м-р Пиквик.

— Да, сэр, — подтвердил м-р Уэлер, — и был очень приятным джентльменом — одним из тех точных и аккуратных людей, которые засовывают ноги в маленькие пожарные ведра из резины, если погода сырая, и не прижимают к сердцу никаких друзей, кроме заячьих шкурок; он копил деньги из принципа, менял рубашку каждый день из принципа; никогда не разговаривал с родственниками из принципа, опасаясь, как бы они ни допросили у него взаймы, и вообще был на редкость приятным типом. Он стригся из принципа раз в две недели и абонировался на одежду из экономического принципа — три

костюма в год, а старые отсылал обратно. Будучи очень регулярным джентльменом, он обедал всегда в одном и том же месте, где брали шиллинг девять пенсов с человека, и он, бывало, съедал на добрый шиллинг девять пенсов, как частенько замечал хозяин, заливаясь слезами, не говоря уже о том, как он раздувал зимой огонь в камине, а это обходилось ровно в четыре с половиной пенса ежедневно, и как досадно было смотреть на него при этом. А держал он себя наредкость важно! „Дайте Пост, когда прочтет этот джентльмен, — покрикивал он ежедневно, входя в комнату. — Позаботьтесь о Таймсе, Томес, дайте мне посмотреть Морнинг Херелд, когда он освободится, не забудьте занять очередь на Кроникль и принесите-ка Адвертайзер“. А потом он сидел, не сводя глаз с часов, и выбегал ровно за четверть минуты, чтобы подкараулить мальчика, приносившего вечернюю газету, которую он читал с таким интересом и упорством, что все прочие посетители доходили до отчаяния и сумасшествия, в особенности один раздражительный старый джентльмен; в таких случаях лакею всегда приходилось за ним присматривать, чтобы он не поддался искушению и не пустил в дело нож для разрезания жаркого. Ну-с, так вот, сэр, приходил он сюда и занимал лучшее место в течение трех часов, и после обеда никогда ничего не пил, а только спал, и потом шел в кофейню на одной из ближайших улиц и выпивал маленький кофейник кофе с четырьмя оладьями, после этого он шел домой в Кенсингтон * и ложился спать. Как-то вечером он очень заболел; посылает за доктором. Доктор приезжает в зеленой карете с приставной лестницей на манер изделий Робинзона * Крузо, которую он сам мог опускать, вылезая из кареты, и убирать за собой, чтобы кучеру не нужно было слезать с козел; таким образом кучер дурачил публику, показывая ей только свою ливрею, а штаны на нем были не подстать ей. „В чем дело?“ — спрашивает доктор. „Очень болен“, — говорит пациент. — „Что вы сегодня ели?“ — спрашивает доктор. — „Жареную телятину“, — отвечает пациент. — „А самое последнее что вы съели?“ — говорит доктор. — „Оладьи“, — говорит пациент. — „А, вот оно что! — говорит док-

тор. — Я вам сейчас же пришлю коробку пилюль, и больше вы к ним никогда, — говорит, — не прикасайтесь“. — „К чему не прикасаться? — спрашивает пациент. — К пилюлям?“ — „Нет, к оладьям“, — говорит доктор. — „Как! — говорит пациент, подпрыгнув в постели. — Каждый вечер в течение пятнадцати лет я съедал из принципа четыре оладья!“ — „Ну, так вы откажитесь от них из принципа“, — говорит доктор. — „Оладьи очень полезны, сэр“, — говорит пациент. — „Оладьи очень вредны, сэр“, — сердито говорит доктор. — „Но они так дешевы, — говорит пациент, сбавляя тон, — и очень сытны, если принять во внимание цену“. — „Вам они обойдутся дорого во всяком случае, дорого, даже если вам будут платить за то, чтобы вы их ели, — говорит доктор. — Четыре оладья в вечер прикончат, — говорит, — вас в полчаса“. Пациент смотрит ему прямо в лицо, долго думает и наконец говорит: „Вы уверены в этом-вот, сэр?“ — „Могу поставить на карту свою репутацию врача“, — говорит доктор. — „Как вы думаете, сколько оладий прикончили бы меня сразу?“ — спрашивает пациент. — „Не знаю“, — говорит доктор. — „Как вы думаете, если купить на полкроны, этого хватит?“ — спрашивает пациент. — „Пожалуй, хватит“, — говорит доктор. — „А на три шиллинга наверняка хватит?“ — говорит пациент. — „Несомненно“, — говорит доктор. — „Очень хорошо, — говорит пациент, — спокойной ночи“. Утром он встает, растапливает камин, велит принести на три шиллинга оладий, поджаривает их, съедает все и пускает себе пулю в лоб.

— Зачем же он это сделал? — быстро спросил м-р Шиквик, ибо он был весьма потрясен трагической развязкой повествования.

— Зачем он это сделал? — повторил Сэм. — Да хотел подкрепить свой великий принцип, будто оладьи полезны, и доказать, что он никому не позволит вмешиваться в его дела!

Такого рода уловками и увертками отвечал м-р Уэлер на вопросы своего хозяина в тот вечер, когда водворился во Флите. Убедившись наконец, что все уговоры бесполезны, м-р Шиквик скрепя сердце разрешил ему снять угол у лысого сапожника, который арендовал маленькую комнатку в одной

из верхних галлерей. В это скромное помещение м-р Уэллер перенес матрас и подушку, взятые напрокат у м-ра Рокера, и, расположившись здесь на ночь, почувствовал себя, как дома, словно родился в тюрьме и вся его семья прозябала в ней на протяжении трех поколений.

— Вы всегда так курите перед сном, старый петух? — осведомился м-р Уэллер у своего квартирохозяина, когда они оба расположились на ночь.

— Да, курю, молодой бенгемский * петушок, — ответил сапожник.

— Разрешите мне полюбопытствовать, почему вы стелете себе постель под этим-вот еловым столом? — спросил Сэм.

— Потому что я привык к кровати с четырьмя столбиками для балдахина раньше, чем попал сюда, а потом убедился, что ножки стола ничуть не хуже, — ответил сапожник.

— У вас оригинальный характер, сэр, — сказал Сэм.

— Такого добра у меня нет, — возразил сапожник, покачивая головой, — и если вам оно понадобится, боюсь, что вы не так-то легко найдете себе что-нибудь в здешней канцелярии.

Вышеприведенный короткий диалог начался, когда м-р Уэллер лежал растянувшись на своем матрасе в одном конце комнаты, а сапожник — на своем, в другом конце. Комната освещалась тростниковой * свечой и трубкой сапожника, которая вспыхивала под столом, как раскаленный уголек.

Разговор, как ни был он краток, чрезвычайно расположил м-ра Уэллера в пользу его квартирохозяина, и, приподнявшись на локте, он начал внимательно его разглядывать, на что у него до сей поры не было ни времени, ни охоты.

Это был человек с землистым цветом лица, как у всех сапожников, и с жесткой взъерошенной бородой, как у всех сапожников. Его лицо — страшная добродушная, уродливая маска — украшалось парой глаз, должно быть, очень веселых в прежние времена, ибо они все еще блестели. Ему было шестьдесят лет, и одному Богу известно, на сколько лет он состарился от тюрьмы, и потому хоть сколько-нибудь веселое или довольное выражение лица казалось странным. Он был маленького роста, и теперь, скрючившись в постели, производил

такое впечатление, будто у него нет ног. Во рту у него была большая красная трубка; он курил и смотрел на свечу с завидным благодушием.

— Давно вы здесь? — спросил Сэм, нарушая молчание, длившееся довольно долго.

— Двенадцать лет, — ответил сапожник, покусывая конец трубки.

— Неуважение * к суду? — осведомился Сэм.

Сапожник кивнул головой.

— Ну, — сказал Сэм сурово, — так зачем же вы продолжаете упрямиться и губите свою драгоценную жизнь в этом-вот преувеличенном наунде *? Почему не уступите и не скажете лорду-канцлеру, что благодаря вам его суд не заслужил уважения, но что вы теперь очень раскаиваетесь и больше не будете так делать?

Сапожник засунул трубку в угол рта, улыбнулся, опять передвинул ее на старое место, но ничего не сказал.

— Почему вы так не поступите? — настойчиво повторил Сэм.

— Что? — откликнулся сапожник. — Вы плохо понимаете эти дела. Ну, по-вашему, что меня погубило?

— По-моему, — сказал Сэм, снимая нагар со свечи, — началось с того, что вы залезли в долги, да?

— Никогда не был должен ни единого фартинга, — отозвался сапожник. — Придумайте еще что-нибудь.

— Ну, может быть, — сказал Сэм, — вы скупали дома, что, выражаясь деликатно, значит свихнуться, или вздумали их строить, что, выражаясь по-медицинскому, значит потерять надежду на выздоровление.

Сапожник покачал головой и сказал:

— Придумайте еще что-нибудь.

— Надеюсь, вы не затевали тяжбы? — подозрительно спросил Сэм.

— Никогда в жизни, — отвечал сапожник. — Дело в том, что меня погубили деньги, оставленные мне по завещанию.

— Бросьте! — сказал Сэм. — Кто этому поверит! Хотел бы я, чтобы какой-нибудь богатый враг вздумал меня погубить этим-вот способом. Я бы ему не помешал.

— О, я вижу, вы мне не верите, — сказал сапожник, мирно покуривая трубку. — На вашем месте я и сам не поверил бы. А все-таки это правда.

— Как это случилось? — спросил Сэм, склоняясь к тому, чтобы поверить, — такое впечатление произвел на него сапожник.

— А вот как, — отвечал сапожник. — С одним старым джентльменом — я для него работал в провинции и был женат на его бедной родственнице (она умерла, да благословит ее бог и возблагодарим его за это), — случился удар, и он отошел.

— Куда? — осведомился Сэм, которого клонило ко сну после многочисленных событий этого дня.

— Как я могу знать, куда? — возразил сапожник, который, наслаждаясь своей трубкой, говорил в нос. — Отошел к усопшим.

— А, конечно! — сказал Сэм. — Что же дальше?

— Ну, так вот, — продолжал сапожник, — он оставил пять тысяч фунтов.

— Очень благородно с его стороны, — вставил Сэм.

— Одну из них, — сообщил сапожник, — он оставил мне, потому что я был, понимаете ли, женат на его родственнице.

— Очень хорошо, — пробормотал Сэм.

— А так как он был окружен множеством племянниц и племянников, которые вечно ссорились и дрались между собой из-за денег, то меня он назначил своим душеприказчиком и оставил мне остальные тысячи по доверию *, чтобы разделить между ними, как сказано в завещании.

— Что значит — по доверию? — осведомился Сэм, очнувшись от дремоты. — Если это не наличные, то какой от них прок?

— Это юридический термин, вот и все, — пояснил сапожник.

— Не думаю, — сказал Сэм, покачивая головой. — Какое уж там доверие в этой лавочке? А впрочем, продолжайте.

— Так вот, — сказал сапожник, — когда я хотел утвердить завещание, племянницы и племянники, которые были ужасно огорчены, что не все деньги им достались, вошли с caveat *.

— Что такое? — переспросил Сэм.

— Юридическая штука — все равно, что сказать: „Стоп!“, — ответил сапожник.

— Понимаю, — сказал Сэм, — зять хабис корпус. Ну?

— Но, убедившись, что они не могут между собой договориться, — продолжал сапожник, — и, стало быть, не могут оспорить завешание, они взяли назад свое caveat, и я распределил наследство. Едва я успел это сделать, как один племянник возбуждает дело об отмене завешания. Спустя несколько месяцев дело разбирается у старого, глупого джентльмена в задней комнате где-то на Польш-Черчъярде *; четыре адвоката взяли себе каждый по одному дню, чтобы надоедать ему по очереди, а потом он недели две размышляет и читает показания в шести томах и наконец выносит решение, что завещатель был не в своем уме, и, стало быть, я должен вернуть все деньги и уплатить издержки. Я обжаловал решение; дело переходит к трем или четырем очень сонным джентльменам, которые уже слышали его в первом суде, при котором они состоят законниками, но определенной работы у них нет, — разница только в том, что там их называли докторами, а теперь — делегатами *, — не знаю, понятно ли вам это; и они очень вежливо утвердили решение старого джентльмена. После этого мы перешли в Канцлерский суд, где дело находится и по сей день и где навсегда останется. Вся моя тысяча фунтов давным-давно перешла к моим адвокатам, а имущество, как они это называют, и издержки оцениваются в десять тысяч фунтов, и вот из-за них я здесь сижу и буду сидеть здесь до самой смерти и чинить сапоги. Кое-кто из джентльменов поговаривал о том, чтобы поднять вопрос в парламенте, и, вероятно, так бы они и сделали, да только у них не было времени приходить ко мне, а я не мог идти к ним; мои длинные письма им надоели, и они бросили это дело. Вот вам святая истина, без всяких недомолвок или преувеличений, и ее прекрасно знают пятьдесят человек как в этой тюрьме, так и за ее стенами.

Сапожник приостановился, чтобы удостовериться, какое впечатление произвел его рассказ на Сэма, но, убедившись, что тот погрузился в сон, вытряхнул пепел из трубки, вздохнул, положил трубку, натянул на голову одеяло и заснул.

На следующее утро м-р Пиквик один сидел за завтраком (Сэм в комнате сапожника усердно занимался приведением

в порядок башмаков и черных гетр своего хозяина), когда раздался стук в дверь, и не успел м-р Пиквик крикнуть: „Войдите!“, как появилась голова, украшенная шевелюрой и вельветовой шапочкой, в каковых головных уборах м-р Пиквик без труда признал личную собственность м-ра Сменгля.

— Как поживаете? — осведомилась эта достойная личность, сопровождая вопрос несколькими десятками кивков. — Послушайте, вы никого не ждете сегодня утром? Каких-то трое дьявольски элегантных джентльменов спрашивали вас внизу и стучались во все двери нижнего этажа. За это им чертовски влетело от стипендиатов, потрудившихся открыть дверь.

— Ах, боже мой! Как нелепо! — вставая, воскликнул м-р Пиквик. — Да, не сомневаюсь, что это кое-кто из моих друзей, которых я ждал вчера.

— Ваши друзья! — вскричал Сменгль, схватив м-ра Пиквика за руку. — Больше ни слова! Будь я проклят, но с этой минуты они — мои друзья, а также друзья Майвинса. Чертовски симпатичный джентльмен эта скотина Майвинс, не правда ли? — добавил Сменгль с большим чувством.

— Я так мало знаю этого джентльмена, — нерешительно начал м-р Пиквик, — что я...

— Знаю, знаю, — перебил Сменгль, схватив м-ра Пиквика за плечо. — Вы познакомьтесь с ним ближе. Вы будете в восторге от него. Этот человек, сэр, — с торжественной миной присовокупил Сменгль, — наделен комическим талантом, который сделал бы честь Друри-лейнскому * театру.

— В самом деле? — отозвался м-р Пиквик.

— Клянусь Юпитером, это так! — воскликнул Сменгль. — Вы бы послушали, как он изображает четырех котов в тачке — четырех котов, сэр, клянусь честью! Вы понимаете, как это чертовски остроумно. Будь я проклят, если вы не полюбите этого человека, когда узнаете его качества! У него один только недостаток — маленькая слабость, о которой я, знаете ли, уже упоминал.

Так как м-р Сменгль покачал при этом головой конфиденциально и сочувственно, м-р Пиквик понял, что должен что-то сказать, и посему сказал:

— А! — и с нетерпением взглянул на дверь.

— А! — подхватил м-р Сменгль, торжественно вздохнув. — Это чудесный товарищ, вот кто он такой, сэр. Лучшего товарища не найти. Но есть у него один недостаток. Если бы явилась ему сию минуту тень его деда, сэр, он взял бы у нее деньги под вексель.

— Неужели! — воскликнул м-р Пиквик.

— Да, — подтвердил м-р Сменгль. — И будь в его власти вызвать ее еще раз, он бы это сделал через два месяца и три дня, чтобы переписать вексель.

— Это весьма замечательные черты, — сказал м-р Пиквик, — но боюсь, что пока мы тут беседуем, мои друзья не могут меня найти и находятся в большом замешательстве.

— Я их провожу, — предложил Сменгль, направляясь к двери. — Всего хорошего. Я, знаете ли, не потревожу вас, пока они будут здесь. До свидания...

Произнеся последние два слова, Сменгль вдруг остановился, снова закрыл дверь, которую успел открыть, и, потихоньку приближаясь к м-ру Пиквику, на цыпочках подошел к нему вплотную и спросил чуть слышным шопотом:

— Не могли бы вы мне ссудить полкроны до конца будущей недели?

М-р Пиквик, едва удерживаясь от улыбки, но тем не менее храня серьезный вид, достал монету, положил ее в руку м-ру Сменглю, после чего этот джентльмен с многочисленными кивками и подмигиваниями, намекающими на великую тайну, отправился на поиски трех посетителей, которых вскоре и привел. Кашлянув трижды и столько же раз кивнув, чтобы заверить м-ра Пиквика в том, что не забудет заплатить, он очень любезно пожал всем руки и наконец удалился.

— Дорогие мои друзья, — сказал м-р Пиквик, пожимая по очереди руки м-ру Тапмену, м-ру Уипклю и м-ру Снодграсу, каковыми оказались три посетителя, — как я рад вас видеть!

Триумвират был очень растроган. М-р Тапмен скорбно покачал головой, м-р Снодграс с нескрываемым волнением извлек носовой платок, а м-р Уинкль отошел к окну и громко засопел.

— С добрым утром, джентльмены, — провозгласил Сэм, появляясь в этот момент с башмаками и гетрами. — Долой меланхолию, как сказал мальш, когда его учительница умерла. Добро пожаловать в колледж, джентльмены!

— Этот безумный человек, — сообщил м-р Пиквик, похлопывая Сэма по голове, когда тот опустился на колени, чтобы застегнуть своему хозяину гетры, — этот безумный человек, чтобы остаться со мной, заставил арестовать себя.

— Что такое? — воскликнули трое друзей.

— Да, джентльмены, — подтвердил Сэм, — я... пожалуйста, стойте смирно, сэр... я — арестант, джентльмены. Схватило, как сказала леди, собираясь рожать.

— Арестант! — с непонятным волнением воскликнул м-р Уинкль.

— Алло, сэр! — отозвался Сэм, поднимая голову. — В чем дело, сэр?

— Я надеюсь, Сэм, что... ничего, ничего, — стремительно сорвалось у м-ра Уинкля.

Было нечто столь резкое и беспокойное в манерах м-ра Уинкля, что м-р Пиквик невольно взглянул на своих двух друзей, ожидая объяснения.

— Мы не знаем, — ответил вслух м-р Тапмен на этот немой вопрос. — Последние два дня он был очень возбужден и сам на себя не похож. Мы опасались, не случилось ли что-нибудь, но он категорически это отрицает.

— Нет, нет, — вмешался м-р Уинкль, краснея под взглядом м-ра Пиквика, — право же, ничего не случилось. Уверю вас, ничего не случилось, мой дорогой сэр. Мне придется уехать ненадолго из города по частному делу, и я надеялся уговорить вас, чтобы вы разрешили Сэму меня сопровождать.

Физиономия м-ра Пиквика выразила еще большее удивление.

— Я думаю, — запинаясь продолжал м-р Уинкль, — что Сэм не стал бы возражать, но теперь, конечно, это невозможно, раз он арестован. Придется ехать мне одному.

Когда м-р Уинкль произнес эти слова, м-р Пиквик с некоторым изумлением почувствовал, что пальцы Сэма, засте-

гивавшего гетры, задрожали, словно он был удивлен или испуган. Сэм тоже посмотрел на м-ра Уинкля, когда тот умолк, и хотя они обменялись только мимолетным взглядом, но, повидимому, поняли друг друга.

— Сэм, вы что-нибудь об этом знаете? — быстро спросил м-р Пиквик.

— Нет, не знаю, сэр, — отозвался м-р Уэлер, начиная с большим усердием застегивать гетры.

— Вы уверены, Сэм? — настаивал м-р Пиквик.

— Видите ли, сэр, — отвечал м-р Уэлер, — я уверен в том, что до сей поры ни разу об этом не слышал. Если у меня есть какие-то догадки, — добавил Сэм, взглянув на м-ра Уинкля, — я не имею права о них говорить, потому что боюсь ошибиться.

— А я не имею никакого права вмешиваться в личные дела друга, как бы он ни был близок, — помолчав, сказал м-р Пиквик. — Разрешите мне только сказать, что я ровно ничего во всем этом не понимаю. Довольно! Больше мы к этому возвращаться не будем.

Выразив таким образом свою мысль, м-р Пиквик перевел разговор на другие темы, и м-р Уинкль начал постепенно приходить в себя, хотя все еще был очень далек от полного спокойствия. Столько вопросов нужно было им обсудить, что утро пролетело быстро. В три часа, когда Сэм водрузил на маленький обеденный стол жареную баранью ногу и огромный паштет, а блюдо с овощами и кувшины с портером разместил на стульях, на диване и где придется, все почувствовали, что могут отдать должное обеде, хотя мясо было куплено и зажарено, а паштет приготовлен и испечен по соседству, в тюремной кухне.

После этого выпили бутылку-две очень хорошего вина, за которым м-р Пиквик послал в ресторан „Роговую * кофейню“ близ Докторс-Коммонс. Пожалуй вместо „бутылка — две“ правильнее было бы сказать „бутылка — полдюжины“, ибо к тому времени, когда вино было выпито, а чай убран, зазвонил колокол, возвещавший, что настало время расходиться по домам.

Если днем поведение м-ра Уинкля казалось необъяснимым, то сейчас, когда под наплывом своих чувств и своей доли вина из одной — шести бутылок он начал прощаться с другом, оно стало романтическим и торжественным. Он выждал, пока не удалились м-р Тапмен и м-р Снодграс, схватил руку м-ра Пиквика и горячо пожал, выражая всей своей физиономией твердую и непреложную решимость, зловеще сочетавшуюся с квинтэссенцией скорби.

— Спокойной ночи, мой дорогой сэр, — сквозь стиснутые зубы проговорил м-р Уинкль.

— Да благословит вас бог, мой милый друг, — промолвил мягкосердечный м-р Пиквик, отвечая на рукопожатие молодого друга.

— Нора! — крикнул м-р Тапмен из галлерей.

— Да, да, сию минуту, — отозвался м-р Уинкль. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — сказал м-р Пиквик.

Затем последовала еще одна „спокойная ночь“, и еще одна, и еще с полдюжины, а м-р Уинкль продолжал пожимать руку своему другу и с тем же странным выражением смотреть ему в лицо.

— Что случилось? — спросил наконец м-р Пиквик, когда рука у него заняла от рукопожатий.

— Ничего, — отвечал м-р Уинкль.

— Ну, спокойной ночи, — сказал м-р Пиквик, пытаясь освободить руку.

— Мой друг, мой благодетель, мой высокоуважаемый спутник, — пробормотал м-р Уинкль, уцепившись за руку. — Не судите меня строго, не судите, когда узнаете, что я, доведенный до крайности непреодолимыми препятствиями...

— Ну, что же вы! — воскликнул м-р Тапмен, появляясь в дверях. — Идите, а не то нас тут запрут!

— Да, да, иду, — ответил м-р Уинкль. И, собравшись с силами, он выбежал из комнаты.

В то время как м-р Пиквик с немим удивлением смотрел им вслед, пока они шли по коридору, на площадке лестницы появился Сэм и прошептала что-то на ухо м-ру Уинклю.

— О, разумеется, положитесь на меня, — громко ответил этот джентльмен.

— Благодарю вас! Вы не забудете, сэр? — осведомился Сэм.

— Конечно, не забуду, — отозвался м-р Уинкль.

— Желая вам удачи, сэр, — сказал Сэм, притронувшись к шляпе. — Мне бы очень хотелось отправиться с вами, сэр, но, конечно, хозяин — прежде всего.

— Вы остаетесь, и этот поступок вам делает честь, — сказал м-р Уинкль.

С этими словами они расстались внизу лестницы.

— Чрезвычайно странно, — заметил м-р Пиквик, возвращаясь в комнату и задумчиво присаживаясь к столу. — Что мог затеять этот молодой человек?

Он сидел, обдумывая этот вопрос, как вдруг раздался голос тюремщика Рокера, осведомлявшегося, можно ли войти.

— Конечно, — отозвался м-р Пиквик.

— Я вам принес подушку помятче, сэр, — сообщил Рокер, — вместо той временной, какая была у вас прошлой ночью.

— Благодарю вас, — сказал м-р Пиквик. — Не хотите ли стаканчик вина?

— Вы очень добры, сэр, — отвечал м-р Рокер, принимая предложенный стакан. — За ваше здоровье, сэр.

— Благодарю вас, — отозвался м-р Пиквик.

— С сожалением должен вам сообщить, сэр, что вашему квартирохозяину сделалось очень худо этой ночью, — сказал Рокер, поставил стакан и стал разглядывать подкладку своей шляпы, приготавливаясь вновь ее надеть.

— Как? Арестант Канцлерского суда? — воскликнул м-р Пиквик.

— Ему недолго оставаться арестантом Канцлерского суда, сэр, — отвечал Рокер, поворачивая свою шляпу так, чтобы можно было прочесть имя мастера.

— Вы меня пугаете, — промолвил м-р Пиквик. — Что вы хотите сказать?

— У него уже давно чахотка, — пояснил м-р Рокер, — а с ночи он стал задыхаться. Доктор уже полгода тому назад сказал, что спасти его может только перемена воздуха.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Пиквик. — Неужели закон в течение полугода медленно убивал этого человека?

— Насчет этого я ничего не знаю, — отвечал Рокер, обеими руками приподнимая шляпу за поля. — Вероятно, с ним случилось бы то же самое, где бы он ни был. Сегодня утром его перевели в больницу; доктор говорит, что нужно во что бы то ни стало поддерживать его силы, и блюститель прислал ему со своего стола вина, бульону и всякой всячины. Блюститель в этом не виноват, сэр.

— Да, конечно, — поспешил согласиться м-р Пиквик.

— А все-таки боюсь, что песенка спета, — продолжал Рокер, покачивая головой. — Я только что предлагал Неди держать пари на два шестипенсовика против одного, но он не согласился и был прав. Покорнейше благодарю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

— Постойте, — с волнением сказал м-р Пиквик. — Где больница?

— Как раз над вашей комнатой, сэр, — отвечал Рокер. — Если хотите, я вас провожу.

М-р Пиквик, не говоря ни слова, схватил шляпу и тотчас же вышел.

Тюремщик молча шел впереди; осторожно приподняв щеколду, он знаком предложил м-ру Пиквику войти. Это была большая унылая комната с несколькими железными кроватями; на одной из них, вытянувшись, лежал человек, похожий на тень: иссохший, бледный, страшный. У изголовья его сидел старичок в сапожничьем переднике и, вооружившись роговыми очками, читал вслух библию. Это был счастливый наследник.

Больной опустил руку на плечо своему товарищу, прося прекратить чтение. Тот закрыл книгу и положил ее на кровать.

— Откройте окно, — сказал больной.

Сапожник повиновался. Стук экипажей и повозок, дребезжание колес, крики взрослых и детей, — все голоса большой толпы, полные жизни и энергии, сливаясь в глухой шум, ворвались в комнату. Из этого хриплого гула выделялся время от времени неудержимый смех, или обрывок какой-то звонкой

песни, распеваемой кем-то в беспокойной толпе, на секунду задевал слух, а потом тонул в реве голосов и топоте ног — разбивались волны взбудораженного моря жизни, тяжело катившего свои воды за окном. Меланхолические звуки для хладнокровного слушателя в любое время. Какими же меланхолическими кажутся они для того, кто бодрствует у смертного одра!

— Здесь нет воздуха, — слабо выговорил больной. — Эти стены отравляют его. За ними, когда я бродил там много лет тому назад, воздух был свежий; проникая в тюрьму, он делается горячим и тяжелым. Я не могу им дышать.

— Мы оба дышали им долгие годы, — сказал старик. — Будьте бодрей!

Наступило короткое молчание, и оба посетителя приблизились к кровати. Больной притянул к себе руку старого товарища по тюрьме и, ласково сжав ее обеими руками, не выпускал.

— Надеюсь, — прошептал он немного спустя, так тихо, что они должны были наклониться к кровати, чтобы расслышать невнятные звуки, срывавшиеся с его бледных губ, — надеюсь, милосердный судья вспомнит о моем тяжелом наказании на земле. Двадцать лет, мой друг, двадцать лет в этой отвратительной могиле! У меня разрывалось сердце, когда умер мой ребенок, и я не мог даже поцеловать его в гробике. С тех пор среди этого шума и разгула мое одиночество стало ужасным. Да простит меня бог! Он видел мою одинокую, томительную смерть.

Он сложил руки и, прошептав еще что-то, чего никто не расслышал, погрузился в сон — сперва это был только сон, потому что они видели, как он улыбался.

Они разговаривали шепотом, потом тюремщик, наклонившись к подушке, отшатнулся.

— Клянусь богом, он получил свободу! — воскликнул тюремщик.

Да, получил. Но при жизни он стал так похож на мертвеца, что они не заметили, когда он умер.

ГЛАВА XLV

повествующая о свидании м-ра Сэмюэла Уэлера со своим семейством. М-р Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкасаться с ним в будущем

Как-то утром, спустя несколько дней после своего заточения, м-р Сэмюэл Уэлер с величайшей заботливостью привел в порядок комнату своего хозяина и, убедившись, что он комфортно расположился за своими книгами и бумагами, удалился, дабы провести час-другой с наибольшей приятностью. Утро было прекрасное, и Сэмюэлу пришло в голову, что пинта портеру на свежем воздухе поможет скоротать ему ближайшие четверть часа не хуже, чем всякое другое развлечение, какое он мог себе позволить.

Придя к такому выводу, он отправился в буфет. Купив пиво и получив вдобавок газету трехдневной давности, он пошел на кегельбан и, сев на скамью, начал развлекаться очень степенно и методически.

Прежде всего он освежился глотком пива, а потом поднял взор к окну и платонически подмигнул молодой леди, которая чистила там картофель. Затем он развернул газету,

сложил ее так, чтобы судебная хроника была сверху, а поскольку это дело очень трудное и раздражающее, если дует хотя бы легкий ветерок, то Сэм, покончив с ним, снова хлебнул пива. Затем он прочел две строки и оторвался от газеты, чтобы взглянуть на двух субъектов, доигрывавших партию в мяч, по окончании коей он одобрительно крикнул: „Очень хорошо!“ — и окинул взглядом зрителей, чтобы узнать, совпадают ли их чувства с его собственными. Это повлекло за собой необходимость взглянуть также и на окно; а так как молодая леди все еще была там, то простая вежливость требовала подмигнуть снова и, прибегнув к пантомиме, вышить за ее доброе здоровье еще глоток пива, что Сэм и проделал. Состроив свирепую гримасу малышу, который, широко раскрыв глаза, следил за этой последней процедурой, он положил ногу на ногу и, держа обеими руками газету, начал читать всерьез.

Едва успел он сосредоточиться в надлежащей степени, как вдруг ему почудилось, что где-то в коридоре выкрикивают его собственное имя. И он не ошибался, ибо оно быстро передавалось из уст в уста, и вскоре воздух огласился криками: „Уэлер!“

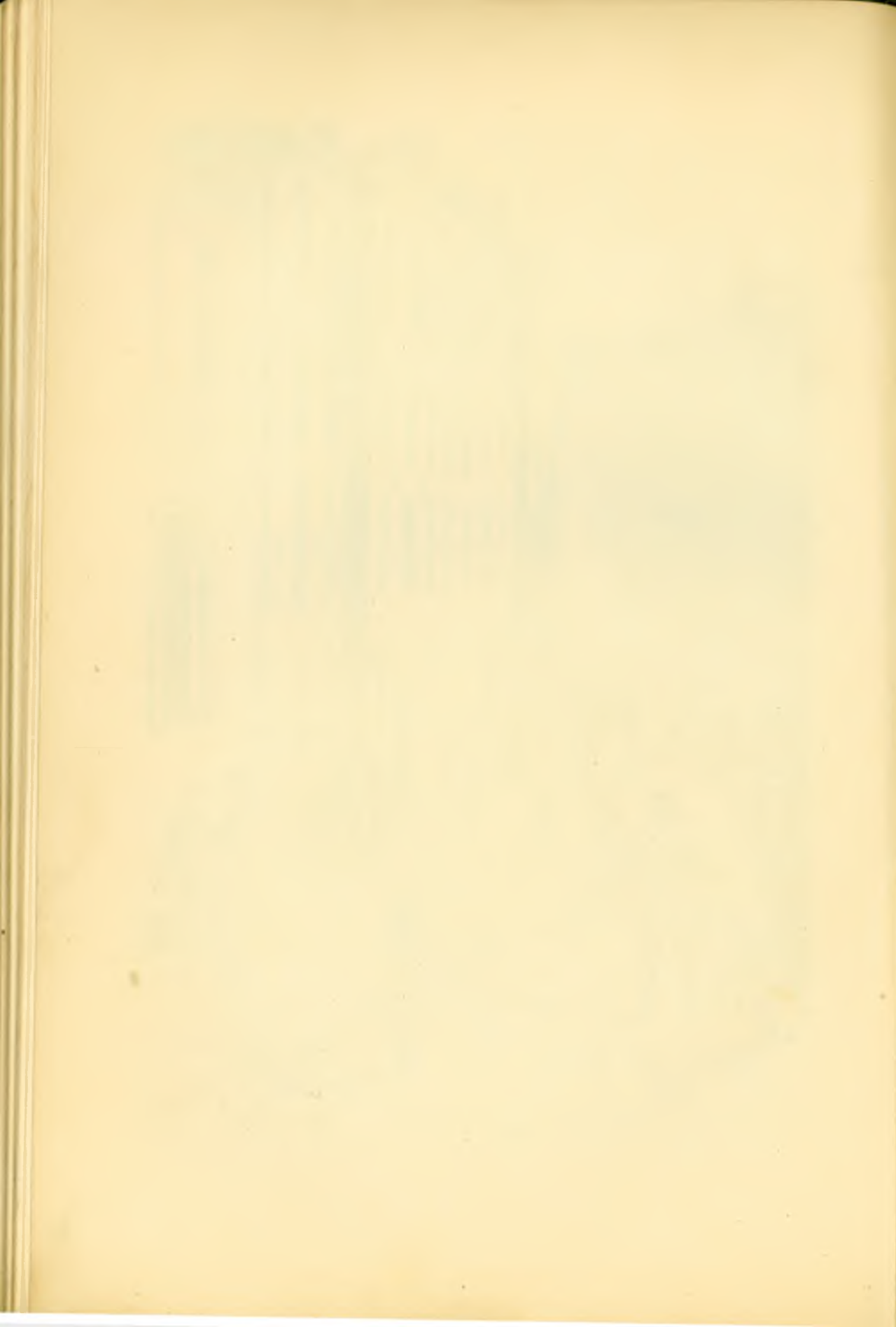
— Здесь! — громовым голосом гаркнул Сэм. — В чем дело? Кто его спрашивает? Или прислали нарочного сказать, что, его дача горит?

— Кто-то спрашивает вас в вестибюле, — объяснил стоявший поблизости человек.

— Пожалуйста, присмотрите, старина, за этой-вот газетой и кружкой, — попросил Сэм. — Я сейчас приду. Ей-богу, если бы меня вызывали в суд, так и то не могли бы поднять больше шума!

Сопровождая эти слова деликатным щелчком по голове вышеупомянутого молодого джентльмена, который, не подозревая о своем близком соседстве с разыскиваемой особой, вопил во всю глотку: „Уэлер!“ — Сэм поспешно пересек двор и взбежал по лестнице в вестибюль. Здесь первое, что он увидел, был его возлюбленный родитель, сидящий со шляпой в руке на нижней ступеньке лестницы и через каждые полминуты оравший во все горло: „Веллер!“

— Ну, чего вы орете? — стремительно спросил Сэм, когда старый джентльмен испустил еще один вопль. — Раскраснелся так, что смахивает на сердитого выдувальщика стекол. В чем дело?

— Ага! — отозвался старый джентльмен, — я уже начал побиваться, Сэми, не отправились ли вы на прогулку в Ридженс-парк *.

— Бросьте, — сказал Сэм, — нечего поддразнивать жертву скупости, и слезайте-ка с этой-вот ступеньки. Чего вы тут расселись? Я здесь не живу.

— Я вам покажу такую потеху, Сэми, — начал старший м-р Уэлер, вставая.

— Постойте минутку, — перебил Сэм, — вы весь белый сзади.

— Правильно, Сэми, сотрите это, — сказал м-р Уэлер, когда сын его чистил. — Здесь могут принять за личное оскорбление, если человек будет разгуливать облепленным, а, Сэми?

Тут м-р Уэлер проявил столь недвусмысленные симптомы сдавленного смеха, что Сэм поспешил положить этому конец.

— Да успокойтесь! — сказал Сэм. — От роду не выдывал такого старого чудака. Ну, чего вы надрыгаетесь?

— Сэми, — сказал м-р Уэлер, вытирая лоб, — боюсь, как бы мне не додохотаться до апопектического удара, мой мальчик.

— Ну, так для чего же вы это делаете? — полюбопытствовал Сэм. — Что вы можете на это сказать?

— Как вы думаете, Сэмивел, кто приехал сюда вместе со мной? — спросил м-р Уэлер, отступая шага на два, сжимая губы и поднимая брови.

— Цэль? — предположил Сэм.

М-р Уэлер покачал головой, и его румяные щеки раздулись от смеха, который пытался вырваться на волю.

— Может быть, человек с пятнистым лицом? — высказал догадку Сэм.

Снова м-р Уэлер покачал головой.

— Ну так кто же? — спросил Сэм.

— Ваша мачеха! — сказал м-р Уэлер, и хорошо, что он это сказал, иначе его щеки неизбежно лопнули бы от неестественного растяжения.

— Ваша мачеха, Сэми, — повторил м-р Уэлер, — и красноносый, сын мой, и красноносый! Хо-хо-хо!

Тут с м-ром Уэлером начались конвульсии от смеха. Сэм созердал его с широкой улыбкой, постепенно расплывшейся по всей физиономии.

— Они пришли серьезно потолковать с вами, Сэми, — сообщил м-р Уэлер, вытирая глаза. — Ни слова не говорите им о бессердечном кредиторе, Сэми.

— Как, разве они не знают, кто он такой? — осведомился Сэм.

— Понятия не имеют, — отвечал отец.

— Где они? — спросил Сэм, на чьей физиономии отражались все гримасы старого джентльмена.

— В „кабинете“, — сообщил м-р Уэлер. — Залучите-ка красноносого в такое место, где нет спиртного! Не удастся, Сэми-вел, не удастся! Мы сегодня очень приятно прокатились сюда от „Маркиза“, Сэми, — продолжал м-р Уэлер, когда почувствовал себя способным изъясниться членораздельно. — Я запряг старую негую в эту-вот повозку, которая принадлежит первому предприятию вашей мачехи, поставили кресло для настыря, и будь я проклят, — с глубоким презрением добавил м-р Уэлер, — и будь я проклят, если не вынесли на дорогу перед нашей дверью лесенку, чтобы он по ней взобрался.

— Да вы шутите! — воскликнул Сэм.

— Я не шучу, Сэми, — возразил отец, — и жаль, что вы не видели, как он цеплялся за край экипажа, словно боялся рухнуть с высоты шести футов и разбиться на миллион атомов. Наконец все-таки вскарабкался, и мы поехали, и кажется мне, — я повторю: кажется мне, Сэми, — что его малость потряхивало на поворотах.

— А не налетали вы случайно разик-другой на столбы? — предположил Сэм.

— Боюсь, Сэми, — отвечал м-р Уэлер, подмигивая с наслаждением, — боюсь, что я разок-другой за них зацепил; он всю дорогу вылетал из кресла.

Тут старый джентльмен покачал головой и испустил хриплое, сдавленное бурчание, сопровождавшееся сильным распу-

ханием физиономии и растяжением всех черт лица, каковые симптомы не на шутку встревожили его сына.

— Не пугайтесь, Сэми, не пугайтесь, — сказал старый джентльмен, когда после многих усилий и судорожного топая ногой вновь обрел голос. — Это только тихий смех, который я стараюсь изобразить.

— Ну, если так, — отвечал Сэм, — то лучше вы не старайтесь его изображать. Сами увидите, что это довольно опасное изобретение.

— Вам оно не нравится, Сэми? — полюбопытствовал старый джентльмен.

— Совсем не нравится, — отвечал Сэм.

— Ну, — сказал м-р Уэлер, а слезы все еще струились у него по щекам, — оно было бы очень большим удобством для меня, если бы я к нему привык, а иной раз сберегло бы немало слов у вашей мачехи и у меня, но боюсь, что вы правы, Сэми: оно слишком сильно клонит к аполексии, слишком сильно, Сэмивел.

Этот разговор привел их к двери „кабинета“, куда Сэм, приостановившись на секунду, чтобы бросить лукавый взгляд на почтенного родителя, который все еще хихикал за его спиной, сразу вошел.

— Мачеха, — сказал Сэм, вежливо приветствуя эту леди, — очень вам благодарен за это-вот посещение. Пастырь, как поживаете?

— О Сэмивел! — возопила м-с Уэлер. — Это ужасно!

— Ничуть не бывало, мамаша, — отвечал Сэм. — Не правда ли, пастырь?

М-р Стиггис воздел руки горе и возвел очи, показывая одни белки — вернее, желтки, — но не дал никакого словесного ответа.

— Не страдает ли этот-вот джентльмен каким-нибудь мучительным недугом? — спросил Сэм, обращаясь за объяснением к своей мачехе.

— Добрый человек скорбит, видя вас здесь, Сэмивел, — пояснила м-с Уэлер.

— О, вот оно что! — отозвался Сэм. — Я боялся, на него глядя, не забыл ли он поперчить последний съеденный им

огурец. Садитесь, сэр, посидите — мы этого не поставим вам в упрек, как заметил король, когда разносил своих министров.

— Молодой человек, — напыщенно произнес м-р Стигис, — боюсь, что вас не смягчило заключение.

— Прошу прощения, сэр, — откликнулся Сэм, — что вы изволили заметить?

— Я опасаюсь, молодой человек, что ваша натура писколько не смягчилась от этого наказания, — повысив голос, сказал Стигис.

— Сэр, — отвечал Сэм, — вы очень любезны. Надеюсь, моя натура не из мягких, сэр. Очень вам признателен за доброе мнение, сэр.

Тут какой-то звук, непристойно напоминающий смех, донесясь с того места, где восседал м-р Уэлер старший, в ответ на что м-с Уэлер, быстро взвесив все обстоятельства дела, сочла своим непреложным долгом обнаружить склонность к истерике.

— Уэлер, — сказала м-с Уэлер (старый джентльмен сидел в углу), — Уэлер! Пожалуйста сюда!

— Очень вам благодарен, моя милая, — отвечал м-р Уэлер, — но мне и здесь хорошо.

М-с Уэлер залилась слезами.

— Что случилось, мамаша? — осведомился Сэм.

— О Сэмюел, — отвечала м-с Уэлер, — ваш отец приводит меня в отчаяние. Неужели ничего не пойдет ему на пользу?

— Вы это слышите? — спросил Сэм. — Леди желает знать, неужели ничего не пойдет вам на пользу?

— Очень признателен м-с Уэлер за ее заботливость, Сэм, — отвечал старый джентльмен. — Я думаю, что трубка очень пошла бы мне на пользу. Нельзя ли это как-нибудь наладить, Сэм?

М-с Уэлер проронила еще несколько слезинок, а м-р Стигис застонал.

— Алло! Этот злополучный джентльмен опять расхворался, — оглянувшись, сказал Сэм. — Что у вас болит, сэр?

— Все то же, молодой человек, — отвечал м-р Стигинс, — все то же.

— Что бы оно могло быть, сэр? — с величайшим простодушием осведомился Сэм.

— Боль в груди у меня, молодой человек, — пояснил м-р Стигинс, прижимая зонтик к жилету.

Услыхав такой чувствительный ответ, м-с Уэлер, будучи не в силах подавить волнение, громко разрыдалась и высказала уверенность, что красноносый — святой человек, в ответ на что м-р Уэлер старший осмелился намекнуть вполголоса, что, должно быть, он — представитель объединенных приходов — святого Симона Наружного и святого Враля * Внутреннего.

— Боюсь, мамаша, — сказал Сэм, — что этот-вот джентльмен с искаженной физиономией чувствует жажду при виде меланхолического зрелища. Верно, мамаша?

Достойная леди вопросительно посмотрела на м-ра Стигинса. Этот джентльмен закатил глаза, сжал себе горло правой рукой и силился что-то проглотить, давая понять, что его томит жажда.

— Боюсь, Сэмюел, что на него подействовало волнение, — горестно заметила м-с Уэлер.

— Какой напиток вы предпочитаете, сэр? — спросил Сэм.

— О мой милый молодой друг, — отвечал м-р Стигинс, — все напитки — суета сует.

— Святая истина, святая истина, — изрекла м-с Уэлер, подавляя стон и одобрительно покачивая головой.

— Пожалуй, это верно, сэр, — отвечал Сэм, — но какую суету вы предпочитаете? Какая суета вам больше пришлась по вкусу, сэр?

— О мой молодой друг, — отозвался м-р Стигинс. — Я презираю их все. Если, — продолжал м-р Стигинс, — если есть среди них одна менее ненавистная, чем все остальные, то это напиток, именуемый ромом. Горячий ром, мой милый молодой друг, и три куска сахара на стакан.

— Очень печально, сэр, — сказал Сэм, — но как раз эту суету не разрешают продавать в этом-вот учреждении.

— О жестокосердие этих черствых людей! — возопил м-р Стиггис. — О нечестивая жестокость бесчеловечных преследователей!

С этими словами м-р Стиггис снова закрыл глаза и ударил себя в грудь зонтом; и нужно отдать справедливость преподобному джентльмену — его негодование оказалось очень искренним и непритворным.

Когда м-с Уэллс и красноносый джентльмен высказали свое самое резкое осуждение этому бесчеловечному правилу и осыпали множеством благочестивых и святых проклятий его авторов, красноносый высказался в пользу бутылки портвейна, подогретого с небольшим количеством воды, пряностями и сахаром, как средства, благотворного для желудка и менее суепого, чем многие другие смеси. Соответствующее распоряжение было дано. Пока шли приготовления, красноносый и м-с Уэллс смотрели на Уэллса старшего и стонали.

— Ну, Сэм, — сказал этот джентльмен, — надеюсь, вы ободритесь после этого-вот веселенького визита. Очень живой и назидательный разговор, не так ли, Сэм?

— Вы закоснели в грехе, — отвечал Сэм, — и я бы хотел, чтобы вы больше не обращались ко мне с такими невежливыми замечаниями.

Отнюдь не умудренный этим весьма уместным ответом, м-р Уэллс тотчас же расплылся в широкую улыбку, а так как это возмутительное поведение заставило леди и м-ра Стиггиса смежить веки и в смятении раскачиваться, сидя на стульях, то он позволил себе еще несколько мимических актов, выражающих желание поколотить упомянутого Стиггиса и дернуть его за нос, каковая пантомима, казалось, принесла ему великое душевное облегчение. При этом старый джентльмен едва не попался, ибо м-р Стиггис встрепещулся, когда принесли вино, и привел свою голову в близкое соприкосновение с кулаком, которым м-р Уэллс в течение нескольких минут изображал в воздухе фейерверк на расстоянии двух дюймов от его уха.

— Что это вы набрасываетесь на стаканы? — воскликнул Сэм, проявляя удивительную сообразительность. — Вы не видите, что ударили джентльмена?

— Я нечаянно, Сэми, — сказал м-р Уэлер, слегка смущенный таким неожиданным инцидентом.

— Попробуйте принять лекарство внутрь, сэр, — посоветовал Сэм красноносому джентльмену, который мрачно потирал голову. — Как вы находите эту горячую суету, сэр?

М-р Стигинс не дал словесного ответа, но его поведение говорило само за себя. Он отведал содержимое стакана, который подал ему Сэм, положил свой зонт на пол, отведал еще раз, благодушно поглаживая рукой по животу, затем выпил все залпом, причмокнул и протянул стакан за новой порцией.

Да и м-с Уэлер не замедлила воздать должное смеси. Сначала добрая леди заявила, что не может проглотить ни капли, потом проглотила маленькую капельку, потом большую каплю, потом великое множество капель; а так как ее нервы отличались свойством тех веществ, на которые сильно действует спирт, то каждую каплю горячего вина она провожала слезой и таяла до тех пор, пока не прибыла наконец в патетическую юдоль скорби.

М-р Уэлер старший наблюдал эти признаки и симптомы, явно выражая свое неудовольствие, а когда после второго кувшина того же напитка м-р Стигинс начал печально вздыхать, м-р Уэлер дал знать о своем недоброжелательном отношении ко всему происходящему, забормотав невнятные фразы, в которых можно было разобрать одно только сердитое слово „кривляние“, повторявшееся несколько раз.

— Я вам скажу, в чем тут дело, Сэмивел, мой мальчик, — прошептал на ухо своему сыну старый джентльмен после долгого и упорного созерцания своей супруги и м-ра Стигинса, — мне кажется, у вашей мачехи во внутренностях что-то неладно, да и у красноногого также.

— Что вы хотите сказать? — спросил Сэм.

— Это-вот, Сэми, — отвечал старый джентльмен, — что они пьют, а это не дает им питания, а все превращается в теплую воду и вытекает у них из глаз. Можете поверить мне на слово, Сэми: в нутре у них неладно.

М-р Уэлер подкрепил эту научную теорию многочисленными кивками и хмурыми взглядами, каковые заметила м-с Уэлер и,

заклучив, что они выражают порицание ей самой или м-ру Стигису или им обоим, готовилась почувствовать себя еще хуже, как вдруг м-р Стигис, кое-как поднявшись со стула, начал произносить поучительную речь в назидание присутствующим и в особенности м-ру Сэмюелу, коего он в трогательных выражениях заклинал быть на страже в этом вертене, куда он был брошен, воздерживаться от лицемерия и гордыни сердца и строго следовать во всем примеру его (Стигиса). В таком случае он может рано или поздно прийти к утешительному заключению, что, подобно м-ру Стигису, он будет самым почетным и безупречным человеком, а все его знакомые и друзья останутся безнадежно заблудшими и распутными негодями, каковая мысль, добавил м-р Стигис, не может не доставить ему живейшего удовлетворения.

Далее он заклинал его избегать прежде всего пьянства, каковой порок сравнил с мерзкими привычками свиньи и с теми ядовитыми и зловерными снадобьями, о которых говорят, что они, будучи пережеваны, отбивают память. В этом месте своей речи преподобный и красноносый джептльмен начал выражаться наредкость бессвязно и, возбужденный собственным красноречием, зашатался и рад был ухватиться за спинку стула, чтобы сохранить вертикальное положение.

М-р Стигис не предостерег своих слушателей против тех лжепророков и жалких плутов от религии, которые, не обладая ни умом, чтобы излагать первоначальные доктрины, ни сердцем, чтобы их почувствовать, являются более опасными членами общества, чем заурядные преступники, ибо, конечно, они влияют на самых слабых и невежественных, навлекая гнев и презрение к тому, что должно считаться самым священным, и до известной степени дискредитируя множество добродетельных и почтенных людей, возглавляющих многие превосходные секты. Но так как м-р Стигис долго стоял, перегнувшись через спинку стула, и, закрыв один глаз, упорно подмигивал другим, то следует предположить, что он обо всем этом думал, но хранил про себя.

Во время этой речи м-с Уэлер всхлипывала и пролиwała слезы после каждой фразы, а Сэм, усевшись верхом на стул

и облокотившись о верхнюю перекладину спинки, очень учтиво и любезно взирал на оратора, изредка бросая многозначительный взгляд на старого джентльмена, который сначала был в восторге, а на середине речи заснул.

— Браво, очень мило! — воскликнул Сэм, когда красноносый, закончив речь, натянул рваные перчатки, причем так далеко просунул пальцы в дыры, что показались суставы. — Очень мило!

— Надеюсь, это принесет вам пользу, Сэмюел, — торжественно произнесла м-с Уэлер.

— Думаю, что принесет, мамаша, — отвечал Сэм.

— О, если бы я могла надеяться, что это принесет пользу вашему отцу! — промолвила м-с Уэлер.

— Благодарю вас, моя дорогая, — отозвался м-р Уэлер старший. — А как вы себя чувствуете, моя милая?

— Зубоскал! — воскликнула м-с Уэлер.

— Во мраке пребывающий, — добавил преподобный м-р Стигинс.

— Достойное создание, — отвечал м-р Уэлер старший, — если я не увижу другого света, кроме ночного мрака этой-вот болтовни, то похоже, что я так и останусь ночной каретой, пока окончательно не уберусь с дороги. Ну-с, м-с Уэлер, если пе-гий долго будет стоять на извозничьем дворе, он на обратном пути ни за что не остановится, и как бы это-вот кресло с пастырем в придачу не перелетело через изгородь.

Услышав о такой возможности, преподобный м-р Стигинс с нескрываемым ужасом подхватил свою шляпу и зонтик и предложил отправиться в путь немедленно, на что м-с Уэлер дала согласие. Сэм проводил их до ворот и почтительно распрощался.

— Адью, Сэмивел, — сказал старый джентльмен.

— Что это за адью? — осведомился Сэм.

— Ну, тогда до свидания, — сказал старый джентльмен.

— А, так вот вы куда делитесь! — сообразил Сэм. — Ну, до свидания.

— Сэми, — прошептал м-р Уэлер, осторожно озираясь, — поклон вашему хозяину и скажите ему, чтобы он дал мне

знать, если придумает насчет этого-вот дела. Мы с одним хорошим столяром придумали план, как его отсюда вытащить. Пьяно, Сэмивел, пьяно! — добавил м-р Уэлер, хлопнув сына в грудь и отступая шага на два.

— Что это значит? — спросил Сэм.

— Фортепьяно, Сэмивел, — отвечал м-р Уэлер с сугубой таинственностью, — его можно взять напрокат, но играть на нем нельзя будет, Сэм.

— А какой же тогда прок от него? — полюбопытствовал Сэм.

— Пусть он пошлет за моим приятелем столяром, чтобы тот взял его обратно, Сэм, — отвечал м-р Уэлер. — Теперь смекаете?

— Нет, — сказал Сэм.

— В нем нет никакой машины, — зашептал отец. — Он там свободно поместится и в шляпе и в башмаках, а дышать будет через ножки, они внутри выдолбленные. Нужно запастись билетами в Америку. Американское правительство ни за что не выдаст его, когда узнает, что он при деньгах, Сэм. Пусть хозяин живет там, пока не помрет м-с Бардль или пока не повесят м-ра Додсона и Фога (мне кажется, Сэм, что это событие совершится раньше первого), а тогда пусть возвращается и пишет книгу про американцев. Это окупит все расходы с излишком, если он хорошенько все сплелет.

М-р Уэлер с большим возбуждением изложил шопотом суть заговора, затем, словно из боязни ослабить дальнейшими разговорами эффект потрясающего сообщения, он сделал приветственный кучерской салют и скрылся.

Сэм едва успел обрести свое обычное спокойствие, которое было в значительной мере нарушено секретным сообщением почтенного родителя, как к нему обратился м-р Пиквик.

— Сэм, — сказал сей джентльмен.

— Сэр? — откликнулся м-р Уэлер.

— Я собираюсь прогуляться по тюрьме и хочу, чтобы вы меня сопровождали. А вон идет сюда арестант, которого мы знаем, Сэм, — добавил м-р Пиквик.

— Который, сэр? — осведомился м-р Уэлер. — Джентльмен с шевелюрой или интересный узник в чулках?

— Ни тот, ни другой, — отвечал м-р Пиквик. — Это один из ваших более старых друзей, Сэм.

— Моих, сэр? — воскликнул м-р Уэлер.

— Думаю, что вы прекрасно помните этого джентльмена, Сэм, — отозвался м-р Пиквик, — если память на старых знакомых у вас не хуже, чем я предполагал. Тише! Ни слова, Сэм, ни звука. Вот он.

Во время этого разговора подошел Джингль. В поношенном костюме, выкупленном с помощью м-ра Пиквика у ростовщика, он казался не таким жалким, как раньше. М-р Джингль надел чистое белье и подстриг волосы. Однако он был очень бледен и худ, а когда медленно шелся, опираясь на палку, легко было заметить, что он жестоко пострадал от болезни и пищеты и до сих пор еще не набрался сил. Джингль снял шляпу, когда м-р Пиквик с ним поздоровался, и казался очень смущенным и взволнованным при виде Сэма Уэлера.

За ним по пятам шел м-р Джоб Тротер, в списке пороков которого во всяком случае не было недостатка в верности и привязанности к приятелю. Он был попрежнему ободран и грязен, но лицо его слегка пополнило за несколько дней, прошедших после первой встречи с м-ром Пиквиком. Кланяясь нашему мягкосердечному старому другу, он пролепетал какие-то отрывистые слова благодарности и что-то бормотал о том, что он спасен от голодной смерти.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо перебил м-р Пиквик, — ступайте с Сэмом. Я хочу поговорить с вами, м-р Джингль. Можете вы идти, не опираясь на его руку?

— Конечно, сэр, — к вашим услугам — не очень быстро — ноги ненадежны — в голове неладно — все кружится — похоже на землетрясение — весьма.

— Возьмите-ка меня под руку, — сказал м-р Пиквик.

— Нет, нет, — возразил Джингль, — право же не надо —

нет.

— Вздор! — сказал м-р Пиквик. — Обопритесь на мою руку, прошу вас, сэр.

Видя, что он смущен, взволнован и не знает, что делать, м-р Пиквик быстро разрешил вопрос, взяв больного актера под руку, и увел его с собою без дальнейших разговоров.

Всё это время физиономия м-ра Сэмюэла Уэлера выражала самое безграничное и неопишемое изумление, какое только можно вообразить. В глубоком молчании переводя взгляд с Джоба на Джингля и с Джингля на Джоба, он мог выговорить только: „Ах, чорт побери!“ Эти слова он повторил по крайней мере раз двадцать, после какового усилия он, казалось, окончательно лишился дара речи и снова стал смотреть сперва на одного, потом на другого в немом замешательстве и недоумении.

— Ну, Сэм, — оглянувшись, сказал м-р Пиквик.

— Иду, сэр, — отозвался м-р Уэлер, машинально следуя за своим хозяином. Он все еще не сводил глаз с м-ра Джоба Тротера, который молча шел рядом.

Джоб в течение некоторого времени не поднимал глаз. Сэм, будучи не в силах оторваться от физиономии Джоба, налетал на проходивших мимо людей, падал па маленьких детей, цеплялся за ступеньки и перила, казалось, вовсе этого не замечая, пока Джоб, украдкой взглянув на него, не сказал:

— Как поживаете, м-р Уэлер?

— Это он! — воскликнул Сэм; он с полной несомненностью установил личность Джоба, хлопнул себя по ляжке и пронзительно свистнул, давая исход своим чувствам.

— Мои обстоятельства изменились, сэр, — заметил Джоб.

— Похоже на то, что изменились, — подхватил м-р Уэлер, с нескрываемым удивлением созерцая лохмотья своего спутника. — Изменение, пожалуй, к худшему, м-р Тротер, как сказал джентльмен, когда ему разменяли полкроны на два фальшивых шиллинга и шесть пенсов.

— Совершенно верно, — согласился Джоб, покачивая головой. — Теперь уже без обмана, м-р Уэлер. Слезы, — добавил Джоб с мимолетно блеснувшим лукавством, — слезы — не единственный показатель несчастья, да и не самый лучший.

— Да, правда, — выразительно произнес Сэм.

— Они могут быть притворными, м-р Уэлер, — добавил Джоб.

— Знаю, что могут, — согласился Сэм. — Есть люди, у которых они всегда наготове, и нужно только вытащить пробку.

— Да, подтвердил Джоб, — но вот эти вещи не так легко подделать, м-р Уэлер, и операция мучительная, пока их получишь. — Тут он указал на свои желтые впалые щеки и, зачистив рукав куртки, обнажил руку: кость могла переломиться от одного прикосновения: такой острой и хрупкой казалась она под тонким покровом мускулов.

— Что это вы с собой сделали? — отшатнувшись, воскликнул Сэм.

— Ничего, — отвечал Джоб. — Вот уже много недель я ничего не делаю, — пояснил он, — а ем и пью почти столько же.

Сэм выразительным взглядом окинул худое лицо и жалкую одежду м-ра Тротера, потом схватил его за руку и силою потащил за собой.

— Куда вы, м-р Уэлер? — спросил Джоб, тщетно пытаюсь вырваться из могучих рук своего прежнего врага.

— Идите, — сказал Сэм, — идите! — Он не устаивал его дальнейшим объяснением, пока они не добрались до буфета и он не потребовал кружки портера, который был тотчас же подан.

— Ну, — сказал Сэм, — выпейте все до последней капли, а потом опрокиньте крышку вверх дном — я хочу посмотреть, как вы приняли лекарство.

— Но право же, мой дорогой м-р Уэлер... — начал Джоб.

— До дна! — повелительно сказал Сэм.

После такого увещания м-р Тротер поднес кружку к губам и постепенно, почти незаметно перевернул вверх дном. Один единственный раз он приостановился, чтобы перевести дыхание, но не отрывал кружки от губ, а через несколько секунд уже держал ее перевернутою в вытянутой руке. Ничего не вылилось, только клочья пены отрывались от края и лениво падали на пол.

— Чистая работа, — одобрил Сэм. — Ну, как вы себя чувствуете теперь?

— Лучше, сэр. Как будто лучше, — ответил Джоб.

— Ну, конечно, — внушительно произнес Сэм. — Это все равно, что накачать газу в воздушный шар. Я простым глазом вижу, что вы потолстели после этой операции. Что скажете о второй кружке таких же размеров?

— Я бы отказался, очень вам признателен, сэр, — отвечал Джоб, — я бы предпочел отказаться.

— Ну, а что вы скажете о чем-нибудь более существенном? — осведомился Сэм.

— Благодаря вашему достойному хозяину, сэр, — сообщил м-р Тротер, — в три часа без четверти мы получаем половину бараньей ноги, зажаренной вместе с картофелем.

— Как! Это он о вас позаботился? — с удивлением спросил Сэм.

— Да, сэр, — ответил Джоб. — Больше того, м-р Уэлер: мой хозяин был очень болен, а он дал нам комнату — раньше мы жили в конуре — и заплатил за нее, сэр, и приходил ночью к нам, когда его никто не мог видеть. М-р Уэлер, — сказал Джоб, на этот раз с непритворными слезами на глазах, — я готов служить этому джентльмену до тех пор, пока не свалюсь мертвый к его ногам.

— Вот как! — воскликнул Сэм. — Я вас должен огорчить, мой друг. Это не пройдет.

У Джоба Тротера был недоумевающий вид.

— Молодой человек, говорю вам — это не пройдет! — решительно повторил Сэм. — Никто не будет ему служить, кроме меня. И раз уж мы об этом заговорили, я вам открою еще один секрет, — добавил Сэм, расплачиваясь за пиво: — я никогда не слышал, заметьте это, и в книжках не читал и на картинках не видел ни одного ангела в коротких штанах и гетрах — и, насколько я помню, ни одного в очках, хотя, может быть, такие и бывают, — но заметьте мои слова, Джоб Тротер: несмотря на все это, он — регулярный чистокровный ангел, и пусть кто-нибудь посмеет мне сказать, что знает ангела по-лучше! — Бросив такой вызов, м-р Уэлер спрятал сдачу в боковой карман и, подкрепив свои слова многочисленными кивками и жестами, отправился разыскивать объект разговора.

Они нашли м-ра Пиквика в обществе Джингля, с которым он очень серьезно беседовал, не обращая внимания на группы людей, собравшихся во дворе для игры в мяч. Это были весьма разношерстные группы, и на них стоило посмотреть хотя бы из праздного любопытства.

— Хорошо, — говорил м-р Пиквик, когда Сэм со своим спутником подошел ближе, — подождите, пока поправитесь, а теперь подумайте об этом. Скажите мне свое решение, когда окрепнете, и мы обсудим это дело. А теперь идите в свою комнату. Вы устали и слишком слабы, чтобы долго оставаться на воздухе.

М-р Альфред Джингль, утративший последние проблески своего прежнего оживления и даже ту мрачную веселость, какую он на себя напустил, когда м-р Пиквик впервые увидел его в бедственном положении, молча отвесил низкий поклон и, знаком приказав Джобу не следовать за ним, медленно поплелся прочь.

— Любопытная сцена, не правда ли, Сэм? — сказал м-р Пиквик, добродушно оглядываясь.

— Очень даже любопытная, сэр, — отвечал Сэм. — Чудесам никогда конца не будет, — добавил он, разговаривая сам с собой, — жестоко ошибаюсь, если этот-вот Джингль не прибег к помощи чего-нибудь вроде водокачки.

Пространство, обнесенное стеною в той части Флита, где стоял м-р Пиквик, было достаточно велико, чтобы служить хорошей площадкой для игры в мяч; с одной стороны возвышалась, конечно, стена, а с другой — та часть тюрьмы, окна которой смотрели на собор св. Павла или, вернее, должны были смотреть, не будь здесь стены. Во всевозможных позах, усталых и праздных, сидели или слонялись многочисленные должники; большинство ожидало в тюрьме вызова в суд по делам о несостоятельности, тогда как другие отбывали свои сроки и по мере сил старались убить время. Одни были ободранны, другие хорошо одеты, многие грязны, очень немногие опрятны, но все они шатались, слонялись и бродили здесь так же вяло и бесцельно, как дикие животные в зверинце.

Из окон, выходявших во двор, высывались люди, которые громко разговаривали со своими знакомыми внизу, или перебрасывались мячом с предприимчивыми игроками на дворе, или наблюдали за игрою в мяч, или следили за мальчиками, выкрикивавшими результаты игры. Грязные женщины в стоптанных башмаках сновали взад и вперед, направляясь и кухню, находившуюся в одном углу двора; дети кричали, дрались и играли в другом углу. Стук кеглей и возгласы игроков сливались с сотней других звуков, везде шум и суета — везде, за исключением маленького жалкого сарая в нескольких ярдах от этого места, где в ожидании пародии на следствие лежало неподвижное и посиневшее тело канцлерского арестанта, который умер прошлой ночью. Тело! Таков юридический термин для обозначения беспокойной, мутящейся массы забот и тревог, привязанностей, надежд и огорчений, какие создают живого человека. Закон получил его тело — жуткий свидетель милосердия закона, оно здесь лежало, облеченное в саван.

— Не желаете ли заглянуть в свистушку, сэр? — осведомился Джоб Тротер.

— Что вы имеете в виду? — в свою очередь спросил м-р Пиквик.

— Свистушка — там свищут, сэр, — вмешался м-р Уэлер.

— Что это такое, Сэм? Продажа птиц? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Нет, сэр, господь с вами, — возразил Джоб. — В свистушке продают спиртные напитки, сэр.

М-р Джоб Тротер кратко объяснил, что под угрозой большого штрафа запрещено проносить в долговую тюрьму спиртные напитки, а так как этот товар высоко ценится леди и джентльменами, здесь заключенными, то некоторые рассчетливые тюремщики решили из корыстных побуждений смотреть сквозь пальцы на двух-трех арестантов, получающих прибыль от розничной торговли излюбленным напитком — джином.

— Такое устройство, сэр, постепенно ввели во всех долговых тюрьмах, — добавил м-р Тротер.

— И оно имеет одно большое преимущество, — вставил Сэм, — тюремщики изо всех сил стараются поймать занима-

ющихся контрабандой, кроме тех, кто им платит, а когда об этом печатается в газетах, их хвалят за бдительность. Отсюда две выгоды — прочим неповадно заниматься торговлей, а тюремщики пользуются хорошей репутацией.

— Совершенно верно, м-р Уэлер, — заметил Джоб.

— Но разве никогда не обыскивают этих комнат, чтобы узнать, не спрятан ли там спирт? — спросил м-р Пиквик.

— Конечно, обыскивают, сэр, — отвечал Сэм, — но тюремщики узнают заранее и предупреждают свистунов, а потом можете свистеть сколько угодно — все равно ничего не найдете.

Тем временем Джоб постучал в дверь, которую открыл джентльмен с растрепанной шевелюрой; он запер ее, как только они вошли, и ухмыльнулся; в ответ ухмыльнулся Джоб, а также Сэм, и м-р Пиквик, предполагая, что этого ждут и от него, не переставал улыбаться до конца свидания.

Джентльмен с растрепанной шевелюрой был, казалось, вполне удовлетворен такой молчаливой манерой вести дела и, достав из-под кровати плоскую глиняную флягу, вмещавшую около двух кварт, наполнил три стакана джином, с которым Джоб Тротер и Сэм распорядились мастерски.

— Еще? — спросил свистун.

— Довольно, — ответил Джоб Тротер.

М-р Пиквик расплатился, дверь открылась, и они вышли; растрепанный джентльмен дружески кивнул м-ру Рокеру, случайно проходившему мимо.

Отсюда м-р Пиквик отправился бродить по всем галереям и лестницам и еще раз обошел весь двор. Большинство обитателей тюрьмы, казалось, состояло из Майвинсов, Сменглей, священника, мясника и шулера, встречавшихся снова, и снова, и снова. Во всех закоулках, и лучших и худших, была все та же грязь, та же суета и шум, те же характерные черты. Вся тюрьма, казалось, была охвачена беспокойством и тревогой, а люди толпились и шпыряли, как тени в тревожном сне.

— Я видел достаточно, — сказал м-р Пиквик, бросаясь в кресло в своей маленькой комнате. — У меня голова болит от

этих сцен, и сердце тоже. Отныне я буду пленником в своей собственной комнате.

И м-р Пиквик твердо держался этого решения. В течение трех долгих месяцев он целыми днями сидел взаперти, выходя подышать воздухом только ночью, когда большинство его товарищей по тюрьме спали или пьянствовали в своих комнатах. Его здоровье начало страдать от такого сурового заключения. Но, несмотря на часто повторявшиеся мольбы Перкера и друзей и еще чаще повторявшиеся предостережения и увещания м-ра Сэмюэла Уэлера, он ни на йоту не изменил своего непоколебимого решения.

ГЛАВА XLVI

сообщает о шрогательном и деликатном поступке, не лишенном остроумия, задуманном и совершенном фирмою Додсона и Фога

За неделю до конца июля на Госуел-стрит показался быстро катившийся наемный кабrioлет, номер которого нам остался неизвестен. В него были втиснуты трое, кроме кучера, сидевшего на собственном отдельном сиденьи сбоку экипажа. Поверх экипажного фартука свисали две шали, принадлежавшие, по всей видимости, двум маленьким, сварливым на вид леди под фартуком; между ними, сжатый до самого малого объема, вдвинут джентльмен, неповоротливый и смиренный на вид, которого резко обрывала то одна, то другая из упомянутых сварливых леди, как только он пытался сделать какое-либо замечание. Две сварливые леди и неповоротливый джентльмен давали извозчику противоречивые указания, преследующие одну общую цель, а именно: он должен был остановиться у подъезда м-с Бардль, причем неповоротливый джентльмен, явно бросая вызов сварливым леди, утверждал, что дверь зеленая, а не желтая.

— Извозчик, остановитесь у дома с зеленой дверью, — сказал неповоротливый джентльмен.

— Вот несносное создание! — воскликнула одна из сварливых леди. — Извозчик, остановитесь у дома с желтой дверью.

Извозчик, собиравшийся остановиться у дома с зеленой дверью, так резко дернул лошадь, что она едва не въехала задом в кабриолет, после чего он позволил ей снова опустить передние ноги на землю и затормозил.

— Ну, где же мне остановиться? — спросил извозчик. — Решайте. Я только хочу знать — где?

Спор возобновился с новым пылом, а так как лошади досаждала муха, садившаяся ей на нос, то извозчик, воспользовавшись досугом, хлестал ее по голове по принципу противоположных раздражений.

— Решает большинство голосов, — сказала наконец одна из сварливых леди. — Извозчик, дом с желтой дверью!

Но когда кабриолет с шумом подъехал к дому с желтой дверью, „производя больше шума, чем собственный экипаж“, как заметила с торжеством одна из сварливых леди, и когда кучер соскочил, чтобы помочь дамам выйти из экипажа, маленькая круглая голова мастера Томаса Бардля высунулась из окна дома с красной дверью, расположенного дальше.

— Возмутительно! — воскликнула только что упомянутая сварливая леди, бросив уничтожающий взгляд на неповоротливого джентльмена.

— Моя милая, я не виноват, — сказал неповоротливый джентльмен.

— Молчите, болван! — отрезала леди. — Извозчик, к дому с красной дверью. О, если случалось когда-нибудь женщине иметь дело с грубияном, которому приятно оскорблять свою жену при каждом удобном случае в присутствии посторонних, то эта женщина — я!

— Вы бы постыдились, Редль, — сказала вторая маленькая женщина — не кто иная, как м-с Клапинс.

— Что же я сделал? — осведомился м-р Редль.

— Молчите, болван, молчите, или я забуду о своем поле и изобью вас! — воскликнула м-с Редль.

Пока длился этот диалог, извозчик весьма позорно вел лошадь под уздами к дому с красной дверью, которую уже

открыл мастер Бардль. Поистине это был недостойный и унижительный способ подъезжать к дому друзей! Рысак не подкатил бешено к подъезду, извозчик не соскочил с козел и не забарабанил в дверь, не откинул фартука в самый последний момент, дабы леди не сидели на ветру, и не передал им шалей, как делает это кучер собственного экипажа! Вся острота исчезла; это было вульгарнее, чем прийти пешком.

— Ну, Томи, — сказала м-с Клапинс, — как здоровье вашей бедной мамочки?

— Она совсем здорова, — отвечал мастер Бардль. — Она готова и ждет в гостиной. И я тоже готов.

Тут мастер Бардль засунул руки в карманы и начал прыгать с нижней ступеньки подъезда на тротуар и обратно.

— А еще кто-нибудь едет с нами, Томи? — спросила м-с Клапинс, поправляя свою пелерину.

— М-с Сендерс едет, — отвечал Томи. — И я тоже еду.

— Дрянной мальчишка, — пробормотала м-с Клапинс. — Он только о себе и думает. Послушайте, милый Томи...

— Что? — отозвался мастер Бардль.

— Еще кто-нибудь едет, миленький? — вкрадчиво осведомилась м-с Клапинс.

— М-с Роджерс едет, — отвечал мастер Бардль, тараща глаза.

— Как! Леди, которая сняла комнату? — воскликнула м-с Клапинс.

Мастер Бардль глубже засунул руки в карманы и кивнул ровно тридцать пять раз, давая понять, что речь идет о леди-жилице и ни о ком другом.

— Ах, боже мой, — сказала м-с Клапинс, — да это настоящий пикник!

— А если бы знали, что припрятано в буфете! — подхватил мастер Бардль.

— А что там, Томи? — ласково спросила м-с Клапинс. — Я уверена, что мне вы скажете, Томи.

— Нет, не скажу, — возразил мастер Бардль, покачав головой и снова взбираясь на нижнюю ступеньку.

— Противный ребенок! — пробормотала м-с Кланнис. — Какой упрямый, скверный мальчишка! Ну, Томи, скажите же своей дорогой Клапи.

— Мама запретила говорить, — ответил мастер Бардль. — И мне тоже дадут, и мне тоже. — Вдохновленный такой перспективой, скороспелый ребенок с удвоенным рвением занялся своей игрою в каторжную * мельницу.

Вышеприведенный допрос невинного младенца происходил, пока м-р и м-с Редль и извозчик препирались из-за денег. Когда спор окончился в пользу извозчика, м-с Редль подошла нетвердыми шагами.

— Ах, Мери Энн! Что случилось? — спросила м-с Кланнис.

— Я вся дрожу, Бегси, — отвечала м-с Редль. — Редль — не мужчина, он все взваливает на меня.

Вряд ли это было справедливо по отношению к злосчастному м-ру Редлю, ибо добрая супруга отстранила его в самом начале спора и властно приказала держать язык за зубами. Впрочем, он не имел возможности оправдаться, так как у м-с Редль обнаружились недвусмысленные симптомы приближающегося обморока. Заметив это из окна гостиной, м-с Бардль, м-с Сендерс, жилица и служанка жилицы поспешно вышли и перенесли ее в дом, болтая без толку и всемерно выражая жалость и сострадание, словно она была несчастнейшей из смертных. В гостиной ее уложили на диване, и жилица из бельэтажа, сбегав в бельэтаж, вернулась с флаконом нашатырного спирта, каковой она крепко обняв м-с Редль за шею, прижимала со всей женственной заботливостью и жалостью к ее носу до тех пор, пока эта леди, долго отбивавшаяся, не вынуждена была заявить, что чувствует себя гораздо лучше.

— Ах, бедняжка! — воскликнула м-с Роджерс. — Я слишком хорошо понимаю ее чувства.

— Ах, бедняжка! Я тоже, — подхватила м-с Сендерс, и тогда все леди застонали хором и объявили, что они-то понимают, в чем тут дело, и жалеют ее от всего сердца. Даже маленькая служанка жилицы, тринадцати лет и трех футов ростом, выразила шопотом свое сочувствие.

— Но что же случилось? — спросила м-с Бардль.

— Вот именно! Что расстроило вас, сударыня? — осведомилась м-с Роджерс.

— Меня сильно взволновали, — укоризненным тоном произнесла м-с Редль. В ответ на это леди устремили негодующий взгляд на м-ра Редля.

— Дело вот в чем, — сказал злополучный джентльмен, выстукая вперед. — Когда мы сошли у подъезда, начался спор с кучером кебриоля...

Громкий вопль его жены, вызванный этим последним словом, заглушил дальнейшие объяснения.

— Вы бы лучше нас оставили, Редль, пока мы не приведем ее в чувство, — сказала м-с Клапинс. — В вашем присутствии она никогда не оправится.

Все леди были того же мнения. Поэтому м-ра Редля вытолкали из комнаты и предложили ему прогуляться по двору. Он прогуливался около четверти часа, после чего м-с Бардль с торжественным видом объявила ему, что теперь он может войти, но должен быть очень осторожен в обращении с женой. М-с Бардль знала, что у него не было дурных намерений, но Мери Энн очень слабая, и если он не остережется, то может потерять ее, когда меньше всего этого ждет, что впоследствии явится для него весьма мучительным воспоминанием, и так далее. М-р Редль выслушивал все это с большим смирением и вскоре вернулся в гостиную настоящей овечкой.

— Ах, м-с Роджерс, сударыня, — воскликнула м-с Бардль, — да ведь я вас еще не познакомила! М-р Редль, сударыня, м-с Клапинс, сударыня, м-с Редль, сударыня.

— Сестра м-с Клапинс, — добавила м-с Сендерс.

— О, в самом деле? — милостиво сказала м-с Роджерс, ибо она была жилицей, и прислуживать должна была ее служанка, и потому, по своему положению, она держала себя скорее милостиво, чем непринужденно. — О, в самом деле?

М-с Редль сладко улыбнулась, м-р Редль поклонился, а м-с Клапинс заявила, что „она радуется случаю познакомиться с такой леди, как м-с Роджерс, о которой она слышала столько

хорошего". На этот комплимент вышеупомянутая леди ответила с изысканной снисходительностью.

— Знаете, м-р Редль, — сказала м-с Бардль, — вам должно быть очень лестно: вы и Томи — единственные джентльмены, которые будут сопровождать только дам к „Испанцу“ * в Хемстед. Не правда ли, м-с Роджерс, сударыня?

— О, конечно, сударыня, — отозвалась м-с Роджерс, после чего все остальные леди ответили:

— О, конечно!

— Разумеется, я это чувствую, сударыня, — сказал м-р Редль, потирая руки и обнаруживая поползновение развеселиться. — Сказать вам правду, я говорил, когда мы ехали сюда в кебриоле...

При повторении этого слова, пробуждавшего столько мучительных воспоминаний, м-с Редль снова приложила носовой платок к глазам и испустила приглушенный вопль, после чего м-с Бардль грозно посмотрела на м-ра Редля, давая понять, что лучше бы он помолчал, и с достоинством попросила служанку м-с Роджерс „подать вино“.

Это послужило сигналом для извлечения сокровищ, скрытых в буфете, откуда появилось несколько тарелок с апельсинами и бисквитами, бутылка доброго старого портвейна за шиллинг и девять пенсов и бутылка прославленного хереса из Восточной Индии за четырнадцать пенсов. Все это было подано в честь жилицы и доставило беспредельное удовольствие всем присутствовавшим. К великому ужасу м-с Клапинс Томи сделал попытку рассказать, как его допрашивали по поводу буфета (к счастью, попытка была пресечена в корне полустаканом старого портвейна, который попал ему „не в то горло“ и на секунду подверг опасности его жизнь), после чего компания отправилась на поиски хемстедской кареты. Она была вскоре найдена, и часа через два они благополучно прибыли в „Испанские Сады“, где первый же поступок злосчастного м-ра Редля едва не вызвал нового обморока у его дражайшей супруги, ибо он не больше не меньше как заказал чай на семерых, тогда как (это мнение высказали все леди) проще всего было, чтобы Томи пил из чьей-нибудь чашки или из всех чашек,

когда официант отвернется, что дало бы экономию в одну порцию чая, и от этого чай был бы ничуть не хуже!

Однако делать было нечего, и поднос появился с семью чашками и блюдами, а также с хлебом и маслом на семейных. М-с Бардль единогласно была посажена на председательское место, м-с Роджерс поместилась по правую руку от нее, а м-с Редль — по левую, и пиршество началось очень весело.

— Как очаровательна деревня! — вздохнула м-с Роджерс. — Мне бы хотелось всегда там жить.

— О, вам бы не понравилось, сударыня, — с некоторой поспешностью отозвалась м-с Бардль, ибо, принимая во внимание квартиру, отнюдь не следовало поощрять подобное настроение. — Вам бы не понравилось, сударыня.

— Мне кажется, вы не удовольствовались бы деревней, сударыня: вы такая веселая, все ищут знакомства с вами. — подхватила маленькая м-с Клапинс.

— Быть может, сударыня, быть может, — прошептала жилища из бельэтажа.

— Для одиноких людей, у которых нет никого, кто бы их любил и о них заботился, или для тех, кто изведал горе или что-нибудь в этом роде, — для них хороша деревня, — заметил м-р Редль, слегка приободрясь и поглядывая вокруг. — Деревня, как говорится, приют для раненой души...

Из всех замечаний, какие мог сделать злополучный человек, это было наименее удачным. Конечно, м-с Бардль залилась слезами и попросила позволения тотчас же встать из-за стола; вслед за нею самым заунывным тоном заревел и ее чувствительный отпрыск.

— Кто бы поверил, сударыня, — гневно воскликнула м-с Редль, обращаясь к жилище бельэтажа, — что жепщина может выйти замуж за такое бесчеловечное существо, которое ежеминутно оскорбляет женские чувства, сударыня!

— Милая моя, — запротестовал м-р Редль. — милая моя, у меня и в мыслях этого не было.

— У вас в мыслях не было! — очень сердито и презрительно повторила м-с Редль. — Уходите! Видеть вас не могу, чудовище!

— Вам не следует волноваться, Мери Энн, — вмешалась м-с Клаппинс. — Право же, вы должны беречь себя, моя дорогая. а этого вы никогда не делаете. Да уйдите же, Редль, будьте так добры, ведь вы ее только раздражаете.

— В самом деле, сэр, вы бы лучше взяли свой чай и удалились, — сказала м-с Роджерс, снова прибегая к своему флакону.

М-с Сендерс, которая по обыкновению приналегала на хлеб с маслом, высказала то же мнение, и м-р Редль потихоньку удалился.

Затем мастер Бардль, хотя он был уже несколько велик для таких объятий, торжественно водружен был на колени матери, во время каковой процедуры его башмаки очутились на чайном подносе, произведя некоторый беспорядок среди чашек и блюд. Так как истерические припадки, заразные в дамском обществе, редко затягиваются, то, расцеловав мастера Бардля и немножко всплакнув над ним, м-с Бардль оправилась, спустила его с колен, подивилась, как это она могла быть такой глупенькой, и налила себе еще чаю.

В этот самый момент раздался стук подъезжающего экипажа, и леди, подняв глаза, увидели наемную карету, остановившуюся у ворот сада.

— Еще кто-то приехал, — заметила м-с Сендерс.

— Это джентльмен, — сказала м-с Редль.

— Как! Да ведь это м-р Джексон, молодой человек из конторы Додсона и Фога! — воскликнула м-с Бардль. — Ах, боже мой! Неужели м-р Пиквик уплатил убытки?

— Или согласился на брак! — подхватила м-с Клаппинс.

— Ах, какой медлительный джентльмен! — воскликнула м-с Роджерс. — Почему он не поторопится?

Когда леди произнесла эти слова, м-р Джексон отошел от кареты, сделав предварительно какое-то замечание обтрепанному человеку в черных гамахах и с толстой ясеновой палкой, только что вышедшему из экипажа, и направился к тому месту, где сидели леди, закручивая при этом свои волосы под полями шляпы.

— В чем дело? Что-нибудь случилось, м-р Джексон? — взволнованно осведомилась м-с Бардль.

— Решительно ничего, сударыня, — отвечал м-р Джексон. — Как поживаете, леди? Я должен просить прощения за то, что вторгаюсь в вашу компанию, но закон, леди... закон.

Принеся извинения, м-р Джексон улыбнулся, отвесил общий поклон и снова закрутил волосы. М-с Роджерс шепнула м-с Редль, что он — очень элегантный молодой человек.

— Я зашел на Госуел-стрит, — продолжал Джексон, — и, узнав от служанки, что вы здесь, нанял карету и приехал. Нам необходимо видеть вас в городе, м-с Бардль.

— Ах! — воскликнула эта леди, встрепенувшись от неожиданного сообщения.

— Да, — подтвердил Джексон, покусывая губы. — Это очень важное и срочное дело, не терпящее отлагательства. Именно так выразился Додсон, а также и Фог. Я задержал карету, чтобы отвезти вас назад.

— Как странно! — удивилась м-с Бардль.

По мнению всех леди, это действительно было очень странно, но они единогласно пришли к тому заключению, что дело должно быть очень важное, иначе Додсон и Фог не прислали бы за нею, и что дело это срочное, а посему следует немедленно ехать к Додсону и Фогу.

Есть основания гордиться и важничать, когда тебя с такой чудовищной поспешностью вызывают твои адвокаты, и м-с Бардль испытывала некоторое удовольствие, главным образом потому, что это должно было повысить ей цену в глазах жилицы бельэтажа. Она немножко посмеялась, притворилась очень недовольной и колеблющейся и наконец пришла к тому заключению, что, кажется, нужно ехать.

— Не хотите ли освежиться после поездки, м-р Джексон? — предложила м-с Бардль.

— Право же, нельзя терять время, — ответил Джексон. — И я здесь с приятелем, — добавил он, посмотрев на человека с ясеновой палкой.

— Попросите своего приятеля пожаловать сюда, сэр, — сказала м-с Бардль. — Пожалуйста, пригласите своего приятеля.

— Благодарю вас, не стоит, — возразил м-р Джексон, слегка замаявшись. — Он не привык к дамскому обществу и бу-

дег стесняться. Если вы прикажете официанту подать ему стаканчик чего-нибудь покрепче, вряд ли он откажется выпить — можете его испытать! — М-р Джексон игриво покрутил пальцами вокруг носа, предупреждая этим слушателей, что он говорит проницательно.

Официант был немедленно отправлен к застенчивому джентльмену, и застенчивый джентльмен выпил, м-р Джексон тоже выпил, и леди выпили — для компании. Затем м-р Джексон объявил, что пора ехать, после чего м-с Сендерс, м-с Клапинс и Томи (которые должны были сопровождать м-с Бардль, тогда как прочие остались на попечении м-ра Редля) разместились в карете.

— Айзек, — сказал Джексон, когда м-с Бардль собиралась последовать за ними, и посмотрел на человека с ясеновой палкой, сидевшего на козлах и курившего сигару.

— Что?

— Это м-с Бардль.

— Я давным-давно догадался, — ответил тот.

М-с Бардль влезла в карету, м-р Джексон влез вслед за ней, и они уехали. М-с Бардль невольно призадумалась над тем, что сказал приятель м-ра Джексона. Проницательный народ эти адвокаты. Господи помилуй, как они узнают людей!

— Печальная история с издержками нашей фирмы, не правда ли? — сказал м-р Джексон, когда м-с Сендерс и м-с Клапинс заснули. — Я имею в виду ваш счет.

— Очень жаль, что они не получили по счету, — отзывалась м-с Бардль. — Но если вы, господа юристы, ведете такие дела на свой риск, приходится, знаете ли, терпеть иногда убытки.

— Мне говорили, что после процесса вы выдали им *cognovit** на сумму издержек по вашему делу? — осведомился Джексон.

— Да. Пустая формальность, — ответила м-с Бардль.

— Разумеется, — сухо подтвердил Джексон, — только формальность.

Они продолжали путь, и м-с Бардль заснула. Спустя немного она проснулась, когда остановилась карета.

— Ах, боже мой! — воскликнула эта леди. — Мы уже приехали в Фрименс-Корт?

— Нам не нужно было ехать так далеко, — возразил Джексон. — Будьте добры, выходите.

М-с Бардль, еще не успев хорошенько проснуться, повиновалась. Это было странное место: высокая стена, посередине ворота, за которыми был виден свет газового фонаря.

— Ну-с, леди, — крикнул человек с ясеновой палкой, оглядывая в карету и встряхивая м-с Сендерс, чтобы ее разбудить. — Пожалуйста! — Растормошив свою приятельницу, м-с Сендерс вышла из экипажа. М-с Бардль, опираясь на руку Джексона и ведя Томи, уже вошла в ворота. Приятельницы последовали за ней.

Комната, в которой они очутились, казалась еще более странной. Сколько здесь толпилось мужчин! И как они тараторчили глаза!

— Где мы? — останавливаясь, спросила м-с Бардль.

— В одном из наших общественных учреждений, — ответил Джексон, ниспешно увлекая ее к двери и оглядываясь, чтобы узнать, следуют ли за ним остальные. — Смотрите в оба, Айзек.

— Будьте благонадежны, — отозвался человек с ясеновой палкой.

Дверь тяжело захлопнулась за ними, и они спустились с нескольких ступенек.

— Ну, вот мы и прибыли. Все в порядке и на месте, м-с Бардль! — воскликнул Джексон, с торжеством озираясь вокруг себя.

— Что это значит? — осведомилась м-с Бардль, у которой замерло сердце.

— А вот что, — отвечал Джексон, отводя ее в сторону. — Не пугайтесь, м-с Бардль. Не бывало еще на свете человека, более деликатного, чем Додсон, сударыня, и более гуманного, чем Фог. С деловой точки зрения они обязаны были задержать вас в обеспечение своих издержек, но они хотели щадить по мере сил ваши чувства. Сколь утешительно будет для вас подумать о том, как это было сделано! Это Флит,

сударыня. Желаю вам спокойной ночи, м-с Бардль. Спокойной ночи, Томи!

Когда Джексон убежал в сопровождении человека с ясеневой палкой, другой человек с ключом в руке, наблюдавший эту сцену, повел ошеломленную женщину ко второй короткой лестнице, ведущей к двери. М-с Бардль пронзительно взвизгнула. Томи заревел, м-с Клаппис съежилась, а м-с Сендерс без слов обратилась в бегство, ибо перед ними стоял оклеветанный м-р Пиквик, совершавший вечернюю прогулку, и за ним — Сэмюел Уэлтер, который при виде м-с Бардль насмешливо снял шляпу, в то время как его хозяин с негодованием повернулся на каблуках.

— Не надоедайте этой женщине, — сказал тюремщик Уэлтеру, — она только что доставлена.

— Арестована! — воскликнул Сэм, быстро надевая шляпу. — Кто истец? По какому делу? Да говорите же, старина!

— Додсон и Фог, — ответил тот. — Задержана на основании cognovit об уплате издержек.

— Джоб, сюда, Джоб! — кричал Сэм, бросаясь в коридор. — Бегите к м-ру Перкеру, Джоб! Он нужен мне немедленно. От этого нам будет прок. Вот так потеха! Ура! Где командир?

Но никакого ответа не последовало, ибо Джоб, получив поручение, мгновенно бросился бежать сломя голову, а м-с Бардль лежала в обмороке, на этот раз по-настоящему.

ГЛАВА XLVII

посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фога. М-р Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах. Духовная доброта м-ра Пиквика одерживает верх над его упрямством

Джоб Тротер, не замедляя шага, мчался по Хольборну* то посреди мостовой, то по тротуару, то по водосточной канаве — в зависимости от того, где легче было проскользнуть среди мужчин, женщин, детей и экипажей, двигавшихся по этой улице; преодолевая все препятствия, он ни на секунду не останавливался, пока не добежал до ворот Грейз-Инна. Но несмотря на развитую им скорость, он опоздал: ворота были закрыты за полчаса до его прихода; а когда он отыскал прачку м-ра Перкера, которая проживала с замужней дочерью, удостоившей своей руки приходящего лакея, обитавшего в каком-то доме на какой-то улице по соседству с каким-то пивоваренным заводом где-то за Грейз-Инн-лейном, осталось не больше четверти часа до закрытия тюрьмы на ночь. Затем пришлось извлекать м-ра Лаутена из задней гостиной „Сороки и Пия“. Едва Джоб успел справиться с этой задачей и передать поручение Сама Уэлера, как пробило десять часов.

— Ну вот, — сказал Лаутен, — теперь уже слишком поздно. Вы не попадете сегодня в тюрьму. Придется вам ночевать на улице, приятель.

— Обо мне не беспокойтесь, — сказал Джоб. — Я могу спать где угодно. Но не лучше ли повидать м-ра Перкера сегодня, чтобы завтра утром отправиться первым делом в тюрьму?

— Ну, что ж, — подумав, отвечал Лаутен, — если бы речь шла о ком-нибудь другом, м-р Перкер был бы не в восторге, явись я к нему на дом, но раз это касается м-ра Пиквика, я, пожалуй, могу нанять кеб за счет конторы. — Избрав такую линию поведения, м-р Лаутен надел шляпу и, попросив собравшуюся компанию выбрать заместителя председателя на время его отсутствия, отправился к ближайшей стоянке экипажей. Наняв наилучший кеб, он приказал ехать к Россель-скверу, Монтегю-Плейс *.

У м-ра Перкера был в этот день званый обед, о чем свидетельствовали освещенные окна гостиной, доносившиеся оттуда звуки настроенного большого рояля и не поддающегося настройке маленького голоса, и ошеломляющий запах жаркого на лестнице и в вестибюле. Дело в том, что два превосходных провинциальных агента приехали в город одновременно, и по этому случаю собралось приятное маленькое общество, в состав которого входили м-р Сникс, глава общества страхования жизни, м-р Прози, известный адвокат, три солиситора, один уполномоченный банкротского суда, специальный лидер * из Темпла, его ученик — самоуверенный молодой джентльмен с маленькими глазками, написавший увлекательную книжку о праве передачи имущества, с великим множеством примечаний и сносок, и еще несколько именитых и важных особ. От этой-то компании и оторвался маленький Перкер, когда ему доложили шопотом о приходе клерка. В столовой он застал м-ра Лаутена и Джоба Тротера, казавшихся очень тусклыми и призрачными при свете кухонной свечи, которую поставил на стол джентльмен, снизошедший до того, чтобы выступать в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, за жалование, выплачиваемое по третям, и соответственно своему положению презиравший клерка и все, что относилось к „конторам“.

— Ну, Лаутен, — сказал маленький м-р Перкер, закрывая дверь, — что случилось? Получено какое-нибудь важное письмо?

— Нет, сэр, — ответил Лаутен. — Вот посланный от м-ра Пиквика, сэр.

— От м-ра Пиквика? — переспросил маленький человек, быстро поворачиваясь к Джобу. — В чем дело?

— Додсон и Фог засадили м-с Бардль за неуплату судебных издержек, — сообщил Джоб.

— Не может быть! — воскликнул Перкер, засовывая руки в карманы и прислоняясь к буфету.

— Верно, — подтвердил Джоб. — Кажется, они выудили у нее сейчас же после суда *cognovit* на всю сумму своих издержек.

— Здорово! — заявил Перкер, вынимая руки из карманов и выразительно постукивая суставами правой руки по ладони левой. — Самые хитрые мерзавцы, с какими я когда-либо имел дело.

— Умнейшие дельцы, каких я только знаю, сэр, — заметил Лаутен.

— Умнейшие! — подтвердил Перкер. — Не знаешь, куда нырнут.

— Совершенно верно, сэр, не знаешь, — согласился Лаутен. Затем оба, и патрон и клерк, погрузились на несколько секунд в размышления с такими оживленными лицами, словно дело касалось какого-нибудь прекрасного и гениального открытия в умозрительной сфере.

Когда они несколько оправились от восторженного транса, Джоб Тротер изложил вторую половину данного ему поручения. Перкер задумчиво кивнул головой и достал часы.

— Ровно в десять я буду там, — сказал маленький человек. — Сам совершенно прав. Так и передайте ему. Не хотите ли стакан вина, Лаутен?

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Кажется, вы хотите сказать — „да“, — возразил маленький человек, доставая из буфета графин и стаканы.

Так как Лаутен действительно хотел сказать „да“, то больше он ничего по этому поводу не говорил, и, обра-

тившись к Джобу, спросил театральным шопотом, не отличается ли портрет Перкера, висевший против камня, поразительным сходством с оригиналом, на что Джоб, конечно, ответил утвердительно. Стаканы были наполнены, Лаутен выпил за здоровье м-с Перкер и деток, а Джоб — за здоровье Перкера. Джентльмен в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, считая, что в его обязанности отнюдь не входит провожать людей, приходящих из конторы, упорно не являлся на звонок, и они обошлись без провожатого. Атерни направился к своим гостям, клерк — в „Сороку и Пень“, а Джоб — на Кавент-Гарднский рынок переночевать в какой-нибудь корзине из-под овощей.

На следующее утро, пунктуально в назначенный час, добродушный маленький атерни постучался в дверь к м-ру Пиквику, которую Сэм Уэлер тотчас поспешно распахнул перед ним.

— М-р Перкер, сэр, — сказал Сэм, докладывая о посетителе м-ру Пиквику, сидевшему в задумчивой позе у окна. — Очень рад, что вы случайно заглянули к нам, сэр. Кажется, хозяин хочет кое о чем с вами поговорить, сэр.

Перкер бросил многозначительный взгляд на Сэма, давая понять, что он не зайкнется о вызове, и, поманив его к себе, шепнул что-то на ухо.

— Может ли это быть, сэр? — воскликнул Сэм, попятившись от изумления.

Перкер кивнул и улыбнулся.

М-р Сэмюэл Уэлер посмотрел на маленького адвоката, потом снова на м-ра Пиквика, потом на потолок, потом снова на Перкера, ухмыльнулся, расхохотался и, наконец схватив свою шляпу, лежавшую на ковре, исчез без лишних слов.

— Что это значит? — осведомился м-р Пиквик, глядя с удивлением на Перкера. — Почему Сэм пришел в такое необычайное состояние?

— Ничего, ничего! — отозвался Перкер. — Итак, уважаемый сэр, придвиньте кресло к столу. Я должен сообщить вам кое-что.

— Что это за бумаги? — полюбопытствовал м-р Пиквик, когда маленький атерни положил на стол пачку документов, перевязанную красной тесьмой.

— Бумаги по делу Бардль — Пиквик, — ответил Перкер, развязывая узелок зубами.

М-р Пиквик с шумом отодвинул кресло и, откинувшись на спинку, скрестил на груди руки и посмотрел сурово — насколько м-р Пиквик мог смотреть сурово — на своего приятеля-юриста.

— Вам неприятно слышать об этом деле? — спросил маленький человек, все еще распуская узелок.

— Да, неприятно, — заявил м-р Пиквик.

— Очень печально, — продолжал Перкер, — ибо оно послужит предметом нашего разговора.

— Я бы хотел, Перкер, чтобы об этом предмете никогда не было между нами речи, — с живостью перебил адвоката м-р Пиквик.

— Ну, ну, пустяки, пустяки, уважаемый сэр, — сказал маленький атерин, развязывая сверток и искоса бросая зоркий взгляд на м-ра Пиквика. — О нем-то и пойдет речь. С этой целью я пришел сюда. Ну-с, готовы вы слушать то, что я имею сказать, уважаемый сэр? Дело не к спеху, если не готовы — я могу подождать. Я захватил с собой утреннюю газету. Можете располагать моим временем. Я к вашим услугам.

С этими словами маленький человек положил ногу на ногу и сделал вид, будто принялся за чтение с большим спокойствием и вниманием.

— Ну, хорошо, — сказал м-р Пиквик, вздыхая, но в то же время расплываясь в улыбку. — Говорите то, что хотели сказать. Должно быть, старая история?

— С некоторыми изменениями, уважаемый сэр, с некоторыми изменениями, — возразил Перкер, спокойно сложив газету и снова спрятав ее в карман. — М-с Бардль, истица по нашему делу, находится в этих стенах, сэр.

— Я это знаю, — дал ответ м-р Пиквик.

— Отлично, — сказал Перкер. — И, вероятно, вам известно, как она сюда попала, то есть — на каком основании и по какому иску?

— Да. Во всяком случае я слышал отчет Сэма, — отозвался м-р Пиквик с напускным равнодушием.

— Смею сказать, что отчет Сэма был совершенно правительный, — заметил Перкер. — Теперь, уважаемый сэр, я вам задам первый вопрос: останется эта женщина здесь?

— Останется здесь? — повторил м-р Пиквик.

— Останется здесь, уважаемый сэр, — подтвердил Перкер, откидываясь на спинку стула и пристально глядя на своего клиента.

— Почему вы мне задаете такой вопрос? — сказал сей джентльмен. — Все зависит от Додсона и Фога, вы это прекрасно знаете.

— Этого я отнюдь не знаю, — решительно возразил Перкер. — Это не зависит от Додсона и Фога: вы знаете их обоих не хуже, чем я, уважаемый сэр. Это зависит полностью, всецело и исключительно от вас.

— От меня? — воскликнул м-р Пиквик, нервически привстав с кресла и тотчас же усевшись снова.

Маленький атерни дважды щелкнул по крышке своей табакерки, открыл ее, взял солидную понюшку, закрыл табакерку и повторил:

— От вас.

— Я говорю, уважаемый сэр, — продолжал маленький атерни, которому понюшка как будто придавала решимости, — я говорю, что скорое ее освобождение или пожизненное заключение зависит от вас и только от вас. Выслушайте меня, пожалуйста, уважаемый сэр, и не расходуйте столько энергии, потому что пользы от этого никакой нет, и вы только вспотеете. Я говорю, — добавил Перкер, отсчитывая свои доводы по пальцам, — я говорю, что никто кроме вас не может спасти ее из этого омерзительного притона, и только вы можете это сделать, уплатив судебные издержки — и за истца и за ответчика — этим акулам из Фримепс-Корта. Будьте добры, не волнуйтесь, уважаемый сэр!

Во время этой речи м-р Пиквик самым изумительным образом менялся в лице и, казалось, готов был взорваться от негодования, но по мере сил обуздывал свой гнев. Перкер, подкрепив свои ораторские способности новой понюшкой табаку, продолжал:

— Я видел эту женщину сегодня утром. Уплатив судебные издержки, вы можете полностью освободить себя от уплаты вознаграждения за убытки, и далее — знаю, уважаемый сэр, для вас это имеет гораздо большее значение — получаете добровольное, за ее подписью, показание в форме письма ко мне, что с самого начала это дело было затеяно, раздуть и проведено этими субъектами Додсоном и Фогом, она глубоко сожалеет о причиненном вам беспокойстве и взведенной на вас клевете и просит меня ходатайствовать перед вами и вымолить у вас прощение.

— Если я заплачу за нее издержки! — с негодованием воскликнул м-р Пиквик. — Нечего сказать, ценный документ!

— В данном случае нет никаких „если“, уважаемый сэр, — с торжеством заявил Перкер. — Вот то самое письмо, о котором я говорю. Какая-то женщина принесла его мне в контору сегодня в девять часов — клянусь честью, раньше, чем я пришел сюда или имел возможность переговорить с м-с Бардль.

Отыскав письмо в пачке бумаг, маленький адвокат положил его перед м-ром Пиквиком и в продолжение двух минут угощался табаком, даже глазом не моргнув.

— Это все, что вы имеете мне сказать? — спокойно осведомился м-р Пиквик.

— Не совсем, — возразил Перкер. — В данный момент я не берусь утверждать, что текст *cognovit*, природа подразумеваемого основания* сделки и доказательства, какие нам удастся собрать об обстоятельствах этого дела, покажут наличие сговора. Боюсь, что нет, уважаемый сэр, мне кажется, они слишком хитры для этого. Однако я утверждаю, что всех этих фактов, вместе взятых, будет вполне достаточно, чтобы оправдать вас в глазах здравомыслящих людей. А теперь, уважаемый сэр, рассудите сами. Эти сто пятьдесят фунтов или сколько бы там ни было — возьмем круглую цифру — для вас ничто. Присяжные решили не в вашу пользу. Их приговор несправедлив — не спорю, но, вынося его, они считали, что судят по совести, и обвинили вас. Сейчас вам представляется случай без труда занять весьма выгодную позицию, какой вы никогда не займете, оставаясь здесь, ибо, останься вы здесь,

люди, вас знающие, принищут это тупому, злосчастному, жестокому упрямству — поверьте мне, уважаемый сэр. Как можете вы колебаться, когда речь идет о том, чтобы вернуться к вашим друзьям, вашим прежним занятиям и развлечениям, поправить здоровье, а также освободить верного и преданного слугу, которого вы в противном случае обрекаете на пожизненное заключение, и — что важнее всего — вы получаете возможность отомстить великодушно, — знаю, уважаемый сэр, такая месть вам по душе, — отомстить, избавив эту женщину от зрелища нищеты и разврата, на которое, будь моя воля, не обрекали бы и мужчин, а такая кара является для женщины еще более страшной и варварской. Теперь я вас спрашиваю, уважаемый сэр, не только как ваш поверенный, но как преданный друг: неужели вы упустите случай достигнуть всех этих целей и сделать столько добра? Неужели вас остановит мелочное соображение о нескольких фунтах, переходящих в карманы двух негодяев, для коих эта сумма может сыграть одну только роль: чем больше они заработают, тем большего будут домогаться и, стало быть, тем скорее совершат какую-нибудь мошенническую проделку, которая неизбежно приведет к краху. Я представил вам эти доводы, уважаемый сэр, очень туманно и неискусно, но тем не менее я вас прошу обсудить их. Подумайте, и, пожалуйста, не спешите. Я буду терпеливо ждать вашего ответа.

Не успел м-р Пиквик ответить, не успел Перкер угодиться одной двадцатой той попошки, какую настоятельно требовала столь пространная речь, как в коридоре послышались тихие голоса, а затем нерешительный стук в дверь.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Пиквик, который был явно возбужден горечью своего друга. — Как раздражают эти стуки! Кто там?

— Я, сэр! — откликнулся Сэм Уэлер, заглядывая в дверь.

— Сейчас мне некогда разговаривать с вами, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Я занят, Сэм.

— Прошу прощения, сэр, — возразил м-р Уэлер, — но гут-вот одна леди, сэр, и говорит, что должна сообщить что-то очень особенное.

— Я не могу принять никакой леди. — заявил м-р Пиквик, перед которым встал образ м-с Бардль.

— Не очень-то я в этом уверен, сэр, — настаивал м-р Уэлер, покачивая головой. — Знай вы, кто тут находится поблизости, сэр, я думаю, вы запели бы другую песенку, как сказал, по-сменвайсь, ястреб, когда услышал, как малиновка распевает за углом.

— Кто же это? — осведомился м-р Пиквик.

— Угодно вам принять ее, сэр? — спросил м-р Уэлер, придерживая дверь рукой, словно за этой дверью скрывалось какое-то диковинное животное.

— Пожалуй, придется принять, — сказал м-р Пиквик, по-смаатривая на Перкера.

— Ну, значит, все — на сцену, начинается! — крикнул Сэм. — Дайте гонг, поднимается занавес, входят два заговорщика.

С этими словами Сэм Уэлер распахнул дверь, и в комнату стремительно ворвался м-р Петениел Уинкль, ведя за руку ту самую юную леди, которая в бытность свою в Дингли-Дэле носила саножки, опущенные мехом, а сейчас, очаровательно раскрасневшаяся и смущенная, в лиловом шелке, изящной шляпе и нарядном кружевном вуале была прелестнее, чем когда бы то ни было.

— Мисс Арабела Элен! — воскликнул м-р Пиквик, вставая с кресла.

— Нет, — отвечал м-р Уинкль, падая на колени, — м-с Уинкль. Простите, дорогой друг, простите!

М-р Пиквик глазам своим не верил и, быть может, так и не поверил бы, если бы их свидетельство не подтверждалось улыбающейся физиономией Перкера и самоличным присутствием на заднем плане Сама с хорошенькой горничной, которые, казалось, созерцали эту сцену с живейшим удовольствием.

— О м-р Пиквик, — тихим голосом сказала Арабела, как будто встревоженная его молчанием. — Можете ли вы простить мой опрометчивый поступок?

М-р Пиквик не дал никакого словесного ответа на эту V
мольбу, но с большой поспешностью снял очки и, взяв моло-

дую леди за обе руки, поцеловал ее много раз — больше, пожалуй, чем было необходимо, а затем, все еще удерживая одну ее руку в своей, назвал м-ра Уинкля дерзким сорванцом и предложил ему встать. М-р Уинкль, который вот уже несколько секунд с сокрушением тер себе нос полями своей шляпы, повиновался, после чего м-р Пиквик похлопал его по спине и горячо пожал руку Церкеру. Тот, дабы не запоздать с поздравлениями, приветствовал от всего сердца и новобранную и хорошенькую горничную, дружески пожал руку м-ру Уинклю и закончил изъявления своей радости поношкой, от которой расчихались бы на всю жизнь полдюжины человек с носами обычной конструкции.

— Дорогая моя, — начал м-р Пиквик, — как же это произошло? Присаживайтесь и расскажите мне все. Какал она хорошенькая, не правда ли, Церкер? — добавил м-р Пиквик, с такой гордостью и восхищением всматриваясь в лицо Арабелы, словно она была его дочерью.

— Очаровательна, уважаемый сэр! — отвечал маленький атерин. — Не будь я женат, я бы мог позавидовать вам, счастливчик.

Сделав такое заявление, маленький атерин тынул м-ра Уинкля пальцем в грудь, сей джентльмен ответил тем же, и оба расхохотались очень громко, хотя и не так громко, как м-р Сэмюел Уэлер, который только что успокоил свои чувства, поцеловав милостивую горничную под прикрытием дверцы шкафа.

— Не знаю, как благодарить вас, Сэм, — сказала Арабела с обворожительнейшей улыбкой. — Я никогда не забуду услуг, которые вы нам оказали в саду в Клифтоне.

— Не стоит говорить об этом, сударыня, — отвечал Сэм. — Я только помогал природе, сударыня, как сказал доктор матери одного мальчика, которого уморил кровопусканьем.

— Мери, моя милая, присядьте, — сказал м-р Пиквик, прерывая обмен любезностями. — Ну, теперь рассказывайте, давно вы сочетались браком?

Арабела застенчиво посмотрела на своего господина и владыку, который ответил:

— Всего три дня.

— Всего три дня? — повторил м-р Пиквик. — Да что же вы делали целых три месяца?

— Совершенно верно! — подхватил Перкер. — Ну-ка, чем вы объясните такую проволочку? Видите, Пиквик удивляется только тому, что это не случилось давным-давно.

— Дело вот в чем, — начал м-р Уинкль, поглядывая на свою зардевшуюся молодую жену, — я долго не мог уговорить Белу бежать со мной. А когда я ее уговорил, пришлось долго ждать удобного случая. Мери должна была предупредить за месяц о своем уходе семейство, где она служила по соседству, а без ее помощи мы никак не могли обойтись.

— Честное слово, — воскликнул м-р Пиквик, который к тому времени надел очки и переводил взгляд с Арабелы на Уинкля и с Уинкля на Арабелу, причем на его физиономии отражалась такая радость, какую может испытывать только добрый и сердечный человек, — честное слово, вы действовали как будто по системе! А ваш брат знает о свершившемся факте, моя дорогая?

— О, нет! — отвечала Арабела, меняясь в лице. — Милый м-р Пиквик, он должен узнать об этом только от вас, только из ваших уст. Он так вспыльчив, так предубежден и... и так хлопотал за своего друга, м-ра Сойера, — потушившись, добавила Арабела, — что я ужасно боюсь последствий.

— Да, совершенно верно, — серьезно заметил Перкер. — Ради них вы должны уладить это дело, уважаемый сэр. К вам молодые люди отнесутся с почтением, тогда как никого другого не станут слушать. Вы должны предотвратить несчастье, уважаемый сэр. Горячая кровь, горячая кровь. — И маленький человек подкрепил свое предостережение новой понюшкой и опасно покачал головой.

— Вы забываете, моя милочка, — мягко сказал м-р Пиквик, — вы забываете, что я под арестом.

— Нет, об этом я всегда помню, дорогой сэр, — возразила Арабела. — Я этого никогда не забывала. Я постоянно думала о том, как вы должны страдать в таком ужасном месте. Но я надеялась, что забота о нашем счастье побудит вас сделать

то, чего бы вы никогда не сделали ради самого себя. Если мой брат узнает об этом от вас, я не сомневаюсь, что мы с ним помиримся. Он — единственный в мире близкий мне родственник, м-р Пиквик, и если вы за меня не заступитесь, я могу его потерять. Я поступила нехорошо, очень, очень нехорошо, и это знаю. — Бедная Арабела закрыла лицо носовым платком и горько расплакалась.

На м-ра Пиквика сильно подействовали эти слезы, а когда м-с Уинкль вытерла глаза и принялась умолять его и улаживать самым нежным тоном своего нежного голоса, он начал чрезвычайно волноваться и явно не знал, как поступить, ибо начал нервно потирать очки, нос, брюки, голову и гетры.

Воспользовавшись этими симптомами нерешительности, м-р Перкер (к которому, как выяснилось, молодая чета заезжала утром) начал доказывать с юридической точностью и принципиальностью, что м-р Уинкль старший до сих пор не знает о том важном шаге, какой сделал его сын на жизненной стезе; что будущность вышеупомянутого сына зависит всецело от того, чтобы вышеупомянутый Уинкль старший продолжал относиться к нему с прежней любовью и симпатией, а это весьма сомнительно, если от него будут скрывать великое событие; что м-р Пиквик, отправляясь в Бристоль на свидание с м-ром Эленом, мог бы с таким же основанием отправиться в Бермингем к м-ру Уинклю старшему, и наконец, что м-р Уинкль старший имеет все права и основания считать м-ра Пиквика как бы опекуном и наставником своего сына, и, стало быть, долг и обязанность м-ра Пиквика — познакомить вышеупомянутого Уинкля старшего при личном свидании со всеми обстоятельствами дела и с тою ролью, какую он сам при этом сыграл.

М-р Ташмен и м-р Снодграс явились весьма кстати во время этой стадии увещаний, и так как необходимо было объяснить им все происходящее вместе с различными доводами за и против, то все рассуждения были повторены от начала до конца, после чего каждый из присутствующих начал развивать каждый довод по-своему и на свой лад. Наконец м-р Пиквик, который от доводов и увещаний растерял все свои решения и подвергся неминуемой опасности потерять рас-

судок, заключил Арабелу в объятия и заявил, что она — очаровательное создание, что он полюбил ее с первого взгляда, что у него не хватит духа препятствовать счастью молодых людей и что они могут делать с ним все, что им угодно.

Услыхав об этой уступке, м-р Уэллс первым делом направил Джоба Тротера к блистательному м-ру Нэлю с просьбой выдать посланному заверенную расписку об уплате долга, каковую его осторожный родитель предусмотрительно оставил у этого ученого джентльмена на случай, если она вдруг понадобится. Следующим его поступком было вложить весь свой наличный капитал в приобретение двадцати пяти галлонов легкого портера, который он самолично распределил во дворе между всеми желающими. Покончив с этим, он начал кричать „ура“ во всех отделениях тюрьмы и кричал, пока не охрип, но затем постепенно обрел свое обычное спокойное и философическое расположение духа.

В три часа дня м-р Пиквик в последний раз окинул взглядом свою маленькую комнату и стал пробираться сквозь толпу должников, которые теснились вокруг, стараясь пожать ему руку, и провожали его до привратничьей. Здесь он остановился, чтобы обозреть окруживших его, и лицо его просияло: в этой толпе бледных, изнуренных людей не было ни одного человека, чьей участи не облегчил бы он своим сочувствием и помощью.

— Перкер, вот это м-р Джингль, о котором я вам говорил, — сказал м-р Пиквик, поманив из толпы молодого человека.

— Прекрасно, уважаемый сэр, — отозвался Перкер, пристально всматриваясь в Джингля. — Завтра мы с вами увидимся, молодой человек. Надеюсь, вы запомните и оцените то, что я имею вам сообщить, сэр.

Джингль почтительно поклонился, задрожал, пожимая протянутую руку м-ра Пиквика, и удалился.

— Джоба вы, кажется, знаете? — осведомился м-р Пиквик, представляя этого джентльмена Перкеру.

— Знаю мошенника, — добродушно отозвался Перкер. — Похлопотайте о своем друге и будьте готовы завтра в час, слышите? Ну-с, остались еще какие-нибудь дела?

— Никаких, — сказал м-р Пиквик. — Сэм, вы передали вашему старому сожителю маленький сверток, который я вам оставил?

— Передал, сэр, — отвечал Сэм. — Он расплакался, сэр, говорит о том, какой вы добрый и щедрый, и жалеет только, что вы не могли ему привить скоротечную чахотку, потому что его старый друг, который так долго здесь жил, помер, и ему негде искать другого.

— Бедняга, — вздохнул м-р Пиквик. — Да благословит вас бог, друзья мои!

Когда м-р Пиквик произнес эти прощальные слова, толпа разразилась громкими криками. Многие проталкивались вперед, чтобы еще раз пожать ему руку. Потом он взял под руку Перкера и поспешно вышел из тюрьмы; в этот момент он был гораздо пасмурнее и меланхоличнее, чем в тот день, когда впервые вступил в нее. Увы, сколько страдающих и несчастных оставалось в ее стенах!

Счастливым выдался вечер, по крайней мере для одной компании в „Джордже и Ястребе“, и веселы и беззаботны были два человека, вышедшие на следующее утро из гостеприимной гостиницы. Эти двое были м-р Пиквик и Сэм Уэлер. Первого быстро усадили в удобную дорожную карету с маленьким сиденьем сзади, на которое проворно взобрался второй.

— Сэр! — окликнул м-р Уэлер своего хозяина.

— Что, Сэм? — отозвался м-р Пиквик, высовываясь из окна.

— Хотел бы я, сэр, чтобы эти лошади три с лишним месяца просидели во Флите.

— Зачем же, Сэм? — любопытствовал м-р Пиквик.

— А как же, сэр! — воскликнул м-р Уэлер, потирая руки. — Ну уж и помчались бы они теперь!

ГЛАВА XLVIII

повествующая о том, как м-р Пиквик, с помощью Сэмюэла Уэлера пытался смягчить сердце м-ра Бенджамина Элена и укротить гнев м-ра Роберта Сойера

М-р Бен Элен и м-р Боб Сойер сидели в маленьком кабинете за аптекой, занимаясь рубленой телятиной и видами на будущее, когда разговор естественно коснулся практики вышеупомянутого Боба и имеющихся у него шансов добиться независимого положения с помощью почтенной профессии, которой он себя посвятил.

— И мне кажется, — заметил м-р Боб Сойер, обсуждая предмет беседы, — мне кажется, Бен, что они довольно-таки сомнительны.

— Что сомнительно? — осведомился м-р Бен Элен, прочищая свои мозги солидным глотком пива. — Что сомнительно?

— Да мои шансы, — ответил м-р Боб Сойер.

— А я и забыл о них, — сказал м-р Бен Элен. — Пиво мне напомнило, Боб. Да, что и говорить, они — сомнительны.

— Удивительно, как обо мне пекутся бедняки, — раздумчиво продолжал м-р Боб Сойер. — Они стучатся ко мне во все

часы ночи; лекарства принимают в таком количестве, какое я бы считал невероятным; мушки и пиявки они ставят с упорством, достойным лучшего применения; прибавления к семейству поистине устрашающие. Шесть вызовов на один и тот же день, Бен, и все обращаются ко мне!

— Это чрезвычайно приятно, — изрек м-р Бен Элен, пододвигая свою тарелку к рубленой телятине.

— О, чрезвычайно, — отозвался Боб, — но было бы еще приятнее, если бы мне доверяли пациенты, которые могут уделить один-два шиллинга. Эта лавочка была превосходно изображена в объявлении, Бен: практика, обширная практика — и больше ничего.

— Боб, — сказал м-р Бен Элен, опуская нож и вилку и устремляя взор на своего друга, — Боб, я вам скажу, что надо делать.

— А что? — полюбопытствовал м-р Боб Сойер.

— Вы должны как можно скорее сделаться обладателем тысячи фунтов Арабелы.

— Трехпроцентные консоли, занесенные на ее имя в книге или книгах Управляющего и Компании Английского банка, — добавил Боб Сойер, обращаясь к юридической терминологии.

— Вот именно, — согласился Бен. — Она получит этот капитал, как только достигнет совершеннолетия или выйдет замуж. До совершеннолетия ей остается год, а если вы смело возьметесь за дело — не пройдет и месяца, как она будет замужем.

— Она — чарующе-преlestное создание, — скандировал м-р Роберт Сойер, — и, насколько мне известно, у нее есть один только недостаток. К сожалению, этим единственным недостатком является отсутствие вкуса. Я ей нравлюсь, Бен.

— По-моему, она сама знает, что ей нравится, — презрительно заметил м-р Бен Элен.

— Возможно, — согласился м-р Боб Сойер. — По-моему, она знает, что ей не нравится, а это куда важнее.

— Хотел бы я, — начал м-р Бен Элен, сжимая зубы и напоминающая скорее дикаря, пожирающего сырое волчье мясо, которое он разрывает руками, чем миролюбивого молодого джентльмена, приступающего с ножом и вилкой к рубленой

телятине, — хотел бы я знать, не замешался ли тут какой-нибудь негодай и не добивался ли ее расположения. Мне кажется, я бы его убил, Боб.

— Я бы всадил в него пулю, попался только он мне. — добавил м-р Сойер, прихлебывая портер и злобно выглядывая из-за кружки. — А если бы это на него не подействовало, я бы ее извлек так, чтобы он умер при операции.

М-р Бенджамин Элен молча и задумчиво созерцал своего друга в течение нескольких минут и затем спросил:

— Боб, вы никогда не делали ей прямого предложения?

— Нет. Видел, что все равно никакого толку не будет, — ответил м-р Роберт Сойер.

— Вы его сделаете не позже, чем через двадцать четыре часа, — объявил Бен с отчаянным хладнокровием. — Она его примет, или я узнаю причину отказа. Я воспользуюсь своим правом.

— Ладно, — сказал м-р Боб Сойер, — посмотрим.

— Да, посмотрим, мой друг! — грозно ответил м-р Бен Элен. Он помолчал, потом снова заговорил голосом, прерывающимся от волнения: — Мой друг, вы с детства ее любили. Любили, когда мы вместе ходили в школу, и уже тогда она капризничала и оскорбляла ваше юное чувство. Помните, как вы в порыве детской любви просили ее принять два маленьких бисквита с тмином и сладкое яблоко — круглый пакетик, аккуратно завернутый в листок из тетради?

— Помню, — отозвался Боб Сойер.

— Кажется, она это отвергла? — спросил Бен Элен.

— Отвергла, — подтвердил Боб. — Она сказала, что я очень долго таскал сверток в кармане штанов и яблоко согрелось, а это неприятно.

• — Припоминаю, — мрачно сказал м-р Элен. — После этого мы сами его съели, откусывая по очереди.

Боб Сойер меланхолически нахмурился, давая понять, что не забыл этого последнего обстоятельства, и оба друга на время погрузились в размышления.

Пока происходил обмен этими замечаниями между м-ром Бобом Сойером и м-ром Бенджаминном Эленом и пока мальчик

в серой ливрее, удивляясь, почему так затянулся обед, тревожно поглядывал на стеклянную дверь, томимый мрачными предчувствиями относительно того количества телятины, которое в конце концов уделит для удовлетворения его аппетита, — по улицам Бристоля степенно катил собственный одноконный экипаж мрачного зеленого цвета, влекомый откормленной бурой лошадью и управляемый хмурым человеком, который ниже пояса напоминал своим костюмом грума, а выше — кучера. Такого вида экипажи обычно принадлежат старым леди, склонным к экономии; и в этом экипаже действительно сидела старая леди, его хозяйка и владелица.

— Мартин! — крикнула из переднего окошка старая леди, обращаясь к хмурому человеку.

— Слушаю, — отозвался хмурый человек, притронувшись к шляпе.

— К м-ру Сойеру, — сказала старая леди.

— Туда я и ехал, — ответил хмурый человек.

Старая леди кивнула, очень довольная такой предусмотрительностью хмурого человека, а хмурый человек хлестнул бичом раскормленную лошадь, и они направились к м-ру Бобу Сойеру.

— Мартин! — сказала старая леди, когда экипаж остановился у двери мистера Роберта Сойера, преемника Нокморфа.

— Слушаю! — отозвался Мартин.

— Попросите мальчика выйти и присмотреть за лошадью.

— Я и сам за ней присмотрю, — сказал Мартин, положив свой бич на крышу экипажа.

— Я этого никак не могу разрешить, — возразила старая леди. — Ваши показания совершенно необходимы, и вы должны войти в дом вместе со мной. Вы ни на шаг не должны отходить от меня, пока будут вестись переговоры. Слышите?

— Слышу, — отозвался Мартин.

— Ну, так о чем же вы думаете?

— Ни о чем, — ответил Мартин.

С этими словами хмурый человек спустился с колеса, на котором стоял на пальцах правой ноги, кликнул мальчика

в серой ливрее, распахнул дверцу экипажа, откинул подножку и, просунув руку в темной замшевой перчатке, вытащил старую леди с такой бесцеремонностью, словно это была картонка для шляпы.

— Ах, боже мой, Мартин! — воскликнула старая леди. — Теперь, когда мы здесь, я так волнуюсь, что вся дрожу.

М-р Мартин кашлянул, прикрывшись темной замшевой перчаткой, но не выразил никакого сочувствия. Старая леди, успокоившись, засеменила к двери м-ра Боба Сойера, а м-р Мартин последовал за ней. Как только старая леди вошла в аптеку, м-р Бенджамин Элен и м-р Боб Сойер, которые посмели спрятать виски и воду и разлить вонючее лекарство, чтобы заглушить запах табачного дыма, бросились к ней навстречу с изъявлениями радости и любви.

— Дорогая тетюшка! — воскликнул м-р Бен Элен. — Как мило с вашей стороны, что вы заглянули к нам! М-р Сойер, тетюшка; мой друг м-р Боб Сойер, о котором я вам говорил по поводу... вы знаете, тетюшка, по какому поводу.

Тут м-р Бен Элен, бывший в данный момент не слишком трезвым, добавил одно слово: „Арабела“, воображая, будто говорит шопотом, но этот шопот был таким громким и таким внятным, что при всем желании невозможно было его не расслышать.

— Милый Бенджамин, — сказала старая леди, стараясь отдышаться и дрожа с головы до пят, — не пугайтесь, мой милый, но я хотела бы поговорить минутку наедине с м-ром Сойером. Только одну минутку.

— Боб, — сказал м-р Бен Элен, — не проводите ли вы мою тетюшку в кабинет?

— Разумеется, — отвечал Боб профессиональным тоном. — Пожалуйста сюда, сударыня. Не волнуйтесь, сударыня. В самый короткий срок мы все приведем в порядок, нисколько в этом не сомневаюсь. Ну-с, сударыня, я вас слушаю.

С этими словами м-р Боб Сойер, усадив старую леди в кресло, закрыл дверь, придвинул свой стул к креслу и приготовился слушать о симптомах недуга, из коего надеялся извлечь великие выгоды и преимущества.

Первым делом старая леди начала качать головой и плакать.

— Нервы, — снисходительно заметил Боб Сойер. — Камфары три раза в день и успокоительное на ночь.

— Не знаю, как начать, м-р Сойер, — сказала старая леди. — Это так мучительно, так ужасно.

— Незачем начинать, сударыня, — возразил м-р Боб Сойер. — Я заранее знаю все, что вы скажете. С головой делается что-то неладное.

— Мне бы очень грустно было думать, что с сердцем неладно, — слабо простонав, проговорила старая леди.

— О, с этой стороны опасность не грозит, сударыня, — отвечал Боб Сойер. — Желудок — вот первопричина.

— М-р Сойер! — вздрогнув, воскликнула старая леди.

— Никаких сомнений быть не может, сударыня, — продолжал Боб с глубокомысленной миной. — Своевременно принятое лекарство могло бы все это предотвратить.

— М-р Сойер, — сказала старая леди, волнуясь еще сильнее, чем раньше, — либо ваше поведение — величайшая дерзость по отношению к человеку, очутившемуся в таком положении, как я, либо оно вызвано непониманием цели моего визита. Если бы какие-нибудь лекарства или предусмотрительность могли предотвратить то, что произошло, я не преминула бы ими воспользоваться. Поговорю-ка я лучше с племянником, — добавила старая леди, с негодованием теребя свой ридикюль и приподнимаясь с кресла.

— Подождите минутку, сударыня, — сказал Боб Сойер. — Боюсь, что я вас не понял. Что случилось, сударыня?

— Моя племянница, м-р Сойер, — ответила старая леди, — сестра вашего друга...

— Ну, а дальше, сударыня? — нетерпеливо поцукал Боб, ибо хотя старая леди и была очень взволнована, но говорила с мучительной медлительностью, подобно многим старым леди. — Ну, а дальше что?

— Три дня тому назад она покинула мой дом, м-р Сойер, под предлогом навестить мою сестру, другую свою тетку, которая держит большой пансион как раз за третьим верстовым

столбом, там, где большой раKITник и дубовые ворота, — сказала старая леди, делая паузу, чтобы вытереть слезы.

— К чорту раKITник, сударыня! — воскликнул Боб, забыв от волнения о своем профессиональном достоинстве. — Говорите скорее! Подбавьте пару, сударыня, прошу вас!

— Сегодня утром, — медленно произнесла старая леди, — сегодня утром она...

— Должно быть, вернулась домой, сударыня, — с живостью подсказал Боб. — Она вернулась?

— Нет, не вернулась. Она прислала письмо, — возразила старая леди.

— Что же она пишет? — нетерпеливо спросил Боб.

— Она пишет, м-р Сойер, — отвечала старая леди, — и я как раз хочу, чтобы вы подготовили к этому Бенджемину осторожно и постепенно... она пишет, что... письмо у меня в кармане, м-р Сойер, но очки остались в экипаже, а без них мы только время потеряем, если я буду отыскивать для вас это место... короче говоря, м-р Сойер, она пишет, что вышла замуж.

— Что? — сказал или, вернее, завопил м-р Боб Сойер.

— Вышла замуж, — повторила старая леди.

М-р Боб Сойер не слушал дальше. Выбежав из кабинета в лавку, он заорал зычным голосом:

— Бен, дружище, она сбежала!

Едва м-р Бен Элен, дремавший за прилавком, свесив голову примерно на полфута ниже колен, услышал эту потрясающую новость, как набросился на м-ра Мартина и, вцепившись рукой в горло этому молчаливому слуге, выразил намерение тут же его задушить. С быстротой, продиктованной отчаянием, он начал приводить это намерение в исполнение, проявляя большую энергию и хирургическую споровку.

М-р Мартин, человек немногословный и обладающий весьма незначительным даром красноречия, в течение нескольких секунд переносил эту операцию с очень спокойным и любезным выражением лица; убедившись, однако, что она в недалеком будущем грозит лишить его на вечные времена возможности притязать на какое бы то ни было жалование, стол и прочее,

он нечленораздельным бормотанием выразил свой протест и повалил м-ра Бена Элена на пол. Так как этот джентльмен уцепился руками за его шарф, то м-ру Мартину ничего иного не оставалось, как последовать за ним. Оба барахтались на полу, как вдруг дверь распахнулась, и появились еще двое неожиданных гостей, а именно: м-р Пиквик и м-р Сэмюел Уэлер.

При виде разыгравшейся сцены м-р Уэлер тотчас вообразил, будто м-р Мартин нанят заведением Сойера, преемника Нокморфа, и должен принимать сильно действующие лекарства, устраивать припадки и быть объектом экспериментов или глотать время от времени яд, дабы испытать силу новых противоядий, — словом, проделывать нечто такое, что способствует прогрессу великой науки — медицины — и удовлетворяет неукротимый дух любознательности, пылающий в груди двух молодых служителей ее. Посему, не делая попытки вмешаться, Сэм преспокойно стоял и смотрел, словно был чрезвычайно заинтересован результатами происходящего эксперимента. Иначе вел себя м-р Пиквик. С присущей ему энергией он мгновенно бросился к двум борцам и громко взывал к зрителям, требуя их вмешательства.

Это привело в себя м-ра Боба Сойера, который до сей поры был совершенно парализован буйным припадком своего приятеля. С помощью этого джентльмена м-р Пиквик поставил на ноги Бена Элена. М-р Мартин, оставшись на полу один, встал сам и начал озираться.

— М-р Элен, — сказал м-р Пиквик, — что с вами, сэр?

— Ничего, сэр, — отвечал с высокомерным презрением м-р Элен.

— Что с ним такое? — осведомился м-р Пиквик, обращаясь к Бобу Сойеру. — Он нездоров?

Не успел Боб ответить, как м-р Бен Элен схватил м-ра Пиквика за руку и горестно прошептал:

— Моя сестра, дорогой сэр, моя сестра...

— Ах, вот что! — воскликнул м-р Пиквик. — Надеюсь, мы это дело легко уладим. Ваша сестра прекрасно себя чувствует, и я явился сюда с целью...

— Очень жаль, что приходится прерывать такие приятные разговоры, как сказал король, распуская парламент, — вмешался м-р Уэлер, заглянув в стеклянную дверь, — но тут случился еще один эксперимент, сэр. Какая-то почтенная старая леди лежит на ковре и ждет вскрытия или гальванизации или еще какой-нибудь живительной и научной операции.

— Я совсем забыл, — сказал м-р Бен Элен. — Это моя тетушка.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Пиквик. — Бедная леди! Осторожнее, Сэм, осторожнее!

— Странное положение для члена семьи, — заметил Сэм Уэлер, водворяя тетушку в кресло. — Эй, помощник костоправов, тащите нюхательное!

Это последнее замечание относилось к мальчику в сером, который, поручив экипаж заботам сторожа, пришел узнать о причине суматохи. С помощью мальчика в сером, м-ра Боба Сойера и м-ра Бенджамина Элена (который, напугав свою тетушку до обморока, трогательно хлопотал о приведении ее в чувство) старая леди наконец очнулась. Тогда м-р Бен Элен с недоумевающим видом спросил м-ра Пиквика, о чем он начал говорить, когда его столь трагически прервали.

— Надеюсь, здесь все свои? — осведомился мистер Пиквик, откашливаясь и поглядывая на молчаливого человека с хмурой физиономией, который правил раскормленной лошастью.

Это напомнило м-ру Бобу Сойеру, что мальчишка в сером стоит тут же, вытаращив глаза и наострив уши. Начинающий фармацевт был поднят за шиворот и выброшен за дверь, после чего Боб Сойер уведомил м-ра Пиквика, что можно говорить не стесняясь.

— Ваша сестра, дорогой мой сэр, находится в Лондоне, — сообщил м-р Пиквик, обращаясь к Бенджамину Элену. — Она здорова и счастлива.

— Мне нет дела до ее счастья, — сказал м-р Бенджамин Элен, махнув рукой.

— А мне есть дело до ее мужа, сэр! — вмешался Боб Сойер. — Он будет иметь дело со мной, сэр, на расстоянии

двадцати шагов, и здорово я разделаюсь с ним, сэр, с гнусным негодяем!

Это был прекрасный вызов и вдобавок великодушный, но м-р Боб Сойер несколько ослабил эффект, присовокупив замечания общего порядка по поводу проломленных голов и подбитых глаз, каковые казались вульгарными по сравнению с началом речи.

— Позвольте, сэр, — сказал м-р Пиквик, — раньше, чем применять эти эпитеты к упомянутому джентльмену, рассудите хладнокровно, велика ли его вина, а главное вспомните, что он принадлежит к числу моих друзей.

— Как! — удивился Боб Сойер.

— Его имя! — крикнул Бен Элен. — Его имя!

— М-р Иегениел Уинкль, — ответил м-р Пиквик.

М-р Бенджамин Элен сосредоточенно раздавил каблуком свои очки, подобрал осколки и, рассовав их по трем карманам, скрестил руки, закусил губы и устремил грозный взгляд на кроткую физиономию м-ра Пиквика.

— Так это вы, сэр, вы покровительствовали и способствовали этому браку? — осведомился наконец м-р Бенджамин Элен.

— А слуга этого джентльмена, надо думать, — перебила старая леди, — шнырял вокруг моего дома и старался втянуть моих слуг в заговор против их хозяйки. Мартин!

— Слушаю, — откликнулся хмурый человек, шагнув вперед.

— Это тот самый человек, которого вы видели в переулке? О нем вы говорили мне сегодня утром?

М-р Мартин, человек, как известно, немногословный, посмотрел на Сэма Уэлера, кивнул головой и пробурчал:

— Он самый.

М-р Уэлер, чуждый гордыни, дружески улыбнулся, встретив взгляд хмурого грума, и вежливо сообщил, что „встречался с ним раньше“.

— И этого преданного человека я чуть было не задушил! — воскликнул м-р Бен Элен. — М-р Пиквик, как смели вы разрешить вашему молодцу принимать участие в похищении моей сестры? Я гребую у вас объяснения, сэр.

— Объяснитесь, сэр! — гневно возопил Боб Сойер.

— Это заговор, — сказал Бен Элен.

— Форменное мошенничество, — добавил м-р Боб Сойер.

— Низкий обман, — вставила старая леди.

— Надувательство, — заметил Мартин.

— Попрошу вас, выслушайте меня, — заговорил м-р Пиквик, когда м-р Бен Элен упал в кресло, в котором пускали кровь пациентам, и оросил слезами свой носовой платок. — В этом деле я никакой помощи не оказывал и только однажды присутствовал при свидании молодых людей, коего не мог предотвратить. Я считал, что мое присутствие пресечет все подозрения, какие могли бы возникнуть. Этим ограничивается мое участие, и я понятия не имел о том, что они задумали немедленно вступить в брак. Впрочем, заметьте, — поспешил поправиться м-р Пиквик, — заметьте, я не говорю, что помешал бы ему, знай я о нем заблаговременно.

— Вы это слышите, слышите? — обратился м-р Бенджамин Элен к присутствующим.

— Надеюсь, они слышат, — кротко заметил м-р Пиквик, озираясь вокруг. — И надеюсь, — добавил сей джентльмен, причем его лицо раскраснелось, — они будут слушать и дальше. На основании того, что было доведено до моего сведения, сэр, я утверждаю, что вы никакого права не имели насилловать чувства своей сестры, как вы пытались это сделать. Скорее вам следовало бы прибегнуть к нежности и терпению, дабы заступиться место более близких родных, которых она утратила в детстве. Что же касается моего молодого друга, то о нем я могу сказать следующее: с точки зрения материальных благ он занимает такое же — если не лучшее — положение, как и вы, и если вы не желаете обсуждать этот вопрос с подобающей сдержанностью, я уклоняюсь от дальнейших разговоров на эту тему.

— Я бы хотел сделать несколько коротеньких замечаний в добавление к тому, что было сказано почтенным джентльменом, который только что замолчал, — произнес м-р Уэлтер, вступив вперед. — а именно: один из присутствующих назвал меня молодцом.

— Это не имеет ни малейшего отношения к делу, Сэм, — перебил м-р Пиквик. — Пожалуйста, замолчите.

— По этому пункту я и не собираюсь говорить, сэр, — возразил Сэм, — а речь идет об этом-пот: может быть, этот джентльмен думает, что тут была какая-то старая привязанность, но ничего такого на самом деле не было. Молодая леди в самом начале знакомства сказала, что терпеть его не может. Никто ему дороги не перебивал, и дело кончилось бы для него точь-в-точь так же, даже если бы молодая леди никогда в глаза не видела м-ра Уинкля. Вот что я хотел сказать, сэр, и надеюсь, что теперь я успокоил этого джентльмена.

После этих утешительных замечаний м-ра Уэлера наступила короткая пауза. Затем м-р Бен Элен, встав со стула, объявил, что никогда больше не увидит лица Арабелы, а м-р Боб Соьер, презирая лестные заверения Сэма, поклялся жестоко отомстить счастливому супругу.

Но как раз в тот момент, когда страсти разгорелись и грозили остаться в таком состоянии, м-р Пиквик обрел сильную союзницу в лице старой леди, которая, — повидимому, весьма потрясенная той речью, какую он произнес в защиту ее племянницы, — рискнула высказать м-ру Бенджемину Элену несколько утешительных мыслей в таком духе: пожалуй, в конце концов хорошо, что не случилось чего-нибудь похуже; чем меньше об этом говорить, тем скорее все уладится, и, честное слово, она не уверена, так ли уж это плохо; что сделано, того не переделаешь, и если горю ничем не поможешь, значит надо терпеть, — и добавила еще немало таких же оригинальных и ободряющих доводов. На все это м-р Бенджемин Элен отвечал, что он отнюдь не хочет оказать неуважение тетке или кому бы то ни было из присутствующих, но если им все равно и они позволят ему поступать по-своему, то он предпочитает ненавидеть свою сестру до самой смерти и после смерти.

Наконец, когда об этом решении было заявлено раз пятьдесят, старая леди, внезапно выпрямившись и приняв величественную осанку, пожелала узнать, за какие такие провинности ей не оказывают уважения, подобающего ее возрасту

и достоинству; и почему она должна просить и умолять своего собственного племянника, которого она помнит лет за двадцать пять до его рождения и знала лично, еще когда у него во рту не было ни единого зуба, не говоря уже о том, что она присутствовала при первой его стрижке и принимала участие во многих других чрезвычайно важных церемониях, и одно это дает ей право требовать от него любви, послушания и сочувствия до конца жизни.

Пока добрая леди рапекала м-ра Бена Элена, Боб Сойер и м-р Пиквик удалились для конфиденциального разговора в соседнюю комнату, где м-р Сойер, как было замечено, прикладывался несколько раз к горлышку черной бутылки, под влиянием коей на его физиономии появилось беззаботное и даже веселое выражение. Наконец он с бутылкой в руке вышел из комнаты и, выразив сожаление по поводу того, что разыгрывал из себя дурака, предложил тост за здоровье и благополучие м-ра и м-с Уинклей, коих он, чуждый всякой зависти, готов поздравить. Услышав такие слова, м-р Бен Элен вдруг вскочил со стула и, схватив бутылку, откликнулся с такой готовностью на тост, что лицо у него почернело, как сама бутылка, ибо напиток отличался крепостью. Затем черная бутылка стала переходить из рук в руки, пока не опустела, вызвав столько рукопожатий и поздравлений, что даже металлическая физиономия м-ра Мартина расплылась в улыбку.

— А теперь, — сказал Боб Сойер, потирая руки, — мы чудесно проведем вечер.

— Как ни досадно, но я должен вернуться в гостилицу, — возразил м-р Пиквик. — За последнее время я отвык от путешествий, и поездка чрезвычайно утомила меня.

— Не выпьете ли вы чаю, м-р Пиквик? — с покоряющей любезностью предложила старая леди.

— Благодарю вас, никак не могу, — отвечал сей джентльмен. Дело в том, что возрастающее расположение старой леди и послужило главной причиной, побудившей м-ра Пиквика удалиться. Он вспомнил м-с Бардль, и от каждого взгляда старой леди его бросало в холодный пот.

Так как м-р Пиквик решительно отказался остаться, то условились, по его же инициативе, что м-р Бенджамин Элен поедет вместе с ним к м-ру Уинклю старшему, и карета будет подана завтра к девяти часам утра. Затем м-р Пиквик распрощался и в сопровождении Сэмюэла Уэлера отправился в гостиницу „Кустарник“. Следует отметить, что физиономия м-ра Мартина судорожно исказилась, когда он прощался с Сэмом и пожимал ему руку и что он выжал из себя улыбку и ругательство одновременно. На основании таких симптомов те, кто был близко знаком со странностями этого джентльмена, заключили, что он чрезвычайно доволен обществом м-ра Уэлера и добивался чести более близкого с ним знакомства.

— Прикажете занять для вас отдельную комнату, сэр? — осведомился Сэм, когда они прибыли в „Кустарник“.

— Нет, не стоит, Сэм, — отвечал м-р Пиквик. — Я уже пообедал в общей столовой и скоро лягу спать. Посмотрите, Сэм, есть ли кто-нибудь в зале для торговых * агентов.

М-р Уэлер отправился исполнять поручение и вскоре доложил, что там никого нет, кроме одноглазого джентльмена, который распивает бишоп * вместе с хозяином гостиницы.

— Я присоединюсь к ним, — сказал м-р Пиквик.

— Чудной парень, этот одноглазый, сэр, — сообщил м-р Уэлер, шагая впереди. — Такой чепухи наболтал хозяину, что тот хорошенько не знает — на ногах он стоит или на голове.

Когда м-р Пиквик вошел, человек, к которому относилось это замечание, сидел в дальнем углу комнаты и курил большую голландскую трубку, не спуская единственного глаза с круглолицего хозяина, жизнерадостного на вид старика. Ему он только что рассказал какую-то поразительную историю, о чем свидетельствовали отрывистые восклицания вроде: „Ну, ни за что бы не поверил! Да слыханное ли это дело! В голову бы не пришло, что такие вещи на свете бывают!“ и другие изумленные возгласы, невольно вырывавшиеся у хозяина, когда он встречал пристальный взгляд одноглазого.

— Ваш слуга, сэр, — сказал одноглазый м-ру Пиквику. — Прекрасный вечер, сэр.

— Да, несомненно, — отозвался м-р Пиквик, когда слуга поставил перед ним графинчик с бренди и горячую воду.

Пока м-р Пиквик разбавлял бренди водой, одноглазый зорко посматривал на него и наконец сказал:

— Как будто я с вами уже встречался.

— Что-то не припоминаю, — отвечал м-р Пиквик.

— Разумеется, — сказал одноглазый. — Вы меня не знаете, ну, а я знал двух ваших друзей, которые останавливались в иттенуилском „Павлине“ во время выборов.

— Ах, вот как! — воскликнул м-р Пиквик.

— Да, — подтвердил одноглазый. — Я рассказал им одну историю о своем приятеле Томе Смарте. Быть может, они вам говорили об этом.

— Частенько, — улыбаясь ответил м-р Пиквик. — Кажется, это был ваш дядя?

— Нет, только друг моего дяди, — возразил одноглазый.

— А все-таки удивительный человек был этот ваш дядя. — заметил хозяин гостиницы, покачивая головой.

— Да, пожалуй, что так, пожалуй, — согласился одноглазый. — Об этом самом дяде, джентльмене, я могу вам рассказать историю, которая вас удивит.

— Неужели? — воскликнул м-р Пиквик. — Непременно расскажите.

Одноглазый торговый агент зачерпнул стакан нигеса* из чаши, выпил, затыкнул голландской трубкой, крикнул Сэму Уэллеру, топтавшемуся у двери, чтобы он не уходил, если ему хочется послушать, ибо эта история отнюдь не секрет, и, уставившись единственным глазом в глаза хозяина, начал рассказывать свою повесть так, как она изложена в следующей главе.

ГЛАВА XLIX

содержащая историю дяди торгового агента

„Мой дядя, джентльмены, — начал торговый агент, — был один из самых жизнерадостных, приятных и остроумных людей. Жаль, что вы его не знали, джентльмены. А впрочем, нет, джентльмены, не жаль! Если бы вы его знали, то по законам природы были бы вы все теперь или в могиле, или во всяком случае так близко от нее, что сидели бы по домам и не показывались в обществе, а, значит, я бы лишился неоценимого удовольствия беседовать сейчас с вами. Джентльмены, жаль, что ваши отцы и матери не знали моего дядю. Они были бы в восторге от него — в особенности ваши почтенные матушки, это я наверняка знаю. Если из многочисленных добродетелей, его украшавших, можно выбрать две, превосходящие все остальные, то я бы назвал: его искусство приготовления пунш и петь после ужина. Простите, что я останавливаюсь на этих меланхолических воспоминаниях о почтенном покойнике — не каждый день встретишь такого человека, как мой дядя.

...Джентльмены, я всегда считал весьма существенным для характеристики дяди то обстоятельство, что он был близким другом и приятелем Тома Смарта, агента большой торговой

фирмы Бильсон и Слам, Кейтетон-стрит, Сити. Дядя работал у Тиггина и Уэллса, но долгое время разъезжал по тем же дорогам, что и Том. И в первый же вечер, когда они встретились, дяде по душе пришелся Том, а Тому по душе пришелся дядя. Не прошло и получаса, как они уже побились об заклад на новую шляпу, кто из них лучше приготовит кварту пунша и кто скорее ее выпьет. Дяде досталось первенство по части приготовления, но Том Смарт на полчайной ложечки обставил дядю. Они выпили еще по кварта на брата за здоровье друг друга и с тех пор стали закадычными друзьями. Судьба делает свое дело, джентльмены: от нее не уйдешь.

„На вид мой дядя был чуточку ниже среднего роста, малость потолще обыкновенной породы людей, с румянцем немножко ярче. Симпатичнейшее лицо было у него, джентльмены, похож на Нанч, но подбородок и нос благообразнее. Глаза у него всегда добродушно подмигивали и поблескивали, а улыбка — не какая-нибудь бессмысленная деревянная усмешка, а настоящая веселая, открытая, благодушная улыбка — никогда не сходила с его лица. Как-то он вылетел из своего гига и ударился головой о верстовой столб. Он свалился, оглушенный ударом, и лицо у него было так исцарапано гравином, насыпанным возле столба, что, по собственному выражению дяди, родная мать не узнала бы его, вернись она снова на землю. И в самом деле, джентльмены, поразмыслив об этом, я тоже считаю, что она бы его не узнала: дяде было два года семь месяцев, когда она умерла, и очень возможно, что не будь даже гравия, его сапоги с отворотами не на шутку озадачили бы добрую леди, не говоря уже о его веселой красной физиономии. Как бы там ни было, а он свалился у столба, и я не раз слышал от дяди, что, по словам человека, который его подобрал, он и тут улыбался так весело, словно устал для собственного удовольствия, а когда ему пустили кровь и у него обнаружили слабые проблески сознания, он первым делом уселся в постели, захохотал во все горло, поцеловал молодую женщину, державшую таз, и потребовал баранью котлету с маринованными грецкими орехами. Джентльмены, он был большим любителем маринованных грецких

орехов. Всегда говорил, что они придают вкус пиву, если они поданы без уксуса.

„В пору листопада мой дядя совершал большое путешествие, собирая долги и припимая заказы на севере: из Лондона он ездил в Эдинбург*, из Эдинбурга в Глезго, из Глезго опять в Эдинбург, а оттуда на рыболовном судне в Лондон. Да будет вам известно, что вторую поездку в Эдинбург он совершал для собственного удовольствия. Бывало, отправлялся туда на неделю повидать старых друзей; позавтракает с одним, закусит с другим, пообедаст с третьим, а поужинает с четвертым, и, значит, всю неделю занят. Не знаю, случалось ли кому из нас, джентльмены, отведасть настоящий сытный шотландский завтрак, а потом среди дня закусить бушелем устриц и выпить этак дюжину бутылок эля и один-два стаканчика уиски. Если случалось, то вы согласитесь со мной, что нужна очень крепкая голова, чтобы после этого еще пообедать и поужинать.

„Но, да помилует бог ваши души, дяде моему все это было нипочем! Он себя так приучил, что для него это была детская забава. Я от него слыхал, что в любой день он мог перепить уроженцев Данди и вернуться после того домой, даже не шатаясь; однакоже, джентльмены, у дандийцев такие крепкие головы и такой крепкий пунш, что крепче вы вряд ли найдете между двумя полюсами. Я слыхал, как житель Глезго и житель Данди старались перепить друг друга и пили пятнадцать часов, не вставая с места. Оба задохлись в одну и ту же секунду, насколько это удалось установить, и все-таки, джентльмены, за этим малым исключением, они были в полном порядке.

„Как-то вечером, ровно за двадцать четыре часа до отплытия в Лондон, мой дядя ужинал у своего старого друга бейли* Мек-такого-то и еще четыре слога, который проживал в старом Эдинбурге. Тут была жена бейли, и три дочки бейли, и взрослый сын бейли, и трое-четверо дюжих, хитрых старых шотландцев с косматыми бровями, — бейли позвал их, чтобы почтить моего дядю и повеселиться. Ужин был превосходный. Подали копченую лососину, копченую треску, ба-

ранью голову, хегис — знаменитое шотландское блюдо, джентльмены, — о нем мой дядя говаривал, что, поданное на стол, оно всегда напоминает ему живот купидона, — и еще много разных вещей, очень вкусных, хотя я и забыл, как они называются. Девиды были хорошенькие и симпатичные, жена бейли — чудеснейшее создание в мире, а мой дядя был в прекраснейшем расположении духа. И значит, весь вечер молодые леди хихикали и визжали, старая леди громко смеялась, а бейли и другие старики непрерывно хохотали так, что побагровели. Что-то не припоминаю, сколько стаканов тоди выпил каждый после ужина, но мне известно, что около часу ночи взрослый сын бейли затыкнул было первый куплет „Вот Вили пива наварил“, но впал в беспамятство, а так как за последние полчаса только он да дядя и были видны над столом из красного дерева, то дяде моему пришлось в голову, что пора подумать и об уходе — ведь пить-то начали с семи часов вечера, чтобы дядя мог во-время попасть домой. Но рассудив, что невежливо будет уйти неожиданно, дядя сам себя выбрал в председатели, приготовил еще стаканчик тоди, встал, чтобы произнести тост за свое собственное здоровье, обратился к самому себе с блестящей и хвалебной речью и выпил с большим энтузиазмом. Однако никто не проснулся. Тогда мой дядя пропустил еще стаканчик — на этот раз не разбавляя водой, чтобы тоди ему не повредило, — и, схватив свою шляпу, вышел на улицу.

„Ночь была бурная. Захлопнув за собой дверь бейли, дядя покрепче нахлобучил шляпу, чтобы не сорвало ветром, засунул руки в карманы и воззрился на небо, чтобы определить, какова погода. Облака неслись с головокружительной быстротой, то застилая луну, то позволяя ей красоваться во всем великолепии и заливать светом окрестности, то с возрастающей быстротой заволакивая ее снова и окутывая мраком все предметы. „Этак не годится, — сказал мой дядя, обращаясь к непогоде, словно она нанесла ему личное оскорбление. — Такая непогода не годится для моего путешествия. Никак не годится“, — внушительно сказал дядя. Повторив это несколько раз, он не без труда восстановил равновесие — так долго он гладел на небо, что у него голова закружилась, — и весело тронулся в путь.

Дом бейли был в Кеногейте *, а дядя направился в дальний конец Лит-уока, за милю с лишним. По обеим сторонам дороги были разбросаны поднимавшиеся к темному небу высокие хмурые дома с потемневшими фасадами и с окнами, которые как будто разделяли участь человеческих глаз и, казалось, потускнели и запали от старости. Дома были в шесть, семь, восемь этажей; этаж громоздился на этаж, — как дети строят карточные домики, — отбрасывая темные тени на неровную мостовую и стусая мрак черной ночи. Несколько фонарей горело на большом расстоянии один от другого, но они служили только для того, чтобы освещать грязный проход в какой-нибудь узкий туник или общую лестницу с крутыми и извилистыми поворотами, ведущую в верхние этажи. Равнодушно посматривая вокруг, как человек, который не раз все это видел и не считает достойным особого внимания, дядя шагал посреди улицы, засунув большие пальцы в карманы жилета, и, услаждая себя обрывками разных песен, распевал с таким жаром и воодушевлением, что мирные, честные обыватели пробуждались от первого сна и дрожали в своих постелях, пока звуки не замирали вдали. Затем, решив, что это был какой-нибудь пьяный бездельник, возвращавшийся домой, они укутывались потеплее и снова погружались в сон.

„Джентльмены, я, описываю с такими подробностями, как мой дядя шествовал посреди улицы, засунув пальцы в жилетные карманы, ибо, как он сам частенько говаривал (и не без оснований), в этой истории нет ничего поразительного, если вы сразу не усвоите, что дядя отнюдь не был в мечтательном или романическом расположении духа.

„Итак, джентльмены, засунув пальцы в жилетные карманы, шествовал дядя посреди улицы, распевая то любовную, то застольную песню, а когда это ему надоедало, он мелодически насвистывал, пока не дошел до Северного моста, который соединяет старый Эдинбург с новым. Тут он на минуту остановился, чтобы полюбоваться странными, неправильными скоплениями огоньков, нагроможденных друг на друга и мерцавших высоко в воздухе, словно звезды, со стен замка с одной стороны

и с высот Колтон-хила — с другой, как будто они освещали подлинные воздушные замки. Внизу, в глубоком мраке, спал тяжелым сном старый живописный город, Холирудский * дворец и часовня, охраняемые днем и ночью, как говаривал один приятель дяди, Троном старого Артура, мрачным и темным, вздымающимся, как хмурый гений, над древним городом, который он так долго сторожит. Повторяю, джентльмены, дядя остановился здесь на минуту, чтобы осмотреться, а затем, отпустив комплимент погоде, которая начала проясняться, хотя луна уже заходила, продолжал путь все так же величественно: держался с большим достоинством середины дороги и, казалось, весьма непрочь был встретить кого-нибудь, кто бы вздумал оснаживать его права на эту дорогу. Однако случилось так, что никто не расположен был затевать спор, и дядя, засунув пальцы в жилетные карманы, шел мирно, как ягненок.

Дойдя до конца Лит-уока, он должен был пересечь большой пустырь, отделявший его от короткой улицы, куда ему предстояло свернуть, чтобы добраться до дому. В ту пору этот пустырь был огорожен и принадлежал какому-то колесному мастеру, который заключил контракт с почтовым ведомством на покупку старых, поломанных почтовых карет. Дяде моему — большому любителю карет старых, молодых и среднего возраста — вдруг взбрело в голову свернуть с дороги только для того, чтобы поглазеть на эти кареты сквозь щель в заборе. Он помнил, что их там было штук двенадцать, очень ветхих и разваливающихся. Джентльмены, мой дядя был человек восторженный и впечатлительный; убедившись, что в щель плохо видно, он перелез через забор и, преспокойно усевшись на старую ось, начал задумчиво разглядывать почтовые кареты.

Их было не меньше дюжины, — дядя хорошенько не помнил и никогда не называл точной цифры, ибо был на редкость щепетилен по части цифр. Как бы там ни было, но они стояли тут, сбитые в кучу, и находились в самом жалком состоянии. Дверцы были сняты с петель и унесены; обивка содрана, лишь кое-где сохранились обрывки, державшиеся на ржавых гвоздях; фонарей не было, дышла давным-давно исчезли, железо заржавело, краска облезла; ветер свистел сквозь щели в деревянных

остовах, а дождь, скопившийся на крышах, стекал внутрь, и капли падали с глухим, меланхолическим стуком. Это были гниющие скелеты умерших карет, и в безлюдном месте, в ночное время они производили тяжелое, гнетущее впечатление.

„Дядя опустил голову на руки и задумался о тех энергических, деятельных людях, которые в былые времена разъезжали в этих старых каретах, а теперь изменились так же, как они. Думал о тех, кому эти дряхлые, разрушающиеся экипажи привозили в течение многих лет, изо дня в день, во всякую погоду ожидаемую весточку, желанный денежный перевод, сведения о здоровье и благополучии, внезапное сообщение о болезни и смерти. Купец, влюбленный, жена, вдова, мать, школьник, даже маленький ребенок, бежавший к двери на стук почтальона, — с каким нетерпением ждали они прибытия старой кареты! А где они теперь?

„Джентльмены, по уверению дяди, он обо всем этом успел тогда подумать, но я подозреваю, что он это вычитал позднее из какой-нибудь книжки. Он сам говорил, что задремал, сидя на старой экипажной оси и глядя на развалившиеся почтовые кареты, а проснулся, когда церковный колокол глухо ударил два раза. А ведь дядя никогда не умел думать быстро, и если бы он успел обо всем поразмыслить, я не сомневаюсь, он думал бы по меньшей мере до половины третьего. Вот почему, джентльмены, я решительно придерживаюсь того мнения, что дядя задремал, ровно ни о чем не думая.

„Как бы там ни было, а на дерквы пробило два часа. Дядя проснулся, протер глаза и в изумлении вскочил.

„Как только пробили часы, на этом безлюдном тихом пустыре закипела жизнь и поднялась суматоха. Дверцы старых карет снова висели на петлях, появилась обивка, железные части блестели, как новые, краска вернулась на свое место, фонари были зажжены, подушки и плащи лежали на козлах, носильщики совали пакеты в ящики, кондуктора прятали почтовые сумки, конюхи поливали водой починенные колеса, какие-то люди сутились, прилаживая дышла к каретам; приходили пассажиры, укреплялись чемоданы, выпрягались лошади, — короче, было совершенно ясно, что все эти поч-

товые кареты вот-вот тронутся в путь. Джентльмены, дядя так широко раскрыл глаза, что до последней минуты жизни не переставал удивляться, как ему удалось снова их закрыть.

— Ну, что же вы стоите? — раздался голос, и дядя почувствовал, как чья-то рука опустилась ему на плечо. — Для вас оставлено одно место внутри. Полежайте.

— Для меня? — оглядывался, воскликнул дядя.

— Да, конечно.

Джентльмены, дядя не нашелся, что ответить, — так он был изумлен. А самым диковинным было то, что хотя здесь собралась целая толпа и каждую секунду появлялись новые лица, но немислимо было сказать, откуда они взялись. Казалось, они каким-то чудесным образом выскакивали из-под земли или возникали из воздуха и так же точно исчезали. Носильщик, положив вещи в карету и получив плату, поворачивался и скрывался из виду, и не успевал дядя поразмыслить о том, куда он делся, как уже появлялось с полдюжины носильщиков, сгибавшихся под тяжестью тюков, которые, казалось, вот-вот их раздавят. А как чудно были одеты пассажиры! В длинных широкополых камзолах с широкими манжетами и без воротничков, и в париках, джентльмены, в настоящих больших париках с бантом на косичках. Дядя ровно ничего не понимал.

— Ну, что же вы, намерены садиться? — спросил человек, который уже обращался к дяде. Он был в костюме кондуктора почтовой кареты, в парике и в камзоле с гигантскими манжетами. В одной руке он держал фонарь, а в другой — огромный мушкет, который собирался спрятать в ящик. — Намерены вы садиться, Джек Мартин? — повторил кондуктор, поднося фонарь к лицу дяди.

— Алло! — попятившись, воскликнул дядя. — Это еще что за фамильярность?

— Так стоит в списке пассажиров, — отвечал кондуктор.

— А не стоит ли там еще „м-р“? — осведомился дядя.

Джентльмены, он считал, что называть его Джеком Мартином было со стороны незнакомого кондуктора дерзостью, которой не допустила бы почтовая контора, если бы она была об этом осведомлена.

„— Нет там м-ра, — холодно отвечал кондуктор.

„— А за билет заплачено? — полюбопытствовал дядя.

„— Конечно, — ответил кондуктор.

„— Ах, вот оно что! — сказал дядя. — Ну, значит, в путь. Которая карета?

„— Вот она, — отозвался кондуктор, указывая на старомодную карету Эдинбург—Лондон со спущенной подножкой и открытой дверцей. — Пойдите! Еще пассажиры! Пропустите их.

„Едва кондуктор выговорил эти слова, как перед самым носом дяди появился молодой джентльмен в напудренном парике и небесно-голубом кафтане с серебряными галунами и очень широкими фалдами на холщевой подкладке. Тиггин и Уэлс, джентльмены, торговали набивными тканями и жилетами, и значит, мой дядя сразу разобрался во всех этих материях. На нем были короткие штаны, какие-то странные гамашы, завернутые над шелковыми чулками, туфли с пряжками, кружевные манжеты, на голове треуголка, а сбоку длинная шпага, суживающаяся к концу. Жилет спускался ему на бедра, а концы галстука доходили до пояса. Он торжественно приблизился к дверце кареты, снял шляпу и держал ее над головой в вытянутой руке, оттопырив мизинец, как это делают иные жеманные люди, поднося к губам чашку чаю, затем он щелкнул каблучками, важно отвесил низкий поклон и протянул левую руку. Дядя хотел было шатнуть вперед и крепко пожать ее, как вдруг заметил, что эти знаки внимания относились не к нему, а к молодой леди в старомодном зеленом бархатном платье с длинной талией и корсажем, внезапно появившейся у подножки кареты. Вместо шляпы, джентльмены, ее голову покрывал черный шелковый капюшон. Собираясь сесть в карету, она на секунду отглянулась, и такого красивого личика, как у нее, дядя никогда не видывал даже на картинках. Она села в карету, придерживая одной рукой платье; и, — как говаривал мой дядя, скрепляя свои слова кругленькой клятвой, когда рассказывал эту историю, — он ни за что бы не поверил, что могут быть на свете такие безукоризненные ножки, если бы не видел их собственными глазами.

„Но когда мелькнуло перед ним это прекрасное лицо, дядя заметил, что молодая леди бросила на него умоляющий взгляд и казалась испуганной и огорченной. Увидел он также, что молодой человек в напудренном парике, несмотря на всю свою показную галантность, весьма утонченную и благородную, крепко схватил молодую леди за руку, когда она садилась в карету, и влез тотчас же вслед за ней. С ними отправлялся наредкость безобразный человек в прилизанном коричневом парике, в лиловом костюме, в сапогах, доходивших до бедер, и с очень большой шпагой. А когда он уселся рядом с молодой леди, которая забилась в угол, подальше от него, дядя укрепился в первоначальной своей догадке, что тут происходит что-то мрачное и таинственное или, как он сам говаривал: тут что-то развинулось. Остается только удивляться, с какой быстротой он принял решение в случае опасности помочь молодой леди, если она будет нуждаться в помощи.

„— Смерть и молния! — воскликнул молодой джентльмен, хватаясь за шпагу, когда дядя влез в карету.

„— Кровь и гром! — заревел другой джентльмен. С этими словами он выхватил свою шпагу и без дальнейших церемоний сделал выпад против дяди. У дяди не было при себе оружия, но он очень ловко сорвал с головы безобразного джентльмена треуголку и, насадив ее на кончик его шпаги, крепко зажал руками и не выпускал.

„— Проколите его сзади! — крикнул безобразный джентльмен своему спутнику, пытаясь высвободить шпагу.

„— Не советую, — отозвался дядя, грозно поднимая ногу. — Я мозги у него вышибу или голову ему проломлю, если мозгов у него нет.

„Понатужившись, мой дядя вырвал шпагу из рук безобразного джентльмена и выпвырнул ее в окно кареты, после чего джентльмен помоложе снова провозгласил: „Смерть и молния!“ и очень грозно опустил руку на эфес шпаги, однако не вытащил ее из ножен. Быть может, — как говорил с улыбкой дядя, — быть может, он боялся испугать леди.

„— Ну-с, джентльмены, — сказал дядя, преспокойно усаживаясь, — в присутствии леди я не хочу никакой смерти,

ни с молнией, ни без нее, а крени и грома хватит с вас на одно путешествие. Поэтому, если вам угодно, будем сидеть на своих местах, как мирные путешественники. Эй, кондуктор, подайте этому джентльмену его нож!

„Как только дядя выговорил эти слова, кондуктор явился у окна кареты, держа в руке шпагу. Он поднял фонарь, протягивая шпагу, внимательно посмотрел в лицо моему дяде, а дядя при свете фонаря увидел к большому своему удивлению великое множество кондукторов, столпившихся у окна, — и все до единого смотрели на него очень внимательно. Он от роду не видывал такого количества бледных лиц, красных кафтанов и внимательных глаз.

„— Такой диковинной штуки никогда еще со мной не бывало, — думал дядя. — Разрешите вернуть вам вашу шляпу, сэр.

„Безобразный джентльмен молча взял свою треуголку, попросительно посмотрел на продырявленную тулью и наконец водрузил ее на макушку своего парика с большой торжественностью, эффект коей был слегка испорчен тем, что в этот момент он оглушительно чихнул, и шляпа снова слетела.

„— В дорогу! — крикнул кондуктор с фонарем, влезая на маленькое заднее сиденье. И они тронулись в путь. Когда они выехали со двора, дядя посмотрел в окно и увидел, что остальные кареты с кучерами, кондукторами, лошадьми и пассажирами в полном составе разъезжают по кругу со скоростью примерно пяти миль в час. Дядя пришел в бешенство, джентльмены. Как человек коммерческий он знал, что мешки с почтой — не игрушка, и решил уведомить об этом почтамт, как только прибудет в Лондон.

„Впрочем, в данный момент его мысли были заняты молодой леди, которая сидела в дальнем углу кареты, наклонив на лицо кашпошон. Джентльмен в небесно-голубом кафтане сидел против нее, а человек в лиловом костюме — рядом с ней, и оба не спускали с нее глаз. Стоило зашевелиться складкам кашпошона, и дядя слышал, как безобразный человек хватается за шпагу, а по громкому дыханию другого джентльмена угадывал (в темноте он не видел его лица), как тот пыжится, словно хочет ее проглотить. Это раздражало дядю все

больше и больше, и будь, что будет, а он решил разузнать, в чем тут дело. Он был восторженным поклонником блестящих глаз, красивых лиц и хорошеньких ножек, короче говоря — питал слабость к прекрасному полу. Это у нас семейная черта. Джентльмены, — я и сам таков.

„Дядя прибегал к разным уловкам, чтобы привлечь внимание леди или хотя бы завязать разговор с таинственными джентльменами. Все было тщетно: джентльмены не желали разговаривать, а леди не смела. Он не раз высовывался из окна кареты и кричал во всю глотку, осведомляясь, почему они так медленно едут. Но он мог орать до хрипоты — никто не обращал на него ни малейшего внимания. Тогда он откинулся на спинку сиденья и задумался о красивом лице и хорошеньких ножках. Дело пошло на лад: он не замечал, как летело время, и не задавал себе вопросов, куда он едет и каким образом очутился в таком странном положении. Впрочем это и не могло особенно его беспокоить — он был широкой натурой, бродягой, беззаботным мальчишкой. Да, таков он был, джентльмены.

„Вдруг карета остановилась.

„— Алло! — воскликнул дядя. — Это еще что за новости?

„— Вылезайте здесь, — сказал кондуктор, откидывая подножку.

„— Здесь? — вскричал дядя.

„— Здесь, — подтвердил кондуктор.

„— Я и не подумаю вылезать, — заявил дядя.

„— Ладно, оставайтесь, — сказал кондуктор.

„— Останусь, — объявил дядя.

„— Дело ваше, — сказал кондуктор.

„Остальные пассажиры внимательно прислушивались к этому диалогу. Убедившись, что дядя решил не выходить, молодой джентльмен протиснулся мимо него, намереваясь высадить леди. В это время безобразный человек созерцал дыру в тулье своей треуголки. Проходя мимо дяди, молодая леди уронила ему на руку перчатку и, наклонившись к нему так близко, что он почувствовал на своем носу ее горячее дыхание, шепнула одно только слово: „Помогите!“ Джентльмены, дядя тотчас же выскочил из кареты с таким азартом, что она подпрыгнула на рессорах.

„— А, так значит вы передумали, — сказал кондуктор, увидев, что дядя стоит перед ним.

„Дядя несколько секунд смотрел на кондуктора, подумывая о том, что, пожалуй, не худо было бы вырвать у него мушкет, выстрелить в лицо человеку с большой шпагой, другого ударить прикладом по голове, схватить молодую леди и, воспользовавшись суматохой, удрать. Но, поразмыслив, он отверг этот план, показавшийся ему слишком мелодраматическим, и последовал за двумя таинственными джентльменами, входившими в старый дом, перед которым остановилась карета. Шагая по обе стороны молодой леди, они свернули в коридор, и дядя пошел за ними.

„Такого разрушенного, унылого дома дядя никогда еще не видывал. Должно быть, здесь была когда-то большая гостиница, но теперь крыша во многих местах провалилась, а лестницы были крутые, со стертыми и сбитыми ступенями. В комнате, куда они вошли, находился большой камин, почерневший от дыма; но яркого огня в этот момент в нем не было. Пепел сгоревших дров еще лежал белыми хлопьями в очаге, но камин был холодный, а все вокруг было уныло и мрачно.

„— Недурно! — сказал дядя, озираясь по сторонам. — Почтовая карета подвигается со скоростью шести с половиной миль в час и останавливается неведомо на какое время в такой дыре. Я бы сказал, что это не по правилам. Об этом будет сообщено. Я напишу в газеты.

„Дядя говорил довольно громко и непринужденно, желая втянуть в разговор двух незнакомцев. Но те не обращали на него внимания и только перешептывались и хмуро косились в его сторону. Леди находилась в другом конце комнаты и один раз осмелилась сделать ему знак рукой, словно взывая о помощи.

„Наконец двое незнакомцев подошли к дяде, и разговор завязался всерьез.

„— Думаю, любезный, вам неизвестно, что это частное помещение? — начал джентльмен в небесно-голубом.

„— Да, любезный, неизвестно, — отвечал дядя. — Но если такова частная комната, специально заказанная, то могу себе представить, сколь комфортабелен общий зал.

„С этими словами дядя уселся на стул с высокой спинкой и с такой точностью смерил глазами джентльмена, что Тиггин и Уэллс могли бы снабдить его по этой мерке набивной материей на костюм и не ошиблись бы ни на один дюйм.

„— Убирайтесь отсюда, — сказали в один голос незнакомцы, хватаясь за шпаги.

„— Как? — откликнулся дядя, притворяясь, будто ровно ничего не понимает.

„— Убирайтесь отсюда, пока живы! — крикнул безобразный человек, выхватывая свою огромную шпагу из ножен и рассекая ею воздух.

„— Смерть ему! — провозгласил джентльмен в небесно-голубом, также выхватывая шпагу и отступая на два-три шага. — Смерть ему!

„Леди громко вскрикнула.

„Дядя мой всегда отличался большой храбростью и большим присутствием духа. Притворяясь равнодушным к тому, что здесь происходит, он украдкой огляделся, отыскивая какой-нибудь метательный снаряд или оружие для защиты, и в тот самый момент, когда были обнажены шпаги, заметил в углу у камина старую рапиру в заржавленных ножнах. Одним прыжком дядя очутился возле нее, выхватил ее из ножен, молодецки взмахнул ею над головой, попросил молодую леди отойти в сторону, швырнул стул в небесно-голубого джентльмена, а ножны — в лилового и, воспользовавшись смятением, напал на обоих сразу.

„Джентльмены, в одном старом анекдоте — совсем не плохом, хотя и правдивом, — молодой ирландский джентльмен на вопрос, умеет ли он играть на скрипке, ответил, что нимало в этом не сомневается, но утверждать не смеет, ибо ни разу не пробовал. Это можно применить к моему дяде и его фехтованию. До сей поры он держал шпагу в руках один только раз, когда играл Ричарда Третьего на любительской сцене, но тогда он условился с Ричмондом, что тот, даже и не пытаясь драться, даст проколоть себя сзади. А сейчас он вступил в бой с двумя опытными фехтовальщиками: рубил, парировал, колол, резал и проявлял замечательное мужество и ловкость, отя

до сего дня даже и не подозревал, что имеет какое-то представление об этой науке. Джентльмены, это только доказывает справедливость старой истины: человек никогда не знает, на что он способен, до тех пор, пока не испытал на деле.

„Шум битвы был ужасный: все три бойца рутались, как кавалеристы, а шпаги скрещивались с таким звоном, словно все ножи и все стальные орудия Ньюпортского рынка ударялись друг о друга. В разгар боя леди (несомненно, с целью воодушевить дядю) откинула капюшон и открыла такое ослепительно прекрасное лицо, что дядя готов был драться с пятьюдесятью противниками — только бы заслужить ее улыбку и умереть. Он и до этого момента совершал чудеса храбрости, а теперь начал крошить, как взбешенный великан.

„В этот самый момент джентльмен в небесно-голубом оглянулся, увидел лицо молодой леди, не прикрытое капюшоном, вскрикнул от злобы и ревности и, направив оружие в ее прекрасную грудь, сделал выпад, целясь ей в сердце. Тут мой дядя испустил такой отчаянный вопль, что здание задрожало. Леди проворно отступила в сторону, и не успел молодой человек обрести потерянное равновесие, как она уже выхватила у него оружие, отеснила его к стене и, вонзив шпагу по самую рукоятку, пригвоздила его крепко-накрепко к стеной панели.

„Это был неслыханный подвиг. С торжествующим криком дядя, обнаруживая непомерную силу, заставил своего противника отступить к той же стене и, вонзив старую рапиру в самый центр большого красного цветка на его жилете, пригвоздил его рядом с другом. Так они оба и стояли, джентльмены, в агонии болтая руками и ногами, словно игрушечные паяцы, которых дергают за веревочку. Впоследствии дядя всегда говорил, что это наивернейший способ избавиться от врага: против этого способа можно привести только одно возражение: он вводит в расходы, ибо на каждом выведенном из строя противнике теряешь по шпаге.

„— Карету, карету! — закричала леди, подбегая к дяде и обвиняя его шею своими прекрасными руками. — Мы можем еще ускользнуть.

„Можем? — повторил дядя. — Дорогая моя, но ведь и убивать-то больше некого!

„Дядя был слегка разочарован. джентльмены: он находил, что тихая любовная сцена после ратоборства была бы весьма приятна, хотя бы для разнообразия.

„Мы не можем оставаться здесь ни секунды, — возражала молодая леди. — Он (она указала на молодого джентльмена в небесно-голубом) — единственный сын могущественного маркиза Фильтувиля.

„В таком случае, дорогая моя, боюсь, что он никогда не наследует титула, — заявил мой дядя, хладнокровно поглядывая на молодого джентльмена, который, как я уже сказал, стоял припихленный к стене, словно майский жук. — Вы презекли этот род, моя милая.

„Эти негодяи насильно увезли меня от родных и друзей, — сказала молодая леди, покрасневшись от негодования. — Через час этот злодей женился бы на мне против моей воли.

„Какая наглость! — воскликнул дядя, бросая презрительный взгляд на умиравшего наследника Фильтувиля.

„На основании того, что вы видели, — продолжала молодая леди, — вы могли догадаться, что они стоворились меня убить, если я обращусь к кому-нибудь за помощью. Если их сообщники найдут нас здесь, мы погибли! Быть может, еще две минуты — и будет поздно. Карету!

„От волнения и чрезмерного усилия, которое потребовалось для пригвождения маркиза, она упала без чувств в объятия дяди. Он подхватил ее и пошел к выходу. У подъезда стояла карета, запряженная четверкой вороных коней с длинными хвостами и развевающимися гривами; но не было ни кучера, ни кондуктора, ни кошоха.

„Джентльмены, надеюсь, я не опорочу памяти дяди, если скажу, что, хотя он был холостяком, ему и раньше случалось держать в своих объятиях леди. Я уверен даже, что у него была привычка целовать трактирных служанок, а один-два раза свидетели, достойные доверия, видели, как он, на глазах у всех, обнимал хозяйку трактира. Я упоминаю об этом факте, дабы пояснить, каким удивительным созданием была

эта прекрасная молодая леди, если она произвела такое впечатление на дядю. Он говорил, что почувствовал странное волнение и ноги у него задрожали, когда ее длинные черные волосы свесились через его руку, а прекрасные темные глаза остановились на его лице, как только она очнулась. Но кто может смотреть в кроткие, нежные темные глаза и не почувствовать волнения? Я лично не могу, джентльмены. Я знаю такие глаза, в которые боюсь смотреть, и это сущая правда.

— Вы никогда меня не покинете? — прошептала молодая леди.

— Никогда, — сказал дядя. И говорил искренне.

— Мой милый защитник! — воскликнула молодая леди. — Мой милый, добрый, храбрый защитник!

— Не говорите так, — перебил дядя.

— Почему? — спросила молодая леди.

— Потому что у вас такие прелестные губки, когда вы говорите, — отвечал дядя. — Боюсь, что у меня хватит дерзости поцеловать их.

„Молодая леди подняла руку, словно предостерегая дядю против такого поступка, и сказала... Нет, она ничего не сказала, она улыбнулась. Когда вы смотрите на очаровательнейшие в мире губки и видите, как они складываются в лукавую улыбку, видите их близко, и никого нет при этом, вы наилучшим образом можете доказать свое восхищение их безукоризненной формой и цветом, если тотчас же их поцелуете. Дядя так и сделал, и за это я его уважаю.

— Слушайте! — восторженно воскликнула молодая леди. — Стук колес и топот лошадей!

— Так и есть, — прислушиваясь, согласился мой дядя.

„Он привык различать стук колес и копыт, но сейчас приближалось к ним издали такое множество лошадей и экипажей, что немислимо было угадать их число. Судя по грохоту, катило пятьдесят повозок, запряженных каждая шестеркой превосходных коней.

— Нас преследуют! — воскликнула молодая леди, заламывая руки. — Нас преследуют! Одна надежда на вас.

„На ее прекрасном лице отразился такой испуг, что дядя

немедленно принял решение. Он посадил ее в карету, попросил не бояться, еще раз прижался губами к ее губкам, а затем, посоветовав ей поднять оконную раму, так как было холодно, взобрался на козлы.

„Милый, подождите! — крикнула молодая леди.

„Что случилось? — осведомился дядя с козел.

„Мне нужно сказать вам кое-что, — пояснила молодая леди. — Одно слово! Только одно слово, дорогой мой.

„Не слезть ли мне? — спросил дядя.

„Молодая леди ничего не ответила, но снова улыбнулась. И как улыбнулась, джентльмены! По сравнению с этой улыбкой первая никуда не годилась. Мой дядя в мгновение ока спрыгнул с своего наместа.

„В чем дело, милочка? — спросил он, заглядывая в окно кареты.

„Случилось так, что в то же самое время леди наклонилась к окну, и моему дяде она показалась еще красивее, чем раньше. Они находились очень близко друг от друга, джентльмены, и, стало быть, он никак не мог ошибиться.

„В чем дело, милочка? — спросил мой дядя.

„Вы не будете любить никого, кроме меня, вы не женитесь на другой? — спросила молодая леди.

„Дядя торжественно поклялся, что никогда ни на ком другом не женится. Тогда молодая леди откинулась назад и подняла окно. Дядя вскочил на козлы, расставил локти, подхватил вожжи, взял в руку бич, лежавший на крыше кареты, хлестнул коренника, и вороные кони с длинными хвостами и развевающимися гривами помчались, покрывая пятнадцать добрых английских миль в час и увлекая за собой почтовую карету. Ого! Ну и летели же они!

„Грохот сзади усиливался. Чем быстрее катилась старая карета, тем быстрее мчались преследователи. Люди, лошади, собаки участвовали в погоне. Шум был оглушительный, но еще громче звенел голос молодой леди, понукавший дядю и кричавший: „Скорей, скорей!“

„Они неслись мимо темных деревьев, словно перышки, подхваченные ураганом. Мимо домов, ворот, церквей, стогов сена

они летели с быстротой и шумом бурного потока, вырвавшегося на волю. Но шум погони нарастал, и дядя все еще слышал дикие вопли молодой леди: „Скорей, скорей!“

„Мой дядя не жалел бича, лошади рвались вперед и побелели от пены, а погоня все приближалась, и молодая леди кричала: „Скорей, скорей!“ В этот критический момент дядя изо всех сил ударил ногой по ящику под козлами и... увидел, что настало серое утро, а он сидит во дворе колесного мастера, на козлах старой эдинбургской почтовой кареты, дрожит от холода и сырости и топаёт ногами, чтобы согреться. Он слез с козел и нетерпеливо заглянул в карету, отыскивая прекрасную молодую леди. Увы! У кареты не было ни дверцы, ни сиденья. Остался один остов.

„Конечно, дядя прекрасно понимал, что тут скрывается какая-то тайна, и все произошло именно так, как он рассказывал. Он остался верен великой клятве, которую дал прекрасной молодой леди, — отказался ради нее от нескольких трактирных, очень выгодных партий, и в конце концов умер холостяком. Он всегда вспоминал, как чудно это вышло, когда он, совершенно случайно перемахнув через забор, узнал, что призраки старых почтовых карет, лошадей, кондукторов, кучеров и пассажиров имеют обыкновение путешествовать каждую ночь. К этому он присовокуплял, что, по его мнению, он был единственным живым существом, которому довелось участвовать как пассажиру в одной из таких поездок. И мне кажется, он был прав, джентльмены, — по крайней мере я ни о ком другом никогда не слышал“.

— Хотел бы я знать, что возят в почтовых сумках эти призраки карет? — промолвил хозяин гостиницы, который с большим вниманием слушал рассказ.

— Конечно, мертвые письма, — ответил торговый агент.

— Ах, вот оно что! — воскликнул хозяин. — Мне это не приходило в голову.

ГЛАВА LI

Как м-р Пиквик отправился исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника

На следующее утро лошади были поданы ровно без четверти девять, м-р Пиквик и Сэм Уэлер заняли свои места — первый внутри, а второй снаружи, — и форейтор получил приказание ехать к дому м-ра Боба Сойера, дабы захватить м-ра Бенджемина Элена.

Когда экипаж остановился у подъезда с красным фонарем и очень четкой надписью „Сойер, преемник Нокморфа“, м-р Пиквик, высунувшись из окна кареты, не мало удивился, заметив, что мальчик в серой ливрее старательно закрывает ставни. Столь необычайная и отнюдь не деловая процедура в этот ранний утренний час немедленно побудила его построить две догадки: либо какой-нибудь добрый друг и пациент м-ра Боба Сойера скончался, либо сам м-р Боб Сойер обанкротился.

— Что случилось? — обратился м-р Пиквик к мальчику.

— Ничего не случилось, сэр, — отозвался мальчик, осклабинившись до ушей.

— Все в порядке! — крикнул Боб Сойер, неожиданно появившись в дверях с маленькой кожаной сумкой, грязной и

гощей, в одной руке и с теплым пальто и шалью, перекинутыми через другую. — Я тоже еду, старина.

— Вы? — воскликнул м-р Пиквик.

— Я, — подтвердил Боб Сойер. — Это будет настоящая экспедиция. Эй, Сэм, не зевайте!

Обратив на себя внимание м-ра Уэлера, м-р Боб Сойер швырнул ему кожаную сумку, каковая была немедленно спрятана под сиденье Сэмом, явно восторгавшимся всей этой сценой. Покончив с сумкою, м-р Боб Сойер с помощью мальчика кое-как натянул на себя теплое пальто, которое было на несколько номеров меньше, чем следовало, а затем, подойдя к карете, просунул голову в окно и оглушительно захохотал.

— Каков сюрприз! — воскликнул Боб, вытирая слезы обшлагом теплого пальто.

— Мой дорогой сэр, — с некоторым замешательством промолвил м-р Пиквик, — я не подозревал, что вы будете нас сопровождать.

— Ну, конечно, не подозревали, — отвечал Боб, схватив м-ра Пиквика за отворот пальто. — В этом все дело.

— В этом все дело? — переспросил м-р Пиквик.

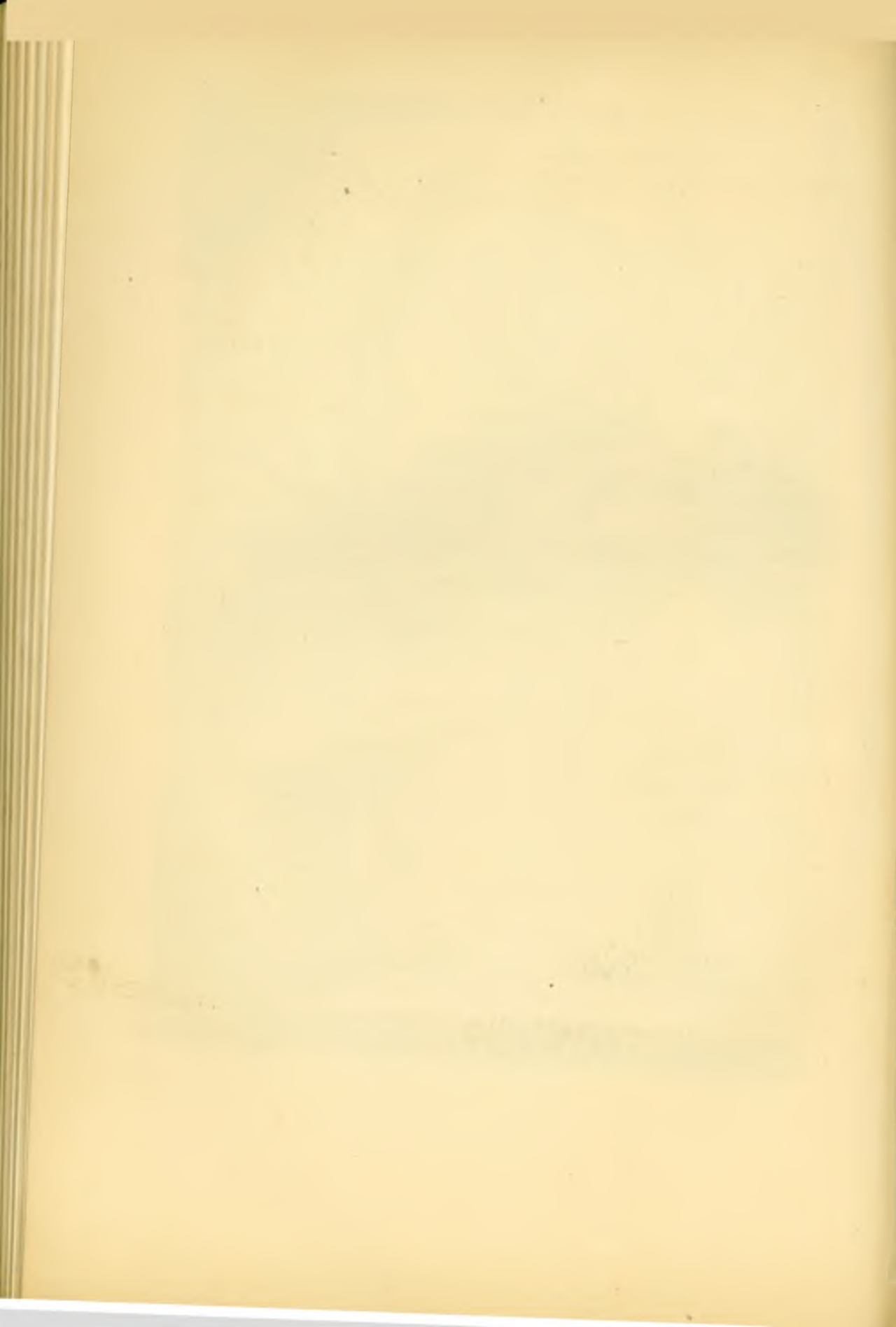
— Разумеется, — подтвердил Боб. — Это, знаете ли, и есть сюрприз, а моя практика пусть сама о себе позаботится, раз она решила не заботиться обо мне.

Объяснив таким образом, почему закрыты ставни, м-р Боб Сойер указал на аптеку и снова залился неудержимым смехом.

— Помилуй бог, ведь вы безумец! Как можно оставлять больных без всякой помощи? — очень серьезно заметил м-р Пиквик.

— Что же тут такого? — возразил Боб. — Я, знаете ли, на этом зарабатываю. Ни один из них не платит. И вдобавок, — продолжал Боб, понизив голос до конфиденциального шопота, — они тоже не остаются в убытке. Дело в том, что мои лекарства на исходе, а денег сейчас нет, значит мне пришлось бы давать всем поголовно каломель, и кое-кому это, несомненно, принесло бы вред. Итак, все к лучшему.

В этом ответе была философическая рассудительность, к которой м-р Пиквик оказался неподготовленным. Он помолчал, а затем сказал уже не столь решительным тоном:

— Друг мой, ведь карета двухместная, а я сговорился с м-ром Эленом.

— Обо мне не беспокойтесь, — отвечал Боб, — я все уладил. Мы с Сэмом поместимся вдвоем на запятках. Посмотрите-ка, эта записка будет приклеена к двери: „Сойер, преемник Покморфа. Справиться напротив у м-с Крикс“. М-с Крикс — мать моего слуги. „М-р Сойер очень сожалеет, — скажет м-с Крикс, — но он ничего не мог поделать: рано утром его увезли на консилиум с известнейшими хирургами... Не могши обойтись без него... Настаивали, чтобы он во что бы то ни стало приехал... Труднейшая операция“. Дело в том, — прибавил в заключение Боб, — что я рассчитываю извлечь из этой поездки пользу. Если о ней напечатают в одной из местных газет, моя карьера обеспечена. А вот и Бен! Ну, полезайте!

Торопливо бросив эти слова, м-р Боб Сойер отстранил форейтора, впахнул своего друга в карету, захлопнул дверцу, поднял подножку, приклеил записку к двери, запер дверь, ключ положил в карман, вскочил на запятки, отдал приказ трогаться в путь, — и все это проделал с такой необычайной стремительностью, что не успел м-р Пиквик хорошенько обсудить, следует ли м-ру Бобу Сойеру ехать с ним, как они уже отправились в дорогу, и м-р Боб Сойер окончательно и бесповоротно утвердился на своем месте.

Пока они ехали по улицам Бристоля, шутник Боб не снимал своих профессиональных зеленых очков и держал себя с подобающей важностью и солидностью, ограничиваясь острогами исключительно в интересах и для увеселения м-ра Сэмюэла Уэлера. Но когда они выехали на дорогу, он спрятал зеленые очки, а вместе с ними солидность, и начал выкидывать разные фокусы, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание прохожих и сделать экипаж и пассажиров объектами, достойными повышенного интереса. Самыми невинными из этих шуточек были весьма звучное подражание корнет-

а-пистону и демонстрирование малинового шелкового носового платка, привязанного к трости, которою Боб размахивал с вызывающим видом и с сознанием собственного превосходства.

— Хотел бы я знать, — сказал м-р Пиквик, прерывая спокойную беседу с Беном Эленом на тему о добродетелях его сестры и м-ра Уинкля, — хотел бы я знать, почему все прохожие глазают на нас?

— Выезд очень хорош, — не без гордости отозвался Бен Элен. — Полагаю, им не каждый день приходится видеть такую карету.

— Возможно, — отвечал м-р Пиквик, — быть может, и так. Очень может быть.

По всей вероятности, м-р Пиквик убедил бы себя в справедливости такого предположения, не выгляни он случайно из окна и не обрати внимания на то, что взгляды прохожих меньше всего выражают почтительное изумление, и что между прохожими и кем-то находившимся на крыше экипажа наладились телеграфические переговоры. Тогда у него мелькнула мысль, что это может иметь некоторое отношение к юмористическим выходкам м-ра Роберта Сойера.

— Надеюсь, наш легкомысленный друг никакими глупостями не занимается там, на запятках, — сказал м-р Пиквик.

— Что вы! Конечно, нет, — успокоил его Бен Элен. — Боб — смирнейшее создание в мире, если он не навеселе.

Тут послышались протяжные звуки корнет-а-пистона, а затем восторженные крики и вопли, явно вырывавшиеся из глотки и легких смирнейшего создания в мире, или, выражаясь проще, самого м-ра Боба Сойера.

М-р Пиквик и м-р Бен Элен многозначительно переглянулись, и первый джентльмен, сняв шляпу и высунувшись из окна кареты так далеко, что чуть ли не весь его живот очутился за окном, ухитрился наконец увидеть своего веселого друга.

М-р Боб Сойер сидел не на запятках, а на крыше кареты, широко раздвинув ноги, надев набекрень шляпу Самюэла Уэлера и держа в одной руке огромный сендвич *, а в

другой — солидных размеров фляжку, к которым он прикладывался по очереди с величайшим наслаждением, и для разнообразия выпускал воли и обменивался веселыми шутками с каждым встречным. Трость с малиновым флагом была привязана вертикально к перилам заднего сиденья, на коем восседал м-р Сэмюел Уэлер, щеголявший в шляпе Боба Сойера и также улетавший двойной сендвич, причем его оживленная физиономия явно выражала полное и безоговорочное одобрение всему происходящему.

Этого было достаточно, чтобы рассердить любого джентльмена, наделенного, подобно м-ру Пиквику, чувством приличия, но положение ухудшилось еще тем, что как раз в этот момент они повстречались с пассажирской каретой, битком набитой и внутри и снаружи, пассажиры которой весьма заметно выражали свое удивление. Вдобавок восторженные возгласы ирландской семьи, бежавшей за каретой м-ра Пиквика и кланчившей милостыню, не отличались сдержанностью. Особенно изощрился глава семьи, вообразивший, будто видит перед собой неотъемлемую часть политической или какой-нибудь иной торжественной процессии.

— М-р Сойер! — крикнул м-р Пиквик, находясь в состоянии крайнего возбуждения. — М-р Сойер, сэр!

— А-лю! — откликнулся этот джентльмен, с величайшим хладнокровием свешиваясь с крыши кареты.

— Вы с ума сошли, сэр? — спросил м-р Пиквик.

— Ничуть не бывало, — ответил Боб. — Я просто веселюсь.

— Веселитесь, сэр? — воскликнул м-р Пиквик. — Я прошу вас убрать этот скандальный красный платок. Я настаиваю, сэр. Сэм, уберите!

Не успел Сэм вмешаться в дело, как м-р Боб Сойер грациозно сорвал свое знамя, сунул его в карман, учтиво поклонился м-ру Пиквику и, вытерев горлышко бутылки, начал переливать ее содержимое себе в горло; тем самым, не теряя лишних слов, он дал ему понять, что пьет за его счастье и благополучие. Покончив с этим делом, Боб заботливо заткнул бутылку пробкой и, бросив благосклонный взгляд на м-ра Пиквика, откусил солидный кусок сендвича и улыбнулся.

— Послушайте, — сказал м-р Пиквик, чей мимолетный гнев не мог устоять перед непоколебимым самообладанием Боба, — прошу вас, бросьте эти глупости.

— Ладно, — согласился Боб, обменявшись шляпами с м-ром Уэллером. — Мне бы это и в голову не пришло, но я так ожил от езды, что ничего не мог поделать.

— Подумайте, на что это похоже, — увещевал его м-р Пиквик. — Позаботьтесь о приличиях.

— Согласен, — отвечал Боб, — это ли на что не похоже. Конец делу, командир!

Успокоенный такими уверениями, м-р Пиквик снова спрятав голову в карету и поднял стекло; но едва он возобновил разговор, прерванный м-ром Бобом Соьером, как с некоторым испугом заметил какой-то маленький продолговатый темный предмет, появившийся за окном и нетерпеливо в него постукивавший, словно он добивался, чтобы его выпустили.

— Что это такое? — воскликнул м-р Пиквик.

— Похоже на фляжку, — заметил Бен Элен, с любопытством разглядывая упомянутый предмет сквозь очки. — Кажется, это фляжка Боба.

Догадка была совершенно правильная. М-р Боб Соьер, привязав фляжку к концу трости, барабанил ею в окно, выражая желание, чтобы его друзья в карете отведали ее содержимое в добром согласии и полной гармонии.

— Что же теперь делать? — осведомился м-р Пиквик, рассматривая на бутылку. — Эта проделка еще глупее прежних.

— Пожалуй, лучше всего взять фляжку в карету, — ответил м-р Бен Элен. — Поделом ему, если мы ее возьмем и оставим здесь, не правда ли?

— Пожалуй, — согласился м-р Пиквик. — Взять?

— Мне кажется, это наилучший выход, — сказал Бен.

Так как этот совет вполне совпадал с точкой зрения самого м-ра Пиквика, он осторожно опустил окно и отвязал бутылку от трости, после чего трость исчезла и послышался громкий смех м-ра Боба Соьера.

— Какой веселый мальчик, — сказал м-р Пиквик, с бутылкой в руке оглядываясь на своего спутника.

— О, да, — согласился м-р Элен.

— Совершенно немислимо сердиться на него, — заметил м-р Пиквик.

— Об этом и речи быть не может, — отвечал Бенджамин Элен.

Пока происходил этот краткий диалог, м-р Пиквик в рас-
селинности откупорил бутылку.

— Что это? — равнодушно осведомился Бен Элен.

— Не знаю, — столь же равнодушно отозвался м-р Пиквик. —
Пахнет как будто молочным пуншем.

— Вот как? — сказал Бен.

— Мне так кажется, — отвечал м-р Пиквик, остерегаясь
уклониться от истины. — Конечно, не попробовав напитка, я
не берусь его определить.

— А вы бы попробовали, — посоветовал Бен. — Не мешает
знать, что это такое.

— Вы думаете? — отозвался м-р Пиквик. — Ну что ж, если
вам любопытно это знать, конечно, я не возражаю.

Мистер Пиквик, всегда готовый жертвовать своим инте-
ресами ради друзей, тотчас же приступил к добросовестной
пробе.

— Что это? — полюбопытствовал Бен Элен, нетерпеливо
отвлекая его от такого занятия.

— Странно! — причмокивая, сказал м-р Пиквик, — я еще
не могу определить. О, да! — присовокупил он после второй
пробы. — Это пунш.

М-р Бен Элен посмотрел на м-ра Пиквика, м-р Пиквик
посмотрел на м-ра Бена Элена; м-р Бен Элен улыбнулся,
м-р Пиквик был серьезен.

— Поделом ему будет, — с некоторой суровостью начал
сей последний джентльмен, — поделом ему будет, если мы
выпьем все до последней капли.

— То же самое и я подумал, — подхватил Бен Элен.

— Неужели? — сказал м-р Пиквик. — В таком случае за его
здоровье.

С этими словами сей превосходный джентльмен энерги-
чески хлебнул из бутылки и передал ее Бену Элену, который не

замедлил последовать его примеру. Теперь оба улыбались, а молочный пунш постепенно и весело начал исчезать.

— В конце концов, — заметил м-р Пиквик, допив последние капли, — его проделки очень забавны. О, да, очень смешны!

— Ну, еще бы! — согласился м-р Бен Элен.

В доказательство того, что Боб Сойер был одним из уморительнейших ребят, он начал развлекать м-ра Пиквика длинным и обстоятельным рассказом о том, как этот джентльмен однажды допился до белой горячки и ему пришлось обрить голову. Это приятное и занимательное повествование было прервано, когда карета остановилась перед гостиницей „Колокол“ в Берклиевской пустоши, чтобы переменить лошадей.

— Послушайте, мы здесь пообедаем? — осведомился Боб, заглядывая в окно.

— Пообедаем? — удивился м-р Пиквик. — Да ведь мы проехали только двенадцать миль, а нам остается еще восемьдесят семь с половиной.

— Вот потому-то мы и должны закусить перед утомительным путешествием, — доказывал м-р Боб Сойер.

— Мыслимое ли дело — обедать в половине двенадцатого? — возразил м-р Пиквик, взглянув на часы.

— Вы правы, — согласился Боб, — самое подходящее время для завтрака. Эй, вы, сэр! Завтрак на троих, немедленно, а экипаж подождет четверть часа. Распорядитесь, чтобы подали все холодные закуски, какие тут есть, несколько бутылок элю и лучшей мадеры. — Отдав этот приказ с необычной хлопотливостью и величием, м-р Боб Сойер тотчас же устремился в дом, дабы надзирать за приготовлениями. Пяти минут не прошло, как он уже вернулся и объявил, что все идет прекрасно.

Завтрак вполне оправдал похвалу, высказанную Бобом, и не только этот последний, но и м-р Бен Элен с м-ром Пиквиком отдали ему должное. При благосклонном участии всех троих эль и мадера быстро исчезли; а когда лошади были поданы и путешественники заняли свои места, предварительно наполнив фляжку наилучшим суррогатом молочного пунша, какой только можно было получить за такое короткое время,

корнет-а-пистон звучал и: красный флаг развевался, не вызывая ни малейшего протеста со стороны м-ра Пиквика.

В гостинице „Хмелевая * Жердь“ в Гьюксбери они остановились пообедать. По этому случаю было выпито еще некоторое количество элю, еще некоторое количество мадеры и вдобавок некоторое количество портвейна, а фляжка наполнилась в четвертый раз. От совместного действия этих возбудителей м-р Пиквик и м-р Бен Элен спали крепким сном на протяжении тридцати миль, а Боб и м-р Уэлер распевали на запятках дуэты.

Было совсем темно, когда м-р Пиквик очнулся и выглянул из окна. Разбросанные вдоль дороги котеджи, грязноватая окраска всех предметов, тусклый воздух, тропинки, усыпанные золой и кирпичной пылью, багровое зарево доменных печей вдали, густые клубы дыма, медленно выползавшие из высоких труб и заволакивавшие окрестность, отблеск далеких огней, громоздкие возы, тащившиеся по дороге и нагруженные звенящими железными прутьями или тяжелыми тюками, — все указывало на быстрое приближение к большому фабричному городу, Бермингему *.

Когда они с грохотом проезжали по узким улицам, ведущим к деловому центру, шум и суета, вызванные напряженной работой, становились все назойливее. Улицы были запружены рабочим людом. Гул, сопровождающий работу, вырывался из каждого дома, в верхних этажах все окна были освещены, а от шума колес и стука машин содрогались стены. Огни печей — их багровый отблеск был виден за много миль — ярко пылали в больших мастерских и на фабриках. Удары молота, свист пара, глухой, тяжелый грохот машин казались варварской музыкой, раздававшейся во всех кварталах.

Форейтор гнал лошадей по широким улицам, мимо красивых, залитых светом магазинов, расположенных по дороге к „Старой королевской гостинице“, а м-р Пиквик все еще не успел обдумать весьма трудного и щекотливого поручения, которое привело его сюда.

Щекотливость этого поручения и трудности, связанные с удовлетворительным его выполнением, отнюдь не уменьшались благодаря добровольной поддержке м-ра Боба Сойера.

По правде говоря, м-р Пиквик сознавал, что в данном случае не стал бы искать его общества, как бы ни было оно приятно. Мало того: он охотно отдал бы порядочную сумму за то, чтобы м-ра Боба Сойера немедленно препроводили куда-нибудь подальше, этак миль за пятьдесят.

М-р Пиквик не был лично знаком с м-ром Уинклем старшим, но раза два обменялся с ним письмами, посылая утешительные сведения в ответ на его запросы относительно нравственности и поведения его сына. Он волновался, понимая, что первый визит, в сопровождении Боба Сойера и Бена Элена, слегка подвыпивших, отнюдь не является надежнейшим и вернейшим средством снискать расположение м-ра Уинкля старшего.

„А впрочем, — размышлял м-р Пиквик, успокаивая самого себя, — я сделаю все, что в моих силах. Я должен повидаться с ним сегодня же вечером, как я твердо обещал. Если они во что бы то ни стало пожелают меня сопровождать, я по возможности сокращу свидание и буду надеяться, что они ради своего же блага постараются держать себя прилично“.

Пока он утешал себя такими соображениями, карета остановилась у двери „Старой королевской гостиницы“. Бена Элена, погруженного в мертвый сон, кое-как растолкал и вытащил за шиворот м-р Сэмюел Уэлер, после чего м-р Пиквик получил возможность выйти из кареты. Их ввели в комфортабельную комнату, и м-р Пиквик поспешил осведомиться у лакея, где находится резиденция м-ра Уинкля.

— Совсем близко, сэр, — ответил лакей, — ярдах в пятистах, не больше, сэр. М-р Уинкль — владелец пристани на канале, сэр. А дом, где он проживает... Да что я говорю, сэр! И пятисот ярдов не будет, сэр! — Лакей задул свечу и сделал вид, будто хочет снова зажечь ее, дабы предоставить м-ру Пиквику возможность задать еще какой-нибудь вопрос, буде он того пожелает.

— Не хотите ли закусить, сэр? — спросил лакей, зажигая свечу и приходя в уныние от молчания м-ра Пиквика. — Чаю или кофе, сэр? Обед, сэр?

— Сейчас ничего не надо.

— Слушаю, сэр. Прикажете заказать ужин, сэр?

— Не сейчас.

— Слушаю, сэр.

Неслышными шагами он направился к двери, но затем остановился, оглянулся и вкрадчиво спросил:

— Не прикажете ли прислать вам горничную, джентльмены?

— Пришлите, если вам угодно, — отвечал м-р Пиквик.

— Если вам угодно, сэр.

— И принесите содовой воды, — сказал Боб Сойер.

— Содовой воды, сэр? Слушаю, сэр. — Получив наконец какое-то приказание, повидимому снявшее с него непосильное бремя, лакей незаметно испарился. Лакеи никогда не ходят и не бегают. Они отличаются своеобразной и таинственной способностью, неведомой остальным смертным, улетучиваться из комнат.

Содовая вода пробудила легкие признаки жизни в м-ре Бене Элене, после чего, уступив уговорам, он вымыл лицо и руки и позволил Саму почистить платье. М-р Пиквик и Боб Сойер тоже привели себя в порядок после путешествия, и все трое, взявшись под руки, отправились к м-ру Уинклю. Боб Сойер, шатая по улице, отравлял воздух табачным дымом.

На расстоянии четверти мили, на тихой, солидной на вид улице стоял старый кирпичный дом с тремя ступеньками, ведущими к двери с медной табличкой, на которой жирным романским шрифтом было начертано: „М-р Уинкль“. Ступеньки были очень белые, кирпичи очень красные, а дом очень чистый. М-р Пиквик, м-р Бенджамин Элен и м-р Боб Сойер остановились перед ним, когда часы пробили десять.

На стук вышла опрятная служанка и вздрогнула, увидев трех незнакомцев.

— М-р Уинкль дома, моя милая? — осведомился м-р Пиквик.

— Он собирается ужинать, сэр, — ответила девушка.

— Пожалуйста, передайте ему эту карточку, — попросил м-р Пиквик. — Скажите, что мне совестно беспокоить его в такой поздний час, но я во что бы то ни стало должен повидаться с ним сегодня, а я только что приехал.

Девушка пугливо посмотрела на м-ра Боба Сойера, который строил удивительные гримасы, выражая свое восхищение ее красотой, затем, покосившись на шляпы и пальто, висевшие в коридоре, вызвала другую девушку и попросила ее посторожить у входа, пока она сбегает наверх. Впрочем, часового быстро сменили: девушка тотчас же вернулась, попросила извинения у джентльменов, что заставила их ждать на улице, и ввела их в комнату, застланную вошанкой и напоминавшую не то контору, не то гардеробную. Главными предметами обстановки, полезными и декоративными, служили конторка, умывальник, зеркало для бритья, стойка для сапог и приспособление для снятия их, высокий табурет, четыре стула, стол и старые часы с недельным заводом. Над каминной доской виднелись дверцы нестораемого шкафа, а две висячие полки для книг, календарь и несколько пыльных регистраторов для бумаг красовались на стенах.

— Простите, сэр, что я заставила дожидаться на крыльце, — сказала девушка, зажигая лампу и приветливо улыбаясь м-ру Пиквику. — Но я вас совсем не знала, а здесь столько бродят шляется, которые так и норовят что-нибудь стянуть...

— Никаких извинений не требуется, моя милая, — добродушно отозвался м-р Пиквик.

— Решительно никаких, мое сокровище! — подхватил Боб Сойер, шутливо протягивая руки и прыгая перед дверью, словно для того, чтобы воспрепятствовать молодой леди выйти из комнаты.

Молодую леди отнюдь не смягчили такие заигрывания, и она тут же высказала свое мнение, что м-р Боб Сойер — „несносный человек“. А когда он начал приставать со своими любезностями, она оставила на его физиономии отпечаток своей хорошенькой ручки и выбежала из комнаты, красноречиво выражая свое презрение и отвращение к нему.

Лишившись общества молодой леди, м-р Боб Сойер придумал новые развлечения: заглядывал в конторку, выдвигал ящики стола, делал вид, будто взламывает нестораемый шкаф, повернул календарь лицом к стене, натягивал сапоги м-ра Уинкля старшего поверх собственных и проделывал

различные забавные эксперименты с мебелью. чем привел м-ра Пиквика в невыразимый ужас и смятение, а м-ру Бобу Сойеру доставил соответственное наслаждение.

Наконец дверь открылась, и маленький старый джентльмен в костюме табачного цвета, представлявший собой точную копию м-ра Уинкля младшего с той только разницей, что старый джентльмен был лыс, проворно вошел в комнату, держа в одной руке визитную карточку м-ра Пиквика, а в другой — серебряный подсвечник.

— М-р Пиквик, как поживаете, сэр? — осведомился Уинкль старший, поставив подсвечник и протягивая руку. — Надеюсь, пребываете в добром здравьи, сэр. Рад вас видеть. Присаживайтесь, м-р Пиквик, прошу вас, сэр. А этот джентльмен...

— Мой друг м-р Сойер, — сказал м-р Пиквик. — Друг вашего сына.

— О! — сказал м-р Уинкль старший, довольно хмуро поглядывая на Боба. — Надеюсь, и вы здоровы, сэр?

— Цел и невредим, как вертел, сэр, — отвечал Боб Сойер.

— А другой джентльмен, — продолжал м-р Пиквик, — как вы узнаете из письма, которое мне поручено для передачи вам, — очень близкий родственник или, пожалуй, следовало бы сказать — очень близкий друг вашего сына. Его фамилия Элен.

— Вот тот джентльмен? — спросил м-р Уинкль, указывая визитной карточкой на Бена Элена, который заснул в такой позе, что видна была только его спина и воротник пальто.

М-р Пиквик хотел было ответить на этот вопрос, назвать полностью имя и фамилию м-ра Бенджемина Элена и распространиться на тему о его похвальных качествах, но в этот момент резвый Боб Сойер, дабы вернуть своего приятеля к жизни, неожиданно ущипнул его за руку, после чего тот с воплем вскочил. Сообразив, что находится в присутствии незнакомого человека, м-р Бен Элен приблизился к м-ру Уинклю и, минут пять горячо пожимая ему обе руки, бормотал какие-то невязные фразы, выражая восторг по случаю знакомства с ним и тостеприимно осведомляясь, не желает ли он подкрепиться после прогулки или предпочитает

подождать „до обеденного времени“, после чего сел, глупо озираясь по сторонам, словно не имея понятия о том, где находится, — да так оно и было в действительности.

Все это весьма смущало м-ра Пиквика, тем более, что м-р Уинкль старший был явно поражен эксцентрическим — чтобы не сказать чудовищным — поведением его спутников. Желая поскорее покончить с этим, он вынул письмо из кармана и, протягивая его м-ру Уинклю старшему, сказал:

— Сэр, это письмо от вашего сына. Познакомившись с его содержанием, вы узнаете, что на вашем благосклонном и отеческом отношении зиждется все его счастье и благополучие в будущем. Окажите мне такое одолжение, прочтите его спокойно и хладнокровно, а затем обсудите этот вопрос со мной в том духе и в тех выражениях, в каких надлежит его обсуждать. Сколь важно ваше решение для вашего сына и как он волнуется, дожидаясь его, вы можете судить по тому, что я явился к вам без предупреждения в такой поздний час и, — добавил м-р Пиквик, покосившись на своих спутников, — при таких неблагоприятных обстоятельствах.

После этой прелюдии м-р Пиквик вручил потрясенному м-ру Уинклю старшему покаянное письмо на превосходнейшей веленовой бумаге — четыре страницы, исписанные мелким почерком. Затем, снова усевшись на стул, он стал следить за выражением лица м-ра Уинкля, — по правде говоря, с некоторой тревогой, но в то же время с чистой совестью, сознавая, что ему не в чем себя винить или упрекать.

Старый владетель пристани повертел письмо в руках, посмотрел на него спереди, сзади и сбоку, тщательно исследовал пухлого мальчугана на печати, бросил взгляд на м-ра Пиквика, а затем, взобравшись на высокий табурет и придвинув к себе лампу, сломал печать, развернул послание и, приблизив его к лампе, приготовился читать.

Как раз в этот момент м-р Боб Соьер, чей острый ум был в течение нескольких минут погружен в спячку, соорудил гримасу, подражая портретам покойного м-ра Гримальди * в роли клоуна. Случилось так, что м-р Уинкль старший, который, вопреки предположениям м-ра Боба Соьера, еще не успел

погрузиться в чтение, посмотрел поверх письма не на кого иного, как на самого м-ра Боба Сойера. Справедливо заключив, что вышеупомянутая гримаса адресована ему с целью высмеять его собственную особу, он устремил строгий взгляд на Боба, и на лице покойного м-ра Гримальди появилось весьма приятное выражение робости и замешательства.

— Вы что-то сказали, сэр? — осведомился м-р Уинкль старший, нарушая злоеущее молчание.

— Нет, сэр, — отвечал Боб, в котором ничего не осталось от клоуна, кроме чрезвычайно яркого румянца на щеках.

— Вы в этом уверены, сэр? — настаивал м-р Уинкль старший.

— Ах, боже мой, конечно, сэр, совершенно уверен! — отвечал Боб.

— Мне послышалось, будто вы что-то сказали, сэр, — по-годующим тоном продолжал старый джентльмен. — Быть может, вы смотрели на меня, сэр?

— О, нет, сэр, и не думал смотреть, — весьма учтиво отвечал Боб.

— Очень рад это слышать, сэр, — сказал м-р Уинкль старший. Величественно бросив хмурый взгляд на посрамленного Боба, старый джентльмен снова поднял письмо к свету и на этот раз действительно начал читать.

М-р Пиквик внимательно следил за ним, когда он переводил взгляд с последней строки первой страницы на верхнюю строку второй, с последней строки второй на верхнюю третью и с последней строки третьей на верхнюю четвертую, но по его неподвижному лицу нельзя было угадать, как он принял сообщение о женитьбе сына, хотя м-ру Пиквику было известно, что оно заключалось в первых же нескольких строках.

Он прочел письмо до конца, сложил его со всей заботливостью и аккуратностью, свойственной деловому человеку, и как раз в тот момент, когда м-р Пиквик ждал сильного выражения чувств, обмакнул перо в чернила и сказал с таким спокойствием, словно обсуждал самый простой бухгалтерский вопрос:

— Вы знаете адрес Нетениела, м-р Пиквик? ✓

— В настоящее время, — гостиница „Джордж и Ястреб“, — ответил сей джентльмен.

— „Джордж и Ястреб“. Где это?

— Джордж-ярд, Ломберд-стрит.

— В Сити?

— Да.

Старый джентльмен старательно записал адрес на обратной стороне конверта, затем спрятал письмо в конторку, запер на ключ, встал с табурета и сказал, пряча в карман связку ключей:

— Полагаю, больше нам обсуждать нечего, сэр?

— Нечего, мой дорогой сэр? — с удивлением и негодованием воскликнул сей мягкосердечный человек. — Нечего! Неужели вы не выскажете своего мнения о столь знаменательном событии в жизни нашего молодого друга? Неужели не поручите мне заверить его от вашего имени в вашей неизменной привязанности к нему и заботе о нем? Неужели не скажете ничего, что могло бы воодушевить и успокоить и его и опечаленную молодую женщину, которая ищет у него утешения и поддержки? Подумайте, мой дорогой сэр.

— Я подумаю, — ответил старый джентльмен. — В данный момент я ничего сказать не могу. М-р Пиквик, я — человек деловой. Ни за какие дела я не принимаюсь второпях, а что касается этого дела, то мне оно отнюдь не нравится. Тысяча фунтов — небольшая сумма, м-р Пиквик.

— Вы совершенно правы, сэр, — вмешался Бен Элен, сквозь сон припоминая, что свою тысячу он спустил без малейших затруднений. — Вот умный человек. Боб, это очень смелый мальчик.

— Очень рад, что именно вы отдадите мне должное, сэр, — сказал м-р Уинкль старший, презрительно взглянув на м-ра Бена Элена, который глубокомысленно покачивал головой. — М-р Пиквик, дело вот в чем: разрешив моему сыну год побродяжничать, повидать людей и общество (что он и сделал под вашим руководством), дабы в жизнь он вступил не беспомощным школьником, я отнюдь не ждал таких результатов.

32

32

ЭТО не
даст нам
решения
обвинения, если
мы не
и не будем
знать.

Ему это очень хорошо известно, и если я лишу его теперь своей поддержки, у него нет никаких оснований удивляться. Я его извещу, м-р Пиквик. Спокойной ночи, сэр. Маргарет, откройте дверь.

Тем временем Боб Соьер подталкивал м-ра Бена Элена, по-пугая его сказать что-нибудь в защиту, и Бен без всяких предупреждений разразился краткой, но сильной речью.

— Сэр, — сказал м-р Бен Элен, глядя на старого джентльмена очень тусклыми и томными глазами и энергически размахивая правой рукой, — вы... вы бы постыдились.

— Как брат молодой леди, вы несомненно являетесь судьей в этом деле, — отрезал м-р Уинкль старший. — Довольно! Пожалуйста, ни слова больше, м-р Пиквик. Спокойной ночи, джентльмены.

С этими словами старик взял свечу и, открыв дверь, вежливо указал по направлению к выходу.

— Вы будете сожалеть об этом, сэр, — произнес м-р Пиквик, стискивая зубы, чтобы сдержать раздражение, ибо понимал, насколько важными могут оказаться последствия этого раздражения для его молодого друга.

— В настоящий момент я придерживаюсь другого мнения, — спокойно отозвался м-р Уинкль старший. — Джентльмены, позвольте еще раз пожелать вам спокойной ночи.

М-р Пиквик сердито вышел на улицу. М-р Боб Соьер, совершенно обескураженный решительными мерами старого джентльмена, последовал его примеру. Немедленно вслед за этим шляпа м-ра Бена Элена скатилась по ступенькам лестницы, а ее примеру последовал и сам м-р Бен Элен. По дороге все трое молчали и, не поужинав, разошлись по своим постелям. Засышая, м-р Пиквик размышлял о том, что, зная он, каким дельцом был м-р Уинкль старший, вряд ли он рискнул бы отправиться к нему с таким поручением.

ГЛАВА LI

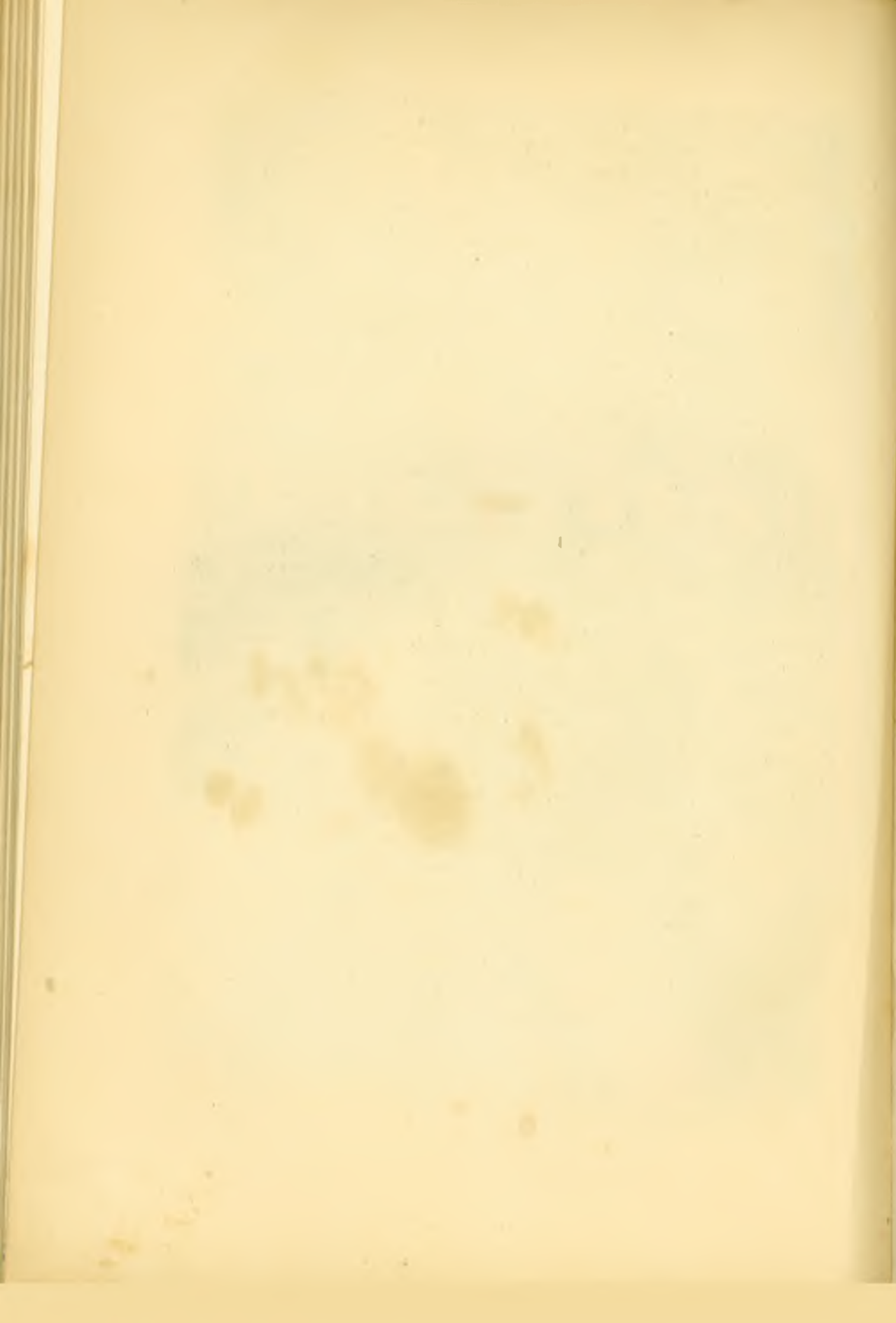
в которой м-р Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих облеченных властью общественных мужах

Утро, приветствовавшее м-ра Пиквика ровно в восемь часов, отнюдь не могло улучшить его расположения духа или развеять уныние, вызванное непредвиденными результатами его миссии. Небо было темное и хмурое, воздух сырой и холодный, улицы мокрые и грязные. Дым лениво повис над трубами, словно у него не хватало мужества подняться, а дождь моросил медленно и вяло, точно ему лень было лить понастоящему. Боевой петух во дворе, утратив последние проблески привычного оживления, мрачно балансировал на одной ноге; осел, понурив голову, хандрил под навесом и, судя по его задумчивой и жалкой физиономии, размышлял о самоубийстве. На улице ничего не видно было, кроме зонтов, и ничего не слышно, кроме стука патен* и журчания дождя.

За завтраком разговаривали очень мало. Даже Боб Сойер ощущал влияние погоды и тревожений вчерашнего дня.

В. М. Мухоморов

Пользуясь его собственным образным выражением, он был „пришиблен“. То же можно сказать и о м-ре Бене Элене. То же самое — и о м-ре Пиквике.

Томительно выжидая, когда погода прояснится, они читали и перечитывали последний вечерний номер лондонской газеты с тем напряженным интересом, какой можно наблюдать только в часы беспредельной скуки; с такою же настойчивостью истоitalи каждый дюйм ковра; так часто выглядывали на улицу, что давали основание к обложению окон добавочными наюгами; перебрали и истоилили все темы разговора; наконец, когда полдень не принес никакой перемены к лучшему, м-р Пиквик решительно позвонил в колокольчик и заказал карету.

Хотя дороги были грязные, а дождь моросил все упорнее, и хотя комья грязи и брызги залетали в открытые окна кареты, причиняя внутренним пассажирам чуть ли не такое же беспокойство, как и пассажирам наружным, — все-таки ехать и ощущать какую-то деятельность было бесконечно приятнее, чем сидеть безвыходно в скучной комнате и смотреть, как скучный дождь поливает скучную улицу, а потому, едва тронувшись в путь, все в один голос признали, что перемена произошла к лучшему, и недоумевали, как могли они так долго откладывать свой отъезд.

Когда они остановились в Кавентри *, от лошадей валил такой густой пар, что конюх был совершенно невидим, и слышался только его голос, когда он из тумана заявил о своих надеждах получить при следующей раздаче наград первую золотую медаль от Филантропического общества за то, что снял с форейтора шляпу. По словам невидимого джентльмена, он (фореитор) неизбежно утонул бы в воде, стекающей с полей шляпы, если бы конюх, проявив удивительное присутствие духа, не сорвал ее с его головы и не вытер физиономии захлебывающегося человека пучком соломы.

— Приятно! — заметил Боб Сойер, поднимая воротник пальто и прикрывая рот, дабы концентрировать пары только что выпитого стаканчика бренди.

— Очень, — безмятежно отозвался Сэм.

- А вам как будто все равно, — сказал Боб.
- А что толку, сэр, если бы мне было не все равно? — изрек Сэм.
- Это неоспоримый довод, — согласился Боб.
- Да, сэр, — подтвердил м-р Уэлер. — Все к лучшему, как заметил кротко один молодой аристократ, когда ему дали пенсию за то, что дед жены дяди его матери подал королю трут, чтобы раскурить трубку.
- Мысль недурна, Сэм, — одобрил м-р Боб Сойер.
- То же самое говорил до конца своей жизни молодой аристократ в дни выдачи пенсии, — сообщил м-р Уэлер.
- Случалось ли вам, — помолчав, продолжал Сэм, посма- тривая на форейтора и говоря таинственным шепотом, — слу- чалось ли вам, когда вы учились у костоправов, навещать больного форейтора?
- Что-то не припоминаю, — ответил Боб Сойер.
- А когда вы там появились (как говорится о привиде- ниях), вам никогда не случалось видеть в больнице форейтора?
- Нет, — отвечал Боб, — никогда не случалось.
- И никогда не бывали на таком кладбище, где бы стоял памятник форейтору, и мертвого форейтора никогда не ви- дели? — допытывался Сэм.
- Никогда, — заявил Боб.
- Правильно! — с торжеством воскликнул Сэм. — И никогда не увидите. И еще кое-чего никто и никогда не увидит — мертвого осла. Ни один человек не видел мертвого * осла, кроме джентльмена в коротких черных шелковых штанах, знакомого молодой женщины, которая пасла козу; но то был фран- цузский осел и, стало быть, не регулярной породы.
- Какое же это имеет отношение к форейторм? — полю- бопытствовал Боб Сойер.
- Это-вот самое, — отвечал Сэм. — Кое-кто из очень умных людей утверждает, что и форейтормы и осла бессмертны, но я так далеко не пойду, а скажу вот что: как только они почувствуют, что старость подходит и работа им не под силу, они вместе куда-то отправляются, обычным порядком, по одному форейтору на пару ослов. Что с ними затем происходит, —

никто не ведает, но, по всей вероятности, они забавляются в каком-нибудь другом мире, потому что ни одному человеку не доводилось видеть, чтобы осел или фореитор забавлялись на этом свете!

Излагая эту изумительную научную теорию и подкрепляя ее любопытными статистическими и иными данными, Сэм Уэлер коротал время, пока они не доехали до Данчерча, где получили сухого фореитора и свежих лошадей. Следующая остановка была в Девитри, а затем в Таустере *, и в конце каждого перегона дождь был сильнее, чем в начале.

— Послушайте, — взмолился Боб Сойер, заглядывая в окно кареты, когда они остановились у гостиницы „Голова Сарацина“ в Таустере, — этак, знаете ли, продолжаться не может.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Пиквик, очнувшись от дремоты. — Боюсь, как бы вы не промокли.

— Как бы я не промок? — отозвался Боб. — Пожалуй, это уже случилось. Кажется, я отсырел.

Боб действительно отсырел: вода струилась у него с шеи, локтей, облигав и колен, и весь его костюм так блестел от воды, что можно было принять его за клеенчатый.

— Я немножко промок, — продолжал Боб, отряхиваясь и разбрызгивая воду, словно ньюфаундлендская собака, только что выбравшаяся на сушу.

— Мне кажется, сегодня немисливо ехать дальше, — вмешался Бен.

— Об этом и речи быть не может, сэр, — заявил Сэм Уэлер, решив принять участие в совещании. — Было бы жестоко принуждать к этому лошадей, сэр. Здесь есть постели, сэр, — продолжал Сэм, обращаясь к своему хозяину, — чистота и комфорт. В полчаса приготовят прекрасный обед, сэр: куры и телячьи котлеты, сэр; французские бобы, картофель, торт и полный порядок. Разрешите вам посоветовать, сэр, — оставайтесь-ка вы здесь. Следуйте моим советам, как сказал доктор.

В этот момент хозяин „Головы Сарацина“ подоспел весьма кстати, дабы подтвердить слова м-ра Уэлера касательно удобств этой гостиницы и подкрепить его мольбы мрачными

предположениями о состоянии дорог и об отсутствии свежих лошадей на следующей станции, а также непоколебимой уверенностью в том, что дождь будет лить всю ночь, а утром погода выяснится, и другими заманчивыми доводами, известными содержателям гостиниц.

— Все это верно, — сказал м-р Пиквик, — но я должен как-нибудь отправить в Лондон письмо, чтобы оно было доставлено завтра рано утром, иначе придется рискнуть и ехать дальше.

Хозяин просил от восторга. Ничего не может быть легче, стоит только джентльмену завернуть письмо в оберточную бумагу и отправить его либо с почтовой, либо с пассажирской ночной каретой из Бермингема. Если джентльмен желает, чтобы письмо было доставлено как можно скорее, ему стоит только написать на конверте: „доставить немедленно“, — это верный способ, — или „уплатить подателю сего лишних полкроны за немедленную доставку“, — этот способ еще вернее.

— Прекрасно, — сказал м-р Пиквик, — в таком случае мы остановимся здесь.

— Джон, зажгите свечи в „Солнце“ *, разведите огонь в камине. Пожалуйста сюда, джентльмены. Не беспокойтесь о фореиторе, сэр, я его пришлю, когда вы пожелаете. Джон, свечи!

Свечи были принесены, огонь разведен и дрова подброшены. Спустя десять минут лакей накрывал на стол, занавески были спущены, огонь ярко пылал, и все вокруг имело такой вид (как всегда бывает во всех приличных английских гостиницах), словно путешественников ждали и заблаговременно позаботились об их комфорте.

М-р Пиквик уселся за отдельный столик и поспешно написал записку м-ру Уинклю, сообщая, что он задержался по случаю плохой погоды, но завтра несомненно будет в Лондоне. Эта записка была быстро завернута в бумагу и вручена м-ру Сэмюэлу Уэллеру для передачи в буфет.

Сэм оставил ее у хозяйки гостиницы и, обсушившись возле кухонного очага, возвращался, чтобы снять башмаки со своего хозяина, как вдруг, заглянув в приоткрытую дверь,

увидел рыжеватого джентльмена, сидевшего за столом над кипой газет и читавшего передовую статью в одной из них с такой саркастической улыбкой, что нос у него искривился, а лицо дышало величественным презрением.

— Алло! — сказал Сэм. — Эти волосы и это лицо мне знакомы, а также очки и широкополая шляпа! Будь я проклят, если тут не пахнет Итенсуилем.

Сэм мучительно закашлялся, дабы привлечь внимание джентльмена. Джентльмен вздрогнул, поднял голову и очки, и Сэм увидел глубокомысленную и вдумчивую физиономию Пота, редактора „Итенсуилской газеты“.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Сэм, приближаясь к нему с поклоном, — мой хозяин здесь, м-р Пот.

— Тише! Тише! — крикнул Пот и, втащив Сэма в комнату, закрыл за ним дверь, всей своей физиономией выражая непонятный испуг.

— Что случилось, сэр? — осведомился Сэм, с недоумением озираясь вокруг.

— Даже шепотом не произносите моего имени, — отвечал Пот. — Это Желтый округ. Если взбудораженное и раздраженное население узнает, что я здесь, меня разорвут в клочья.

— Да неужели, сэр? — удивился Сэм.

— Я паду жертвой их бешенства, — ответил Пот. — Ну-с, молодой человек, что скажете о вашем хозяине?

— Он с двумя приятелями остановился здесь на ночь по дороге в Лондон, — сообщил Сэм.

— И м-р Уинкль с ним? — насупившись, спросил Пот.

— Нет, сэр. М-р Уинкль остался дома, — ответил Сэм. — Он женат.

— Женат! — воскликнул Пот с большим воодушевлением. Он помолчал, мрачно улыбнулся и добавил глухим и мстительным тоном: — Поделом ему!

Выразив таким образом свою смертельную ненависть и холодное торжество над поверженным врагом, м-р Пот осведомился, принадлежат ли друзья м-ра Пиквика к сторонникам Синих. Получив весьма удовлетворительный ответ от

Сэма, который знал об этом не больше, чем сам Пот, он согласился последовать за ним в комнату м-ра Пиквика, где его ждал сердечный прием. Тогда же было выдвинуто и принято предложение пообедать всем вместе.

— Как идут дела в Итенсунле? — полюбопытствовал м-р Пиквик, когда Пот подсел к камину, и все сняли мокрые сапоги и надели сухие туфли. — „Независимый“ еще существует?

— „Независимый“, сэр, — отвечал Пот, — все еще влачит свое жалкое и утасаживающее существование. Непристойный и презираемый даже теми немногими, которые знают о его несчастном и гнусном прозябании, задыхаясь в тех потоках грязи, какие сам же изливает, оглушенный и ослепленный испарениями своей же собственной гнили, непристойный орган печати, не подозревая о своем падении, быстро погружается в предательское болото, которое как будто служит ему твердой опорой среди низких классов общества, но тем не менее смыкается над его головой и скоро поглотит его навеки.

Выразительно отчеканив этот приговор (заимствованный из его последней передовой статьи), редактор остановился, чтобы передохнуть, и устремил величественный взор на Боба Сойера.

— Вы еще молоды, — сказал Пот.

М-р Боб Сойер кивнул головой.

— И вы также, сэр, — сказал Пот, обращаясь к Бену Элмену. Бен признал справедливость этого обвинения.

— И, надеюсь, вы оба впитали те Синие принципы, какие я обязался перед народом соединенных королевств защищать и проводить до конца жизни, — продолжал Пот.

— Видите ли, я, собственно говоря, в этом не разбираюсь, — отозвался Боб Сойер. — Я...

— Уж не Желтый ли он, м-р Пиквик? — перебил Пот, отодвигая свой стул. — Ваш друг не Желтый, сэр?

— Нет, — возразил Боб. — В настоящее время я похож на шотландскую материю: смесь всех цветов.

— Колеблющийся, — торжественно определил Пот, — колеблющийся! Сэр, я бы хотел показать вам восемь передовых

статей, появившихся в „Итенсуилской газете“. Мне кажется, я в праве утверждать, что вы не замедлите после этого обосновать свои мнения на твердом и незыблемом Синем фундаменте, сэр.

— Пожалуй, я совсем посинею задолго до того, как дочитаю их до конца, — отвечал Боб.

М-р Пот подозрительно посмотрел на Боба Соейра и, повернувшись к м-ру Пиквику, сказал:

— Вы читали литературные статьи, которые появлялись за последние три месяца в „Итенсуилской газете“ и вызвали всеобщее восхищение — я бы сказал: восхищение во всем мире?

— Видите ли, — отозвался м-р Пиквик, слегка смущенный таким вопросом, — я был очень занят другими делами и буквально не имел возможности их прочесть.

— А следовало бы это сделать, сэр, — с суровой гримасой сказал Пот.

— Я прочту, — обещал м-р Пиквик.

— Они написаны в форме пространной рецензии книги, трактующей о китайской метафизике, сэр, — сообщил Пот.

— О! — отозвался м-р Пиквик. — Произведение вашего пера?

— Одного из моих сотрудников, сэр, — с достоинством ответил Пот.

— Трудный предмет, сказал бы я, — заметил м-р Пиквик.

— Чрезвычайно трудный, сэр! — с глубокомысленным видом изрек Пот. — Для этого он „натаскивался“ — пользуясь этим техническим, но выразительным термином. По моему совету он читал Британскую энциклопедию.

— В самом деле? — сказал м-р Пиквик. — Я и не подозревал, что этот ценный труд содержит какие-нибудь сведения о китайской метафизике.

— Сэр, — продолжал Пот, положив руку на колено м-ра Пиквика и улыбаясь с сознанием собственного умственного превосходства, — сэр, о метафизике он прочел под буквой М, а о Китае — под буквой К, и затем соединил полученные сведения воедино.

Физиономия м-ра Пота выражала такое необычайное величие при воспоминании о сокровищах науки, вошедших в упомянутые статьи, что м-р Пиквик не сразу осмелился возобновить разговор. Наконец, когда лицо редактора постепенно разгладилось и обрело свойственное ему высокомерное выражение, м-р Пиквик рискнул продолжить беседу и задал вопрос:

— Могу ли я осведомиться, какая великая цель увела вас так далеко от родного города?

— Та цель, которая побуждает и вдохновляет меня во всех моих гигантских трудах, сэр, — с тихой улыбкой ответил Пот, — благо моей родины!

— Вероятно, какая-нибудь общественная миссия, — заметил м-р Пот.

— Да, сэр, — подтвердил Пот, — вы правы. — И, наклонившись к м-ру Пиквику, глухо прошептал: — Завтра вечером будет Желтый бал в Бермингеме.

— Помилуй бог! — воскликнул м-р Пиквик.

— Да, сэр, и ужин, — добавил Пот.

— Да что вы говорите! — удивился м-р Пиквик.

Пот торжественно кивнул головой.

Хотя м-р Пиквик и сделал вид, будто потрясен этим сообщением, но он был столь мало осведомлен в местной политике, что не мог в полной мере уразуметь все значение упомянутого гнусного заговора. Заметив это, м-р Пот извлек последний номер „Итсенуилской газеты“ и прочел оттуда следующую заметку:

ТАЙНЫЕ КОЗНИ ЖЕЛТЫХ

„Наш подлый противник не так давно изрыгнул свой черный яд в тщетной и безнадежной попытке загрязнить славное имя нашего знаменитого и достойного представителя, почтенного м-ра Сламки — того Сламки, которому мы гораздо раньше, чем он знал свой теперешний ответственный и высокий пост, предсказывали, что настанет день — и этот день настал, — когда страна будет чествовать его и гордиться им, ее доблестным защитником и украшением.

Наш подлый противник, — говорим мы, — вздумал посмеяться над превосходным кованым ведром для угля, которое было преподнесено этому великому человеку его восхищенными избирателями и по поводу покупки коего негодяй, скрывший свое имя, инсинуирует, будто сам почтенный Сламки внес более трех четвертей подписной суммы через близкого друга своего дворецкого. Неужели это пресмыкающееся не понимает, что, даже буде это правда, почтенный м-р Сламки предстает перед нами — если только сие возможно — в еще более ярком и ослепительном свете? Неужели этот тупица не постигает, что такое любезное и трогательное желание исполнить волю избирателей должно навеки покорить сердца и души тех, которые не стали хуже свиней или, иначе говоря, которые не так низко пали, как этот упомянутый современник? Но таковы гнусные уловки злокозненных Желтых! Этим не ограничиваются их интриги. Здесь пахнет предательством. Заявляем смело — теперь, когда мы вынуждены сделать это разоблачение, а затем искать защиты у страны и ее констеблей, заявляем смело: в настоящее время идут тайные приготовления к Желтому балу, каковой будет дан в Желтом городе, в самом сердце Желтого населения, под руководством Желтого церемониймейстера; на этом балу будут присутствовать четверо Ультражелтых членов парламента, и вход на него будет производиться только по Желтым билетам! Не содрогается ли наш дьявольский современник? Пусть корчится в бессильной злобе, когда мы начертаем слова: Мы там будем“.

— Вот, сэр, — добавил Пот, в изнеможении складывая газету, — таково положение дел.

Так как в эту минуту хозяин гостиницы и лакей принесли обед, м-р Пот приложил палец к губам, давая понять, что его жизнь находится в руках м-ра Пиквика и он рассчитывает на его осторожность. М-ры Боб Сойер и Бенджамин Элен, непочтительно заснувшие во время чтения заметки из „Итенсуилской газеты“ и последовавшей за сим дискуссии, проснулись от одного магического слова „обед“, шопотом произнесенного. К обеду они приступили с хорошим пищеварением к услугам

их аппетита, здоровьем — к услугам того и другого и лакеем — к услугам всех этих трех качеств.

За обедом и во время последовавшей за ним беседы м-р Пот, спустившись до житейских тем, сообщил м-ру Пиквику, что итенсиулский климат оказался вреден для его супруги, и она решила побывать на различных модных курортах, дабы восстановить здоровье и душевные силы. Этими словами он деликатно маскировал тот факт, что м-с Пот, приводя в исполнение часто повторяемую угрозу о разводе, уехала навсегда вместе с верным телохранителем и, благодаря договору, заключенному ее братом лейтенантом с м-ром Потом, обеспечила себе половину редакторского жалованья и годовой прибыли от „Итенсиулской газеты“.

Пока великий м-р Пот распространялся на эту и другие темы, время от времени освежая беседу цитатами из своих собственных произведений, какой-то суровый незнакомец, взглянув из окна кареты, направлявшейся в Бермингем и остановившейся перед гостиницей, чтобы сдать пакеты, пожелал узнать, может ли он, если вздумает переночевать здесь, рассчитывать на такие удобства, как кровать и постель.

— Разумеется, сэр, — ответил хозяин гостиницы.

— Могу? В самом деле? — спросил незнакомец, которому, судя по тону и манере, была свойственна подозрительность.

— Несомненно, сэр, — ответил хозяин.

— Хорошо, — сказал незнакомец. — Кучер, я здесь выхожу. Кондуктор, мой саквояж!

Отрывисто пожелав остальным пассажирам спокойной ночи, незнакомец покинул карету. Это был невысокий джентльмен с очень жесткими черными волосами, остриженными в стиле дикобраза или сапожной щетки и стоявшими дыбом. Он держал себя сурово и величаво; манеры были повелительные, глаза зоркие и бегающие, а вся осанка свидетельствовала о безграничной самоуверенности и сознании неизмеримого превосходства над остальными смертными.

Этого джентльмена ввели в комнату, первоначально предназначенную для патристически настроенного м-ра Пота, и лакей с немим изумлением отметил странное совпадение:

едва он зажег свечи, как незнакомец, запустив руку в свою шляпу, вытащил оттуда газету и начал читать ее с тем же негодующим презрением, какое час назад, отражаясь на величавой физиономии Пота, парализовало энергию лакея. Он заметил также, что презрение м-ра Пота было вызвано газетой, называвшейся „Итенсулский независимый“, тогда как возмущение этого джентльмена пробудила „Итенсульская газета“.

— Позовите хозяина, — приказал незнакомец.

— Слушаю, сэр, — ответил лакей.

Хозяина позвали, и он явился.

— Вы хозяин? — осведомился джентльмен.

— Я, сэр, — отвечал хозяин.

— Вы меня знаете? — спросил джентльмен.

— Не имею этого удовольствия, сэр, — ответил хозяин.

— Моя фамилия Слерк, — сообщил джентльмен.

Хозяин слегка поклонился.

— Слерк, сэр, — высокомерно повторил джентльмен. — Теперь, любезный, вы знаете, кто я такой?

Хозяин почесал в затылке, посмотрел на потолок, на незнакомца и слегка улыбнулся.

— Любезный, вы знаете, кто я такой? — сердито спросил незнакомец.

Хозяин тщетно напрягал память и наконец ответил:

— Не знаю, сэр.

— О небо! — воскликнул незнакомец, ударив кулаком по столу. — Вот она, слава!

Хозяин попятился к двери. Незнакомец, не спуская с него глаз, продолжал:

— Вот она, благодарность за годы упорного труда на благо народа. Я не вижу ликующих толп, которые стекаются, чтобы приветствовать своего вождя. Не слышу колокольного звона. И даже имя мое не вызывает ни малейшего отклика в бесчувственных сердцах! От этого могут замерзнуть чернила, — говорил м-р Слерк, шагая взад и вперед, — и хочется навеки уйти от трудов.

— Не угодно ли вам трогу, сэр? — рискнул предложить хозяин.

— С ромом, — заявил м-р Слерк, грозно поворачиваясь к нему. — Есть у вас где-нибудь огонь?

— Можно сейчас же развести, сэр, — сказал хозяин.

— А комната согреется, когда нужно будет ложиться спать? — перебил м-р Слерк. — Есть кто-нибудь в кухне?

Там не было ни души. Огонь пылал. Все разошлись, и дверь на ночь была заперта.

— Я буду пить ром у кухонного камина, — объявил м-р Слерк.

Взяв шляпу и газету, он торжественно последовал за хозяином в это скромное помещение и, опустившись на скамью возле очага, состроил презрительную гримасу и молча и с достоинством начал читать и пить.

Случилось так, что в этот самый момент над „Головой Сарацина“ пролетал некий демон раздора и, посмотрев из праздного любопытства вниз, узрел Слерка, комфортабельно расположившегося у кухонного очага, а в другой комнате — Пота, слегка возбужденного вином. Злобный демон, проникнув с непостижимой быстротой в упомянутую комнату, тотчас же проник в голову м-ра Боба Сойера и, преследуя свои пагубные цели, побудил его сказать следующие слова:

— А ведь мы и забыли о камине, и огонь потух. Как холодно стало после дождя.

— Совершенно верно, — зябко ежась, отозвался м-р Пиквик.

— Нехудо было бы выкурить сигару возле кухонного очага, — предложил Боб Сойер, все еще подстрекаемый вышеупомянутым демоном.

— Мне кажется, это будет чрезвычайно приятно, — ответил м-р Пиквик. — А что вы скажете, м-р Пот?

М-р Пот охотно согласился, и четверо путешественников, каждый со стаканом в руке, немедленно прошествовали в кухню под предводительством Sama Уэлера, показывавшего им дорогу.

Незнакомец все еще читал. Он поднял голову и вздрогнул. М-р Пот тоже вздрогнул.

— Что случилось? — шопотом спросил м-р Пиквик.

— Этот гад! — ответил Пот.

— Какой гад? — спросил м-р Пиквик, пугливо озираясь, как бы не наступить на какого-нибудь гигантского таракана или чудовищного паука.

— Этот гад... — прошептал Пот, хватая м-ра Пиквика за рукав и указывая на незнакомца. — Этот гад... Слерк из „Независимого“!

— Не лучше ли нам уйти? — шепнул м-р Пиквик.

— Ни за что на свете, сэр, — возразил храбрый во хмелю Пот, — ни за что на свете! — С этими словами м-р Пот расположился на противоположной скамье и, выбрав один номер из пачки газет, начал читать, повернувшись лицом к своему врагу.

М-р Пот, конечно, читал „Независимого“, а м-р Слерк, конечно, читал „Итенсуилскую газету“, и каждый джентльмен выражал свое презрение к творчеству другого горьким смехом и саркастическим фырканьем. Затем они начали высказывать свои мнения более открыто, пользуясь такими критическими замечаниями, как „нелепо“, „гнусно“, „возмутительно“, „вздор“, „мошенничество“, „мерзость“, „грязь“, „гниль“, „помой“.

И м-р Боб Сойер и м-р Бен Элен наблюдали эти симптомы, показательные для соревнования и ненависти, с большим восторгом, придававшим особый смак их сигарам, которыми они энергически затягивались. Когда противники начали выдыхаться, проказник Боб Сойер весьма учтиво обратился к Слерку:

— Разрешите посмотреть вашу газету, сэр, когда вы ее прочтете.

— Вы найдете очень мало стоящего в этом презренном листке, сэр, — отвечал Слерк, бросая сатанинский взгляд на Пота.

— Сейчас я вам передам вот эту, — сказал Пот, поднимая голову; он побледнел от бешенства, и голос у него дрожал по той же причине. — Ха-ха! Вас позабавит наглость этого субъекта.

Слово „листок“ и „субъект“ были произнесены с резким ударением, и лица обоих редакторов покраснели от гнева.

— Сквернословие этого презренного человека гнусно и отвратительно, — сказал Пот, якобы обращаясь к Бобу Сойеру, но устремляя грозный взгляд на Слерка.

Тут м-р Слерк громко захохотал и, складывая газету так, чтобы перейти к чтению следующего столбца, заявил, что этот болван по-настоящему его забавляет.

— Какой бесстыдный враль этот субъект, — продолжал Пот, из красного делаясь багровым.

— Случалось ли вам, сэр, читать дурацкую болтовню этого человека? — осведомился Слерк у Боба Сойера.

— Нет, — отвечал Боб. — А что, очень плохо?

— О, ужасно, ужасно! — воскликнул Слерк.

— Ах, боже мой, это просто чудовищно! — возопил в этот момент Пот, все еще делая вид, будто поглощен чтением.

— Если вам удастся одолеть эти фразы, пропитанные желчью, подлостью, фальшью, обманом, предательством и ханжеством, — сказал Слерк, протягивая газету Бобу, — вы, быть может, получите некоторое удовольствие, посмеявшись над стилем этого безграмотного болтуна.

— Что вы сказали, сэр? — осведомился Пот, поднимая голову и дрожа от ярости.

— А вам какое дело, сэр? — отозвался Слерк.

— Безграмотный болтун, не так ли, сэр? — продолжал Пот.

— Да, сэр, именно так, — отвечал Слерк, — и „синяя скука“, сэр, если это вам больше по вкусу. Ха-ха!

М-р Пот не ответил ни слова на эту оскорбительную остроту. Он медленно сложил номер „Независимого“, бросил его на пол, придавил ногой, плюнул на него весьма торжественно и препроводил в огонь.

— Вот, сэр, — сказал Пот, отступая от очага, — и точно так же я проучил бы ехидну, породившую эту газету, если бы, к счастью для нее, меня не удерживали законы моей страны.

— Так проучите же ее, сэр! — вскакивая, крикнул Слерк. — В такого рода делах она никогда не прибегнет к закону. Проучите ее, сэр!

— Слушайте, слушайте! — провозгласил Боб Сойер.

— Честный вызов, — заметил м-р Бен Элен.

— Проучите ее, сэр! — повысив голос, крикнул Слерк.

М-р Пот бросил презрительный взгляд, который мог бы испенелить якорь.

— Проучите ее, сэр! — повысив голос, крикнул Слерк еще раз.

— Не желаю, сэр! — отвечал Пот.

— О, вот как, вы не желаете, сэр? — насмешливо переспросил Слерк. — Вы слышите, джентльмены? Он не желает! Он не боится, — о нет, он не желает! Ха-ха!

— Сэр, — сказал Пот, задетый этим саркастическим замечанием, — сэр, я считаю вас ехидной. Я смотрю на вас, сэр, как на человека, который благодаря своему дерзкому, позорному и отвратительному поведению потерял свое место в обществе. Я считаю вас, сэр, лично и политически самой пагубной ехидной.

Возмущенный „независимый“ не ждал конца этой обличительной речи. Схватив свой саквояж, туго набитый движимым имуществом, он замахнулся им в тот момент, когда Пот отвернулся, и, описав полукруг, опустил саквояж ему на голову как раз тем углом, где лежала большая щетка. Треск разнесся по всей кухне, и Пот был немедленно повержен на пол.

— Джентльмены, — закричал м-р Пиквик, когда Пот, вскочив, схватил совок, — джентльмены! Опомнитесь, ради бога!.. Сэм!.. Прошу вас, джентльмены!.. Да разнимите же их!

Выкрикивая эти бессвязные слова, м-р Пиквик бросился между взбешенными бойцами как раз во-время, чтобы получить с одной стороны удар саквояжем, а с другой — удар совком. Были ли представители общественного мнения Итенсуила ослеплены ненавистью или (поскольку оба отличались проникательным умом) учли, сколь выгодно им иметь между собой третье лицо, принимающее на себя все удары, — как бы то ни было, но они не обратили ни малейшего внимания на м-ра Пиквика и, с большим воодушевлением вызывая друг друга на бой, бесстрашно действовали саквояжем и совком. Несомненно, м-р Пиквик жестоко поплатился бы за свое человеколюбивое вмешательство, если бы не м-р Уэлер, который, слышав

вошли хозяина, ворвался в кухню, схватил мешок из-под муки и положил конец побойщю, натянув мешок на голову могущественному Поту и крепко обхватив его за плечи.

— Отнимите этот-вот саквояж у другого сумасшедшего! — крикнул Сэм Бену Элену и Бобу Сойеру, которые ровно ничего не делали и только прицеливались вокруг, вооруженные ланцетами в черепаховой оправе и готовые пустить кровь первому, кто будет оглушен ударом. — Отдайте саквояж, негодник вы этакий, или я вас самого туда запрячу!

Устрашенный этой угрозой и совсем запыхавшийся „независимый“ дал себя обезоружить, а м-р Уэлер, сняв гасильник с Пота, освободил его с таким предостережением:

— Сейчас же отправляйтесь спать, или я вас обоих уложу в одну постель, завяжу вам рты, и деритесь сколько угодно. Я справлюсь с дюжиной таких, как вы, если они полезут в драку. А вы, сэр, будьте добры, пожайдите сюда-вот.

Обратившись с такими словами к м-ру Пиквику, Сэм взял его под руку и увел, а хозяин гостиницы под наблюдением м-ра Боба Сойера и м-ра Бенджамина Элена препроводил обоих враждующих редакторов в их комнаты. Уходя, они выкрикивали свирепые угрозы и в туманных выражениях улаивались выйти завтра на смертный бой. Впрочем, поразмыслив, они пришли к тому заключению, что гораздо разумнее будет продолжать бой в печати. Поэтому они вскоре возобновили враждебные действия, и весь Итенсвилл был потрясен их храбростью — на бумаге.

На следующее утро они уехали спозаранку в разных каретах, пока остальные путешественники еще спали. А так как погода прояснилась, то м-р Пиквик со своими спутниками устремился в Лондон.

ГЛАВА LII

*повествующая о важном событии в семействе Уэлера
и о безвременном падении красноносого м-ра Стигинса*

Считая неделикатным представить молодой чете Боба Сойера или Бена Элена, не предупредив ее заблаговременно об их прибытии, и желая щадить по мере сил чувства Арабелы, м-р Пиквик сказал, что он с Сэмом поедет в гостиницу „Джордж и Ястреб“, а молодые люди временно останутся где-нибудь в другом месте. На это они охотно согласились, и план был приведен в исполнение: м-р Бен Элен и м-р Боб Сойер отправились на окраину Баро в уединенный трактир, где в былые дни их имена частенько красовались за дверью буфета, возглавляя сделанные мелом длинные и запутанные вычисления.

— Ах, бог мой, м-р Уэлер! — воскликнула хорошенькая горничная, встретив Сэма у двери.

— Лучше бы вы сказали „Сэми мой“, милочка, — отвечал Сэм, отставая от своего хозяина, чтобы тот не слышал их беседы. — Мери, какая вы красotka!

— Ах, м-р Уэлер, какие глупости вы говорите! — сказала Мери. — Ах, м-р Уэлер, не надо!

— Чего не надо, моя милая? — осведомился Сэм.

— Вот этого, — отвечала хорошенькая горничная. — Да отстаньте вы от меня!

После такого увещевания хорошенькая горничная оттолкнула Сэма к стене, заявив, что он измял ее чепчик и растрепал локоны.

— А кроме того помешали мне сказать то, что я хотела, — добавила Мери. — Вас уже четыре дня ждет письмо. Получаса не прошло после вашего отъезда, как оно было получено, и вдобавок на конверте написано: „спешно“.

— Где оно, моя милочка? — спросил Сэм.

— Я его припрятала для вас, а то бы оно давным-давно пропало, — отвечала Мери. — Вот оно, берите, хотя вы этого не заслуживаете.

С этими словами, мило кокетничая и выражая сомнения и опасения, не потерялось ли письмо, Мери извлекла его из-под изящнейшей муслиновой пелеринки и протянула Сэму, который тотчас же поцеловал его с превеликой галантностью и нежностью.

— Ах, боже мой! — воскликнула Мери, поправляя косынку и притворяясь ничего не понимающей. — Почему вы так его полюбили?

На это Сэм ответил одним только подмигиванием, глубочайший смысл коего не поддается никаким описаниям, и, усевшись рядом с Мери на подоконник, разорвал конверт и заглянул в его содержимое.

— Алло! — воскликнул Сэм. — Что это значит?

— Надеюсь, ничего не случилось? — осведомилась Мери, заглядывая ему через плечо.

— Да благословит бог ваши глазки! — сказал Сэм, поднимая голову.

— Забудьте о моих глазах, читайте-ка лучше письмо, — посоветовала хорошенькая горничная, и при этом глаза у нее смотрели так лукаво и чарующе, что перед ними никак нельзя было устоять.

Сэм освежился поцелуем и прочел следующее:

„Маркиз Грэн“
Би-Доркин
среда

„Мой дорогой Сэм!..

„Мне очень жалко что имею удовольствие доставить вам дурные новости вапа мачеха схватила простуду по случаю легкомыслиево сидения слишком долго на мокрой траве под дождем слушая пастыря а тот не мог убраться до поздней ночи потому как накачался грогом и не мог заткнуть глотку пока малость не очухался а наэто понадобилось много времени доктор гаварит что ежелибы она глатнула теплово грогу не дортого а после она былаб теперь здоровехонка тотже час ей подмазали колеса и все сделали чтоб она опять покатила ваш отец надеялся что она выкрутится но заворачивая заугол сынок она попала не на ту дорогу и покатила пот гору сломя голову и хоть медицина тотже час схватилась затормас все было бестолку и проехала последнюю заставу без двадцати шесть вчера вечером прикатиф на место гораздо раньше регулярно часу может потому как при ней было очен мало поклажы ваш отец говорит если вы прибудете и навестите меня Сэми он будет очен рад потому как я очен одинок Семивель примечание он говорит нужно писать это так а я говорю нетак и потому как нужно шорешить всякие дела он уверец что хазяин вас отпустит конечно отпустит потому как я его хорошо знаю, и опять же он кланяется и я тож и остаюс Семивель переданный вам

Тони Веллер“.

— Что за бестолковое письмо! — воскликнул Сэм. — Как тут разобрать, что оно значит, со всеми этими „он“ да „я“. И почерк не отцовский, вот только подпись печатными буквами — это его рука.

— Должно быть, он попросил кого-нибудь написать за него, а сам подписался, — предположила хорошенькая горничная.

— Подождите минутку, — сказал Сэм, снова пробегая письмо и останавливаясь, чтобы обдумать некоторые места. — Вы уга-

дали. Джентльмен, который это писал, изложил все, как полагается, с случившейся беде, а потом мой отец заглянул ему через плечо, сунул свой нос и закутал все дело. Это очень на него похоже. Вы правы, Мери, милочка.

Уяснив себе этот пункт, Сэм еще раз прочел послание от начала и до конца и, как будто только теперь уразумев его содержание, задумчиво сложил письмо и воскликнул:

— Стало быть, бедняжка умерла! Мне ее жаль. Она была бы неплохой женщиной, если бы эти пастыри оставили ее в покое. Мне ее очень жаль.

М-р Уэллер с такой серьезностью произнес эти слова, что хорошенькая горничная опустила глазки и призадумалась.

— А впрочем, — продолжал Сэм, со вздохом пряча письмо в карман, — сделанного не переделаешь, как сказала старая леди, выйдя замуж за лакея. Теперь уж не исправишь дела, — не правда ли, Мери?

Мери покачала головой и тоже вздохнула.

— Придется попросить отпуск у повелителя, — сказал Сэм.

Мери еще раз вздохнула. Письмо было такое трогательное.

— До свидания, — сказал Сэм.

— До свидания, — отозвалась хорошенькая служанка и отвернулась.

— Позвольте пожать вашу руку, — сказал Сэм.

Мери протянула руку — очень маленькую, хотя это и была рука горничной, — и встала, собираясь уйти.

— Я скоро вернусь, — проговорил Сэм.

— Вы всегда в разъездах, — сказала Мери, чуть заметно качнув головой. — Не успеете приехать, и опять уезжаете.

М-р Уэллер привлек к себе красавицу и начал ей что-то нашептывать. Через минуту она повернулась к нему и соблаговолвила на него взглянуть. Когда они расстались, оказалось, что ей необходимо зайти в свою комнату и поправить чепчик и локоны, раньше чем явиться к своей хозяйке. Поднимаясь по лестнице, дабы совершить эту предварительную процедуру, она кивала Сэму через перила и расточала ему улыбки.

— Я вернусь не позже, чем через два дня, сэр, — сказал Сэм, сообщив м-ру Пиквику о несчастье, постигшем его отца.

— Оставайтесь, сколько понадобится, Сэм,—отвечал м-р Ник-вик,— я вам разрешаю.

Сэм поклонился.

— Скажите отцу, Сэм, что если я могу быть чем-нибудь полезен, я с величайшей готовностью сделаю для него все, что в моих силах.

— Благодарю вас, сэр,—отвечал Сэм.— Я передам.

И заверив друг друга во взаимном расположении, хозяин и слуга расстались.

Было ровно семь часов, когда Сэмюэл Уэлер, спустившись с козел пассажирской кареты, проезжавшей через Доркинг, очутился на расстоянии нескольких сот ярдов от „Маркиза Гренби“. Был холодный, пасмурный вечер, маленькая улица производила гнетущее впечатление, а красная физиономия благородного и доблестного маркиза Гренби, качавшегося и скрипевшего на ветру, казалась еще более печальной и меланхолической, чем обычно. Шторы были спущены и ставни прикрыты. Никого не виднелось у входа, где всегда собирались гуляки. Было тихо и безлюдно. Не встретив никого, к кому бы он мог обратиться за сведениями, Сэм потихоньку вошел в дом; оглянувшись, он тотчас заметил своего родителя.

Вдовец сидел за круглым столиком в комнате за буфетом и курил трубку, пристально глядя на огонь. Похороны состоялись, повидимому, сегодня, ибо к его шляпе, которую он почему-то не снял, была прикреплена лента длиной ярда в полтора, небрежно переброшенная через спинку стула и спускавшаяся до полу. М-р Уэлер был настроен глубокомысленно и созерцательно, ибо, несмотря на то, что Сэм окликнул его несколько раз, он продолжал курить все так же задумчиво и спокойно и очнулся только тогда, когда сын положил руку ему на плечо.

— Сэми,—сказал м-р Уэлер,— добро пожаловать.

— Я несколько раз вас окликал,—сообщил Сэм, вешая шляпу на гвоздь,— а вы не слышали.

— Да, Сэми,—отозвался м-р Уэлер, снова устремив задумчивый взгляд на огонь,— я был в мечтательности, Сэми.

— В чем? — осведомился Сэм, подсаживаясь к камину.
— В мечтательности, Сэм, — повторил м-р Уэлер старший. — Я думал о ней, Сэмвел.

Тут м-р Уэлер мотнул головой в сторону Доркингского кладбища, поясняя, что его слова относятся к покойной м-с Уэлер.

— Я вот о чем думал, Сэм, — продолжал м-р Уэлер, с большой серьезностью взирая на сына поверх своей трубки, словно заверяя его, что, каким бы удивительным и невероятным ни показалось такое признание, оно тем не менее высказано спокойно и обдуманно. — Я вот о чем думал, Сэм: в общем, мне очень жаль, что она умерла.

— Ну что ж, так оно и должно быть, — отозвался Сэм.

М-р Уэлер кивнул в знак своего согласия и, снова уставившись на огонь, скрылся в облаке табачного дыма и глубоко задумался.

— Очень разумные слова она мне сказала, Сэм, — произнес м-р Уэлер после долгого молчания, отгоняя дым рукой.

— Какие слова? — полюбопытствовал Сэм.

— Которые она говорила, когда расхворалась, — отвечал старший джентльмен.

— Что же она говорила?

— А вот что: „Веллер, — говорит, — боюсь, что я с вами обходилась не так, как бы оно полагалось. Вы человек очень добрый, и я могла бы позаботиться о том, чтобы вам было хорошо у себя дома. Теперь, — говорит, — когда уже поздно, я начинаю понимать, что если замужняя женщина хочет быть религиозной, она прежде всего должна подумать о своих домашних обязанностях и позаботиться, чтобы вокруг нее все были довольны и счастливы. А если она ходит в церковь, в часовню или еще куда-нибудь, то пусть остерегается, чтобы не прикрывать этим лень и не потакать своим слабостям. А я, — говорит, — это делала и тратила время и деньги на людей, которые жили еще хуже моего. Но надеюсь, Веллер, когда я умру, вы меня будете поминать такой, какой я была, пока не сошлась с этими людьми, и какая я есть на самом деле“. — Сюзен, — говорю я: она меня врасплох застала, Сэ-

О телях
по телям
во двор
сфранко

живел, сказать по правде, мой мальчик,—Сюзен,—говорю,— вы мне были хорошей женой, нечего толковать об этом. Держитесь, моя милая, и вы еще увидите, как я расправлюсь с этим-вот Стигинсом.—Тут она улыбнулась, Сэмивел,—добавил старый джентльмен, затягиваясь трубкой, чтобы подавить вздох,—а потом все-таки умерла.

— Да,—начал Сэм, решив высказать простое и утешительное соображение, после того как старый джентльмен минуты три-четыре покачивал головой и задумчиво курил,—да, папаша, рано или поздно все мы гуда отправимся.

— Отправимся, Сэми,—подтвердил м-р Уэлер старший.

— Так угодно providению,—продолжал Сэм.

— Разумеется,—согласился отец, одобрительно кивнув головой.— Не будь этого, что оставалось бы делать гробовщикам, Сэми?

Растерявшись среди бесконечных выводов, вытекающих из такого соображения, м-р Уэлер старший положил свою трубку на стол и с задумчивой физиономией начал размешивать угли в камине.

Пока старый джентльмен занимался этими делами, очень пригожая кухарка, одетая в траур и суетившаяся в буфете, прошмыгнула в комнату, несколько раз ухмыльнувшись Сэму в знак того, что узнает его, и, молча поместившись за стулом его отца, возвестила о своем присутствии тихим покашливанием. Так как оно осталось без внимания, она кашлянула громче.

— Алло!—воскликнул м-р Уэлер старший, роняя кочергу, и, оглянувшись, быстро отодвинул свой стул.— Что случилось?

— Годубчик, выпейте чашку чаю,—медовым голосом предложила пригожая особа.

— Не хочу!—грубо отрезал м-р Уэлер.— Проваливайте к...—Он спохватился и добавил вполголоса:— подальше отсюда.

— Ах, боже мой, как человек меняется в несчастье!—воскликнула леди, закатывая глаза.

— Кроме доктора и смерти только это и может изменить мое положение.—буркнул м-р Уэлер.

— Никогда еще не видывала такого сердитого человека.—сказала пригожая особа.

— Не беспокойтесь. Все это мне на пользу, как утешал себя один раскаявшийся школьник, когда его секли, — отвечал старший джентльмен.

Пригожая особа сочувственно и соболезнующе покачала головой и обратилась к Сэму за поддержкой: не правда ли, отец должен взять себя в руки и не предаваться унынию?

— Видите ли, м-р Сэмюел, — говорила пригожая особа, — я его еще вчера предупреждала, что он почувствует себя одиноким, и тут уж ничего не поделаешь, но он должен приободриться. Ах, боже мой, ведь мы все сочувствуем его горю и готовы все для него сделать, и нет такого печального положения, м-р Сэмюел, которого нельзя было бы исправить. Это самое говорил мне один очень достойный джентльмен, когда умер мой муж.

Тут красноречивая особа, прикрыв рот рукой, кашлянула снова и бросила нежный взгляд на м-ра Уэлера старшего.

— Так как я в данный момент не нуждаюсь в вашем разговоре, сударыня, то будьте добры, уйдите, — произнес м-р Уэлер серьезным и внушительным тоном.

— Послушайте, м-р Уэлер, — возразила пригожая особа, — ведь я только по доброте сердечной разговаривала с вами.

— Очень возможно, сударыня, — отвечал м-р Уэлер. — Сэмивел, проводите эту леди и закройте за ней дверь.

Памек действовал: пригожая особа немедленно вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь, после чего м-р Уэлер старший весь в поту откинулся на спинку стула и сказал:

— Сэми, если я пробуду здесь неделю — одну только неделю, мой мальчик, — я оглянуться не успею, как эта женщина насильно женит меня на себе.

— Вот как! Неужели она так влюблена? — осведомился Сэм.

— Влюблена! — воскликнул отец. — Я не могу от нее отделаться. Если бы меня посадили в нестерраемый шкаф с браминским замком, она все равно добралась бы до меня, Сэми.

— Вот здорово, когда человека так добиваются, — улыбаясь, сказал Сэм.

— Я этим не горжусь, Сэми, — возразил м-р Уэлер, энергически размешивая угли. — Это ужасная ситуация. Меня

положительно выгоняют из дому. Не успела ваша бедная мате-
реша испустить дух, как уже одна старуха присылает мне
банку варенья, другая — банку желе, а третья заваривает ро-
машку и собственноручно приносит мне огромную кружку.

М-р Уэллер умолк, всем своим видом выражая крайнее
отвращение, потом добавил вполголоса:

— И все они — вдовы, Сэм, все, кроме той, что с ромаш-
кой, а она — незамужняя леди пятидесяти трех лет.

Сэм ответил на это забавным подмигиванием, а старый
джентльмен, разбив упрямую головешку с таким рвением и
злостью, словно это была голова одной из упомянутых вдов,
продолжал:

— Короче говоря, Сэм, я чувствую себя в безопасности
только на козлах.

— Почему же там лучше, чем в другом месте? — пе-
ребил Сэм.

— А потому, что кучер — особа с привилегией, — пояснил
м-р Уэллер, пристально глядя на сына. — Потому, что кучер
может делать то, чего другие не могут, и никто его не за-
подозрит. Потому, что кучер может быть в очень дружеских
отношениях хоть с восемьюдесятью тысячами женщин, но
никому и в голову не придет, что он подумывает жениться
на одной из них. А кто другой, кроме кучера, может сказать то
же самое, Сэм?

— Пожалуй, это похоже на правду, — согласился Сэм.

— Будь ваш хозяин кучером, — рассуждал м-р Уэллер, — не-
ужели вы думаете, что эти-вот присяжные осудили бы его?
Никогда бы они этого не сделали, даже если бы дело могло
дойти до суда.

— А почему? — недоверчиво спросил Сэм.

— А вот почему, — ответил м-р Уэллер, — потому, что они
не пошли бы против своей совести. Регулярный кучер — все
равно, что дорожка между холостецкой жизнью и супруже-
ством, и всякий порядочный человек это знает.

— Вот что! Вы, кажется, хотите сказать, что кучера — об-
щие любимцы, и никто их не обидит? — осведомился Сэм.

Его отец кивнул головой.

— Почему так случилось, — продолжал родитель, — я и сам не знаю. Понятия не имею, почему кучера карет дальнего следования так умеют всем угодить и почему за ними бегают, можно сказать — обожает их прекрасный пол в каждом городе, через который они проезжают. Знаю, что так оно и есть на самом деле. Это от природы так — диспансер, как говаривала ваша бедная мачеха.

— Диспансация *, — поправил Сэм старого джентльмена.

— Хорошо, Сэмивел, пусть будет диспансация, если вам это больше по вкусу, — отвечал м-р Уэллер. — Я это называю диспансером, и так всегда пишется в тех местах, где выдают даром лекарства, если вы приносите свою посуду, вот и все.

С этими словами м-р Уэллер снова набил и раскурил свою трубку и, опять придав чертам своего лица задумчивое выражение, продолжал:

— Так вот, мой мальчик, незачем мне оставаться здесь только для того, чтобы меня женили, хочу я этого или не хочу, а так как нет у меня желания совсем отгородиться от интересных членов общества, то я порешил отправиться туда, где безопаснее будет, и снова повернуть оглобли к „Прекрасной Дикарке“. Там мой природный воздух, Сэм.

— А как быть с трактиром? — осведомился Сэм.

— Трактир, Сэмивел, — отвечал старый джентльмен, — со всем добром, запасами и обстановкой будет перепродан. И ваша мачеха незадолго до смерти пожелала, чтобы двести фунтов из этих денег были помещены на ваше имя в эти штуки... как они называются?

— Какие штуки? — спросил Сэм.

— Да те штучки, что в Сити постоянно поднимаются и спускаются.

— Омнибусы *? — подсказал Сэм.

— Вздор, — возразил м-р Уэллер. — Они всегда колеблются и почему-то перекутываются с государственным долгом и банковыми чеками и всякой всячиной.

— А облигации! — догадался Сэм.

— Совершенно верно, — согласился м-р Уэллер, — облигации. Так вот двести фунтов из этих денег будут помещены на ваше

ими, Семивел, в обогатили по четыре с половиной процента, Сэми.

— Очень мило, что старая леди обо мне подумала, — сказал Сэм, — и я ей весьма признателен.

— Остальные деньги будут положены на мое имя, — продолжал м-р Уэлер старший, — а когда я проеду последнюю заставу, они перейдут к вам. Смотрите, мой мальчик, не промотайте их и берегитесь, чтобы какая-нибудь вдова не пронюхала о вашем богатстве, а не то ваша песенка спета.

Высказав такое предостережение, м-р Уэлер с проявившейся физиономией взялся за трубку; повидимому, этот деловой разговор принес ему значительное облегчение.

— Кто-то стучится, — сказал Сэм.

— Пусть стучится, — с достоинством отозвался его отец.

Поэтому Сэм не двинулся с места. Стук повторился снова и снова, затем раздались энергические удары, после чего Сэм осведомился, почему бы не впустить стучавшего.

— Тише! — опасливо прошептал м-р Уэлер. — Не обращайтесь никакого внимания, Сэми. Может быть, это одна из вдов.

Так как стуки были оставлены без внимания, невидимый посетитель после краткой паузы рискнул открыть дверь и заглянуть в комнату. В полуоткрытую дверь просунулась не женская голова, а длинные черные космы и красная физиономия м-ра Стигинса. Трубка вывала из рук м-ра Уэлера.

Преподобный джентльмен потихоньку открывал дверь все шире и шире, а когда наконец образовалась такая щель, в которую могло проскользнуть его тощее тело, он нырнул в комнату и очень старательно и бесшумно прикрыл за собой дверь. Повернувшись к Сэму, он воздел руки и закатил глаза в знак безграничной скорби, вызванной несчастьем, какое постигло семью, после чего перенес кресло с высокой спинкой в свой старый уголок у камина и, присев на самый краешек, вытащил из кармана коричневый носовой платок и прижал его к своим органам зрения.

Пока разыгрывалась эта сцена, м-р Уэлер старший сидел, откинувшись на спинку кресла, широко раскрыв глаза и положив руки на колени, всем своим видом выражая крайнее

и безграничное изумление. Сэм, храня глубокое молчание, сидел против него и с живейшим любопытством ждал развязки.

М-р Стиггинс несколько минут прижимал к глазам коричневый носовой платок и благопристойно стонал, а затем, овладев собой, спрятал его в карман и застегнулся. После этого он помешал угли, а потом потер руки и посмотрел на Сэма.

— О мой юный друг, — тихим голосом сказал м-р Стиггинс, нарушая молчание, — какое великое горе!

Сэм слегка кивнул.

— И для человека гнева это тоже великое горе, — добавил м-р Стиггинс. — Сердце у сосуда гнева обливается кровью.

Сын услышал, как м-р Уэлер пробормотал что-то о том, как бы и нос сосуда не облился кровью, но м-р Стиггинс этого не слышал.

— Не знаете ли вы, молодой человек, — прошептал м-р Стиггинс, придвигая свой стул ближе к Сэму, — оставила ли она что-нибудь Эмануилу?

— Кто он такой? — спросил Сэм.

— Наша часовня, — пояснил м-р Стиггинс, — наша паства, м-р Сэмюел.

— Она ничего не оставила ни пастве, ни пастырю, ни стаду, — отрезал Сэм, — даже собакам ничего!

М-р Стиггинс хитро посмотрел на Сэма, бросил взгляд на старого джентльмена, который сидел с закрытыми глазами и казался спящим, потом придвинул свой стул еще ближе и спросил:

— И мне ничего, м-р Сэмюел?

Сэм покачал головой.

— Я думаю, что она что-нибудь да оставила, — сказал м-р Стиггинс, бледнея, насколько мог он побледнеть. — Вспомните, м-р Сэмюел! Может быть, какой-нибудь маленький сувенир?

— На то, что она вам оставила, не купишь даже этого-вог старого зонта, как ваш, — отвечал Сэм.

— Может быть, — нерешительно начал м-р Стиггинс после глубокого раздумья, — может быть, она поручила меня заботам этого сосуда гнева, м-р Сэмюел?

— Вот это похоже на правду, судя по тому, что он мне сказал, — ответил Сэм. — Он только что говорил о вас.

— Да что вы! — просияв, воскликнул м-р Стигинс. — А! Нужно думать, что он изменился. Мы с ним чудесно заживем теперь, м-р Сэмюэл. Когда вы уедете, я возьму на себя заботу об его имуществе... верную заботу, вы увидите.

Глубоко вздохнув, м-р Стигинс умолк в ожидании ответа. Сэм кивнул головой, а м-р Уэлер старший издал какой-то необычайный звук — это было нечто среднее между стоном, хрюканьем, вздохом и ворчанием.

М-р Стигинс, ободренный этим звуком, который, по его мнению, выражал угрызения совести или раскаяние, огляделся, потер руки, всплакнул, улыбнулся, опять всплакнул, а затем, тихонько приблизившись к хорошо знакомой полке в углу, взял стакан и, не торопясь, положил в него четыре куса сахара. Затем он снова огляделся и горестно вздохнул, затем прокрался в буфет, налил в стакан ананасного рома и, вернувшись, подошел к камину, где весело пел чайник, долил стакан водой, размешал грог, попробовал его, уселся и, сделав большой глоток, остановился, чтобы перевести дух.

М-р Уэлер старший, все еще делая странные и неловкие попытки казаться спящим, не промолвил ни слова в продолжение этой сцены, но когда Стигинс оторвался от стакана, чтобы перевести дух, он бросился к нему, вырвал из рук стакан, выплеснул ему в лицо остатки грога, а стакан швырнул в камин. Потом, крепко схватив преподобного джентльмена за шиворот, он начал энергически колотить его ногами, сопровождая каждый удар сапогом по особе м-ра Стигинса замысловатыми и бессвязными проклятиями, направленными против его рук, ног, глаз и туловища.

— Сами, — крикнул м-р Уэлер, — наденьте мне шляпу покрепче.

Сэм послушно укрепил на голове отца шляпу с длинной лентой, и старый джентльмен, брыкаясь еще ловчее, поволок м-ра Стигинса через буфет в коридор и на улицу. Пинки не прекращались всю дорогу, а сила ударов скорее увеличивалась, чем уменьшалась.

Это было великолепное и веселящее душу зрелище: прено-
добный джентльмен корчился в руках м-ра Уэлера и дрожал
всем телом под градом пинков. Еще интереснее было наблюдать,
как м-р Уэлер, победив отчаянное сопротивление, погрузил
голову м-ра Стигинса в корыто с водой для лошадей и держал
ее там, пока тот чуть было не захлебнулся.

— Ну вот! — сказал м-р Уэлер, позволив наконец м-ру Сти-
гису извлечь голову из корыта и вкладывая всю свою
энергию в последний замысловатый пиннок. — Присылайте сюда
любого из этих лентяев-пастырей, и сначала я из него студень
сделаю, а потом утоплю! Сами, помогите, дайте мне руку и
налейте стаканчик бренди. Я запыхался, сынок.

ГЛАВА LIII,

которая повествует об уходе со сцены м-ра Джингля и Джоба Тротера и о знаменательном деловом утре в Грейз-Или-сквере, и которая заканчивается стуком в дверь к м-ру Перкеру

Когда м-р Пиквик, осторожно подготовив Арабелу и многократно заверив ее, что нет оснований впадать в уныние, сообщил ей наконец о своем неудачном визите в Бермингем, Арабела залилась слезами и, громко всхлипывая, стала жалобно сетовать на то, что она послужила причиной размолвки между отцом и сыном.

— Дорогая моя, — ласково сказал м-р Пиквик, — вы совсем не виноваты. Разве можно было предвидеть, что старому джентльмену покажется столь нежелательным брак его сына? Я уверен, — добавил м-р Пиквик, взглянув на ее хорошенькое личико, — что он понятия не имеет о том, какого удовольствия лишает себя.

— Ах, милый м-р Пиквик, — воскликнула Арабела, — что нам делать, если он не перестанет на нас сердиться?

— Ждать терпеливо, моя дорогая, пока он не одумается, — весело отвечал м-р Пиквик.

— Но, милый м-р Пиквик, что будет делать Петениел, если он лишится поддержки отца? — спросила Арабела.

— В таком случае, милочка, — отозвался м-р Пиквик, — я смело предсказываю, что он найдет друга, который охотно поможет ему продолжать дорогу в жизни.

Намек м-ра Пиквика был настолько прозрачен, что Арабела не могла не понять его. Обняв его за шею и нежно поцеловав, она зарыдала еще громче.

— Полно, полно! — сказал м-р Пиквик, беря ее за руку. — Подождем еще несколько дней: может быть, он напишет или как-нибудь откликнется на сообщение вашего мужа. Если же он ничего не ответит, я уже придумал с полдюжины планов, и любой из них вас утешит. Не плачьте, моя дорогая!

С этими словами м-р Пиквик нежно пожал руку Арабеле и попросил ее осушить слезы и не огорчать мужа. Арабела — самое кроткое создание в мире — спрятала носовой платок в ридикюль и к приходу м-ра Уинкля улыбалась и сверкала глазами, как в тот день, когда впервые его пленила.

„Печальное положение создается у этих молодых людей, — размышлял м-р Пиквик, одеваясь на следующее утро. — Пойду-ка я к Перкеру и попрошу его совета“.

М-р Пиквик стремился в Грейз-Инн-сквер еще и потому, что хотел покончить денежные счета с добродушным маленьким поверенным. Позавтракав на скорую руку, он так быстро привел свое намерение в исполнение, что не было еще десяти часов, когда он очутился у Грейз-Инна.

Ему оставалось ждать десять минут, когда он поднялся на площадку лестницы перед конторой Перкера. Клерки еще не пришли, и м-р Пиквик коротал время, глядя в окно.

В это ясное октябрьское утро даже грязные старые дома как будто повеселели; пыльные окна, казалось, сверкали, когда на них падали солнечные лучи. Клерки один за другим стекались к подъездам и, взглянув на большие часы, ускоряли или замедляли шаг, в зависимости от того, в котором часу открывались конторы. Те, чья контора открывалась в половине десятого, пускались вдруг чуть ли не бегом, а джентльмены, долженствовавшие прийти к десяти, начинали шагать с аристо-

кратической медлительностью. Пробыло десять, клерки развили небывалую скорость, и каждый из них, обливаясь потом, мчался быстрее, чем его предшественник. Со всех сторон доносился стук открывавшихся и захлопывавшихся дверей; словно по волшебству, во всех окнах появились головы; привратники заняли свои посты; прачки в стоптанных туфлях выбегали из контор; почтальон шпырял из дома в дом, и весь юридический улей загудел.

— Раненько к нам пожаловали, м-р Пиквик, — раздался голос за его спиной.

— А, м-р Лаутен! — отозвался сей джентльмен, оглянувшись и узнав старого знакомого.

— Довольно-таки жарко, — сказал Лаутен, вынимая из кармана брамовский * ключ с затычкой, чтобы в него не забивалась пыль.

— Вы как будто разгорячились, — заметил м-р Пиквик, улыбаясь клерку, который был красен, как рак.

— Я шел довольно быстро, — сообщил Лаутен. — Было половина десятого, когда я пересекал Полигон. Да это неважно, раз я пришел раньше его.

Утешившись таким соображением, м-р Лаутен извлек затычку из ключа, отпер дверь, снова вставил затычку и, спрятав брамовский ключ в карман, вынул из ящика письма, оставленные почтальоном. Затем он пригласил м-ра Пиквика в контору. Здесь он в одно мгновение снял сюртук, надел поношенную куртку, которую достал из конторки, повесил шляпу, вытащил несколько листов толстой шероховатой бумаги, переложенных листами промокательной и, заложив за ухо перо, с довольным видом потер руки.

— Ну-с, мистер Пиквик, — сказал он, — теперь у меня все в порядке. Рабочий костюм надет, бумага на столе... он может явиться хоть сейчас. Нет ли у вас понюшки табачку.

— Нет, — отвечал м-р Пиквик.

— Очень жаль, — заявил Лаутен, — а впрочем, не беда. Я мигом сбегаю и добуду бутылку содовой воды. М-р Пиквик, вы ничего странного не замечаете в моих глазах?

Джентльмен, к которому был обращен этот вопрос, посмотрел в глаза м-ру Лаутену и сообщил, что не замечает в них ничего странного.

— Очень рад, — сказал Лаутен. — Вчера вечером мы здорово выпили в „Пне“, и сегодня мне не по себе. Кстати, Перкер уже занялся вашим делом.

— Каким делом? — осведомился м-р Пиквик. — Судебными издержками м-с Бардль?

— Нет, не то, — отвечал Лаутен, — я говорю о том клиенте, чьи обязательства, по вашему поручению, мы выкупили по десяти шиллингов за фунт, чтобы освободить его из Флита и отправить в Демерару *.

— А! Вы говорите о м-ре Джингле! — воскликнул м-р Пиквик. — Ну, так как же?

— Все улажено, — сказал Лаутен, начиная чинить перо. — Ливерпульский агент сообщил, что вы оказали ему много услуг, пока не удалились от дел, и теперь он охотно берет его по вашей рекомендации.

— Отлично, — сказал м-р Пиквик. — Очень рад это слышать.

— А знаете ли, — продолжал Лаутен, посклабивая перо и готовясь сделать новый разрез. — тот, другой — совсем придурковатый парень!

— Какой другой?

— Да его слуга, приятель или как он там ему приходится. Да вы знаете — Тротер.

— Вот как! — с улыбкой сказал м-р Пиквик. — А я всегда был как раз противоположного мнения о нем.

— Признаться, и я так же судил по первому впечатлению, — отозвался Лаутен. — Это доказывает, как легко обмануться. Как вам понравится — ведь он тоже едет в Демерару!

— Как! Он отказывается от того, что ему было здесь предложено? — удивился м-р Пиквик.

— Когда Перкер предложил ему восемнадцать шиллингов в неделю и посулил прибавку, если он будет хорошо себя вести, он и слушать не стал, — сообщил Лаутен. — Заявил, что хочет отправиться с тем, другим. Вдвоем они убедили Пер-

мера написать второе письмо, и теперь ему подыскали место там же, где будет его приятель. Перкер говорит, что даже каторжник в Новом Южном Уэльсе может рассчитывать на лучшее, если предстанет перед судом в новом платье.

— Безумный человек! — сказал м-р Пиквик с сияющими глазами. — Безумный человек!

— О, это хуже безумия, это, знаете ли, какое-то рабство, — отозвался Лаутен, с презрительной миной занимаясь своим пером. — Он говорит, что это его единственный друг, и он к нему привязан и так далее, в том же духе. Ну, что ж, дружба — дело хорошее; вот, например, в „Пне“ все мы — друзья-приятели за нашим грогом, когда каждый сам за себя платит, но жертвовать своими интересами для другого — как бы не так! У человека должны быть только две привязанности: первая — к своей собственной особе, вторая — к дамам. Вот как я на это смотрю, ха-ха-ха!

М-р Лаутен закончил свою речь веселым саркастическим смехом, который преждевременно оборвался, когда на лестнице раздались шаги Перкера. Едва услышав их, Лаутен с поразительным проворством взлетел на свой табурет и начал усердно писать.

Приветствия, которыми обменялись м-р Пиквик и его поверенный, были дружескими и сердечными, но не успел клиент опуститься в кресло атернии, как послышался стук в дверь, и чей-то голос осведомился, здесь ли м-р Перкер.

— Эге! — воскликнул Перкер. — Это один из наших приятелей-бродяг — сам Джингль, уважаемый сэр. Желаете его повидать?

— А как вы думаете? — нерешительно спросил м-р Пиквик.

— Я бы советовал вам повидаться с ним. Эй, сэр, как вас там зовут, пожалуйста!

Повинуясь этому бесцеремонному приглашению, Джингль и Джоб вошли в комнату, но, увидев м-ра Пиквика, остановились в некотором смущении.

— Ну, — сказал Перкер, — разве вы не знаете этого джентльмена?

— Еще бы не знать, — отозвался м-р Джингль, шагнув вперед. — М-р Пиквик — — глубоко вам благодарен — — спасение

жизни — — человеком меня сделали — — никогда не раскаетесь, сэр.

— Очень рад это слышать, — отозвался м-р Пиквик. — Вид у вас теперь гораздо лучше.

— Благодаря вам, сэр, — — большая перемена — — Флит его величества — — нездоровое место — — весьма, — сказал Джингль, покачивая головой.

Он был одет прилично и опрятно, так же, как и Джоб, который, прямой, как палка, стоял за его спиной и с неподвижным лицом смотрел на м-ра Пиквика.

— Когда они едут в Ливерпуль? — обратился м-р Пиквик к Перкеру.

— Сегодня вечером, сэр, в семь часов, — сказал Джоб, выступив вперед, — с городской каретой, сэр.

— Места заказаны?

— Заказаны, сэр.

— Вы твердо решили ехать?

— Да, сэр, — ответил Джоб.

— Что касается экипировки, необходимой для Джингля, — сказал Перкер, обращаясь к м-ру Пиквику, — я договорился, чтобы каждую четверть года вычитали небольшую сумму из его жалованья, и при аккуратных вычетах расходы будут покрыты в течение года. Я решительно возражаю, мой дорогой сэр, против того, чтобы вы что-либо для него делали, если он не постарается заплатить долг, а это зависит от желания работать и хорошего поведения.

— Правильно, — с твердой решимостью заявил Джингль. — Ясная голова — — человек, выдавший виды — — совершенно справедливо — — вполне.

— Договорившись с его кредитором, выкупив его одежду у ростовщика, содержа его в тюрьме и уплатив за проезд, — продолжал Перкер, игнорируя замечание Джингля, — вы уже выбросили свыше пятидесяти фунтов.

— Не выбросили, — быстро перебил Джингль. — Все будет выплачено — — усердная работа — — накоплю — — до последнего фартинга. Быть может, желтая лихорадка — — ничего не поделаешь — — если не...

Тут м-р Джингль загнулся, ударил кулаком по тулье своей шляпы, провел рукой по глазам и сел.

— Он хочет сказать, — вмешался Джоб, подходя ближе, — он хочет сказать, что если желтая лихорадка не отправит его на тот свет, он вернет эти деньги. Если уцелеет, он их вернет, м-р Пиквик. Я позабочусь об этом. Я знаю, что вернет, сэр, — твердил Джоб. — Я даже поклясться могу...

— Хорошо, хорошо, — перебил м-р Пиквик, который, желая оборвать перечень благодеяний, давно уже бросал грозные взгляды на Перкера, но тот не обращал никакого внимания. — Будьте осторожны, м-р Джингль, не участвуйте в отчаянных крикетных матчах, не возобновляйте знакомства с сэром Томсом Блезо, и я не сомневаюсь, что ваше здоровье окрепнет.

М-р Джингль улыбнулся в ответ на эту шутку, но вид у него был сконфуженный, и м-р Пиквик заговорил на другую тему:

— Не знаете ли вы случайно, что случилось с одним из ваших приятелей — довольно смиренным человеком, с которым я познакомился в Рочестере?

— Мрачный Джимми? — спросил Джингль.

— Да.

Джингль покачал головой.

— Ловкий парень — — чудак, гениальный шарлатан — — брат Джоба.

— Брат Джоба? — воскликнул м-р Пиквик. — А ведь и в самом деле, если присмотреться, замечаешь сходство.

— Все находили, что мы похожи, сэр, — сказал Джоб, а в уголках его глаз как будто притаилось лукавство, — но я был всегда серьезнее его. Он эмигрировал в Америку, сэр, потому что здесь ему было не по себе — слишком много внимания на него обращали, — и с тех пор мы ничего о нем не слышали.

— Должно быть, этим объясняется, почему я так и не получил „Страничку повести из жизни“, которую он мне обещал прислать в то утро на Рочестерском мосту, когда как будто подумывал о самоубийстве, — с улыбкой сказал м-р Пиквик. — Кажется, можно не спрашивать о том, был ли его мрачный вид естественным или напускным.

— Он мог притвориться кем угодно, сэр, — сообщил Джоб. — Вы должны почитать себя счастливым, что так легко от него ускользнули. При близком знакомстве он мог бы оказаться еще опаснее, чем... — Джоб посмотрел на Джингля, зашнуровав и наконец закончил: — чем даже я сам.

— Многообещающая у вас семейка, м-р Тротер, — сказал Перкер, запечатывая письмо, которое только что написал.

— Да, сэр, — согласился Джоб. — Совершенно верно.

— Надеюсь, — со смехом продолжал маленький атерни, — что вы не оправдаете ее надежд. Когда прибудете в Ливерпуль, передайте это письмо агенту, и разрешите мне, джентльмены, дать вам совет: ведите себя скромно в Уест-Индии. Если вы упустите этот случай, вы оба заслуживаете виселицы, и она вас не минует — в этом я не сомневаюсь. Теперь оставьте нас. Нам с м-ром Пиквиком надо поговорить о других делах, а время дорого. — С этими словами м-р Перкер взглянул на дверь, явно желая сократить процедуру прощания.

И м-р Джингль сократил ее. В нескольких словах он поблагодарил маленького атерни за доброту и столь быстро оказанную помощь, потом, повернувшись к своему благодетелю, несколько секунд молчал, словно не знал, что сказать и как поступить. Джоб Тротер помог ему выйти из затруднительного положения: отведя смиренный и благодарственный поклон м-ру Пиквику, он ласково взял своего приятеля под руку и вывел его из комнаты.

— Достойная парочка! — сказал Перкер, когда дверь за ними затворилась.

— Надеюсь, они действительно будут достойными людьми, — отозвался м-р Пиквик. — Как вы думаете, есть шансы на их исправление?

Перкер скептически пожал плечами, но, заметив встревоженное и расстроенное лицо м-ра Пиквика, сказал:

— Конечно, шансы есть. Надеюсь, что так оно и будет. Сейчас они несомненно раскаиваются, но ведь у них еще свежо воспоминание о недавно пережитых страданиях. Что будет дальше, когда оно поблекнет, — этой проблемы не разрешить ни вам, ни мне. А впрочем, уважаемый сэр, — добавил

Перкер, положив руку на плечо м-ру Пиквику, — ваш поступок достоин уважения, каковы бы ни были результаты. Я предлагаю людям поумнее меня решать, подлинное ли это милосердие или эгоистический самообман. — та осторожная и дальновидная благотворительность, которая нередко остается в тени, ибо благотворитель боится, что будет обманут и оскорблен в своем самолюбии. Если эта пара завтра же совершит кражу со взломом, моя оценка вашего поступка нисколько не изменится.

Высказав такие соображения с волнением и серьезностью, обычно несвойственными юристам, Перкер придвинул свой стул к конторке и выслушал рассказ м-ра Пиквика о непреклонности старого м-ра Уинкля.

— Дайте ему неделю сроку, — сказал Перкер, с пророческим видом покачивая головой.

— Вы думаете, он изменит свое решение? — осведомился м-р Пиквик.

— Думаю, что изменит, — отвечал Перкер. — Если же этого не случится, мы должны воздействовать на него с помощью молодой леди. С этого бы и начал другой на вашем месте.

Перкер взял понюшку табаку и удивительными гримасами начал выражать свой восторг перед силой убеждения, присущей молодой леди, когда в первой комнате послышались голоса. Лаутен постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул маленький атерни.

Клерк вошел и с таинственным видом закрыл за собой дверь.

— В чем дело? — спросил Перкер.

— Вас спрашивают, сэр.

— Кто меня спрашивает?

Лаутен покосился на м-ра Пиквика и кашлянул.

— Кто спрашивает? Что же вы не отвечаете, м-р Лаутен?

— Видите ли, сэр, — проговорил Лаутен, — это Додсон, а с ним Фог.

— Ах, боже мой! — воскликнул маленький атерни, взглянув на часы. — Я им назначил здесь свидание в половине двенадцатого, чтобы покончить с вашим делом, Пиквик. Я поручился за вас, и на этом основании вы были освобождены.

Очень затруднительное положение, уважаемый сэр. Что же нам делать? Не хотите ли пройти в соседнюю комнату?

Но как раз в соседней комнате находились м-ры Додсон и Фог, и м-р Пиквик выразил желание не трогаться с места, тем более, что не ему, а м-рам Додсону и Фогу должно быть стыдно смотреть ему в лицо. На это последнее обстоятельство м-р Пиквик, краснея и явно выражая свое негодование, попросил м-ра Перкера обратить особое внимание.

— Отлично, уважаемый сэр, — отвечал Перкер. — Но если вы воображаете, будто Додсон и Фог почувствуют стыд и смущение при встрече с вами, или с кем бы то ни было, то могу вам сказать, что такого оптимиста, как вы, я еще не видывал. Попросите их войти, м-р Лаутен.

М-р Лаутен, ухмыляясь, вышел и тотчас же ввел, соблюдая очередь, представителей фирмы: сперва Додсона, а потом Фога.

— Вы, кажется, встречались с м-ром Пиквиком, — сказал Перкер Додсону, указывая пером в ту сторону, где сидел сей джентльмен.

— Как поживаете, м-р Пиквик? — громко приветствовал его Додсон.

— А, м-р Пиквик! — воскликнул Фог. — Как поживаете? Надеюсь, в полном здравьи, сэр? Ваше лицо сразу показалось мне знакомым, — добавил Фог, придвигая стул и озираясь с улыбкой.

М-р Пиквик чуть заметно наклонил голову в ответ на эти приветствия и, увидев, что Фог вытащил из кармана связку бумаг, встал и отошел к окну.

— М-ру Пиквику незачем уходить, м-р Перкер, — сказал Фог, развязывая красную тесьму, стягивавшую маленький сверток, и улыбаясь еще любезнее. — М-ру Пиквику хорошо известны эти дела. Мне кажется, у нас нет секретов, хи-хи-хи!

— Да, конечно, — подхватил Додсон. — Ха-ха-ха!

Оба компаньона дружно засмеялись — веселым и беззаботным смехом, как часто смеются люди, когда получают деньги.

— Мы заставим м-ра Пиквика заплатить за любопытство, — со свойственным ему юмором заметил Фог, разбирая свои

бумаги. — Счет судебных издержек сто тридцать три фунта шесть шиллингов четыре пенса, м-р Перкер.

После этого заявления о прибылях и убытках Фог и Перкер занялись сличением и перелистыванием бумаг, а Додсон приветливо обратился к м-ру Пиквику:

— Вы как будто похудели, м-р Пиквик, с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз.

— Очень возможно, сэр, — отвечал м-р Пиквик, давно уже метавший негодующие взгляды, которые не производили ни малейшего впечатления на ловких дельцов. — Думаю, что я похудел, сэр. Последнее время, сэр, некие мошенники изводили и преследовали меня.

Перкер громко рассмеялся и спросил м-ра Пиквика, не хочет ли он посмотреть утреннюю газету. На это предложение м-р Пиквик ответил решительным отказом.

— Совершенно верно, — сказал Додсон. — Я не сомневаюсь, что вас изводили во Флите. Там попадаются странные людишки. Какие комнаты вы занимали, м-р Пиквик?

— У меня была одна комната в том этаже, где находится общая столовая, — отвечал глубоко оскорбленный джентльмен.

— Вот как! — сказал Додсон. — Кажется, это очень приятное отделение тюрьмы.

— Очень приятное, — сухо отозвался м-р Пиквик.

При данных обстоятельствах хладнокровие Додсона могло взбесить любого джентльмена с пылким темпераментом. М-р Пиквик делал гигантские усилия, чтобы обуздать свой гнев, но когда м-р Перкер выписал чек на всю сумму, а на прыщеватом лице Фога, спрятавшего чек в бумажник, засияла торжествующая улыбка, которая отразилась и на суровой физиономии Додсона, м-р Пиквик почувствовал, что щеки у него запылали от негодования.

— Ну-с, м-р Додсон, — сказал Фог, пряча бумажник и натягивая перчатки, — я к вашим услугам.

— Отлично, — сказал Додсон, вставая, — я готов.

— Я счастлив, — начал Фог, растаяв по получении чека, — что имел удовольствие познакомиться с м-ром Пиквиком. Надеюсь, м-р Пиквик, теперь вы не такого плохого мнения о нас,

как в тот день, когда мы впервые имели удовольствие вас видеть.

— Надеюсь, — произнес Додсон тоном оскорбленной добродетели. — Смею думать, м-р Пиквик теперь знает нас лучше. Каково бы ни было ваше мнение о джентльменах нашей профессии, я могу заверить вас, сэр, что не питаю к вам недоброжелательства или злобы за те чувства, какие вы пожелали выразить в нашей конторе в Фрименс-Корте, Корхилл, в тот день, о котором упомянул мой компаньон.

— О, разумеется, я также, — подхватил Фог тоном всепрощения.

— Наше поведение, сэр, — продолжал Додсон, — говорит само за себя и неизменно себя оправдывает. Этой профессией мы занимаемся много лет, м-р Пиквик, и многие превосходные клиенты почтили нас своим доверием. Желаю вам всего хорошего, сэр.

— Всего хорошего, м-р Пиквик, — сказал Фог.

С этими словами он сунул свой зонтик подмышку, снял правую перчатку и в знак примирения протянул руку крайне возмущенному джентльмену, но тот заложил руки за фалды фрака и с презрительным изумлением воззрился на адвоката.

— Лаутен, — крикнул Перкер, — откройте дверь!

— Подождите одну секунду, — возразил м-р Пиквик. — Перкер, я скажу несколько слов.

— Уважаемый сэр, не стоит поднимать снова этот вопрос, — сказал маленький атерни, которого терзали мрачные предчувствия, пока длилось свидание. — М-р Пиквик, прошу вас!

— Не мешайте мне говорить, сэр! — с живостью перебил м-р Пиквик. — М-р Додсон, вы обратились ко мне с некоторыми замечаниями.

Додсон повернулся к нему, покорно опустил голову и улыбнулся.

— Обратились ко мне с некоторыми замечаниями, — повторил м-р Пиквик, начиная задыхаться, а ваш компаньон протянул мне руку, и вы оба усвоили себе тон снисходительности и высокомерия, который является верхом бесстыдства и которого я не ждал даже от вас.

— Что такое, сэр? — воскликнул Додсон.

— Что такое, сэр? — вторил ему Фог.

— Вам известно, что я стал жертвой ваших интриг и козней? — продолжал м-р Пиквик. — Вам известно, что я — тот самый человек, которого вы засадили в тюрьму и ограбили? Вам известно, что вы были поверенными истца в деле Бардль — Пиквик?

— Да, сэр, нам это известно, — отвечал Додсон.

— Конечно, известно, сэр, — подхватил Фог, хлопнув себя по карману, быть может, случайно.

— Вижу, что вы вспоминаете об этом с удовольствием, — сказал м-р Пиквик, впервые в жизни попытавшись насмешливо улыбнуться и явно потерпев неудачу. — Хотя мне давно уже хотелось высказать вам напрямик мое мнение о вас, но из уважения к моему другу Перкеру я бы не воспользовался представившимся мне случаем, если бы не ваш недопустимый тон в разговоре со мной и эта наглая фамильярность, сэр, — провозгласил м-р Пиквик, с таким возмущением поворачиваясь к Фогу, что тот с удивительным проворством попятился к двери.

— Берегитесь, сэр! — крикнул Додсон, который хотя и был самым рослым в этой компании, но предусмотрительно спрятался за спину Фога и, сильно побледнев, объяснялся через его голову. — Пусть попробует оскорбить вас действием, м-р Фог! Не отвечайте тем же.

— Нет, нет не отвечу, — сказал Фог, снова попятившись, к явному облегчению своего компаньона, который воспользовался этим маневром, чтобы постепенно отступить в соседнюю комнату.

— Вы, — продолжал м-р Пиквик прерванную речь. — вы — достойная пара подлых, гнусных кляузников и грабителей.

— Ну, как? — вмешался Перкер. — Теперь все сказано?

— В эти слова вложено все, — отвечал м-р Пиквик: — они подлые и гнусные кляузы и грабители.

— Ну, вот! — примирительным тоном произнес Перкер. — Уважаемые сэры, он сказал все, что хотел сказать. Прошу вас, уйдите. Лаутен, эта дверь открыта?

М-р Лаутен, хихикавший в отдалении, дал утвердительный ответ.

— Отлично... всего хорошего... прошу вас, уважаемые сэрры... М-р Лаутен, дверь!—крикнул маленький атерни, поспешно выпроваживая Додсона и Фога из конторы. — Пожалуйста сюда, уважаемые сэрры... прошу вас, не задерживайтесь... Ах, боже мой!.. М-р Лаутен... дверь, сэр... что же вы зеваете?

— Сэр, если есть в Англии правосудие, — сказал Додсон, надевая шляпу и поворачиваясь к м-ру Пиквику, — вы за это заплатите!

— Вы — пара подлых...

— Помните, сэр, вы за это дорого заплатите, — сказал Фог.

— ...гнусных клеузников и грабителей!—продолжал м-р Пиквик, не обращая ни малейшего внимания на угрозы.

— Грабители!—крикнул м-р Пиквик, выбегая на площадку, когда атерни уже спускались с лестницы.

— Грабители!—вопил м-р Пиквик, вырываясь из рук Лаутена и Перкера и высовываясь из окна на площадке лестницы.

Когда м-р Пиквик отвернулся от окна, лицо у него было улыбающееся и безмятежное. Спокойно вернувшись в контору, он объявил, что избавился от тяжкого бремени, угнетавшего его душу, и теперь чувствует себя довольным и счастливым.

Перкер не сказал ни слова, пока не опустошил своей табакерки и не послал Лаутена наполнить ее, после чего с ним сделался припадок хохота, длившийся пять минут, по прошествии какового времени он объявил, что, пожалуй, ему следовало бы рассердиться, но сейчас он еще не может отнестись к делу серьезно — позднее он непременно рассердится.

— А теперь, — сказал м-р Пиквик, — я хочу свести счета с вами.

— Так же, как вы их только что сводили! — осведомился Перкер, снова расхохотавшись.

— Не совсем, — возразил м-р Пиквик, извлекая свой бумажник и дружески пожимая руку маленькому атерни. — Я имею в виду только денежные счета. За ваше доброе ко мне отношение я не могу вам заплатить, да и желания не имею, потому что предпочитаю оставаться вашим должником.

После такого предисловия двое друзей погрузились в весьма сложный расчет, который был заботливо предъявлен и рассмотрен Перкером; м-р Пиквик расплатился немедленно, заверяя его в своем уважении и дружбе.

Не успели они кончить свои расчеты, как раздался отчаянный и устрашающий стук в дверь. Это был не обычный двойной удар, а непрерывная серия оглушительных ударов, словно дверной молоток приобрел способность *perpetuum mobile* или человек, стучавший в дверь, забыл прервать это занятие.

— Чорт возьми! Что это такое? — вздрогнув, воскликнул Перкер.

— Кажется, стучат в дверь, — отозвался м-р Пиквик, словно можно было сомневаться в этом.

Молоток дал более энергичский ответ, чем любые слова, ибо барабанил с удивительной силой и грохотом, ни на секунду не останавливаясь.

— Боже мой! — воскликнул Перкер, позвонив в колокольчик. — Мы переполним весь Инн. Лаутен, да разве вы не слышите?

— Сию минуту я открою дверь, сэр, — откликнулся клерк.

Молоток как будто услышал этот ответ и заявил, что решительно отказывается ждать так долго. Он поднял невообразимый грохот.

— Это ужасно! — сказал м-р Пиквик, затыкая уши.

— Поторопитесь, м-р Лаутен! — крикнул Перкер. — Он прошибет филенку.

М-р Лаутен, мывший руки в темном чулане, бросился к двери, повернул ручку и узрел существо, которое будет описано в следующей главе.

ГЛАВА LIV

содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и иные материи, среди коих интересное разоблачение, касающееся м-ра Снодграса и молодой леди, отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании

Существо, представшее взорам пораженного клерка, было парнем — очень жирным парнем в пиврее, который с закрытыми глазами стоял на цыновке и как будто спал. Такого жирного парня клерк никогда не видывал даже в странствующих балаганах. Это обстоятельство, а также полное его спокойствие и неподвижность, столь не вязавшиеся с представлением о человеке, поднявшем такой шум, произвели ошеломляющее впечатление на клерка.

— Что случилось? — осведомился он.

Удивительный парень не ответил ни слова, только клюнул носом, и клерку почудилось, будто он похрапывает.

— Откуда вы взялись? — полюбопытствовал клерк.

Парень безмолвствовал. Он тяжело дышал, но не подавал других признаков жизни.

Клерк трижды повторил вопрос и, не получив ответа, хотел было захлопнуть дверь, как вдруг парень открыл глаза,

несколько раз моргнул, один раз чихнул и поднял руку, словно собираясь снова взяться за молоток. Заметив, что дверь открыта, он с изумлением огляделся и наконец уставился на м-ра Лаутена.

— Какого чорта вы так стучите? — сердито спросил клерк.

— Как? — медленно, сонным голосом промолвил парень.

— Да как сорок извозчиков, — пояснил клерк.

— Хозяин приказал мне стучать, пока не откроют дверь.

Он боялся, что я засну, — сообщил парень.

— А зачем вас сюда прислали? — любопытствовал клерк.

— Он внизу, — сказал парень.

— Кто?

— Хозяин. Он хочет знать, дома ли вы.

Тут м-р Лаутен сообразил, что можно посмотреть в окно. Увидев открытую коляску, а в ней — дородного пожилого джентльмена, нетерпеливо поглядывавшего вверх, он решил сделать знак, после чего пожилой джентльмен тотчас же вышел из коляски.

— Это ваш хозяин там, в коляске? — спросил Лаутен.

Парень кивнул головой.

Дальнейшие расспросы были прерваны появлением старого Уордля, который, взбежав по лестнице и поздоровавшись с Лаутеном, прошел прямо к м-ру Перкеру.

— Пиквик! — воскликнул старый джентльмен. — Вашу руку, приятель! Ведь я только третьего дня узнал, что вы позволили засадить себя в тюрьму! Как вы это допустили, Перкер?

— Я ничего не мог поделать, уважаемый сэр, — отвечал Перкер, улыбаясь и беря понюшку табаку. — Вы знаете, как он упрям.

— Еще бы не знать! — подхватил пожилой джентльмен. — А все-таки я очень рад его видеть. Ну теперь-то уж я не спущу с него глаз.

С этими словами Уордль еще раз пожал руку м-ру Пиквику и, проделав то же самое с рукой Перкера, бросился в кресло; его веселая красная физиономия сияла улыбками и здоровьем.

— Ну-с,—сказал Уордль,—веселенькие разыгрываются истории... угостите табачком, приятель Перкер... Ну, и времена!

— О чем вы говорите? — осведомился м-р Пиквик.

— О чем говорю? — повторил Уордль. — Да о том, что все девицы с ума сошли. Вы скажете — это не новость? Пожалуй, но тем не менее это правда.

— Уважаемый сэр, неужели вы приехали в Лондон для того только, чтобы сообщить нам об этом? — полюбопытствовал Перкер.

— Нет, не совсем, — отвечал Уордль, — хотя это и послужило причиной моего приезда. Как поживает Арабела?

— Прекрасно, — ответил м-р Пиквик, — и не сомневаюсь, что она будет очень рада вас видеть.

— Черноголазая кокетка! — воскликнул м-р Уордль. — Я сам подумывал на ней жениться в один из ближайших дней. Но все-таки я рад, очень рад.

— Как дошла до вас эта весть? — спросил м-р Пиквик.

— Разумеется, она дошла до моих девиц, — отвечал Уордль. — Арабела написала им третьего дня, что она вышла замуж без ведома отца своего мужа, а вы поехали добиваться его согласия, когда отказ уже не мог воспрепятствовать браку, ну, и так далее. Я решил, что в такой благоприятный момент не мешает поговорить серьезно с моими девицами; поэтому я им объяснил, как это ужасно, когда дети вступают в брак, не получив согласия родителей, и дальше в том же духе. Но — да помилует нас бог! — на них это не произвело ни малейшего впечатления. По их мнению, гораздо ужаснее, что свадьба была без подружек, и, стало быть, я с таким же успехом мог бы поучать Джо.

Тут старый джентльмен умолк, чтобы посмеяться, и, нахотавшись вдоволь, продолжал:

— Но, повидимому, дело этим не кончится. Это только половина всех любовных интриг и заговоров, которые сейчас разыгрываются. Оказывается, мы вот уже полгода разгуливаем над минами, и наконец они взорвались.

— Что вы говорите! — бледнея, воскликнул м-р Пиквик. — Неужели еще один тайный брак!

— Нет, — отвечал старик Уордль. — Дела еще не так плохи.

— Так что же? — спросил м-р Пиквик. — Это касается меня?

— Отвечать ли мне на этот вопрос, Перкер? — осведомился Уордль.

— Отвечайте, мой дорогой сэр, если вас это не ком-протирует.

— В таком случае — да, касается, — объявил Уордль.

— Как? — встревожился м-р Пиквик. — Каким образом?

— Право же, вы такой вспыльчивый юноша, что я побаиваюсь вам говорить, — отвечал Уордль. — Но если Перкер ради безопасности сядет между нами, я, так и быть, рискну.

Закрыв дверь и подкрепившись второй понюшкой из табакерки Перкера, старый джентльмен приступил к важному разоблачению.

— Дело в том, что моя дочь Бела... знаете Белу, ту, что замужем за молодым Трандлем?..

— Знаем, знаем, — нетерпеливо перебил м-р Пиквик.

— Не зауживайте меня с самого начала. Так вот, моя дочь Бела... (Эмили ушла спать с головной болью, прочитав мне письмо Арабелы...) Бела под села ко мне пестерком и начала толковать об этой свадьбе. „Что вы об этом думаете, папа?“ — спрашивает она меня. „Что ж, моя милая, — говорю я, — пожалуй, это неплохо. Надеюсь, все к лучшему“. Я сидел у камина, мечтательно понюхивал трог и знал, что достаточно мне изредка вставлять какое-нибудь неопределенное словечко, а уж она будет болтать. Вот почему я ей так и ответил. Обе мои девочки — вылитый портрет своей матери, и теперь, когда старость подошла, я люблю видеть их возле себя. Их голоса и лица напоминают мне счастливейшую пору моей жизни, и на секунду я чувствую себя таким же молодым, как в те времена, хотя и не таким беззаботным. „Это настоящий брак по любви, папа“, — помолчал, говорит Бела. „Да, моя милая. — отвечаю я, — но такие браки не всегда бывают самыми счастливыми“.

— Заметьте, я с этим не согласен! — с жаром воскликнул м-р Пиквик.

— Прекрасно, — сказал Уордль. — Можете не соглашаться с чем угодно, когда придет ваш черед говорить, а сейчас не перебивайте меня.

— Прошу прощения, — сказал м-р Пиквик.

— Прощаю, — отвечал Уордль. — „Мне жаль, — покраснев, говорит Бела, — что вы, папа, настроены против браков по любви“. — „Я был неправ, не следовало так говорить, моя милая, — отвечаю я и поглаживаю ее по щеке так нежно, как только может погладить такой грубый старик. — Ваша мать вышла замуж по любви, да и вы тоже“. — „Я не об этом думаю, папа, — говорит Бела. — Дело в том, что я хотела поговорить с вами об Эмили“.

М-р Пиквик вздрогнул.

— Что случилось? — осведомился Уордль, прерывая свой рассказ.

— Ничего, — отвечал м-р Пиквик. — Пожадуйста, продолжайте.

— Я никогда не умел рассказывать длинные истории, — объявил Уордль. — Все равно рано или поздно все откроется, так уж лучше не терять времени и сразу выложить суть дела. Короче говоря, Бела наконец собралась с духом и сообщила мне, что Эмили очень несчастна: она и ваш молодой друг Снодграс состояли в переписке еще с прошлого детства, и Эмили — делать нечего — решила бежать с ним, следуя похвальному примеру своей старой школьной подруги, но так как я всегда был расположен к ним обоим, она почувствовала некоторые угрызения совести, и вот они решили сначала оказать мне честь и спросить, имею ли я какие-нибудь возражения против того, чтобы они сочетались самым обыкновенным прозаическим браком. А теперь, м-р Пиквик, если вы постараетесь не таращить глаза и сообщить мне, что мы, по вашему мнению, должны делать, я буду вам весьма признателен.

Раздражительный тон, коим веселый старый джентльмен произнес эту последнюю фразу, имел некоторые основания, ибо

физиономия м-ра Пиквика выражала тупое изумление и замешательство, не лишенные комизма.

— Снодграс! С прошлого рождества! — были первые отрывистые слова, сорвавшиеся с уст потрясенного джентльмена.

— С прошлого рождества, — подтвердил Уордль, — это совершенно ясно, и, должно быть, у нас были очень плохие очки, если мы до сих пор ничего не заметили.

— Не понимаю, — задумчиво промолвил м-р Пиквик, — решительно ничего не понимаю.

— Понять нетрудно, — возразил вспыльчивый старший джентльмен. — Будь вы помоложе, вы бы давным-давно открыли этот секрет. А кроме того, — нерешительно добавил Уордль, — уж коли говорить правду, я последние четыре-пять месяцев уговаривал Эмили (если она непрочь, потому что я ни за что не стал бы насиловать девичьи чувства) принять ухаживание одного молодого джентльмена, живущего по соседству. Я никак не сомневаюсь, что она, как и полагается любой девице, раздула эту историю, чтобы повысить себе цену и распалить страсть м-ра Снодграса. Конечно, оба пришли к тому заключению, что они несчастнейшие и гонимые существа, и нет у них другого выхода, кроме тайного брака или жаровни с углем. Спрашивается, что теперь делать?

— А что вы сделали? — осведомился м-р Пиквик.

— Я?

— Да, я хочу сказать, что вы сделали, когда узнали об этом от замужней дочери?

— Ну, конечно, я повел себя, как последний дурак, — отвечал Уордль.

— Вот именно, — вмешался Перкер, который на протяжении этого диалога теребил цепочку от часов, сердито потирал нос и проявлял другие признаки нетерпения. — Это вполне естественно. Что же вы сделали?

— Я страшно вспыл и напугал мать так, что с ней случился припадок, — сказал Уордль.

— Очень благоразумно, — заметил Перкер. — А еще что?

— Я бесновался весь следующий день и всех переполошил, — отвечал старший джентльмен. — Наконец мне надоело отравлять

существование себе и другим. Я нанял экипаж в Магльтоше, приказал запрячь моих собственных лошадей и поехал в Лондон под предлогом, что Эмили должна навестить Арабелу.

— Значит мисс Уордль с вами? — осведомился м-р Пиквик.

— Ну, конечно, — отвечал Уордль. — В настоящее время она находится в гостинице Осборна * в Эдельфи, если только ваш предприимчивый друг не удрал с нею, пока я здесь сижу.

— Значит вы помирились? — спросил Перкер.

— Ничуть не бывало, — возразил Уордль. — Она все время плакала и хныкала и сделала передышку только вчера вечером между чаем и ужином, когда очень важно успела писать письмо, а я сделал вид, будто ничего не замечаю.

— Полагаю, вы пуждаетесь в моем совете? — спросил Перкер, переводя взгляд с глубокомысленного лица м-ра Пиквика на взбудораженную физиономию Уордля и угощаясь несколькими понюшками своего любимого возбуждающего средства.

— Полагаю, что так, — сказал Уордль, взглянув на м-ра Пиквика.

— Разумеется, — подтвердил сей джентльмен.

— Ну, так слушайте, — сказал Перкер, вставая и отодвигая свой стул, — вот вам мой совет: отправляйтесь вы оба пешком, в экипаже или как хотите, потому что вы мне надоели, и обсудите этот вопрос между собой. Если вы его не решите к тому времени, когда мы снова встретимся, я вам скажу, что надо делать.

— Вот это исчерпывающий ответ, — заметил Уордль, не зная, смеяться ему или обижаться.

— Вздор, мой дорогой сэр, — заявил Перкер. — Я вас обоих знаю гораздо лучше, чем вы сами себя знаете. У вас этот вопрос уже решен окончательно.

Высказав свое мнение, маленький джентльмен ткнул табакеркой сперва в грудь м-ру Пиквику, а потом в живот м-ру Уордлю, после чего все трое расхохотались, в особенности два последних джентльмена, которые без всякой видимой причины или повода обменялись рукопожатием.

— Сегодня вы обедаете у меня, — сказал Уордль провожавшему их Перкеру.

— Не обещаю, мой дорогой сэр, не обещаю, — отвечал Перкер. — Во всяком случае я загляну вечером.

— Жду вас к пяти, — сказал Уордль. — Эй, Джо!

Когда удалось наконец разбудить Джо, двое друзей уехали в коляске м-ра Уордля, к которой, из человеколюбивых соображений, было приделано сзади сидение для жирного парня, ибо, помещаясь Джо просто на запятках, он неминуемо свалился бы и разбился насмерть при первом же погружении в сон.

Приехав в гостиницу „Джордж и Ястреб“, они узнали, что Арабела, получив от Эмили записку, известившую об ее прибытии, немедленно послала за наемной каретой и вместе со своей горничной отправилась в Эдельфи. Так как у Уордля были дела в Сити, то он отослал коляску с жирным парнем в свою гостиницу, дабы предупредить, что он с м-ром Никвиком придет к пяти часам обедать.

Получив такое приказание, жирный парень отправился в путь, и пока коляска катилась по камням, он мирно спал на заднем сиденье, словно покоился на пуховике и пружинном матрасе. Когда экипаж остановился, он чудесным образом проснулся без посторонней помощи и, хорошенько встряхнувшись, чтобы расшевелить умственные силы, пошел наверх исполнить поручение.

Повредила ли встряска умственным способностям жирного парня вместо того, чтобы привести их в порядок, или пробудила в нем столько новых идей, что он забыл самые обыкновенные правила вежливости, или наконец (не исключена и эта возможность) не помешала ему заснуть, пока он поднимался по лестнице, — как бы там ни было, но факт не подлежит сомнению: он вошел в гостиную, не постучав предварительно в дверь, и увидел джентльмена, сидевшего на диване рядом с его молодой хозяйкой и очень любовно обнимавшего ее за талию, в то время как Арабела со своей хорошенькой горничной находилась на другом конце комнаты, делая вид, будто пристально смотрит в окно. При виде такой сцены жирный парень издал какое-то восклицание, леди испустила вопль, джентльмен — проклятье, — все почти одновременно.

— Бездельник, что вам здесь нужно? — спросил джентльмен. Вряд ли нужно говорить, что это был м-р Снодграс.

На это жирный парень, весьма уstraшенный, ответил коротко:

— Хозяйку.

— Зачем я вам нужна? — отворачиваясь, спросила Эмили. — Глупый вы человек!

— Хозяин с м-ром Пиквиком придут обедать к пяти часам, — отвечал жирный парень.

— Убирайтесь вон! — крикнул м-р Снодграс, грозно смотря на ошеломленного юношу.

— Нет, нет, нет! — стремительно прервала Эмили. — Бела, дорогая, мне нужно посоветоваться с вами!

Вслед за этим Эмили, м-р Снодграс, Арабела и Мери удалились в угол и в течение нескольких минут возбужденно перешептывались; жирный парень успел за это время вздремнуть.

— Джо, — сказала наконец Арабела, оглядываясь и обворожительно улыбаясь, — как поживаете, Джо?

— Джо, — сказала Эмили, — вы — добрый юноша. Я вас не забуду, Джо!

— Джо, — сказал м-р Снодграс, подходя к изумленному юноше и хватая его за руку, — я вас не узнал. Вот вам пять шиллингов, Джо.

— А за мной — еще пять, Джо, — сказала Арабела, — в память старого знакомства.

И она подарила толстяка, явившегося столь некстати, еще одной прелестной улыбкой.

Жирный парень соображал туго. Сначала он был сбит с толку такими неожиданными милостями и с тревогой озирался вокруг. Затем его широкая физиономия начала расплываться в не менее широкую улыбку, и наконец, засунув в карманы по полукроне и обе руки, он разразился хриплым хохотом — в первый и единственный раз в своей жизни.

— Кажется, он нас понимает, — сказала Арабела.

— Нужно поскорее дать ему что-нибудь поесть, — заметила Эмили.

Услышав эти слова, жирный парень чуть было не захохотал снова. Мери, еще немного поештававшись, отделилась от группы и сказала:

— Я обедаю с вами, сэр, если вы ничего не имеете против.

— Идите! — засуетился жирный парень. — Там такой чудесный мясной паштет!

С этими словами жирный парень стал спускаться с лестницы, а его хорошенькая спутница, следуя за ним в столовую, приковывала взгляды всех лакеев и вызывала досаду у всех горничных.

В столовой оказался не только паштет, о котором с таким чувством говорил юноша, но вдобавок еще кусок мяса, блюдо картофеля и кувшин портера.

— Садитесь, — сказал жирный парень. — Вот здорово! Как я проголодался.

Восторженно повторив эти слова раз пять или шесть, юноша уселся за небольшой стол, а Мери заняла место против него.

— Хотите этого? — спросил жирный парень, воззив в паштет нож и вилку по самую рукоятку.

— Кусочек, пожалуй, — отвечала Мери.

Жирный парень положил Мери маленький кусочек, а себе — большой, и только что собрался приступить к еде, как вдруг наклонился вперед и, положив руки на колени, не выпуская ножа и вилки, очень медленно проговорил:

— Послушайте, какая вы аппетитная!

Это было сказано восторженным тоном и могло показаться лестным, но глаза молодого джентльмена смотрели по-каннибальски, и комплимент звучал двусмысленно.

— Ах, боже мой, Джозеф! — воскликнула Мери, притворяясь смущенной. — Что это вы говорите!

Жирный парень постепенно выпрямился и ответил тяжелым вздохом, затем несколько секунд пребывал в задумчивости и наконец отхлебнул портеру. Совершив этот подвиг, он снова вздохнул и усердно приналег на паштет.

— Какая милая молодая леди — мисс Эмили! — сказала Мери после долгого молчания.

Жирный парень успел за это время прикончить паштет. Он посмотрел на Мери и ответил:

— Я знаю кое-кого получше.

— Вот как! — сказала Мери.

— Да! — подтвердил жирный парень с необычайным для чего оживлением.

— Как ее зовут? — полюбопытствовала Мери.

— А вас как?

— Мери.

— И ее точно так же, — объявил жирный парень. — Она — это вы.

Парень ухмыльнулся, чтобы подчеркнуть свой комплимент, и не то скосил глаза, не то прищурился; есть основания предполагать, что он хотел сделать глазки.

— Не говорите так, — сказала Мери, — ведь вы этого не думаете.

— Не думаю? — возразил жирный парень. — Думаю, послушайте!

— Что?

— Вы постоянно будете сюда приходить!

— Нет, — отвечала Мери, покачивая головой. — Я — здесь только сегодня до вечера. А почему вы спрашиваете?

— Ах, как бы мы чудесно обедали вместе, если бы вы здесь остались! — почувствованным тоном изрек жирный парень.

— Пожалуй, я бы изредка забегала сюда — повидаться с вами, — сказала Мери, с притворным смущением теребя скатерть, — если вы мне окажете одну услугу.

Жирный парень перевел взгляд с пустого блюда из-под паштета на жаркое, словно считал, что всякая услуга должна иметь какое-то отношение к еде, затем вытащил из кармана полукрону и с беспокойством взглянул на нее.

— Вы меня понимаете? — спросила Мери, лукаво поглядывая на его одутловатое лицо.

Он снова взглянул на полукрону и чуть слышно ответил:

— Нет.

— Если не хотят, чтобы вы говорили старому джентльмену о молодом джентльмене в гостиной, и я вас тоже очень прошу.

— И это все? — с явным облегчением осведомился жирный парень, пряча в карман полукрону. — Ни слова не скажу.

— Видите ли, — пояснила Мери, — м-р Снодграс очень любит мисс Эмили, а мисс Эмили очень любит м-ра Снодграса, и если вы расскажете об этом старому джентльмену, он вас всех увезет далеко отсюда, в деревню, и там вы никого не будете видеть.

— Нет, я ни за что не скажу, — решительно заявил жирный парень.

— Пожалуйста, не говорите, — просила Мери. — А теперь пора мне идти наверх — переодеть мою хозяйку к обеду.

— Не уходите, — уговаривал жирный парень.

— Нужно идти, — возразила Мери. — До скорого свидания!

Жирный парень с игривостью слоненка растопырил руки, надеясь сорвать поцелуй, но так как не требовалось большой ловкости, чтобы от него ускользнуть, то победительница его сердца скрылась раньше, чем он успел ее обнять. После этого апатичный юноша, с сентиментальным видом, упледел около фунта мяса и крепко заснул.

А наверху нужно было обсудить столько вопросов и столько обдумать планов, касавшихся побега и бракосочетания в том случае, если старик Уордль не смягчится, что до обеда оставалось не больше получаса, когда м-р Снодграс окончательно распрощался. Дамы побежали в спальню Эмили переодеваться, а влюбленный, взяв шляпу, вышел из комнаты. Не успел он закрыть за собой дверь, как раздался громкий голос Уордля, и, перегнувшись через перила, м-р Снодграс увидел его самого, поднимающегося по лестнице с какими-то джентльменами. Понятия не имея о расположении комнат, м-р Снодграс в смятении поспешил вернуться туда, откуда только что вышел, а затем, перейдя в соседнюю комнату (спальню м-ра Уордля), тихо приотворил за собой дверь как раз в тот момент, когда джентльмены, виденные им мельком, входили в гостиную. Это были м-р Уордль, м-р Пиквик, м-р Петениел Уинкль и м-р Бенджамин Элен, которых он без труда узнал по голосам.

— Какое счастье, что у меня хватило присутствия духа избежать встречи с ним, — с улыбкой подумал м-р Снодграс,

направляясь на цыпочках к другой двери, по соседству с кроватью. — Эта дверь выходит в тот же коридор, и я могу удалиться тихо и мирно.

Было только одно препятствие, которое мешало ему удалиться тихо и мирно, оно состояло в том, что дверь была заперта на ключ, а ключа не было.

— Официант, дайте нам сегодня самое лучшее вино, какое у вас есть, — сказал старик Уордль, потирая руки.

— Вы получите самое лучшее, сэр, — отвечал лакей.

— Доложите дамам, что мы пришли.

— Слушаю, сэр.

М-р Снодграс страстно и пламенно мечтал о том, чтобы дамам было доложено о его прибытии. Он даже рискнул прошептать в замочную скважину: „Официант!“ но у него мелькнула мысль, что на выручку может явиться какой-нибудь другой лакей, и вдобавок он обнаружил удивительное сходство между своим положением и тем, в каком недавно очутился один джентльмен в соседней гостинице (отчет о злключениях последнего появился в утреннем номере сегодняшней газеты, в рубрике „Происшествия“). М-р Снодграс уселся на чемодан и задрожал всем телом.

— Перкера не будем ждать, — сказал Уордль. — Он всегда аккуратен. Он будет во-время, если рассчитывает приехать. А если нет, ждать бесполезно. Вот и Арабела!

— Сестра! — вскричал м-р Бенджамин Элен, романтически сжимая ее в своих объятиях.

— Ах, милый Бен, как от вас пахнет табаком! — сказала Арабела, слегка ошеломленная таким проявлением любви.

— Разве? — удивился м-р Бенджамин Элен. — Разве, Бела? Ну, что ж, может быть.

Да, это действительно могло быть, ибо он только что покинул приятную компанию двенадцати студентов-медиков, куривших в маленькой комнате с большим камином.

— Но я очень рад вас видеть, — продолжал м-р Бен Элен. — Да благословит вас бог, Бела!

— Милый Бен, — сказала Арабела, целуя брата, — вы больше не обнимайте меня, вы мне все платье испортите.

Когда примирение достигло этой стадии, м-р Бен Элен от избытка чувств, сигар и портера прослезился и сквозь потемневшие стекла очков окинул взглядом присутствующих.

— А мне вы ничего не скажете? — воскликнул Уордль, раскрывая объятия.

— Очень много скажу, — прошептала Арабела, отвечая на ласки и поздравления старика. — Вы — бессердечное, бесчувственное, жестокое чудовище!

— А вы — маленькая мятежница, — так же вполголоса ответил Уордль, — и боюсь, что придется отказать вам от дома. Таких особ, как вы, которые выходят замуж, ни с кем не считаясь, опасно принимать в обществе. Но позвольте-ка, — громко добавил старый джентльмен, — вот и обед. Вы сидите рядом со мной. Джо! Чорт возьми, он не спит!

К великому огорчению своего хозяина, жирный парень пребывал в состоянии полного бодрствования; глаза его были широко раскрыты и как будто не собирались закрыться. И в манерах его обнаружилось какое-то проворство, равным образом необъяснимое; встречаясь глазами с Эмили или Арабелой, он ухмылялся и скалил зубы; один раз Уордль готов был поклясться, что он им подмигнул.

Эта перемена в поведении жирного парня происходила из сознания собственной важности и чувства собственного достоинства, какое он обрел, заслужив доверие молодых леди, а своими гримасами и подмигиванием он снисходительно давал понять, что они могут положиться на его преданность. Так как эта мимика скорее могла пробудить подозрения, чем успокоить их, то Арабела время от времени отвечала ему, сердито хмуря брови или покачивая головой, а жирный парень, рассматривая это как приказание быть на-чеку, начинал гримасничать, ухмыляться и подмигивать с особым усердием в доказательство того, что все понял.

— Джо, — спросил Уордль, после безуспешных поисков в карманах, — нет ли там на диване моей табакерки?

— Нет, сэр, — ответил жирный парень.

— Вспомнил! Сегодня утром я ее оставил на туалетном столике, — сказал Уордль. — Принесите из соседней комнаты.

Жирный парень пошел в соседнюю комнату и спустя минуту вернулся с табакеркой и с таким бледным лицом, какого еще не видывали у жирного парня.

— Что случилось с мальчишкой! — воскликнул Уордль.

— Ничего со мной не случилось, — испуганно ответил Джо.

— Уж не встретились ли вы там с каким-нибудь духом? — осведомился старый джентльмен.

— Или в вас самом сидит дух? — добавил Бен Элен.

— Пожалуй, вы правы, — шепнул через стол Уордль. — Я уверен, что он пьян.

Бен Элен высказал то же предположение, а так как этот джентльмен был знатоком упомянутого недуга, то Уордль укрепился в своей догадке, которая тревожила его уж с полчаса, и окончательно решил, что жирный парень пьян.

— Не спускайте с него глаз, — прошептал Уордль. — Скоро мы узнаем, пьян он или нет.

Злополучный юноша едва успел обменяться несколькими словами с м-ром Снодграсом: этот джентльмен умолял Джо попросить кого-нибудь из друзей освободить его из заключения, а затем вытолкал из комнаты вместе с табакеркой, опасаясь, как бы его долгое отсутствие не показалось подозрительным. Сначала Джо размышляла с очень встревоженной физиономией, а затем отправилась на поиски Мери.

Но Мери, переодев свою хозяйку, ушла домой, и жирный парень вернулся в полном смятении.

Уордль и м-р Бен Элен переглянулись.

— Джо! — сказал Уордль.

— Слушаю, сэр!

— За чем вы ходили?

Жирный парень беспомощно окинул взглядом сидевших за столом и пробормотал, что он этого не знает.

— А, так вы не знаете? — сказал Уордль. — Передайте сыр м-ру Пиквику.

Тем временем м-р Пиквик, находившийся в самом бодром и превосходном расположении духа, развлекал всех за обедом и в данный момент вел оживленный разговор с Эмили и м-ром Уинклем; в пылу беседы он учтиво наклонил голову,

грациозно размахивал левой рукой, чтобы подчеркнуть свои реплики, и излучал безмятежные улыбки. Взяв кусок сыру с блюда, он хотел было повернуться к своим слушателям и возобновить разговор, как вдруг жирный парень, нагнувшись к самой его голове, ткнул большим пальцем через плечо и со-строил такую страшную и омерзительную гримасу, какую можно увидеть только в рождественской пантомиме.

— Ах, боже мой! — вздрогнув, воскликнул м-р Никвик. — Что же это такое?

Он загнулся, ибо жирный парень уже успел выпрямиться и заснуть или притвориться крепко спящим.

— Что случилось? — спросил Уордль.

— Это в высшей степени удивительный мальчик! — отвечал м-р Никвик, боязливо поглядывая на парня. — Как это ни странно, но, честное слово, я боюсь — у него в голове не все в порядке.

— Ох, м-р Никвик, что вы говорите! — в один голос воскликнули Эмили и Арабела.

— Конечно, я в этом не уверен, — продолжал м-р Никвик, когда воцарилось глубокое молчание и все с испугом переглядывались, — но его поведение поистине устрашающее. Ой! — взвизгнул м-р Никвик, подпрыгнув на стуле. — Просту прощения, леди, но он воцарил мне в ногу какой-то острый инструмент. Право же, он не безопасен.

— Он пьян! — в бешенстве заревел старик Уордль. — Позовите в колокольчик! Позовите лакеев! Он пьян!

— Я не пьян! — завопил жирный парень, падая на колени, когда хозяин схватил его за шиворот.

— Значит вы — сумасшедший, это еще хуже. Позовите лакеев! — повторил старый джентльмен.

— Я не сумасшедший, я в своем уме, — захныкал жирный парень.

— Тогда зачем же вы, чорт бы вас побрал, втыкаете м-ру Никвику в ногу какие-то острые инструменты? — сердито спросил Уордль.

— Он не смотрит на меня, — отвечал парень, — а мне нужно ему что-то сказать.

— Что вы хотели сказать? — раздался голоса.

Жирный парень разинул было рот, посмотрел на дверь спальни, снова разинул рот и суставами обоих указательных пальцев вытер две слезинки.

— Что вы хотели сказать? — встряхнув его, спросил Уордль.

— Постойте! — вмешался м-р Пиквик. — Позвольте, я с ним поговорю. Что вы хотели мне сообщить, бедный мальчик?

— Я хотел шепнуть вам на ухо, — отвечал жирный парень.

— Чего доброго, вы хотели откусить ему ухо, — сказал Уордль. — Не подходите к нему. Он с норовом. Позвоните, чтоб его отвели вниз.

М-р Уинкль уже схватил было шнурок от колокольчика, когда его остановили изумленные возгласы: влюбленный пленник, раскрасневшись от смущения, внезапно вышел из спальни и отвесил общий поклон присутствующим.

— Алло! — понятившись, воскликнул Уордль, отпуская на свободу жирного парня. — Это еще что такое?

— Я прятался в соседней комнате, сэр, с тех пор, как вы пришли, — пояснил м-р Снодграс.

— Эмили, моя девочка, — укоризненно сказал Уордль, — я ненавижу обман и ложь. Это в высшей степени неделикатно и нечестно. Право же, я этого не заслужил, Эмили!

— Дорогой папа! — воскликнула Эмили. — Арабела знает... все знают... и Джо знает, что я понятия не имела, где он прячется. Огастес, да объясните же все, ради бога!

М-р Снодграс, который только и ждал случая заговорить, тотчас же начал рассказывать, как он очутился в таком отчаянном положении; только страх вызвать раздор в семье побудил его уклониться от встречи с м-ром Уордлем; он хотел выйти в другую дверь, но так как она оказалась запертой, он поневоле вынужден был остаться. Положение было тягостное, но теперь он меньше об этом жалеет, ибо получил возможность заявить, в присутствии общих друзей, как глубоко и искренно любит дочь м-ра Уордля, и с гордостью говорит, что это чувство взаимно, и если бы между ними пролегли тысячи миль или разлились воды океана, —

все равно, он ни на секунду не забудет тех счастливых дней, когда впервые... и так далее.

После такого торжественного заявления м-р Снодграс снова отвесил поклон, заглянул в свою шляпу и направился к двери.

— Пойдите! — заревел Уордль. — Почему, во имя всех...

— Небесных сил, — кротко подсказал м-р Пиквик, опасающийся худшего.

— Ладно — всех небесных сил, — повторил Уордль, не возражая против такой замены, — почему вы мне сразу этого не сказали?

— Или не доверились мне? — прибавил м-р Пиквик.

— Ах, боже мой! — воскликнула Арабела, спеша на выручку, — какой смысл задавать сейчас все эти вопросы, когда вы из корысти хотели иметь зятя побогаче, и сами это знаете, а вдобавок вы такой вспыльчивый и жестокий, что вас боятся все, кроме меня! Пожмите ему руку и ради господ бога прикажите, чтобы ему принесли пообедать: у него такой вид, как будто он умирает от голоду. И пускай вам сейчас же подадут вина, потому что с вами сладу нет, пока вы не выпьете по крайней мере двух бутылок.

Достойный пожилой джентльмен уцепился Арабелу за ухо, расцеловал ее без всяких стеснений, очень нежно поцеловал свою дочь и горячо пожал руку м-ру Снодграсу.

— Она права по крайней мере в одном пункте, — весело сказал старший джентльмен. — Позвоните, чтобы нам дали вина.

Явилось вино, и в ту же секунду появился и Перкер. М-ру Снодграсу накрыли за отдельным столиком, и, пообедав, он придвинул свой стул к Эмили, не вызывая ни малейшего протеста со стороны пожилого джентльмена.

Вечер прошел чудесно. Маленький м-р Перкер удивительно разошелся, рассказал несколько смешных историй и спел печальный романс, который оказался таким же забавным, как и его анекдоты. Арабела была очень мила, м-р Уордль — очень весел, м-р Пиквик — очень приветлив, м-р Бен Элен — очень боек, влюбленные — очень молчаливы, м-р Уинкль — очень разговорчив, и все — очень счастливы.

ГЛАВА LV

М-р Соломон Пель с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела старшего м-ра Уэлера

— Сэмюел, — сказал м-р Уэлер, обращаясь к своему сыну утром после похорон, — я нашел его, Сэми. Я так и думал, что оно там.

— Что вы нашли и где? — осведомился Сэм.

— Завещание вашей мачехи, Сэми, — отвечал м-р Уэлер. — В нем сделаны распоряжения насчет обоглаций, о которых я вам говорил вчера.

— А разве она вам не сказала, где оно лежит? — спросил Сэм.

— Ни словечком не обмолвилась, Сэми, — отвечал м-р Уэлер. — Мы улаживали наши маленькие свары, а я старался ее подбодрить и совсем забыл спросить о завещании. И, пожалуй, я бы и спрашивать не стал, даже если бы вспомнил, — добавил м-р Уэлер. — Нехорошее это дело, Сэми, надоедать больному вопросам об его деньгах, когда ухаживаешь за ним. Это все равно, что усаживать в карету паружного пассажира, слетевшего с крыши, вздыхать и спрашивать, как он себя чувствует, и в то же время запустить ему руку в карман.

Иллюстрировав свою мысль таким примером, м-р Уэлер достал из бумажника грязный лист почтовой бумаги, испещренный каракулями, беспорядочно лепившимися друг к другу.

— Вот он — документ, Сэм, — сказал м-р Уэлер. — Я нашел его в маленьком чайнике на верхней полке буфета. Бывало, еще до замужества, она хранила там свои банковые билеты, Сэмвел. Я много раз видел, как она снимала крышку с чайника, когда нужно было платить по счетам. Бедняжка! Она могла бы наполнить завещаниями все чайники в доме и не почувствовала бы никакого неудобства, потому что последнее время почти не интересовалась этим напитком, вот только в вечера трезвости они закладывали фундамент чаем, чтобы залить его спиртным.

— Что же тут сказано? — спросил Сэм.

— Точь-в-точь то самое, что я вам говорил, сын мой. — отвечал родитель. — „Двести фунтов обогатиями моему па-сынку Сэмвелу, а все остальное мое имущество, какое бы оно ни было, моему мужу Тони Веллеру, которого я назначаю моим единственным душеприказчиком“.

— И это все? — осведомился Сэм.

— Все, — сказал м-р Уэлер. — А так как только мы с вами заинтересованы и для нас все ясно и удовлетворительно, то мы преспокойно можем бросить эту бумажку в огонь.

— Что вы делаете, сумасшедший! — закричал Сэм, выхватывая бумагу, когда его родитель в простоте душевной начал разгребать угли, чтобы перейти от слов к делу. — Нечего сказать, хорош душеприказчик!

— А чем плох? — осведомился м-р Уэлер, сердито оглядываясь, с кочергой в руке.

— Чем плох! — воскликнул Сэм. — Да тем, что ее нужно сперва заверить, утвердить и присягу принести и всякие формальности проделать.

— Вы это не шутя говорите? — спросил м-р Уэлер, кладя кочергу.

Сэм старательно спрятал завещание в боковой карман и взглядом дал понять, что не только не шутит, но говорит очень серьезно.

— Тогда я вот что скажу, — объявил м-р Уэллер после недолгих размышлений, — с этим делом надо идти к закадычному другу лорда-канцлера. Нель должен обмозговать его, Сэми. Он — мастер разбираться в трудных юридических вопросах. Эту самую штуку мы сейчас же предъявим в Суд состоятельных, Сэмивел.

— Никогда еще я не видывал такого безмозглого старика! — вспыхнул Сэм. — Олд-Бейли, Суд состоятельных, алиби и всякая чепуха забили ему башку! Надели бы вы лучше парадный костюм да отправились бы по этому делу в город, вместо того, чтобы проповедывать о том, чего не понимаете.

— Очень хорошо, Сэми, — отвечал м-р Уэллер, — я на все готов, чтобы покончить с этим делом. Но замечьте, мой мальчик, никто, кроме Неля, не годится в юридические советчики.

— Я никого другого не хочу, — отозвался Сэм. — Ну что, готовы?

— Подождите минутку, Сэми, — сказал м-р Уэллер, который повязывал шарф перед маленьким зеркалом у окна, а затем с превеликим трудом начал напяливать верхнюю одежду. — Подождите минутку, Сэми. Когда доживете до моих лет, сын мой, вам не так просто будет влезть в жилет.

— Если мне такого труда будет стоять в него влезать, будь я проклят, если стану носить жилет, — отвечал сын.

— Это вам теперь так кажется, — возразил отец с важностью, соответствующей его возрасту, — а вот подождите: начнете толстеть — начнете уметь. Толщина и мудрость, Сэми, всегда произрастают вместе.

Высказав эту непогрешимую сентенцию — результат многолетнего опыта и наблюдений, м-р Уэллер, ловко изогнувшись, заставил нижнюю пуговицу сюртука исполнять свои обязанности. Отдышавшись, он почистил локтем шляпу и объявил, что готов.

— Два ума хорошо, а четыре еще лучше, Сэми, — сказал м-р Уэллер, когда они в тележке катили по лондонской дороге, — это вот имущество — лакомый кусок для юридического джентльмена, а потому мы прихватим с собой двух

моих приятелей, которые на него напустятся, если он позволит себе какую-нибудь нерегулярную шутку, — возьмем тех двоих, которые провожали нас тогда ю Флинт. Они — первейшие знатоки! — вполголоса добавил м-р Уэлер, — первейшие знатоки в лошадях.

— И в юристах? — полюбопытствовал Сэм.

— Кто знает толк в животных, тот знает толк во всем, — отвечал отец таким авторитетным тоном, что Сэм не посмел опровергать его замечание.

Во исполнение этого важного решения обратились за помощью к джентльмену с пятнистым лицом и еще к двум очень толстым кучерам, которых м-р Уэлер выбрал, должно быть, за их толщину и соответствующую ей мудрость. Заручившись их согласием, они отправились в трактир на Портюел-стрит, откуда и отправили человека в Суд по делам о несостоятельности, находившийся через дорогу, с приказанием немедленно вызвать м-ра Соломона Пеля.

К счастью, посланный нашел м-ра Соломона Пеля в суде: по случаю затишья в делах он подкреплялся холодной закуской: эбериетневским * бисквитом и колбасой. Лишь только приглашение было ему передано, он сунул остатки колбасы в карман, где лежали различные юридические документы, и перебежал улицу с таким проворством, что явился в трактир раньше, чем посланный успел выбраться из суда.

— Джентльмены, — сказал Пель, приподняв шляпу, — я весь к вашим услугам. Я отнюдь не намерен вам льстить, джентльмены, но нет на свете ни единого человека, кроме вас пятерых, для которого я бы ушел сегодня из суда.

— Так много дел? — осведомился Сэм.

— Много! — отвечал Пель. — Дела у меня по горло, как не раз говаривал мне, джентльмены, мой друг, покойный лорд-канцлер, когда выходил из Палаты лордов после рассмотрения апелляций. Бедняга! Он быстро уставал, ему очень тяжело приходилось от этих апелляций. Уверю вас, я часто думал, что они его доконают.

Тут м-р Пель покачал головой и умолк, после чего старший м-р Уэлер, подтолкнув локтем соседа, словно предла-

гая ему обратить внимание на высокие связи атернии, спросил, не отразились ли вышеупомянутые обязанности пагубным образом на здоровье его благородного друга.

— Мне кажется, он так и не мог оправдаться, — ответил Пель, — да, я в этом уверен. „Пель, — говорил он мне не раз, — для меня остается тайной, как чорт побери, вы справляетесь с таким умственным трудом“. — „Да, — бывало отвечал я, — честное слово, я и сам не знаю, как я это делаю“. — „Пель, — со вздохом прибавлял он и поглядывал на меня с завистью — с дружелюбной завистью, джентльмены, с самой дружелюбной, — Пель, вы изумительны, изумительны!“ Ах, как бы он вам понравился, джентльмены, если бы вы его знали! Принесите мне на три пенса рому, моя милая.

Горестным тоном обратившись с этим последним замечанием к служанке, м-р Пель вздохнул, посмотрел на свои башмаки, а затем в потолок; тем временем ром был подан и выпит.

— А впрочем, — сказал Пель, придвигая стул к столу, — человек моей профессии не имеет права размышлять о своих друзьях, когда к нему обращаются за юридической помощью. Кстати, джентльмены, с тех пор, как мы с вами последний раз виделись, произошло одно прискорбное событие, заставившее нас проливать слезы.

Произнося слова „проливать слезы“, м-р Пель достал носовой платок, но воспользовался им только для того, чтобы вытереть каплю рома, повисшую на верхней губе.

— Я прочел объявление об этом в „Адвертайзер“, м-р Уэлер, — продолжал Пель. — Подумать только, что ей было всего пятьдесят два года! Ах, боже мой!

Эти вдумчивые замечания были обращены к человеку с пятнистым лицом, с которым м-р Пель случайно встретился глазами, после чего пятнистый джентльмен, не отличавшийся живым умом, беспокойно заерзал на своем стуле и высказался в том смысле, что оно, конечно, не разберешь, почему такие дела на свете делаются, — такую сентенцию, выразившую весьма тонкую мысль, трудно было оспаривать, и никто против нее не возражал.

— Я слышал, что она была очень красивой женщиной, м-р Уэллер, — соболезнующим тоном сказал Нель.

— Да, сэр, — отозвался м-р Уэллер старший, которому был не особенно приятен этот разговор; однако он полагал, что атерни, состоявший в близких отношениях с покойным лордом-канцлером, должен прекрасно знать правила хорошего тона. — Она была очень красивой женщиной, сэр, когда я с ней познакомился в ту пору, сэр она была вдовой.

— Как странно, — сказал Нель, с горестной улыбкой осматриваясь вокруг, — и м-с Нель была вдовой.

— Поразительно! — вставил пятнистый джентльмен.

— Да, любопытное совпадение, — заметил Нель.

— Ничуть, — проворчал старший м-р Уэллер. — Вдовы выходят замуж чаще, чем девицы.

— Совершенно верно, — согласился Нель, — вы правы, м-р Уэллер. М-с Нель была очень элегантной и образованной женщиной, ее манеры вызывали всеобщее восхищение в нашем кругу. Я с гордостью смотрел, как эта женщина танцевала; в ее движениях было что-то смелое, величественное и в то же время непринужденное. Она держала себя, джентльмены, удивительно просто. Да! Простите, что задаю вам такой вопрос, м-р Сэмюел, — понизив голос, добавил атерни, — ваша мачеха была высокого роста?

— Не очень, — отвечал Сэм.

— А м-с Нель была рослая, — сказал Нель. — Великолепная женщина с благородной осанкой, джентльмены, с гордым носом, который как будто создан был, чтобы повелевать. Она была привязана ко мне, очень привязана, и происходила из прекрасной семьи. Брат ее матери, джентльмены, обанкротился на восемьсот фунтов, когда держал магазин судебных канцелярских принадлежностей.

— А не заняться ли нам делом? — промолвил м-р Уэллер, который проявлял признаки нетерпения во время этого разговора.

Для Неля его слова прозвучали музыкой. Он давно уже старался угадать, будет ли ему поручено какое-нибудь дело или его пригласили только для того, чтобы предложить ста-

кан грога, бокал пунша или какое-нибудь другое профессиональное угощение, а теперь его сомнения рассеялись без малейших усилий с его стороны. Глаза у него заблестели, когда он положил на стол свою шляпу и спросил:

— Какое же дело предстоит решить? Быть может, один из джентльменов желает предстать перед судом? Мы настаиваем на аресте; понимаете — дружеский арест. Полагаю, мы здесь все друзья?

— Дайте мне бумагу, Сэми, — сказал м-р Уэлер, беря заведение у сына, который явно наслаждался всем происходящим. — Нам требуется, сэр, затвердить это-вот.

— Утвердить, дорогой сэр, утвердить, — поправил Пель.

— Ладно, сэр, — резко отвечал м-р Уэлер, — затвердить и утвердить это — одно и то же, а если вы не понимаете, что я имею в виду, сэр, так авось я найду более понятного человека.

— Прошу вас, не обижайтесь, м-р Уэлер, — смиренно отвечал Пель. — Вы, я вижу, душеприказчик. — добавил он, просмотрев бумагу.

— Да, сэр, — подтвердил м-р Уэлер.

— А эти джентльмены, полагаю, наследники? — осведомился Пель с праздничной улыбкой.

— Сэми — наследник, — возразил м-р Уэлер, — а эти джентльмены — мои друзья, пришли посмотреть, чтобы дело было чисто сделано: вроде как бы третейские судьи.

— О! — сказал Пель. — Прекрасно. Разумеется, я не возражаю. Но раньше, чем приступить к делу, мне понадобится от вас пять фунтов, ха-ха-ха!

Комитет постановил уплатить вперед пять фунтов, и м-р Уэлер выдал эту сумму, после чего началось длительное совещание неведомо о чем, в течение которого м-р Пель, к полному удовольствию джентльменов, следивших, чтобы все было чисто сделано, доказал, что будь это дело поручено кому-нибудь другому, оно не привело бы к добру по причинам, изложенным туманно, но, несомненно, убедительным. Выяснив этот важный пункт, м-р Пель подкрепился тремя отбивными котлетами и напитками, как содовыми, так и спиртными,

за счет наследника, а затем вся компания отправилась в Докторс-Комонс.

На следующий день снова пришлось нанести визит в Докторс-Комонс, на этот раз дело осложнилось по вине конюха-свидетеля, который был пьян и отказывался говорить что бы то ни было кроме кощунственных ругательств, к великому возмущению проктора * и представителя духовной власти.

На ближайшей неделе было нанесено еще несколько визитов в Докторс-Комонс и один визит в Контору по оплате наследственных пошлин, кроме того писались договоры по передаче арендных прав и торгового дела, утверждались договоры, составлялись описи имущества, устраивались завтраки и обеды, и обдывалось так много выгодных дел, и накопилось так много бумаг, что м-р Соломон Цель и его мальчик и синий мешок в придачу чрезвычайно растолстели, и вряд ли кто признал бы в них того самого человека, мальчика и мешок, которые слонялись по Португел-стрит несколько дней тому назад.

Наконец со всеми этими важными делами было покончено, и назначен день продажи, передачи имущества и посещения маклера Уилькинса Флешера, эскуайра, проживавшего где-то недалеко от Банка и рекомендованного для этой цели м-ром Соломоном Целем.

Событие было знаменательное, и вся компания нарядилась по-праздничному. Сапоги м-ра Уэлера были вычищены, туалет совершен с особой тщательностью; у пятнистого джентльмена красовалась в петлице большая далия с листьями, а сюртуки двух его друзей были декорированы букетами из лавра и других вечнозеленых растений. Все трое щеголяли в праздничных костюмах — иными словами, были закутаны по самый подбородок и напялили на себя всю имевшуюся верхнюю одежду, что соответствует и всегда соответствовало представлению кучеров о полном параде — с той поры, как были изобретены пассажирские кареты.

В назначенный час м-р Цель поджидал их в обычном месте их сборищ. Даже м-р Цель надел перчатки и чистую

рубашку, которая от частой стирки была весьма потерта у ворота и манжет.

— Без четверти два, — сказал Пель, взглянув на стенные часы. — Если мы явимся к м-ру Флешеру в четверть третьего, это будет как раз во-время.

— Что скажете, джентльмены, не подкрепиться ли нам пивом? — предложил человек с пятнистым лицом.

— И холодным ростбифом, — сказал второй кучер.

— Или устрицами, — добавил третий — джентльмен с хриплым голосом и очень толстыми ногами.

— Слушайте, слушайте! — подхватил Пель. — Надо поздравить мистера Уэлера с введением в права наследства, ха-ха-ха!

— Я согласен, джентльмены, — отвечал м-р Уэлер. — Сами, позвольте.

Сам повиновался. Портер, холодный ростбиф и устрицы появились незамедлительно, и все отдали должное завтраку. Каждый принимал в нем такое горячее участие, что кажется почти непристойным проводить различие, но если кто и проявил большие способности, чем все остальные, то это был кучер с хриплым голосом, который проглотил как ни в чем не бывало пинту уксуса со своими устрицами.

— М-р Пель, сэр, — начал м-р Уэлер, размещивая свой грог: когда были убраны устричные раковины, всем джентльменам подали по стакану грога, — м-р Пель, сэр, было у меня намерение провозгласить по этому случаю тост за обогащения, но Сэмивел шепнул мне...

Тут м-р Сэмюел Уэлер, который до этого молчал, безмятежно улыбаясь и глотая устрицы, громко крикнул:

— Слушайте!

— ...Шепнул мне, — продолжал его отец, — что лучше было бы посвятить этот напиток вам, выпить за ваш успех и благополучие и поблагодарить вас за окончание этого самого дела. За ваше здоровье, сэр!

— Эй, затормозите! — вмешался пятнистый джентльмен с неожиданно проявившейся энергией. — Смотрите на меня, джентльмены!

С этими словами пятнистый джентльмен встал, а за ним и все остальные. Пятнистый джентльмен обозрел присутствующих и медленно поднял руку, после чего все (не исключая и пятнистого) перевели дух и подняли стаканы к губам. Спустя секунду пятнистый джентльмен опустил руку, и все поставили на стол осушенные до дна стаканы. Не поддается описанию поразительный эффект этой замечательной церемонии. Благородная, торжественная и внушительная, она потрясала своим величием.

— Джентльмены, — начал м-р Пель, — я одно могу сказать: такие знаки доверия весьма лестны для джентльмена моей профессии. Я бы не хотел, чтобы вы меня заподозрили в эгоизме, джентльмены, но я очень рад, имея в виду ваши интересы, что вы обратились именно ко мне, вот и все. Пригласи вы какого-нибудь недостойного представителя нашей профессии, я глубоко убежден и могу вас в этом уверить, вы давным-давно попали бы в беду. Хотел бы я, чтобы мой благородный друг был среди нас и видел, как я справился с этим делом. Говорю так не из тщеславия, но считаю... а впрочем, джентльмены, не буду вас беспокоить такими рассуждениями. Джентльмены, меня всегда можно застать здесь, но если случайно меня не найдут ни здесь, ни напротив, то вот мой адрес. Как вы сами убедились, мои требования очень скромны и разумны, никто не уделяет своим клиентам больше внимания, чем я, и льщу себя надеждой, что и в профессии своей я кое-что смыслю. Джентльмены, если вам представится случай рекомендовать меня кому-нибудь из ваших друзей, я буду вам весьма признателен, да и они также, когда узнают меня ближе. За ваше здоровье, джентльмены!

Излив таким образом свои чувства, м-р Соломон Пель положил перед друзьями м-ра Уэлера три маленьких визитных карточки, написанных от руки, и, снова взглянув на часы, заявил, что пора трогаться в путь. После такого замечания м-р Уэлер расплатился по счету, и душеприказчик, наследник, атерни и третейские судьи направили свои стопы в Сити.

Контора биржевого маклера Уилькинса Флешера, эскуайра, находилась во втором этаже, во дворе за государственным банком; дом Уилькинса Флешера, эскуайра, находился в Брикстоне, по ту сторону Темзы; лошадь и фаэтон Уилькинса Флешера, эскуайра, находились на соседнем извозничьем дворе; грум Уилькинса Флешера, эскуайра, находился на пути в Уест-Энд по какому-то делу; клерк Уилькинса Флешера, эскуайра, ушел обедать, а потому сам Уилькинс Флешер, эскуайр, крикнул: „Войдите!“, когда м-р Пель и его спутники постучались в дверь конторы.

— Здравствуйте, сер, — сказал Пель с подобострастным поклоном. — С вашего разрешения, м-р Флешер.

— Присядьте на минутку. Сейчас я вами займусь.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Пель. — Нам не к спеху. Садитесь, м-р Уэлер.

М-р Уэлер сел на стул. Сам сел на ящик, остальные сели где попало и стали созерцать календарь и две-три бумаги, приклеенные к стене, с таким явным благоговением, словно это были лучшие произведения старых мастеров.

— Ну-с, я готов держать пари на полдюжины клерета *! — объявил Уилькинс Флешер, эскуайр, возобновляя разговор, прерванный на секунду появлением м-ра Пеля.

Это замечание относилось к франтоватому молодому джентльмену, который сдвинул шляпу на правый бакенбард и вертелся у конторки, убивая мух линейкой. Уилькинс Флешер, эскуайр, балансировал на двух ножках конторского табурета, целясь перочинным ножом в коробку для облаток и с большой ловкостью попадая в самый центр маленькой красной облатки, наклеенной снаружи. У обоих джентльменов были очень открытые жилеты и очень отложные воротнички, очень миниатюрные ботинки и очень большие кольца, очень маленькие часы и очень большие цепочки, хорошо сшитые невыразимые и надушенные носовые платки.

— Я никогда не держу пари на полдюжины, — возразил молодой джентльмен. — Согласны на дюжину?

— Идет, Симери! — воскликнул Уилькинс Флешер, эскуайр.

— Подобающего качества, — заметил тот.

— Разумеется, — отвечал Уилькинс Флешер, эскуайр.

Уилькинс Флешер, эскуайр, записал пари в записную книжечку золотым карандашиком, и другой джентльмен записал его в другую книжечку другим золотым карандашиком.

— Сегодня утром была заметка о Бофере, — сообщил м-р Симери. — Бедняга, его выгоняют из дому!

— Держу пари на десять гиней против пяти, что он пере режет себе горло, — сказал Уилькинс Флешер, эскуайр.

— Идет, — отвечал м-р Симери.

— Пойдите. Я вношу оговорку, — задумчиво произнес Уилькинс Флешер, эскуайр. — Пожалуй, он может повеситься.

— Отлично, — отозвался м-р Симери, снова вынимая золотой карандаш. — Я не возражаю. Скажем — покончит с собой.

— Лишит себя жизни, — сказал Уилькинс Флешер, эскуайр.

— Вот именно, — подтвердил м-р Симери, записывая пари. — „Флешер — десять гиней против пяти, что Бофер лишит себя жизни“. Какой мы назначим срок?

— Две недели, — продолжал Уилькинс Флешер, эскуайр.

— Нет, к черту! — возразил м-р Симери, отрываясь на секунду, чтобы убить муху. — Назначим неделю.

— Возьмем среднее, — сказал Уилькинс Флешер, эскуайр. — Пусть будет десять дней.

— Ладно, десять дней, — согласился м-р Симери.

И в книжечках было записано, что Бофер должен лишиться себя жизни в течение десяти дней, в противном случае Уилькинс Флешер, эскуайр, должен уплатить Френку Симери, эскуайру, десять гиней, а если Бофер покончит с собой в указанный срок, Френк Симери, эскуайр, должен уплатить Уилькинсу Флешеру, эскуайру, пять гиней.

— Мне очень жаль, что он обанкротился, — сказал Уилькинс Флешер, эскуайр. — Чудесные он давал обеды!

— И портвейн у него был превосходный, — заметил м-р Симери. — Мы посылаем завтра дворецкого на аукцион, пусть купит несколько бутылок шестьдесят четвертого.

— Чорт возьми, как бы не так! — воскликнул Уилькинс Флешер, эскуайр. — Я тоже посылаю человека. Держу пари на пять гиней, что мой перебьет цену вашему.

— Идет.

Новая запись была занесена золотыми карандашами в книжечки, и м-р Симери, истребив к тому времени всех мух и заключив все мыслимые пари, отправился на биржу посмотреть, что там делается.

Уилькинс Флешер, эскуайр, соблаговолил наконец выслушать инструкции м-ра Соломона Пеля и, заполнив несколько бланков, предложил всей компании отправиться вместе с ним в банк, что и было исполнено. М-р Уэлер и его трое друзей взирали с безграничным изумлением на все, что попадалось им на пути, тогда как Сэм относился ко всему происходившему с невозмутимым хладнокровием.

Пройдя через двор, где было шумно илюдно, и миновав двух привратников, одетых, казалось, под стать красному пожарному насосу в конце двора, они вошли в контору, где предстояло закончить дело, и здесь Пель и м-р Флешер покинули их на несколько секунд, а сами поднялись наверх в Отдел завещаний.

— Это что за место? — прошептал пятнистый джентльмен, обращаясь к старшему м-ру Уэлеру.

— Юрисконсультское бюро, — шопотом ответил душеприказчик.

— А что это за джентльмены, которые сидят за прилавками? — спросил кучер с хриплым голосом.

— Должно быть, консоли, которые пониже, — отвечал м-р Уэлер. — Сэмивел, это консоли чином пониже!

— Неужели вы думаете, что пониженные консоли — живые люди? — с презрением осведомился Сэм.

— А я почему знаю! — возразил м-р Уэлер. — Я думал, что они такими и должны быть. Ну, а кто же эти люди?

— Клерки, — отвечал Сэм.

— Почему они все едят сендвичи с ветчиной? — спросил его отец.

— Должно быть, это одна из их обязанностей, — ответил Сэм. — Такая система. Они только это и делают весь день.

М-р Уэлер и его друзья едва успели обдумать это своеобразное правило, связанное с финансовой системой страны,

как к ним уже присоединились Пель и Уилькинс Флешер, эскуайр, и повели их к той части прилавка, над которой висела круглая черная доска с большой буквой „У“.

— А это что значит, сэр? — осведомился м-р Уэллер, привлекая внимание Пеля к вышеупомянутой мишени.

— Первая буква фамилии покойной, — пояснил Пель.

— Послушайте, — сказал м-р Уэллер, обращаясь к третейским судьям, — тут что-то неладно. Ведь наша буква — „В“. Э, нет! Это не пройдет!

Третейские судьи тотчас же и решительно высказались в том смысле, что дело не может быть законно проведено под буквой „У“, и, по всей вероятности, произошла бы заминка еще на один день, если бы не стремительное, хотя на первый взгляд и непочтительное вмешательство Сэма, который, схватив отца за фалду сюртука, подтащил его к прилавку и удерживал его здесь до тех пор, пока тот не скрепил своей подписью двух-трех документов, а так как м-р Уэллер имел обыкновение писать печатными буквами, то на это потребовалось столько усилий и времени, что дежурный клерк успел очистить и съесть три рипстонских рэнета.

Так как старший м-р Уэллер настаивал на том, чтобы немедленно продать свою часть, то из банка они отправились к воротам биржи, и Уилькинс Флешер, эскуайр, ненадолго удалившись, вернулся с чеком на пятьсот тридцать фунтов на Смита, Пейна и Смита; эта сумма причиталась м-ру Уэллеру по курсу дня за помещенные в акции сбережения второй м-с Уэллер. Двести фунтов Сэма были положены на его имя, и Уилькинс Флешер, эскуайр, получив комиссионные, небрежно положил деньги в карман и вернулся в свою контору.

Сначала м-р Уэллер упрямо не хотел брать по чеку ничего кроме соверенов, но, когда третейские судьи доказали ему, что придется раскошелиться на покупку мешка, чтобы донести деньги до дому, он согласился получить пятифунтовыми билетами.

— У моего сына, — начал м-р Уэллер, когда они вышли из банка, — у моего сына и у меня остается на сегодня еще

одно важное дело, и я бы хотел поскорее покончить с ним, а потому пойдемте прямехонько куда-нибудь в такое место, где можно свести все счета.

Вскоре отыскали тихую комнату, и счета были предъявлены и проверены. Счет м-ра Пеля был взят под подозрение Сэмом, и некоторые издержки не получили утверждения третейских судей; но, несмотря на заявление м-ра Пеля, скрепленные торжественными клятвами, будто с ним обошлись слишком сурово, эта операция оказалась самой выгодной из всех его юридических операций и на полгода обеспечила ему стол, квартиру и стирку белья.

Третейские судьи, пропустив по рюмочке, пожалы всем руки и удалились, так как им в тот же вечер предстояло уехать из города. М-р Соломон Пель, убедившись, что больше ничего не предвидится по части закуски или выпивки, дружески распрощался и ушел, оставив сына наедине с отцом.

— Ну вот! — сказал м-р Уэлер, пряча бумажник в боковой карман. — Тут у меня тысяча сто восемьдесят фунтов вместе с деньгами, полученными за продажу арендных прав. А теперь, Сэми, мой мальчик, правьте к „Джорджу и Ястребу“.

ГЛАВА LVI

М-р Пиквик и Сэмюел Уэлс ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета

М-р Пиквик сидел в одиночестве, размышляя о разнообразных предметах и между прочим о том, как ему обеспечить молодую чету, чье неопределенное положение внушало ему жалость и вызывало беспокойство, когда Мери легкой походкой вошла в комнату и, приблизившись к столу, быстро проговорила:

— Ах, будьте добры, сэр, Сэмюел ждет внизу и спрашивает, может ли его отец повидаться с вами.

— Разумеется, — отвечал м-р Пиквик.

— Благодарю вас, сэр, — сказала Мери, скользнув к двери.

— Сам давно ждет? — осведомился м-р Пиквик.

— О, нет, сэр, — с живостью отвечала Мери. — Он только что вернулся домой. Он говорит, что больше не будет присутствовать у нас в отпуске.

Быть может, Мери поняла, что эту последнюю новость она сообщила с большим воодушевлением, чем было не-

обходимо, или, быть может, она заметила добродушную улыбку, с какой взглянул на нее м-р Пиквик, когда она умолкла. Как бы то ни было, но она опустила голову и начала рассматривать уголок своего нарядного передника с таким вниманием, какое, казалось, ничем не было вызвано.

— Передайте им, чтобы они сейчас же шли сюда, — распорядился м-р Пиквик.

Мери с явным облегчением побежала исполнять приказание.

М-р Пиквик два раза прошелся по комнате, потирая подбородок левой рукой и, повидимому, о чем-то размышляя.

— Да, да, — сказал наконец м-р Пиквик кротким, но меланхолическим тоном, — это наилучший способ вознаградить его за преданность и любовь... Бог с ним, пусть так и будет. Такова участь одинокого старика: люди, его окружающие, отдаются новым привязанностям и покидают его. Я не имею права надеяться, что моя судьба будет иной. Да, да, — добавил м-р Пиквик, повеселев, — это было бы эгоистически и неблагородно. Я должен почитать себя счастливым, что имею возможность позаботиться о нем. И я счастлив. Конечно, счастлив.

М-р Пиквик был так поглощен этими мыслями, что стук в дверь повторился раза три-четыре, прежде чем он его услышал. Носпешно усевшись и вновь обретя свой обычный благодушный вид, он дал разрешение войти, и в комнату вошел Сэм Уэлер в сопровождении отца.

— Рад вас видеть, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Как поживаете, м-р Уэлер?

— Здоровехонек, благодарю вас, сэр, — ответил вдовец. — Надеюсь, вижу и вас в добром здравьи, сэр?

— Да, благодарю вас, — отозвался м-р Пиквик.

— Я хотел маленько потолковать с вами, сэр, если вы можете мне уделить минут пять, сэр, — сказал м-р Уэлер.

— Конечно, — ответил м-р Пиквик. — Сэм, подайте стул отцу.

— Спасибо, Сэмивел, я уже раздобыл себе, — сказал м-р Уэлер, придвигая стул. — На редкость прекрасная погода, сэр. —

добавил старый джентльмен, усаживаясь и кладя свою шляпу на пол.

— Действительно, превосходная. — подтвердил м-р Пиквик. — Как раз по сезону.

— Самая сезонистая погода, сэр, — подхватил м-р Уэлер. При этом у старого джентльмена начался жестокий приступ кашля, по окончании коего он кивнул головой, подмигнул и начал производить по адресу сына целый ряд умоляющих и угрожающих жестов, которых Сэм Уэлер упорно старался не видеть.

М-р Пиквик, заметив некоторое замешательство, обнаруженное старым джентльменом, разрезал лист лежавшей перед ним книги и терпеливо ждал, когда м-р Уэлер заговорит о цели своего посещения.

— Я никогда не видывал такого противного сына, как вы, Сэмивел, — сказал м-р Уэлер, с негодованием взирая на сына. — Отроду не видывал.

— Что он сделал, м-р Уэлер? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Не хочет начать, сэр, — отвечал м-р Уэлер. — Он знает, что я не мастер объясняться по таким особенным делам, и, однако, стоит и глазеет на меня, как я тут сижу, отнимаю ваше драгоценное время и из себя делаю регулярное зрелище. Нет, чтобы помочь мне хоть одним словечком! Это не сыновнее поведение, Сэмивел, — добавил м-р Уэлер, вытирая лоб, — совсем даже не сыновнее.

— Вы сказали, что говорить будете вы, — возразил Сэм. — Откуда же мне знать, что вы сплеховали в самом начале?

— Вы должны были видеть, что я не могу сниться с места, — перебил отец. — Я сбился с дороги и наткнулся на забор, и всякие неприятности со мной происходят, а вы даже не хотите протянуть мне руку помощи. Мне стыдно за вас, Сэмивел.

— Дело в том, сэр, — начал Сэм, слегка поклонившись, — что родитель получил деньги...

— Очень хорошо, Сэмивел, очень хорошо, — одобрил м-р Уэлер, кивая с довольным видом. — Я не хотел вас бранить,

Сэми. Очень хорошо. С этого и нужно начинать. Прямо к делу. Прекрасно, Сэмивел.

В знак полного своего удовлетворения м-р Уэлер кивнул несчетное число раз и в позе внимательного слушателя ждал, чтобы Сэм продолжал речь.

— Присядьте-ка, Сэм, — сказал м-р Пиквик, замечая, что визит тянется дольше, чем он предполагал.

Сэм снова поклонился и сел. Поймав на себе взгляд отца, он продолжал:

— Родитель, сэр, получил пятьсот тридцать фунтов.

— В пониженных консолях, — вполголоса присовокупил м-р Уэлер старший.

— Не все ли равно — в пониженных консолях или как-нибудь иначе? — возразил Сэм. — Получено пятьсот тридцать фунтов, да?

— Правильно, Сэмивел, — подтвердил м-р Уэлер.

— К этой сумме он прибавил то, что получил за дом и торговое дело...

— Арендные права, фирма, инвентарь, обстановка, — встал м-р Уэлер.

— И всего получилось тысяча сто восемьдесят фунтов, — продолжал Сэм.

— Вот как! — сказал м-р Пиквик. — Я очень рад. Поздравляю вас, м-р Уэлер, с такой удачей.

— Подождите минутку, сэр, — возразил м-р Уэлер, умоляюще поднимая руку. — Продолжайте, Сэмивел.

— Эти-вот самые деньги, — перешително заговорил Сэм, — он хочет положить в какое-нибудь надежное место, и я тоже этого хочу, потому что, останься они у него, он их будет раздавать взаймы, или поместит капитал в лошадей, или потеряет свой бумажник, — словом, как-нибудь да свалит египетскую мумию.

— Очень хорошо, Сэмивел, — одобрително заметил м-р Уэлер, словно Сэм воспевал хвалу его осторожности и предусмотрительности. — Очень хорошо.

— И по этим самым причинам, — продолжал Сэм, нервически теребя поля своей шляпы, — по этим самым причинам он

и взял сегодня все деньги и пришел сюда вместе со мной, чтобы сказать, или, нет, предположить, или, иначе говоря...

— Сказать это-вот, — нетерпеливо перебил м-р Уэлер, — что деньги эти мне ни к чему! Я регулярно езжу с каретой, и мне нигде их прятать, и, стало быть, придется платить кондуктору, чтобы он о них позаботился, или положить в одну из сумок кареты, а это будет соблазн для внутренних пассажиров. Если вы их припрячете для меня, сэр, я вам буду премного благодарен. Может быть, — добавил м-р Уэлер, наклонясь к м-ру Пиквику и шепча ему на ухо, — может быть, они вам понадобятся на расходы по этому-вот присуждению. А я вам одно скажу: держите их у себя, пока я за ними не приду.

С этими словами м-р Уэлер сунул бумажник в руки м-ру Пиквику, схватил шляпу и выбежал из комнаты с проворством, удивительным для такого тучного субъекта.

— Остановите его, Сэм! — с беспокойством воскликнул м-р Пиквик. — Догоните его, сейчас же приведите назад! М-р Уэлер, постойте, вернитесь!

Сэм понял, что приказание хозяина должно быть исполнено. Схватив отца за рукав, когда тот спускался с лестницы, он потащил его назад.

— Мой добрый друг, — сказал м-р Пиквик, беря за руку старика, — ваше почетное доверие меня смущает.

— Не о чем беспокоиться, сэр, — упрямо отвечал м-р Уэлер.

— Уверю вас, мой добрый друг, денег у меня больше, чем мне нужно, гораздо больше, чем успеет истратить человек моих лет.

— Никто не знает, сколько он может истратить, если сначала не попробует, — заметил м-р Уэлер.

— Быть может, вы правы, — отвечал м-р Пиквик, — но так как у меня нет желания проделывать такие опыты, то вряд ли мне грозит нищета. Очень прошу вас, м-р Уэлер, возьмите эти деньги.

— Очень хорошо, — мрачно сказал м-р Уэлер. — Сами, запомните мои слова: я выкину какую-нибудь отчаянную штуку с этими-вот деньгами — отчаянную!

— Лучше не надо, — отозвался Сэм.

М-р Уэллер призадумался, а затем, решительно застегнув сюртук, объявил:

— Я буду держать заставу.

— Что такое? — вскричал Сэм.

— Заставу, — повторил м-р Уэллер сквозь стиснутые зубы. — Буду держать заставу. Можете попрощаться с отцом, Сэмвел. Остаток своих дней я посвящу заставе.

Эта угроза была столь ужасна, а м-р Уэллер, повидимому твердо решивший привести ее в исполнение, был так глубоко задет отказом м-ра Пиквика, что сей джентльмен после недолгих размышлений сказал ему:

— Хорошо, м-р Уэллер, я оставлю у себя деньги. Мне удастся пристроить их лучше, чем это сделали бы вы.

— Совершенно верно, сущая правда! — просияв, воскликнул м-р Уэллер. — Конечно, вы их пристроите, сэр.

— Не будем больше говорить об этом, — сказал м-р Пиквик, запирая бумажник в письменный стол. — Я вам глубоко признателен, мой добрый друг. Присаживайтесь. Я хочу с вами посоветоваться.

Тихий смех, вызванный блестящим успехом его визита и не только отражавшийся на физиономии м-ра Уэллера, но и сотрясавший его туловище, руки и ноги, пока м-р Пиквик прятал бумажник, мгновенно уступил место величавой серьезности, когда он услышал эти слова.

— Сэм, пожалуйста, выйдите на несколько минут, — сказал м-р Пиквик.

Сэм немедленно удалился.

М-р Уэллер принял обычный мудрый вид и был весьма изумлен, когда м-р Пиквик начал свою речь такими словами:

— Вы, кажется, не сторонник брака, м-р Уэллер?

М-р Уэллер покачал головой. Он не мог выговорить ни слова: смутная догадка, что какой-то коварной вдове удалось завладеть м-ром Пиквиком, сковала ему язык.

— Быть может, вы случайно заметили молодую девушку там, внизу, когда пришли сюда вместе с сыном? — осведомился м-р Пиквик.

— Да. Я заметил молодую девушку, — лаконически ответил м-р Уэлер.

— Какого вы о ней мнения? Скажите откровенно, м-р Уэлер, какого вы о ней мнения?

— Мне она показалась пухленькая, и фигура аккуратная, — критическим тоном сообщил м-р Уэлер.

— Совершенно верно, — сказал м-р Пиквик. — Совершенно верно. А что вы скажете о ее манерах?

— Очень приятные, — отвечал м-р Уэлер. — Очень приятные и соответственные.

Точный смысл, придаваемый м-ром Уэлером этому последнему прилагательному, остался невыясненным, но, судя по тону, оно выражало благоприятный отзыв, и м-р Пиквик был удовлетворен, словно получил исчерпывающий ответ.

— Я принимаю в ней большое участие, м-р Уэлер, — сказал м-р Пиквик.

М-р Уэлер кашлянул.

— Я хочу сказать, что принимаю участие в ее судьбе, — продолжал м-р Пиквик. — Мне хочется, чтобы она была счастлива и обеспечена, понимаете?

— Прекрасно понимаю, — отвечал м-р Уэлер, решительно ничего не понимавший.

— Эта молодая особа, — сказал м-р Пиквик, — привязана к вашему сыну.

— К Сэмвелу Веллеру! — вскрикнул родитель.

— Да, — подтвердил Пиквик.

— Это натурально, — подумав, промолвил м-р Уэлер, — натурально, но не безопасно. Пусть Сэм остерегается.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил м-р Пиквик.

— Пусть остерегается, как бы чего-нибудь ей не сболтнуть, — пояснил м-р Уэлер. — Как-нибудь в простоте душевной скажет словечко, а потом, чего доброго, пожалуй в суд за то, что нарушил брачное обещание. От них не уберешься, м-р Пиквик, если уж они имеют на вас виды. И не угадаешь, что у них на уме, а пока сидишь да раздумываешь, — они тебя и поймают. Я и сам так женился в первый раз, сэр, а Сэм был последствием такого маневра.

— Вы не очень-то поощряете меня закончить то, что я начал говорить, — заметил м-р Пиквик, — но лучше уж сказать все сразу. Не только эта молодая особа привязана к нашему сыну, но и ваш сын к ней привязан, м-р Уэлер.

— Однако! — воскликнул м-р Уэлер. — Это-вот приятная новость для родительских ушей!

— Мне приходилось наблюдать за ними, — продолжал м-р Пиквик, не отвечая на последнее замечание м-ра Уэлера, — и я в этом совершенно уверен. Допустим, что я помог бы им устроиться, как мужу и жене, заняться каким-нибудь делом, которое дало бы им возможность жить безбедно, — что бы вы на это сказали, м-р Уэлер?

Сначала м-р Уэлер принял с кислой миной такое предложение, связанное с женитьбой человека, в чьей судьбе он был заинтересован, но когда м-р Пиквик стал его убеждать и особенно подчеркивал тот факт, что Мери не вдова, он начал понемножку сдаваться. М-р Пиквик имел на него большое влияние, а Мери поразила его своей наружностью: по правде говоря, он уже успел подмигнуть ей несколько раз отнюдь не по-отцовски. Наконец он объявил, что не ему противиться желаниям м-ра Пиквика, и он будет счастлив последовать его совету, после чего м-р Пиквик с удовольствием поймал его на слове и призвал Сэма.

— Сэм, — откашлявшись, сказал м-р Пиквик, — мы с вашим отцом беседовали о вас.

— О вас, Сэмивел, — подтвердил м-р Уэлер покровительственным и внушительным тоном.

— Я не слепой, Сэм, и давно уже заметил, что вы питаете более чем дружеские чувства к горничной м-с Уинкль, — продолжал м-р Пиквик.

— Вы это слышите, Сэмивел? — осведомился м-р Уэлер тем же поучительным тоном.

— Надеюсь, сэр, — сказал Сэм, обращаясь к своему хозяину, — надеюсь, сэр, ничего предосудительного нет в том, что молодой человек обращает внимание на молодую женщину, бесспорно хорошенькую и примерного поведения.

— Разумеется. — отвечал м-р Пиквик.

— Ясное дело, — согласился м-р Уэлер ласково, но с важностью.

— Я не только не вижу ничего предосудительного в таком поведении, которое считаю вполне естественным, — продолжал м-р Пиквик, — но я бы хотел вам помочь и пойти на встречу вашим желаниям. Вот потому-то я и имел разговор с вашим отцом, и убедившись, что он разделяет мое мнение...

— Раз эта особа не вдова, — вставил м-р Уэлер в виде пояснения.

— Раз эта особа не вдова, — с улыбкой повторил м-р Пиквик, — Я хочу освободить вас от тех обязанностей, какие в настоящее время вас связывают, и доказать вам свою благодарность за вашу преданность и многие прекрасные качества, давая возможность жениться немедленно на этой девишке и обеспечивая заработок, достаточный для вас и вашей семьи. Я буду горд, Сэм, — добавил м-р Пиквик, сначала говоривший дрожащим голосом, но постепенно овладевший собой, — горд и счастлив, если помогу вам устроиться в жизни.

На несколько мгновений воцарилось глубокое молчание, потом Сэм сказал тихо и хриплым голосом, но тем не менее очень твердо:

— Я вам премного благодарен, сэр, за вашу доброту, она как раз в вашем характере, но этого не может быть.

— Не может быть? — воскликнул изумленный м-р Пиквик.

— Сэмивед! — с достоинством произнес м-р Уэлер.

— Я говорю, что этого не может быть, — повысив голос, повторил Сэм. — А как вы без меня обойдетесь, сэр?

— Мой друг, — отвечал м-р Пиквик, — перемены, происшедшие в жизни моих друзей, отразятся также и на моей жизни. Вдобавок я старею и нуждаюсь в отдыхе и покое. Мои скитания кончились, Сэм.

— Как мне знать это-вог, сэр? — возразил Сэм. — Сейчас вы думаете так, а вдруг ваши желания изменятся, и это очень возможно, потому что у вас душа двадцатипятилетнего. Как вы тогда обойдетесь без меня? Этого не может быть, сэр.

— Очень хорошо, Сэмвел, в ваших словах много истинны, — поощрительно заметил м-р Уэлер.

— Я принял такое решение после долгих размышлений, Сэм, и, конечно, не изменю его, — покачивая головой, сказал м-р Пиквик. — Для меня настали новые времена. Конец скитаниям!

— Очень хорошо, сэр, — отвечал Сэм, — но по этой-то причине вы тем более должны держать при себе человека, который вас понимает и позаботится о ваших удобствах. Если вам нужен парень более вытощенный, чем я, ладно и хорошо, берите его, но за жалование или без жалования, с предупреждением об увольнении или без предупреждения, со столом или без стола, с квартирой или без квартиры, а Сэм Веллер, которого вы выбрали в старой гостинице в Баро, от вас не отойдет, что бы ни случилось. И пусть кто хочет старается, все равно никто этому помешать не может!

По окончании этой декларации, которую Сэм произнес с большим чувством, старший м-р Уэлер встал и, забыв о времени, месте и приличиях, замахал шляпой над головой и оглушительно крикнул три раза „ура“.

— Мой друг, — сказал м-р Пиквик, когда м-р Уэлер снова сел, слегка сконфуженный собственным энтузиазмом, — вы должны подумать и о молодой женщине.

— Я думаю о молодой женщине, сэр, — отвечал Сэм. — Я подумал о молодой женщине. Я с ней поговорил. Я ей объяснил свою ситуацию. Она готова ждать, пока все не наладится, и мне кажется, она так и сделает. А если нет, то стало быть, она не та женщина, за какую я ее принимал, и я готов от нее отказаться. Вы меня не первый день знаете, сэр. Я принял решение, и ничто не поможет его изменить.

Кто бы мог возражать против такого заявления? Во всяком случае не м-р Пиквик. В этот момент он чувствовал такую гордость и испытывал такую радость при виде бескорыстной привязанности своих скромных друзей, какой не пробудили бы в его сердце десятки тысяч заверений и дружбе самых великих людей.

Пока в комнате м-ра Пиквика шла такая беседа, в гостиной явился маленький старый джентльмен в костюме табачного цвета, сопровождаемый носильщиком с небольшим чемоданом. Условившись относительно ночлега, он осведомился у лакея, здесь ли остановилась некая м-с Уинкль, на что лакей отвечал, разумеется, утвердительно.

— Она одна? — спросил маленький джентльмен.

— Кажется, одна, сэр, — ответил лакей. — Я могу позвать ее горничную, сэр, если вы...

— Нет, она мне не нужна, — быстро перебил старый джентльмен. — Проводите меня в комнату леди без доклада.

— Как же, сэр? — переспросил лакей.

— Вы оглохли? — спросил маленький старый джентльмен.

— Нет, сэр.

— Ну, так слушайте. Сейчас вы меня хорошо слышите?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Проводите меня в комнату м-с Уинкль без доклада.

Давая такое распоряжение, маленький старый джентльмен сунул в руку лакея пять шиллингов и пристально посмотрел на него.

— Право, сэр, — начал лакей, — я не знаю, сэр, можно ли...

— А, понимаю, вы согласны, — перебил маленький старый джентльмен. — Ну, так сделайте это сейчас же. Незачем терять время.

В манерах джентльмена было что-то столь хладнокровное и сдержанное, что лакей сунул пять шиллингов в карман и повел его наверх, не проронив ни слова.

— Вот эта комната? — спросил джентльмен. — Можете идти.

Лакей повиновался, недоумевая, кто бы мог быть этот джентльмен и что ему нужно. Маленький старый джентльмен выждал, пока он не скрылся из виду, а затем постучал.

— Войдите, — сказала Арабела.

— Гм... голос во всяком случае приятный, — пробормотал маленький старый джентльмен, — а впрочем, это ничего не значит.

С этими словами он открыл дверь и вошел. Арабела, сидевшая за работой, встала при виде незнакомца и слегка смутилась, но в этом смущении была грация.

— Пожалуйста, не вставайте, сударыня, — сказал неизвестный, войдя и прикрыв за собой дверь. — Если не ошибаюсь, м-с Уинкль?

Арабела наклонила голову.

— М-с Нетениел Уинкль, которая вышла замуж за сына старика из Бермингема? — продолжал незнакомец, с явным любопытством разглядывая Арабелу.

Арабела снова наклонила голову и с беспокойством огляделась, словно колеблясь, не позвать ли на помощь.

— Вы, кажется, удивлены, сударыня, — заметил старый джентльмен.

— Да, признаюсь, — отвечала Арабела, недоумевая еще больше.

— Если вы разрешите, сударыня, я сяду, — сказал незнакомец.

Он уселся и, достав из кармана футляр, неспеша извлек из него очки, которые водрузил на нос.

— Вы меня не знаете, сударыня? — спросил он, так пристально глядя на Арабелу, что та начала волноваться.

— Не знаю, сэр, — робко отозвалась она.

— Ну, конечно, — сказал джентльмен, обхватив руками левую ногу. — Откуда вам меня знать? Но моя фамилия вам известна, сударыня.

— Неужели? — промолвила Арабела и задрожала, сама не зная почему. — Может быть, вы ее скажете?

— Успеется, сударыня, успеется, — отвечал незнакомец, не сводя глаз с ее лица. — Вы недавно вышли замуж, сударыня?

— Да, недавно, — чуть слышно сказала Арабела, откладывая свою работу и начиная все сильнее волноваться от одной мысли, которая мелькнула у нее раньше, а сейчас снова пришла ей в голову.

— Вышла замуж, не объяснив своему мужу, что следовало бы сначала посоветоваться с его отцом, от которого он, кажется, зависит?

Арабела прижала носовой платок к глазам.

— Вышли замуж, даже не попытавшись как-нибудь стороной узнать, каково отношение старика к этому вопросу, которым он, само собой разумеется, должен интересоваться? — настаивал незнакомец.

— Я этого не отрицаю, сэр, — сказала Арабела.

— Вышли замуж, не имея своего собственного приличного состояния, чтобы оказывать мужу поддержку взамен тех мирских благ, которые, как нам известно, были бы ему предоставлены, если бы он женился, считаясь с волей отца? — продолжал старый джентльмен. — Мальчики и девочки называют это бескорыстной любовью, пока не обзаведутся своими собственными мальчиками и девочками, а потом уже они совсем по-иному и гораздо грубее смотрят на это дело.

Арабела заливалась слезами, говоря в свое оправдание, что она молода и неопытна, только любовь побудила ее совершить этот шаг, и что она чуть ли не с самого детства была лишена родительских советов и руководства.

— Это дурно, — сказал старый джентльмен более мягким тоном, — очень дурно. Глупо, романтически и легкомысленно.

— Это я виновата. я одна, сэр, — плача, отозвалась бедная Арабела.

— Вздор! — сказал старый джентльмен. — Полагаю, вы не виноваты в том, что он в вас влюбился. А впрочем, — добавил он, лукаво посмотрев на Арабелу, — вы и в самом деле виноваты. Как было ему не влюбиться?

Этот маленький комплимент или странная манера, с какой он был сделан, или изменившееся обращение старого джентльмена, или наконец и то, и другое, и третье заставило Арабелу улыбнуться сквозь слезы.

— Где ваш муж? — резко спросил старый джентльмен, прогнав улыбку, осветившую и его собственную физиономию.

— Я его жду с минуты на минуту, сэр, — отвечала Арабела. — Я его уговорила пойти погулять. Он не получает никаких известий от отца и очень удручен.

— Удручен, вот как? — сказал старый джентльмен. — Поделом ему.

— Боюсь, что он страдает за меня, — добавила Арабела, — а я, сэр, глубоко страдаю за него. Ведь я навлекла на него это несчастье.

— Не беспокойтесь о нем, моя дорогая, — сказал старый джентльмен. — Поделю ему. Я очень рад, чрезвычайно рад — поскольку это его касается.

Едва эти слова сорвались с уст старого джентльмена, как на лестнице послышались шаги, которые как будто узнали в одно время и он и Арабела. Маленький джентльмен побледнел и, овладев собой, встал, когда м-р Уинкль вошел в комнату.

— Отец! — воскликнул м-р Уинкль, понягившись от изумления.

— Он самый, сэр, — отозвался маленький старый джентльмен. — Ну, сэр, что вы имеете мне сказать?

М-р Уинкль молчал.

— Надеюсь, вы стыдитесь самого себя, сэр? — спросил старый джентльмен.

М-р Уинкль все еще молчал.

— Стыдитесь вы себя, сэр, или не стыдитесь? — осведомился старый джентльмен.

— Нет, сэр, — ответил м-р Уинкль, беря под руку Арабелу, — я не стыжусь ни себя, ни своей жены.

— Вот как! — иронически воскликнул старый джентльмен.

— Я очень сожалею, если мой поступок повлиял на вашу любовь ко мне, сэр, — сказал м-р Уинкль, — но должен сказать, что нет оснований стыдиться, когда я называю эту леди своей женой, а вы — своей дочерью.

— Вашу руку, Нет! — воскликнул старый джентльмен изменившимся голосом. — Поделайте меня, моя милочка. В конце концов вы очаровательная невестка!

Спустя несколько минут м-р Уинкль отправился отыскивать м-ра Пиквика и, вернувшись с этим джентльменом, представил его своему отцу, после чего они без устаны пожмали друг другу руки в течение пяти минут.

— М-р Пиквик, я вам глубоко признателен за вашу доброту к моему сыну, — сказал м-р Уинкль с грубоватой пря-

молчаливостью. — Я человек вспыльчивый, а когда мы в последний раз с вами виделись, я был раздражен и застигнут врасплох. Теперь я сам все проверил и больше чем удовлетворен. Нужно приносить еще какие-нибудь извинения, м-р Пиквик?

— Никаких, — отвечал сей джентльмен. — Вы сделали как раз то, чего мне не хватало для полноты моего счастья.

После этого начались новые рукопожатия, тянувшиеся пять минут и сопровождавшиеся многочисленными комплиментами, каковые, впрочем, отличались тем добавочным и доселе невиданным преимуществом, что были вполне искренни.

Сэм, исполняя сыновний долг, проводил своего отца до "Прекрасной Дикарки" и, вернувшись оттуда, встретил в переулке жирного парня, которому Эмили Уордль поручила отнести какую-то записку.

— Послушайте, — сказал Джо с непривычной для него болтливостью, — какая хорошенькая девушка Мери! Я от нее без ума!

М-р Уэлер не дал никакого словесного ответа, но, ошеломленный такой самонадеянностью жирного парня, воззрился на него, затем взял за шиворот, довел до угла и на предложение угостить его безболезненным, но церемонным пинком, после чего, насвистывая, пошел домой.

ГЛАВА LVII

в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию

В течение целой недели после счастливого прибытия м-ра Уинкля из Бермингема м-р Пиквик и Сэм Уэлер отсутствовали с утра до вечера, возвращаясь только к обеду, и имели вид таинственный и многозначительный, совершенно несвойственный их натурам. Было ясно, что надвигаются весьма серьезные и знаменательные события, но различные догадки касательно характера этих событий ни к чему не приводили. Иные (в том числе м-р Таумен) готовы были предположить, что м-р Пиквик помышляет о супружеских узах, но дамы энергически отвергали такую догадку. Другие склонялись к тому, что он хочет отправиться в далекое путешествие и в настоящее время занят приготовлениями к нему, но и это предположение было категорически опровергнуто самим Сэмом, который был допрошен Мерп и решительно заявил, что никаких новых путешествий больше не предвидится. Наконец, когда у всех помутилось в голове от шестидневных бесплодных размышлений, было единогласно решено потребовать от м-ра Пиквика, чтобы он объяснил

свое поведение и ясно изложил, почему он не появляется в кругу своих преданных друзей.

С этой целью м-р Уордль пригласил всю компанию на обед в Эдельфи, и, когда графини дважды обошли вокруг стола, приступил к делу.

— Все мы горим желанием узнать, — сказал пожилой джентльмен, — чем мы вас обидели и почему вы нас покидаете и предаетесь уединенным прогулкам?

— Как странно! — сказал м-р Пиквик. — Как раз сегодня я собираюсь дать вам полное объяснение. Если вы мне нальете еще стаканчик вина, я удовлетворю ваше любопытство.

Графини с необычайной поспешностью заходили из рук в руки, и м-р Пиквик, весело улыбувшись, окинул взглядом своих друзей и приступил к объяснениям.

— События, происшедшие в нашем кругу, — начал м-р Пиквик, — я имею в виду брак уже заключенный и брак еще предстоящий, — и перемены, с ними связанные, побуждали меня обдумать трезво и не откладывая мои планы на будущее. Я решил удалиться в какое-нибудь тихое и красивое местечко в окрестностях Лондона. Я нашел дом, отвечающий всем моим требованиям, я снял его и меблировал. Сейчас все приготовления закончены, и я намерен переехать туда немедленно, в надежде прожить еще много лет в мирном уединении, скрашивая свои дни обществом друзей и в надежде после смерти остаться в их памяти.

Тут м-р Пиквик сделал паузу, и вокруг стола пронесся тихий шопот.

— Дом, который я снял, — продолжал м-р Пиквик, — находится в Даличе 1. При нем небольшой сад, а расположен он в одном из очаровательнейших уголков близ Лондона. Он обставлен вполне комфортабельно и, пожалуй, даже изышно, но об этом вы будете судить сами. Сэм переезжает туда вместе со мной. По рекомендации Перкера, я нанял экономку — очень старую — и тех слуг, какие, по ее мнению, мне нужны. Я хотел бы освятить свое маленькое убежище, предоставив его для совершения одной церемонии, к которой я отношусь с глубоким

интересом. Если мой друг Уордль не возражает, мне бы хотелось, чтобы свадьба его дочери была отпразднована в моем новом доме в тот день, когда я туда перееду. Счастье молодежи, — с чувством добавил м-р Пиквик, — всегда доставляло мне величайшую радость. Весело будет у меня на сердце, когда я под собственной кровлей буду свидетелем счастья самых дорогих для меня друзей.

М-р Пиквик снова сделал паузу. Эмили и Арабела громко всхлипывали.

— Я и лично и письменно известил о своем намерении членов клуба, — продолжал м-р Пиквик. — За время нашего длительного отсутствия жестокие разногласия имели место в клубе, а мой уход с связи с некоторыми другими обстоятельствами привел к роспуску его. Пиквикский клуб больше не существует. Я никогда не пожалею, — тихим голосом добавил м-р Пиквик, — я никогда не пожалею о том, что посвятил почти два года общению с самыми разнообразными людьми, хотя мои поиски новых впечатлений могут многим показаться легкомысленными. Чуть ли не вся моя жизнь была посвящена делам и погоне за богатством, а теперь передо мной открылось то, о чем я до сей поры не имел представления, — надеюсь, к просвещению моего ума и углублению моего разума. Если я мало сделал добра, то смею думать, что зла я причинил еще меньше, и все мои приключения послужат источником занимательных и приятных воспоминаний на склоне моей жизни. Бог да благославит всех вас!

С этими словами м-р Пиквик, дрожащей рукой наполнив свой бокал, осушил его, и прослезился, когда его друзья разом встали и с воодушевлением провозгласили тост за его здоровье.

К свадьбе м-ра Снодграса не требовалось почти никаких приготовлений. Так как у него не было ни отца, ни матери и до своего совершеннолетия он находился под опекой м-ра Пиквика, то сей джентльмен прекрасно знал его материальное положение и виды на будущее. Сделанный м-ром Пиквиком отчет касательно обоих пунктов вполне удовлетворил м-ра Уордля, — как, впрочем, удовлетворил бы его лю-

бой отчет, ибо добрый старый джентльмен находился в чрезвычайно веселом и благодушном расположении духа, а когда Эмили было выдано хорошее приданое, свадьбу назначили через три дня, и такая поспешность почти довела до сумасшествия трех портних и одного портного.

Заложив почтовых лошадей в свой экипаж, старик Уордль уехал на следующий же день, чтобы привезти свою мать в город. Когда он со свойственной ему стремительностью сообщил новость старой леди, та мгновенно упала в обморок, но быстро ожила и, приказав немедленно уложить парчевое платье, принялась рассказывать о некоторых подобных же обстоятельствах, связанных со свадьбой старшей дочери покойной леди Толнглауер, причем рассказ длился три часа и не был доведен до середины.

Нужно было уведомить м-с Трандль о великих приготовлениях, происходивших в Лондоне, а так как она находилась в деликатном положении, то м-р Трандль сам сделал это сообщение, опасаясь, как бы новости не слишком на нее повлияли. Но они не слишком на нее повлияли, ибо она тотчас же написала в Магльтон, где заказала новую шляпку и черное атласное платье, и вдобавок заявила о своем решении присутствовать при церемонии. Тогда м-р Трандль призвал доктора, а доктор сказал, что м-с Трандль сама должна знать лучше всех, как она себя чувствует. На это м-с Трандль ответила, что она чувствует себя прекрасно, и решила ехать. Тогда доктор, который был человек мудрый и рассудительный и умел блюсти не только чужие интересы, но и свои собственные, сказал, что — останься м-с Трандль дома, она будет волноваться и, пожалуй, еще больше себе повредит, а стало быть, пусть она едет. И она поехала. А доктор очень заботливо прислал с подюжины микстур с предписанием принимать их в дороге.

В разгар всей этой суматохи Уордлю было поручено передать два письма двум молодым леди, которых просили быть подружками. Но получении этих писем обе молодые леди пришли в отчаяние, ибо у них не было „вещей“, подходящих для столь важного события, и не хватало времени при-

готовить их, — обстоятельство. казалось, доставившее двум достойным панашам двух молодых леди скорее удовольствие, чем неудовольствие. Впрочем, были переделаны старые платья и заказаны новые шляпки, и молодые леди были так очаровательны, как только можно было от них ожидать. А так как при совершении обряда они плакали в подобающих местах и дрожали в надлежащее время, то привели в восторг всех зрителей.

Как добрались до Лондона двое бедных родственников, — пригласились ли они пешком, поместились ли на запятках, подвезли ли их на телеге, или они по очереди несли друг друга на руках, — остается невыясненным. Как бы там ни было, но они опередили Уордла. И в день свадьбы первыми гостями, стучавшимися в дверь м-ра Пиквика, были двое бедных родственников, улыбавшихся и сиявших воротничками.

Впрочем, их приняли радушно, ибо бедность или богатство не имели значения в глазах м-ра Пиквика. Новые слуги были расторопны и усердны. Сам удивительно весел и оживлен, а Мери блистала красотой и изящными ботинками.

Жених, который последние два-три дня проживал в доме м-ра Пиквика, галантно выехал навстречу невесте в далекую церковь, сопровождаемый м-ром Пиквиком, Беном Эленом, Бобом Сойером и м-ром Тапменом; Сам Уэлер, помещавшийся на запятках, был одет в новую великолепную ливрею, спшитую специально для этого дня, с белой ленточкой в петлице — подарком его дамы сердца. Их встретили Уордл, невеста, подружки и Трандл, а по окончании церемонии кареты покатили обратно к дому м-ра Пиквика, где был приготовлен завтрак и где их уже ждал маленький м-р Перкер.

Здесь рассеялись легкие облачка, навесившие торжественной церемонией; все лица просияли, и ничего не слышно было, кроме поздравлений и комплиментов. Все казалось таким красивым: лужайка перед окнами, сад позади дома, миниатюрная оранжерея, столовая, гостиная, спальня, курительная комната, а в особенности кабинет с картинами, креслами, старинными шкатулками, оригинальными столиками и множеством книг, с большим светлым окном, откуда откры-

вался вид на веселую лужайку, а вдали разбросаны были домики, полускрытые деревьями, — кабинет с портретами, коврами, стульями и диванами! Все было так красиво, так изящно, так аккуратно, все свидетельствовало о таком изысканном вкусе, что, по мнению присутствующих, трудно было решить, чем следует восхищаться.

А посреди этой комнаты стоял м-р Пиквик. Лицо его сияло улыбками, перед которыми не могло бы устоять ни сердце мужчины, ни сердце женщины, ни сердце ребенка. Сам он был счастливейшим в этой компании, снова и снова пожимал руки все тем же людям, а когда его собственные руки были свободны, — с удовольствием их потирал; озирался при каждом новом восклицании, выражавшем восторг или любопытство, и всех заражал своим весельем.

Завтрак подан. М-р Пиквик усаживает старую леди (которая очень красноречиво повествовала о леди Толмглауер) во главе стола; Уордль занимает место против нее; друзья размещаются по обе стороны стола; Сам становится за стулом своего хозяина. Смех и болтовня стихают. М-р Пиквик, прочитав молитву, умолкает на секунду и озирается. От избытка счастья слезы струятся у него по щекам.

Расстанемся с нашим старым другом в одну из тех минут неомраченного счастья, которые, если мы будем их искать, скрашивают иногда нашу преходящую жизнь. Есть темные тени на земле, но тем ярче кажется свет. Иные люди, подобно летучим мышам или совам, лучше видят в темноте, чем при свете. Мы, не наделенные такими органами зрения, предпочитаем бросить последний прощальный взгляд на призрачных товарищей многих часов одиночества в тот момент, когда на них падает яркий солнечный свет.

Такова участь большинства людей, которые соприкасаются с миром, — в расцвете лет они приобретают истинных друзей и теряют их, повинувшись законам природы. Такова участь всех писателей и летописцев, — они создают воображаемых друзей и теряют их, повинувшись законам творчества. Но этого мало: от них требуется отчет о дальнейшей судьбе воображаемых друзей.

Подчинясь этому обычаю — бесспорно тягостному, — мы приводим кое-какие биографические сведения о лицах, собравшихся в доме м-ра Пиквика.

М-р и м-с Уинкль, окончательно завоевав расположение м-ра Уинкля старшего, вскоре поселились в новом доме на расстоянии полумили от м-ра Пиквика. М-р Уинкль, служа в Сити агентом или корреспондентом своего отца, заменил свое прежнее платье костюмом рядового англичанина и с той поры обрел внешность дивилизованного христианина.

М-р и м-с Снодграс обосновались в Дингле-Дэле, где купили маленькую ферму и занялись хозяйством скорее для развлечения, чем с целью наживы. М-р Снодграс, предаваясь иногда рассеянности и меланхолии, слывет и по сей день великим поэтом среди своих друзей и знакомых, хотя нам неизвестно, чтобы он хоть какими-нибудь писаниями поощрял такую уверенность. Много есть знаменитых людей, литераторов, философов и т. д., чья репутация зиждется на таком же фундаменте.

М-р Тапмен нанял квартиру в Ричмонде *, где проживает с тех пор, как его друзья женились, а м-р Пиквик избрал оседлый образ жизни. В летние месяцы он постоянно прогуливается по Террасе, имея вид юношеский и игривый, чем завоевал восхищение многих пожилых и одиноких леди, обитающих в этих краях. Больше он никогда не делал предложения.

М-р Боб Сойер, понав предварительно в „Газету“ *, попал затем в Бенгалию, в сопровождении м-ра Бенджемина Элена; оба джентльмена были приняты Ост-Индской компанией на должность хирургов. Оба четырнадцать раз переболели желтой лихорадкой, а затем решили испробовать метод воздержания и с тех пор зажили благополучно.

М-с Бардль сдает комнаты многим приятным холостым джентльменам с большой для себя выгодой, но никого не привлекает к суду за нарушение брачного обещания. Ее атерни, м-ры Додсон и Фог, попрежнему занимаются своей профессией, получая солидные барыши и пользуясь репутацией самых ловких людей.

Сэм Уэлер сдержал свое слово и оставался холостым два года. По прошествии этого времени умерла старая экономка, и м-р

Пиквик возвел на ее место Мери при условии, чтобы она немедленно вышла замуж за м-ра Уэлера, что она и исполнила безропотно. Судя по тому, что у калитки сада постоянно вертятся два толстых мальчугана, можно предположить, что Сэм обзавелся семьей.

М-р Уэлер старший в течение года ездил с каретой, но, заболев подагрой, вынужден был подать в отставку. Впрочем, содержимое бумажника было так удачно помещено м-ром Пиквиком, что он имеет теперь независимое состояние и живет в превосходном дворе около Шутерс-хила*, где его почитают как оракула, а он хвастается своей дружбой с м-ром Пиквиком и попрежнему питает непреодолимое отвращение к вдовам.

М-р Пиквик живет в своем новом доме, посвящая часы досуга приведению в порядок своих записок, каковые он презентовал впоследствии секретарю некогда знаменитого клуба, или слушая, как Сэм Уэлер читает вслух и сопровождает чтение приходящими ему на ум замечаниями, которые неизменно доставляют м-ру Пиквику величайшее удовольствие. Сначала его весьма тревожили м-р Снодграс, м-р Уинкль и м-р Трандль, неустанно обращавшиеся к нему с просьбой крестить их отпрысков, но теперь он привык к этому и исполняет свои обязанности в порядке текущей работы. Ему ни разу не пришлось пожалеть о благодеяниях, оказанных Джинглю, ибо и этот субъект и Джоб Тротер сделались со временем достойными членами общества, хотя упорно отказывались вернуться в те места, где некогда подвизались и уступали соблазнам. М-р Пиквик начал прихварывать; впрочем, он сохраняет юношескую бодрость духа, и его нередко можно застать любующимся картинами в Даллсской Галлерее* или прогуливающимся в ясный день по красивым окрестностям. Его знают все местные бедняки, которые всегда с глубоким почтением снимают шапки, когда он проходит мимо. Дети его боготворят; впрочем, так же относится к нему и все местное население. Каждый год он отправляется на торжественное семейное празднество к м-ру Уордлю, и куда бы он ни ездил, его неизменно сопровождает верный Сэм, связанный со своим хозяином крепкой и взаимной любовью, конец которой может положить только смерть.

Приложение

ЧАСЫ МАСТЕРА ХАМФРИ

(ОТРЫВКИ)

FROM BOSTON TO NEW YORK
BY RAILROAD

I

*Гость мастера Хамфри*¹

Когда я впадаю в задумчивость, мне часто удается отвести поток печальных мыслей, вызывая ряд фантастических ассоциаций, связанных с окружающими предметами, и размышляя о сценах и действующих лицах, подсказываемых ими.

Эта привычка привела к тому, что каждая комната в моем доме и каждый старый портрет, взирающий со стены, возбуждают во мне особый интерес. Например, я убежден, что величавая, устрашающая своей суровой благопристойностью дама, которая висит над камином в моей спальне, была некогда владелицей этого дома. Во дворе внизу находится высеченное из камня лицо, исключительно уродливое, в котором я почему-то, — боюсь, в силу своеобразной ревности, — вижу лицо ее супруга. Над моим кабинетом расположена маленькая комнатка с плющом, пробивающимся сквозь оконную решетку; из этой комнаты я привожу их дочь, очаровательную девушку

¹ В 1839—1840 гг. Дикенс задумал своеобразное издание, полностью не осуществленное им (см. Комментарий, § 15) Попыткой выполнения задуманного плана были Часы мастера Хамфри, в которых вновь выступают главные персонажи Записок Пиквикского клуба. Здесь воспроизведены те главы Часов, в которых фигурируют герои Записок.

лет восемнадцати-девятнадцати, покорную и послушную во всех отношениях, за исключением тех случаев, когда затрогивается ее глубокая привязанность к молодому джентльмену на лестнице, чья бабушка (которую спровадили в заброшенную прачечную в саду) кичится старой семейной ссорой и является неумолимым врагом их любви. Пользуясь таким же материалом, я сочиняю немало маленьких драм, главное достоинство коих заключается в том, что я могу по собственному желанию привести их к благополучной развязке. Столько их у меня в голове, что если бы я, вернувшись вечером домой, застал какого-нибудь грубоватого старца, насчитывающего двести лет и комфортабельно расположившегося в моем кресле, и страдающую от несчастной любви девушку, тщетно взывающую к его жестокому сердцу и опирающуюся своей белой рукою на мои часы, я уверен, что выразил бы только изумление, почему они заставили меня ждать так долго и до сих пор не удостоивали своим посещением.

В таком расположении духа я сидел вчера утром в своем саду, в тени любимого дерева, упиваясь всем этим расцветом и очарованием, разлитым вокруг, и чувствуя, как оживают надежды и радость благодаря этой прекраснейшей поре года — весне, как вдруг мои размышления были прерваны неожиданным появлением моего цирюльника в конце аллеи, который — я тотчас же заметил — направлялся ко мне быстрым шагом, предвещавшим нечто знаменательное.

Мой цирюльник всегда очень живой, суетливый, проворный человек, — он весь кругленький, не будучи ни толстым, ни громоздким, — но вчера его стремительность была столь необычна, что повергла меня в изумление. Не мог я также не заметить, когда он подошел ко мне, что его серые глаза поблескивали в высшей степени странно, что его маленький красный нос пылал необычайно, что каждая линия на его круглом веселом лице сократилась и завилась, выражая приятное изумление, а вся его физиономия сияла от удовольствия. Я удивился еще больше, когда заметил, что моя экономка, которая всегда сохраняет весьма степенный вид и боится уронить собственное достоинство, выглядывала из-за изгороди в конце аллеи и обменивалась

кивками и улыбками с цирюльником, который раза два или три оглянулся для этой цели. Я не представлял себе, к какому сообщению может служить прелюдией подобное поведение, разве что они в то утро заключили брачный союз.

В результате я был слегка разочарован, когда обнаружилось всего-навсего, что пришел какой-то джентльмен, который желает со мной поговорить.

— А кто он такой? — спросил я.

Цирюльник, еще туже подвинтив свою физиономию, ответил, что джентльмен не пожелал себя назвать, но хочет меня видеть. Я на секунду призадумался, недоумевая, кто бы мог быть этот посетитель, и заметил, что цирюльник, воспользовавшись случаем, обменялся еще одним кивком с экономкой, которая не двигалась с места.

— Ну, что ж! — сказал я. — Просите этого джентльмена пожаловать сюда.

Эти слова как будто увенчали надежды цирюльника, ибо он круто повернулся и буквально побежал.

Дальнозоркостью я не отличаюсь, и когда джентльмен только что появился в аллее, я не мог разглядеть, знаком я с ним или нет. Это был пожилой джентльмен, но шел он легко и быстро, обнаруживая приятнейшие манеры, обходя садовый каток и бордюры клумб с неподражаемой ловкостью, пробираясь между цветочными горшками и улыбаясь с невыразимым добродушием. Не успел он дойти до середины аллеи, как уже начал приветствовать меня; тогда мне показалось, что я его знаю; но когда он ко мне приблизился с шляпой в руке, и солнце осветило его лысую голову, его кроткое лицо, блестящие очки, светлорыжие, плотно облегающие брюки и черные гетры, тогда меня повлекло к нему, и я окончательно уверился в том, что это — м-р Пиквик.

— Мой дорогой сэр, — сказал джентльмен, когда я встал чтобы приветствовать его, — прошу вас, сядьте. Пожалуйста, садитесь. Нет, не стойте из-за меня. Право же, я на этом настаиваю.

С этими словами м-р Пиквик деликатно принудил меня сесть и, взяв меня за руку, потряс ее еще и еще раз с сердечностью, поистине покоряющей. Я постарался выразить и

своем приветствии ту радость и удовольствие, какие вызвало его появление, и заставил его сесть рядом со мной. В это время он то выпускал, то снова хватал мою руку и смотрел на меня сквозь очки с такой сияющей физиономией, какой я никогда не видывал.

— Вы меня сразу узнали! — воскликнул м-р Пиквик. — Как приятно сознавать, что вы меня сразу узнали!

Я ответил, что читал очень часто его приключения, и его лицо хорошо знакомо мне по портретам. Я выразил ему свое соболезнование, — считая, что случай благоприятствует упоминанию об этом, — по поводу разных пасквилей на его особу, появлявшихся в печати. М-р Пиквик покачал головой и на секунду принял весьма негодующий вид, но тотчас же улыбнулся снова и заявил, что я, конечно, знаком с прологом Сервантеса ко второй части „Дон-Кихота“, а сей пролог вполне выражает его отношение к данному вопросу.

— Но, послушайте, — сказал м-р Пиквик, — неужели вас не интересует, как я вас отыскал?

— Я не буду интересоваться этим, и, с вашего позволения, пусть это останется для меня неизвестным, — сказал я, улыбаясь в свою очередь. — Достаточно, что вы доставили мне это удовольствие. Я отнюдь не хочу, чтобы вы мне сообщали, каким путем я его получил.

— Вы очень любезны, — отвечал м-р Пиквик, снова пожимая мне руку, — таким я вас себе и представлял! Но как вы думаете, с какой целью я вас отыскал, мой дорогой сэр? Ну как вы думаете, зачем я пришел?

М-р Пиквик задал этот вопрос с таким видом, словно считал морально невозможным, чтобы я каким бы то ни было образом угадал тайную цель его посещения, каковая должна быть сокрыта от всего человечества. Поэтому, хотя я и радовался тому, что предугадал его намерение, но притворился, будто понятия о нем не имею, и, после недолгого раздумья, безнадежно покачал головой.

— А что бы вы сказали, — начал м-р Пиквик, прикасаясь указательным пальцем левой руки к моему рукаву, и посмотрел на меня, откинув назад голову и слегка склонив ее набок, —

что бы вы сказали, если бы я признался, что, прочитав ваш отчет о вас самих и вашем маленьком обществе, я пришел сюда в качестве скромного кандидата на одно из этих свободных мест?

— Я бы сказал, — отвечал я, — что мне известно только одно обстоятельство, которое могло бы сделать для меня еще милее это маленькое общество, а именно — вступление в него моего старого друга... — разрешите мне назвать вас так — моего старого друга, м-ра Пиквика.

Когда я дал ему такой ответ, все черты лица м-ра Пиквика расплылись, выражая полнейший восторг. Сердечно пожав мне обе руки сразу, он легонько похлопал меня по спине, а затем — причина была мне понятна — покраснел до самых глаз и с величайшей серьезностью выразил надежду, что он не причинил мне боли.

Если бы даже мне было больно, я предпочел бы, чтобы он совершил такое преступление стократно, только бы не волновался, но так как никакого вреда он мне не причинил, я без труда переменял тему разговора, задав вопрос, который уже раз двадцать вертелся у меня на языке.

— Вы мне ни слова не сказали, — заметил я, — о Сэме Уэлере.

— О! — отозвался м-р Пиквик. — Сэм ничуть не изменился. Все тот же верный, преданный друг, каким был раньше. Что сказать вам о Сэме, мой дорогой сэр, кроме того, что с каждым днем он становится все более необходимым для моего счастья и благополучия?

— А м-р Уэлер старший? — спросил я.

— Старый м-р Уэлер, — отвечал м-р Пиквик, — изменился отнюдь не больше, чем Сэм, — пожалуй, стал только чуточку более самоуверенным, чем был прежде, и иной раз более болтлив. Теперь он проводит много времени в наших краях и определил себя в штат моих телохранителей, и если я попрошу для Сэма местечка в вашей кухне в „вечера часов“ (предположив, что ваши трое друзей сочтут меня достойным занять среди них место), то боюсь, что мне придется частенько приводить и м-ра Уэлера.

Я с большой охотой обязался предоставить как Сэму, так и его отцу свободный доступ в мой дом в любой час дня и в любую пору года, и, покончив с этим пунктом, мы завели длинный разговор, который поддерживался обеими сторонами с такой непринужденностью, словно мы были близкими друзьями с юных лет, и который укрепил во мне приятную уверенность в том, что бодрый дух м-ра Пиквика, равно как и все прежние черты его жизнерадостного характера нисколько не пострадали. Так как он выразил сомнение по поводу соглашения моих друзей, я заверил его, что его предложение будет несомненно принято ими с величайшим удовольствием, и несколько раз просил разрешения представить его Джеку Редберну и мистеру Майльсу (которые находились поблизости) без дальнейших церемоний.

Однако деликатность м-ра Пиквика категорически запретила ему пойти на это предложение, ибо он утверждал, что вопрос о его избрании должен быть обсужден формально, и пока это не будет сделано, он не может помыслить о том, чтобы навязывать свою особу. Мне удалось добиться от него только обещания присутствовать на следующем нашем вечернем собрании, дабы я тотчас же после избрания имел удовольствие его представить.

М-р Пиквик, раскрасневшись, вручил мне свернутую в трубку бумагу, которую он назвал своей „квалификацией“, и задал великое множество вопросов касательно моих друзей, а в особенности Джека Редберна, коего он называл „чудесным человеком“ и в чью пользу был, повидимому, весьма расположен. Удовлетворив его любопытство, я повел его к себе, чтобы он мог ознакомиться со старой комнатой, где происходят наши собрания.

— А это часы! — воскликнул м-р Пиквик, останавливаясь. — Ах, боже мой! Это и в самом деле старинные часы!

Я думал, что он никогда от них не оторвется. Мягко подойдя и прикоснувшись к ним с таким почтением и так приветливо, словно они были живые, он принялся исследовать их решительно со всех сторон, — то взбирался на стул, чтобы взглянуть на верхушку, то опускался на колени, чтобы осмотреть

низ, то обозревал их с боков, причем очки его почти касались футляра, то старался заглянуть в щель между ними и стеной, чтобы рассмотреть их сзади. Затем он отступал на шаг — на два и выглядывал на циферблат, чтобы удостовериться, что они идут, а затем приближался снова и стоял, склонив голову набок, чтобы послушать тиканье, — не забывая при этом помахивать на меня через каждые несколько секунд и кивать головой с таким благодушием, какое я положительно не в силах описать. Его восхищение не ограничилось часами, а распространилось на все предметы в комнате, и, право же, когда он исследовал их один за другим и в конце концов посидел на всех шести стульях по очереди, дабы испытать, насколько они удобны, я никогда не видывал такого олицетворения добродушия и счастья, какое он являл собой, начиная с блестящей макушки и кончая самой последней пуговицей на гетрах.

Я был бы чрезвычайно доволен и получил бы величайшее наслаждение от его общества, останься он со мной на целый день, но мои возлюбленные часы, начав бить, напомнили ему, что он должен откланяться. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему еще раз, как он меня порадовал, и мы пожимали друг другу руки все время, пока спускались с лестницы.

Не успели мы войти в холл, как моя экономка, выскользнув из своей комнатки (я заметил, что она надела другое платье и чепчик), приветствовала м-ра Пиквика приятнейшей из своих улыбок и реверансом, а цирюльник, притворившись, будто очутился здесь случайно, отвесил ему множество поклонов. Когда экономка приседала, м-р Пиквик раскланивался с величайшей вежливостью, а когда он раскланивался, экономка приседала снова; должен сказать, что, стоя между экономкой и цирюльником, м-р Пиквик поворачивался и раскланивался пятьдесят раз по крайней мере.

Я проводил его до двери; в этот момент за углом переулка проезжал омнибус, и м-р Пиквик его окликнул и побежал с удивительным проворством. На полпути он оглянулся и, видя, что я все еще смотрю ему вслед, остановился, помахивая рукой, — повидимому, в нерешительности, вернуться ли назад и еще раз пожать руку или бежать дальше. Кондуктор закричал,

и м-р Пиквик пробежал несколько шагов по направлению к нему; потом он оглянулся в мою сторону и пробежал несколько шагов назад. Снова окрик, и он опять повернулся и побежал. После ряда таких колебаний кондуктор разрешил вопрос, схватив м-ра Пиквика за руку и втащив его в экипаж, но последнее, что м-р Пиквик успел сделать, это — опустить окно и, отъезжая, помахать мне шляпой.

.....

II

Дальнейшее сообщение о госте мастера Хамфри

Нетрудно догадаться, что я, памятуя о заявлении м-ра Пиквика и весьма польщенный оказанной мне честью, сообщил об этом своим трем друзьям, которые единогласно высказались за его принятие в нашу корпорацию. Все мы ждали с некоторым нетерпением того дня, когда он вступит в число членов нашего общества, но я жестоко ошибаюсь, если Джек Редберн и я сам не оказались самыми нетерпеливыми.

Наконец настал этот вечер, и в начале одиннадцатого раздался стук м-ра Пиквика в парадную дверь. Его провели в комнату нижнего этажа, а я тотчас же взял свой костыль и отправился сопровождать его наверх, дабы он был представлен со всеми почестями и соблюдением формальностей.

— М-р Пиквик, — сказал я, входя в комнату, — я рад вас видеть, я радуюсь мысли о том, что это лишь первый из длинной серии визитов в этот дом и вступление к близкой и прочной дружбе.

Сей джентльмен дал подобающий ответ с присущей ему сердечностью и искренностью и посмотрел с улыбкой на двух человек, стоявших за дверью, которых я сначала не заметил; тотчас же я признал в них м-ра Сэмюэла Уэлера и его отца.

Вечер был теплый, однако старший м-р Уэлер был одет в широчайшее пальто, а подбородок закутал большим крапчатым шарфом, какой обычно носят кучера пассажирских карет, находясь при исполнении своих обязанностей. Он был очень румяный и очень толстый, особенно толстыми казались ноги, которые были, новидимому, не без труда втиснуты в сапоги с отворотами. Широкополую шляпу он держал под левой рукой, а указательным пальцем правой руки прикоснулся великое множество раз ко лбу, приветствуя мою особу.

— Очень рад вас видеть в столь добром здравьи, м-р Уэлер, — сказал я.

— Как же, благодарю вас, сэр, — отвечал м-р Уэлер, — ось еще не поломалась. Мыдвигаемся ровным шагом — не слишком налегаем, но с умеренным торможением, — и оно выходит, что мы еще бежим и прибудем регулярно к сроку... Мой сын Сэмивел, сэр, как вы, должно быть, читали в истории, — добавил м-р Уэлер, представляя своего первенца.

Я принял Сэма очень ласково, но не успел он сказать слово, как отец его снова заговорил.

— Сэмивел Веллер, сэр, — начал старый джентльмен, — преподнес мне древний титул деда, который давно уже захирел, и похоже на то, что чуть было совсем не угас в нашей фамилии. Сэми, расскажите историйку об одном из мальчишек — этот-вот анекдот о юном Тони: о том, как он сказал, что обязательно выкурит трубку потихоньку от матери.

— Не можете вы, что ли, помолчать! — сказал Сэм. — Никогда еще я не видывал такой старой сороки, никогда!

— Этот-вот Тони — расчудеснейший мальчишка, — продолжал м-р Уэлер, не обращая внимания на окрик, — такого расчудеснейшего мальчишки я на своем веку не видывал! Из всех прелестнейших младенцев, о каких приходилось мне доселе слышать, включая и тех, которых похоронили малиновки, когда те совершали самоубийство, поев ежевики, не было еще на свете такого, как этот-вот маленький Тони. Он всегда играет с кружкой, вмещающей кварту, — вот что он делает! Смотреть, как он сидит на пороге и делает вид, будто пьет из нее, а потом вздыхает глубоко и курит щепку и говорит: „Теперь я

дедушка“, — смотреть, как он это делает двух лет от роду, лучше, чем смотреть какую бы то ни было комедию. „Теперь я дедушка!“ Он не возьмет кружки, вмещающей пинту, если бы вы ее вздумали подарить ему, — нет, он берет свою квартиру, а потом говорит: „Теперь я дедушка!“

М-р Уэллер был столь потрясен этой картиной, что с ним тут же приключился устрашающий припадок кашля, каковой несомненно привел бы к каким-нибудь фатальным последствиям, если бы не ловкость и расторопность Сэма, который, крепко ухватившись за шарф как раз под отцовским подбородком, начал раскачивать старика с большой энергией, нанося, ему в то же время ловкие удары между лопаток. Благодаря такому любопытному способу лечения м-р Уэллер в конце концов совершенно оправился, но очень раскраснелся и обессилел.

— Теперь он отойдет, Сэм, — сказал м-р Пиквик, который и сам встревожился.

— Отойдет, сэр! — подхватил Сэм, укоризненно глядя на родителя. — Да, он отойдет в скором времени, отойдет окончательно и тогда пожалеет, что это сделал. Ну выдывал ли кто-нибудь такого легкомысленного старикана? Хохочет до судорог перед всем обществом и топчет по полу, словно принес с собой собственный ковер и побился об заклад, что согрет на нем узор к положенному сроку! Через минутку он опять начнет. Ну вот... закатился... Я так и знал!

Действительно, м-р Уэллер, чьи мысли все еще были заняты его скороспелым внуком, начал покачивать головой из стороны в сторону, а смех, действуя, как землетрясение под почвой, вызвал ряд поразительных феноменов, отразившихся у него на лице, груди и плечах, — феноменов тем более устрашающих, что они не сопровождались ни единым звуком. Впрочем, это волнение постепенно улеглось, и после трех-четырех коротких приступов он вытер глаза обшлагом пальто и более или менее спокойно огляделся.

— Прежде чем командир удалится, — сказал м-р Уэллер, — есть один пункт, касательно которого у Сэма имеется вопрос. Пока этот вопрос будет разбираться в этой-вот беседе, быть может, джентльмены разрешат мне удалиться.

— Чего ради вы уходите! — крикнул Сэм, хватая отца за фалды пальто.

— Я никогда еще не видывал такого непочтительного мальчика, как вы, Сэмивел, — ответил м-р Уэлер. — Разве вы не дали торжественного обещания, можно сказать — клятвы, что зададите этот-вот вопрос за меня?

— Ну, что ж, я согласен, — сказал Сэм, — но только если вы не будете меня шпынять, как заметил кротко бык, поворачиваясь к погонщику, когда его подгоняли стрелом к двери мясника. Дело в том, сэр, — продолжал Сэм, обращаясь ко мне, — что он хочет узнать кое-что касательно этой-вот леди, которая состоит у вас эконожкой.

— А что именно?

— Видите ли, сэр, — сказал Сэм, ухмыляясь еще веселее, — он желает знать, не...

— Короче говоря, — решительно вмешался старый м-р Уэлер, у которого пот выступил на лбу, — это-вот старое соданье — вдова или не вдова?

М-р Пиквик от души расхохотался, и я последовал его примеру, заявив решительно, что „моя эконожка целомудренна“.

— Ну вот! — воскликнул Сэм. — Теперь вы удовлетворены. Вы слышите — она целомудренна.

— Она что? — с глубоким презрением переспросил его отец.

— Целомудренна, — повторил Сэм.

Минуты две м-р Уэлер смотрел очень пристально на сына, а затем сказал:

— Не все ли равно, мудрствует она или нет, это не имеет значения. А я хочу знать, вдова эта женщина или не вдова?

— Почему вы заговорили о том, что она мудрствует? — спросил Сэм, совершенно ошеломленный речью своего родителя.

— Не важно, Сэмивел, — серьезно отвечал м-р Уэлер, — мудрствование может быть очень хорошим, оно может быть очень плохим, и женщина может быть ничуть не лучше или ничуть не хуже от того, что она мудрствует, но это не имеет никакого отношения к вдовам.

— Послушайте, — обернувшись, сказал Сэм, — ну, поверит ли хоть кто-нибудь, что человек в его годы может вбить себе в голову, что целомудрие и мудрствование — одно и то же?

— Между ними нет разницы ни на соломинку, — объявил м-р Уэлер. — Ваш отец, Сэми, так долго правил каретой, что уж я знаю свой собственный язык, поскольку речь идет об этом.

Оставив в стороне вопрос этимологический, который не вызывал у старого джентльмена никаких сомнений, его уверили, что экономка никогда замужем не была. Услышав это, он выразил большое удовольствие и просил простить заданный им вопрос, добавив, что не так давно его чрезвычайно напугала вдова, и в результате природная робость у него усилилась.

— Это было на железной дороге, — с пафосом сказал м-р Уэлер. — Я ехал в Бермингем по железной дороге, и меня заперли в закрытом вагоне с живой вдовой. Мы были одни — вдова и я, мы были одни. И думаю я, только потому, что мы были одни и ни одного священника не было, — только потому эта-вот вдова не вышла за меня замуж прежде, чем мы доехали до ближайшей станции. Только подумать, как она начала визжать, когда мы проезжали в темноте под этими тунелями, как она падала в обморок и цеплялась за меня, и как я старался открыть дверь, а дверь была крепко заперта, и нельзя было спастись бегством... Ах, какой это был ужас, какой ужас!

М-р Уэлер был столь удручен этим воспоминанием, что, пока не вытер несколько раз лба, не в силах был ответить на вопрос, одобряет ли он железнодорожное сообщение, — хотя об этом предмете он составил себе вполне определенное мнение, что явствует из ответа, который он в конце концов дал.

— Я считаю, — сказал м-р Уэлер, — что железная дорога — это привилегия не конституционная и насильническая, и очень хотелось бы мне знать, что сказал бы этот-вот старый Картер, который защищал когда-то наши вольности и добился своего, — хотелось бы мне знать, какого он был бы мнения, живи он сейчас на свете, о том, что англичан запирают вместе с вдовами или с кем бы там ни было против их

желания. А то, что сказал бы старый Картер, может сказать и старый кучер, и я утверждаю, что с этой одной точки зрения железная дорога — насилие. Если говорить о комфорте, то где он — этот комфорт, когда вы сидите в кресле, глядя на кирпичные стены или кучи грязи, никогда у трактира не останавливаетесь, никогда стакана эля не видите, никогда заставы не проезжаете, никогда никакой перемены не встретите (и лошадей не меняете), и всегда приезжаете в такое место, если вообще куда-нибудь приезжаете, которое в точности похоже на предыдущее: те же полисмены стоят, тот же проклятый старый колокол звонит, тот же несчастный народ стоит за перилами, ждет, чтобы его пропустили; и все то же самое, кроме названий, которое написано той же величины буквами, как и предыдущее название, и теми же красками. А что касается почета и благородства путешествия, то как они могут быть без кучера? А что такое железная дорога для кучеров и кондукторов, которым иной раз приходится по ним ездить? Надругательство и оскорбление — вот что она такое! А что касается скорости, то как по-вашему, с какою скоростью я, Тони Веллер, прокатил бы карету за пятьсот тысяч фунтов с мили, — плата вперед, прежде чем карета выехала на дорогу? А что касается машины — дрянное, сопящее, скрипучее, хрипящее, пыхтящее, взрывающееся чудовище, всегда запылавшееся, спина блестящая, зеленая с золотым, как у противного жука в этом-вот увеличительном стекле, — что касается машины, которая ночью выплевывает горячие красные угли, а днем черный дым, — то, сдается мне, самое разумное, что она делает, это когда попадется ей что-нибудь на дороге, и она издает этот-вот ужасный вопль, как будто говорит: „Здесь-вот двести сорок пассажиров в самой наивеличайшей опасности, а это-вот их двести сорок воплей в одном!“

Тем временем я начал опасаться, что мои друзья проявят нетерпение, вызванное моим долгим отсутствием. Поэтому я попросил м-ра Пиквика идти со мною наверх, а двух м-ров Уэллеров оставил на попечение экономки, дав ей строгое предписание оказать им самый радушный прием.

III

Часы

Когда мы поднимались по лестнице, м-р Пиквик надел очки, которые до сей минуты держал в руке, поправил галстук, оттянул вниз жилет и сделал ряд других маленьких приготовлений, о которых обычно вспоминают люди, когда должны впервые появиться в незнакомом обществе и хотят произвести благоприятное впечатление. Видя, что я улыбаюсь, он тоже улыбнулся и сказал, что, если бы эта мысль пришла ему в голову прежде, чем он вышел из дому, он несомненно явился бы в лакированных туфлях и шелковых чулках.

— Я бы непременно это сделал, мой дорогой сэр, — сказал он очень серьезно, — я бы выразил свое уважение обществу, отложив в сторону мои гетры.

— Можете быть уверены, — сказал я, — что мои друзья пожалели бы об этом, очень пожалели бы, так как они искренно к ним привязаны.

— Да неужели! — воскликнул м-р Пиквик с явным удовольствием. — Вы думаете, что им нравятся мои гетры? Вы всерьез думаете, что они в какой-то мере отождествляют меня с моими гетрами?

— Я в этом уверен, — ответил я.

— В таком случае, — сказал м-р Пиквик, — это одно из очаровательнейших и приятнейших открытий, какое только я мог сделать!

Я бы не стал записывать этот короткий разговор, если бы он не осветил маленькой черточки в характере м-ра Пиквика, с которой я до сей поры не был знаком. Втайне он гордился своими ногами. Тон, каким он говорил, и взгляд, брошенный им на свои брюки, убеждают меня в том, что м-р Пиквик взирает на свои ноги с весьма невинным тщеславием.

— Но вот и наши друзья, — сказал я, открывая дверь и беря его под руку, — пусть они говорят сами. Джентльмены, представляю вам м-ра Пиквика.

Должно быть, в этот момент м-р Пиквик и я составляли резкий контраст: я спокойно опирался на свой костыль с видом несколько изнеможенным и терпеливым; он — взял меня под руку и раскланивался направо и налево с величайшей легкостью и вежливостью, выражая всей своей физиономией жизнерадостную веселость и добродушие, которые казались безграничными. Разница между нами, должно быть, была еще резче, когда мы приблизились к столу, и любезный джентльмен, принаравливая свой бодрый шаг к моей слабой поступи, старался относиться с величайшим вниманием к моим немощам и в то же время делал вид, будто и не подозревает о том, что я в нем нуждаюсь.

Я познакомил его с каждым из моих друзей по очереди. Прежде всего с глухим джентльменом, которого он рассматривал с большим интересом и приветствовал с величайшей искренностью и сердечностью. Повидимому, у него мелькнуло в тот момент какое-то туманное подозрение, что мой друг, будучи глух, должен быть также и нем, ибо когда последний раскрыл рот, чтобы выразить то удовольствие, какое ему доставила встреча с джентльменом, о котором он столько слышал, м-р Пиквик был приведен в такое замешательство, что я должен был прийти ему на выручку.

Истинным наслаждением было наблюдать его встречу с Джеком Редберном. М-р Пиквик улыбнулся и пожал ему руку, и

посмотрел на него сквозь очки и из-под очков и поверх очков, и кивнул головой одобрительно, а затем кивнул мне, словно хотел сказать: „Это тот самый — вы были совершенно правы“, — а затем повернулся к Джеку и сказал несколько задушевных слов, а потом проделал и повторил все сначала с неподражаемой живостью. Что же касается самого Джека, то он был в таком же восторге от м-ра Пиквика, в каком мог быть м-р Пиквик от него. Никогда, с сотворения мира не встречались еще двое людей, которые могли бы обменяться более горячими и восторженными приветствиями.

Занятно было видеть разницу между этой встречей и последовавшей за ней встречей м-ра Пиквика с м-ром Майльсом. Было ясно, что сей последний джентльмен рассматривал нашего пового члена как некоего соперника в любви Джека Редберна, а кроме того он не раз намекал мне конфиденциально, что, хотя он ни мало не сомневался в почтенности Пиквика — однако считает некоторые его подвиги неподобающими джентльмену солидному и в летах. Не говоря уж об этих основаниях для недоверия, одно из его непоколебимых убеждений заключается в том, что правосудие никогда и ни при каких обстоятельствах не может допустить никакой ошибки; он, стало быть, смотрит на м-ра Пиквика, как на человека, который справедливо поплатился деньгами и покоем за нарушение обещания, данного беззащитной женщине, и утверждает, что вследствие этого он обязан относиться к нему с некоторым подозрением. Эти причины привели к довольно холодному и официальному приветствию, на которое м-р Пиквик отвечал с тем же достоинством и подчеркнутой вежливостью, какие были проявлены другой стороной. Действительно, он принял столь величавую и вызывающую осанку, что я испугался, как бы он не разразился каким-нибудь торжественным протестом или декларацией, а посему усадил его, не теряя ни секунды, в его кресло.

Этот маневр вполне удался. Едва усевшись, м-р Пиквик обозрел всех нас с самым благожелательным видом и в течение целых пяти минут не переставал улыбаться. Наши церемонии интересовали его чрезвычайно. Они не очень много-

численны и не сложны, и описание их можно дать в нескольких словах. Так как о нашем церемониале уже упоминалось в различных местах на этих страницах, а равно и впредь должно упоминаться, то он не требует детального описания.

Собравшись, мы прежде всего обмениваемся рукопожатиями и приветствуем друг друга веселыми и довольными взглядами. Памятуя о том, что мы собираемся не только для того, чтобы способствовать личному нашему благополучию, но с целью внести что-нибудь в общий фонд, мы отнеслись бы к вялому или равнодушному виду кого-либо из членов нашего общества как к своего рода измене. У нас никогда не бывало таких преступников, но если бы таковой оказался, несомненно, ему был бы сделан очень строгий выговор.

По окончании приветствий заводится в молчании почтенная древность, у которой мы заимствуем свое название. Эту церемонию всегда совершает сам мастер Хамфри (быть может, мне позволят прибегать в повествовании о клубе к историческому стилю и говорить о самом себе в третьем лице), который, вооружившись большим ключом, влезает для этой цели на стул. Пока длится эта процедура, Джек Редбери должен находиться в дальнем конце компаты под охраной м-ра Майльса, ибо он, как известно, лелеет некоторые честолюбивые и кощунственные замыслы, связанные с часами, и даже позволил себе заявить, что если бы он мог на день или на два выпутать механизм, то, по его мнению, ему удалось бы его усовершенствовать. Мы прощаем ему такую самопадешиность, принимая во внимание добрые его намерения и соблюдение им почтительного расстояния; на этой последней мере мы настаиваем, опасаясь, как бы он, стремясь усовершенствовать предмет нашего внимания, не повредил тайком какой-нибудь чувствительной его части и не поверг нас всех в смущение и ужас.

Этот порядок доставил м-ру Пиквику величайшее удовольствие и — если это только возможно — возвысил Джека в его добром мнении.

Следующая церемония заключается в том, что мы открываем футляр от часов (ключ от коего находится опять-таки у мастера Хамфри), вынимаем оттуда столько рукописей, сколько

может понадобиться для нашего вечернего чтения, и прячем туда те новые вклады, какие были доставлены со времени нашего последнего собрания. Это делается всегда с особой торжественностью. Затем глухой джентльмен набивает и раскуривает свою трубку, и мы снова занимаем свои места вокруг вышеупомянутого стола, мастер Хамфри исполняет обязанности председателя, — если можно говорить о председателе там, где все находится на одной и той же ступени социальной лестницы, — а Джек — секретаря. Теперь наши приготовления закончены, и мы начинаем беседу на любую тему, какая придет в голову, или же приступаем немедленно к одному из наших чтений. Во втором случае выбранная рукопись вручается мастеру Хамфри, который тщательно разглаживает ее на столе и загибает уголки каждой страницы, чтобы легче было перелистывать; Джек Редбери заправляет светильник маленькой машинкой собственного изобретения, которая обычно его гасит; тем не менее м-р Майлс взирает на это с полным одобрением; глухой джентльмен придвигает свое кресло, чтобы следить за чтением по рукописи или по губам мастера Хамфри, как ему вздумается; а сам мастер Хамфри, озираясь вокруг с величайшим удовольствием и взглянув на свои старые часы, начинает читать вслух.

Лицо м-ра Пиквика во время чтения его рассказа привлекло бы внимание самого тупого человека. Самодовольное покачивание головой и указательным пальцем, когда он потихоньку отбивал такт и исправлял ритм воображаемой пунктуации, улыбка, расплывавшаяся на его лице при каждом шуточном замечании, и лукавый взгляд, который он бросал исподтишка, наблюдая произведенное впечатление, спокойствие, с каким он закрывал глаза и слушал какое-нибудь описание, живая мимика, с какой он мысленно воспроизводил диалог, его мучительное желание, чтобы глухой джентльмен понял, о чем идет речь, и страстная потребность исправлять чтеца, когда тот запинался на каком-нибудь слове в рукописи или заменял его другим, — все это было равно достойно внимания. А когда наконец, после неудачной попытки объясниться с глухим джентльменом посредством ручной азбуки, с помощью

которой он составлял слова, не существующие ни на едином языке, цивилизованном или варварском, он взял грифельную доску и написал крупным шрифтом, по одному слову в строке, вопрос: „Как — вам — это — нравится?“ — когда он это сделал и, протянув доску через стол, ждал ответа, с физиономией просиявшей и похорошевшей от сильного волнения, тогда даже м-р Майльс смягчился и не мог не взглянуть на него благо-склонно и с интересом.

— Мне пришло в голову, — сказал глухой джентльмен, который следил за м-ром Пиквиком и всеми остальными с молчаливым удовольствием, — мне пришло в голову, — сказал глухой джентльмен, выпиная изо рта трубку, — что теперь настал момент занять наше единственное пустующее кресло.

Так как наш разговор естественно перешел на свободное место, то мы охотно прислушались к этому замечанию и вопросительно взглянули на нашего друга.

— Я уверен, — продолжал он, — что м-р Пиквик должен быть знаком с кем-нибудь, кто явился бы для нас приобретением; он должен знать человека, который нам нужен. Прошу нас, не будем терять времени и покончим с этим вопросом. Не так ли, м-р Пиквик?

Джентльмен, к которому был обращен вопрос, хотел было дать устный ответ, но, вспомнив о дефекте нашего друга, заменил такого рода ответ пятьюдесятью кивками. Затем, взяв доску и начертав на ней печатными буквами гигантское „Да“, он протянул ее через стол и, потирая руки и всматриваясь в наши лица, объявил, что он и глухой джентльмен уже прекрасно понимают друг друга.

— Человек, которого я имею в' виду, — сказал м-р Пиквик, — которого в настоящее время я бы еще не осмелился назвать, если бы вы не предоставили мне этой возможности, очень странный старик. Его фамилия — Бембер.

— Бембер! — воскликнул Джек. — Я уверен, что слышал это имя раньше.

— В таком случае я не сомневаюсь, — отвечал м-р Пиквик, — что вы помните его по моим приключениям (я говорю о По-смертных записках нашего старого клуба), хотя о нем упо-

минается лишь вскользь, и, если я не ошибаюсь, он появляется только один раз.

— Совершенно верно, — сказал Джек. — Позвольте-ка... Это — тот человек, который питает исключительный интерес к старым заплесневелым комнатам и Иннам и рассказывает какие-то истории, имеющие отношение к его излюбленной теме... и странную повесть о привидениях... это он?

— Он самый. Так вот, — продолжал м-р Пиквик, понизив голос и говоря таинственным и конфиденциальным тоном, — это весьма необыкновенный и замечательный человек; живет и говорит и смотрит, словно какой-то странный призрак, которому доставляет наслаждение обитать в старых домах; и поглощен этой одной темой, о коей вы только что упомянули, до такой степени, что это поистине изумительно. Удалившись в частную жизнь, я разыскал его, и смею вас уверить, чем чаще я его вижу, тем сильнее воздействует на меня страшное и мечтательное расположение его духа.

— Где он живет? — осведомился я.

— Он живет, — отвечал м-р Пиквик, — в одном из этих скучных, заброшенных старых домов, с которыми связаны все его помыслы и повествования; живет в полном одиночестве и часто проводит взаперти несколько недель подряд. В этом пыльном уединении он предается тем фантазиям, которым давно потворствовал, а когда появляется на людях, или кто-нибудь из внешнего мира приходит навестить его, они попрежнему занимают его мысли и остаются его любимой темой. Пожалуй, я могу сказать, что он начал относиться с уважением ко мне и с интересом к моим визитам — я уверен, что эти чувства он перенесет и на Часы мастера Хамфри, если он хотя раз соблазнится нашим обществом. Я хочу только объяснить вам, что он — странный, одинокий мечтатель — в мире, но не от мира, — и не похож ни на кого из здесь присутствующих так же, как не похож ни на кого из людей, которых я когда-либо встречал или знал.

М-р Майльс выслушал этот отзыв о предлагаемом члене нашего общества с довольно кислой физиономией и, пробурчав, что, пожалуй, тот немножко тронулся, пожелал узнать, богат ли он.

— Я его никогда не спрашивал, — сказал м-р Пиквик.
— Тем не менее вы могли бы знать, сэр, — резко возразил м-р Майльс.

— Быть может, сэр, — сказал м-р Пиквик не менее резко, чем тот, — но я не знаю. Да и в самом деле, — добавил он, вновь обретая обычную свою мягкость, — я не имею возможности судить. Он живет бедно, но это, повидимому, соответствует его характеру. Я никогда не слышал, чтобы он заговаривал о своем материальном положении, и никогда не встречал никого, кто бы имел об этом хоть малейшее представление. Право же, я сообщил вам все, что о нем знаю, и от вас зависит решить, желаете ли вы знать больше или знаете уже вполне достаточно.

Мы единогласно пришли к тому заключению, что нам хотелось бы знать больше; и, в виде компромисса с м-ром Майльсом (который хотя и сказал: „да... о, разумеется... он непрочь знать больше об этом джентльмене... Он не имеет никакого права восставать против воли всех“, и так далее, сомнительно покачал головой и несколько раз произнес „гм!“ с особой выразительностью), было условлено, что м-р Пиквик отправится вместе со мной с вечерним визитом к объекту нашей дискуссии; для этой цели сей джентльмен и я немедленно сговорились встретиться в ближайшее время, причем было указано, что ответственность будет лежать на мне, и я предложу или не предложу ему присоединиться к нам, в зависимости от того, что покажется мне более уместным. Когда был разрешен этот важный вопрос, мы вернулись к часовому футляру (читатель нас уже опередил), и благодаря находящимся в нем рукописям и разговору, ими вызванному, время пролетело быстро.

Когда мы распустили собрание, м-р Пиквик отвел меня в сторону, дабы сказать мне, что он провел чудеснейший и приятнейший вечер. Сделав это сообщение с видом в высшей степени таинственным, он отвел Джека Редберна в другой угол, чтобы сказать ему то же самое, а затем удалился в третий угол с глухим джентльменом и грифельной доской, чтобы повторить свое заверение. Забавно было наблюдать про-

исходившую в нем борьбу — выразить ли и м-ру Майльсу свое дружеское расположение или обойтись с ним со сдержанным достоинством. Раз шесть он с дружелюбным видом подходил к нему сзади и столько же раз отступал, не произнеся ни слова; наконец, когда он наклонился к самому уху этого джентльмена и готов был шепнуть что-то умиротворяющее и приятное, м-р Майльс случайно оглянулся, после чего м-р Пиквик отскочил и сказал с некоторой запальчивостью: „Спокойной ночи, сэр... я хотел пожелать спокойной ночи, сэр... и больше ничего“, — и при этом поклонился и отошел от него.

— Ну, Сэм? — сказал м-р Пиквик, спустившись вниз.

— Все в порядке, сэр, — отвечал м-р Уэлер. — Держитесь крепко, сэр. Сперва правая рука... потом левая... потом сильная встряска, и пальто надето, сэр.

М-р Пиквик последовал этим указаниям и, пользуясь и в дальнейшем помощью Сэма, который дернул за один конец воротника, и старого м-ра Уэлера, который сильно дернул за другой конец, был быстро облачен. М-р Уэлер старший извлек затем большой конюшенный фонарь, который он по прибытии заботливо поставил в дальний угол, и осведомился, желает ли м-р Пиквик, чтобы „фонари были зажжены“.

— Пожалуй, сегодня не надо, — отвечал м-р Пиквик.

— Тогда, с разрешения этой-вот леди, — сказал м-р Уэлер, — мы оставим его здесь к следующему путешествию. Этот-вот фонарь, сударыня, — продолжал м-р Уэлер, протягивая его эконолке, — когда-то принадлежал знаменитому Биллю Блайндеру, который ныне уснувший, как все мы успем в свою очередь. Билль, сударыня, был конюхом и ходил за этими двумя всем известными пегими кобылами, которые возили бристолевскую скорую карету и только под одну песенку и соглашались бежать — о южном ветре и облачном небе, — ее-то и играл кондуктор без передышки всякий раз, как их впрягали. В течение нескольких недель он едва держался на ногах и потерял аппетит, после этого он почувствовал себя очень плохо; вот он и говорит своему приятелю: „Мейти, — говорит, — сдается мне, что я подхожу к столбу не с того боку, и скоро мне крышка. Не говорите мне, что это не

так, — говорит, — я-то знаю, что это так, и позаботьтесь, чтобы мне не мешали, — говорит, — потому что я отложил немножко денег и иду теперь в конюшню писать свою последнюю волю и завещание“. — „Я позабочусь, чтобы никто не мешал, — говорит его приятель, — а вы держите только голову выше, тряхните малость ушами и еще двадцать лет проживете“. Билль Блайндер ничего ему не отвечает, идет в конюшню и там, немного погодя, ложится между двумя пегими и умирает — написав сперва на крышке ящика для овса: „Это последняя воля и завещание Билля Блайнтера“. Они натурально очень изумились и стали искать в соломе, и на сеновале, и где только ни искали, а потом открывают ящик и видят, что он взял да и написал мелом свою волю изнутри на крышке; крышку пришлось снять с петель и отправить в Докторс-Комонс на утверждение, и по этому-вот самому документу этот-вот фонарь, перешел к Тони Веллеру, каковое обстоятельство, сударыня, дает ему цену в моих глазах и заставляет меня просить, если вы будете так добры, о нем особенно позаботиться.

Экономка любезно обещала хранить дорогой м-ру Уэллеру предмет в надежнейшем месте, и м-р Пиквик смеясь удалился. Телохранители следовали бок-о-бок: старый м-р Уэллер был застегнут и закутан от подбородка до сапог, а Сэм засунул руки в карманы и заломил шапку набекрень, упрекая на ходу своего отца за крайнее многословие.

Я был немало удивлен, когда, повернувшись, чтобы идти наверх, встретил цирюльника в коридоре в такое позднее время; ибо его присутствие ограничивается каким-нибудь полчаса, и то по утрам. Но Джек Редберн, который узнает (чутьем, я думаю) обо всех домашних событиях, очень весело сообщил мне о том, что в этот вечер было основано в кухне общество в подражание нашему, под названием „Часы мистера Уэллера“, членом коего был цирюльник, и что он обязуется найти способ знакомить меня со всеми его будущими трудами, после чего я попросил его, как в собственных интересах, так и в интересах моих читателей, сделать это во что бы то ни стало.

.

IV

Часы мистера Уэлера

Оказывается, как только экономка была оставлена в обществе двух м-ров Уэлеров в первый день знакомства, она тотчас же призвала на помощь цирюльника, м-ра Слитерса, который прятался в кухне, ожидая ее зова; непрерывно улыбаясь и со всей возможной любезностью она представила его, как человека, который поможет ей исполнить общественную обязанность — принять почетных гостей.

— Право же, — сказала она, — без м-ра Слитерса я была бы поставлена в очень неловкое положение.

— О неловкости не может быть разговора, сударыня, — сказал м-р Уэлер с величайшей вежливостью, — решительно никакого разговора. Леди, — добавил старый джентльмен, оглядываясь вокруг с видом человека, который устанавливает неопровержимый факт, — леди не может быть неловкой. Натура об этом позаботилась.

Экономка наклонила голову и улыбнулась еще любезнее. Цирюльник, который сутился вокруг м-ра Уэлера и Сэма, страстно желая познакомиться с ними ближе, потер руки и воскликнул: „Слушайте! Слушайте! Весьма справедливо, сэр!“ После чего Сэм повернулся и молча смотрел на него в упор в течение нескольких секунд.

— Я знал только одного, — сказал Сэм, задумчиво устремив взгляд на краснеющего цирюльника, — я знал только одного из вашей профессии, но он стоял дюжины и был прямо-таки предан своему делу!

— Он был известен мягкой манерой брить, сэр, — осведомился м-р Слитерс, — или стрижкой и завивкой?

— И тем и другим, — отвечал Сэм. — Мягкое бритье было его натурой, а стрижка и завивка — его гордостью и славой. Все свои радости он получал от своей профессии. Он тратил все деньги на медведей и вдобавок еще влез из-за них в долги, и они по целым дням рычали внизу в переднем погребе и бессильно скрежетали зубами, а жир их родственников и друзей продавался в розницу в аптекарских банках в цирюльне наверху, а окно первого этажа было украшено их головами, не говоря уже о том, каким для них было ужасным огорчением видеть, как человек шагает целый день взад и вперед по тротуару с портретом медведя в предсмертной агонии, а внизу написано крупными буквами: „Еще одно прекрасное животное было убито вчера у Джинкинсона!“ Как бы то ни было, а они там жили, и Джинкинсон там жил, пока не заболел очень сильно каким-то внутренним расстройством, у него отнялись ноги, и он был прикован к постели, где и лежал очень долго, но даже и в ту пору он так гордился своей профессией, что, как только ему делалось хуже, доктор, бывало, спускался вниз и говорил: „Джинкинсон сегодня утром очень плох, нужно расшевелить медведей“; и в самом деле, как только их расшевелят, и они поднимают рев, Джинкинсон, как бы он ни был плох, открывает глаза, кричит: „А вот медведи!“ и оживает снова.

— Поразительно! — воскликнул цирюльник.

— Ни капельки, — сказал Сэм, — ничего нет хитрее человеческой природы. Однажды доктор сказал ему: „Завтра я по обыкновению наведаюсь утром“, а Джинкинсон хватает его за руку и говорит: „Доктор, — говорит, — сделайте мне одно одолжение!“ — „С удовольствием, Джинкинсон“, — говорит доктор. „В таком случае, доктор, — говорит Джинкинсон, — приходите небритым и разрешите мне вас побрить!“ — „Приду“, — говорит

доктор. „Да благословит вас бог!“ — говорит Джинкинсон. На следующий день приходит доктор, а когда его побрили весьма искусно и регулярно, он и говорит: „Джинкинсон, — говорит, — совершенно ясно, что вам это идет на пользу. Так вот, — говорит, — есть у меня кучер с такой бородой, что у вас на сердце легко станет, когда вы над ней поработаете, и хотя, — говорит, — выездной лакей не может похвастаться бородой, однако он пробует отпустить такие бакенбарды, что бритва будет для них божеской милостью. Если, — говорит, — они будут по очереди смотреть за экипажем, когда он ждет внизу, что вам мешает оперировать их каждый день так же, как и меня? У вас, — говорит, — шестеро ребят, что вам мешает брить им всем головы и всегда их подбривать? У вас есть два помощника в цирюльне внизу, что вам мешает стричь и завивать их, когда вздумается? Сделайте, — говорит, — это, и вы опять будете человеком“. Джинкинсон стиснул доктору руку и начал в тот же день; инструменты он держал у себя на постели, и как только чувствовал, что ему становится хуже, брал одного из ребят, которые носились по дому, с головами, похожими на чистейшие голландские сыры, и снова его брил. Однажды приходит к нему законник писать завещание, и все время, пока он писал, Джинкинсон тайком стриг ему волосы большими ножницами. „Что это-вот за шелканье? — нет-нет, да и скажет законник, — похоже на то, что человеку стригут волосы“. — „Очень похоже на то, что человеку стригут волосы“, — с самым невинным видом говорит Джинкинсон и прячет ножницы. К тому времени, когда законник узнал, в чем дело, он был почти совсем лысый. Таким манером Джинкинсон держался очень долго, но вот однажды зовет он всех детей одного за другим, бреет каждого начисто и целует в макушку; потом он зовет двух помощников и после того, как он их подстриг и завил в самом элегантном стиле, говорит, что ему хотелось бы услышать голос самого жирного медведя, каковую просьбу немедленно исполняют; потом он говорит, что чувствует себя очень хорошо и желает остаться один, а потом умирает, но сначала он самому себе подстригает волосы и делает один завиток на самой середине лба.

Эта история произвела огромное впечатление не только на м-ра Слитерса, но и на экономку, которая проявила такое желание правиться и самой быть довольной, что м-р Уэлер, с видом несколько встревоженным, осведомился шопотом у сына, не зашел ли он слишком далеко.

— Что это значит — „слишком далеко“? — спросил Сэм.

— В этом-вот маленьком комплименте, Сэми, насчет неловкости, которой нет и в помине у леди, — пояснил его отец.

— Уж не думаете ли вы, что она влюбилась в вас по этому случаю? — воскликнул Сэм.

— Бывали и более невероятные вещи, мой мальчик, — хриплым шопотом отвечал м-р Уэлер; — я всегда боюсь пленить неумышленно, Сэми. Знай я, как сделать себя безобразным или неприятным, я бы это сделал, Сэмивел, это лучше, чем жить в этом-вот постоянном страхе!

В тот момент м-р Уэлер не имел возможности останавливаться на тех опасениях, какие его осаждали, ибо непосредственная причина его страхов проследовала вниз по лестнице, извинаясь при этом, что ведет его в кухню, каковую, однако, она вынуждена предложить ему предпочтительно перед своей собственной маленькой комнатой еще потому, что в кухне удобнее будет курить и она находится в ближайшем соседстве с пивным погребом. Сделанные приготовления в достаточной мере свидетельствовали о том, что это были не пустые слова, ибо на сосновом столе находился солидный кувшин элю и стаканы, подле них лежали чистые трубки и обильный запас табаку для старого джентльмена и его сына, а на кухонном шкафу поблизости — большое количество холодной говядины и прочих съестных припасов. При виде этой сервировки м-р Уэлер сначала разрывался между своей склонностью к общительности и предположением, не следует ли рассматривать эту сервировку как показатель уже совершившегося пленения, но вскоре он уступил своим природным побуждениям и не спеша, с очень веселым лицом уселся за стол.

— Что касается поглощения этой-вот сорной травы, сударыня, в присутствии леди, — сказал м-р Уэлер, беря трубку

и снова кладя ее на стол, — то этого быть не может. Сэмивел, полное воздержание, будьте так любезны.

— Но я это очень люблю, — сказала экономка.

— Нет, — возразил м-р Уэлер, качая головой, — нет!

— Честное слово, люблю, — сказала экономка. — М-р Слитерс знает.

М-р Уэлер кашлянул и, несмотря на подтверждение цирюльника, сказал снова: „Нет“, но менее энергически, чем раньше. Экономка зажгла кусок бумаги и настояла на том, чтобы своими прекрасными руками поднести его к трубке. М-р Уэлер сопротивлялся; экономка кричала, что обожжет пальцы; м-р Уэлер уступил. Трубка была зажжена, м-р Уэлер сделал хорошую затяжку и, поймав себя на том, что улыбается экономке, тотчас же изменил выражение лица и строго посмотрел на свечку, с твердым решением никого не пленять и у других не поощрять мыслей о пленении. Из этого сурового расположения духа его вывел голос сына.

— Мне кажется, — сказал Сэм, который курил с большим хладнокровием и удовольствием, — что, если леди согласна, было бы для нас четверых очень кстати основать наш собственный Клуб, вроде того, который командиры устроили наверху, и пусть он, — Сэм указал мундштуком трубки на своего родителя, — будет председателем.

Экономка любезно заявила, что эта самая мысль уже приходила ей в голову. Цирюльник сказал то же самое. М-р Уэлер ничего не сказал, но положил свою трубку, словно в припадке вдохновения, и приступил к следующим маневрам.

Растегнув три нижних пуговицы жилета и приостановившись на секунду, чтобы насладиться свободным притоком воздуха, вызванным этой процедурой, он энергически ухватился за свою часовую цепочку и медленно и с величайшим трудом извлек из кармана огромные серебряные часы с двойной крышкой, которые вылезли вместе с подкладкой кармана, и для того, чтобы их отцепить, м-р Уэлер затратил много сил и очень раскраснелся. Вытащив их наконец благополучно, он открыл наружную крышку и завел их ключом соответствующих размеров, затем снова закрыл крышку и, приложив к уху часы

с целью убедиться, что они идут, сильно ударили ими несколько раз по столу, чтобы улучшить ход.

— Вот, — сказал м-р Уэлер, кладя их на стол диффер-блатом вверх, — вот название и эмблема этого-вот общества. Сами, придвиньте сюда те два табурета вместо свободных стульев. Леди и джентльмены, часы м-р Уэлера заведены и сейчас идут. К порядку!

Дабы придать силу этому воззванию, м-р Уэлер, пользуясь часами как председательским молоточком и заметив с большой гордостью, что повредить им ничто не может, а всякого рода падения значительно повышают качество механизма и помогают регулятору, стукнул по столу несколько раз и объявил общество формально учрежденным.

— И чтобы никто у нас не посмеивался над председателем, Сэмивел, — сказал Уэлер своему сыну, — или я запру вас в погреб, а тогда мы можем запутаться в том, что американцы называют „фикс“, а англичане — вопросом привилегий.

Сделав это дружеское предостережение, председатель с большим достоинством расположился в своем кресле и предложил м-ру Сэмюэлу рассказать какую-нибудь историю.

— Я одну уже рассказал, — отвечал Сэм.

— Очень хорошо, сэр, расскажите другую, — возразил председатель.

— Мы только что рассуждали, сэр, — сказал Сэм, поворачиваясь к м-ру Слитерсу, — о дирижерах. Продолжая развивать эту-вот плодотворную тему, я вам расскажу коротко романтическую историю еще об одном дирижере, которой вы, быть может, никогда не слышали.

— Сэмивел! — сказал м-р Уэлер, снова вызывая резкое столкновение между своими часами и столом, — обращайтесь со своими замечаниями к председателю, сэр, а не к частным индивидам.

— А если мне разрешат сказать к порядку заседания, — сказал кротким голосом дирижер и, оглядываясь вокруг с примирительной улыбкой, перегинулся через стол, опираясь на него суставами левой руки, — если мне разрешат сказать к порядку заседания, я бы заметил, что „дирижеры“ не совсем

соответствуют тому выражению, которое приятно и успокоительно для наших чувств. Вы, сэр, поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что есть в словаре такое слово, как „парикмахеры“.

— Да, но предположите, что он не был парикмахером, — оставил Сэм.

— Ну тогда, Сэм, будьте парламентарны и тем более называйте его так, — возразил его отец. — В каком-нибудь другом месте каждый джентльмен — почтенный, а здесь каждый цирюльник — парикмахер. Когда вы читаете речи в газетах и видите, что один джентльмен говорит о другом: „почтенный член, если он разрешит мне назвать его так“, вы понимаете, сэр, что это значит: „если он разрешит мне поддерживать этот-то приятный и общий самообман“.

Обычное явление, подтвержденное историей и опытом: великие люди возвышаются вместе с обстоятельствами, в которые они поставлены. М-р Уэлтер в роли председателя проявил такую одаренность, что Сэм сначала не мог говорить и ухмылялся от изумления, которое сковало его умственные способности, а затем издал протяжный и однотонный свист. Мало того — старый джентльмен как будто даже самого себя крайне изумил, о чем свидетельствовал тихий и сдвинутый смех, которым он услаждал себя после того, как сделал эти отчетливые замечания.

— А вот и история, — начал Сэм. — Жил когда-то молодой парикмахер, который открыл очень славную маленькую лавку с четырьмя восковыми куклами в витрине — два джентльмена и две леди; у джентльменов синие точки вместо бороды, очень большие бакенбарды, огромная шевелюра, необыкновенно светлые глаза и удивительно розовые ноздри, у леди — голова, сложенная к плечу, правый указательный палец на губах, а формы прекрасно развиты, и в этом последнем отношении леди пользовались преимуществом перед джентльменами, которым разрешено было иметь только очень маленькие плечи, а дальше они заканчивались довольно неожиданно замысловатой драпировкой. Было у него также много головных и зубных щеток, выставленных в витрине, аккуратные стеклянные ящики на

прилавке, наверху комната для стрижки, выстланная вошпанкой, и весы в лавке, как раз против двери; но главной приманкой и украшением были куклы, и этот-вот молодой парикмахер постоянно выбегал на улицу поглядеть на них и постоянно подбегал к ним, чтобы приукрасить их и навести лоск; короче говоря, он так гордился ими, что, когда наступало воскресенье, он всегда грустил и печалился, думая о том, что они закрыты ставнями, и с нетерпением ждал по этому случаю понедельника. Одна из этих кукол была его любимицей предпочтительно перед другими, а когда его спрашивали, почему он не женится, — особенно часто спрашивали знакомые молодые леди, — он, бывало, говорил: „Ни за что! Никогда! Я, — говорит, — не свяжу себя узами брака, пока не встречу с молодой женщиной, которая осуществит мою мечту об этой-вот прекрасной кукле с белокурыми волосами. Тогда, но не раньше, я, — говорит, — соглашусь приблизиться к алтарю!“ Все его знакомые молодые леди, у которых были темные волосы, говорили ему, что это грешно и что он поклоняется идолу, а те, которые хоть чуточку походили цветом на куклу, очень сильно краснели и, как было замечено, находили его очень милым молодым человеком.

— Сэмвел, — важно сказал м-р Уэлер, — один из членов этого общества принадлежит к этому-вот нежному полу, о котором только что упоминалось, и потому я должен просить, чтобы вы не делали никаких замечаний.

— А разве я их делаю? — осведомился Сэм.

— К порядку, сэр! — возразил м-р Уэлер с суровым достоинством; затем отец заслонил в нем председателя, и он добавил обычным своим тоном: — Сэмвел, погоняйте!

Сэм обменялся улыбками с экономкой и продолжал:

— Молодой парикмахер делал это признание не больше полугода, а потом встретил молодую леди, которая была точной копией прекрасной куклы. „Ну, — говорит он, — все кончено. Я — раб!“ Молодая леди оказалась не только копией прекрасной куклы, она была очень романтична, так же, как молодой парикмахер, и он сказал: „О! Вот общность симпатий, вот изливание души! Вот, — говорит, — обмен чувствами!“ Молодая леди, ко-

нечно, сказала немного, но выражалась приятно, и вскоре после этого пришла навестить его с их общим другом. Парикмахер бежит ей навстречу, но она, увидев кукол, меняется в лице и начинает ужасно дрожать. „Посмотрите, моя милая, — говорит парикмахер, — вот еще изображение в моем окне, но здесь оно не лучше, чем в моем сердце!“ — „Мое изображение!“ — говорит она. „Ваше!“ — отвечает парикмахер. „Ну, а это чье изображение?“ — спрашивает она, показывая на одного из джентльменов. „Ничье, моя милая, — говорит он, — это только мечта.“ — „Мечта!“ — кричит она: — Это портрет, я чувствую, что это портрет, и это-вот благородное лицо должно принадлежать военному!“ — „Что я слышу!“ — говорит он, взъерошивая свои кудри. „Вильям Гибс, — говорит она очень твердо, — никогда не возвращайтесь к этому разговору. Я, — говорит, — уважаю вас, как друга, но мои чувства направлены на это мужественное чело.“ — „Это, — говорит парикмахер, — регулярный провал, и в нем я усматриваю перст судьбы. Прощайте!“ С этими словами он врывается в лавку, отбивает кукле нос щипцами для завивки, растапливает ее в камине и с тех пор никогда не улыбается.

— А молодая леди, м-р Уэлер? — осведомилась экономка.

— Видите ли, сударыня, — отвечал Сэм, — убедившись, что судьба питала злобу против нее и всех, с кем она имела дело, она тоже никогда не улыбалась, а читала много поэзии и чахла — довольно медленно, потому что она до сих пор не умерла. Понадобилось очень много поэзии, чтобы убить парикмахера, а кое-кто и сейчас говорит, что он попал под колеса больше по вине джина с водой; быть может, виноваты тут обе причины, и произошло это от смешения того и другого.

Цирюльник заявил, что м-р Уэлер рассказал одну из интереснейших историй, какую ему когда-либо приходилось слышать, и это мнение вполне разделяла экономка.

— Вы женатый человек, сэр? — осведомился Сэм.

Цирюльник ответил, что он не удостоился этой чести.

— Вероятно, собираетесь жениться? — спросил Сэм.

— Право, не знаю, — отвечал цирюльник, потирая руки и ухмыляясь. — мне это кажется мало вероятным.

— Это плохой признак, — заявил Сэм: — если бы вы сказали, что намерены на этих днях жениться, я бы считал вас в безопасности. Ваше положение очень ненадежное.

— Во всяком случае, я понятия не имею об опасности. — возразил цирюльник.

— И я не имел, сэр, — вмешался старший м-р Уэлер. — У меня были точь-в-точь такие же симптомы. Этак я дважды попался. Будьте настороже, мой друг, или вы пропади.

Было нечто столь торжественное в этом предостережении, — как в содержании его, так и в тоне. — а также в том, как м-р Уэлер устремил пристальный взгляд на ничего не подозревавшую жертву, что сначала никому не хотелось говорить и, быть может, захотелось бы не скоро, если бы экономка не вздохнула случайно, каковой вздох отвлек внимание старого джентльмена и вызвал галантный вопрос: „нет ли какой-нибудь острой занозы в этом-вот маленьком сердечке?“

— Ах, боже мой, м-р Уэлер! — смеясь, воскликнула экономка.

— А, может быть, что-нибудь волнует его? — продолжал старший джентльмен. — Всегда ли оно было суровым, всегда ли противилось счастью человеческих существ? А? Что?

В этот критический момент, вызвавший у нее румянец и смущение, экономка обнаружила, что пет больше элю, и поспешила отправиться за ним в погреб, в сопровождении цирюльника, который настоял на том, чтобы нести свечу. Посмотрев ей вслед с весьма самодовольной миной, а ему вслед — с некоторым презрением, м-р Уэлер начал медленно обводить глазами кухню, пока наконец они не остановились на сыне.

— Сами, — сказал м-р Уэлер, — я не доверяю этому цирюльнику.

— Почему? — спросил Сэм. — Какое вам до него дело? Нечего сказать — хороший вы человек: сначала выдумываете всякие ужасы, а потом отпускаете комплименты и говорите о сердцах и занозах!

Обвинение в галантности, повидимому, доставило м-ру Уэлеру величайшее удовольствие, ибо он отвечал голосом, пре-

рывающимся от сдержанного смеха, так что слезы выступили у него на глазах:

— А разве я говорил о сердцах и занозах, разве я говорил, Сэми, а?

— Не говорили? Ну, конечно, говорили.

— Ей это невдомек, беды в этом нет, никакой опасности нет. Сэми, она только мудрствует. А она как будто осталась довольна, верно? Ну, конечно, она осталась довольна, это естественно, должно быть, очень естественно.

— Он этим чванится! — воскликнул Сэм, веселясь вместе с отцом. — Он и в самом деле чванится!

— Тс!.. — отозвался м-р Уэлтер, принимая спокойный вид. — Они возвращаются, маленькое сердечко возвращается. Но вы заметьте еще раз эти мои слова и вспомните их, когда ваш отец скажет, что он их произносил: Сэмивел, я не доверяю этому-вот фальшивому цирюльнику.

Мастер Хамфри из своего угла с часами у камина

На третий или четвертый вечер после учреждения „Часов мистера Уэлера“ мне послышался, когда я гулял по саду, голос самого м-ра Уэлера где-то недалеко, и, приостановившись раза два, чтобы прислушаться внимательнее, я убедился, что звуки доносились из маленькой комнаты моей экономки в задней половине дома. В то время я не обратил внимания на это обстоятельство, но на следующее утро оно послужило темой для разговора между мной и моим другом Джеком Редберном, и я убедился, что мой слух меня не обманул. Джек сообщил мне следующие подробности, и так как он, повидимому, повествовал о них с необычайным удовольствием, то я попросил его на будущее время записывать те домашние сценки или происшествия, какие его позабавят, чтобы они были изложены в собственном ему стиле. Должен признаться, что так как м-р Пиквик и он постоянно бывают вместе, то я, обращаясь к нему с этой просьбой, руководствовался тайным желанием узнать что-нибудь об их встречах.

В тот вечер, о котором идет речь, комната экономки была приведена в порядок с особенным старанием, а сама экономка очень нарядно одета. Эти приготовления были, однако, рассчитаны не только на внешний эффект, ибо был приготовлен чай

на три персоны и устроена маленькая выставка варенья и сладкого печенья, возведшая о каком-то исключительном событии. Мисс Бентон (моя экономка носит эту фамилию) также находилась в состоянии сильного возбуждения, часто подходила к парадной двери, с беспокойством выглядывала в переулок и несколько раз сообщала служанке, что ждет гостей и боится, как бы их что-нибудь случайно не задержало.

Наконец скромный звонок рассеял ее опасения, и мисс Бентон, убежав в свою комнату и захлопнув за собой дверь, чтобы иметь такой вид, будто ее застигли врасплох, что является столь необходимым для вежливого приема гостей, улыбаясь, ждала их появления.

— Добрый вечер, сударыня, — сказал старший м-р Уэлер, постучав, а затем заглянув в дверь, — боюсь, что мы пришли с маленьким опозданием, но этот молодой жеребенок отличался норовом, закусывал удила, бросался в сторону и путался в постромках столько раз, что если его скоро не объезжат, он мне разобьет сердце, а тогда его будут выводить на прогулку только для того, чтобы он обучался азбуке по надписи на могильной плите его деда.

С такими патетическими словами, адресованными к чему-то, находившемуся за дверью и поднимавшемуся на два фута шесть дюймов от земли, м-р Уэлер представил очень маленького мальчика, твердо стоявшего на паре крепких ножек, которого, казалось, ничто не могло свалить. Не говоря уже об очень круглом лице, сильно напоминавшем лицо м-ра Уэлера, и толстенькой фигуре точь-в-точь такого же сложения, как у него, этот юный джентльмен, стоя с широко раздвинутыми ногами, как будто привыкшими к сапогам с отворотами, подмигнул экономке своим младенческим глазом, подражая деду.

— Вот он, дрянной мальчишка, — сказал м-р Уэлер, приходя в восторг, — вот он, безразличный Тони! Видал ли кто-нибудь маленького мальчугана четырех лет и восьми месяцев от роду, который бы подмигивал незнакомой леди?

Так же мало тронутый этим замечанием, как и первым призывом к его чувствам, мастер Уэлер поднял руку, в которой держал маленькую модель кучерского бича, и, обратившись к

экономке с пронзительным: „Ий-хок!“, осведомился. „собра-
лась ли она в путь“. Услыхав такое удачное применение урока,
которому его внука обучали с младенчества, м-р Уэлер не мог
сдерживать дольше свои чувства и тут же подарил ему два
пенса.

— Что толку отрицать, сударыня? — сказал м-р Уэлер. —
Этот-вот мальчишка пришелся по сердцу своему деду и перегнал
всех мальчишек, какие были или будут. Хотя в то же время,
сударыня, — добавил м-р Уэлер, стараясь глядеть сурово на
своего любимца, — это было очень нехорошо, когда он хотел
перелезть через все тумбы, мимо которых мы проходили,
и очень жестоко, когда, поджав ноги, он заставлял дедушку
переносить его через каждую тумбу. Он ни одной един-
ственной не пропустил, сударыня, а в этом переулке их стоит
сорок семь в ряд и очень близко друг от друга.

Тут м-р Уэлер, чье горделивое чувство, внушаемое ему
подвигами внука, постоянно враждовало с сознанием его соб-
ственной ответственности и необходимости внедрять в него
моральные истины, разразился приступом смеха, но, вдруг сдер-
жавшись, заметил суровым тоном, что маленькие мальчики, ко-
торые заставляют своих дедушек переносить их через тумбы,
никогда и ни за что на свете не попадут на небо.

Тем временем экономка приготовила чай, и маленький
Тони, сидевший рядом с ней на стуле — причем глаза его
находились почти на одном уровне со столом, — получил раз-
ные вкусные вещи, доставившие ему чрезвычайное удоволь-
ствие. Экономка (которая как будто поблизвалась ребенка, хотя
и ласкала его) погладила его по голове и объявила, что это
самый чудесный мальчик, какого ей случалось видеть.

— Да, сударыня, — сказал м-р Уэлер, — не думаю, что вы
много таких увидите, уж это правда. Но если бы мой сын Сэ-
мивел сделал по-моему, сударыня, и сиял с него... могу я
произнести это слово?

— Какое слово, м-р Уэлер? — спросила экономка, слегка
краснея.

— Юбку, сударыня, — отвечал этот джентльмен, кладя руку
на платье своего внука. — Если бы только мой сын Сэмивел, су-

дарыня, снял с него вот это, вы бы увидели такую перемену в его наружности, какую и вообразить невозможно.

— А как бы вы хотели одеть ребенка, м-р Уэлтер? — спросила экономка.

— Я несколько раз предлагал моему сыну Сэмивелу, сударыня, — сказал старый джентльмен, — приобрести за мой собственный счет костюм, который бы сделал из него человека и сформировал его мозг в младенчестве для тех занятий, которым, надеюсь, семейство Веллеров всегда будет предано. Тони, мой мальчик, расскажите леди, какой это костюм отец должен вам купить, как говорил дедушка.

— Белая шапочка и жилетик с разводами и короткие полосатые штанишки и сапожки с отворотами и зеленая курточка с блестящими пуговичками и бархатным воротничком, — ответил Тони залпом и с большой готовностью.

— Вот какой костюм, сударыня, — сказал м-р Уэлтер, с гордостью взирая на экономку. — Сделайте из него такую модель, и вы скажете, что он ангел!

Быть может, экономка подумала, что в таком наряде юный Тони будет похож скорее на ангела в Ислингтоне, чем на какого бы там ни было другого ангела, или, может быть, она смутилась, убедившись, что все прежние ее представления потревожены, ибо ангелов не принято изображать в сапогах с отворотами и жилетах с разводами. Она недоверчиво кашлянула и ничего не сказала.

— Сколько у вас братьев и сестер, мой милый? — спросила она, помолчав.

— Один брат и ни одной сестры, — ответил Тони. — Его зовут Сэм, и так же зовут моего отца. Вы знаете моего отца?

— О, да, я его знаю, — ласково сказала экономка.

— Мой отец вас любит? — продолжал Тони.

— Надеюсь, — ответила улыбающаяся экономка.

Тони секунду подумал, а потом спросил:

— Мой дедушка вас любит?

Казалось бы, на этот вопрос очень легко ответить, но вместо того, чтобы так и поступить, экономка в большом смуще-

нии улыбнулась и сказала, что, право же, дети задают такие удивительные вопросы, что с ними чрезвычайно трудно разговаривать. М-р Уэлер ответил за нее, что он очень любит леди, но когда экономка взмолилась, чтобы он не вбивал ребенку в голову таких вещей, м-р Уэлер покачал своей собственной головой, пока экономка смотрела в другую сторону, и, казалось, был встревожен предчувствием, что пленение идет своим чередом. Быть может, потому-то он и переменял вдруг разговор.

— Очень нехорошо, когда маленькие мальчики потешаются над своими дедушками, не правда ли, сударыня? — сказал м-р Уэлер, шутливо качая головой, пока Тони не взглянул на него, после чего он изобразил на своем лице глубочайшее уныние и скорбь.

— О, очень печально! — согласилась экономка. — Но, и надеюсь, ни один мальчик этого не делает?

— Есть один молодой турок, сударыня, — сказал м-р Уэлер, — который, увидев, как его дедушка выпил лишнее по случаю дня рождения друга, начал расхаживать по дому, качаясь и спотыкаясь и делая вид, будто он и есть этот старый джептльмен.

— Ах, какой стыд! — воскликнула экономка.

— Да, сударыня, — подтвердил м-р Уэлер, — а перед тем, как это сделать, этот-вот молодой предатель, о котором я рассказываю, щиплет себя за свой носик, чтобы он покраснел, а потом икает и говорит: „Все в порядке, — говорит, — спойте-ка нам еще!“ Ха!-ха! „Спойте-ка, — говорит, — нам еще!“ Ха-ха-ха!

Вне себя от восторга м-р Уэлер совсем позабыл о своей моральной ответственности, пока маленький Тони не начал болтать ногами и не воскликнул с неудержимым смехом: „Это был я, это был я!“ После чего дедушка, с трудом овладев собою, стал опять чрезвычайно серьезен.

— Нет, Тони, не вы, — сказал м-р Уэлер. — Надеюсь, это были не вы, Тони. Должно быть, это был этот-вот нехороший мальчишка, который выходит иной раз из пустой караульной будки за угол, — тот самый мальчишка, которого поймали, когда он стоял на столе перед зеркалом и делая вид, будто бреется ножом для открывания устриц.

— Надеюсь, он не порезался? — осведомилась экономка.

— Он-то порежется, сударыня? — гордо отвечал м-р Уэлер. — Господь с вами, этому-то мальчугану вы можете доверить чуть ли не паровую машину, такой он смышленный малыш... — но вдруг опомпившись и заметив, что Тони прекрасно понял и оцепил комплимент, старый джентльмен застонал и объявил, что „все это было очень, очень скверно“.

— Да, он нехороший, — продолжал м-р Уэлер, — этот-вот мальчик из караульной будки, он поднимает такой шум и возню во дворе, поит деревянных лошадей и кормит их травой, и вечно вываливает своего братца из тачки, и до смерти пугает свою мать как раз в тот момент, когда она собирается подарить ему на счастье еще одного товарища для игр. О, он очень нехороший! Он даже до того дошел, что заставил своего отца сделать ему бумажные очки, надел их и разгуливает по саду, заложив руки за спину, — представляет м-ра Пиквика, — но Тони таких вещей не делает, о нет!

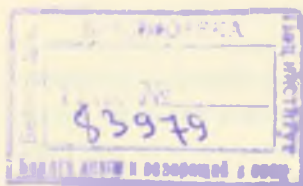
— О нет! — подхватывает Тони.

— Уж он-то не так глуп, — продолжал м-р Уэлер, — он знает, что если он вздумает заниматься такими играми, никто не будет его любить, и дедушка в особенности даже смотреть на него не захочет. Вот почему Тони всегда хороший.

— Всегда хороший, — подхватил Тони, а дедушка тотчас же посадил его к себе на колени, поцеловал и в то же время, кивая и подмигивая, лукаво указал большим пальцем на голову ребенка, чтобы эконожка, которая в противном случае могла быть введена в заблуждение прекрасным мастерством, с каким он (м-р Уэлер) провел свою роль, не предположила, что речь идет о каком-то другом юном джентльмене, и ясно поняла, что мальчик из караульной будки является лишь плодом воображения и двойником самого Тони, придуманным для его усовершенствования и исправления.

Не ограничиваясь одним только словесным описанием способностей своего внука, м-р Уэлер, по окончании чаепития, подстрекнул его, с помощью нескольких пенсов и полупенсов, курить воображаемые трубки, пить несуществующее пиво из настоящих кружек, без стеснения представлять дедушку и — что самое главное — изобразить выпившего, что привело ста-

рого джентльмена в экстаз и преисполнило экономку изумлением. Но даже этим спектаклем гордость м-ра Уэлера не была удовлетворена, ибо он, распрощавшись, понес ребенка, словно какую-то редкую и изумительную диковинку, сначала к цирюльнику, а потом к табачнику, и у того и у другого повторил свое представление, произведя чрезвычайное впечатление на аплодирующих и восхищенных зрителей. В половине десятого видели, как м-р Уэлер нес его домой на плече, и шопотом распускали слух, что в это время младенец Тони был в состоянии некоторого опьянения.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

1. К странице 20	16— 17
2. К странице 56	56— 57
3. К странице 96	96— 97
4. К странице 108	112—113
5. К странице 130	128—129
6. К странице 176	176—177
7. К странице 185	184—185
8. К странице 194	192—193
9. К странице 200	208—209
10. К странице 228	232—233
11. К странице 257	256—257
12. К странице 336	336—337
13. К странице 340	352—353
14. К странице 354	360—361

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА XXXI, которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим	5
ГЛАВА XXXII описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную м-ром Бобом Сойсером в его квартире в Баро	24
ГЛАВА XXXIII. М-р Уэлер старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюэла уплачивает часть долга преподабному джептямену с красным посом	41
ГЛАВА XXXIV целиком посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе: Бардль против Пиквика	61
ГЛАВА XXXV, в которой м-р Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бапт, и поступает соответственно	91
ГЛАВА XXXVI, содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о припде Блейдеде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее м-ра Уинкля	110
ГЛАВА XXXVII правдиво объясняет отсутствие м-ра Уэлера, описывая soirée, на которую он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как м-р Пиквик доверил ему интимное поручение, деликатное и важное	124
ГЛАВА XXXVIII о том, как м-р Уинкль, сойдя со сковороды, вошел тихо и мирно в огонь	140

ГЛАВА XXXIX. М-р Сэмюел Уэлер, удостоившись романтического поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом, — обнаружится дальше	157
ГЛАВА XL знакомит м-ра Пиквика с повой и небезынтересной цепой в великой драме жизни	175
ГЛАВА XLI. Что произошло с м-ром Пиквиком, когда он попал во Флинт, каких заключенных он там увидел и как он про- вел ночь	190
ГЛАВА XLII, доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой песни, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление м-ра Пиквика м-ру Сэмюелу	205
ГЛАВА XLIII, повествующая о том, как м-р Сэмюел Уэлер попал в затруднительное положение	222
ГЛАВА XLIV повествует о разных мелких событиях, происшедших во Флинте, и о таинственном поведении м-ра Уинкля и рассказывает о том, как бедный арестант Капцлерского суда был наконец освобожден	239
ГЛАВА XLV, повествующая о свидании м-ра Сэмюела Уэлера со своим семейством. М-р Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкасаться с ним в будущем	255
ГЛАВА XLVI сообщает о трогательном и деликатном поступке, не лишнем остроумия, задуманном и совершенном фирмой Додсона и Фога	275
ГЛАВА XLVII посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фога. М-р Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах. Духовная доброта м-ра Пиквика одерживает верх над его упрямством	287
ГЛАВА XLVIII, повествующая о том, как м-р Пиквик с помощью Сэмюела Уэлера пытался смягчить сердце м-ра Бенджамна Элена и укротить гнев м-ра Роберта Сойера	301
ГЛАВА XLIX, содержащая историю дяди торгового агента	316
ГЛАВА L. Как м-р Пиквик отпирался исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника	336

ГЛАВА LI, в которой м-р Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих, облеченных властью общественных мужах	353
ГЛАВА LII, повествующая о важном событии в семействе Уэлера и о безвременном падении красноносого м-ра Стигинса	370
ГЛАВА LIII, которая повествует об уходе со сцены м-ра Джингля и Джоба Тротера и о знаменательном деловом утре в Грейз-Ипп-сквере и которая заканчивается стуком в дверь к м-ру Перкеру	384
ГЛАВА LIV содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и иные материи, среди коих интересное разоблачение, касающееся м-ра Сподграса и молодой леди, отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании	399
ГЛАВА LV. М-р Соломон Пель с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела старшего м-ра Уэлера	417
ГЛАВА LVI. М-р Пиквик и Сэмюел Уэлер ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета	431
ГЛАВА LVII, в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию	446
Часы мастера Хамфри (отрывки) (приложение)	455
I. Гость мастера Хамфри	457
II. Дальнейшее сообщение о госте мастера Хамфри	465
III. Часы	471
IV. Часы мистера Уэлера	481
V. Мастер Хамфри из своего угла с часами у камина	482
Перечень рисунков в томе II	499

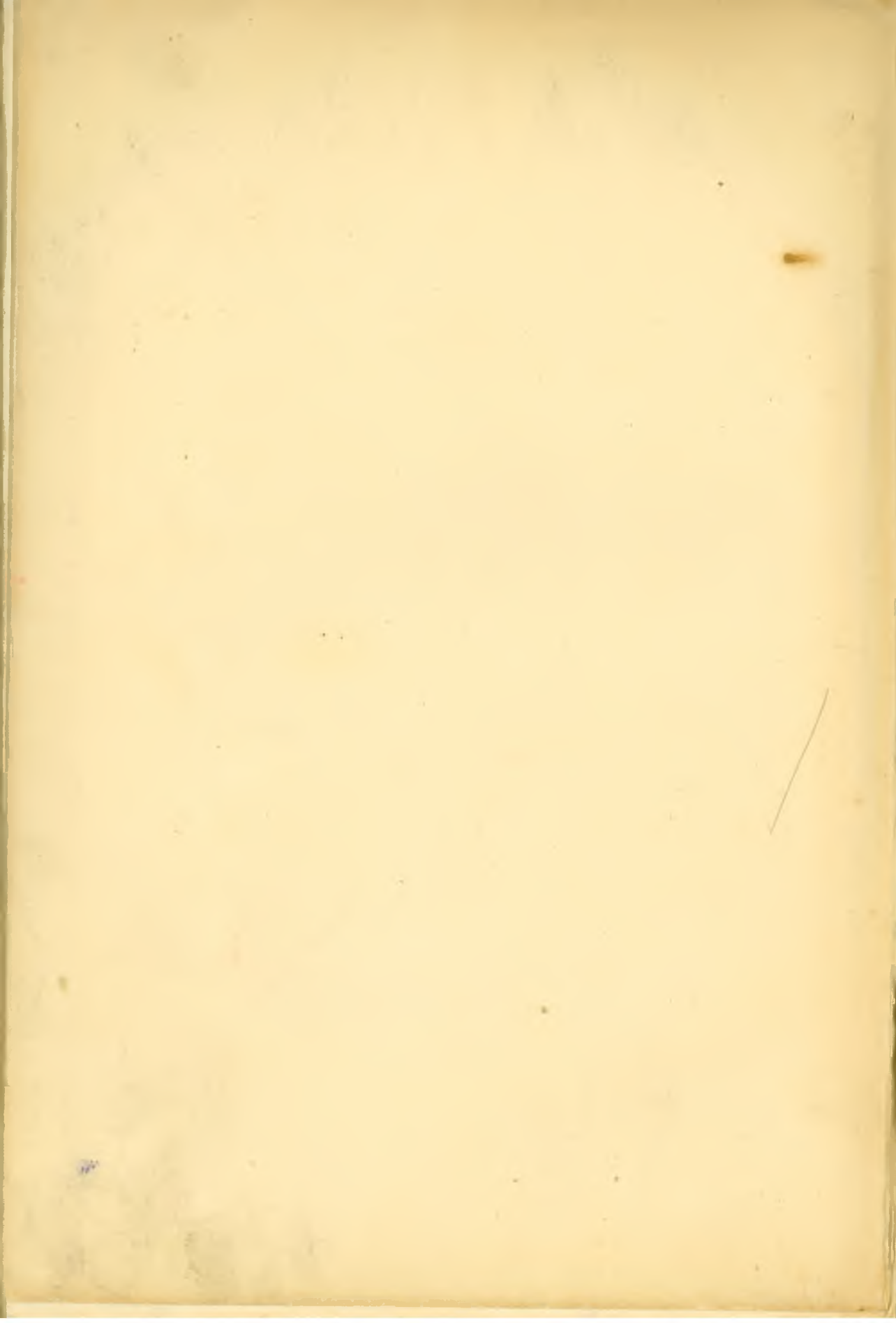
Редактор И. Т. Смилга
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Литерат.-тех. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Выпуск И. А. Подсухин
Наблюдение за производством
М. И. Козлов

Сдана в набор 5. XI 1932.
Подпис. к печати 20. VI 1933.
Выпущена в свет 6 IX 1933.
Тир. 10 300. Уп. Главл. Б-21077
Зак. тип. 4259. Ас. 27. Инд.
А-1. Ав. л. 25,5. П. л. 22+
15 вклад. Бум. 74×105¹/₁₆.
Тип. зн. на 1 бум. л. 71040.

Отпечатано в 1-й Образцовой
типографии Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига»
Москва, Воровая, 28

Цена Р. 12 —

Перепл. Р. 3 —

2013

